

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

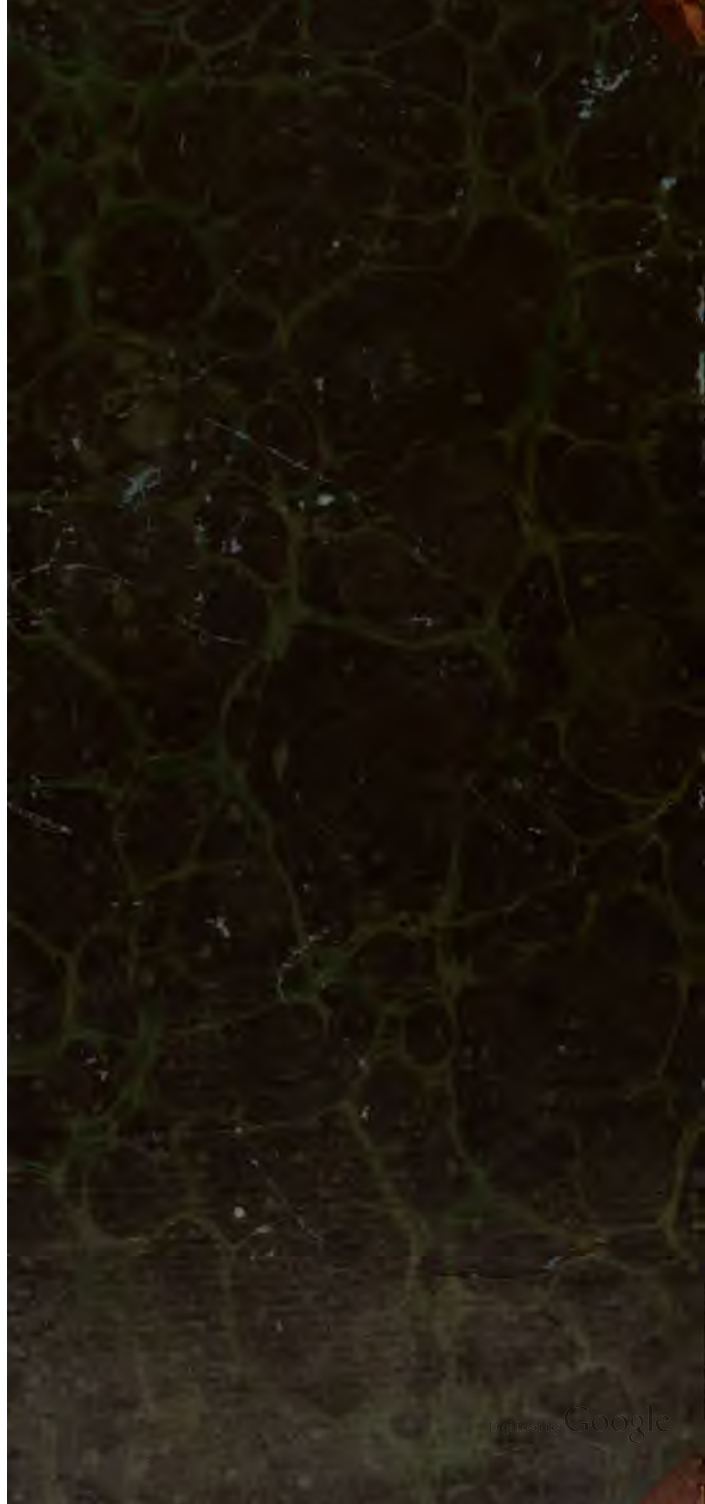
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

И С Т О Р І Я
РУССКАГО НАРОДА.

V.

Полевой, Н. А.
"

ИСТОРИЯ РУССКАГО НАРОДА.

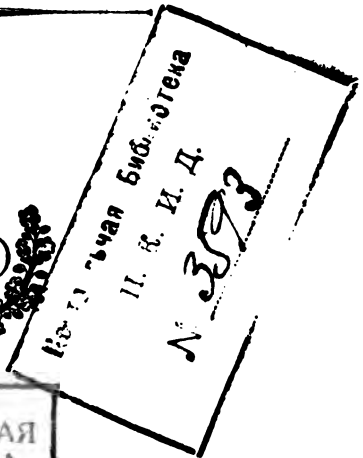
СОЧИНЕНИЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.
X

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

НИИД
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.

1833.

ke

Digitized by Google

№ 3893

С

ДК. 40

Р625

v. 5

П Е Ч А Т А Т Ъ   П О З В О Л Я Е Т С Я
съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи представлены
были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Мо-
сква, Апрѣля 22 дня 1833 года.

*Цензоръ, Заслуженный Профессоръ, Дѣйст-
вительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Двигубскій.*

ИСТОРИЯ РУССКАГО НАРОДА.

КНИГА V.

ОТЪ УТВЕРЖДЕНІЯ *Великаго Княжества* за княжествомъ *Московскимъ*, или отъ кончины Князя *Іоанна Калиты*, до образованія политической самобытности *Русскаго Государства*, или кончины *Великаго Князя Іоанна III-го* (съ 1341-го до 1505-го года): *вторая половина владычества Ташаръ надъ Русью.*

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Г л а в а I. Основная идея Русской Исторіи, въ первой половинѣ Монгольскаго владычества. Москва, Единовластіе, Удѣлы, Новгородъ, Липва, Монголы. Великое Княжество оспается въ родѣ *Калиты* и въ *Москвѣ*. Симеонъ, достойный преемникъ умнаго родителя. Полишика его съ Ордою, Липвою и Новгородомъ. *Черная Смерть*. Алексій Митрополисъ—великій Священитель и государственный человекъ. Русь пользуется бѣдствиями Орды, и укрѣпляетъ свою самобытность. Олгердъ, Князь Липовскій, опасный сосѣдъ Руси. Недоумѣніе въ дѣлахъ послѣ смерти Симеона; кратковременный переходъ Великокняжества въ Суздальскую область.

Г л а в а II. Послѣдній переходъ Великаго Княжества въ Москву, и въ родѣ *Калиты*. Димитрій Іоанновичъ, В. К. Московскій, смѣло властвуетъ Русскими Князьями. Алексій Митрополисъ душа дѣла и совѣтовъ. Вражда съ Тверью, и при похода Липовцевъ къ Москвѣ. Твердость Москвы при сихъ тяжкихъ обстоятельствахъ, копорыя только укрѣпляютъ ее. Начало открытой борьбы съ Монголами. Оскорбленіе Орды поступками Руси. Мамай, умирившій на время орды Монголовъ, хочетъ сломить Русь однимъ ужаснымъ ударомъ. Рѣшительныя мѣры Руссовъ. Кончина Алексія Митрополиса. *Куликовская битва*. Торжество и слава Димитрія.

Г л а в а III. Характеръ Димитрія. Противоположность событій до 1378 года, и опъ сего времени до кончины Димитрія. Куликовская битва не ведетъ за собой ожидаемыхъ послѣдствій. Причины сего. Нашествіе Тохтамыша. Ужась Руси. Рабство Монголамъ продолжается, съ прежними его бѣдствиями и униженіемъ. Но Димитрій полагаетъ основаніе силъ Москвы, уничтоженію Удѣльныхъ Князей, защитѣ опъ Липвы, покоренію Новгорода и наследственному единовластію. Отношенія Москвы къ Ордѣ, послѣ нашествия Тохтамыша. Дѣла съ Новгородомъ. Кончина Димитрія.— Липва соединена съ Польшею. Смятенія въ Русской Церкви. Отношенія Смоленска къ Липвѣ. Новгородъ. Частныя событія.

Глава IV. **Василій**, сынъ Димитрія, покорствуя Монголамъ, усиливаетъ Великое Княжество Суздальскъ. Удачныя обстоительства и благоразумная, хитрая политика дѣлаютъ Василія Димитріевича замѣчательнымъ укрѣпителемъ Руси. Орда и Литва — *Тармеландъ* и *Витовтъ* — два губительные челоуѣка, отъ которыхъ спасаетъ Русь Провидѣніе. Послѣднія усилія Орды бытъ грозною владычицею Руси — *Эдигей*. Церковныя и внутреннія дѣла. Отношенія Василія къ Русскимъ Князьямъ, Новгороду и Пскову. Василій утверждаетъ Великокняжество въ своемъ родѣ.

Глава V. **Василій Васильевичъ** — суровый, скрытный и хитрый властитель. Двадцати-семилѣтняя борьба его съ дядею Юріемъ, и съ дѣтьми Юрія, за наследованіе Великимъ Княжествомъ; безчеловѣчіе сей борьбы — ослѣпленіе Василія Юрьевича, ослѣпленіе Василія Васильевича, оправданіе Димитрія Юрьевича Шемяки. Смерть Витовта; безопасность Руси отъ Литвы. Орда дѣлится на *Крымъ* и *Казань*; остатки *Сарайской Золотой Орды*. Бѣдствія Василія оканчивающіяся въ пользу Москвы.

Глава VI. Послѣдніе годы княженія Василіева: быстрое уничтоженіе Удѣльной системы. Послѣдній періодъ самобытности Новгорода. Послѣдніе остатки удѣловъ. Новые Удѣлы дѣшей Василія. Кончина его. Отношенія къ Греціи, Ордѣ и Литвѣ.

Глава VII. **Іоаннъ Васильевичъ, Великій Князь Тихое**, мирное начало его владычества. — Обширные замыслы Іоанна. Неожиданное развитіе пайныхъ его помѣщений. Дѣла двадцати лѣтъ: униженіе Казани, дружба съ Крымомъ, хитрая политика съ Золотою Ордою и Литвою; уничтоженіе Новгородской вольности; супружество съ Софією Палеологъ и родство съ потомствомъ Греческаго Императора. Паденіе Новгорода. Конецъ Золотой Орды. Крымъ поставленъ врагомъ Литвы и защитою Руси. Уничтоженіе удѣловъ двухъ братьевъ Іоанна. Покушеніе на остальныхъ удѣлы. Іоаннъ презираетъ мнѣніе людей, не понимающихъ мудрыхъ его дѣланій.

Глава VIII. Торжество Іоанновой политической системы. Уничтоженіе удѣльной власти Тверскихъ,

Ярославскихъ, Ростовскихъ Князей, и братьевъ. Иоанна. Иоаннъ властвуемъ Казанью. Сношенія съ Европою и Азією. Художества и Знанія въ Россіи. Дворское устройство. Внутреннія учрежденія. Свадьба старшаго сына Иоаннова. Война съ Швецією; ссоры съ Ливонією. Сношенія съ Крымомъ; отношенія къ Литвъ. Супружество Александра, владѣтеля Литвы, съ Еленою, дочерью Иоанна.

Глава IX. Семейственныя несогласія и бѣдствія государственныя, омрачающія старость Иоанна. Димитрій, внукъ его, объявленъ наследникомъ престола. Война съ Литвою. Война съ Ливонією. Иоаннъ возвращаетъ право наследства второму сыну своему Василию. Возстаніе Казани. Дряхлость и кончина Иоанна.

Симеонъ Иоанновичъ *Гордый*—Димитрій Иоанновичъ *Домской*, сынъ его Василий, внукъ Василий *Темный*, правнукъ Иоаннъ III-й—Алексій Митрополитъ — Михаилъ Александровичъ Тверской—Олегу Князь Рязанскій—Димитрій Константиновичъ Суздальскій, и дѣти его Василий Кирдяпа и Симеонъ—Юрій Димитріевичъ, и дѣти его Василий *Косой* и Димитрій *Шемака*—Василій Ярославичъ Боровскій—Владиміръ Андреевичъ *Хрибрый*, Иоаннъ Андреевичъ Можайскій, братъ его Михаилъ Верейскій—внукъ Иоанна III-го Димитрій, и Иоаннъ, сынъ Шемяки—Митрополиты Кипріанъ, Θεогностъ и Іона—Бояринъ Иоаннъ Димитріевичъ Всеволожъ—Вассіанъ, Архіепископъ Ростовскій и Федоръ Басенокъ—Князь Даніилъ Холмскій—Марѳа Посадница и Новгородскіе ея поварища — Василий и Θεофилъ, Архіепископы Новгородскіе—замѣчательнѣйшіе представители сего періода.

ИСТОРИЯ

РУССКАГО НАРОДА.

—***—

Г Л А В А I.

Таинственное будущее безвѣстно, невѣдомо человѣку. Но кто, безъ всякаго приспасія разсмапривая наблюдашельнымъ окомъ *Россійское государство*, не скажешъ, что Россіи предоспавлена *будущность великая*? Если скажешъ онъ сіе, смотря на настоящую Географію и Эпнграфію нашу, еще болѣе убѣдишъ его въ эшомъ *Исторіи* Русскаго народа. Періодъ Монголовъ въ Исторіи Русской заключаешъ въ себѣ *вторую* важную задачу, для вывода о будущей судьбѣ Россіи: *первую* находимъ мы въ началѣ и жизни Руссовъ до XIII-го вѣка.

Будущая судьба Русской земли должна совершашся опдѣльно опъ жребія другихъ Европейскихъ государствъ, когда, начавшись одинаково съ ними, сія земля разъединялась опъ

нихъ вѣрою, правами, Испорією своею, въ шеченіе *четыре*хъ вѣковъ (1). Будущее Русской земли должно бытъ велико, когда она заняла собою между шѣмъ обширное пространство между Европою и Азією, переходила свой особенный Средній вѣкъ, время Феодализма и вольныхъ городовъ, по подобію Европы, но по образу Азіи.

Что-же *Монгольскій* періодъ?

Его огромность изумляетъ, его быспроша заспавляетъ сомнѣваться въ истинѣ прешедшихъ въ немъ событій. Говоря опредѣленно, мы не можемъ сказать, что *Русь спасла Европу отъ Монголовъ*. Нѣтъ! Европа шѣмъ была спасена отъ Азіи, въ лицѣ Монголовъ спремившейся на Западъ, что царство Чингисово образовалось по законамъ Азійскихъ завоевательныхъ государствъ, и Испорія онаго совершалась разрушительно почти съ самаго своего начала (2). Но неоспоримо, что Русь, или лучше сказать, пространство земель, издревле ей предназначенное — степи Черноморскаго Юга и лѣса Балтійскаго Сѣвера — послужили раздѣлительною чертою Азіи отъ Европы (3). Наполнивъ пошомъ сіе про-

(1). Ист. Русск. народа, т. II, стр. 15, и слѣд.

(2) Ист. Р. Н. т. IV, стр. 25 и 151.

(3) Ист. Р. Н. т. I, стр. 22, IV, стр. 164.

стра всшо общеспвенною жизнью, Русь служила орудіемъ разрушенія Азійскаго образованія, приближавшагося къ Европѣ и въ Европу: она ошодвинула его снова въ глубь Азіи.

Сии дѣйствія сосшавляютъ собспвенно вшорую половину Монгольскаго періода, или *сладыгества Татарь надъ Русью*: вшорая половина еспь именно опкрышая борьба Европы и Азіи, Духа и Вещеспвенности, Природы и Человѣка, Русса и Монгола, Сѣвера, посредника Европы Западной, и Воспока, вспомошесствуемаго Югомъ Азіи, двигавшагося на Западъ—*Мугаммеданства и Христіанства*, скажемъ наконецъ однимъ выразительнымъ словомъ.

Въ первой половинѣ, когда Воспокъ двинулся на Западъ, мы видѣли *Сѣверь* и предспавишеля его *Русса*, падшихъ прежде всѣхъ другихъ подѣ исполинскою силою Воспока; видѣли, что пошомъ, въ печеніе болѣе нежели сна лѣпшъ (съ 1236-го до 1340-го года), зашягошѣла надъ нимъ неподвижность громадъ Азійскимъ деспотизмомъ и рабшвомъ, послѣ спрашнаго взрыва, нашеспвія, означеннаго кровью, огнемъ и мечемъ.

Обѣ половины Монгольскаго періода сливаются однакожь вмѣшѣ, и уже въ первой, съ самаго начала, явилось прошиводѣйспвіе оглушающему удару Азіи. Оно явилось сперва въ уничтоженіи и покорности, оспановившихъ мечъ и опустошенія варваровъ Монгольскихъ; пошомъ,

среди совершеннаго распаденія чѣстей, рѣши-
тельнаго переворота прежняго порядка дѣлъ, и
ниспроверженія быша общественнаго, въ осно-
ваніи новой политической самобытности, кошо-
рой первое, крѣпкое начало положено было въ
Москвѣ — средоточіи новой жизни.

Если въ первомъ періодѣ Руси былъ свой опі-
дѣльный переходъ *Феодализма*, то Монгольскій
періодъ не былъ ли самре для Руси, что
эпоха Крестовыхъ походовъ для Европы? Мысль
сія, съ перваго взгляда, можетъ показаться не
совсѣмъ вѣрною; но она справедлива, и сход-
ство борьбы Руси съ Монголами, и борьбы Ев-
ропы за Гробъ Христовъ, разительна (4).

Тамъ и здѣсь—боролся *Христіанинъ* съ Не-
вѣрнымъ, равно призывая имя Христіанскаго
Бога, умирая въ бивѣ за вѣру; тамъ и здѣсь
велъ его священнослужитель; Священитель Мо-
сковскій былъ по-же, что Первосвященникъ Рим-
скій; Игумень Троицкій и иноки его явили со-
бою Петра Пустынника. Идея вѣры двигала
Руссовъ въ борьбу, съ шого времени, когда съ
возгласомъ: *Господи! помоги рабу твоему!* падъ
въ 1380-мъ году Пересвѣпъ, до шого, когда
съ возгласомъ: *И будетъ едино стадо и единъ*

---

(4) Мы объясняли сію мысль нѣсколько лѣтъ уже
тому (см. Телеграфъ, т. XXXV, стр. 83).

пастырь—взлѣзли на воздухъ спѣны Казанскія, въ 1552-мъ году (5).

Но, какъ Крешовые походы заключали въ себѣ тайныя высшія судьбы Божіи—возрожденіе Европы—а не одно исполненіе желанія благочестиваго: освободишь спѣны Сіонскія, такъ и борьба Руссовъ съ Монголами заключала въ сущности своей не одно освобожденіе Христіанъ отъ ига поганыхъ, но и возрожденіе Руси, составленіе царства, коего будущая судьба была: внести особую стихію духа въ Европу—царства, коему, немедленно послѣ возрожденія его, Византія, умирая въ то время, завѣщала Православную вѣру, Царьградъ, и шипъ Воспочно-Европейскаго образованія.

Вопъ, по нашему мнѣнію, рѣшеніе второй важной задачи, образуемой въ Исторіи Руси Монгольскимъ періодомъ. Таковъ *второй* Историческій выводъ для будущей судьбы Россіи.

Опредѣливъ симъ образомъ основную идею, приспупаемъ мы къ изображенію оспальной, уже болѣе опрадной для сердца, половины періода Монгольскаго. Но прежде, намъ должно сообразить описанную уже нами *первую половину* онаго. Поспараемся извлечь порядокъ событій

(5) Ист. Р. Н. т. V, глава 2, въ описаніи *Кучи-ковской битвы*, и т. VI, глава 3, въ описаніи *взятія Казани*.

изъ безпорядочнаго, по видимому, смѣшенія спрасшей, кровопроливій, крамоль и скорбей, какія видѣли мы въ Исторіи Русскаго народа съ 1236-го по 1344-й годъ.

Главными предметами для созерцанія являюшся намъ здѣсь: уничтоженіе прежняго быша и порядка; то, что было и оспалось при помѣ неизмѣнно, и пережило переходяція, измѣняемыя формы; то, что вещественно производило жизненное движеніе силъ въ обласпяхъ Руси; то, чѣмъ окружена была въ сіе время Русь ошъ Воспока и Запада; наконецъ — соображеніе двухъ крайнихъ почекъ бышія Руси въ первой половинѣ Монгольскаго періода: 1236-го и 1344-го годовъ.

Нигтожества нѣшъ въ мірѣ. Ничшо не уништожаешся, въ полномъ смыслѣ сего слова: все совершаешъ шолько переходы, или, измѣняешся. Измѣненія совершаюшся равно въ духѣ и вещественности, и всегда бываюшъ поспеленны. Но соображая двѣ крайнія почки переходовъ и измѣненій, мы видимъ шакую разницу, что говоримъ о первой почкѣ бышія въ ошношеніи къ послѣдней: *она уништожилась*. Разсмоприше Русь при смерти Ярослава Владиміровича (1054 г.), и Русь при кончинѣ Мспислава Удалаго (1228 годъ), и вы скажете: Русь Ярославова уже не сущесшвовала, *уништожилась*, въ началѣ XIII-го вѣка. Такъ Русь временъ Мспислава Удалаго не

существовала во времена Иоанна Калики (1328 годъ). Прошло *сто лѣтъ*; ея уже *не было*.

Что видѣли мы *прежде* (1228-й годъ)? — На западѣ борьбу съ Польшею и Венгріею за Русскія обласни; споръ за Кіевъ на югѣ; вражду Олегова и Мономахова рода; спараніе сѣвернаго и южнаго Великокняжества покоривъ себѣ Новгородъ, или, лучше скажашъ, раздоръ власши Князей съ власшю народа въ Новгородѣ; удамы сшибки съ кочующими ордами Половцевъ, полукочевыми Приволжскими народами и дикарями Лишовскими; рѣшеніе споровъ мечемъ, выражаемое словами: *Иди на судъ Божій!*

Теперь (1340-й годъ) что являешся намъ? Борьба западныхъ областей не существуетъ; спора за Кіевъ нѣтъ; на гробахъ Ольги, Владимірка, Мстислава Удалаго, налегаешъ власшъ Польши, Липвы, Монголовъ; Олеговичи и Мономаховичи не враждуютъ: они исчезли съ лица земли; сшибки удамы съ Половцами, Булгарами, Липвою, прекрашились. Съ запада спало сильное, самобышное государство Миндовга и Гедимины; съ востока могущешвенное царство пошомковъ Чингиса: опъ одного надлежало защищашся, другое уничтожашъ. Въмѣсто рѣшенія споровъ мечемъ, явился споръ рабскою крамолюю, и Князья, вмѣсто *суда Божьяго*, говорятъ: « *Иди на судъ Орды.* »

Вопъ измѣняемыя формы. Что-же оспалось не-

измѣнно? *Религія и языкъ*, какъ внутреннее основаніе быша.

Въ религіозномъ чувствѣ сливались сердца и души всѣхъ Руссовъ, горѣлъ свѣшильникъ надежды—подъ мечемъ Ордынскаго палача, и на полѣ битвы съ поганимъ—оспадалась единственная связь съ родною по духу образованія Греціею.

Въ языкѣ Русскомъ заключалось не гибнущее основаніе взаимнаго родства Руссовъ, первый стѣна образованія, Поэзіи, вѣчныхъ испинъ ума и сердца, хоша и сокрытыхъ еще подъ грубою оболочкою.

Изъ вещешвенныхъ основаній не погибли междуособія Князей. Они держались прежней, споль много измѣненій испытавшей, но неизчезнувшей мысли о *Великомъ Княжествѣ*, какъ средствѣ преобладать другими. Родъ Олега испрежнялся; родъ Мономаха удѣлялъ; Юга для Руси не спало; Сѣверъ оспался. Мысль о *Великомъ Княжествѣ* сохранилась на *Сѣверѣ*, въ родѣ *Мономаховомъ*.

Великое Княжество было шакимъ образомъ основою. Прошивъ него высился предметъ прежняго раздора между власшю Князей и власшю народа—Новгородъ. Опдаленіе, дикость и болоша сѣвера защишили Новгородъ отъ Монголовъ; Географическое положеніе доспаляло ему богашства, когда образъ управленія под-

крѣпялъ вольный духъ Новгородцевъ. Богашство и душу Новгородскую прошивопославляли вольные его горожане силѣ и власни Князей Великихъ, безпрерывно учась воевашъ въ битвахъ съ Шведами и Ливонскими Рыцарями.

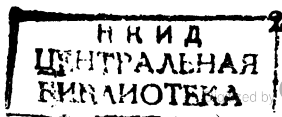
Замѣнивъ междоусобіа рабскою крамолою, Князья собственнo перемѣнили только образъ своихъ дѣйствій. Но въ эпохѣ измѣненіи вѣщности междоусобій должны были рѣшашъ побѣду искусство и умъ, не одна дикая сила.

2082
Какъ-же удивительно сей новый бытъ Руск спалъ между разрушающею самое себя силою Монголовъ и возрасавшею силою Липвы! Руссъ осприлъ мечъ свой о мечъ Липовскій, дабы низложилъ Монгола; онъ низложилъ Монгола, дабы попомъ рѣшилъ споръ между двумя родными народами, спавшими на воспочныхъ краяхъ Европы. Одинъ изъ нихъ былъ ознаменованъ шипомъ религіи и образованія Греціи и Воспока—*Русскій*; другой ознаменованъ шипомъ религіи и образованія Рима и Запада—*Польскій*, съ коимъ слилась Лишва, въ то самое время, когда Руссъ дерзко началъ рѣшашъ вѣковое дѣло свое съ Монголомъ. Сии два народа боролись попомъ цѣлме чепыре вѣка (6).

---

(6) Избраніе Ягелла въ Польскіе Короли въ 1386 г.; начало открышой борьбы Донскаго съ Монголами съ 1376 года. Первый раздѣлъ Польши въ 1773 году.

Томъ V.

Вошь основныя идеи Исторіи Русскаго народа со времени нашествія Монголовъ. Смиъ главнымъ Историческимъ идеямъ, въ удивительной стройности соотвѣтствуютъ всѣ подробности событій первой половины Монгольскаго періода.

Жизнь, послѣ гибельнаго нашествія Башня, началась на сѣверѣ, въ лицѣ *Ярослава*, въ идеѣ *Великаго Княжества*. Туда удалилось и могущество религіи, въ лицѣ *Митрополитовъ*. Почему допустили Монголы сохраниться ошатку общественной жизни Руссовъ, мы уже изъясняли (7). Сія жизнь не могла сосредоточиться на югѣ, въ лицѣ *Даніила*, въ Галичѣ или Кіевѣ: ей надобно было созрѣть въ снѣгахъ сѣверныхъ, въ грубомъ новомъ типѣ образованія, гдѣ равно соединились-бы стихіи Нордманна, Славянина, Грека, Монгола; ей слѣдовало развиться въ срединѣ, не на краю того пространства, которое заняла попомъ *Россія*. Край западный слишкомъ приблизилъ-бы ее къ западной Европѣ; край восточный къ Азіи (8). Она

---

(7) Исп Р Н. т. IV, стр. 164.

(8) Языкъ, нравы, одежда южныхъ Галичанъ и Волинцевъ сдѣлали ихъ болѣе похожими на Поляковъ, нежели на Рускихъ, даже при Даніилѣ и Львѣ. Впослѣдствіи, Волинцы и Галичане не узнавали въ сѣверномъ Руссѣ своего родича. Какое сильное вліяніе Востока опзывается, напротивъ, въ вольныхъ ордахъ

долженствовала прислониться къ сѣвернымъ
льдамъ, шолько облокопиться попомъ на Уралъ
и Карпатъ, и спашь среди народовъ Азіи и Ев-
ропы. Не опираясь еще смѣло на мечъ, новая
жизнь Руси долженствовала состоять въ грубой
спрасни власполюбія, купленнаго цѣною раб-
ства; ей надлежало хипришь передъ своимъ вла-
стипелемъ, угнѣшашь подвласпнаго, не щадить
добра и доблести, и, — посмоприше на рядъ ея
предспавишелей: это совѣтъ не Данилы, не
Гедимины, не Мсшиславы Удамы! Они не дума-
ють о самобытности опизны, о чести народ-
ной; они рабствують, крамольничаютъ, поку-
пають золото прищѣсненіемъ Новгорода и без-
человѣчными пошлинами и продажами; золо-
томъ покупають онъ кровь ближняго; кровью
ближняго покупають владычество ...

Какой кровавый рядъ главныхъ предспавише-
лей Руси, и какъ исчезаетъ при немъ все, что
шолько осмѣливается хопя немного доблество-
вать! *Андрей Ярославичъ, Данилъ Романовичъ,
Димитрій Александровичъ, Михаилъ Ярославичъ,
Александръ Михайловичъ*, едвапокупаются дох-
нуть свободно—гибнутъ! Андрей осмѣливается
подумать о непокорности Монголамъ, Данилъ

Донскихъ и Уральскихъ Казаковъ! Сравните ихъ съ
Малороссійскими, гдѣ преимуществовали Западъ и
Польша.

укрѣпшишъ противъ нихъ города Волинскіе, Димитрій не согласился на истребленіе данниковъ въ Новгородѣ, Михаилъ защитишъ права свои со-
противленіемъ при Боршновѣ, Александръ умер-
швишъ наглаго пришѣснишела Твери, и — Переяславль въ пелль, Андрей какъ безпріютный бѣглець
укриваешся на чужбинѣ; крошкій отецъ спрашно
наказываешъ Димитрія и его сообщниковъ; Бу-
рондай жжешъ города Волинскіе; Михаила и
Александра гоняшъ отовсюду, предаюшъ, шер-
заюшъ въ Ордѣ! Едва Новгородъ осмыливается
спашъ грудью противъ своихъ пришѣснашелей—
Михаилъ Ярославичъ, дошолъ великодушный за-
щитникъ гонимыхъ, пошомъ безспрашный му-
ченикъ, губишъ дружины вольнаго города; едва
Псковъ держаетъ защитишъ бѣглеца Александра—
все противъ него: ему грозяшъ, его воююшъ—
даже его проклипаешъ Церковь! Будешъ еще вре-
мя для доблести, для подвиговъ: шеперь нѣшъ
имъ мѣста. Теперь показывайше великодушіе свое,
Князья Черниговскіе, Тверскіе, Сшародубскіе,
Новосильскіе, Курскіе, Рязанскіе, Брянскіе, шоль-
ко въ мученическомъ шерпѣніи! Теперь еще вре-
мя не ваше: современники видяшъ благодѣшелей
въ шакихъ шолько Князьяхъ, кошорме, какъ
Глѣбъ Росшовскій, женяшся на поганыхъ Ташар-
кахъ; какъ Феодоръ Ярославскій, умѣюшъ кра-
мольничашъ; какъ Андрей Городецкій и Георгій
Московскій, губяшъ родныхъ для власшолубія;

какъ Данилъ Московскій, пользующа бѣдствіемъ ближнихъ ; какъ Олегъ Курскій, Іоаннъ Коршополь, Святославъ Брянскій, безчеловѣчно рѣжущъ брашневъ ; какъ Іоаннъ Калиша дѣйшвующъ скрышною клеветою. . . .

И все во благо ! *Ярославъ Всеволодовичъ*, брашъ его *Святославъ* Всеволодовичъ, дѣши : *Александръ* Ярославичъ, *Ярославъ* Ярославичъ, *Василій* Ярославичъ, въ печеніе первыхъ 20-ти лѣтъ Монгольскаго ига полько рабшвуютъ, и уравнивають повсюду рабшво. Сама Религія Христіанская идешь поклонись въ Орду, довольная шѣмъ, что ей оставили униженное бытіе въ лицѣ духовныхъ владыкъ. Орда не мыслишь о будущности бѣдной Руси; она кипишь, волнуешься смяшеніями. — Но вошь другое поколѣніе : пользуясь волненіями Орды, *Димитрій Александровичъ* споришь съ дядею, ушущаешь, и влашвуешь ; брашъ *Андрей* споришь съ нимъ самимъ, и чешырекрашная перемѣна успѣховъ и неудачъ между двумя брашьями-врагами, переходы Великокняжества, съ 1237 года, изъ Владиміра въ Тверь, Коспрому, Переяславль, производяшь возстаніе самобышности Твери, Ярославля, Суздаля, Коспромы, наконецъ *Москвы*, гдѣ младшій братъ Димитрія и Андрея, *Данилъ*, скрываешь свое упрямое чешполюбіе, пока умираешь Димитрій и слабѣешь Андрей. Данилъ передаетъ пошомъ замысли своимъ дѣ-

пняъ. *Старшій* изъ нихъ , дерзкій , свирѣпый *Георгій* Даниловичъ , представившеть *старшаго* рода Александрова (хотя и ошъ младшей линіи) сибло воспашеть на пошомковъ *втораго* рода , Ярославова (9) ; *Москва* спановишся прошивъ *Твери* , при безмолвіи другихъ поколѣній (ошъ Василя , Константина , Андрея Ярославичей (10). Роды *Константина* и *Святослава Всеволодовичей* уже опвыкли тогда во все ошъ мысли о Великомъ Княжешствѣ (11). Другіе : *Смоленскій* , *Галицкій* , *Рязанскій* , были удалены , или ничпожны . Борьба поколѣній Александра и Ярослава была кровава , свирѣпа , продолжипельна — рѣшилась въ пользу Москвы , и безвозвратно ошдала Великое Княжештво въ родъ младшаго внука Александрова — *Іоанна Даниловича Калиты* (12). Ослѣпленная , распадающаяся Орда еще не предвидишъ бѣды , еще не замѣчаешъ , что уважая *Религію* Руссовъ , она сохранила для нихъ не гибнуцій элементъ духовной жизни ; что оставляя имъ *слово* , помогая суешнымъ раздорамъ Князей Русскихъ , сохранила для Руси полишическое быпіе . Она не знаешъ , что *внукъ Калиты* , губишеля родныхъ , щедрого помонника

---

(9) Ист. Р. Н. Т. IV, глава 4.

(10) п. е. Князей Костромскихъ и Суздальскихъ.

(11) Князья Ярославскіе, Ростовскіе, Юрьевскіе.

(12) Ист. Р. Н. Т. IV, глава IV и V-я.

Хановъ ; обнажишь уже на Орду мечъ ; что *Святитель* , котораго она считаетъ добрымъ слугою своимъ ; одушевишь сего внука на свящую брань... Но , что предвидишь слѣпоша человѣческая въ шайнахъ будущаго !

Все это дѣятельно укрѣплялось , какъ мы выше сказали , припѣсненіемъ и гоненіемъ на Новгородъ . Безспорно : Москву должно почестъ колыбелью возрожденія Руси ; но ее возмелѣла въ пеленахъ *Новгородская* воля . Разсмотрише , что дѣлалъ каждый Князь , рѣшишельно каждый : Александръ , Ярославъ , Василій , Димитрій , Андрей , Михаилъ , Георгій , Іоаннъ — лишь только приобрѣшалъ Великоекняжество ? Ссорился съ Новгородцами , припѣснялъ ихъ , заставлялъ Вѣче вольнаго города волноваться , защищать себя золошомъ , усупкою , упорствомъ , мечемъ . Новгороду надлежало наконецъ пасъ въ неравной битвѣ , но пасъ тогда только , когда Москва — предсавишель новаго періода въ Исторіи народа Русскаго — побѣдишь Монгола , и перестанешъ бояшся Липовца (13) . И для сего надлежало родишся въ Москвѣ человѣку , выше Калишы умомъ и духомъ : *Іоаннъ III* — такъ-же превышалъ *Іоанна Калиту* , какъ превышала Москва его времени , укрѣдленная Си-

---

(13) *Ист. Р. Н. т. IV, глава V.*

неонотъ, Динишрїентъ, и двумя Васильми, Москову времяъ Калиши.

Повѣствованіе наше будетъ ошесѣ увлекашельнѣе для вниманія : его начнутъ освѣщать сильныя характеры, его возвысятъ событія, далеко превосходящія своимъ объемомъ всѣ мѣлкія происшествія отъ Ярослава Всеволодовича до Калиши. Но начало сихъ характеровъ, сихъ событій, скрывается въ происшествіяхъ Русскихъ далѣе на цѣлый вѣкъ, и предложенное нами разсмотрѣніе *первой половины Монгольскаго періода* доказываетъ, какъ несправедливо осуждаютъ на безсмысліе и ничтожество сіе несчастное время, не видя вѣрной связи его съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Не будетъ-ли справедливо, если мы назовемъ Іоанна Калишу первымъ основателемъ, а крамольнаго Андрея Городецкаго первымъ начинателемъ новой жизни Русскаго народа?

Мы заключили повѣствованіе наше кончиною Іоанна Калиши, едва только успѣвшаго унизиши Тверь, едва только наложившаго руку на Ярославъ и Ростовъ; замыслившаго низложити Новгородъ своею крѣпкою волею, и обезопасившаго себя отъ Орды. Московскій Кремль, окруженный еще деревянными стѣнами, принялъ въ нѣдра свои останки Іоанна; дѣлалъ передаю свое небольшое наслѣдіе и свои обширныя начала и предиріяшя. Миниромія уже

постоянно основалась въ Москвѣ. Переяславль , Владиміръ , Коломна , Можайскъ , присовокупились къ Москвѣ , прочнымъ образомъ , но все еще они принадлежали ей какъ мѣсто пребыванію *Великаго Князя*. Мы видѣли , что Калиша не смѣлъ завѣщать Владиміра и Переяславля дѣтямъ своимъ. Въ Ордѣ царствовалъ Ханъ Узбекъ. Въ Липвѣ , раздѣленной на удѣлы , не спало великаго Гедимина.

Все сосредоточивалось теперь для Русскихъ земель въ рѣшеніи одного важнаго вопроса : *кому достанется Великое Княжество , и въ Москвѣ-ли ославашься ему ?*

Сей вопросъ былъ нерѣшимъ для Руссовъ. Конечно , *Симеонъ Іоанновичъ* , зять Гедимина , сынъ Калиши , въ лучшихъ лѣшахъ юности и надежды , превывавшій другихъ Князей объемомъ владѣній , приближенный къ престолу Великокняжескому умомъ и дѣлами опца , власпитель города , гдѣ пребывалъ Мишпрополишь , имѣлъ , само по себѣ разумѣется , болѣе вещественныхъ средствъ , былъ издавна ознакомленъ съ Ордою опцомъ , и могъ болѣе другихъ надѣяться. Симеона прозвали *Гордымъ*. Изъ сего заключаемъ о спрогомъ , важномъ характерѣ сего Князя , умершаго въ полномъ развѣтїи жизни (14). Сво-

---

(14) Прозваніе Симеона сохранилось въ Лѣтописяхъ и Родословныхъ книгахъ.

имъ пвердимъ благоразуміемъ , онъ оправдалъ надежды , какія могъ полагашъ на него опецъ. Но все это не рѣшало вопроса о Великокняжесвѣ. Такъ думали два Русскіе Князя : попомокъ другаго поколѣнія Князей Ярославова рода, *Князь Суздальскій Константинъ Васильевичъ*, угнетенный Калипою , и попомокъ шрепьяго поколѣнія Князей Ярославова рода, *Князь Тверской Константинъ Михайловичъ*, съ юности истышанный несчасціями. Оба сіи Князя имѣли при шомъ болѣе правъ и пошому , что однимъ колѣномъ были спарѣ, дядья Симеона (15).

Симеонъ не хошѣлъ уступашъ никому. Въ одно время съ нимъ явились къ Узбеку Князь Тверской и Князь Суздальскій. Узбекъ рѣшилъ въ пользу Симеона. Къ чеспи двухъ его соперниковъ , скажемъ , что они не думали спорить, уступили племяннику , не хошѣли войдши и въ сношенія съ Новгородцами , хопя ссора съ ними , не прекращенная смерпію , Иоанна , могла подашъ случай къ крамолѣ. Симеонъ былъ возведенъ на Великокняжескій пресполъ въ соборной Владимірской церкви , но онъ оспался и по-

---

(15) Констаншинъ Тверской находился при кончинѣ родишеля его въ Ордѣ (См. Исп. Р. Н. т. IV, глава IV). Симеонъ былъ *правнукъ* Александра Невскаго; но Констаншинъ Суздальскій *внукъ* брата его Андрея, а Констаншинъ Тверской *внукъ* другаго брата его, Ярослава.

слѣ того княжишь въ Москвѣ (16). Избраніе его рѣшило конечный перевѣсъ Москвы : все , чѣмъ владѣла Москва , какъ *мѣстопребываніе Великаго Князя*, укрѣпилось для нея двѣнадцатилѣтнимъ правленіемъ Симеона. Привыкли видѣшь Владимірѣ и Переяславль за Москвою , привыкли видѣшь въ Москвѣ Великаго Князя , а привычка въ дѣлахъ государственныхъ иногда важнѣе правъ и усшавовъ.

Симеонъ хотѣлъ покорности родныхъ братьевъ : юные Князья , *Іоаннъ и Андрей* , были приведены имъ къ опцовскому гробу въ Архангельскомъ соборѣ , цѣловали крестъ , при Архимандришахъ и сановникахъ Московскихъ (Тысяцкомъ и Окольничихъ) , клялись : признавашь Великаго Князя старѣйшимъ , какъ отца ; бышь съ нимъ за одинъ ; дружишь съ его друзьями , враждовашь съ его врагами ; взаимно , не заключаешь договоровъ безъ общаго согласія , ни ему , ни имъ ; не слушаешь смупниковъ , блюсиши другъ другу свои особенные Удѣлы , при жизни и по смерти одного кошораго либо изъ братьевъ ; не лишаешь Боярѣ свободы переходить опъ одного Князя къ другому . Но братья Симеона обязались не принимаешь къ себѣ какого-шо знашнаго крамольника *Алексія Петровица* (вѣрояшно Тысяцкаго Московскаго) , на кошораго Симеонъ

---

(16) Ист. Г. Р. Т. IV, прим. 331.

возвергъ гнѣвъ , и у кошораго опиналъ онъ по-мѣспья. За то Вел. Князь далъ брашьямъ учаски изъ опинашаго у Алексѣя Пешровича имѣнія. Объячаясь воевашъ за одно съ Симеономъ, брашья усшупали ему при спаршинспвѣ разные доходы, а Симеонъ опдалъ имъ за шо *поль-тамги* Московской, дѣля, за симъ исключеніемъ, поровну, на шрое , всѣ Московскіе доходы (17).

Ушвердивъ союзъ съ брашьями, Симеонъ, первый изъ Князей Русскихъ, назвался *Великимъ Княземъ всея Русси* (18), и немедленно хощѣлъ показашъ пвердоспъ характера своего Новгороду. Не ссылаясь съ непокорнымъ Вѣчемъ, онъ

(17) *Собр. Гос. грамотъ*, ш. I, № 23 й. Договоръ Симеона еспъ древнѣйшій изъ извѣспныхъ доселѣ актовъ государспвенныхъ, писанныхъ на *бумагѣ*. *Алексѣй Петровичъ*, Тысяцкій Московскій, былъ неизвѣсптно кѣмъ убишъ въ 1357 году, ш. е. черезъ 4 года послѣ кончины Симеона, и убишъ, вѣрояшно, по волѣ Великаго Князя (*Троицк. Лѣт. Испор. Г. Р. ш. IV*, прим. 381). Великіе Князья посшоянно спарались уничтожашъ сей важный санъ; Алексѣй Пешровичъ могъ сдѣлашъся опаснымъ при слабомъ Іоаниѣ, хоща и не имѣлъ уже сего сана. Въ договорѣ Симеона упоминается Тысяцкій Василій — вѣрояшно: *Васильевичъ Вельяминовъ*; онъ скончался въ 1374 г., и съ нимъ уничтожилось званіе *Тысяцкихъ Московскихъ*.

(18) На печати, приложенной къ его завѣщанію, находится сей шишуль.

пославъ намѣспниковъ въ Торжекъ, и собравъ шамъ большую дань съ жипелей. Торжковцы просили помощи Новгорода. Пославъ сказашъ Симеону: «Ты не *усѣдѣлъ* еще на княженіи у насъ, а уже посылаешъ Бояръ своихъ своевольничашъ,» Новгородцы прислали въ Торжекъ воеводъ Новгородскихъ. Намѣспники Симеонови были схвачены, скованы, брошены въ шюрмы, съ женами ихъ и съ дѣшми. Симеонъ велѣлъ сбирашъ войско. Испуганные Торжковцы молили Новгородъ прислашъ на защипу ихъ дружины. Съшуя, можешъ бышъ, въ шо время на великомъ пожарищѣ своемъ, Новгородцы не захошѣли *сѣсть на конь* (19). Симеонъ двинулся съ войскомъ. Спасая себя, Торжковцы возспали на своихъ собспвенныхъ Бояръ, разграбили ихъ дома, да же убили одного изъ нихъ, Симеона Внучка, собрали народное вѣче, насильно вывели изъ шюрмы намѣспниковъ Московскихъ и прогнали Бояръ Новгородскихъ. Великій Князь встрѣченъ былъ въ Торжкѣ покорно и ласково. Новгородцы опомнились, стали сбирашъ дружины, но, гошовась къ войнѣ, прислали Владыку Василя и Тысяцкаго просишъ мира. Симеонъ согласился, взялъ 4000 рублей за Торжковскій сборъ, и признанъ былъ Новгородцами, оставивъ

---

(19) О пожарѣ см. далѣе.—*Новг. Лѣт.* годъ 1340-й.

имъ всѣ прежнія льготы ихъ, по старинѣ гра-
матамъ (20).

Важныя вѣсти были получены изъ Орды: Уз-
бекъ умеръ въ 1344 году. Сынъ его, *Тимбекъ*,
принялъ владычество надъ Ордою (21). Надоб-
но было поспѣшить къ новому властителяю. Но
вскорѣ узнали о событіи ужасномъ: *Чанибекъ*,
шрестій сынъ Узбека, умертвилъ новаго Хана,
браща своего, убилъ другаго браща, *Хидыр-*
бега, и сѣлъ на окровавленномъ ихъ наслѣдіи
(22). Къ нему явились съ покорностію *Симе-*
онъ, *Князья Конспаншинъ Тверской*, *Конспан-*
шинъ Суздальскій, и *Василій Ярославскій*—глав-
ные властители Руси. *Чанибекъ* принялъ чело-
бище ихъ милосливо. *Симеонъ* и *Князья* скоро
возвратились во свояси. Гораздо пруднѣе бы-
ло отдѣлаться отъ новаго Хана *Митрополишу*
Феогносту: съ него пребовали неслыханной, шаж-
кой дани. *Феогностъ* не соглашался, гошовъ былъ
прешерпѣшь мученія, и кончилъ наконецъ еди-
новременнымъ плашежемъ 600 рублей. Кажешся,
что жена *Чанибека*, *Тайдула*, уговорила сво-
его мужа. Она выдала *Митрополишу* отъ себя
грамоту, въ подкрѣпленіе *Ханской*, говоря въ

---

(20) Новг. Лѣт. 1340 годъ; Строенск. I, 324.

(21) *Троицк. Лѣт.* (Исп. Г. Р. т. IV, прим. 334.

(22) По *Френу*, *Чанибекъ* — *Джелаль-Эддинъ Мах-*
мудъ Джани-Бекъ Хамъ.

ней, что «съ людей, которые опъ давнихъ, добрыхъ временъ зовущся *богомольцы*, и соспавляющъ поповскій чинъ, никакой подаши брашь не надобно (23).» Черезъ годъ Симеонъ снова ошправился въ Орду (1344 г.), съ брашьями и другими Князьями. Они возвращились *пожалованные Богомъ и Царемъ*, перевозносили кропосшь и милосердіе брапоубійцы Чанибека, и называли его *добрымъ* (24).

Симеонъ праздноваль, по возвращеніи въ Москву, вшорую свадьбу свою; дочь Гедиминова умерла, поспригшись въ шажкой болѣзни своей, и принявъ схиму передъ кончиною. Симеонъ сосвашался на дочери одного изъ Смоленскихъ Князей; но невѣсту, Княжну Евпраксію, *испортили* на свадьбѣ: она казалась супругу своему мершвецомъ, и была опослана обрашно. Къ великому соблазну современниковъ, Евпраксія вышла пошдмъ за Князя Өоминскаго, а Симеонъ же

---

(23) Стр. Лѣт. г. 1343-й; Тайдула, какъ вшорая Биракана, жена Башыева, или Монгольскія царицы Гуракина и Таймышъ, самовласпно управляла Золошою Ордою при мужѣ, и послѣ него, соединясь съ его убійцами. Ярлыкъ ея, см. Собр. Гос. граматъ, ш. II, № 9. «Өеогноста Мипрополиша Царь пожаловаль» — говоритъ Тайдула—«съ алою шамгою ярлыкъ далъ, и мы первыхъ ярлыковъ *не изынога*, пакожъ молва, съ грамату дали. . . Заячьяго лѣпа, Арама *мишенемъ* мѣсяца, въ 8-й нова» (новолунія).

(24) Ист. Г. Р. ш. IV, прим. 373, 384.

нился на дочери несчастнаго Александра Тверскаго, Маріи. Бояринъ его, Андрей Кобыла, родоначальникъ знаменишаго дома Романовыхъ, ѣздилъ за Княжною въ Тверь (1347 г.). Кажется, что при поѣздкѣ своей въ Орду, Симеонъ успѣлъ услужить новымъ своимъ родшвенникамъ, и вмѣстѣ съ шѣмъ еще болѣе обезопасилъ Москву отъ Твери. Конспаншинъ и Василій не хотѣли дать удѣла Всеволоду, сыну Александра; Конспаншинъ поѣхалъ даже жаловаться на него въ Орду, и тамъ скончался (1346 г.). Всеволодъ, бывшій тогда въ Ордѣ, получилъ отъ Хана грамоту на Тверь, встрѣшилъ на дорогѣ дядю Василя, ѣхавшаго къ Хану, и ограбилъ его. Ссора усиливалась. Наконецъ уговорили Всеволода отдать Тверь дядѣ, и взять Холмъ. Братъ его Михаилъ имѣлъ удѣломъ область Микулинскую (25).

---

(25) Анастасія умерла въ 1345 г., и погребена въ Преображенскомъ соборѣ, въ Кремлѣ.—Объ Евпраксіи: «Великую Княгиню на свадьбѣ испорпили: ляжеть съ Великимъ Княземъ, и она ему покажется мершведомъ.» Князья Ѡминскіе были Удѣльные отъ Смоленскихъ. — Отъ *Андрея Кобылы* произошли многіе роды знаменишые; но главнѣйше — родъ Анастасіи, супруги Іоанна Грознаго. *Теодоръ Кошка*, сынъ Андрея Кобылы, былъ однимъ изъ главныхъ вельможъ при Димитріи и Василю Димитріевичѣ. Сынъ его *Теодоръ* считался родоначальникомъ Голышевыхъ, из-

Симеонъ честно держалъ договоры съ Новгородомъ, не шѣснилъ горожанъ его, не требовалъ новыхъ даней и продажъ, но и не сблизался съ вольнымъ городомъ: казалось, небрегъ имъ. Онъ и не ѣхалъ въ Новгородъ—не попомули, что хотѣлъ показати необходимость свою Новгородцамъ, и заспавлялъ себя упрасивашъ, дѣлая черезъ шо отношенія свои важнѣе въ глазахъ Новгородцевъ? Въ 1346 г. Владыка Василій прїѣзжалъ въ Москву нарочно, проситъ Князя и Митрополита пожаловать въ Новгородъ. Оба госпня охотно прїѣхали, жили въ Новгородѣ три недѣли, были угощаемы; въ знакъ благоволенія ихъ, Владыкъ Новгородскому подарены были тогда *крещатыя ризы* (26). Но и

вѣстныхъ при Василии Темномъ; отъ другаго сына его, *Ивана*, и внука *Захаріи*, произошли *Захарьины*, славные при Иоаннѣ III-мъ; внучата Захаріи, по отцу своему Юрію, приняли названіе *Юрьевыхъ*; одинъ изъ сыновей Юрія былъ *Романъ*; дѣти его назывались *Романовыми*; Анастасія была дочь сего Романа Юрьевича, а сынъ *Никита* имѣлъ шесть сыновъ, изъ коихъ старшій былъ знаменишій *Феодоръ Никишичъ*, *Митрополитъ Филаретъ*, отецъ Царя Михаила Феодоровича. — О Твери, см. Исп. Г. Р. т. IV, прим. 369.

(26) Новг. Лѣт. годъ 1346-й. — Крещатыя ризы, *Полиставрій*, или свяшительскій фелонъ изъ матеріи, съ крестами.

попомъ продолжилось мнимое невниманіе Спемеона къ Новгородцамъ. Также поступалъ онъ и въ отношеніи къ новому Липшовскому Князю, Олгерду. Последнее казалось непонятно.

Еще въ 1341 году, сей знаменишій сынъ Гедимины, княжа въ Вишебскѣ, вздумалъ осадить Можайскъ: причины неизвѣстны; Москва молчала. Олгердъ вскорѣ оставилъ осаду, и въ 1342 году вмѣшался въ ссору Пскова съ Эстландіею и съ Новгородомъ. Послы Псковскіе были убиты въ землѣ Эстонской. Псковитяне мстили за это опустошеніемъ около Нарвы, предводимые бывшимъ тогда у нихъ Княземъ Александромъ, и Изборскимъ Евстафіемъ. Но Всеволодъ оставилъ ихъ, и Псковитяне просили помощь Новгорода, слыша о сильномъ сборѣ Нѣмцевъ. «Идеши на насъ рашь Нѣмецкая *дополна*; кланяемся вамъ, господамъ своимъ; обороните насъ» — говорили Псковскіе Послы на Вѣчѣ. Новгородцы вступились¹ за братьевъ; бросили свои общеспвенныя дѣла нерѣшенными; многіе поѣхали въ самую Спираспную Субботу, забывъ о Свѣшломъ праздникѣ. На дорогѣ встрѣтили ихъ новыя рѣчи Псковитянь: «Кланяемся вамъ, господамъ своимъ; войны съ Нѣмцами у насъ нѣтъ; пришла было рашь Нѣмецкая, но она не воюешъ, а мирно спавишъ новыи городокъ на своей землѣ.» Новгородцы съ досадою воропились, и съ негодовашиемъ услышали, что

Псковичи обманули ихъ , *передались* Липвѣ , и сами выпроводили Князя Александра изъ Пскова. Можеть бышь , Псковичяне думали , что имъ легче имѣшь *своего Князя на свободѣ* , нежели зависѣшь отъ горделиваго Новгорода. Олгердъ еогласился оспавить у нихъ сына своего , и самъ прѣхалъ защищать Псковъ , съ дружинами , копорыхъ Псковичяне боялись однакожь не менѣ Нѣмцевъ. Рыцари Эстонскіе обманули Олгерда: перерѣзали одинъ изъ опрядовъ Липовскихъ , и осадили Изборскъ. Съ шрудомъ отбилси отъ нихъ Евсфайъ. Олгердъ не слушалъ уговоровъ Псковичяпъ , не хотѣлъ самъ креститься (онъ былъ уже опяшь язычникомъ въ это время) , плохо помогалъ Псковичянамъ , и надѣлавъ болѣе убышка , нежели пользы , спѣшилъ уйдши во свояси. Псковичяне приняли однакожь сына его , въ крещеніи названнаго Андреемъ. Но сей Князь скоро оспавилъ Псковъ , и опправился въ Липовскій удѣлъ свой , Полоцкъ. Псковичяне узнали , что имъ надежнѣе уповать на Св. Троицу , молишвы свяпыхъ Псковскихъ Всеволода и Довмонпа , и помощь единовѣрныхъ. Война съ Нѣвцами продолжалась и въ 1343 году: Евсфайъ и Псковичи безъ опдыха опуспошали Эстонию , и однажды не сходили съ копей въ про-
долженіе пяпи сусокъ. Близъ Нейгаузена , на обратномъ пупи , нагнали ихъ посланные въ погоню опряды Рыцарей. Не смотря на ушомле-

ніе, Псковичи рѣшились битися, молили пѣнь Довмонша зацѣпитъ ихъ, и припоминали слова его: «Брашья Псковичи! не посраимъ опцовъ и дѣдовъ нашихъ! Кто спаръ, шопъ опецъ, кто молодъ, шопъ брашъ — пошягнемъ за Св. Троицу и за свое опчешво.» Взаимно просиясь другъ съ другомъ, напомнивъ себѣ, что бьюшся въ самый Троицынъ день (1 Іюня), бросились они въ битву. Первый *припоръ* Нѣмцы сбили. Тогда какой-то *попъ Рудъ* спрусилъ, бѣжалъ, и перепугалъ Псковъ и Изборскъ вѣсшю о разбитіи дружинъ, до того, что Псковичяне поспѣшно отправили вѣсшъ въ Новгородъ, умоляя Новгородцевъ *загонитъ вборзѣ во Псковъ, прежде Нѣмцевъ*. Но Рудъ ошибся; Нѣмцы были разбиты, и спѣшили мириться, ибо имъ было не до войны: открылось сильное, опасное возмущеніе Эспонцевъ (27).

Трудно было сыскашь другую спрану, испомленную болѣ Ливоніи и Эспоніи. Кромѣ того, что обѣ сіи земли были позорищемъ грабежа Рускихъ и Ляшовцевъ, почти непрерывно дравшихся съ Рыцарями Риги и Ревеля, съ самаго перваго заселенія Рижскаго, въ концѣ XII-го, и Ревельскаго, въ началѣ XIII-го столѣтія, надъ шуземцами шягошѣли взаимныя

---

(27) Новг. лѣт. г. 1342. — Псковск. лѣт. (Ист. Г. Р. т. IV, пр. 336, 338). — Спр. лѣт. I, 325.

ссоры Дашчанъ и Нѣмцевъ, своеволие Духовенства, деспотизмъ Рыцарей, корыстолюбіе иноспранныхъ порговцевъ. Сражавшіеся въ рядахъ своихъ повелишелей, покорные волѣ ихъ во всемъ, плапившіе жизнью и имѣніемъ за каждую ссору ихъ, ибо месья непріятелей состояла въ опустошеніи жилищъ Эстонскихъ, а Рыцари опсиживались въ это время въ своихъ городахъ и замкахъ, Эстонцы въ поже время почти не были почишаемы за людей опъ своихъ безчеловѣчныхъ повелишелей. Ихъ грабили, били, вѣшали безопчешно, кто могъ и хопѣлъ. «Да,» говоритъ лѣтописецъ Ливонскій, «Лифляндію и Эспляндію въ XIV вѣкѣ можно было назвапъ небомъ дворянъ, раемъ поповъ, золопымъ дномъ чужеземцевъ и адомъ поселянъ. Чѣмъ счашливѣе были Нѣмцы во всѣхъ соспопніяхъ, шѣмъ несчастнѣе были Эстонскіе поселяне. Повелишели трактовали ихъ шакъ не по-Христіански, что одинъ изъ Испориковъ справедливо называлъ жишье бѣдныхъ Эстонцевъ хуже собачьяго.» Мы уже видѣли, что въ 1223 году Эстонцы бунтовали, дрались, и заняли города Рыцарей. Наказанные жестоко, они спрадали пошѣмъ безмолвно болѣе 400 лѣпш. Въ 1343 году шерпѣніе Эстонцевъ снова испощилось: они сосшавили заговоръ, и ночью, на Юрьевъ день, перерѣзаны были Нѣмцы въ Гаррійскомъ округѣ; возшпаніе сдѣлалось общимъ; шолны Эстон-

цевъ осадили Ревель. Буншовщяки уступили пошлюко послѣ гибельнаго испребленія, и ошчаянной драки, продолжавшейся около двухъ лѣтъ. Рыцари помогали Дашчанамъ усмиряшь, или лучше сказашь испребляшь Эспонцевъ, и Королю Дашскому шакъ надоѣло кровопролишше, чшо онъ согласился *продать* Эспляндію, кшашпи нуждаясь въэшо время въ деньгахъ, для пушешествія въ Іерусалимъ. Въ Швзновъ день 1347 г. заключили съ нимъ Рыцари условіе, и Король передалъ имъ Эспляндію на вѣки, съ городами *Ревелемъ, Нарвою, Везенбергомъ* (Колыванью), *Ругодевомъ и Раковоромъ*), съ Гаррійскою, Вирландскою и Алленшаккенскою провинціями, получивъ за шо 19,000 марокъ чиснаго серебра (28).

---

(28) Для соображенія прежнихъ событій въ Ливоніи, см. *Ист. Р. Н.* т. III, стр. 123, 214, 281, 314, — Кельхъ, стр. 114—121. Онъ прилагаетъ къ Ливоніи XIV-го вѣка извѣстную поговорку о современной ему Польшѣ: *Caelum Nobilium, Paradysus Clericorum, Aurifodina Advenarum et Infernus Rusticorum*, и продолжаетъ: *Denn wie gross der Teutschen Glückseligkeit in allen Ständen, so gross und noch viel grösser war das Elend des armen Baurvolks, und wurden selbe von ihrer Herrschaft so unchristlich tractiret, das auch der bekannte Geschichtschreiber Crantzius saget: Unsere Hunde in Wahrheit, wurden besser gehalten, als diese elende Leute, и проч.*

Олгердь ославилъ безъ помощи Псковлянянъ, и не прогаль Руси—не даромъ; онъ былъ зна- нянпъ важнѣйшимъ дѣломъ. Согласясь предвари- тельно съ братомъ своимъ Кеспушомъ, Ол- гердь нечаянно напалъ на Евнушія и Нариман- на; едва успѣли спасхсь бѣгствомъ пошъ и другой Князь, одинъ въ Москву, другой къ Мон- голамъ. Оспальные братья покорились Олгерду; и съ 1345 года онъ началъ самовласпно пра- вить Литвою, называясь *Великимъ Княземъ Ли- товскимъ*, и выславляя въ поле сильныя свои ополченія. Нѣмецкіе Рыцари и Польша были вхпревожены симъ новымъ, могущимъ врагомъ. Въ 1346 году, Олгердь явился съ войскомъ сво- имъ въ Шелонской области, ограбилъ селенія, и взялъ окупъ съ Порхова и Опоки, приказавъ сказапъ Новгородцамъ о замысловатой причи- нѣ войны: « Мщю вамъ за шо, что Посадникъ вашъ Евсшафій *облаалъ меня, и назвалъ соба- кою* (29)!

Новгородъ былъ тогда въ большомъ горѣ. Кромѣ холодной пріязни Симеона, кромѣ вой- ны, угрожавшей со стороны Швеціи, ихъ успра- шили новые пожары. Послѣ бѣдственнаго опу- стошенія въ пожарѣ 1340 года, Новгородцы шакъ ужаснулись другаго сильнаго пожара на Дани- славовой улицѣ, что жишели оспавили дома, и

---

(29) Даниловичъ, стр. 168.—Новг. Лѣт. г. стр. 615.

жили нѣсколько времени на поляхъ , а Владика Василій , желая ободрить народъ , ушановилъ поспѣ и крестные ходы (30). Нашествіе Олгерда казалось новою, нежданною напастью. Новгородцы вышли однакожь къ Лугѣ; но между пѣмъ на Вѣчѣ , въ сильномъ народномъ смяшеніи , убили несчастнаго Посадника Евспафія , воція , что за него гибнутъ Новгородскія волости (31). Олгердъ неожиданно обратился по-

---

(30) *Новг. Лѣт.* «Людіе боящеся, не смѣяху въ городѣ жиши; иніи по рли живяху, а иніи по берегу въ учанехъ; и бѣ видѣши весь градъ движашься, и бѣ гаша по недѣлѣ и болѣе, и много пакоспи быспѣ людемъ, и убышка опть лихихъ людей, иже Бога не боляшя. Владыка-же, съ игумены и съ попы, замысли поспѣ, и хождаху съ кресты по монастырямъ, и по инымъ церквамъ,» и проч.

(31) Разумѣется, что буйная шолпа народная убила Евспафія въ смяшеніи Вѣча, какъ это бывало нерѣдко, и прежде и послѣ. Карамзину весьма не понравилось такое дѣло. Онъ говоритъ: «Посадникъ имѣлъ враговъ между согражданами, утверждавшихъ, что безразсудно лишь кровь многихъ за нескромность одного чиновника; что лучше принеспи его въ жертву отечеству, и пѣмъ удовольствоватъ раздраженнаго Олгерда. Другіе, уже будучи въ походѣ, согласились съ ними, и возвращаясь съ пупи, умертвили Евспафія на Вѣчѣ. Сіе дѣло, прошивное народной чести, прошивное всѣмъ законамъ, есть одно изъ постыднѣйшихъ въ Исторіи Новгородской, буде Лѣтописцы не скрыли нѣкоторыхъ обспоятельствъ, уменьшающихъ его

гда въ Литву, гдѣ Нѣмцы грозили ему нападеніемъ. Едва прошла буря со стороны Литвы, Новгородцы услышали о приходѣ Шведскаго Короля Магнуса: его не называлъ собакою Новгородскій Посадникъ, но требованія Магнуса были еще страннѣе Олгердова.

Магнусъ вздумалъ обратиться Новгородцевъ въ истинную вѣру. Онъ собралъ войско, взялъ на расходы даже церковныя деньги, нанялъ Нѣмцевъ, Дашчанъ, не слушалъ упрековъ своего Духовенства, жалобъ народа, предвѣщаній Бригишши, слывшей у Шведовъ пророчицею, и приплылъ съ войскомъ къ Березовымъ островамъ. Подшвердивъ въ 1338 г. мирный договоръ съ Шведами, Новгородцы не понимали причинъ Шведскаго нашествія. Магнусъ крепилъ между нѣмъ дикарей Финляндскихъ, указывая имъ на купѣль и пешлю, и заславляя ихъ, или спасаясь въ купѣли, или лѣзть на висѣлицу. «Пришлише ко мнѣ на съѣздъ своихъ Философовъ» — сказали наконецъ послы его на Новгородскомъ Вѣчѣ — «а я предспавлю своихъ. Пусть поговорятъ и рѣшають они, чья вѣра лучше. Если ваша, то я приму ее; если наша, то вы примите ее, и будемъ едино стадо. Не хощите — я иду воевашъ вашу землю!» Владыка

гнусность.» (Исп. Г. Р. III. IV, 260). Но какъ можно обвиняють цѣлый народъ за своевольство нѣсколькихъ бунтовщиковъ?

Василій, Посадникъ, Вѣче, долго думали, и послали Тисяцкаго Абрама и другихъ Пословъ сказать Магнусу: «Нѣтъ-ли у тебя другой какойнибудь обиды, чѣмъ ты идешь войною; если есть, то мы пріѣхали рѣшивъ ее дружелюбно. Но о вѣрѣ спорить не хотимъ. Мы приняли вѣру отъ Грековъ. Хочешь узнать, чья вѣра лучше, пошли къ Папиріарху Греческому, въ Царьградъ.» — Никакой обиды отъ васъ не видалъ я — отвѣчалъ Магнусъ Посламъ—но если вы не хотите соспязаться о вѣрѣ, признайте же мою безъ отговорокъ. Иначе иду на васъ со всею моею силою.» — Онъ двинулся къ Орѣхову. Новгородцы, съ Посадникомъ, опрядами Псковичей, Торжковцевъ, и своими дружинами, спѣшили защитить Ладогу, и послали въ Москву звать Симеона, *боронить свою отчину*. «Радъ, иду» — отвѣчалъ Симеонъ, пошелъ, ворошился отъ Торжка, и послалъ только брата Иоанна, но велѣлъ ему медлить и сморгнуть на обснопельства. Магнусъ взялъ между шѣмъ Орѣховъ, въ началѣ Августа, и ворошился назадъ, услышавъ о сборѣ Новгородцевъ. Легкій опрядъ Новгородскій, подъ предводительствомъ удалаго Онисифора Лукина, мстил Магнусу разбитіемъ его опрядовъ, и казнилъ измѣнниковъ Корельскихъ. Иоаннъ явился наконецъ въ Новгородъ съ Москвичами, но узналъ объ уходѣ Магнуса и обратилъ дружины назадъ. Новгородцы

оскорблялись пѣвмъ, что онъ не слушалъ *Новгородскаго телобитѣя*, не принялъ и благословенія *владыки* (82). Какъ будто въ укоръ Великому Князю, Новгородъ заключилъ немедленно союзный договоръ со Псковомъ. Положили: счишашъ Псковъ независимымъ опъ Новгорода, равнымъ ему вольнымъ городомъ, младшимъ братомъ; не править его намѣстниками Новгородскими; Намѣстникомъ Владыки во Псковѣ бысть Псковипянину; не звать Псковипянь на Вѣчѣ ни *Дворянами*, ни *Подвойскими*, ни *Софїянами*, ни *Извѣтниками*, ни *Бирюгами*, но *Послами*,

---

(32) Онисифоръ, или *Анцыфоръ*, былъ извѣстенъ уже въ Новгородѣ своею удалюю. Въ 1342 г., онъ, и опецъ его Лука, своевольно набрали себѣ шайку поваричей, воевали Заволочье, и поспѣвали шамъ городокъ Орлецъ. Онисифоръ грабилъ берега Ваги, когда Луку измѣннически убили въ Орлецѣ. Чернь Новгородская приписала смерть его умыслу Посадниковъ Андрея и Феодора, разграбила ихъ дома, и принудила ихъ самихъ бѣжать въ Копорье. Онисифоръ явился въ Новгородъ съ обвиненіемъ. Андрей и Феодоръ, вызванные къ суду, собрали Вѣче на Ярославовомъ дворѣ, пока Онисифоръ пересылался съ ними съ Софїйскаго Вѣча. Товарищи его бросились на Ярославовъ дворъ, но были прогнаны. На другой день взволновался весь городъ. Владыка и Великокняжескій Намѣстникъ едва успѣли помирить чернь, защищавшую Онисифора, и аристократовъ, заступившихся за Посадниковъ (*Новг. Лѣт. годъ 1342-й*).

какъ вольный городъ равный Новгороду. (33). Обрадованные Псковичи охотно пошли послѣ сего съ Новгородцами освобождать Орѣховъ, котораго Новгородъ не хотѣлъ осваявши во власпи Магнуса. Къ прискорбію союзниковъ, Псковскія дружины должны были опъ Орѣхова поспѣвшишъ домой, гдѣ Рыцари, управясь между шѣмъ съ Эспонцами, начали грабежи, и хотѣли захватить Изборскъ. Псковичяне мспили имъ (въ 1349 г.) взятіемъ новаго городка ихъ. Новгородцы осваялись одни, но приспустили къ Орѣхову смѣло, спояли опъ Августа до Великаго поста, устроили коспры, позвали благословишъ ихъ Владыку Василя, взяли Орѣховъ на самый праздникъ Обрѣшенія главы Предшечи, и перерѣзали Шведовъ (34). Они приспустили на другой годъ (1350) къ Выборгу; дружины ихъ ходили грабисъ даже въ Норвегію. Магнусъ не помышлялъ уже объ обращеніи Новгородцевъ при внутреннихъ раздорахъ и бѣдствіяхъ Швеціи, не слушалъ Папы, и миръ съ Новгородомъ заключили снова. Памяшь о походѣ Магнуса оспалась надолго въ Новгородѣ, украшенная поэпическими вымыслами. Преданіе говорило, будно опъ былъ наказанъ безуміемъ

---

(33) Пск. и Рост. Лѣт. (Карамзинъ, IV, пр. 345).—
Типогр. Лѣт. стр. 91.

(34) Новг. Лѣт.

за 'покушеніе на Православную вѣру, посаженъ на цѣпь, освобожденъ сыномъ, но вида что язва, голодъ, наводненіе, междуусобіе, шерзають Швецію, бѣжалъ къ Норвежцамъ; что корабль его разбило на морѣ, и онъ, на доскѣ, принесенъ былъ къ пущынкѣ Валаамской, тамъ поспригся, уиерьъ, и завѣщаль потомкамъ: никогда не наступашъ на Русь, «нбо намъ не пособляеся; и кто наступитъ, на шого Богъ, и огонь, и вода, ими же ся казнился. Благодарю Бога, что все эшо обра- шилось къ моему спасенію.» Близъ Валаамской обипели доньянъ показываютъ мнимую могилу Магнуса (3).—Онисифоръ, опличившійся въ Орѣховской войнѣ, былъ избранъ Посадникомъ, и жестоко мстиль врагамъ своимъ въ 1351 году: дома ихъ разграбили, самихъ заставили бѣжашъ. Онисифоръ добровольно ошказался ошъ Посадничесшва въ 1354 году.—Вошъ одинъ изъ рѣзкихъ Новгородскихъ характеровъ!

Въ эшо время Олгердъ драля сь Польшею за Галичъ и Волянъ, и сь Нѣмецкими Рыцарями —

---

(35) О походѣ Магнуса, см. Олофа Далина *Шведск. Ист.* (Русск. переводъ, ш. II, 607 и слѣд), и *Новг. Лѣт.* годъ 1348-й и далѣе. *Рукописаніе Магнуса* (явная и нелѣпная выдумка) помѣщено во многихъ Лѣтописяхъ Русскихъ. Валаамская обипель находится на Ладожскомъ озерѣ, на островѣ Валаамѣ. Тамъ, въ кленовой роцѣ, большую насыпъ земли доньянъ называють *Магнусовою могилою.*

Богъ знаетъ за что! Потерявъ нѣсколько битвъ, онъ употреблялъ хитрости, смирялся, вооружалъ Монголовъ Дитировскихъ на Польшу; соорилъ Рыцарей съ Польшею, и зная набожность Казимира, общалъ ему даже принявъ Капюлицескую вѣру; Папа уже началъ съ нимъ объ этомъ переписку. Ревность Казимира къ распространенію Капюлицизма такъ раздражала православныхъ Галичанъ, что они лучше хотѣли быть во власти Монголовъ, нежели «Короля» Краковскаго, который лестию взялъ землю Волынскую, и много зла Христіанамъ сотворилъ, «прешворивъ церкви святыя на Лашинское богомерзкое служеніе.» Слыша, что Чанибекъ крѣпко властвуетъ въ Ордѣ, Олгердъ, доведенный до крайности, прибѣгнувъ къ пособію Чанибека (36).

Во все это время, Симеонъ не дремалъ въ бездѣйствіи. Соблюдая одинакую политику съ Литвою и Новгородцами, онъ увидѣлъ теперь случай тайно сдѣлать опаснаго врага, Князя Литовскаго. Истинный сынъ Калины, допусшивъ Новгородъ превозмущенъ ссорами и битвами съ Олгердомъ и Магнусомъ, а Олгерда испомаяться въ ссорѣхъ съ Польшею и Рыцарями, онъ

---

(36) Нарушевичъ, Н. Н. Р. VI, 108; Новг. лѣт. годъ 1349-й; Райнальда, Ann. Eccl. 1349 годъ, № 24; Троицк. лѣт. (Карамз. IV, пр. 349).

лѣниво двинулъ дружины, когда овгороду грозила опасность отъ Шведовъ, и сдѣлался дѣятельнымъ, когда Чанибекъ могъ поправить дѣла Ливвы. Послы Симеона ударили челомъ Хану; доложили, что Олгердь злодѣй, грабитель и зориль отчину Симеона, Русь, покорный улусъ великаго Хана. Чанибекъ не послушалъ Олгерда, и даже выдалъ Симеону пословъ Олгердовыхъ — брата его Коріяда, съ спутниками (37). Рѣшась на такое дѣло, оскорбительное для честолюбія Ливовскаго Князя, Симеонъ конечно приготовился къ битвѣ. Но Олгердь не успуналъ въ хитроспяхъ Симеону; прежде пергѣлъ онъ, что врагъ его Евнушій, крестившись въ Москвѣ, жилъ тамъ свободно: и теперь не оказалъ никакого гнѣва. Его Послы смиренно явились, напрошивъ того, къ Симеону, съ дарами и серебромъ, прося мира. Симеонъ обрадовался. Вскорѣ Олгердь предложилъ еще болѣе тѣсную дружбу. Бывъ допоть врагомъ вѣры, даже мучилелемъ Христіанъ, онъ обѣщаль опиниѣ покровительствовашъ православію. Митрополишъ Теогность былъ радъ, боясь, что Польша лишитъ его наконецъ доходовъ съ Галича и Волини. За Любарта Волинскаго немедленно выдали племянницу Симеона, Княжну Росшовскую.

---

(37) Карамзинъ, т. IV, пр. 349 и слѣд. Костр. Лѣт. т. I, 174.

Феогностъ сдѣлалъ еще болѣе, когда Олгердъ, вдовый послѣ перваго брака, вздумалъ укрѣпить союзъ съ Симеономъ родспвенною связью, и просилъ выдать за него самого Ульяну, сестру Великой Княгини. Симеонъ усомнился, и доложилъ Феогносту. Митрополитъ разрѣшилъ, и сирота Александра Тверскаго сдѣлалась супругою Липовскаго язычника.

Оправдывая себя, говорили пошомъ, будто Ульяна обратила Олгерда въ православіе, тайно (38); но явно онъ не думалъ о православной

(38) Феогностъ, боясь лишиться власти и доходовъ, до того ушѣснялъ между прочимъ Новгородское Духовенство, что Владыка Моисей посылалъ жаловаться на него въ Царьградъ. О докладѣ Симеоновомъ Феогносту см. *Троицк. Лѣт.* (Кар. IV, пр. 351); *Тиногр. Лѣт. стр. 92.* Говорятъ, что Олгердъ даже замучилъ въ Липвѣ, въ 1342 и 1347 г., за усердіе къ Христіанству, Бояръ своихъ Антонія, Іоанна и Евстафія (въ язычествѣ *Крцелца*). Въ 1364 г. сихъ мучениковъ причли къ лику Святыхъ, и память ихъ донынѣ празднуется 14-го Апрѣля (*Опис. Кіево-Соф. собора*, стр. 93).—Карамзинъ говоритъ (т. V, стр. 52). «Славный Олгердъ умеръ въ 1377 г., не только Христіаникомъ, но и схимникомъ, по убѣжденію его супруги Іуліаніи и Печерскаго Архимандрита Давида, принявъ въ крещеніи имя *Александра*, а въ монашествѣ *Алексіа*, чтобы загладить свое прежнее опскупленіе отъ вѣры Іисусовой.» Это извѣстіе, пересказанное споль утвердительно Историкомъ, есть пустая выдумка. Въ подтвержденіе его, Карамзинъ ссылается на текстъ

равно покровительствовалъ Каполикамъ, Грекамъ, язычникамъ, и забылъ обѣщаніе креститься и крестить Ливву. По ходатайству Симеона давъ небольшой удѣлъ Евнушію, въ Минской области, удачно освободивъ Галичъ отъ Польши, Олгердъ побѣдилъ Нѣмцевъ, и успѣлъ спастись среди бѣдствій и пошерь. Увидимъ послѣдствія обѣщаній и родственныхъ его союзовъ. Впрочемъ, Олгердъ постоянно соблюдалъ дружбу къ Симеону, и даже мирилъ его съ другими. Въ 1352 году, Симеонъ двинулъ Московскую рать на Смоленскъ. Покровительствуя Смоленскъ особенно, Олгердъ прислалъ къ нему дары, пословъ и просьбу о мирѣ. Симеонъ не оставилъ Олгердова слова, и помирился. —

какой-то Лѣтописи (прим. 50-е); но какой именно, ничего не говоритъ. «Не знаемъ, откуда взялъ это Карамзинъ,» прибавляетъ Г-нъ Даниловичъ, не доверяя словамъ его (стр. 189, въ примѣчаніи). Мы долго и тщетно искали источника этой сказки, и наконецъ нашли его: въ концѣ *Костромской Лѣт.* приложено нѣсколько разныхъ отдѣльныхъ статей, и между ними: *Предисловіе о Великихъ Князехъ Литовскихъ, откуда они пошли* (стр. 315). Это сборъ нелицензій, и въ немъ-то находится извѣстіе о крещеніи и посхимленіи Олгерда. Кажется, что Карамзинъ отыскалъ его въ *Гост. Лѣт.* (Исп. Г. Р. т. IV, пр. 266), но онъ не смѣлъ сослаться на свидѣтельство столь ничтожное, и потому умолчалъ, откуда беретъ его.

Томъ V.

4.

Все эшо не иѣшало Олгерду мшшипъ Пскови-
шнянѣмъ, когда они ошказались держашъ у себя
намѣспинковъ сива его, Кнзя Полоцкаго. Ол-
гердъ жаловался на убшшки, грабилъ села Псков-
скія, и захвашывалъ купцовъ Псковскихъ, заѣз-
жавшихъ въ Полоцкъ (39).

Такъ проходило княженіе Симеона, всего бо-
лѣ сильнаго ужомъ и хитростью. Но, ни что—
ни умъ, ни хитрость, ни сила не могли спасши
Русскихъ земель ошъ спрашнаго бѣдствія, ка-
кое внезапно постѣшило шогда Азію, Аѣрику и
Европу. Мы говоримъ о смертоносной болѣзни,
пзвѣсншой въ Исторіи подъ именемъ *Черной
смерти*, и составившей эпоху въ лѣтописяхъ
Медицины, памашную болѣе современной намъ
Холеры.

Черною смертью названъ былъ неслыханный
моръ, начавшійся въ Китаѣ, и съ 1348-го до 1352
года перешедшій черезъ среднюю Азію, Индію,
Аравію, Египецъ, Сѣверную Аѣрику, Грецію и
всю Европу. Говорили, что онъ начался Божі-
имъ гнѣвомъ: смертные пары вдругъ вылетѣли
изъ земли въ Китаѣ, погубили памъ 13-ть мил-
ліоновъ человекъ, и разлетѣлись потѣмъ во всю
вселенную. Болѣе 20-ши миллионовъ погибло въ
Турецкихъ Азійскихъ государствахъ. «Ангель

---

(39) Пск. и Троицк. лѣт. (Карамзинъ, т. IV, пр.
355, 356).

смерти никогда не губилъ вдругъ сколько людей, съ самаго Ноева попоца, сколько погибло ихъ съ 1348 до 1350-го и въ слѣдующіе годы,» говоритъ знаменитый Историкъ Медицины, увѣряя, что по всѣмъ повѣркамъ погибла тогда пренъ народонаселенія земнаго шара (40). Въ Лондонѣ недоспавало мѣста на кладби-

---

(40) Шпренгель, въ *Beiträge zur Geschichte der Medicin*. Мы заимствуемъ подробности изъ Рихтерово*й Ист. Медицины въ Россіи* (т. I, стр 191 и слѣд.).— Названіе *Черной смерти* дано было сей губительной болѣзни въ Даніи, гдѣ трупы умершихъ отъ нея людей чернѣли. Она была прилипчива, и переходила посредствомъ сообщенія; но множество примѣровъ было, что она поражала отдаленныя области, когда другія, ближайшія къ зараженнымъ и имѣвшія съ ними сообщеніе, оставались невредимы. Пестрарка, потерявшій тогда свою Лауру, въ отчаяніи восклицалъ: *Quando hoc posteritas credet, fuisse tempus sine cœli aut telluris incendio, sine bellis aut alia clade visibili, quo non hæc pars aut illa terrarum, sed universus fere orbis sine habitatore remanserit? Quando unquam tale aliquid visum, aut fando auditum: quibus hoc unquam annalibus lectum est, vacuas domos; derelictas urbes, squallida rura, arva cadaveribus angusta, horrendam vastamque toto orbe solitudinem? Consule Historibus, silent; interroga Physicos, obstupescunt; quære a Philosophis, humeros contrahunt, frontem rugant et digito, labris imposito, silentium jubent. O felicem populum pronepotum! Quis has miseria non agnovit, et fortassis testimonium nostrum inter fabulas numerabit?*

кладбищахъ; въ Вѣнѣ нѣсколько времени умира-
ло ежедневно до 4,000, въ Любекѣ до 4,500, въ
Парижѣ до 500 человекъ. Флоренція лишилась
400,000 жителей; Марсель и оспровъ Кипръ
вымерли совершенно. Альфонсъ X-й, Королева
Наваррская, Королева Французская, множество
знаменитыхъ людей всѣхъ званій, сословій,
пола и возраста, погибли наравнѣ съ простымъ
народомъ, между коимъ повсюду моръ свирѣп-
ствовалъ сильнѣе, ибо прослоюдины менѣе
имѣли средствъ спасаться отъ заразы. Европа
ужасалась, препешала, молилась, отправляла
духовныя процессіи, и думала, что злые люди
отправляютъ воду и воздухъ; врачи, погибая
наравнѣ съ другими, не знали даже, какъ назвать
спрашиваемую болѣзнь, и еще менѣе того, какъ
лечить ее (41). Хоронить мертвыхъ и совер-
шать погребальныя молебны было нѣкому, ибо
священники погибали скорѣе другихъ, по долгу
своему прикасаясь къ умершимъ. Трупы сбра-

---

(41) Припадки Черной смерти состояли въ воспа-
лительной, гнилой горячкѣ. Въ Руси начиналась она
внезапною болью подъ ложкою, или междуплечью; по-
томъ наступали жестокой жаръ и ознобъ, *крозо-
харканіе* (признакъ, оплотившій Черную смерть отъ
другихъ заразительныхъ болѣзней, извѣстныхъ въ
лѣтописяхъ Медицины); наконецъ выступалъ сильный
попъ; человекъ совершенно лишался силъ, и черезъ
три дни умиралъ непременно.

сывали наконецъ въ ямы сопнями, пысячами ; другіе валялись повсюду, распухшіе, почернѣлые, и заражали собою воздухъ. Живошныя, звѣри, пшицы пожирали ихъ, и сами гибли послѣ того въ неизобразимомъ множествѣ (42).

Давно уже слышали Руссы, что «совершается казнь опъ Бога на людей подъ Воспочною спраною, въ Ордѣ, Сараѣ, у Бусурмановъ; Фряговъ, Армянъ, Обезовъ, Черкесовъ; что шамъ свирѣпшвуешъ сильный моръ, и «живые не успѣвають хоронить мершвыхъ» (43). Вскорѣ бѣдешвіе появилось въ Руси. Ужасное описаніе *Черной смерти* ошалося особенно въ преданіяхъ Псковишанъ, гдѣ зараза оказалась прежде чѣмъ въ другихъ Русскихъ мѣстахъ, въ 1352 году (44). Опчаянные жи-

(42) Лингардъ, Hist. d'Angleterre, т. IV, 102.

(43) Троицк. Лѣт. Карамзинъ, т. IV, пр. 357.

(44) Пск. Лѣт. «Бысть во градѣ Псковѣ моръ золь, и по селамъ смерти належащей, мнози мрота люди, и жены, и старые и молодые, попове, чернецы и черницы .. и помышляху единое люди о душѣ своей, а не о живопѣ. И сего ради мнози идяху въ монастыри, мужи и жены, поспригахуся во мнишескій чинъ, и Ангельскому образу сподобляхуся, шѣла и крови Христовой причастившеса, и шако въ добромъ исповѣданіи сподобляхуся опъ сея временныя жизни на онъ вѣчный свѣпъ, къ Богу души своя предаша, пришедшимъ по нихъ Ангеломъ. Друзи-же въ мѣрѣ, въ домѣхъ своихъ гошовляхуся шакожде на душевнѣй исходъ, о душахъ своихъ печалующеса,

шли просили Новгородскаго Владыку прѣхашь

имѣнія своя отдающе въ милоспыню, церквамъ и монастырямъ, и духовнымъ опцамъ и нищимъ, и маломощные убогіе корчаше и напоюще; нищъ-бо помилованъ, вождь бываетъ въ царство небесное; овии опъ богатства села дають въ церкви и монастыри; друзии-же во езерахъ ловища и исады, и иное что опъ имѣній своихъ дающе, да тѣмъ хощаще имѣши свою память, по писанному: милоспынею и вѣрою очищающа грѣси. И тако очищающе души своя опъ грѣхъ, съ покаяніемъ и слезами преставляхуся опъ сего свѣта на онъ покой. Се-бо баше тогда попове не можаху по единому проводиши изъ дворовъ, за множествомъ умирающихъ не успѣвающимъ-бо имъ, но веляху комуждо мертвые своя приносиши въ церковь изъ дворъ объ ночь умершимъ; и упре обрѣтащеса во дву дѣсящъ, или до прехъ, ихъ скопихся во единой церкви. А всѣмъ тѣмъ единъ проводъ оппѣлаху, надгробную пѣснь, по имъ душевную молитву разрѣшальную комуждо опъ себя измольваху, и мужу, или женѣ, или дѣшамъ. И тако полагаху по три, и по пяти мертвыхъ въ единъ гробъ; инакожде быша по всѣмъ церквамъ, и нѣгдѣ баше погребаша умершихъ, се-бо могиліе всюду воскопано баше, но и въ подолѣ, и опричь церкви ископавашу гробы, на цѣлыхъ мѣстѣхъ погребашу. Тогда баше многъ плачь зѣло, и лютое кричаніе въ людяхъ, зѣльнымъ рыданіемъ. Кто-же плакашеса своихъ мертвецъ, родители по чадѣхъ своихъ, а чада по родителѣхъ своихъ, а братія по братіи своей, а друзи по друзѣхъ, жены по мужѣхъ, сердоболы по сродницѣхъ своихъ, а прочіи вси плакахуся по душахъ своихъ: Кто-бо тогда, каменносердъ челоукъ, безъ слезъ можетъ быти, видяще сію ве-

къ нимъ и благословить ихъ. Василій не успра-
 шился, прїѣхаль во Псковъ, совершилъ шамъ

ликую бѣду, яко мнози напрасно вскорѣ умираху, и опъ
 себѣ скоро оплучаеми, и сами себѣ того ожидающе.
 Мняху-бо погда мнози, яко-же помрепци всѣмъ. Егда-бо
 видаще въ кошпорый родъ, или въ семью, въ богатые и
 въ простые люди, сирѣчь и до убогихъ, болѣзнь лютая
 смерпное жало вношаше, кпо имъ погда послужиль,
 въ часъ исхода душъ ихъ опъ жизни сея приглядѣль,
 или попекся, мня, яко подобаешъ здоровымъ промысля-
 ши о болящихъ и о мерпвыхъ, сродницы, или друзи,
 или инъ кпо, тако Бога ради послужиша при жи-
 вопѣ и при смерпи, да наслѣдуешъ кпо что опъ
 имѣнїа ихъ; но кпо аще кому опдаваху оспашокъ
 живота своего, или дѣши, тако и пѣи на борзѣ раз-
 болѣвшися, умираху. Сїа-же видѣвши иные, бояхуся
 прїимати что опъ умершихъ пѣхъ животовъ, спра-
 хомъ смерпнымъ омрачившеса, безумнїи, своихъ род-
 ственниковъ опвращахуся погда. А инїи, веледушнїи,
 весь спрахъ смерпный опъ сердцець своихъ опринув-
 ше, безъ сомнѣнїа, и чуждая мерпвецы, или сироты
 и убогіе небрегомы, пѣхъ опряпывающїи, и износяще
 погребаху, и память по нихъ творяще службами и
 просвирами, спасенїа ради себя и своимъ душамъ. Са-
 на свѣшлостїю не умаленна, быспъ смерть на всѣхъ
 разѣваешъ многоядные свои зубы. . . *Се-же ми о семб
 написавшу* (говорипъ въ заключенїе Лѣпописецъ)
*отб многоаго малое, еже худый мой умб постиже,
 и на память принесе.* Аще кому и не поспребно бу-
 дешъ, да сущимъ по насъ оспавимъ, да не до конца
 забвенно будешъ, а нынѣ возвращимся на иное ска-
 занїе.

поржественный ходъ кругомъ города, и спѣшилъ въ Новгородъ, гдѣ оказалась зараза, спольже свирѣпая и смертельная. Онъ скончался въ пуши, на берегахъ Шелони, и мертвый привезенъ былъ въ Новгородъ, гдѣ погда «вошла смершь въ люди, шажка и напрасна, и безчисленное множество людей добрыхъ погибло (45).»—Свяшитель, достопамятнѣйшій въ числѣ владыкъ Новгородскихъ, защитникъ правъ опчилены, наставникъ Князей, строитель и создатель Новгорода, человекъ государственный (46)! Лишась добраго пастыря, Новгородцы пришли ко Владыкѣ Моисею, который передалъ паству свою Василию, и уже 22 года послѣ того жилъ схимникомъ, въ глубокомъ уединеніи. До-

(45) Новг. и Пск. Лѣт.

(46) Мы видѣли дѣла его. Онъ правилъ паствою Новгородскою съ 1330 года. Осаждая Орѣховъ, Новгородцы просили его прѣхать и благословить *Костры*, и осадныя орудія. Онъ путешествовалъ въ Царьградъ, посѣщалъ Іерусалимъ, и первый изъ Русскихъ Свяшителей носилъ *бѣлый клоубъ*, присланный ему отъ Царяградскаго Патріарха. (См. любопытное изслѣдованіе Митроп. Евгенія, въ *Ист. Г. Р.* т. IV, пр. 360). Въ *Новг. Лѣт.* записано, что сынъ Александра Тверскаго, знаменитый впоследствии *Михаилъ*, коего Василий крестилъ во Псковѣ, въ 1333 г., въ 1341 г. прѣхалъ въ Новгородъ къ Василию *цѣтитъся грамотѣ*. Василий сооружалъ на свой счетъ стѣны Новгородскія, украшалъ Софійскій Соборъ, и проч.

бродѣпельный спарець оставилъ свое уединеніе, ушѣшилъ соопчичей согласіемъ, не жалѣлъ себя, уцѣлѣлъ опѣ смерти среди гибели всеобщей, и правилъ Новгородскою паспвою еще семь лѣтъ. — До самой Пасхи продолжалась зараза въ Новгородѣ; прекрашилась шамъ, и распроспранилась всюду по обласпамъ Русскимъ. Опущошенія были ужасны. Глуховъ и Бѣлозерскъ вымерли во все; въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Суздали, думали что настало пресшавленіе свѣша (47).

Мишрополишъ Теогносшъ былъ уже боленъ, когда Черная смерть пшажко начала шерзашъ Москву. Онъ скончался Марпа 11-го дня, 1353 года. Въ одну недѣлю умерли двое дѣшей Великаго Князя. Наконецъ Симеонъ самъ подвергся участи другихъ. Зная уже признаки смершной, неисцѣлимой болѣзни, онъ не сомнѣвался въ кончинѣ своей, опрехалъ опѣ міра, поспругся, и — какъ смиренный инокъ *Созонтъ*, пригшопвилъ свое завѣщаніе. Симеонъ *приказывалъ* жену и сына Василию Михайловичу Тверскому,

---

(47) Новгородскій Лѣтописецъ и другіе. Извѣстія о числѣ умершихъ, разумѣется, увеличены. Такъ, на примѣръ, пишущъ, что послѣ проекрапцаго мора, въ Смоленскѣ, въ 1387 г. осталось шолько *пять теловѣкъ*, которые *вышли изъ города и ворота еео затворили*: нелѣпность явная, хотя она повшорена въ Исп. Г. Р. ш. V, стр. 12. — Это показываешъ однакожь безмѣрную смершность погдашнюю.

и братьямъ своимъ Іоанну и Андрею. «Полагаюсь на Бога, и на васъ, братья!»—завѣщавалъ онъ.— «блюдише мои завѣшы по нашему докончанью, какъ мы цѣловали крестъ у опцовскаго гроба. Благословилъ насъ отецъ жишь за-одинъ; пакъ и я завѣщаваю жишь за-одинъ, не слушаешь лихихъ людей, кто спанешъ ссоришь васъ, а слушаешь отца нашего Владыку Алексыя, и спарыхъ Бояръ; они всегда хопѣли добра намъ и опцу нашему. Пишу завѣшь сей, дабы не переспала память родителей нашихъ и наша, и свѣча-бы на гробѣ ихъ не угасла.» Симеонъ распорядился полько *собственнымъ своимъ угасткомъ* въ наслѣдствѣ; опдалъ его весь женѣ своей, «да молишь Бога, и душу мою поминаешъ до живона своего.» Ни слова не говорилъ онъ о Великомъ Княжествѣ: смершь была тогда единственнымъ помышленіемъ всѣхъ! Апрелья 26, 1353 г., скончался Симеонъ (48). Не успѣли опправишь по немъ сорочинъ, какъ преспавилася братъ его Андрей (Іюля 6-го). Супруга Андрей оспалася беременною, и черезъ шесть недѣль родила сына, доспопаяннаго *Владимира Андреевича* (Іюля 15-го, 1353 года) (49).

Бѣдствіе пролетѣло на время; спрахъ смерши исчезъ съ нимъ вмѣстѣ; люди опомнѣлись,

---

(48) Дух. Симеона въ *Собр. Гос. грам.* т. I, № 23.

(49) Симеонъ и Андрей погребены въ Архангельскомъ соборѣ, въ Москвѣ.

и опять начались суестьи міра. Снова ожили всѣ людскія помышленія. Опять неперпѣливѣе всего хопѣли знаць: *кто* будетъ шеперь Великимъ Княземъ? Взоры всѣхъ обращались на Конспаншина Суздальскаго. Іоаннъ Іоанновичъ, чело-вѣкъ смиренный, прозванный *Кроткимъ* (50), опсправился однакожь вмѣспѣ съ другими Князьями въ Орду. Къ общему изумленію, Чанибекъ избралъ его, не уважая даже особеннаго спаранія Новгородцевъ, ходашайспвовавшихъ за Суздальскаго Князя. Новгородцы оскорбились, и не хопѣли признаць Іоанна, повинуюсь, на зло Москвѣ, Конспаншину. Смерть Симеона и качесшва новаго Великаго Князя, ободряли своевольспво. Олегъ Рязанскій напалъ въ по-же время на предѣлы Московскіе, пожегъ и раззорилъ берега Лопасни. Въ Твери снова перессорились Василій и Всеволодъ. Дядя сильно припѣснялъ Всеволода, получивъ грамашу Ханскую въ 1352 году, и женивъ сына своего Михаила на дочери Симеона, въ 1350 году. Олгердъ при-нялся за крамолы и хипроспи. Онъ женилъ племянника на дочери Іоанна, и выдалъ дочь свою за Бориса Конспаншиновича, Суздальскаго Князя, честшлюбиваго и опсважнаго. Управясь совершенно въ эшо время съ Польшею, и опидыкая опъ бишвѣ съ Нѣмцами, Олгердъ сдѣлалъ

---

(50) Исп. Г. Р. т. IV, стр. 291.

рѣшишельно зависимымъ опъ него Смоленскъ , овладѣль Брянскомъ, опняль у Смоленскаго Князя Бѣлый и Мспиславль , заняль Ржевъ , и воеваль Тверскія обласпи , когда Ржевъ у него опняли. Ссоры съ Псковомъ не прекращались (51).

Такимъ образомъ, Москва могла всего бояшь-ся при Князѣ слабомъ и нерѣшишельномъ, хопи судьба вскорѣ избавила его опъ одного соперника опаснаго: *Константинъ Суздальскій* умеръ въ 1355 году, «*княживъ 15 лѣтъ честно и грозно, боронивъ опчину свою опъ сильныхъ Князей и опъ Татаръ. (52)*» Новгородцы опрелись опъ дѣшей Констанпина, и признали власшь Московскаго Князя. Но дѣти Констанпина, Князя Андрей, Димитрій, Борисъ, казалсь независимыми опъ Москвы, раздѣливъ наслѣдіе опца, и получивъ опдѣльныя грамапы Хана. Также независимъ сдѣлался Князь Іоаннь Спародубскій. Іоаннь сидѣль въ Кремль Московскомъ, и безмолвспвоваль (53).

---

(51) Тамъ-же, прим. 377, и слѣд.—Сптр., Костр. Лѣт.

(52) Карамзинъ , п. IV, прим. 376. Констанпинъ погребень въ Спасскомъ Нижегородскомъ соборѣ, принявъ предъ кончиною схиму.

(53) Іоаннь Спародубскій былъ *праправнукъ* Іоанна Всеволодовича, и сынъ Феодора Благовѣрнаго. Онъ былъ бездѣпенъ; у брата его Димитрія былъ только одинъ сынъ; но опъ претпьяго брата, Андрея, произошли знаменитые роды Князей: *Пожарскихъ*, *Спародубскихъ*, *Раполовскихъ* и *Палецкихъ*.

Но Провидѣніе пославило тогда близъ Великокняжескаго престола мужа великаго : эшо былъ Владыка *Алексій*, кошораго слушашься заказывалъ Симеонъ брагьямъ , въ своей духовной. Мы видѣли Алексія юношею въ Богоявленскомъ монастырѣ. Онъ поспригся на 20-мъ году ошъ рожденія, и, взысканный милосшью Митрополиша Теогноспа, былъ 12-шъ лѣтъ Намѣспникомъ его, опшчался свяшосшью жизни, подвигами благочеспія. Въ 1352 году былъ онъ посшавленъ въ Епископы Владимірскіе. Свидѣшель завѣщанія Симеонова , Алексій хоронилъ Теогноспя, кошорый, умирая, благословилъ его на свое мѣшо. Ушвержденный пошомъ общимъ согласіемъ въ санъ Митрополиша, Алексій ѣздилъ въ Царьградъ для посшавленія , въ 1353 году, и вскорѣ имѣлъ случай показашъ швердосшъ своего характера. Въ Кіевѣ пріѣхалъ изъ Царьграда другой Митрополишъ, Романъ, объявляя права свои на верховную власшъ. Духовенштво Русское не хошѣло его слушашься, но не знало, чшд съ нимъ дѣлашъ. Алексій снова опшправился въ Царьградъ въ 1356 году. Онъ долженъ былъ согласишся на убѣжденія Царьградскаго Папріарха, что Митрополишъ въ Заднѣпровскихъ спранахъ необходимъ для сопрошивленія Папской власши, сильно спремившейся овладѣшъ въ сихъ спранахъ православіемъ. Романа наименовали Митрополишомъ *Литовскимъ* и *Волинскимъ*; Алек-

сій не отдалъ ему Кіева, и назывался *Кіевскимъ* и *Владимірскимъ* (54). На обратномъ пути Алексій преперпѣлъ сильную бурю, доспопашную по объѣму, какой далъ онъ тогда: если уцѣлѣешь отъ попопленія, поспроишь монастырь во имя того свяпашаго, памашь копораго будешь праздновашь Церковь, въ день его спасенія. Приспавъ къ берегу въ день Св. Андроника, Алексій воздвигъ на берегу Яузы, въ Москвѣ, Андроньевскую обитель (55).

Дѣйствуй какъ мудрый правитель Церкви, Алексій умѣлъ внушить благоговѣніе и почтеніе къ своему сану, и бывши первымъ изъ Свяпипелей Руси, спалъ выше Князей духовною своею власнью. Въ 1357 году, онъ судилъ раепрю Всеволода и Василя Тверскихъ, не переспававшихъ ссориться, осудилъ племянника, и велѣлъ оспашься въ Твери Епископу Θεодору, копорый хопѣлъ удалиться отшуда, не перпя *нестроенія* Княжескаго. Москва явно дружила Василю. Тщешно просивъ защиты въ Ордѣ, Всеволодъ поѣхалъ наконецъ въ Липву, и уговорилъ Митрополиша Романа мирить его съ дядею. Романъ обрадовался случаю, пріѣхалъ въ

(54) Опис. Кіево-Соф. собора, Митр. Евгенія.

(55) Въ 1356 г.—Св. Сергій любовался мѣстоположеніемъ Андроньева монастыря (Карамзинъ, ш. IV, прим. 383), и благословилъ его основаніе.

Тверь, осудилъ Василя, былъ одаренъ Всеволодомъ, и успѣлъ помирить Князей въ 1360 г. Но всѣ возопіяли противъ его своевольства, говорили, что онъ «содѣялъ мяшежъ въ Свяшительствѣ, чего не бысть прежде въ Руси»; что онъ поставленъ въ санъ Митрополита сребролюбимъ человѣческимъ, производилъ только въ церквникахъ смященіе и *тщету имѣнїа*, и въ Тверь пришелъ напраснствомъ и безспидствомъ. Романъ усупилъ, уѣхалъ опять на Волянъ, и умеръ тамъ въ 1362 году (56).

Опасное дѣло предстояло Алексію въ 1357 году. Изъ Орды получено было слово Чанибека: «Слышу, что у васъ есть полъ, свяшой, копорому Богъ ни въ чемъ не опказываетъ. Пошлише его ко мнѣ: пусть моливою своею испроситъ онъ здравіе женъ моей.» Тайдула, кровопильница Русскаго Духовенства, была тогда опчаянно больна. Еще прежде знала она свяшость Алексія, и для путешествія его въ Царьградъ дала ему запасный пропускной ярлыкъ (57). Алексій не поколебался ѣхать въ Орду по слову Чанибека, надѣясь на помощь Божию. Въ самый день отъѣзда его изъ Москвы, загорѣлась сама собою свѣча въ Успенскомъ со-

(56) Карамзинъ, т. IV, прим. 383.

(57) Ярлыкъ Тайдулы, въ *Собр. Гос. грамотъ*, т. II, № 10.

борѣ. Народъ сбѣжался шолпами смотрѣть на чудо. При многочисленномъ собраніи, Митрополишъ пѣлъ молебень, роздалъ свѣчу по кусочкамъ, взялъ съ собою часпъ оной, поѣхалъ въ Орду, и молился съ чудотворною свѣчею. Тайдула исцѣлилась, благодарила Алексія, и поспѣшно отправила его изъ Орды (58): тамъ начались убійства. Сынъ Чанибека, Бердибегъ (59), зарѣзавъ ошца и 12 брапьевъ своихъ, завладѣлъ Ордою. Начиная ошцеубійствомъ, онъ продолжилъ свое владичесство припѣсненіемъ подвласпимыхъ, и слѣдуя совѣшамъ корыстолюбиваго Товлубія, послалъ обременить новыми данями Русскія области. Надѣясь на зашупленіе Тайдулы, Алексій снова отправился въ Орду, и не ошибся въ ожиданіи. Бердибегъ смилвался надъ Русью, и пожаловалъ Русское Духовенство. Свяшпеля Алексія встрѣшили въ Москвѣ шоржешвенно; со слезами благодарили его, поздравляли какъ побѣдшпеля. Восъмилѣпній Димитрій, сынъ Іоанна, говорилъ ему: «Ты подарилъ насъ мирнымъ жишіемъ, Владыко! Чѣмъ воздадимъ тебѣ (60)?»

Митрополишъ отправился послѣ сего въ Кіевъ, для обозрѣнія пашвы. Въ его ошсуществованіи

(58) *Троицк. Лѣт.* (Карамзинъ, т. IV, прим. 384).

(59) По Френу, *Мухаммедъ Бурди-бегъ Ханъ.*

(60) Карамзинъ, т. IV, прим. 384.

скончался Великій Князь (Ноября 13 , 1359) , ушвердивъ дѣшамъ Димитрію и Іоанну, племяннику Владиміру, съ маперью, и вдовѣ Симеона, Московскія волости и движимое имѣніе. Онъ забылъ о Великомъ Княжесствѣ (61).

Изъ Москвы нѣкому было шеперь явиться въ Ордѣ : *Димитрій*, *Іоаннъ*, оспались дѣшми. Алексій воронился изъ Кіева въ Москву, и благоразумно ждалъ, чшѣ будешъ, шѣмъ болѣе, что и Тайдула погибла въ спрашныхъ смяшеніяхъ, какія всколебали шогда всѣ Орды Монгольскія.

Кровожадный Бердибегъ власпвовалъ въ Золошой Ордѣ шолько два года; ушюная въ развращѣ, онъ не щадилъ ближнихъ, и рѣзалъ ихъ для своей безопасности. Развращѣ, прекрашилъ наконецъ отвращительную его жизнь. Кульпа (Аскулла), сынъ недоспойнаго ширана, наследовалъ ему. Тогда явились изъ Крымской Орды : Ханъ Наврузъ (или Урусъ) и двоюродный брашъ его Тохшамышъ. Не прошѣ полугода, и—Кульпа погибъ подѣ мечами убійцѣ, съ двумя сыновьями своими (въ 1359 г.).—Съ его смершію пресѣклось поколѣніе Менгу-Темирово на Капцацкомъ шронѣ. Наврузъ овладѣлъ Ордою. Но не вся Золошая Ор-

(61) Дух. Іоанна , *Собр. Гос. ерашатѣ*. ш. I, № 25.—Іоаннъ предѣ кончиною поспригся , и принялъ схиму; похороненъ въ Архангельскомъ соборѣ (*Типоер. Лвт.* г. 1359-й.)

да покорилась новому Хану. Заславивъ Тохшамыша бѣжашъ и укрылся въ Чагапайскомъ царствѣ Монголовъ, Наврузъ увидѣлъ въ попомкѣ Шейбановомъ, власпшелѣ Заяицкой Синей Орды, Ханѣ Хидырѣ, мспшиселя за Кульпу. Бишва рѣшила споръ ихъ въ 1360 году; Хидыръ овладѣлъ Золопою Ордою. Наврузъ, сынъ его Темиръ, и Тайдула, сообщница сполькихъ злодѣйствъ, погибли. Наврузъ поржеспвовалъ, но недолго: родной сынъ его Мурушъ (или Темиръ-Хожа) зарѣзалъ опца, убилъ брапа своего Куплуя, и думалъ бытъ крѣпкимъ на пронѣ Башыевомъ, обливъ его кровію родныхъ (62).

Одно просное исчисленіе сихъ опвращительныхъ событій показываешъ ужасное соспояніе, въ какомъ находилось погда царство Башыево: въ *четыре* года смѣнилось шамъ *шесть Хановъ*; прое изъ нихъ сѣли на пронѣ Орды опцеубійспвомъ и испребленіемъ родныхъ брашьевъ (Чанибекъ, Бердибекъ, Мурушъ), и

---

(62) Статья Г-на Буткова въ *Сѣв. Архивѣ*. *Наврузъ* (по Френу, Мугаммедъ Неврузъ, или Неврузъ-Бегъ) и *Тохталмышъ* (по Френу, Насиръ-Эдинъ, или Джелалъ-Эдинъ, или Гайясъ-Эдинъ, Махмушъ Тохшамышъ), были праправнуки *Тагай-Тимура*, правнуки Аласъ-Тимура и внуки Хаджи и Сарычая, дѣшп Бадакула и Токела-Хаджи-Оглана. Хидыръ (по Френу, Махмудъ Хыззръ, или Хыдръ Ханъ) былъ внукъ *Балдура*, которому Менгу-Темиръ опдалъ Акъ-Орду Заяицкую.

одинъ междуособною войною и убійствомъ (Хидирь)! Прибавимъ, что всѣ сіи злодѣйства совершались открыто, явно, хладнокровно; сопровождались каждый разъ Азійскимъ безчеловѣчіемъ—смертью людей, близкихъ къ погибшему Хану, грабежемъ, рабствомъ, вельможъ, женъ, родныхъ его...

Но послѣднія, быспрыя перемѣны произвели въ ордахъ общее волненіе. Мурушь владѣлъ Сараемъ; никто не хощѣлъ его слушать. Мамай, проспой Темникъ Чанибека, объявилъ себя прошивникомъ Муруша, не спалъ ему повиноватьсь, ошдѣлилъ орды, бывшія на правомъ берегу Волги, грозилъ погибелью Мурушу, и возвелъ другаго Хана на престолъ Золотой Орды, Авдула, самъ управляя его войсками. Въ то-же время, оспашокъ Синей Орды Хидиря заковывалъ далѣе Сарая, на лѣвомъ берегу Волги, предводимый Амурашомъ, брашомъ Хидиря. Чешыре орды ошдѣлились еще въ разныхъ мѣстахъ, избравъ мѣспопребываніямъ своимъ: *Азовъ, Наругать, Казань, Астрахань*. Могущественная орда соспавилась ошдѣльно на берегахъ Яика. Половецъ Эдигей, учредивъ пребываніе свое въ Сарайчикѣ, сдѣлался главнымъ Бій-улу, или власпипелемъ сей новой орды, назвавъ ее *Мангитскою*, по главному улусу, или *Ногайскою*, шо еспъ: *Луговою*. Въ то время, какъ Эдигей пѣснилъ Амураша, Мамай го-

появился ниспровергнушь опцеубійцу Муруша. Кровь Монголовъ лилась повсюду въ гибельныхъ междуособіяхъ (63).

Руссы видѣли несчастное состояніе своихъ власшителей, не думали употреблять его для государшвеннаго блага, и пока мудрый Алексій оснавался въ благоразумномъ ожиданіи, Князья спѣшили пользоваться переменами въ Ордѣ, и наперерывъ являлись по къ одному, по къ другому Хану. Угрожаемые непрерывною опасностью, сидя на зыбкомъ, окровавленномъ пронѣ Ордынскомъ, Ханы рады были случаю взять что можно съ Русскихъ Кня-

---

(63) Мамай, какъ Тимуръ Чагатайскій, никогда не принималъ названія Хана. На мѣстѣ *Наругатской* Орды нынѣ городъ *Нарогатъ*, Пензенской губерніи. Основашелемъ сей Орды Лѣтописи называютъ Тагая Бездежскаго (ксташи о *Бездежѣ*: не шамъ-ли онъ находился, гдѣ по *Книгѣ большаго тертежа* поставленъ городъ *Бешкызъ* — «Опъ моря Каспійскаго, возлѣ пещи, пять мечешей Ташарскихъ, *Бешкызъ*; а опъ песковъ 30 верспъ бугры, а въ нихъ два колоезя; а опъ пѣхъ бугровъ, 60 верспъ къ Аспрахани, другіе бугры Чагатъ») ? *Сарайтикъ* (ш. е. *Малый Сарай*), находился на Уралѣ; развалины его еще замѣшны донынѣ близъ нынѣшней Сарайчиковской крѣпости, верстахъ въ 60 опъ устья Урала. Имя *Ногайской* Орды производитъ Г-нъ Бушковъ опъ словъ: *Нагань - нуу*, ш. е. *Зеленый лугъ*.

зей-челобипчииковъ , и спѣшили выдавать имъ граматы, на что угодно.

Немедленно по кончинѣ Иоанна , прѣехали въ Сарай Суздальскіе Князя. Они заспали памъ въ живыхъ Хана Навруза, который назвалъ Великимъ Княземъ перваго, кто попросилъ сего шипула : эшо былъ *Димитрій Константиновичъ* Суздальскій. Алексій Митрополишъ находился во Владимірѣ ; шуда прѣехалъ новый Великій Князь, въ концѣ Іюня 1360 г. , и основалъ пребываніе въ семъ городѣ. Кажется , что даже родные братья видѣли непрочнось и неумѣспнось Димитріева честолюбія. По крайней мѣрѣ , Андрей , старшій братъ его , не захошълъ шребовапъ себѣ Великаго Княжества (64). Митрополишъ благословилъ Димитрія Конспаншиновича, но не оставлялъ Москвы, и пока Олгердъ швоевольшповалъ въ Смоленскѣ , Ржевѣ и Брянскѣ , и новый Великій Князь судилъ въ Костромѣ Русскихъ разбойниковъ , разграбившихъ Жукопинъ , Князь Конспаншинъ Росповскій и Князь Димитрій Галицкій выпросили въ Ордѣ независимыя граматы на свои владѣнія (65). Новгородцы, любившіе опца Димитріева , Кон-

(64) Карамзинъ, т. IV, 295.

(65) Ист. Г. Р. т. IV, прим. 396.—Въ *Арханг. Лѣт.* (спр. 69) походъ на Жукопинъ приписанъ Новгородцу Анеалу Никишичу, который собралъ вашугу удальцовъ, и грабилъ по Волгѣ Ташарскіе города и улусы.

шаншина, признали власть Великаго Князя, но съ излишкомъ выговорили себѣ всѣ прежнія свои льготы (66).

Такъ прошло около прехъ лѣтъ. Алексій и совѣшники юнаго *Димитрія Іоанновича* Московскаго имѣли время пригошовишься, сообразишь всѣ обспояшельсва, и положили, что время дѣйствовашъ наконецъ настало. Они начали смѣло, быспро, безосановочно.

Еще въ 1361-мъ году, 11-ши лѣтній *Димитрій Іоанновичъ* былъ въ Ордѣ, вмѣспѣ съ *Андреемъ Суздальскимъ*, *Коншанпиномъ Росшовскимъ* и *Михаиломъ Давидовичемъ Ярославскимъ*. Они прѣехали къ Хану *Хидырю*. При нихъ *Мурушъ* возспалъ на опца, убилъ его и браша, и черезъ нѣсколько дней *Мамай* поднялъ знамя бунша. *Мурушъ* бѣжалъ. *Мамай* рѣзалъ его сообщниковъ, избиралъ новаго Хана. Въ *Сараѣ* засѣлъ на эшо время брашъ *Хидыря*, повелишелъ *Синей Орды*, *Амурашъ* (67). Подвергаясь гибели, Князья Рускіе спѣшили уѣхашъ изъ Орды, и благополучно достигли опчизны. Только на *Андрея Суздальскаго* нападалъ дорогою какой-шо *Ряпяхозя*, но *Андрей* отбился отъ злодѣевъ. Князь *Росшов-*

(66) Новг. лѣт. годы 1353 и 1360-й.

(67) Или *Мюридъ Ханъ*, по *Френу*.

скій былъ ограбленъ , но по-же спасся (68). Въ числѣ Русскихъ бѣглецовъ находился и будущій побѣдитель Мамай, опрокъ Димитрій. Вѣроятно, поѣздка его имѣла уже цѣлю предпріятіе, обнаружившееся на другой годъ. Пока Мамай управлялся на нагорной споронѣ Волги , гдѣ являлись непрерывно новые Хань, пока Мурушъ бѣгалъ за Волгою , Сарай все еще осматривался за Амурапомъ.

Къ изумленію всѣхъ, юный Московскій Князь, совсѣмъ нечаянно , объявилъ права свои на *Великое Княжество*. Димитрій Ковстаншиновичъ заспорилъ. Москва не уступала , и звала его на судъ къ Сарайскому Хану ; Бояре Московскіе и Суздальскіе явились въ Сарай, вѣроятно попому, что самимъ Князьямъ было опасно проѣхашъ въ мѣспопребываніе Ханское. Амурашъ , конечно, не ждалъ шакой почести, и охотно присудилъ первенство Князю Димитрію Московскому. Димитрій Констаншиновичъ не думалъ соглашашъся, хотѣлъ искашъ новаго суда, и былъ испуганъ твердою рѣшительностію Москвы. Дружины Московскія сподли уже готовыя; онъ быспро двинулись къ крѣпкому Переяславлю. Ими предводили дѣпи: *Димитрій, Іоаннь, Владиміръ*; но сихъ дѣшей окружали опытные вожди, совѣтники дѣда Іоанна, дяди Симеона; съ ними, шор-

---

(68) Исп. Г. Р. Т. IV , прим. 396. Спр. Лѣт. годъ 1361-й.

жественно шесшвовалъ Свяпишель Алексій. Не гоповый къ ошпору, Димишрій Конспаншиновичъ ушелъ во Владиміръ. Его преслѣдовали, и засшавили бѣжашъ въ Суздаль. Во Владимірѣ, со всѣми обрладами, возсѣлъ Димишрій Іоанновичъ на Великокняжесшво, благословенный Свяпишелемъ Алексіемъ. Три недѣли прожилъ онъ шамъ, и возвратился въ Москву (69)

---

(69) Спр. Лѣш. годъ 1362-й. — Коспр. Лѣш. ш. I, спр. 180, 181. — Часшныя замѣчашельныя собышя, съ 1340 года: послѣ нападенія Олега Рязанскаго на берега Лопасни въ 1353 г., пріѣзжалъ изъ Орды въ 1358 г. въ Рязань какой-шо Мамашъ-Хожа, и всшупался въ раздѣленіе границъ между Рязанью и Москвою; его не послушали. — Въ 1345 г. умеръ непріашель Калупы, Василій Давидовищъ Ярославскій. — Въ 1351 г. Князь Георгій обновилъ древній, запусшѣлый послѣ Башычъ Муромъ; но въ 1355 г., по суду Ханскому, Муромъ былъ опданъ племяннику Князя, Феодору, и Георгій умеръ въ бѣдспвіи. — Въ 1345 г. едва Посадникъ успѣлъ сойдши съ Вѣча Новгородскаго на Торговую спорону, льдомъ разнесло моспъ Волховскій. Софіяне избрали другаго Посадника; рѣка разлучила соперниковъ, и они помирились. — Но въ 1359 г. дѣло дошло до битвы: жипели Славянскаго Конца пришли на Вѣче въ доспѣхахъ, разогнали, прибили безоружныхъ гражданъ, и избрали въ Посадники Селиверсша. Все зашумѣло; Славянцы разобрали моспъ, но другіе Концы хопѣли сражашься съ ними, шридня спояли съ оружіемъ, разграбили села Селиверсша и ливянцевъ. Владыка Моисей, снова опказавшійся по-

гда опть своего сана (и черезъ годъ послѣ сего умершій), не смотря на дряхлость и болѣзнь, пришелъ съ новоизбраннымъ Владыкою Алексіемъ, и съ духовенствомъ, смиряя враговъ. «Дѣши!» говорилъ онъ имъ, «не *доспѣйте* брани, похвалы поганымъ, пустошы мѣсту сему и церквамъ, не спсупайтесь на бой!» Распроганные Новгородцы послушались Архипаспыря, Селиверстъ былъ смѣненъ «и не попусти Богъ до конца діаволу порадоваться».—Въ 1360-мъ г. жестокой моръ возобновился въ Псковѣ; храбрый Евстафій Изборскій умеръ тогда, съ двумя своими сыновьями; Владыка Новгородскій, Алексій, ѣздилъ по просьбѣ жипелей во Псковъ, обошелъ городъ съ крестами, служилъ обѣдни, и «была Псковичамъ милость Божія: переспалъ моръ.» Пожары нѣсколько разъ опустошали Новгородъ: въ 1347 г. сгорѣлъ Славянскій Конецъ до Нупной улицы; въ 1348-мъ былъ пожаръ дважды: сгорѣли церковь и Людогощая улица; попомъ улицы Волосова, Дрбрынина, Прусская и Чудинцева, съ 5-ю церквами; въ 1360-мъ году выгорѣлъ Гончарскій Конецъ, и сгорѣло 7 церквей. Москву опустошилъ пожаръ въ 1313 году: однѣхъ церквей сгорѣло тогда 28; въ 1354 г. выгорѣлъ Московскій Кремль и сгорѣло 13-ть церквей.—Въ 1360 году, замѣтили въ Филипповъ постъ знаменіе: «Мѣсяць, аки темною кровію покровень сошворился, на чистомъ небѣ;» въ Великій постъ того-же года: «Аки огненны зари явишася, опть востока восходящи черезъ небо.» Руссы думали, что это означало великій мятежь и кровопролишіе въ Ордѣ. (См. Лѣтописи: *Новгородскую*, въ Продолженіи Вивлюеики, *Костромскую*, *Строевскую*, *Софійскую*, *Воскресенскую*, *Троицкую* (въ прим. Карамзина къ IV тому *Ист. Гос. Росс.*), и другія—кромя *Никоновской*, на которую мы не ссылаемся.

Г Л А В А П.

У народа ешь своя памяшь: эшо не оспори-
мо, и сія памяшь не спрашиваешся Исторіи; она сама избираешъ себѣ героевъ, облакаешъ ихъ поэпическими вымыслами и славишь въ вѣкахъ. Иногда, она знаешъ одно событіе въ жизни какого-либо Государя или великаго челоуѣка, забываетъ всю оспальную жизнь его, и говоришь о немъ по эшому *одному* событію, избранному ею. Такъ въ народной памяши Англичанъ сохранился Альфредъ Великій, у Французовъ Генрихъ IV-й; у Шотландцевъ жива памяшь Брюса — у насъ *Димитрія*. Съ наименованіемъ *Донскаго*, народъ празднуешъ въ имени Димитрія воспоминаніе *великаго Задонскаго побоища*, великую побѣду Димитрія, и — 26-ши лѣтнее княженіе сего Государя исчезаешъ передъ нимъ, оставляя мѣсто одному; что разипельно изображаешъ для него Димитрія: *герой, побѣдитель Мамая* (70). Исторія безприспращиѣе памя-

---

(70) Такъ въ Европѣ; когда на Воспокѣ, напрошивъ, съ именемъ героя, какого нибудь *Искандера*, сливаюпся событія цѣлыхъ спольшій (См. *Ист. Р. Н.* ш. I, пр. 101 и 151.

ши народной: она разсмашриваетъ хладнокровно причины и слѣдствія; оцѣняетъ лавры побѣдителя, и не рѣдко выше ихъ спавишь дѣла власпишеля, сошедшаго во гробъ безъ шумящей славы. Но Димитрій великъ и при безприсрашнїи Историческомъ, великъ не по одной только Куликовской битвѣ — первой побѣдной пѣсни Русовъ. Димитрій былъ однимъ изъ достопамяшнѣйшихъ Князей, продолживъ начашое дѣдомъ его Іоанномъ и дядею Симеономъ; ушвердивъ, среди бѣдствїй, неизмѣнною волею своею, силу Москвы; мужеспвенно прошиваясь могуществу грознаго Олгерда; начавъ уничтоженіе удѣльныхъ Князей; опшважась на смѣлую, и кошя неудачную, но явную борьбу съ Монголами, и передавъ единовласшіе въ родъ свой.

Буншовщикъ Мамай завладѣлъ многими часпями Золошой Орды, не кошѣлъ самъ принимаши названія Хана, но повелѣвалъ, какъ Государь самовласпный, беспрешанно возвода на прешполь Орды безвласпныхъ Царей. До гибельнаго ему 1380-го года, онъ перемѣнилъ чешпрыхъ Хановъ: Авдула, Барахомзю (1364—1369 г.), Мамашъ-Сулпана (1370 г.), и наконецъ Ашюляка (сына Мамашова и сешсры Мамаевой). Не смощря на сопрощивленіе ему опдѣльныхъ Ордь, и на шо, что Амурапъ все еще владѣлъ Сараемъ, и не покорялся, Мамай былъ спрашенъ

и опасенъ. Рѣшились задобрить и этого бунтовщика; просили у него граматы, получили ее благосклонно отъ имени царствовавшего тогда Хана Авдула, и Димитрій снова возведенъ былъ на Великокняженіе во Владимірѣ, Посломъ Ханскимъ. Амурашъ разгнѣвался; не могъ послать войска, но послалъ новую грамоту Димитрію Суздальскому, который захотѣлъ воспользоваться дозволеніемъ Хана, снова пріѣхалъ во Владимірѣ, и снова былъ изгнанъ Московскими дружинами. Онъ бѣжалъ безъ сраженія, былъ осажденъ въ Суздаль, увидѣлъ свое безсиліе, примирился навсегда и искренно. Отказываясь отъ Великаго Княжества, Князь Суздальскій прислалъ въ Москву прешью грамоту Амурашову, по которой еще разъ отдавали ему Великокняжество (71).

(71) Имена Хановъ, которыхъ возводилъ и низвергалъ попеременно Мамай, были, по утверженію Г-на Бупкова: *Аладжи Оглу, Барахъ Ходжу, Тамано-Салтанъ*. Г-нъ Френъ называетъ Авдула—*Абдъ-Улла Ханъ*, Мамагъ Сулпана—*Гайсъ Эддинъ Мусаммедъ Булакъ Ханъ*, а Ашюляка—*Тулунъ-Бегъ Ханъ*. Онъ упоминаетъ однакожь о монетѣ, на которой Мамай названъ *Ханомъ*. Впрочемъ, сія монета сомнительна. Она выбита въ Азовѣ, 763 года Эгиры (1361 г.). Наши Лѣтописи утвердительно сказываютъ, что Мамай никогда Ханомъ не былъ. Карамзинъ (п. V, 9) говоритъ, будто *третью* грамоту Ханскую Князь

Въ 1367 году, союзъ Димитрія Констаншиновича съ Москвою укрѣпился бракомъ добродѣтельной дочери его, Евдокии, съ юнымъ Великимъ Княземъ. Москва успѣла оказать ему еще прежде того важную услугу. Старшій братъ его, Андрей Констаншиновичъ, скончался въ 1365 году. Борисъ Городецкій занялъ Нижній Новгородъ, не хошѣлъ уступити Димитрію Констаншиновичу, и выпросилъ себѣ граману отъ Ордынскаго Хана. Оскорбленный Димитрій Констаншиновичъ обратился въ Москву. Увидѣли поразительное зрѣлище: вмѣсто дружинъ, пріѣхалъ въ Нижній Новгородъ пустынножитель, Игуменъ Троицкаго монастыря, *Святой Сергій*. Тщешно уговаривавъ Бориса, онъ подвергъ его наконецъ церковному проклятію, заперилъ въ Нижнемъ всѣ церкви, прекратилъ богослуженіе, и, именемъ Митрополиша Алексія, лишилъ сана Епископа Алексія, вѣрояпно, защищавшаго Бориса. Устрашенный Борисъ, слыша, что старшій братъ его въ по-же время идетъ изъ Москвы съ дружинами, смирился, встрѣтилъ его съ почешью, и удовольствововался прежнимъ своимъ удѣломъ. Дѣйствіе Москвы могло показаться смѣлымъ въ Ордѣ, ибо граманя Бори-

---

Суздальскій получилъ отъ Хана *Азиса* (такъ и въ *Типогр. Лвт.* 102), но Г-нъ Бушковъ доказываетъ, что *Азисъ* было одно изъ именъ Амурапа.

су была дана не ошь безсильнаго Амураша , но ошь Барахомзи. Василій Кирдяпа, сынъ Димитрія Конспаншиновича , посланъ былъ въ орду объяснить сущность дѣла Мамаю (72).

Поддерживая доспоинство Великаго Княжества споль самовласнымъ рѣшеніемъ Княжескихъ споровъ , еще смѣле поступила Москва въ Галичѣ , Спѣродубѣ , Росшовѣ : Князьямъ двухъ первыхъ обласпей была объявлена спаринная покупка Галича и Углича Калипою ; ихъ выгнали изъ владѣній , и заспавили бѣжапъ въ Нижній и Успюгъ. Съ тѣхъ поръ Галичъ и Паволожье зависѣли ошь Москвы. Князь Ростовскій долженъ былъ признапъ свою зависимость

(72) Стр. Врем. 1 340, Арханг. стр. 71 Костр. 1, 183, Тип. стр. 103. — Вопъ одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ, доказывающихъ великую Государственную власть, обширную полипику Алексія Митрополиша, и силу Религіи , каковую обращалъ онъ на благопворныя дѣла полипическія. Карамзинъ ничего этого не видалъ , и думалъ, что Св. Сергій былъ проспо посыланъ ошь Димитрія. Онъ говоритъ: «Древнее обыкновеніе употребляпъ людей духовныхъ въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ еще не перемѣнилось» (п. V. 10), и проч. Андрей Суздальскій, принявшій передъ кончиною схиму , погребенъ въ Нижегородск. соборѣ Св. Спаса. Добродѣтельная супруга его посприглась послѣ его кончины и опличалась благочестіемъ (Исп. Г. Р. п. V. пр. 4).

ошъ Москвы, наравнѣ съ Ярославскими Князьями (73).

Безсильные на борьбу, Князья уступали; Новгородъ также смирялся, слушался Москвы; оставалось укрѣпиться со стороны Рязани и Твери, поддерживая до времени покорность Ордѣ. Но въ Рязани княжилъ гордый, отважный Олегъ—Гедиминъ въ маломъ видѣ; Тверь казалась покорною, ища посредничества и суда въ распряхъ Василя Михайловича съ дѣшными брата его Александра. Мы говорили о ссорахъ слабодушнаго Всеволода Холмскаго съ Василиемъ. Но вскорѣ и въ Твери явился свой Олегъ.

Бѣдспвія, испытанныя Русью въ спрашныя годы *Черной смерти*, снова посѣпили Русскія области. Послѣ мора Псковскаго (въ 1360 г.), зараза появилась на Волгѣ; въ 1364 г. опустошила Нижній, Переяславль; въ 1365 г. Росшовъ, Тверь, Торжекъ, въ 1366 году Москву и другія области (74). Смертносшь была ужасная.

(73) См. описаніе княженія Калипы. Въ Лѣтописяхъ Сптр., Костр. и другихъ: «Сгони В. К. Князей изъ Галича, да Князя Ивана Спародубскаго — Князь Конспаншинъ Ростшовскій съѣхаль на Успюгъ,» и проч.

(74) При семъ появленіи заразной болѣзни, смѣшивались признаки Черной смерти (см. пр. 41) съ признаками наспоющей моровой язвы, или чумы (*Типогр. Лѣт. сптр. 101.*)

Замѣшимъ, что современники не смѣли или не хошѣли приписывать язвъ кончины знаменитыхъ особъ; но въ теченіе двухъ лѣтъ умершіе: въ Нижнемъ Андрей Конспаншиновичъ, въ Ростовѣ Князь Конспаншинъ, его супруга, Епископъ, въ Твери дѣши Александра Михайловича: Всеволодъ, Андрей, Владиміръ, машъ ихъ и супруги, сынъ Конспаншина Михайловича, Симеонъ, его супруга, и въ Москвѣ единственнѣй братъ Великаго Князя Іоаннъ, пошомъ машъ его (въ 1364 г.) — не показывающъ-ли, что все они были жертвою одной губипельной болѣзни (75)? Въ по-же время (1365 г.) Москва загорѣлась, лѣшомъ, среди сильныхъ жаровъ, и спрашно выгорѣла; сгорѣли и Кремлевскія деревянныя спѣны. Великій пожаръ сей, начавшійся опъ церкви Всѣхъ Святыхъ, былъ названъ *Всесвятскимъ* (76).

Оспаваясь одинъ, съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ, Великій Князь долженъ былъ подшвердинъ договоры дружбы, союза, послушанія

(75) Упомяная о кончинѣ Митрополица Феогноста, Архіепископа Василя, Симеона Гордаго, и другихъ Князей и знаменитыхъ особъ, лѣшописцы нигдѣ не прибавляютъ, что они умирали опъ общаго заразительнаго повѣспрія. Братъ Димитрія названъ въ Лѣш. Іоанномъ *малымъ*. Онъ владѣлъ Звенигородомъ (Дух. Іоанна II-го, въ *Собр. Гос. грамотъ*).

(76) Тр. Лѣш. (Карамзинъ. V, пр. 6).

взаимнаго. Князья клялись въ присущствіи Митрополипа Алексія. Желая ошврашитъ всѣ недоразумѣнія мѣлочныя и распри между сановниками, Свящипель наполнилъ множеспвомъ подробноспей договоръ Князей (77). Не унывая среди ужасовъ, онъ благословилъ оградишь Москву крѣпкою защишою, и скоро облегли Кремль Московскій каменныя стѣны, съ глубокими рвами и желѣзными ворошами. Москва быспро возникла изъ пепла (78).

Новыя ссоры начались между оспавшимися въ живыхъ Тверскими Князьями, и особенно между Василиемъ Кашиескимъ и Михаиломъ Александровичемъ, завладѣвшимъ Тверью послѣ смерти брашьевъ. Москва не знала еще характера Михайлова, непреклоннаго и мужеспвеннаго;

(77) *Собр. Гос. грамотъ*, I, № 27. «Цѣловали есмы креспъ у отца своего, у Алексія Митрополита.»

(78) Типогр. Лѣш. годъ 1366-й. О желѣзныхъ ворошахъ Московскаго Кремля, см. описаніе Тохпамышева нашеспвія въ Лѣшописяхъ. Кромѣ пяти извѣспныхъ донынѣ Кремлевскихъ ворошь, были еще шеспныя: *Константино-Еленскія*; они вели на Варварку, опъ Кремлевскаго подола, или церкви Конспанпина и Елены, но попомъ были закладены, и во рву Кремлевскомъ, опспунивъ опъ нихъ, былъ складенъ шайный *вастѣнокъ* для пыпки преступниковъ, именованшійся Конспанпиновскимъ; входъ въ него былъ изъ Кремля, на мѣспъ закладенныхъ ворошь.

забыла о сильномъ Олгердѣ Липовскомъ, родственникѣ Михаила, и думала, что жалобы Тверскихъ Князей, одного на другаго, будущъ для нея средствомъ подчинишь себѣ Тверь. Михаила, Василия, и жалкаго Еремія Конспанпиновича, княжившаго въ Тверскомъ Дорогобужѣ, уговорили рѣшить дѣло *духовнымъ судомъ*. Алексій далъ полномочіе Тверскому Епископу. Современники явно заговорили, что «Князь Великій хочеть привести всѣхъ Князей Русскихъ подъ свою волю, а которыя не будутъ повиноваться, тѣхъ принудишь.» Но Епископъ ничего не понималъ, и добродушно оправдалъ Михаила, обвинилъ Василия и Еремія. Его немедленно позвали въ Москву къ Митрополиту, обложили данью, и уничтожили судъ его. Михаилъ бросился въ Липву. Василий, получивъ помощь Московскую, занялъ Тверь, пожегъ селенія, и едва успѣлъ убѣжать отъ Михаила, возвратившагося съ Липовскою помощью. Жена его, жена Еремія, Бояре, достались въ руки Михаила; Москва помирилась съ Михаиломъ, не препятствовала ему тѣснить Василия, и взялъ миръ на всей волѣ. Василий и Еремій повиновались; Михаилъ назвалъ себя *Великимъ Княземъ Тверскимъ*—но не надолго (79).

---

(79) Ист. Г. Р. V, пр. 9, 10. Тверской Дорогобужъ нынѣ село *Дорожево*. Ников. *Лѣтописецъ* вмѣщаетъ

Еремій ошправился въ пошъ-же годъ въ Москву, и жаловался на новыя обиды. Михаила дружески пригласили къ Великому Князю, опъ имени его и Мишрополиша, разобрать споры *третьими*. Михаилъ прїѣхалъ, увидѣлъ приспра-спіе судей, заспорилъ; его объявили *плѣнникомъ*. Только заспуленіе Ханскаго Посла, бывшаго погда въ Москвѣ, избавило Михаила опъ шем-ницы, и онъ въ гнѣвѣ уѣхалъ въ Тверь, назы-вая Мишрополиша и Димитрія *клятвопреступ-никами*. Но еще онъ не хотѣлъ вражды. Москва не боялась гнѣва Тверскаго Князя; удержала за Ереміемъ Тверской Городецъ. Василій Кашп-скій умеръ; дружина Московская явилась въ Тверь, будпо-бы защищать сына его Василя. Михаилъ поклялся наказать Москву, и — здѣсь было начало десятилѣтней, тяжкой вражды, ги-бели множества людей, и тяжелаго урока Мо-

---

послѣ описанія мира Димитрія съ Михаиломъ любо-пытное философствованіе. Онъ говоритъ, что ми-ру сему «радовахуся Бояре ихъ, и вси вельможи ихъ, шако-же гости и купцы, и вси работники, людіе, роды и племена Адамовы; вси-бо сіи единъ родъ и племя Адамово; и Цари, и Князи, и Бояре, и Вельможи, и гости, и купцы, и ремесленницы, и работные люди единъ родъ и племя Адамово; и забывшеса, другъ на друга враждуютъ, и ненави-дятъ, и грызутъ, и кусаютъ, опстоюще опъ за-повѣдей Божіихъ», и проч.

сквѣ, въ помѣ, съ какимъ прудомъ и болѣзнію совершающія великія перемѣны государственныя (80).

Олгердъ находился въ какомъ-то полу-мирѣ съ Москвою, около 18-ми лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ подружился и породнился съ Симеономъ. Москва не препяпспвовала ему спѣсняшь Смоленскъ, ссорилъся со Псковомъ, и распроспранялъся на югъ, совершенно погибшій для Руси. Олгердъ не враждовалъ за то, когда Москва не опдавала ему Ржева, шѣснила Тверь, унижала

---

(80) Вотъ еще одно изъ замѣчательныхъ полипическихкихъ дѣлъ Алексія Мипрополипа, ибо онъ былъ руководителемъ всѣхъ сихъ сношеній съ Тверью. Карамзинъ опять приписываетъ все не Алексію, но другимъ, съ прибавленіями опъ себя, будто Михаилъ для того пріѣзжалъ въ Москву, «что желалъ видѣть столицу Димитрія, тогда уже славную въ Россіи, узнать его лично, бесѣдовать, и проч.—Вообще о поступкѣ съ Михаиломъ онъ говоритъ: «Обманъ, недостойный правителей мудрыхъ (п. V, стр. 16)!» Но если-бы Михаилъ не былъ необыкновенно мужественъ и твердъ, то Алексій успѣлъ-бы совершить безъ брани и кровопролитія то, что сдѣлалъ уже онъ съ Галичемъ, Ростовомъ, Стародубомъ, и тѣмъ легко уничтожилъ-бы сильнаго соперника Москвы. Такую государственную мѣру имѣлъ въ виду великій Свяшитель, а совѣтъ небылъ онъ «невольнo вовлеченъ въ дѣло, пропивное совѣспи.» Доказательство находимъ въ наказаніи Тверскаго Епископа, который оправдалъ Михаила, и въ послѣдствіяхъ.

зяшя его Бориса Городецкого; Москва уважила помощь Липвы Михаилу, въ 1367- году. Но въ сіи восемнадцашъ лѣтъ, власшвуя совершенно Липвою, Олгердъ успѣлъ приобрѣсти силу, въ непрерывныхъ войнахъ съ Польшею и Нѣмецкими Рыцарями, твердой дружбою брата Кейспуша, и храбростію 12-ти сыновей своихъ, и Виповпа, сына Кейспушова, еще юнаго, но уже подобнаго мужественному опцу. Напрасно Венгрія и Монголы вмѣшивались въ пришізанія Олгерда на Галичъ и Волинь. Онъ умѣлъ отбить ихъ. Напрасно попомъ мнимо-*Великій* Людовикъ наслѣдовалъ *Великому* Казиміру въ Польшѣ: Олгердъ не боялся его, и, пользуясь смяшеніями Орды, гналъ Монголовъ изъ-за Днѣпра, воевалъ до береговъ Чернаго моря, овладѣлъ древними Русскими землями: Кіевъ считался удѣломъ сына его Владиміра. Лѣпописцы, вообще не любя хвалишь враговъ Руси, говорятъ объ Олгердѣ, что «онъ превзошелъ всѣхъ брашій своихъ власшію и сапомъ, ибо не пилъ ни вина, ни меду, ни пива, ни квасу кислаго, и великоумствомъ воздержанія прибрѣлъ крѣпкую думу, и многій, промыслъ пріялъ, города и Княжества многіе захватилъ, удержалъ себѣ честь великую, и умножилъ владѣнія паче опца и дѣда. «Когда Олгердъ хопилъ куда дѣди на войну,» прибавляюшь они, «обычай у него былъ: не говоришь объ эпомъ ни своимъ, ни чужимъ, да не будетъ

услышана дума его неприипелемъ. И такою-шо хипроспью много земель завоевалъ Олгердъ, не сполько силою, сколько умѣньемъ (81).»

Такъ ничего не знали въ Москвѣ, когда при-

(81) Спроевск. Врем. I. 351.—Владиміръ Андреевичъ отнялъ Ржевъ у Липвы въ 1368 г. (Типогр. Лѣт. стр. 106). — Въ именахъ, удѣлахъ и самомъ числѣ сыновей Олгерда находимъ разнорѣчія. Вошъ они, по изслѣдованіямъ Лелевеля: *Яселло*, род. 1348 г.; *Скириселло*—Казиміръ; *Свидриселло*—Болеславъ, Левъ; *Вицундъ*—Александръ; *Миниселло*; *Владиміръ* Кіевскій; *Лусеній*—Симеонъ; *Андрей* Полоцкій; *Корибутъ*—Димитрій Брянскій, родоначальникъ Вишневецкихъ; *Кориселло*—Казиміръ, родоначальникъ Чарпорійскихъ; *Бутава*—Конспаншинъ, Борисъ. Въ нашихъ Лѣтописяхъ нѣшъ *Вицунда*, но они именуютъ *Теодора* и *Кербута*; Сприковскій еще болѣе пушается. Его преувеличенныя извѣстія о побѣдахъ и завоеваніяхъ Олгерда (будто онъ взялъ *Херсонъ* въ Крыму, и проч.) повпорены у Карамзина (ш. V, стр. 17). Завоеванія Олгерда ограничивались на воспокъ печеніемъ Днѣпра до пороговъ. Въ нашихъ Лѣтописяхъ: «въ 1462 г. Князь Олгердъ Синюю воду и Бѣлобережье повоева.» *Бдлобережье*, см. Исп. Р. Н. ш. I, пр. 132; о *Синихъ водахъ*, въ *Книгѣ большаго тертежа*: «А вверхъ по рѣкѣ Бугу (ошъ Лимана морскаго 50 верстѣ) пала въ Бугъ рѣчка Синяя вода; а на рѣкѣ Синей водѣ, 70 верстѣ ошъ Буга, городъ Синяя вода.» Вошъ южный предѣлъ власпи и побѣдъ Олгерда.—Вишовшъ, сынъ Кейштуша, родился въ 1350 году.

шла внезапная вѣсть о вступленіи сильныхъ дружинъ Олгерда въ предѣлы Московскіе. Наскоро выслали опрядъ войска, встрѣтитъ его. Гонцы поскакали сзывать дружины и Князей. Близъ Тросшенскаго озера разбиши были Олгердомъ высланные Москвичи; воевода Акинѣй Шуба палъ въ битвѣ. Означая пупъ свой пожарами и смертью, Олгердъ *сталъ подъ Москвою* въ концѣ Ноября (Тросшенская битва была Ноября 21 ч.). Въ Кремль наскоро затворились Великій Князь, Владиміръ, Митрополишь, избранная дружина; посады Московскіе были сожжены. Три дня споялъ на пепелищѣ Олгердъ, грабилъ, что могъ, и удалился безпрепятственно.

Кажется, что переговоровъ не происходило; но присущіе Михаилу въ спанѣ Олгердовомъ показывало, зачѣмъ приходилъ Князь Липовскій. Вспоминая, что отъ *Федорчуковой* раши не было такого зла Руси, а отъ Липвы еще никогда подобнаго не бывало, Москва согласилась на уступку Городца, Твери, и опступилась отъ Еремія (82). Но не прошло го-

---

(82) *Тросшенское* озеро, Моск. губ. въ Рузскомъ уѣздѣ.—Взявъ *Оболенскѣ* (нынѣ слобода, на рѣкѣ Нарѣ, Калужск. губ.), Липовцы убили въ немъ Князя Константина Оболенскаго. *Типографск. Лвт.* стр. 107.—«Се же первое зло Москвѣ отъ Липвы сотворися,» и проч.—О *Федорчуковой* раши, см. т. IV, годъ 1327-й.

да, какъ Димитрій самъ объявилъ войну Михаилу. Началось опустошеніемъ Зубцова, Микулина (1370 г.). Михаилъ не могъ, по видимому, уговорить Олгерда, отправился въ Орду, и вывезъ грамагу Маманъ-Султана на Великое Княжество. Къ изумленію Ханскаго Посла, Рускіе ему не внимали. Тогда опкрылись умыслы Олгерда: разсѣянные отряды Московскіе еще не были готовы къ отпору, а онъ уже споялъ близъ Волоколамска, быстро двинувшись по зимнему пуши. Князь Березуйскій начальствовалъ въ Волоколамскѣ, и при дня защищался мужесшвенно. Димитрій думалъ, что войско успеетъ между пѣмъ соединиться; но Олгердъ повернулъ прямо на Москву; 6-го Декабря онъ окружилъ Кремль, и сжегъ Московскій посадъ, едва опстроившійся. Но Олгердъ видѣлъ опасность: наступала опшелель; опъ Пронска, опъ Перемышля, изъ Суздальскихъ обласшей (гдѣ Алексій Митрополитъ дружески гостилъ въ то время, и крестилъ сына у Бориса Городецкаго), шли войска; Кремль не сдавался, и Олгердъ самъ предложилъ *огньный миръ*, будучи готовъ укрѣпить его брачнымъ союзомъ Владиміра Андреевича съ дочерью своею Еленою. Предложеніе принято; заключили перемиріе, и Михаилъ, видя себя преданнымъ мщенію Москвы, снова отправился въ Орду. Тамъ еще разъ выдали ему грамагу на Великое

Княжество. Великодушно не взявъ войска Ордынскаго, Михайлъ съ горесью увидѣлъ, что ни Московскій, ни другіе Князья, не слушаются престога приказа Ханскаго. Напрасно Сары-Ходжа, Посоль Мамай, звалъ Димитрія во Владимірѣ, на судъ и слушаніе Ханскаго ярлыка. «Не ѣду слушашь ярлыка, не опдаю Великаго Княжества, а ны всюду поѣзжай свободно» — отвѣчалъ Димитрій. Богатые дары были посланы къ Сары-Ходжѣ. Онъ опдалъ Михаилу ярлыкъ Ханскій, а самъ поѣхалъ въ спанъ Димитрія, который расположился тогда на Мологѣ, и загородилъ пушью Михаилу въ Тверь. Михайлъ пробрался черезъ сѣверныя области, а Димитрій повезъ Сары-Ходжу въ Москву, мало заботясь о томъ, что Тверишяне мстятъ ему раззореніемъ областей. Сары-Ходжа сдѣлался другомъ Москвы (83).

Время уже было Димитрію подумать о дружбѣ Ордынцевъ. Оказавъ дважды неповиновеніе Хану, онъ могъ ожидать бѣды, и только благосердіе Михаила спасло Русь отъ раши, хуже Федорчуковой, когда Олгердъ и Тверь сидѣли въ то-же время на плечахъ Москвы. Мамай могъ просипишь Рускимъ, что они дерзко опразили Монголовъ и разбили ихъ въ 1365-мъ и 1367-мъ годахъ: эшо были Монголы враждебныхъ ордъ,

---

(83) Спр., Типографж., Арханг. Лѣт.

приходившіе своевольно (84); но неповиновеніе *Ордѣ Мамай* казалось спрашнимъ пресупленіемъ. Еще не крѣпкимъ союзомъ утверждены были часши Великаго Княжества. Новгородцы заключили съ Димитріемъ договоръ, обязываясь «быть съ нимъ въ одиначествѣ, всѣспъ на коня, при обидѣ съ Липвою и съ Тверью.» Димитрій обѣщаль быть у нихъ самъ, или прислашь Владимира Андреевича, при войнѣ Новгорода съ Липвою или Тверью, и «не мешать Новгородъ, пока онъ не умиришя, » развѣ въ случаѣ раша на Москву и Новгородъ въ одно время. И шущъ Димитрій обязывался объявись объ эпомъ безъ *хитрости*; а Новгороду, послѣ сего, опъѣзда Княжескаго въ измѣну не спазивъ.—Но почши шогда-же Михайлъ взялъ опъ Новгорода подобную грамаху, хопя и вынужденную неволю, ибо Новгородцы не любили Михаила, приводившаго Липву на Русь (85). Не забудемъ и

---

(84) Въ 1365 году приходилъ на Рязань *Татары* Наручатскій, и былъ разбитъ Княземъ Пронскимъ; въ 1367 г. *Булать-Темиръ*, опъ предѣловъ Казани, нападалъ на Бориса Городецакаго, и былъ также разбитъ; его гнали за Волгу до рѣки Пьяны (Типогр. Лѣт. стр. 102, 105).

(85) Договоръ Новгорода съ Димитріемъ сохранился въ собраніи Двинскихъ грамахъ (Исп. Г. Р. ш. V, пр. 26); о договорѣ съ Михаиломъ Карамзинъ говоритъ, что онъ былъ заключенъ въ 1370 году, и

Рязани, хотя Олегъ не соединялся съ Тверью, и даже приходилъ на помощь Москвѣ, при вѣромъ нашесвѣи Липовскомъ. Увѣренный; что покорность и дары умилосердивають Орду, Димитрій рѣшился на отважное дѣло: онъ поѣхалъ въ Орду самъ. Москва боялась за юнаго своего Князя. Митрополитъ, съ благословеніемъ, провожалъ его до Оки. Димитрій оставилъ въ Москвѣ граматы духовную. Къ сожалѣнію, отъ нея сохранился только одинъ вѣсхій лоскутъ: не знаемъ распоряженій Димитрія о Великомъ Княжесвѣѣ, когда онъ ѣхалъ на жизнь и смерть, беззащитно предавая голову свою въ руки свирѣпыхъ Ордынцевъ, раздраженныхъ имъ (86).

Тѣмъ радостнѣе было благополучное возвращеніе Димитрія. Онъ пріѣхалъ обратно съ полною милостью Хана; видѣлъ лицомъ къ лицу производителя въ Ханы и въ Князя, грознаго Мамаю. Михаилу Тверскому привезли изъ Орды

хранится въ Архивѣ Колл. ин. дѣлъ, подъ № 8-мъ. Онъ не помѣщенъ въ *Собр. Гос. грамотъ* (Ист. Г. Р. т. V, пр. 26).

(86) Вѣроятно, къ 1371 г. относится актъ, ном. въ *Собр. Гос. грамотъ*, т. I, стр. 51, а также и договоръ съ Владиміромъ, т. I, стр. 49, весьма вѣсхіе, такъ, что едва можно въ нихъ прочитавъ нѣсколько словъ. Тутъ упоминають, кажется, объ уступкѣ Владиміру Галича и Димитрова.

насмѣшливый отвѣтъ : « Мы давали себѣ Великое Княжесство, и давали себѣ рать и силу състь на негр. Но ты рати и силы не взялъ ; сказалъ: своею силою сядешь на Великомъ Княжесствѣ; садись-же съ кѣмъ себѣ любо, а отъ насъ помощи не ищи (87).» Въ осуществленіе Димитрія совершили свадьбу Владиміра Андреевича съ дочерью Олгерда. Рѣшились прислушаться послѣ сего къ сильнѣйшимъ мѣрамъ. Не мирясь съ Тверью, и надѣясь, что Олгердъ не будетъ уже болѣе помощникомъ Михаила, приняли всѣ другія предосторожности, и хотѣли сначала управиться съ Олегомъ Рязанскимъ. Воевода Московскій, мужественный Димитрій Волинскій, зять Димитрія (88), пошелъ на Рязань. Память ненависти между Рязанью и Москвою оспалась въ лѣтописяхъ. « Рязанцы,» говорятъ онѣ, « люди суровые, человѣки свирѣпые, полоумные смерды,

---

(87) Карамзинъ, т. V, 28. Впрочемъ, едва-ли сія слова не выдумка *Никон. Лѣтописи* ; въ другихъ, достоверныхъ лѣтописяхъ, ихъ нѣтъ.

(88) Онъ выѣхалъ изъ Волыни, и Димитрій выдалъ за него сестру свою Анну (*Родословная книга*, т. II, 85). Этого Димитрія означаютъ попомъ лѣтописи на Куликовской битвѣ подъ именемъ *Димитрія Волинца*, и *Боброка*. Карамзинъ утверждаетъ, что Волинецъ былъ попомокъ, либо Князей Пинскихъ, либо Романа Галицкаго (т. V, стр. 44, пр. 38). Доказательствъ на это нѣтъ.

вознеслись мыслью, возгордились величаніемъ, помыслили высокоуміемъ своимъ, и говорили другъ другу: «Не берише оружія, ни щипа, ни копя, а полько бери каждый веревки, лови и вяжи Москвичей, слабыхъ, спрашливыхъ, не крѣпкихъ!» Наши-же (пишетъ Москвичъ), съ воздыханіемъ и смиреніемъ уповали на Бога, крѣпкаго въ браняхъ, шли не въ силѣ, но въ правдѣ, за что Богъ даетъ побѣду и одолѣніе. И увидѣлъ Богъ смиреніе наше, а Рязанское высокоуміе и гордосшь. Соломонъ сказалъ: гордымъ Богъ пропивишя, а смиреннымъ даетъ благодать. И въ Евангеліи сказано: всякъ возносяся смиришя, а смиряяся вознесетя. И Давидъ Пророкъ говоритъ: не спасетя Царь многою силою, и исполнѣнъ множествомъ храбрости и крѣпости своея.» Въ битвѣ при Скорнищевѣ Олегъ былъ разбишъ, бѣжалъ. Москва объявила его лишеннымъ престола, и отдала Рязань доброму союзнику своему Владиміру Пронскому (89).

Учасъя Олега показала Михаилу, что гошовинся ему въ будущемъ. Новое, горькое оскорбленіе нанесено было Михаилу. Сынъ его, Іоаннъ, оставался въ Ордѣ, въ залогъ, за долгъ Хану. Димитрій заплашилъ эшошь долгъ, привезъ

---

(89) Строевск. Врем. и другія лѣт. подъ 1371 годомъ.

Иоанна въ Москву, и прѣбывалъ уклады. Михаилъ немедленно выкупилъ сына (90), и готовилъ Москвѣ страшное мщеніе. Думали, что если Олгердъ и всшупился за него, то поведетъ дружины свои зимою. Тотчасъ послѣ Пасхи, 1372 г., Михаилъ нечаянно напалъ на Дмитровъ, сжегъ и ограбилъ его. Тогда-же узнали, что Кейспушъ, Князь Андрей Полоцкій, Князь Друцкой, и Вишовтъ, уже перешли Тверскую обласъ, и грабятъ около Переяславля. Олегъ въ это-же время напалъ на Рязань, и изгналъ Князя Пронскаго. Но Кейспушъ скоро двинулся назадъ, мимоходомъ захватилъ Торжекъ, ввелъ въ него намѣстниковъ Михайловыхъ, а Князь Полоцкій грабилъ мимоходомъ союзную Тверскую обласъ. Можно было полагать, что участіе Липвы тѣмъ кончится. Москва приготоовилась воевать Тверь. Новгородцы были еще поспѣшнѣе. Удалецъ Новгородскій, Александръ Абакумовъ (91), съ дружинами, прискакалъ въ Торжекъ, выгналъ Тверскихъ Намѣстниковъ, захватилъ Тверскихъ купцовъ. Михаилъ кинулся на Торжекъ съ войскомъ. Торж-

---

(90) Князь Иоаннъ заключенъ былъ въ Москвѣ « на Митрополиги дворѣ Алексѣевѣ, и сдѣ допележе выкупиша его » (Туп. Лвт. стр. 412).

(91) Знаменитый своими набѣгами по Волгѣ (см. далѣ).

ковцы клялись *быть съ Новгородомъ за одно.* Мая 31-го Михаилъ прислалъ съ *смирениемъ*, просилъ полько ввеси въ Торжекъ его Намѣспника, и выдасть ему обидчиковъ. Никшо не думалъ слушаться. Абакумовъ выбѣжалъ первый въ бишву, и былъ убишъ въ первой схвашкѣ. Дружини его были вырѣзаны; остатки ихъ бѣжали. Тверишяне зажгли Торжекъ съ вѣпра, и городъ вспыхнулъ. Воины Михаила предавались всѣмъ неисповсвамъ грабежа. Среди пламени и вопля людей, сгоравшихъ за живо, они грабили, рѣзали. Многія дѣвицы, спасая честь свою, бросались въ рѣку и понули. Пяшь скудельницъ наполнено было попѸмъ мершвыми шѣлами, кромѣ шѣлъ сгорѣвшихъ, ушоновшихъ, унесенныхъ Тверцюю. Совершивъ ужасную меспъ надъ Торжкомъ (92), Михаилъ быспро ринулся на Калугу, и подѣ Любуцкомъ соединился съ Липовцами (въ Іюль). Олгердъ споялъ уже шамъ съ сильнымъ войскомъ; Олегъ Рязанскій былъ съ нимъ вмѣспѣ. Но какъ ни скршино дѣйспвовалъ Олгердъ, какъ ни искусство развлекалъ онъ вниманіе Москвы, Димитрій ждалъ его. Москвичи смяли передовой полкъ Липовскій. Олгердъ и Димитрій сблизились на бишву; силы ихъ были равны — полько одинъ глубокій

---

(92) Новг. лѣшоп. (1372 г.). — «И опѣ поганыхъ не бываше шаково зло.»

оврагъ раздѣлялъ непріятелей. Нѣсколько дней обѣ раши спояли неподвижно, боясь бишвы; всѣ равно желали мира, не успѣвъ обмануть другъ друга, и договоръ былъ заключенъ, съ одной стороны отъ имени *Великаго* Князя Олгерда, брата его Кейшуща, и *Великаго* Князя Святослава Смоленскаго, съ другой Великаго Князя Димитрія Ивановича, и Князя Владиміра Андреевича. «Войны между нами нѣшъ отъ Госпожинокъ до Димитріева дня; Посламъ пущъ чиспый. Обязуемся взаимно не воевать областей Михаила Тверскаго, Димитрія Брянскаго, Олега Рязанскаго, Владиміра Пронскаго, и союзниковъ другъ друга. Тверь не вступаешя въ Великое Княжесство, а оно въ Тверь. Что касаетя до жалобъ нашихъ Царю (Ордѣ), въ шомъ Божья воля—какъ Царь велишъ, шакъ и дѣлашъ; взаимно, ошдашъ, что захвачено и пограблено.» — *Со Ржевы до исправы не высылать* — прибавлено въ концѣ: шакъ дорожилъ эшимъ мѣшомъ Олгердъ (93). Димитрій обрадованъ былъ послѣ шого рожденіемъ вшораго

---

(93) Сей договоръ въ *Собр. Гос. грамотъ*, т. I, № 31 (не 1371-го, а 1372 года). Великими названы въ немъ всѣ Князья самовластные. Слѣдовашельно, тогда сей пишущъ принимали уже всѣ тѣ, кто хотѣлъ опличить себя отъ *подручныхъ* - собственно, или присяжныхъ Князей, каковы были: Ростовскіе, Ярославскіе, и проч.

сина Юрія. Его крестилъ въ Переяславѣ Игуменъ Сергій. Дѣдъ, Димитрій Суздальскій, находился тамъ, со всѣмъ своимъ Дворомъ (94).

Миръ продолжился долѣ Димитріева дня, но ненадежный. Орда непрерывно спановилась мрачнѣе. Мамай опять негодовалъ на Димитрія. Нечаянная ссора и убіеніе въ дракъ Пословъ и воиновъ Монгольскихъ въ Нижнемъ Новгородѣ, привлекли толпу мсписелей. Вѣроятно, ихъ успѣли умилоспивить, но они раззорили часть Нижегородскихъ областей (95). Два злые перевѣшника бѣжали въ это время изъ Москвы въ Тверь, и возбуждали гомовую вражду. « Пашу о семъ » — говоритъ Лѣтописецъ — « понеже ошполѣ возгорѣся огонь. » Одинъ изъ нихъ былъ Сурожскій госпъ Некомашъ; другой сынъ Тысяцкаго Московскаго, Иванъ Вельямимовъ. Опецъ его скончался въ Сенпярѣ 1374 г. Димитрій уничижилъ послѣ того сей важный санъ, опасный власпи Князя (96). Оскорбленный Велья-

(94) Ноября 26, 1374 г. — *Василій*, старшій сынъ Димитрія, родился 30 Дек. 1371 г.

(95) Убиствъ былъ посолъ Мурза Сарайко, и съ нимъ до 1000 Монголовъ; Монголы раззоряли послѣ того Нижегородскія области по рѣкѣ Киши (Кар. V, 37, и *Типопр. Лвт.* годъ 1375).

(96) См. выше прим. 17. — Родъ *Вельямимовыхъ* происходилъ отъ Воярина Протасія, находившагося

Томъ V.

7

миновъ внушилъ Михаилу надежды на помощь Хана. Оцпправивъ его и Некомаша въ Орду, Михаилъ самъ съѣздилъ въ Липиву. Послы его прѣехали изъ Орды съ полнымъ успѣхомъ: привезли граману Михаилу на Великое Княжество. Мамай общалъ посланимъ войско. Олгердъ гошовился. Юля 14-го Михаилъ послалъ въ Москву сказать, что слагаетъ крестное цѣлованіе (97). Но Димитрій безстрашно ждалъ новой грозы, и 5-го Августа Тверь была уже въ осадѣ. Сильныя дружины шлѣ ошовсюду, съ Князьями, подвластными или союзными Димитрію — Суздаль-

---

при Калиптѣ, и считался однимъ изъ знатнѣйшихъ. Тысяцкии *Василій* былъ старшій внукъ Протасія; другой внукъ его, *Тимовой Васильевичъ*, былъ Околыничимъ, и предводилъ Московскими дружинами въ Вожскомъ и Куликовскомъ сраженіяхъ. Кромѣ старшаго сына *Ивана*, у Тысяцкаго Василія было еще два сына: *Микѹла* (Николай), женатый на дочери Димитрія Конспаншиновича, слѣдственню своякъ Великому Князю, и *Полцектѣ* (Полевкптъ), дочь котораго, Евфросинія, была за сыномъ Великаго Князя, Петромъ Димитріевичемъ (*Родосл. Книга*, родъ *Воронцовыхъ* и *Вельяминовыхъ*).

(97) Михаилъ просилъ уже въ сей разъ у Мамай помощнаго войска; Мамай общалъ ему, «и Князь Михаилъ Тверской, имя вѣры Бесерменской лести, и ни мало не пождавъ, но шого дни посла на Москву, и цѣлованіе крестное сложилъ» (*Типсер. Лвт.* годъ 1376-й).

скимъ, Росшовскимъ, Ярославскимъ, Моложскимъ, Кашинымъ (сыномъ Михайла Васильевича, умершаго уже въ это время). Стародубскимъ, Брянскимъ, Новосильскимъ, Оболенскимъ, Торусскимъ, Бѣлозерскимъ. Пѣшія дружины Торжка, и Новгородцы, «скрежеща зубами за свою обиду» и «взводя честь Князя своего», окружили Тверь (98). Михайлъ защищался отчаянно. Осаждающіе прикапали пуры, намешали наметы, зажигали башни. Михайлъ не сдавался; въ Тверскихъ церквахъ день и ночь молились со слезами о спасеніи; наложили постъ въ городѣ, ждали помощи. Мамай не шелъ. Къ прискорбію Михайла, Липовцы пошли, и вдругъ повернули назадъ, услышавъ о силѣ Димитрія. Дряхлый Олгердъ болѣе думалъ о спокойствіи. Между пѣмъ Москвичи и союзные имъ рашники «учинили пущы все волосы Тверскаго Княжества.» — Зубцовъ, Бѣлгородъ, Спарица, Микулинъ были пожаращами, не городами! Въ крайности, Михайлъ прислалъ просить помилованія. Димитрій, довольный униженіемъ врага, не предписывалъ ему тяжкихъ условій. Въ договорѣ, позволивъ Михайлу называться Великимъ Княземъ, обязали его не прогашь другихъ Князей безъ воли Димитріевой, который *дозритъ правду въ судѣ*; идти на войну по указу Димитрія; не слушашь свады

---

(98) Новг., Костр., Спироевск. лѣт.

Татарской, и если спанушь ему давати Великое Княжесство, не брашь (Димитрій шѣмъ-же обязался въ отношеніи Твери); въ Кашинѣ не вступаться; съ Олгердомъ не дружитья, и если начнешя съ нимъ война, помогашь Москвѣ. Любопытно, что въ случаѣ спора, опредѣлили выбирать *съ трети* Олега Рязанскаго. Далѣе сказано: «Держать намъ съ Татарами миръ, и давати, или не давати имъ выходъ по общей думѣ; пойдущъ на насъ Татары, биться за одно; если и мы сами поидемъ на нихъ, поже поидши за одно. «Новгородъ включили въ договоръ общій; но заключили и особый договоръ отъ имени Новгорода (подтвержденный попомъ черезъ Посла Михаила). Михаилъ вступился отъ Вельяминова и Некомаша. Сія несчастные измѣнники оба погибли: Вельяминова поймали и казнили въ 1379 году, а Некомаша черезъ восемь лѣтъ послѣ Тверской осады (99).

---

(99) Договоръ съ Михаиломъ въ *Собр. Гос. грамотъ*, т. I, № 28 (онъ несправедливо описанъ тамъ къ 1368 году, ибо въ немъ упоминается объ измѣнѣ Вельяминова и Некомаша, на стр. 48). Договоръ Михаила съ Новгородомъ до насъ дошло два: одинъ краткій, вѣроятно, заключенный подъ Тверью; другой подробный, заключенный Посломъ его, нарочно привзавшимъ въ Новгородъ (см. *Собр. Гос. грамотъ* т. I, № 16 и 17-й). У Карамзина помѣщена еще грамота, по которой Новгородцы заключили миръ съ Ми-

Не знаемъ : извинялся-ли Димитрій въ новомъ неповиновеніи граматамъ Ордынской. По крайней мѣрѣ, поступки его опъ сего времени сдѣлались еще болѣе смѣлы. Видно было, что онъ уже вѣрилъ въ силы свои. Часть дружинъ его, съ Димитріемъ Волинскимъ, совершила удачный набѣгъ на Волгу. Соединясь съ дружинами Князя

хаиломъ (ш. V, пр. 36); она хранилса въ Архивѣ, но, неизвѣстно почему, не включена въ *Собр. Госуд. грамотъ*. О казни Вельяминова, въ *Троицкой лѣт.*, подъ 1379 годомъ (Исп. Г. Р. ш. V, пр. 37) — «Иванъ Васильевъ, сынъ Тысяцкаго, мечемъ попячь быспъ на Кучковѣ полѣ, у города Москвы, повелѣніемъ Великаго Князя.» (Такъ и въ *Типографск. лѣт.*, стр. 151). О Некомапѣ, подъ 1383-мъ годомъ : «Убіенъ быспъ нѣкій *брехѣ*, именовъ Некомапъ, за нѣкую крамолу бывшую и измѣну.» *Кутковымъ полемъ* называлось мѣсто, гдѣ нынѣ Срѣшенскій монастырь. *Никоновскій лѣт.* распространилъ описаніе казни Вельяминова. Карамзинъ взялъ часть вымышленныхъ его прикрасъ, и говоритъ, что «народъ Московскій съ горестію смотрѣлъ на казнъ сего несчастнаго, прекраснаго лицомъ, *благороднаго видомъ*,» и проч. — Карамзинъ называетъ сію казнъ *первою смертною казнью въ Москвѣ* — ш. е. «первою торжественною, о коей упоминаютъ Лѣтописцы,» прибавляетъ онъ въ примѣчаніяхъ. Соглашаемся. — Родъ Ивана Вельяминова пострадалъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ *Родосл. книгѣ* : «И опъ Ивана дѣпи, опалы дя, въ своемъ роду и въ счетѣ не спояли.» Братья и дяди Ивана оставались по прежнему въ своихъ званіяхъ.

Суздальскаго, въ 1376 году, Моёквичи ходили на Орду Булгарскихъ Монголовъ (100). Другая часть ихъ безуспѣшно старалась выгнать Лишовцевъ изъ Ржева (101). Если намъ неизвѣстны тогдашнія отношенія Руси къ Ордѣ, мы поймемъ ихъ по слѣдствіямъ. Въ Русь дошли слухи, что Царевичъ изъ Синей Орды, Арапша, идетъ къ Нижнему. Давъ знать о томъ Димитрію, Суздальскій Князь пригосовился къ отпору. Димитрій пришелъ самъ; но объ Арапшѣ ничего не могли узнать. Поручивъ свои отряды дѣшамъ Димитрія Конспанпиновича, Великій Князь поспѣшилъ въ Москву, а Симеонъ и Іоаннъ, сыновья Суздальскаго Князя, повели Московскія, Суздальскія, Владимірскія, Ярославскія, Юрьевскія дружины за Волгу, и перешли съ ними

---

(100) Никон. Лѣт., къ слову: на *Болеары*— прибавляетъ — *рекше на Казань*. Вслѣдствіе сего, Карамзинъ описываетъ — *Походъ на Казань и завоеваніе Булгаріи* (ш. V стр. 45), со всеми сказочными подробностями Никон. Лѣтописца (напримѣръ, что *Казанцы хотѣли устрашить Рускихъ еромолѣ*. Какимъ же громомъ, ? Рускіе просто ходили на Волгу, и дрались съ Булгарскими Князьями Асаномъ и Махметъ-Салпаномъ. Еще въ 1370 г. Князь Суздальскій совершилъ такой-же походъ, съ дозволенія Мамаѣ, ибо на Волгѣ, около Булгарь, обитали орды Булатъ-Темира, врага Золотой Орды (см. *Тул. Лѣт.* стр. 109, 127).

↳ (101) Архангел. Лѣт. стр. 18.

рѣку Пьяну (102). Туль узнали, что Арапша сшоипъ за Волгою, на Волчьихъ водахъ (103). Не боясь врага сподь ошдаленнаго, Рускіе не гошовились къ бишвѣ: доспѣки ихъ были сложены на пѣлеги; у иныхъ лежали въ сумахъ; даже сулицы у многихъ были не насажены, не пргоповлены ни щины, ни копя; полураздѣшые, воины занимались охолою и пили меда. Явились, не Арапша, но—полки Мамаея: ихъ шайно подвели Мордовскіе Князьки, и на Шипорѣ, съ

(102) *Синяя Орда*, п. е. Заяицкая, враждебная Золопой, Мамаевой. *Синилъ морелъ* называли Рускіе Аральское озеро. Слѣдственно, Арапша шель *изъ-за Волги*.—Рѣка *Пьяна*, начинаясь въ Курмышскомъ уѣздѣ, изгибаешся къ западу, пошомъ къ востоку, и виадаешъ въ Суру, въ 5-ши верстахъ ошъ Курмыша. Эшпшъ городъ поставленъ былъ Борисомъ Городецкимъ въ 1372-году. Въ сихъ мѣстахъ Рускіе оберегали Паволожье спъ набѣговъ, конорые бывали изъ *Засурья* и изъ *Залдыя*.

(103) Т. е., что Арапша *еще не переходилъ черезъ Волгу*, а шель къ рѣкѣ Камѣ, по берегамъ рѣки Бѣлой, дабы пошомъ спушшился по теченію Камы на Волгу. *Волчьи воды*, вѣроятно, рѣка *Бирѣ*, на кошарой нахдишся нынѣ городъ Бирскъ. Она виадаешъ въ Бѣлую, и Татары называюшъ ее *Бирѣ-су*, или *Бюрѣ-су* (Велтъя вода). Около Бирска видны донынѣ ошпаешки могилъ, рововъ и городищъ, изъ коихъ одне называешся шуземцами *Чортосымъ*, другое *Сокольсю горою*, третше *Акбашевымъ*.

наши разныхъ споронъ, они ударили на Рускихъ (104). Изумленные дружины Русскія бросились въ бѣгство опрометью, понули въ Пьянѣ, гибли подъ мечами враговъ; въ числѣ упонувшихъ былъ Іоаннъ Димитріевичъ—онъ кинулся на копѣ въ Пьяну, и погябъ. Порицая оплошность Князей, Лѣтописцы говорятъ, что съ тѣхъ поръ вышла пословка: *за Пьяною люди пьяны* (105).

---

(104) «Поганіи Князи Мордовскіи подведоша рать Татарскую къ шаю, изъ *Мамаевы Орды*» (Типографск. лѣт. спр. 129). Слѣдовательно: *не Арапша* разбилъ Рускихъ за Пьяною

(105) Арханг. лѣт. спр. 79, «И пословка и донинѣ прозвася.» и проч.—Тутъ именно говорится, что *Татаръ Мамаевыхъ* предводилъ Мордвинъ *Алабуга*.—*Никон. Лѣт.* по своему пересказываетъ все происшествіе, прибавляетъ безсовѣстно, говоритъ, что Арапша перебѣжалъ изъ-за Волги въ Мамаеву Орду. «И бѣ той Арапша свирѣпъ зѣло, и ратникъ велий, и мужеспвенъ и крѣпокъ; возрастомъ-же тѣлеснымъ малъ зѣло, мужеспвомъ-же велий, и побѣди многихъ.» Не разобравъ дѣла, *Ник. Лѣт.* приписываетъ побѣду Арапшѣ. Карамзинъ все это внесъ въ Испорію (ш. V, стр. 47), даже и самое описаніе Арапши («карло спаномъ, но великъ мужеспвомъ, хипръ на войнѣ, свирѣпъ до крайности, » и проч.). Изъ всѣхъ другихъ Лѣтописей видно, что Арапши тутъ вовсе не было. Онъ пришелъ уже по разбитіи Рускихъ на Пьянѣ, но не переходилъ Суры, вѣроятно, боясь Мамаевыхъ Орды

Быспрѣ Русскихъ бѣглецовъ пустились Монголы на Нижній ; въ преній день они уже были шамъ. Димитрій Коншанпиновичъ думалъ увидѣшь побѣдителей—увидѣлъ Монголовъ, не имѣлъ силы ихъ пропивишься, не смѣлъ засѣсть въ каменномъ Кремлѣ своемъ, и бѣжалъ въ Суздаль; Нижегородцы разбѣжались кпо куда успѣлъ; ospальныхъ перерѣзали, Тамары; городъ былъ ими зажженъ ; монастыри, церкви ограблены, или сгорѣли.

Въ то-же лѣто дружины Монголовъ быспро явились близъ Рязани. Нападеніе было споль внезапно, что Олегъ едва успѣлъ убѣжашъ, *обстрѣлянный*, какъ говорашъ современники (106).

Сомнѣнія не оставалось болѣе : Орда была разгнѣвана , хопѣла мспишь , и не довольсшво валась уже Послами и данью. Но Димитрій и самъ гоповился на битвы. Смершь Олгерда

(« того-же лѣта, *прежретенный* Арапша пришедъ, пограби Засурье все , и огнемъ пожже. » *Тип. и Арханг. Лвт.*).

(106) *Соф. и Строевск. Лвт.* — Послѣ раззоренія Нижняго Новгорода, Мордва грабила уѣзды шамошніе. Борисъ Городецкій бросился на хищниковъ, и гналъ ихъ до самой Пьяны. Зимою, Борисъ , Симеонъ и Воевода Московскій, Свибло, ходили въ Мордовскую землю, грабили, жгли, рѣзали несчастныхъ полудикарей ; множество ихъ привели попомъ въ Нижній, и на льду Волги терзали , мучили, даже правили собаками (*Тип. Лвт. стр. 132*).

(1377 г.) и событія послѣ оной въ Липвѣ обезопасили Великаго Князя отъ Липвы и Твери. Олгердъ, какъ онецъ его Гедиминъ, раздѣливъ удѣлы 12-ти сыновьямъ, поставилъ младшаго изъ нихъ, Ягелло, главою всѣхъ. Кейспушъ, сошварищъ и другъ Олгерда, вскорѣ увидѣлъ неприязнь племянника; вражда ихъ кончилась смерщю Кейспуша, умерщвленнаго по повелѣнію Ягелла. Дѣти Кейспуша, одни погибли, другіе бѣжали. Братья Ягелловы не всѣ участвовали въ его злодѣйствахъ; нѣкопорые изъ нихъ ссорились, враждовали съ нимъ, или спасались отъ него бѣгствомъ (107). Въ числѣ такихъ бѣглецовъ былъ Андрей Полоцкій. Онъ явился въ Псковъ, и черезъ Новгородъ отправился въ Москву. Димитрій принялъ его ласково, и кажешся, что Русскія дружины помогли ему снова занять Полоцкъ. Онъ и братья его,

---

(107) Кейспушъ, узнавъ злоумышленіе Ягелла, сразился съ нимъ, побѣдилъ его, взялъ въ пленъ, и великодушно простилъ; но Ягелло опланилъ измѣною, захватилъ дядю, и велѣлъ удавить этого сѣдаго героя въ шемницѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ. Изъ дѣтей Кейспуша спаслись только *Витовтъ* и *Сигизмундъ*. О мнимомъ обращеніи Олгерда въ Христіанство передъ кончиною, см. прим. 38 (замѣтимъ еще здѣсь, что въ *Типоер. Лвт.* именно сказано: «Умре В. К. Липовскій Олгердъ, *гловѣрный, безбожный, и негестивый,*» стр. 128. О дѣтяхъ его, см. прим. 81.

Димитрій Олгердовичъ Брянскій, являюща по-
шомъ вѣрными сподвижниками Московскаго Кня-
зя. Тверь осирошѣла безъ Олгерда (108).

Тогда важнѣйшія дѣла заняли Димитрія.
Раздраживъ Орду, медлить было невозмож-
но. Два быспрѣе набѣга Монголовъ, и пе-
пель Нижняго и Рязани, показывали будущую
участъ Москвы. Еще Мамай не измѣрялъ силъ

(108) Въ *Строевск.* и другихъ лѣтописяхъ сказано
только о побѣгѣ Андрея въ Псковъ, Новгородъ, и
опшуда въ Москву, и что Владиміръ Андреевичъ, »
« ходилъ съ нимъ на Липву. « Карамзинъ вывелъ изъ
этого большую войну съ Липвою, началъ ее громкими
словами : « Димитрій успѣлъ *смирить Липву* » (т.
V, 52). Онъ говоритъ далѣе, что сильныя Русскія вой-
ска ходили на Стародубъ и Трубчевскъ, « чтобы сію
древнюю собственность нашего опечества *снова при-
соединить къ Россіи* ; « что Димитрій Олгердовичъ,
княжившій въ Трубчевскъ, добровольно подался Ру-
скимъ ; что ему опдали въ удѣлъ Переяславль-Залѣс-
скій. Слѣдуютъ громкія фразы : « Димитрій Иоанно-
вичъ надѣялся возвратить прекрасныя земли, опняшыя
у насъ Липвою, » и проч. — Любопытно, что Карамзинъ,
говоря все это, ни на что не ссылается; да и не на что
было сослаться, ибо все это нелѣпыя выдумки *Нико-
новскаго Лѣтописца* (т. IV, 84). — Владиміръ, вѣро-
яшно, ходилъ къ Полоцку, ибо Андрей княжилъ уже
въ Полоцкѣ снова, когда пришелъ на помощь Димитрію
противъ Мамай. Димитрій Олгердовичъ владѣлъ не
Трубчевскомъ, а Брянскомъ, и опшуда приходилъ и
участъ о алъ въ Куликѣвской битвѣ.

Московскихъ ; онъ думалъ шакъ-же наказашъ Димитрія, какъ наказалъ Князя Рязанскаго и Князя Суздальскаго. Рашь Монгольская успремялась на Москву лѣшомъ 1378 года, подъ предводительствомъ Мурзы Бигича. Мамай ожидалъ вѣспи о спращной казни Москвищянь — услышалъ вѣспъ о побѣдѣ ихъ !

Бигичъ шель обыкновеннымъ пушемъ Монголовъ, спалъ на берегу рѣки Вожи (109), и увидѣлъ на другомъ берегу ея спяги Московскіе. Самъ Димитрій былъ при своихъ дружинахъ. Изумленный Бигичъ нѣсколько дней ожидалъ нападенія ; думалъ, что Рускіе робѣють , и переправилъ Монголовъ черезъ Вожу , Августа 11-го 1378 года. Тогда всколебались Москвичи ; Димитрій ударилъ съ лица ; Окольничій Тимошей Васильевичъ Вельяминовъ и Князь Даніилъ Пронскій съ боковъ. Монголы дрогнули , повергли копья , и бросились за Вожу. Ихъ били , кололи ; другіе шонули въ рѣкѣ. Бигичъ, и еще

---

(109) Въ то-же время , *извономѣ*, снова захватили и сожгли Монголы Нижній Новгородъ ; Димитрій Константиновичъ былъ тогда въ Городцѣ , и шщепно посылалъ къ нимъ , соглашаясь заплашить окупъ (*Типоер. Лвт. стр. 148*).—*Вожа*, рѣка, впадающая въ Оку , съ правой стороны, выше Рязани.—Замѣшимъ, что она составляла предѣлъ, раздѣлявшій *Мещерскую* сторону отъ *Рязанской*, т. е. заселенной Рускими ; въ *Мещеру* ходили они, какъ въ непріятельскую землю.

четыре Князя Ордынскіе ; были убиты. Рѣка остановила преслѣдованіе; настала ночь. Съ вечера побѣжали Монголы отъ Вожи, и особливо по упру, пользуясь густымъ упреннымъ шуманомъ. Уже къ полдню разсѣялся шуманъ; Монгольскъ не было слѣда. Вборзв поскакали по слѣдамъ ихъ Москвичи, но не могли уже догнать враговъ. По дорогѣ разбросаны были шапры, шѣлеги, обозъ, со множествомъ драгоценностей. Поймали еще какого-то *попа* Ивана Васильевича, нашли у него мѣшокъ *лутаго зелья*, пытали его, и сослали на Лаче озеро (110).

Вожское сраженіе, споль легко выигранное; казалось славною побѣдою, проявило духъ Руси, ободрило души и умы: еще въ *первый разъ* Рускіе спали въ полѣ пропривъ Монголовъ и побѣдили ихъ. Димитрій явился въ Москву порожествующимъ. Всюду, даже въ Новгородѣ, говорили: «Пособилъ Богъ Князю Великому, а Таттары дали плеча и побѣжали (111).»

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Москва была опечалена кончиною Свяшителя Алексія Митрополита. Онъ прешель въ вѣчность «въ староспичестнѣ и глубоцѣ, «и видѣлъ зарю спасенія Русской земли. Первосвяшительствовавъ 24 года,

(110) Окольникій Тимошей Васильевичъ былъ братъ тысяцкаго Вельяминова (см. прим. 96).

(111) Новг. Лѣт. годъ 1379-й.

Алексій заспалъ Русь рабствующею, долженъ былъ преклоняя колѣна передъ опцеубійцею Чанибегомъ, молишь спасенія у другаго убійцы, Бердибека; желая свободу Ошечества, какъ вождельный цвѣшь думы своей и надежды; видѣлъ попомъ гибель Монголовъ въ междоусобицахъ. Онъ могъ надѣяться безопасности Руси отъ Лащвы, съ смертію Олгерда и междоусобіями, наславшими въ Липвъ; дожилъ до вѣспи о первой побѣдѣ надъ полчищами Монголовъ; дожилъ и до смѣлаго мужества Рускихъ. Опрокъ, приняшой имъ на руки и опеку, сынъ слабого опца, былъ уже въ лѣтахъ цвѣтущей силы, являлся усмирителемъ Липвы, Твери, сильнымъ властителемъ Великаго Княжества, счастливымъ брапомъ и опцомъ. Богу не угодно было порадовать Святителя великимъ шоржествомъ Рускихъ на берегахъ Непрядвы.... Скажемъ болѣе: Алексій скончался въ самое заприщипельное время, съ унылою думою, что человекъ, имъ назначаемый въ преемникъ, надежда опчизны, не хочетъ сана Святительскаго, и что мѣсто его заступаетъ человекъ не по его душѣ.... Судьбы Бога неисповѣдимы!

Когда прѣвожая со слезами опшанки Святаго Алексія Мипрополища, и полагая ихъ въ церкви Чудовскаго монастыря, имъ самимъ воздвигпушаго, Димитрій, шестилѣтний сынъ его Василій, другой ирехлѣпный, Юрій, и Вла-

димиръ Андреевичъ, спояли при гробѣ, пока народъ плакалъ и исчислялъ подвиги Свяшителя, шруды, ревность его къ вѣрѣ—не зналъ еще никю, когוליшаепся Русская земля! Въ Алексіи видѣли шолько владыку духовнаго—не оцѣняли въ немъ мужа совѣта и великаго государственнаго человека, коимъ крѣпился духъ и держалась честь Руси; не знали, что если Димитрій является смѣлъ, храбръ, рѣшительнень, то безъ Свяшителя Алексія *не будетъ пречлаго Димитрія.* Но—заспавимъ событія говоринъ новиннѣе нашего (112)...

Годъ прошелъ мирно ; Князья Русскіе не ѣхали въ Орду. Липва была въ смяшеніи, хотя Ягелло успѣлъ уже смиришь многихъ прошивниковъ, и сдѣлашься сильнымъ власшительемъ опцовскаго наслѣдія. Объ Ордѣ были безпрерывно спраш-

(112) См. далѣе, прим. 144. — Митрополишь Алексій скончался Февраля 12-го 1378 года, и положень въ обители Чуда Михаила Архангела, которую самъ основалъ въ 1365 году. — Мощи его обрѣнены неплѣнными въ 1439-мъ году. Церковь празднуешь память сего великаго Свяшителя, Февраля 12-го; обрѣшеніе мощей его Мая 20-го, и шретишно празднуешь память его въ Соборѣ шрехъ Свяшителей Московскихъ, вмѣстѣ съ Митрополишами Петромъ и Іоною, Октябрю 5-го. Подлѣ великолпной раки чудотворца Алексія, въ Чудовомъ монастырѣ, виситъ и вепхая, простая ряса сего Свяшителя.

ныя вѣсти. Говорили, что разгнѣванный Мамай собираетъ отъсюду войска, беретъ подъ свои бунчуки даже Бесерменовъ, Армянь, Фряговъ, Черкасовъ, Яссовъ, Бурпасовъ; что Ягелло сносился съ нимъ, и хочеть опустити на Русь силу Литвы; что Мамай шворитъ совѣпнъ злой въ темныхъ, поганыхъ своихъ царспвахъ — «хочеть бытъ новымъ Бапшемъ, попереяшь Христіанство, поपालитъ Божіи церкви, погубитъ законъ, пролитъ кровь (113).»

---

(113) *Стр. лѣт.* — Кромѣ сокращенныхъ извѣстій о Куликовской битвѣ, въ *Нове.* и *Арх.* лѣтописяхъ, въ другіе списки внесено описаніе оной отдѣльною спашьею. Въ *Строевск.* и *Софійскомъ*, оно опмѣчено особою надписью: *Побоище В. К. Дмитрія Иоановита, на Дону съ Мамаемъ.* Это описаніе нашель еще Карамзинъ въ *Синодальномъ*, *Ростовскомъ* и *Троицкомъ* спискахъ. Разныя противорѣчія, опмѣны, прибавки опличаютъ его въ разныхъ спискахъ, но основаніе одно. Самое нелѣпое по прибавкамъ описаніе внесено въ *Никон. Лѣтопись* (IV, стр. 86—127), и въ *Синописѣ*. Карамзинъ полагаль, что сіе послѣднее еочинено было въ XV-мъ вѣкѣ, Рязанскимъ Іереемъ Софроніемъ, ибо такъ сказано въ спискѣ его, опдѣльно находившемся въ бывшей библиотекѣ Графа Ф. А. Толстаго (т. V, пр. 65). Но, кажется, Софроній только расцѣпиль современное, истинное повѣствованіе. Кромѣ того еще есть *Сказаніе о побоищѣ В. К. Дмитрія Иоановита Донскаго*: это уже совершенная поэма, въ цѣозѣ, подобная *Сказанію объ Александрѣ Невскомъ* и *Слову о полку Игоревомъ*. Ее напечаталь

Воздадимъ хвалу великодушнѣ Димитрія: онъ не поколебался, съ швердою вѣрою въ Бога побѣдодавца. Надобна душа, которая могла-бы повѣшь и оцѣнить сей подвигъ Димитрія. Надобно сообразить припомъ общояшельства, если хопимъ вполнѣ оцѣнить подвигъ его.

Димитрій былъ основою всѣхъ дѣйствій; шолько Владиміръ Андреевичъ оспался неизмѣннымъ его другомъ, на жизнь и на смерть, на честь и на позоръ. Былъ еще великій спарець, жилецъ пустыни Троицкой — *Святой Сергій*, опрекшійся опъ величія сана Свяшительскаго, но подкрѣпившій Великаго Князя совѣтомъ и молишвою въ дѣлахъ государственныхъ. Всѣ другіе современники были недосшойны Димитрія: они прешали предстоявшаго подвига, укрывались на пепелищахъ городовъ своихъ, и робко ждали слѣдствій, дружа шолько до наружности Москвѣ (и шо, можешъ бышь, наученные примѣромъ Рязани и Твери), общая дружины. Время шекло. Современники замѣшили, что въ 1380 году Благовѣщеніе было въ самый день Свѣшлаго Воскресенія; что шакже было за 79-ть лѣтъ, и опяшь будешъ черезъ 11-ть лѣтъ. Послѣ Свяшой не-

---

въ *Русскомъ Зрителѣ* (М. 1829 г., ч. V), и опдѣльно, Гнъ Профессоръ Снегиревъ. Будемъ говорить объ этой повѣш подробнѣе вполѣдствіи; она чрезвычайнѣ любопытна по многимъ отношеніямъ.

дѣли прїѣхали въ Москву знаменитые послы изъ Новгорода: Владыка Алексій, съ Боярами и Житыми Людми. Димитрій принялъ ихъ съ любовью, и подтвердилъ всѣ условія съ Новгородомъ (114).

Наспалъ Августъ мѣсяцъ, и въ Москву прибывалъ съ достоверными вѣстями: *Мамай идетъ!* Съ другой стороны собиралась Липва, съ самимъ Ягелломъ.

Москва закипѣла дѣятельностью. Мгновенно вооружились приготовленныя дружины. Димитрій и Владиміръ спѣшили принять благословеніе Святаго Сергія, были угощаемы за его монастырскою трапезою, и благословлены имъ на подвигъ. Опуская Князей съ молитвою, Святой мужъ хопѣлъ подкрѣпить ихъ и мірскою силою: двое изъ иноковъ, бывшихъ въ его обители, нѣкогда Бояре и сановники, *Ослабъ* и *Пересвѣтъ*, не скидая свящыхъ схимъ своихъ, рѣшились умереть за опичизну, и поѣхали съ Князьями. Вскорѣ велѣно было собираться воедино полкамъ, и идти въ походъ. Отслужили молебень въ Кремль; Княжеское черное знамя, съ Образомъ Нерукопвореннаго Спаса, двинулось; спройные полки шли за нимъ изъ Кремля Фроловскими, Констаншиновскими и Никольскими ворапами.

---

(114) Строевск. и Новгородск. Лѣтоп.

Димитрій и Владиміръ со слезами поверглись въ Архангельскомъ соборѣ, у гробницъ родителей. «Подвизайшесь съ нами, хранители православныя, поборники наши! Если имѣете дерзновеііе ко Господу Богу, молишесь, да проспятся грѣхи наши: великое *приключеніе* настало намъ и чадамъ нашимъ!» говорили Князья. Лѣтописцы не забыли сказать намъ о прогательномъ прощаніи добродѣтельной Евдокіи съ супругомъ, и о томъ, что она со слезами смопрѣла изъ набережнаго перема, какъ шли дружины, по Барашевской, Болвановской и Котельской дорогамъ (115). Зрѣлище было умилительное: съ веселіемъ шли умирающіе избранные, юноши, старцы, иноки, Князья; звукъ трубъ и шелеснъ знаменъ сливались съ духовнымъ пѣніемъ (116). Въ Коломнѣ подкрѣпили Рускихъ приходомъ своимъ два Олгердовича, Андрей Полоцкій и Димитрій Брянскій. Великій Князь радовался на

---

(115) Син. лѣт. (Карамзинъ, V, пр. 70), Арханг. лѣт. стр. 82. — *Барашевская* значитъ Боровскую дорогу; по ней шелъ Владиміръ Андреевичъ; *Болвановская*, или *Болванская*, вѣроятно, Коломенскую, шедшую черезъ урочище *Болвановку* (гдѣ нынѣ церковь Спаса на Болвановкѣ); *Котельская* — Серпуховскую, отъ урочища *Котлы*, на ней находящагося.

(116) Син. лѣт. (Кар. V, пр. 71) — «И начаша мнози гласи ратныхъ трубъ трубити и *варганы шпцѣтъ*, и стязи рекутъ паволочены,» и пр.

многочисленное воинство, и забывалъ, что *кромя подвластныхъ ему*, Ростовскихъ, Бѣлозерскихъ, Ярославскихъ Князей, двухъ Лишовскихъ и Василя Михайловича Кашинскаго, *ни одинъ* Князь Русскій не явился на дѣло опчизны! Смоленскъ, Тверь казались врагами, не прислали дружинъ своихъ; не было и Новгородцевъ; Суздальскія дружины пришли съ Боярами — шесть Димитрія, съ братьями и дѣтьми своими, сидѣлъ дома. Скорбно слышалъ Димитрій, что Олегъ Рязанскій не спыдился даже предавать Русь, соединяется съ Мамаемъ. «Господи! раззори совѣщъ неправедныхъ!» сказалъ Димитрій, вздохнувъ изъ глубины сердца. Онъ не успрашилъ извѣстїя, что Ягелло былъ вѣрнѣе Олега: сдержалъ слово поганому, и шелъ уже къ Мамаю. Явились Послы Мамаю. Недоумѣнїе обнимало душу Димитрія: Мамай неожиданно предлагалъ ему пощаду, если заплащятъ тяжкую дань.... Димитрій рѣшилъ ошвѣщъ походомъ быспрымъ, поспѣшнымъ (117). Коломенскій Епископъ Герасимъ благословилъ войско; оно перешло за Оку. Близъ Лопасни соединились съ

---

(117) Мамай просилъ прежней дани, какую плащили при Чанибекѣ; Димитрій соглашался плащитъ, но только шу, какая была положена между Ордою и Русью въ послѣднее время (*Типогр. лѣт. сщр.* 156).

Димитріемъ Владиміръ Андреевичъ , и учасникъ Вожской побѣды , Тимошей Васильевичъ. Выспутивъ изъ Коломны 20-го Августа , 6 Сентября Рускіе пришли къ Дону, шуда, гдѣ вливается въ него рѣка Непрядва , и гдѣ за нею распилается обширная долина—*Куликово поле* (118). Сентября 7-го, рано по утру, прибѣжали посланные развѣдывать о Монголахъ ; за ними гнались Монгольскіе всадники. Мамай стоялъ въ одномъ переходѣ отъ Рускихъ. Надобно-ли было переправляться черезъ рѣку , или ждаль Мамай по сю сторону Дона ? Липовскіе Князья совѣщавали первое, доказывая , что погда и робкому бѣжаль будешь нѣкуда , и что всего важнѣе предупредишь соединеніе Мамай съ Ягелломъ , ибо вся медленность Мамай происходитъ отъ того , что онъ ждаль Липовскаго Князя (119). Тутъ привезли Димитрію посланіе

---

(118) *Непрядва* вливается въ Донъ съ правой стороны. Ровное, обширное пространство земли находится здѣсь отъ самыхъ вершинъ рѣкъ Упы и Зуши , въ Тульской губерніи , и отчасти въ Рязанской. *Куликово поле* состоить нынѣ во владѣніи разныхъ помѣщиковъ , и наиболѣе С. Д. Нечаева и Графовъ Бобринскихъ. Здѣсь предполагаютъ поставитъ памятникъ Димитрію и его сподвижникамъ. Донынѣ вырываютъ изъ земли на *Куликовомъ* полѣ обломки оружія, мѣдные кресны, и проч.

(119) Уже около ирехъ недѣль Мамай стоялъ за До-

Св. Сергія. «Будь твердъ, иди на что пошелъ,» писалъ Сергій (120), и Димитрій велѣлъ наводити мосты; войско перешло Донъ. Споя съ Князьями на высокомъ холмѣ, и смотря на полки, учреждаемые Княземъ Димитріемъ Волинскимъ; видя «вѣющія хоругви, блескъ оружія, колеблемыхъ, какъ волны рѣки, свѣплость шоломовъ, и на нихъ, какъ огонь, алые *еловци*» (121), Димитрій погрузился въ думу. Липовскіе Князья сравнивали его съ Александромъ Македонскимъ; Димитрій думалъ иное: онъ сошелъ съ коня, преклонилъ колѣна, и молилъ у Бога побѣды, смотря издали на свое Княжеское знамя (122). Ободривъ другихъ напоминачіемъ,

---

номъ и ждалъ Ягелла. *Син. лѣт.* (Карамзинъ, т. V, стр. 68).

(120) *Строевск. лѣт.* стр. 360. — «Тогда-же присѣла грамата отъ Преп. Игумена Сергія, отъ святаго Старца *благословенная*; въ ней-же писано благословеніе его шаково: веля ему бишися съ Татары, чтобы еси Господине, такъ и пошелъ, а поможешъ ти Богъ,» и проч.

(121) *Син. лѣт.* (Карамзинъ, V, пр. 76). — «У богатырей хоругви, аки живы, пашупся; dospѣхи-же Русскіе, аки вода сильна, во вся вѣспры колебашася, и шеломы на главахъ ихъ, аки упрення заря; еловци-жь шоломовъ ихъ, аки поломя огненное пашешся.»

(122) *Талѣ-же*: «Князь-же Великій, поимъ брата своего Владимира, и Липовскіе Князи, и Воеводы, и выѣхаша на мѣсто высоко — и видѣ полцы, вельми

что наснаешъ великій праздникъ Рождества Богородицы, и что умершій въ сей день на брани родився въ жизнь вѣчную, Димитрій поѣхалъ между полками, ушѣшалъ, ободрялъ, называлъ воиновъ *Русскими сынами, милыми братьями*, напоминалъ имъ о вѣнцахъ мученическихъ, о славѣ побѣды. «Гоповы положиши головы наши за тебя, за ласковаго Государя!» кричали воины. «Вели шворишь поминовение по насъ Церкви православной; вели записашъ дѣла наши на память Русскимъ сынамъ (123)!»

При восхожденіи солнца, 8-го Сентября, полки Русскіе выспроились. Въ срединѣ спали

учрежены достойно.... И Князи Липовскіе рекуще: подобны суть Македонскому войску... Князь-же Великій сшедъ съ коня доловъ, и падъ на колѣну, прямо Великому полку черному знамени, на немъ-же бѣ образъ Владыки І. Х., изъ глубины сердца нача призывати вслегласно, » и проч.

(123) «И коемуждо полку рече своими успы:» брѣтія моя милая, сынови Русскіе — приспѣ время нашей брани, прииде праздникъ Пресв. Пречистыя Царицы, Богородицы, Честнаго ея Рождества. Аще оживемъ — Господеви оживемъ; аще-ли умремъ — умремъ за миръ сей.» Воины говорили: «Мы вси гоповы есмы головы своя положиши за тебя, за ласкова Государя; а тебѣ подобаешъ память шворити, и въ книгахъ писати, памяти дѣла Русскихъ сыновъ!» (*Строевск.*, I, 361, и *Син. Лвт.* Карамз. пп. V, прим. 77).

Князя Лишовскіе, Князь Θεодоръ Бѣлозерскій, Коломенскій Бояринъ Николай Васильевичъ; лѣвую руку взяли Князь Василій Ярославскій, Князь Θεодоръ Моложскій, Бояринъ Морозовъ; правую руку Князь Андрей Росповскій, Князь Андрей Спародубскій, Бояринъ Грунка; Великокняжескій полкъ вели Князь Іоаннъ Смоленскій, Бояре, Коспромской Квашня и Брянокъ; спорожевой полкъ опдали Князю Симеону Оболенскому, Князю Іоанну Торузскому, Боярину Михаилу Іоанновичу, и Переяславскому Боярину Серкизу. Распорядишель войска, Князь Димитрій Волынскій, взялъ ошдѣльную дружину и спалъ въ шайной засадѣ, съ Владиміромъ Андреевичемъ, Княземъ Романомъ Брянскимъ, Княземъ Василіемъ Кашинскимъ, и сыномъ Князя Новосильскаго (124). Гуспой шуманъ покрывалъ поле. Димитрій не хошѣлъ взять себѣ никакого особеннаго мѣсна, хошѣлъ бышь шамъ, гдѣ будешъ опасность, и щещно уговаривали его оспашься за войскомъ. «Могу-ли сказашь: брашья! пошягнемъ вкупѣ! если спану скривашься? Словомъ и дѣломъ хочу бышь впереди всѣхъ, и предъ всѣми положишь свою голову;

---

(124) Впрочемъ, какъ въ истисленіи Воеводъ, начальствовавшихъ въ бишѣ, шакъ и пошомъ, въ означеніи убишыхъ вождей, въ Лѣшописяхъ есть разница. Выбираемъ достовѣрнѣйшее, упоминаемое во всѣхъ.

да и прочіе примушь дерзновеніе!» отвѣчалъ Димитрій (125). Туманъ разсѣялся. Безчисленныя полчища Мамаевы уже спояли близко, и открылись на необозримой равнинѣ, во всей своей Азіянской дикоспи. «Богъ намъ прибѣжище и сила!» воскликнулъ Димитрій; полки двинулись; началась сѣча. Димитрій спалъ въ первую схватку. Инокъ Пересвѣтъ былъ впереди. Воскликнувъ: «Опцы и брашя! просишище меня грѣшнаго! Игумень Сергій! помоги мнѣ молишвою! Боже! помоги рабу швоему!» онъ рванулся въ бой, сразился съ какимъ-то богатыремъ Монгольскимъ, и палъ мертвый (126). Въ шестомъ часу дня битва сдѣлалась общею. Прошелъ часъ, прошелъ другой. Битва свирѣпѣла, но дѣло не рѣшалось. «Крѣпко спушились вои, прескались копыя, звенѣли доспѣхи, спучали щипы, гремѣли мечи, блиспали сабли,» говоритъ поэтъ-современникъ (127). Уже многіе легли копьими — главные Воеводы середины:

(125) *Рост. лѣт.* (Карамзинъ, ш. V, пр. 77.—«Да, како азъ возглаголю: брашя! попягнемъ вкупѣ! а самъ лицо свое почну крыши? Яко-же хощу словомъ, шако-же и дѣломъ напередъ всѣхъ быши, и предъ всѣми главу свою положиши, да и прочіе примушь дерзновеніе!» Краснорѣчіе сердца пламеннаго!

(126) *Спроевск. лѣт. спр.* 262; Карамзинъ, ш. V, пр. 76.

(127) Сказаніе о побоищѣ.

Князь Феодоръ Бѣлозерскій, Бояринъ Николай Васильевичъ; Воевода лѣвой руки, Бояринъ Морозовъ; Воевода Великокняжескій Брянокъ; воеводы спорожеваго полка: Князь Іоаннъ Торусскій, Бояринъ Михаилъ, Бояринъ Серкизь; два Князя Торусскіе Феодоръ и Мсциславъ, другой Князь Бѣлозерскій Іоаннъ, инокъ Ослябъ, пали (128)... Наспалъ девяный часъ дня; сражающіеся смѣшались, кровь лилась на нѣсколькихъ верспахъ — Монголы одолѣвали и гнали въ одномъ мѣстѣ, Рускіе въ другомъ. Владиміръ посковалъ въ засадѣ, видѣлъ гибель своихъ, рвался на бѣшву; Димитрій Волинскій удерживалъ его. Наконецъ Волинскій подалъ знакъ, обнажилъ мечъ — свѣжее, засадное войско ударило на Монголовъ, и —

---

(128) Бояринъ Николай, или *Михула Васильевичъ*, былъ братъ казеннаго Ивана Вельяминова (см. пр. 96). Въ *Стр. Лѣт.* несправедливо сказано, что и Тимошей Васильевичъ, герой Вожской бѣшвы, также былъ убитъ. Кромѣ того находимъ имена Бояръ: Семена Мелика (посланнаго для развѣдыванія о Мамаѣ), Валуга, Димитрія Минина и Михайлы Ивановича (дѣшей восводъ Минина и Акинеа Шубы, убитыхъ въ Тростенской бѣшвѣ). См. *Синодикъ*, въ VI-мъ ш. *Висліовики* (спр. 451). Лѣшописи прибавляютъ: «И иніи мнози, ихъ же имена сущъ писаны въ Книзѣ Живошней; здѣ же не всѣхъ писахъ избіенныхъ имена, покмо Князи и Бояре нарочишые и Воеводы, множеспва ради именъ; мнози-бо на шой сѣчи побіени быша.»

рѣшило побѣду. Монголы дрогнули отъ неожиданнаго удара. Пораженіе ихъ было неизобразимо. Въ бѣгствѣ, враги бросали оружіе, оставляли обозы, понули въ рѣкѣ Мечѣ, преслѣдуемые побѣдителями. Мамай, распорядившій войсками, съ высокаго *шеломня*, бросился на ушекъ изъ первыхъ, въ бѣшенствѣ, въ опчаяніи, шерзаемый сныдомъ и яростью (129). . .

Если и опровергнемъ преувеличенныя описанія современниковъ, считавшихъ число Мамаевыхъ и Русскихъ войскъ, сражавшихся на берегахъ Непрядвы, нѣсколькими сотнями тысячъ, то достоверно можно предположить, что полчища Мамаи были многочисленны, превосходили числомъ Русскія дружины, и шли на вѣрную побѣду. Тѣмъ славнѣе было для Русскихъ побоище Задонское (130).

(129) «Царь-же Мамай, съ тремя темными Князьями, взыде на мѣсто высоко, на *шоломя* (холмъ), и ту стояше, хопя видѣши кровопролишіе.» (Исп. Г. Р. т. V, пр. 76). — Сказывали, что видя поражение, онъ застоналъ и воскликнулъ: «Великъ Русскій Богъ!» *Стр. Лвт. т. I, стр. 364.*

(130) Карамзинъ полагаетъ Русскихъ, бывшихъ съ Димитріемъ, болѣе 150 тысячъ (Исп. Г. Р. т. V, пр. 71). По слухамъ въ Новгородѣ (см. пр. 133). Ганзейцы писали, что Русскихъ и Татаръ было убито 40 тысячъ. — Въ *Стр. Лвт.* полагается число воиновъ отъ 150 до 200,000, кромѣ Липовскихъ дружинъ (стр. 357); въ *Арх. Лвт.* 300,000, да Липовскихъ дружинъ 40,000; побито, будто-бы, всѣхъ 250,000, а

Съ незапамятныхъ временъ, оно было *первое великое дѣло ратное*, когда мечи Руссовъ устремлялись не прошивъ родныхъ; *первое*, гдѣ Руссь спалъ въ опкрытый, сильный бой съ свирѣпымъ власкипелемъ своимъ Монголоу, и черезъ *сто пятьдесятъ лѣтъ* отмстилъ ему за честь Мстислава Удалаго, за гибель на Сипи, за избіеніе цѣлыхъ поколѣній, пепелища безчисленнаго множества городовъ, и смертныхъ мученія сполькихъ Князей! Совершились надежды великаго Алексія, исполнились молипы Сергія; крамола не удержала смѣлаго, пламеннаго Димитрія; Русь пожала плоды пятидесятилѣтней полипыки хипраго Іоанна, гордаго Симеона и свяпаго Алексія. Если битва Невская, битва Раковорская были прославлены современниками и попомспвомъ, какъ чудеса, то что могли воздашь они Димитрію, въ печеніе двухъ лѣтъ побѣдипелю на Вожѣ и Непрядвѣ, смирипелю Олгердовой гордостипи, покорипелю Князей своевольныхъ?

Они и воздали ему памятью безсмертноу. Съ того самаго времени, когда Владиміръ, прозванный *Храбрымъ*, рѣшипелъ Задонской побѣды, *сталъ на костяхъ враговъ*, и звукомъ трубъ сзывалъ воиновъ подъ хоругвь Великокняжескую, имя Димитрія слилось съ названі-

---

Ташаръ *оттегеро!* Ксерксово ополченіе встрѣчается у всѣхъ народовъ!

емъ побѣдителя Татаръ. Подъ симъ описаніемъ, оно перешло вѣка. Вся прежняя и послѣдующая жизнь Димитрія исчезла въ одномъ днѣ: 8-го Сентября 1380 года. Поэмы славяли его въ преувеличенныхъ описаніяхъ (131). Молва описывала повсюду, какъ «уновая на милосердіе Божіе, и на Пречистую Машерь Божію, Богородицу, призывая на помощь чесный Крестъ, Димитрій вошелъ за Дономъ въ землю Ташарскую;» какъ «помянувъ реченное Пророкомъ : единъ поженешъ пысячи, и два подвигните пымы, если Богъ предасть врага въ руки ваши,» Димитрій «изрядилъ полки, воззрѣлъ на небо *умными очами*, изрекъ : Богъ намъ прибѣжище и сила, совокупилъ полки, и успрашилъ Божією невидимою силою злыхъ Агарянь.»—«Опъ спраха Божія и оружія Христіанскаго пали безбожные Ташары, и вознесъ Богъ десницу Князя Великаго Димитрія Ивановича, и браша его Владиміра Андреевича на побѣду иноплеменниковъ (132).» Такъ говорили современники. Въ дальнія Нѣмецкія спраны перешло извѣстіе о великой Димитріевой побѣдѣ (133). Множесство слуховъ о чудесахъ, сопровождавшихъ Задонское по-

(131) См. прим. 113.

(132) Новг. Лѣт. годъ 1380-й.

(133) Кранцъ, писатель XVI-го вѣка, говоритъ о Задонской битвѣ въ своей *Wandalia* (кн. IX, стр. 207.

боище, и предшествовавшихъ ему, было разно-
симо, вмѣстѣ съ истиннымъ описаніемъ она-
го (134).

Въ то время, когда враги бѣжали по степи
широкой, какъ по тѣсной дорогѣ (135), и Рускіе
преслѣдовали, гнали, били ихъ, опшнмали у
нихъ обозы, добычу, и успиляли шпупами ихъ
окреспносни на нѣсколько верспъ, Князья, Бо-
яре, воины, собирались на мѣстѣ бипвы; сла-
вили Бога, и поздравляли другъ друга со сле-
зами. Владиміръ шревожно спрашивалъ всѣхъ :
« Гдѣ брашъ ? Гдѣ первоначальникъ чеспи нашей?»

См. Карамзина, ш. V, пр. 81), сказываая, что въ Лю-
бекѣ былъ тогда съѣздъ Гакзейскихъ купцовъ. Слѣ-
довательно, извѣстіе перешло въ Любекъ изъ Новго-
рода, отъ купцовъ, торговавшихъ въ Руси. Въ *Лин-
денблатовой хроникѣ*, хранящейся въ рукописи въ
Музеѣ Румянцовскомъ, говорится о бипвѣ Задонской.
Впрочемъ оба извѣстія Нѣмецкія весьма крапки и
ошибочны.

(134) Извѣстіе о чудесахъ, бывшихъ въ бипвѣ Ку-
ликовской, внесено во всѣ наши Лѣтописи. Говори-
ли, что благочеспивые люди видѣли Ангеловъ и Свя-
тыхъ, державшихъ побѣдныя вѣнцы надъ Рускими, и
поражавшихъ Ташаръ; что наканунѣ бипвы, ночью,
въ споронѣ Татарской слышанъ былъ вой волковъ и
крикъ вороновъ, а на Русскій пѣніе доброчеспное, и
проч.

(135) Стихъ Озерова : « *Имѣ степь широкая, какѣ
тѣсная дорога.* »

Димитрій сдержалъ свое слово: сказалъ, что будетъ, и—былъ *опереди всѣхъ*! Искали Димитрія, и не находили. Одни сказывали, что видѣли его бѣжущаго противъ четырехъ Татаръ. Степанъ Новосильскій извѣстилъ, что видѣлъ его въ споронѣ, идущаго пѣшкомъ, и раненаго; но сражаясь въ то время самъ съ премою Татарами, онъ не могъ подать Князю помощи; общій слухъ былъ, что его сбили съ коня и тяжело ранили. Начали искать Димитрія между шурпами, ужасались, находя убитыхъ, похожихъ на него; но это были Бояринъ Брянокъ и Князь Феодоръ Бѣлозерскій (136). Наконецъ нашли и Димитрія, избитаго, упомленнаго, въ лѣсу, подъ деревомъ: онъ открылъ глаза, кошорые думалъ на вѣки сомкнуть съ горестною мыслию, ибо не зрѣлъ побѣды—открылъ ихъ, и увидѣлъ славу меча Русскаго и спасеніе оше-

---

(136) Строевск. Лѣт. стр. 366. Упомянувъ о рѣчи Димитрія (пр. 125)—«Яко-же рече, тако и сотвори, бѣше-боя съ Татараы тогда, спавъ напередъ всѣхъ (*Тип. Лѣт.* стр. 169, на первомъ *сцѣлѣ* (ш. е. съемѣ) и елико одесную его, и ошуюю его, множество вой его битыхъ; самого-же вокругъ оступиша, аки вода многа оба полы.» Лѣтописецъ говоритъ еще, что Димитрій прежде всѣхъ выѣхалъ въ переднемъ Сторожевомъ полку; потомъ опѣхалъ въ Большой полкъ, и что онъ лично бился съ Царемъ Тсякомъ (Апюлякомъ?). *Син. Лѣт.* (Исп. Г. Р. ш. V, пр. 77 и 80). — «Рекоша Ли-

чества (137). Не чувствуя ранъ своихъ , спѣшилъ онъ объѣхавъ поле битвы , помочь страдавшимъ , благодарить живыхъ , благословить почившихъ смерцію . Поле было кроваво , и много лежало на немъ Христіанъ , много было поверженныхъ Князей , Бояръ , воиновъ доблестныхъ ! Съ честью похоронили ихъ ; воздвигли

повскіе Князи : мнимъ яко живъ естъ , но узвлень . Иной рече : Азъ нѣпаго часа видѣхъ его , крѣпко бѣущаго съ чепырьмя Тапарины . Юрьевской-же юноша , Степанъ Новосильской : Азъ видѣхъ его передъ самымъ швоимъ (Владиміровымъ) приходомъ , пѣша идуща съ побоища , но узвленна ; пого-бо дѣля не дахъ ему коня , зане гонимъ бѣ према Тапарины . » ... « Ови-же наѣхаша Михаила Александровича Брянка , и чаяше его Всликимъ Княземъ , иви-же Князя Феодора Вѣлозерскаго , зане-же прилтенѣ баше . . . »

(137) « Доспѣхъ весь битъ на немъ и язвенъ , но на шѣлеси его не бысть раны ни коея-же — и много ударенія по главѣ его , и по плещача его . »—*Строевск. и Типогр. Лѣт.*—Но въ *Арх. Лѣт.* сказано , что онъ былъ израненъ , и найденъ Коспромичами Сабуромъ и Григоріемъ Хлопищевымъ , послѣ продолжительнаго поиска , безъ брони , въ окровавленной рубашкѣ , сидящій въ лѣсу , подъ березою . « И познаша его , рекоспа ему : « Радуйся , Государь , Князь Димитрій Ивановичъ ! » Онъ же возрѣвъ на нихъ и рече : « О дружина милая ! чья побѣда ? » Они-жь рекоша : « Твоя , Великаго Князя ! » Хлопищевъ поскакалъ къ Владимиру ; всѣ Князья приѣхали , окружили Димитрія , поклонились ему , омыли его раны , и проч. (стр. 85).

пошомъ на коспяхъ ихъ церковь, и положили производить ежегодное поминовеніе въ недѣлю православія и въ *Димитріевскую Субботу* (138). Нѣсколько шѣлъ повезено было въ Русь, положенныхъ въ колодахъ. Такъ шѣла иноковъ - героевъ, Ослябя и Пересвѣша, похоронили въ *Симоновской* обители, въ Москвѣ. Много храмовъ православныхъ воздвигнуто было пошомъ въ память незабвеннаго дня бишвы *Куликовской* (139).

---

(138) *Димитріевою недѣлю* называється недѣля, въ которую приходится праздникъ Св. Мученика *Димитрія*, 26-го Октября.

(139) Гробница иноковъ - героевъ находится въ прапезѣ церкви Рождественской, въ слободкѣ подлѣ *Симонова монастыря*, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, первоначально былъ *Симоновъ монастырь*, неизвѣстно когда перенесенный на нынѣшнее его мѣсто. До сихъ поръ сію приходскую церковь называютъ: «*на Старомъ Симоновѣ.*» Гробница была найдена въ царствованіе *Екатерины*, при разборкѣ вѣшхой колокольни. На камнѣ, ее покрывавшемъ, были начертаны имена *Ослябя* и *Пересвѣша*. *Екатерина* опредѣлила сумму на поспроеніе новаго памятника надъ гробницею; но деньги, на сіе назначенныя, употреблены были *Митрополитомъ Платономъ* на какое-то богоугодное дѣло. — Въ память *Куликовской* бишвы воздвигнулъ *Димитрій* церковь Рождества Богородицы на *Солянкѣ*, что называється *на Стрѣлкѣ*. Вся окрестность получила тогда названіе: *Кулишки*. Кромѣ церкви на *Старомъ Симоновѣ*, *Евдокія*, супру-

Уже послѣ побѣды узнали, какъ полезенъ былъ совѣтъ Липовскихъ Князей — посѣщити биспоу. Ягелло находился въ 30-ти версехахъ отъ Куликова поля, и своимъ приходомъ могъ погубити прекрасную надежду спасенія Руси. Онъ посѣбно повернулъ съ полчищами въ Липву, узнавъ о разбиіи Мамай (140).

Обратное шествіе Димитрія въ Русь было великимъ шоржесшвомъ. Его, Владиміра, Князей, оставшихся отъ биспы воиновъ, встрѣчали, какъ спасителей опечесшва. Въ Кремль обнялъ Димитрій вѣрную свою сунругу. Въ Троицкой обиспели, гдѣ проливалъ онъ слезы, идя въ походъ, и моля о спасеніи опчизны, благословилъ его, побѣдоносца, Свяшій Сергій, и ликовалъ вмѣстѣ съ нимъ о благодаши Божіей, удивившей въ слабости (141).

Казалось, что шоржесшво Русскихъ будешъ

га Димитрія, воздвигла въ Москвѣ Рождесшвенскій монастырь, что на Трубѣ, и проч.

(140) Тип. Лѣт. стр. 165. «Не посѣща за мало на срокъ, за едино днище, или меньше.»

(141) «В. К. Димитрій Ивановичъ... спавъ на поганныхъ обѣдищахъ, и на коспѣхъ Ташарскихъ, уперъ поту своего, и опдохнувъ отъ шруда своего... и возаратися въ Москву съ побѣдою великою... и обрѣше корысть многу, пригнаша многа спада коней, и вельблюды, и волю, имъ-же нѣсть числа, и доспѣхи, и жорты (одежды), и шоваръ.» (Стр. Лѣт. стр. 366).

долговѣчно ; что миръ наспанешъ опселѣ въ
весахъ и селахъ земли Русской ; что Орда, по-
прясенная ударомъ меча Русскаго, долго не за-
будетъ тяжелой раны своей , а Князья не дер-
знушъ болѣе крамольствовашъ и идиши пропивъ
Задонскаго побѣдишеля.

Такъ, кажешся, думалъ и Димитрій. Онъ хо-
пѣлъ наказашъ вѣроломнаго Олега ; но къ нему
явились Бояре Рязанскіе, ударили челомъ, и объ-
явили, что не дожидаясь гнѣва его, Олегъ бѣ-
жалъ въ Лишву. Димитрій опправилъ въ Ря-
зань своего Намѣспника. Вскорѣ Олегъ явился
покорнымъ Великому Князю , молилъ о мирѣ ,
каялся въ грѣхахъ своихъ. Счастливые не зло-
намяшны. Димитрій согласился на миръ съ Ря-
занью. Условились (142) : Олегу признавашъ Ди-
митрія старшимъ , а Владиміра равнымъ бра-
помъ ; хошѣшь добра опъ *гистосердегя* ; опш-
сшупишся опъ дружбы съ Лишвою ; держашъ
миръ и дань Ташарамъ , *если Димитрій будетъ*
держатъ ихъ, бишся съ ними за одно съ Ди-
митріемъ , если дойдешъ до бишвы. Изъ Рус-
скихъ Князей счишашъ другомъ своимъ шого ,
кто будешъ другъ Димитрію , недругомъ его
недруга ; разобрашъ общимъ судомъ все , что
захвачено взаимно послѣ Задонской бишвы.
Условясь о вольномъ переѣздѣ Бояръ, о мышахъ ,

---

(142) Договоръ въ Собр. Гос. грамотъ, т. I. № 32.

пошлинахъ, условились и о границахъ между Владиміромъ, Москвою и Рязанью — непрерывномъ предметѣ спора Великаго Княжества съ Рязанскимъ. Олегъ утвердилъ предѣломъ *тегѣніе Оки, вверхъ отъ Коломны*, уступая Димитрію за оною Тулу, мѣсто, принадлежавшее нѣкогда Ханшѣ Тайдулѣ, и управляемое нѣкогда ея Баскаками; къ востоку отъ Коломны, Цна, впадающая въ Оку, положена границею. Все за Цною на лѣво опходило къ Рязани. Но въ близкой къ Монголамъ Мордвѣ и Мещерской споронѣ, за Окою, Князья Московскій и Рязанскій могли пріобрѣтати землю свободно. Выговорили только Мещерскую землю, уже купленную Димитріемъ у Мещерскихъ Князей (143).

---

(143) *Мещеряки*, народъ Татарскій, живущій между Башкирцами въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, должны-ли быть почитаемы оспашками *Мещеры*, сохранившимися между Татаръ, и перешедшими за Волгу? *Мещера* былъ народъ Финскій, подобный Мордвѣ. Татары расселились въ Мещерской споронѣ, гдѣ основаны были ими впоследствии города: Елашма, Кадомъ, Темниковъ. Родоначальникомъ *Князей Мещерскихъ*, перешедшихъ въ службу Великаго Князя, былъ Мурза Бахметъ-Гуссейнъ. См. о Мещерской споронѣ, прим. 109.

ГЛАВА Ш.

Не лзя не изумляться разительной противоположности событий до Куликовской битвы, и послѣ оной. Какъ? Тотъ самый Князь, который, вспуивъ опрокомъ на престолю, успѣлъ пересилить опышнаго соперника, Князя Суздальскаго, смѣло влашвовалъ другими Князьями, крѣпко устоялъ въ десятилѣтней враждѣ съ Тверью, не палъ подъ силою Олгерда, отважно вознесъ мечъ на Монголовъ, жилъ мирно, брашски съ Владиміромъ, благошворилъ Новгороду, что являешь намъ пошомъ сей Князь, пришедшій въ крѣпость мужескихъ лѣтъ? Видимъ его упадшаго духомъ при первой бѣдѣ; снова рабшвующаго, не смѣющаго спашъ грудью проливъ хищниковъ опчизны; въ ссорѣ съ вѣрнымъ брашомъ Владиміромъ, дошолъ единодушнымъ ему; Русь, снова расшерзанную своеволіемъ Князей; Новгородъ, угнешаемый влашпію Москвы! Тотъ-ли это Димитрій, семнадцать лѣтъ бывшій опоромъ и опрадомъ опчизны? Тотъ самый, Не спало только ангела-хранителя Руси, совѣтника Князей, крѣпителя дружбы и союзовъ, рѣшителя на брань: *Алексія Митрополита*. Онъ надолго унесъ въ могилу честь и мирное житіе

отечества! Не спало Алексія — предалась прежнему позору Русская земля, и поспыдной смущъ самая Церковь православная. Повпоримъ: судьбы несповѣдимыя (144)!

Смушы Церкви прежде всего поколебали душевное спокойствіе Димитрія, и соблазнили православныхъ.

Чувствуя бремя лѣшъ, Алексій обрекалъ въ преемники свои Свяшаго Игумена Троицкаго, Сергія. Но, зная великія обязанности сана первосвященника, бѣгая щещы мірскихъ суещъ, Сергій, гошовый положишь душу за опчизну, умолялъ Владыку спасши его опъ жизни Двор-

(144) Мы спарались уже показатъ не понимаемый донынѣ Историками нашими, высокой характеръ Священника Митрополита Алексія. Его жизнь и дѣла—это перлъ въ Исторіи нашей Церкви; звѣзда свѣтлая въ Исторіи Отечества! Именно должно замѣнить разительную противоположность событій до 1380 года, и послѣ онаго, *ш. е. послѣ кончины Алексія Митрополита*, дабы уразумѣть все святое и мудрое величіе сего Архипастыря. Усмиреніе Суздаля, покореніе Удѣловъ, побѣда надъ Тверью, борьба съ Липвою, рѣшеніе на борьбу съ Монголами, миръ съ Новгородомъ, санъ Великокняжескій уваженный и чтимый, неприкосновенное величіе Религій—вопъ дѣла Алексія! Сообрази-те-же, что происходило послѣ него, хотя Димитрій княжилъ, и при томъ уже испытанный, уже славный, уже въ лѣсахъ мудрости!

ской и величія тяжкаго! Чего бѣжалъ Сергій, того безстыдно искалъ Коломенскій Священникъ Мишій, духовникъ и любимецъ Димитрія, «высокій ростомъ, плечистый, рожастый, съ красивою огромною бородою, рѣчисный на слова, искусный въ пѣніи, чпеніи, гораздый въ книгахъ, изящный на всякое дѣло поповское (145).» Не только Димитрій, но и знавшійшіе Бояре были его духовными дѣтьми, и Великій Князь желалъ видѣть его преемникомъ Свяшаго Алексія. Хищрый Мишій долго опговаривался. Когда Спасскій Архимандритъ Іоаннъ, по своей волѣ, удалился на покой, духовника Великокняжескаго насильно увлекли въ церковь, поспригали въ монахи, назвали инокомъ Михаиломъ, и немедленно возвели въ санъ Архимандрита. «Дѣло, дива полное!» говорили современники. «До обѣда нашъ Мишій былъ бѣлецъ, по обѣдѣ спалъ Архимандритъ; до обѣда мірянинъ, а по обѣдѣ монаховъ насшавникъ, училель, вождъ и пашыръ (146)!» Дѣло происходило еще за

---

(145) См. житіе Св. Сергія (*Ник. Лѣт. IV, 233*). Слова сего Свяшаго мужа: «Опъ юности моеи пѣсть златоносець; нынѣ же, на старости, нищетиѣ хочу пребывати.» Повѣсть о Мишѣ взята изъ *Троицк. Лѣт.* (Карамзинъ, V, пр. 54, и слѣд.) и *Типоер.* (спр. 137 и слѣд.). Она повторена въ *Никон.* и другихъ Лѣтописяхъ, съ измѣненіями.

(146) Тип. Лѣт. спр. 140.

два года до кончины Св. Алексія. Первосвящен-
 шель шерпѣль своеволіе въ посприженіи Михаи-
 ла, но не слушалъ просьбъ Димитрія: опредѣ-
 лишь послѣ себя санъ Митрополиша Михаилу,
 «Онъ *новоукъ*. Подобаешъ Митрополишу бышь
 не новоуку, и непорочну, да не развеличается,
 и не впадешъ въ сѣпъ дьявольскую!» Такъ все-
 гда ошвѣчалъ Алексій. На всѣ просьбы Дими-
 трія, онъ говорилъ одно: «Не воленъ я бла-
 гословить его. Да будешъ Митрополишь, если
 дашъ ему Богъ, Богоматерь, Папріархъ и Все-
 ленскій Соборъ.» Къ зазору всѣхъ, едва скончался
 Алексій, Михаилъ возложилъ на себя клобукъ
 Митрополичій, надѣлъ владычную одежду, завла-
 дѣлъ церковною казною и ризницею, и, не бывъ
 еще Епископомъ, управлялъ духовенствомъ,
 какъ Митрополишь, собиралъ поборы, и угне-
 шалъ своимъ высокомѣриемъ. Онъ увѣрилъ Ди-
 митрія, что пять или шесть Епископовъ, со-
 бравшись вмѣстѣ, и призвавъ на себя помощь
 Св. Духа, могутъ посвящить его во Епископы,
 заспуая мѣсто Митрополиша. Созвали Епи-
 скоповъ; никшо не дерзнулъ прошиворѣчитьъ.
 Одинъ только Діонисій Суздальскій обличилъ
 неправду; Михаилъ вознегодовалъ, и велѣлъ
 спросить у него: «Какъ смѣлъ онъ пріѣхашъ
 въ Москву, и не бышь у меня на поклонѣ и
 благословеніи? Развѣ не вѣдаешъ онъ, что я
 надъ всѣми власъ имѣю?» прибавлялъ Миха-

илъ. — Надо мною никакой — ошвѣчалъ Діонисій. — Ему должно было придти и благословишься у меня: я Епископъ, онъ попъ. Кто больше: попъ или Епископъ? — «Сдѣлаю его меньше по па!» воскликнулъ Михаилъ, услышавъ ошвѣштъ Діонисія. «Возвращусь изъ Царьграда, и своими руками спорю у него скрижали!» Открылась соблазнительная вражда. Діонисій рѣшился ѣхать и жаловаться въ Царьградъ. Его задержали, и выпустили съ условіемъ: не ѣздишь въ Царьградъ. Свяшій Сергій поручился за Діонисія, и былъ оскорбленъ его вѣроломствомъ: Діонисій шайно уѣхалъ изъ Москвы, и по Волгѣ поплылъ въ Царьградъ. Сергій осмался въ спыдѣ, а Михаилъ, слѣша предупредишь соперника, съ великою свипою ошправился сухимъ пушемъ, черезъ Рязань и Половецкія степи. На пуши взяшій Монголами, онъ успѣлъ умилосливившь ихъ, получилъ ярлыкъ Мамаю, хоша бывшаго шогда въ явной враждѣ съ Москвою, и изъ Кафы поплылъ въ Царьградъ (147). Уже бѣлѣлись вдали передъ нимъ зданія Царьграда. Вдругъ онъ заболѣлъ, умеръ, и нашелъ себѣ только могилу шамъ, гдѣ искалъ почесшей. Его похоронили въ Галашѣ.

Между спутниками Михаила сдѣлался раздоръ. Они рѣшились оштъ себя предшавившь въ

---

(147) Ярлыкъ въ *Собр. Гос. грамотъ*, ш. II, № 12.

Царьградъ спавленика, на мѣсто Михаила. Эпого искали два бывше между ними Архимандрипа: Пименъ Переяславскій, и Иоаннъ Пешровскій (148). Послѣ многихъ споровъ, всѣ согласились на избраніе Пимена, и явили его въ Царьградѣ, какъ духовную особу, назначаему въ Мишрополищы Великимъ Княземъ. Греки недоумѣвали, шѣмъ болѣе, что въ Руси былъ уже Мишрополищъ. Послѣ смерти Романа, въ 1375 году, посвященъ былъ въ Мишрополищы на Волянъ Сербъ Киприанъ. Алексій Мишрополищъ не допустилъ его въ Кіевъ, и напрасно, въ 1376 году, Киприанъ прислалъ въ Новгородъ, увѣряя, что онъ посвященъ въ Мишрополищы всея Руси. «Посылай къ Великому Князю»—отвѣчали Новгородцы—«если онъ приметъ шебя, будешь и нашимъ Мишрополищомъ (149).» Киприанъ оспавался на Воляни. Золошо Пимена рѣшило недоумѣніе Грековъ. Онъ возвратился въ Русь уже послѣ побѣды надъ Монголами. Но Димитрій съ изумленіемъ узналъ о замыслахъ сего честполюбца, сожалѣлъ о смерти Михаила, не хотѣлъ видѣть Пимена, и шоржешвенно призывалъ въ Москву Киприана. Пимена схващили въ Коломнѣ, сняли

---

(148) Иоаннъ славился шѣмъ, что былъ первый установишель *общаго житія* монаховъ въ Москвѣ. Монастырь Пешровскій основанъ былъ при Димитріѣ.

(149) Новг. лѣт.

съ него Мишрополишское облаченіе , и самого послали на започеніе въ Чухлomu.

Сіи распри были ничтожны, мѣлки, но превозжили умы всѣхъ, и были предвѣспіемъ бѣдсвій, какихъ уже полвѣка не испытывала Москва! Тѣмъ ужаснѣе казались новыя бѣдсвія послѣ мгновеннаго и столь еще недавняго поржешва Рускихъ. Душа Русская болше изображая ихъ, даже по прошествіи чешырехъ съ половиною столѣтій!

Рускіе крѣпко вѣрили, что испощенная въ кровавыхъ междоусобіяхъ, раздѣленная на Орды, враждебныя одна другой, испытывавшая силу меча православныхъ, власпъ Монголовъ вскорѣ спадеть, совершенно и на вѣчно, съ обласпей Рускихъ. Еще болше подшвердила сіе мнѣніе важная вѣспь, что Мамай вспрѣшилъ конечную гибель въ своихъ улусахъ, по возвращеніи съ береговъ Непрядвы. Мы упоминали о Тохшамышѣ, удалившемся за двадцать лѣтъ прежде къ Чагашайскимъ Ханамъ, когда братъ его Наврузъ свергъ Бердибека и погибъ ошъ мечей дружины Хидыря. Новый Чингисъ-Ханъ — Тимуръ Чагашайскій подчинилъ уже себя въ то время царство Самаркандское, громилъ Персію, и мечшалъ о всесвѣпной монархіи, о явленіи міру втораго Темудзина. Онъ далъ нѣсколько дружинъ въ пособіе бѣдному бѣглецу изъ Золотой Орды. Подкрѣпленный Ногайскими Ор-

дами Эдигея, Тохшамышъ явился на берегахъ Волги. Мамай ждалъ его, и шамъ, гдѣ нѣкогда Монголы шоржешивовали первую побѣду надъ Руссами, на берегахъ Калки, схватились два оспервенѣлые соперника (150). Тохшамышъ преодолѣлъ, и объявилъ себя Ханомъ Золошой Орды. Мамай укрылся въ Кафѣ у Генуэзцевъ. Тамъ палъ онъ подъ кинжаломъ Испальнскаго убійцы: хошѣли овладѣть бѣднымъ осшашкомъ величія Мамаева — золошомъ, копорое сберегъ при себѣ несчаспный бѣглець (151)....

Тохшамышъ увѣдомилъ Русскихъ Князей о гибели общаго ихъ врага; извѣспилъ и о шомъ, что опнынѣ ему принадлежишъ власшъ. Онъ ждалъ появленія власшипелей Руси, какъ древнихъ рабовъ, въ Ордѣ Сарайской. Князья послали подарки, но не ѣхали сами бишъ челомъ. Тохшамышъ еще разъ оказалъ умѣренносшъ: прислалъ Посла, съ опрядомъ войскъ, шребовашъ прежней дани и покорносши. Димитрій велѣлъ опшвѣчашъ, что онъ не! ручаешся за безопасносшъ

---

(150) Г-нъ Бушкoвъ полагаешъ, что бишва происходила на рѣкѣ *Малкѣ*. Тамъ доннынѣ, говоришъ онъ, на 4-хъ верспахъ видны могилы, между слободъ Солдашской и Прохладной, и называюшся: *Мамаево побоище* (Сѣв. Архивъ, XI, 18). Но въ Лѣшопислахъ нашихъ находимъ именно *Калку*.

(151) Стр. Лѣш. I, 367.

Посла Монгольскаго, если онъ еще явишся въ Москвѣ (152).

Князья Русскіе казались согласными съ волею Димитрія, гошовыми на брань, если рѣшено будетъ биться вновь съ Монголами. Такъ прошелъ годъ. Удивлялись только, что изъ Орды нѣтъ вѣстей. Тохшамышъ приговорилъ свои войска, но хотѣлъ заспашъ Димитрія въ распахъ; велѣлъ захватить и перерѣзать Русскихъ купцовъ въ Булгарахъ и по Волгѣ, чтобы они не передали вѣсти въ Москву (153). Тохшамышъ зналъ, что надобно было оглушить Русь однимъ спрашнымъ ударомъ, и все запрепещеть, покориться. Разсечены его оказались вѣрны и гибельны. Не только низкая робость, но даже измѣна вгнѣздилась въ души Князей, едва услышали они о движеніи Хана. Не смотря на скрышность и поспѣшность его похода, Димитрія извѣстили *доброхоты Ордынскіе*, что Тохшамышъ уже перешелъ Волгу и идетъ прямо на Москву. Онъ послалъ сзывашъ дружины, и узналъ, что Тверь и Рязань пользуются случаемъ, хопяшъ заплашашъ Москвѣ обиды, и гошовы помогашъ Монголамъ. Даже шеспъ его, Князь Суздальскій, не только предалъ Димитрія, но и послалъ сыновей своихъ на встрѣчу Тохшамы-

---

(152) Троицк. лѣт. (Карамз. V, пр. 89).

(153) Стр. лѣт. (I, 368, 369) и другіе.

ша, съ поклономъ и дарами. Узнавъ, что Ханъ уже далеко ушелъ впередъ, Княжичи Суздальскіе скакали по слѣдамъ его нѣсколько дней, догнали его наконецъ близъ Сернача, и работливо ударили ему челомъ. Тохшамышъ удержалъ ихъ при своемъ войскѣ (154). На границѣ Рязанской встрѣпилъ Хана другой перевѣшникъ—Олеги. Онъ молилъ объ одномъ: не иди по его княжеству, и предавалъ въ волю Хана другихъ; даже объяснялъ, какъ легче и удобнѣе можешь Ханъ захватить Москву. Все смирялось или бѣжало. Проводившій и встрѣтившій нѣкогда побѣдные полки Димитрія, Коломенскій Епископъ Герасимъ полагалъ себя безопаснымъ только въ Новгородѣ (155). Сступивъ на землю Московскую, Тохшамышъ извлекъ мечъ, и зажегъ пожары. Серпуховъ разграбили мимоходомъ, и спѣшили къ Москвѣ.

Тамъ царствовало смятеніе, «какъ на морѣ въ бурю великую (156).» Испуганные Князья и Бояре буйствовали, не слушались Димитрія—даже винили его за Куликовскую побѣду, говоря, что его замысломъ прервана была шишина отъ Орды; что въ битвѣ съ Мамаемъ погублена была

---

(154) Спр. и Тип. Лѣт.

(155) Новг. Лѣт. годъ 1382-й.

(156) Граду мятущуся, аки морю въ бурю велицу (Тип., стр. 172).

защита Руси, и теперь не оспаяешься средствъ къ спасенію! Видя измѣну извнѣ, непокорство внутри, Димитрій не могъ управить Москвою, не посмѣлъ и погнбнуть, защищая ее самъ. Онъ постыдно бѣжалъ, увезъ семейство свое въ Переяславль, и здѣсь не ожидая безопасности, укрылся наконецъ въ Коспромѣ. За нимъ разбѣжались всѣ. Князь Владиміръ также уѣхалъ и увезъ семейство свое въ Торжекъ. По крайней мѣрѣ онъ осмѣлился ворошиться, собравъ небольшую дружину и спавъ у Волоколамска; Димитрій и этого не сдѣлалъ! Оспавленная Князьями и дружинами, Москва предана была буйству и своеволю жипелей. Одни хотѣли бѣжать, другіе сражались, прешьи грабили между шѣмъ погреба, пили, дрались, и звонили въ колокола, сзывая народъ на вѣче. Митрополиша не выпускали; онъ думалъ только о себѣ; ради Бога просилъ онъ данъ ему свободный пупъ, и убѣжалъ въ Тверь.

Появленіе Монголовъ образумило шѣхъ, кто оспавался въ Москвѣ. Въ Кремль сбѣжались полпы народа и заперли вороша Кремлевскія. Какой-то Липовскій Князь, внукъ Олгерда, Ошей, явился тогда въ Москву, и принялъ начальство. Посады преданы были беззащитно въ руки враговъ. Монголы прискакали сначала въ небольшихъ опрядахъ, бѣдили вокругъ Кремля, бранились съ осажденными; копорые вылѣзали

на спѣны Кремлевскія , и пьяные , вида малочисленность Монголовъ , ругали ихъ и позорили (157). Монголы грозили мечами , спрашивали о Димитріи , и удалялись. На другой день прошелъ хмѣль защитниковъ Кремля: Тохшамышъ явился во всей силѣ своей. Монголы окружили Кремль , осыпали его стрѣлами , лѣзли на спѣны ; осажденные опстрѣливались , лили на осаждающихъ кипяшокъ , бросали каменя. По три дня продолжался приступъ. Адамъ сукольникъ ударилъ изъ самострѣла съ Флоровскихъ ворошъ , и убилъ какого-то знашнаго Ордынца , о кошоромъ сокрушался самъ Тохшамышъ. Боясь бышь задержаннымъ осадю , Ханъ рѣшился обольстить осажденныхъ ласкою , и , къ несчастію , успѣлъ. Монголы подѣхали къ спѣнамъ для переговоровъ ; сказывали , что Ханъ не хочеть зла Москвѣ , воюеть съ Димитріемъ , а не съ Москвою , пребуеть шолько покорности и даровъ , хочеть посмотрѣть Кремль Московскій , и общаешь всѣмъ безопаснсть. Сыновья Суздальскаго Князя явились передъ Кремлемъ , вмѣспѣ съ Монголами , и кляли въ испинѣ словъ Ханскихъ. Легковѣрный Оспей согласился опворить Кремль. Самъ онъ , неся богатые дары , вышелъ изъ Кремля ; за нимъ шло духовенство , съ кре-

---

(157) Нелѣпныя и безобразныя прибавки *Ник. Лвт.* см. п. IV, стр. 134.

спами и иконами. Тогда открылось вѣроломство Монголовъ: Осшей былъ убишь первый; Монголы начали шерзашъ и рубишь духовеншво; шопшали, броеали, ломали Свяшые образа и крешы, и шпорглись въ Кремль. Все въ ужасѣ бѣжало опъ нихъ, скрывалось, падало подъ мечами убійць; церкви, дома были ограблены; Кремль исполнился труповъ; множешво народа захвачено было въ полонъ, и исперзано безъ различія сана, пола и возраста. Наконецъ, взвились облака дыму: Монголы зажгли городъ. « Великъ былъ дошолъ градъ Москва, и чудень, и много было въ немъ людей и узорочья. И въ единый часъ все измѣнилось опъ меча и пожара! Люди погибли, дома замѣнились грудями пепла, церкви спояли поруганныя и опаленныя; не было и ходящихъ по пепелищамъ. Монголы разграбили Княжескія сокровищницы; испребили и множешво древнихъ рукописей » (158). Пируя на пеплѣ Димитріевой сполицы, Тохшамышъ разошлалъ опряды во всѣ спороны. Владиміръ, Можайскъ, Волоколамскъ, Звенигородъ были опушпшены. Жипели Переяславля спаслись въ ладьяхъ на озерѣ своемъ; городъ ихъ сожгли. Воплъ и шпенаніе были слышны всюду и — не было защищниковъ! Только Владиміръ Андреевичъ

---

(158) Спр. Лѣш. 1,374; Троицк. Лѣш. (Кар. V, пр. 96).

осмѣлился наконецъ напасть на опрядъ Монго-
ловъ , близъ Волоколамска. Слыша о появленіи
Русскихъ дружинъ, Тохшамышъ спѣшилъ уйдши.
Никто его не преслѣдовалъ. Бѣдствіе Моск-
вы совершилось въ 26-й день Августа 1382 го-
да. На обратномъ пути, Монголы выгли Ко-
лонну, шли по Рязанской обласпи, и свирѣп-
ствовали въ обласпяхъ Олега, шакъ, что сей
несчастный союзникъ поганыхъ, обезславивъ се-
бя двукрашною дружбою съ ними, едва спасся
бѣгствомъ отъ гибели. Съ дороги, Тохшамышъ
опослалъ къ Суздальскому Князю одного сына
его, Симеона, съ Посломъ и привѣстомъ. Другаго,
Василія Кирдяпу, онъ ославилъ въ Ордѣ залож-
никомъ.

Горестно плакали на пожарищѣ Москвы Ди-
мипрій и Владиміръ. Тысячи шруповъ безобраз-
но валялись на развалинахъ. « Къ чему была
побѣда наша! » говорили Князья « Опцы наши
рабешвовали, но не видали шакого зла! » Они
велѣли хоронить шрупы, плашили по рублю за
восемьдесятъ шѣтъ, и заплашили — 300 рублей.
Слѣдственно—24,000 человекъ заплашили жиз-
нію за малодушіе власпителей, кромѣ полонен-
ныхъ, сгорѣвшихъ, ушоновшихъ (159). Въ без-
плодной ярости, Димипрій послалъ дружины
свои казнить Олега. Едва спаслись отъ по-
ганыхъ союзниковъ, Олегъ бѣжалъ отъ род-

---

(159) Стр. и Тип. Лѣт.

нихъ, преданныхъ имъ. Москвичи хвалились, что «землю Рязанскую до ошашка пуспу учили, и были Рязанцамъ пуще Ташарскія рати (160)!»

Гнѣвъ Димитрія обратился и на робкаго Кипріана: велѣли ему оставиць Москву, покинуть имъ во время общаго бѣдспвія; но всего болѣе не за по-ли, что онъ укрылся у врага Москвы, Тверскаго Князя? Пимена возвратили изъ ссылки; ошдали ему санъ Митрополита; Кипріанъ уѣхалъ въ Кіевъ, и ошдался въ покровишельство Липвы (161).

За бѣдспвіемъ настало время униженія. Карачъ, Посоль Ханъ, явился въ Москвѣ, возснѣвавшей изъ пепла, указалъ на пожарище ея, и звалъ Димитрія въ Орду, съ данью и покорностью. Димитрій не поѣхалъ самъ, но отправилъ старшаго сына своего, Василія. Уже Тверской Князь находился въ Ордѣ, и билъ челомъ о Великомъ Княжествѣ. Но Ханъ просилъ Князя Московскаго, видя его покорность, приказывалъ ему помниць урокъ, и оставилъ Василія въ Ордѣ, въ залогъ вѣрности. Князь Тверской, обманушій въ надеждѣ, долженъ былъ

(160) Стр. Лѣт. I, 377.

(161) Тип. Лѣт. стр. 182. Димитрій посмалъ уже за нимъ въ Тверь; но Кипріанъ едва вѣрѣхалъ въ началѣ Октябрия.

пакже оставишь сына, Александра, заложникомъ. Тохшамышъ взялъ все, что привезли ему изъ Москвы; насчиталъ еще 8000 рублей долгу, и обложилъ пшажкою данью Великое Княжесшво. Почши забытые *тисленники* и *послы* Монголовъ снова явились пишь кровь и слезы Руссовъ (162)...

Начались прежняя помѣшельная жизнь, прежнія междоусобія. Въ Маршѣ 1385 года, Олегъ оправился опъ пораженія, *изгономъ* пришелъ на Коломну, «наимался злата, сребра и всякаго шовара.» Владиміръ Андреевичъ пошелъ мспишь ему грабежемъ и войною. Но Димитрій хошѣлъ мира. Онъ просилъ Игумена Сергія бышь посредникомъ, Свяшой мужъ еще разъ оставилъ обипель свою, поѣхалъ въ Рязань, «кропкими словесами и благоувѣшливыми глаголами много бесѣдовалъ съ Олегомъ о мирѣ и о любви, и Олегъ преложилъ свирѣпсшво на кропосшь, умиллся душею, усшыдился свяпаго мужа, и взялъ съ Москвою *миръ стгный*.» Онъ сдержалъ обѣщаніе. Дочь Димитрія выдана была пошѣмъ (въ 1387 г.) за сына его, Феодора (163).

---

(162) Съ *деревни* собирали тогда по *полтинѣ*. Но деревни были весьма малолюдны. Карамзинъ замѣчаетъ, что деревню часто соспалялъ *одинѣ дворѣ*, и двѣ, или при *обжи*, ш. е. два или три *тлела*. Въ обжѣ стшчалось при *сохи* (И. Г. Р. ш. V, пр. 103).

(163) Тш. Лш. стр. 184, 185; Карамз. V, пр. 105.

Дошолъ благопривѣпливый къ Новгороду, Димитрій везнеговалъ въ сіе время на вольный городъ, и воздвигъ на него шу грозу, копорю могъ-бы спасти опчизну опъ раззоренія и позора. Мы видѣли уже удалца Новгородскаго Онисифора, копорый, съ вапагою поварищей, безспрашно ходилъ по Заволочью и Волгѣ, добывая не купленныя узорочья и казну, вольною рукою. Такіе походы вольницы и молодежи не считались въ Новгородѣ посшдными. Правительство Новгородское шерпѣло ихъ; народъ любовался удалью. Ашаманы вольницы были попѣмъ вѣрными слугами опчизны: шакъ за Онисифора вспуался червый народъ на Вѣчѣ, а онъ послѣ шого далъ памяшь Магнусовымъ дружинамъ подъ Орѣшкомъ и Выборгомъ, и былъ наконецъ Посадникомъ. Рускіе Князья смошрѣли на разбой Новгородцевъ равнодушно, ибо опъ нихъ шерпѣли поганые. Князья извинялись передъ Монголами шѣмъ, что своевольничаяшъ *разбойники и недобрые люди*. Примѣру Новгородцевъ слѣдовали другіе, и по наспоянію Ханскому, Князь Димитрій Констаншиновичъ, какъ мы видѣли, принужденъ былъ, въ 1362 году, судишь и выдашь Коспромскихъ разбойниковъ, ограбившихъ Жукошинъ. Удалство не прекращалось грозою Ордынцевъ, а у Новгородцевъ вошло даже въ обычай. Спускаясь на Волгу, въ легкихъ ладьяхъ, Новгород-

скіе *ушкуйники* (164) доходили иногда до Каспійскаго моря, плавали на сѣверъ до Сшуденаго моря, и разѣзжали по рѣкамъ Сибирскимъ за чужимъ добромъ. Къ несчастію, буйство или нужда заславляли ихъ иногда бросающься безъ разбора на города и селенія православныхъ. Это производило бившвы, ссоры, страшныя припязанія на Новгородъ. Никшо изъ Новгородскихъ удальцовъ не славился послѣ Онисифора шакою опвагою, какъ Новгородецъ Александръ Абакумовъ, шопъ самый, копораго убили подъ Торжкомъ, въ 1372 году. Въ 1364 году онъ плавалъ далеко по Оби; въ 1366 году, вошелъ въ Волгу, опъ захватилъ суда Хивинцевъ и Армянъ, сжегъ и попопилъ ихъ *кербаты, ладьи, уганы, и лабусы* подъ Нижнимъ, вошелъ въ Каму, и грабилъ Булгаровъ. Вапагу его соспавляли 150 ушкуевъ, или лодокъ. Послы Московскіе жаловались Новгородцамъ на Абакумова. Въче опивѣчало, что онъ *ходилъ безъ Новгородскаго слова*. Великій Князь разсердился; велѣно было захватить Новгородскаго Воеводу, возвращавшагося съ Двины, и выѣхать Великокняжескому намѣспнику изъ Новгорода. Новгородцы прислали пословъ извиняющься, и помирились. Но ушкуйничесство продолжалось; жалобы были безпрерывныя. Въ 1369 и 1370 г, удальцы Нового-

---

(164) *Ушкуй*, легкая, особенной поспройки лодка.

родскіе ходили по Камѣ и Волгѣ, «и много зла сотворили. «Новгородецъ Прокопъ заимилъ самого Абакумова славою молодечества: 2000 опичаянныхъ шоварищей шли съ нимъ повсюду, и безъ разбора. Въ 1374 году они ограбили Коспrome и Ярославль; въ 1374 г. разбили Вяшку, взяли съ Булгаровъ 300 рублей окупа, были у Сарая, за Сурюю, по Вешлугѣ; въ 1375 году снова напали они на Коспrome, разбили Великокняжескаго воеводу, и плавали до самаго устья Волги. Тамъ погибъ Прокопъ, обманушій Монгольскимъ Княземъ Салчеемъ. Напрасно Москва приказывала унять удальцовъ, пребуя вознагражденій за раззореніе Коспrome. Новгородцы опговаривались. Прибавился еще какой-то споръ о доходахъ Великаго Князя, и своевольное распоряженіе, по кошорому Новгородцы (165) опреклись опъ Мишрополишова суда въ дѣлахъ церковныхъ (1385 г).

Какъ будшо ожилъ шогда прежній Димитрій. Онъ вдругъ сдвинулъ большую рапъ, взял дружины Суздальскія, Нижегородскія, Городецкія, и зимою 1386 года вспушилъ въ Новгородскую

---

(165) «Держа Димитрій гнѣвъ про Княщины, «ш. е. сборы на Князя. Прокопъ былъ шакъ славенъ въ народѣ, что повѣсть о немъ внесена во многія Лѣтописи. О Абакумовѣ, см. въ *Новгор. Лѣт.* Объ опрѣченіи Новгородцевъ опъ суда Мишрополичья, *Ист. Г. Р. V*, пр. 106.

обласшь. Новгородцы думали убѣдись на миръ, соглашая заплашишь 8000 рублей, и послали для сего къ Димитрію Владыку Алексія. Его не слушали, шли впередъ, жгли селенія. Въ началѣ Января, Димитрій отаборился въ 30-ши верспахъ отъ Новгорода. Вольный городъ принялся за оружіе. Новгородцы обнесли Новгородъ шномъ, сожгли дома въ посадахъ зарвомъ, не пожалѣли и монастырей, коихъ сгорѣло тогда 24 (166). Димитрій поколебался: ему предлагали миръ и плашежь; въ случаѣ опказа, передъ нимъ сшала «рапъ Новгородская, великая и свѣшная, конная и пѣшая, и находилось много охошниковъ бинься.» Предпочишая худой миръ доброй брани, Димитрій согласился на заплашу убышковъ, и взялъ миръ по шаринѣ Новгородской (167). »

Съ сего времени, прежняя дѣяшельность возродилась въ душѣ Димитрія. Угадываемъ причину: ослѣпленный честолюбіемъ, Тохшамышъ безразсудно ошваживался тогда на борьбу съ благодѣшелемъ своимъ, Тимуромъ Чагашайскимъ. Въ 1387 году Василій Димитріевичъ, дошолѣ помившійся въ Ордынской неволѣ, бѣжалъ и че-

(166) Рост. Лѣт. (Кар. V, пр. 107).

(167) « Бѣша сила велика, и свѣшла рапъ Новгородская, конная и пѣшая, и вельми много охошниковъ бинься.»

резъ южняа степи пробрался въ Молдавію. Димитрій съ радостью послалъ въспрѣшшиъ сей драгоцѣнный залогъ , шажело шюившій его сердцу. Не видимъ , чтобы Монголы мшпили за бѣгство, или шребовали возвращенія сына Димитріева (168).

Еще болѣе смѣлоспи показалъ Димитрій въ слѣдующемъ году. Тесшъ его Димитрій Констаншиновичъ скончался въ 1383 г. (169). Борисъ Городецкій ждалъ смерти брата своего въ Ордѣ, и выпросилъ себѣ Нижній Новгородъ. Василій Кирдяпа , за годъ до побѣга Василя Димитріевича (1386 г.), покушался шажать, но былъ схваченъ и возвращенъ въ Орду, какъ плѣнникъ. Черезъ два года, Ханъ умилоспивилса , пожаловалъ Кирдяпѣ прежній удѣлъ дяди его, Городецъ. Но Василій и братъ его Симеонъ не довольшповались жалованьемъ Хана. Они просили Великаго Князя помочь имъ возвращишъ опцовское наслѣдіе , хопя они и не имѣли на шо ни какого права. Дружины Московскія соединились съ ними , и пришли къ Нижнему Новгороду. Напрасно Борисъ показывалъ Ханскую грамашу , доказывалъ права свои; ему

(168) Рост. Лѣт. (Кар. V, пр. 113).

(169) Принявъ передъ кончиною схиму, и имя инока Теодора. Онъ погребенъ въ Нижегородск. Спасск. соборѣ.

не внимали. Онъ уступилъ и переѣхалъ въ прежній удѣлъ свой (170).

Заняшой пригошовленіями къ бишвамъ съ Тимуромъ, Тохшамышъ какъ будшо хошѣлъ еще разъ напомнишь Рускимъ о карѣ за своеволие. Внезапнымъ набѣгомъ, Монголы опустошили предѣлы Рязанскіе, но вскорѣ ушли обратно (171).

Можешь бышь, Димишрій успѣлъ наконецъ опомнишься опъ спраха, и гошовился къ новой борьбѣ съ Монголами. Но въ это время совершилъ онъ важную государственную перемѣну: Владиміру Андреевичу объявили, что по волѣ спаршаго брапа, ему должно опказашься опъ правъ своихъ на Великое Княжеспво, въ случаѣ смерши Димишрія. Кажешься, что не обошлось безъ неудовольствій; но сполько-же доспойный называшься *добрымъ*, сполько и *храбрымъ*, Владиміръ поступилъ вѣковымъ предлогомъ междуособій. *Первый* изъ Русскихъ Князей, онъ добровольно опрекся опъ права, по копорому *старшій въ родѣ, братъ, наследовалъ послѣ брата, а не сынъ послѣ отца*. Это важное событіе не было означено кровью и войною, совершилось въ пишинѣ Княжескаго перема, и

(170) Троицк. Лѣт. (Кар. V, пр. 114), и другіе.

(171) Они раззорили тогда Переяславль (или нынѣшнюю Рязань).

даже не было замѣчено Лѣтописцами. Можешъ бытъ нѣкто изъ современниковъ и не зналъ о немъ, кромѣ Мишрополиша, свидѣтельствовавшаго договоръ Князей, и немногихъ бывшихъ припомъ Бояръ (172). Калиша началъ, Алексій Мишрополишъ продолжилъ право наслѣдованія ошъ опца къ сыну: *Димитрію* принадлежишъ честь мирнаго и прочнаго утвержденія новаго порядка въ наслѣдствѣ; *Владиміру* подвигъ великодушнаго пожертвованія честолюбіемъ для блага общаго. Договоръ, по кошорому Владиміръ призналъ Димитрію ошцомъ, а сына его, юнаго Василя *старшимъ братомъ*, обѣщаясь, равно для обоихъ и для попомковъ ихъ, держашъ Великое Княжество честно и грозно, хошѣшъ добра и *служить безъ ослушанья*, сей договоръ замѣчашеленъ и шѣмъ, что въ немъ изъявлена надежда объ освобожденіи ошъ власши Монголовъ. Договариваясь объ *Ордынской тягости*, Бесерменскомъ долгѣ и

---

(172) Карамзинъ подробно описываетъ вражду, бывшую по сему случаю между Димитріемъ и Владиміромъ (т. V, 102); но это описаніе взято изъ *Никоновск. Лѣт.* (т. IV 157). О неудовольствіяхъ между Князьями можно только *подозрѣвать*, изъ словъ Договора, тогда между ними заключеннаго (*Собр. Гос. грамотъ*, 1, № 33): «Се Азъ К. В. Дим. Ивановъ *пріялъ есмь въ любовь* брата своего молодшаго,» и проч.

проторялъ, Князя упоминающъ, что можешъ бышь *Богъ избавитъ и освободитъ ихъ отъ Орды* (173).

Димитрію не совершилось еще и сорока лѣтъ. Москва могла надѣяться на его долготѣше и на крѣпкую руку его, когда небосклонъ Ошечесшва опшвсюду обносило мрачными шучами, и, можешъ бышь, шолько новое Куликовское побоище могло спасти Москву ошъ вшораго набѣга Тохшамышева. Ни шруды рашные, ни бѣдшвія долготѣшняго княженія не ослабили Димитріева здоровья. Еще въ Январѣ 1389 года, когда пріѣзжалъ на посшавленіе въ Москву новый Владыка Новгородскій Іоаннъ, Димитрій присушсшвовалъ, послѣ священнаго обряда, на *свѣтломъ -праздникѣ* (174). Весною, Димитрій заболѣлъ шяжко, но получилъ облегченіе, и всѣ порадовались. Напрошивъ, онъ предвидѣлъ смерть свою, ушвердилъ свою духовную грамашу, и гошовился къ шихой кончинѣ, не принимая ни монашесшва, ни схимы. Вокругъ одра его плакали; Димитрій бодрсшвовалъ, ушѣшаемый бесѣдою Свяшаго Сергія. Сему свяшому спарцу суждено было благословишь Димитрія и на смершномъ одрѣ, какъ благословлялъ онъ

(173) « Оже ны Богъ избавитъ, ослободитъ ошъ Орды,» и проч.

(174) Новг. лѣт. 1388 г.

его на бишвы за опчизну. Сергій свидѣтельствоваль и Духовную Димитрія, въ кошорой Димитрій опдалъ *старѣйшій* путь сыну Василию, и назначилъ его *Великимъ Княземъ* по кончинѣ своей. Спокойно опредѣлилъ Димитрій, кому изъ дѣтей владѣшь кошорымъ удѣломъ; раздѣлилъ имъ плашежи въ Орду, учаспки пошлинъ, иконы, золошья пояса; забопился и объ учаспи младшаго сына своего, *Константина*, кошорый родился за чешыре дня до смерпи опцовской. Послѣ долгой, поучительной бесѣды съ дѣпными и Боярами, Димитрій заключилъ словами: «Да будешь съ вами Богъ мира!» сложилъ руки на груди, и почилъ на вѣки, Мая 19-го 1389 года. На другой день похоронили его въ Архангельскомъ соборѣ, подлѣ гробницъ опца и дѣда. Трапезуншскій Митрополишь Теогноспъ, прѣхавшій въ Москву за церковнымъ подаяніемъ, Даниилъ Епископъ Смоленскій, Савва Епископъ Сарскій, и Сергій Игумень, *преподобный старецъ*, совершили обрядъ погребенія, при спеченіи народа, гореспно плакавшаго, и забывшаго въ побѣдишелѣ Мамаея робкаго бѣглеца опъ полчищъ Тохшамыша (175).

---

(175) Описаніе кончины Димитрія внесено во многія Лѣшописи особю спашьею, подѣ названіемъ: *О житіи и преставленіи В. К. Димитрія Ивановича*. Въ *Никоновской Лѣт.* оно обезображено всего болѣе; спи-

Важныя событія означили собою въ Исторіи
Русскаго народа *двадцати шести лѣтнее*, бурное

сокъ лучше другихъ въ *Строевск. Лѣт.* (ш. 1, стр. 383 — 394). Карамзинъ внесъ многія подробности въ Исторію (ш. V, пр. 116, 118). Но все это описаніе явно похвальная орашорская рѣчь, а не лѣпописная спашья. Сочинитель заспавляетъ умирающаго Димитрія говоритъ длинныя благочеспивыя увѣщанія, наполненныя общими, мѣстами, и проч. Прежде и послѣ этого, онъ преувеличенно хвалитъ Димитрія, сравниваетъ его съ Енохомъ, Ноемъ, Авраамомъ, Исаакомъ и проч., высказывая припомъ цѣлый рядъ уподобленій — «высокопарный орель, огонь, попалющій нечестіе, баня, мыющая отъ скверны, гумно чистоты, вѣпръ, плевелы развѣвающій, одръ спрудившимся по Богъ, труба спящимъ, воевода мирнымъ, вѣнецъ побѣды, пристанище плавающимъ, корабль богатства, оружіе на враги, мечъ ярости, спѣна нерушимая, сѣть зломыслящимъ, степень нерушимости, высокость ума, смиреніе смысла, пишина вѣспрамъ, пучина разума» и проч. — Духовная Димитрія, въ *Собр. Гос. грамотъ*, ш. 1, № 34. — Вотъ его главныя распредѣленія: дѣтямъ — *Василію Великое Княжество*, претъ Москвы (другая претъ братьямъ Василія; претья принадлежала Владиміру Андреевичу). Изъ *Московскихъ* областей, Василію Коломна, Юрію Звенигородъ, Андрею Можайскъ и Верея, Пепру Дмишровъ. Изъ другихъ областей: Юрію Галить, Андрею Бѣлоозеро, Пепру Углицъ. А по грѣхомъ опыметъ Богъ сына моего Князя Василія, и кто будетъ подбъ тѣмъ сынъ мой, ино толицу сыну моелицу Княжъ Васильевъ удѣлѣ. » Важная спашья! — Княгиня Димитріева получила уча-

княженіе Димитрія. Овладѣніе нѣсколькими удѣлами; униженіе Суздаля и Твери; война съ Олгердомъ; битва Куликовская и нашеспіе Тохтамыша; новый порядокъ наслѣдства Великокняжескаго; самое движеніе Димитрія на Новгородъ, въ 1386 году — все эшо заключало въ себѣ начала вѣковыхъ дѣлъ и великихъ послѣдствій. Современникамъ не лзя было ни понять, ни видѣть шого и другаго. Радуюсь побѣдѣ надъ поганымъ, рыдая на пеплѣ Москвы, волнуясь личными спрашями въ битвахъ съ Михаиломъ Тверскимъ, думая опнять какую нибудь *княщину* у Москвы, или присоедишить какой нибудь городокъ къ Ря-

спки въ удѣлахъ всѣхъ сыновей, которые, по кончинѣ ея, должнысповали возврашиться каждому изъ нихъ. Она дѣлила Удѣлы дѣшамъ, въ случаѣ смерти копорого либо изъ нихъ. Ей предоспавилъ Димитрій выдѣлишь у брашьевъ удѣлъ сыну, копорымъ была она беременна: эшопъ сынъ былъ *Константинъ Димитриевичъ*. Не выписываемъ множества подробностей о судѣ, селахъ, поборахъ, дани въ Орду, и проч.—Кромѣ Василія, Юрія, Андрея и Петра, у Димитрія былъ еще сынъ, Іоаннъ. Ему далъ отецъ только немного селъ, прибавляя, « и въ помъ воленъ сынъ мой, Князь Иванъ, копорый брашъ будетъ до него добръ, пому даспъ, » п. е. послѣ смерти своей. Вѣроятно, Іоаннъ былъ или больной, или опмѣнно набешный юноша; онъ вскорѣ скончался монахомъ, нареченный *Іоасафолъ* (Стр. лѣп. 1,404). Къ Духовной Димитрія привѣшена серебряная, позолоченная печать.

зани, они были орудіями непоспнжимаго Провидѣнія, обуревавшаго ихъ мѣлками спраспями и опношеніями. Только одинъ провидѣць будущаго былъ между ними: *Алексій Митрополитъ*. Но событія въ княженіе Димитрія пояснили для современниковъ образъ дѣствій, приличный каждому изъ нихъ: *Москвѣ* — полипику съ Монголами, *Липвою*, *Князьями* и *Новгородомъ*; *Князьямъ Твери, Рязани, Суздаля, Ярославля, Ростова, Нижняго Новгорода*—возможность бытія шолько при уступкахъ *Москвѣ*. Установился порядокъ общеспвеннаго и политическаго бытія надолго, на два продолжительныя княженія сына и внука Димитріевыхъ, почти на цѣлое сполѣшіе. Изъ сего современнаго, поспояннаго печенія дѣль, не могли испоргнуть Русскихъ земель ни послѣднія усилія Монголовъ, ни спрашныя бури, колебавшія Орду въ послѣдній вѣкъ ея бытія, ни важныя событія въ *Липвѣ*, ни смѣлые характеры противниковъ, щепенно боровшихся съ превозмогавшимъ дѣйспвіемъ времени, пягошѣвшимъ къ одной цѣли; ни даже удалая вольность *Новгородская*, вскорѣ сдѣлавшаяся вовсе неумѣспною въ Руси. Опдѣлимъ проспое, спречное участіе, какое невольно принимаемъ мы, видя борьбу Человѣка противъ Судьбы и паденіе его въ сей борьбѣ, опѣ Испорического созерцанія дѣль и спышій, когда мы должны глядѣшь безспмершными очами Судьбы, не знающими слезъ

соспрананія и соучастія. Кшо изъ насъ не желалъ Аннибалу побѣды подъ спѣнами Карфагена, на поляхъ Замскихъ? Такъ невольнo соболѣзнуемъ мы сердцемъ судьбѣ Тверскихъ Князей; будемъ еще соспранашъ бѣдствію рода Князей Суздальскихъ, характеру и гибели Шемяки, и паденію Новгорода и Пскова. Но — *страсть удѣлъ поэта, а не историка*: повпори́мъ еще разъ, что говорили при началѣ Монгольскаго періода Русской Испоріи (176).

Важнѣйшее дѣло въ Испоріи Липвы, совершившееся во времена Димитрія Іоанновича, опредѣленно опъ собышій Рускихъ, было соединеніе Липвы съ Польшею, и введеніе Каполической вѣры въ Липовскихъ обласяхъ. Послѣ Казимира Великаго (1370 г.), наслѣдовалъ Польшу племянникъ его Людовикъ Великій. Онъ соединилъ Венгрію (копорою владѣлъ съ 1342 г.) и Польшу; но почти не управлялъ Польшею, въ печеніе 12-ти лѣшъ своего властвованія, оставляя ее Вице - Королямъ и машери своей, дочери Владислава Локешка. Но Людовикъ успѣлъ ушвердишъ наслѣдство Польши дочери своей Гедвигѣ, такъ какъ успѣлъ онъ передашъ Венгрію другой дочери своей Маріи. Онъ умеръ въ 1382-мъ году (177). Не смощра на ушупки Ду-

(176) Исп. Р. Н. IV, стр. 15.

(177) Король Бела сконч. въ 1270 году; ему наслѣдъ
Томъ V.

ховенству, на крамолы мащери Гедвигиной, Польскій Престоль возбудилъ множество соискапелей; два года продолжалась нерѣшимельность. Гедвига была уже обручена Авспрійскому Герцогу Вильгельму, любила его, и сдѣла-

---

довала сынъ его Стефанъ, дочь котораго Марія, выдана была за Карла, Короля Сицилійскаго. Сынъ Стефана, Владиславъ *Команскій* наследовалъ отцу своему въ 1272 г., былъ убитъ въ 1290 г., и не оставилъ наследниковъ. Сынъ Карла и Маріи, Карлъ Маршель, объявленъ былъ Королемъ Венгерскимъ въ Неаполѣ; но протвъ Венгерскій занялъ Андрей, племянникъ Бельи, сынъ брата его Стефана, умершаго въ Венеціи, гдѣ жилъ онъ послѣ множества приключеній, и женился на Венеціянкѣ, происходившей изъ знамениаго дома Морозини. Посему Андрея называли *Венеціанскимъ*. Умерши бездѣпнымъ, Андрей передалъ Венгрію Карлу Роберту, сыну Карла Маршеля (въ 1302 г.). Сей Государь, царствовавшій до 1342 г., былъ женатъ на Елисаветѣ, дочери Владислава Локешка; отъ сего супружества родился Людовикъ Великій. Казиміръ Великій, послѣдній Польскій Король изъ древняго рода Пиясповъ, не имѣлъ сыновей. Людовикъ, бывшій племянникомъ Казиміра по мащери своей Елисаветѣ, наследовалъ Польшу. Онъ женился на Елисаветѣ, дочери Бана Боснійскаго, и оставилъ послѣ себя двухъ дочерей. *Марія*, назначенная имъ Королевою Венгерскою, находилась подъ опекою хипрой и свирѣпой мащери своей. Послѣ смерти ея (въ 1386 г.), она опдала руку и Королевство юному Сигизмунду, Принцу Бранденбургскому, бывшему потомъ Императоромъ.

лась бѣдною жернвою Полякии. Поляки согласились принять Гедвигу съ однимъ условіемъ, что имъ предоставляется полная воля избрать ей супруга. Прекрасная собою, набожная, крошечная, Гедвига привезена была въ Польшу, торжественно коронована въ 1384 году, и съ ужасомъ узнала о выборѣ супруга: это былъ Ягелло, полудикій язвчникъ Лишовскій, сорокалѣтній мужчина, убійца дяди, хищникъ наслѣдія братьевъ, другъ Монголовъ! Только пятнадцать лѣтъ было Гедвигѣ; съ дѣтскимъ ужасомъ слушала она рассказы о безобразіи спрашнаго Лишовца: говорили, что онъ поганый людоедъ, весь обросшій волосами. Въ Краковъ пріѣхалъ тогда-же Вильгельмъ, женихъ и другъ дѣшества Гедвиги. Но Духовенство и чины Польскіе не думали о слезахъ молодой Королевы, заперли ее въ замкъ, не допустили къ ней Вильгельма. Напрасно, въ отчаяніи, Гедвига бросилась сама рубить попоромъ запершья ворота замка; ее увлекли во дворецъ, не слушали ни моленій, ни просьбъ ея (178). Хладнокровно рассуждая о выгодахъ супружества съ Ягелломъ, Поляки находили важнымъ, что къ Польшѣ присоединится сильное государство Лишовское, прекратятся кровопролитныя ссоры двухъ сосѣдей,

---

(178) Вѣльскій, *Kronika Polska* (Краковъ, 1597 г.) стр. 269.

усилился крѣпость Польши. Папа и Духовенство работали неушомимо: они приобрѣтали обширныя обласпи и новыя доходы, могли наконецъ вырвать изъ рукъ Греческаго и Русскаго духовенства Галичъ, Волинь, надѣяться дальнѣйшаго распроспраненія Каптолицизма. Судьбу Гедвиги опредѣлили; умѣли увѣрить ее, что Ягелло, хотя и не молодъ, хотя убилъ брапа, но добръ, смиренъ, не людоѣдъ, и не обросъ волосами; что она будетъ имѣть славу Апостоловъ, ибо Ягелло обѣщаетъ креститься самъ, и крестить всѣхъ своихъ подданныхъ, если получишь руку Гедвиги. Съ великодушнымъ самоопроверженіемъ Христіанки, Гедвига наконецъ согласилась. Ягелло прибылъ въ Краковъ, съ брапьями и значнѣйшими людьми Липовскими, 12-го Февраля 1386 года; Гедвига приняла его окруженная великолѣпиемъ Польскаго Двора, во всемъ блескѣ красоны и величія. Ягелло былъ плѣненъ ею, согласился на всѣ условія вельможъ и Духовенства, клялся имъ перекрестить всю Липву. Февраля 14-го крестили его самого и назвали *Владиславомъ*; 15-го совершилось бракосочетаніе Ягеллы съ Гедвигію, и вскорѣ Ягелла короновали, и наименовали Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Липовскимъ.

Онъ не имѣлъ ни одного изъ блестящихъ качествъ дѣда и ошца, кромѣ наследнаго властолюбія ихъ и свирѣпаго звѣрства. Недѣя-

пелый, сонливый, нервшисельный, не храбрый на войнѣ, онъ безъ славы процарспвовадь сорокъ восемь лѣтъ въ Польшѣ, умѣль удержашься на тронѣ, передашь наслѣдспво въ родъ свой, но не исполниль надеждъ Польши. Можешъ бышь, о нихъ и не думали вельможи его, пользуясь слабостію Короля, и еще радуясь этому. Сдѣлавшись супругомъ Гедвиги, Ягелло измѣнился въ характерѣ, спалъ слабъ, довѣрчивъ, подвласпенъ волѣ другихъ. Онъ вскорѣ поперялъ Липву (какъ увидимъ мы эшо далѣе); но исполниль обѣщаніе, данное Папѣ и Духовенспву: *окрестилъ Литовцевъ*. На другой-же годъ послѣ свадьбы своей (1387 г.), Ягелло, Гедвига, и съ ними братья Короля, Вишовшъ, вельможи Польскіе и Липовскіе пріѣхали въ Вильну, велѣли разрушашъ капища языческія, рубили священныя лѣса, били свяпыхъ змѣй, залили огонь, вѣчно горѣвшій въ Виленскомъ храмѣ Церкуна. Смерть грозила жрецамъ Липовскимъ. Все безмолвспвовало передъ волею Короля, державшаго въ одной рукѣ мечъ губишельный, въ другой креспъ спасенія. Хриспianская вѣра не была уже новостію для Липовцевъ. Каполики и Греки издавна опсправляли богослуженіе въ самой Вильнѣ, главномъ мѣспѣ Липовскаго идолослуженія. Видя покорносшь жрецовъ своихъ, послушно покорялся народъ. Ягелло самъ ѣздилъ между шол-

дами его, собранными подлѣ Вильны, заставля чашашъ: *Втрюю и Отге нашъ*. Даримы при шомъ бѣлыми суконными свѣшкани, Липовцы съ радостью спановились въ ряды, получали Христіанскія имена, были окропляемы святою водою, и объявляемы вѣрными чадами Церкви и Свяшаго Опца Папы. Въ Вильнѣ учредили Епископію, раздѣлили приходы, и Папа шоржесшвовалъ крещеніе Липвы, а Гедвига и Ягелло (сдѣлавшійся ревностнымъ Каполицомъ) славу Апостольства. Липовцы думали, что по крайней мѣрѣ, съ сихъ поръ не будутъ шерзашъ ихъ Нѣмецкіе Крестносцы; но надежда не сбыхлась. Въ самый годъ крещенія Ягелла, Гермейсперъ Конрадъ Чолнеръ вшоргся въ Липву, и опустошалъ ее, какъ будто языческую землю. Гораздо шруднѣе обращенія язычниковъ, оказалось управленіе Христіанами Греческаго исповѣданія, бывшими подъ властію Липвы. Кіевъ, Галичъ, Волынь, Полоцкъ, Смоленскія обласпи, явно оказывали ненависть свою къ Каполицизму. Самые брапя Ягеллы, *Владиміръ* и *Скиригелло* были ревностными поборниками православія. Опселъ начало борьбы религіозной, кошорая довела наконецъ Польшу до важнѣйшихъ полишическихъ ошибокъ, споспѣшесшвовавшихъ ее разрушенію (179).

---

(179) Важное это обстоятельство было одною изъ всегдашнихъ причинъ междоусобія между Липовцами, и

Столь неожиданно совершилось важное дѣло, о которомъ въ Лѣтописяхъ Русскихъ было записано: «Женился Великій Князь Липовскій, Ягайло Олгердовичъ: поля въ некоторую Королевицу, неимущую ни ошца, ни мащери; ея же ради доспалось ему Королевство въ Лядской землѣ. И крестился Ягайло въ Нѣмецкую вѣру; и пришедъ въ свою опчину, въ Липовскую землю, крестилъ Липву въ Нѣмецкую вѣру» (180).

Сказавъ о крещеніи Липвы, dokonчимъ прерванное нами повѣствованіе о смяшеніи въ православной Церкви, начавшемся честолюбіемъ Михаила, ухищреніемъ Пимена и ссорой Діонисія Суздальскаго. Мы видѣли, что Кипріанъ, приняшой въ Москвѣ, послѣ гнѣва Димитріева на Пимена, принужденъ былъ удалиться изъ Москвы, послѣ оставленія паспвы своей въ нашешствіе Тохшамыша. Пименъ не смѣлъ пребывать у него

ненависши Липовцевъ; державшихся православія, пропивъ единокровцевъ своихъ Каполиковъ. Оно облегчило допомъ завоеванія въ Липвѣ Іоанна III-го. Къ несчастію Польши, безразсудная ревность къ Каполицизму была какъ будто наследственною въ родѣ Ягелла. Сія ревность погубила впоследствии Сигизмунда III-го, отшоргла отъ Польши Малороссію, и производила смяшенія даже при самомъ окончаніи Польской Исторіи.—Такъ глубоко и паинствено совершается судьба народовъ, и все идетъ къ единой цѣли!

(180) Спроевск. Лѣт. 1, 368, 381, и другія Лѣт.

Кіева, который былъ подчиненъ Московской Мишрополи до самой кончины Мишрополиша Алексія. Кипріанъ поселился въ Кіевѣ, и успѣлъ поправиться тамошнему Князю Владиміру Олгердовичу. Между пѣмъ Діонисій жилъ въ Царьградѣ, спарался свискашь милосшь Князей Русскихъ, прислалъ имъ образа, мощи, и благоклонно принятъ былъ, возвращаясь въ опчизну Архіепископомъ, съ фелонью о чепырехъ крестахъ, и въ спихарѣ съ *истогниками* (181). Ревносно управлялъ онъ послѣ шого своею папвою, испреблялъ ересь въ Новгородѣ (182), и шакъ понравился наконецъ Димитрію, что его опправили (1383 г.) въ Царьградъ, и просили

(181) Рост. и Троицк. Лѣп. (Карамз. V, пр. 123).

(182) Ересь сія названа была *Стригольницкою*, опъ имени *разстриги*, или *стригольника*, Діакона Никиты. Она началась во Псковѣ; ересіархи опвергали сначала только церковные сборы, называя ихъ *святокупствомъ*; попѣмъ они спали утверждать, что чрезъ сіе святокупство Церковь лишается благодати, и запрепили своимъ послѣдователямъ ходишь въ храмы Божіе и признавать священство. Спригольники долго обуревали раздоромъ Церковь Православную. Въ Новгородѣ преслѣдовали, судили, и упопили въ Волховѣ нѣсколько Спригольниковъ (въ 1375 г.); другихъ подвергли тогда разнымъ наказаніямъ, но ничто не могло испребишь ереси. Подробнѣе мы изложимъ сіи обстоятельства въ IX-мъ томѣ Исп. Р. Н.

Греческаго Патріарха возвешши его въ Митрополиимъ. Теодоръ, племянникъ Св. Сергія, Игуменъ Симоновской обители и духовникъ Великаго Князя, ѣздилъ съ Діонисіемъ. Не зашрудняясь пѣмъ, что въ Руси будетъ три Митрополипа, Греки возвели Діонисія въ сей высокій санъ. Но судьба не допустила соперника Михаила поржешствовашь. Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, вѣрояино, думая опняшь права у Кипріана. Владиміръ Олгердовичъ заспуился за хипраго Серба, и ушверждалъ, что Кипріанъ естъ истинный Первосвяпшитель Руси. Онъ задержалъ Діонисія, и не хошѣлъ оппустить его въ Москву. Цѣлый годъ находился въ заключеніи Діонисій, и умеръ въ Кіевѣ, въ Октябрѣ 1385 года, плѣнникомъ Владиміра (183). Теодора оппустили съ честію. Димитрій принужденъ былъ шерпѣшь на Митрополии нелюбимаго имъ Пимена. Еще въ 1384 году звали Пимена въ Царьградъ два Митрополипа, нарочно пріѣзжавшіе за пѣмъ въ Москву. Надобно было разобрать споры его съ Кипріаномъ. Въ Маѣ 1385 г. Пименъ опправился, и прожилъ въ Царьградѣ до 1388 года, опспоривая Кипріана. Димитрій, кажется, держалъ уже погда опяшь спору на Кипріанову. Любимецъ

---

(183) Тип. Лѣт. стр. 184. Діонисій причтенъ былъ попомъ къ лику Свяпыхъ. Мощи его находятся въ Кіевскихъ пещерахъ.

его, Игуменъ Теодоръ, побѣхалъ по слѣдамъ Пимена. Онъ ворошился въ Москву съ граманпоу Пашріарха, но кошорой Симоновская обителъ освободжена была опъ суда Митрополитскаго (184). Пименъ ворошился *безъ исправы*. Онъ не смѣлъ вѣхашъ въ Кіевъ, боясь участи Діонисія. Неудовольствіи Пимена съ Великимъ Княземъ дошли до того въ 1389 г., что онъ пайно укрывся опъ Димитрія, и уѣхалъ безъ его спроса въ Царьградъ. Намъ оспалось любопытное описаніе сего пушешествія Пименова, соснавленное спутниками его (185). Но въ Царьградъ ждалъ уже

(181) Тип., Стр. Лѣт.

(185) *Хожденіе Пимена Митрополита въ третіе въ Царьградъ*, въ Костр. (т. 1, стр. 241—260) и другихъ лѣтописяхъ. Оно писано было Игнаціемъ, монахомъ, находившимся при Епископѣ Михаилѣ, сопутствовавшемъ Митрополиту. Подробности его важны и драгоцѣнны. Изъ Коломны Пименъ плывъ по Окѣ, мимо Перевипска и Переяславля (нынѣшней Рязани). Отсюда провожали его до рѣки Дона Рязанскіе Бояре, и дружина, послѣ великолѣпной встрѣчи опъ Князя Олега. За ними везли на колесахъ струги и лодку. Въ четвертый день пріѣхали къ берегамъ Дона, спустили суда на воду, и поплыли Дономъ. Въ устьѣ рѣки Воронежа ждалъ Пимена Князь Елецкій. За рѣкою Медвѣдицею увидѣли странствователи первыя кочевья Ташаръ. Въ Азолѣ, Генуэзцы захватили было Пимена, за неплашежь долга, какой сдѣлалъ онъ,

Пимена непримиримый Киприанъ, а изъ Москвы преслѣдовалъ его неупоминимый Θεодоръ. Димитрій между шѣмъ скончался. Пимень недолго пережилъ его. Онъ умеръ въ Царьградѣ, въ 1389 году. Киприану была погда полная свобода. Но боясь прошиворѣчій, онъ поѣхалъ къ наслѣднику Димитрія, съ названіемъ *Митрополита вселъ Руси*; Θεодору дали санъ Архіепископа Ростовскаго. Киприана сопровождали два Митрополиша Греческіе, нѣкогда пріѣзжавшіе за Пименемъ. Приняшой въ Кіевѣ, онъ почтительно встрѣченъ былъ въ Москвѣ, и наконецъ имѣлъ наслажденіе первосвященельшествовать въ Руси послѣ 15-ши лѣшняго перѣвня, соединивъ Кіевъ съ Москвою, и правя пошомъ Русскою Церковью около 17-ши лѣшъ (1486).

Мы сказали о нападеніи на Липву Нѣмецкихъ Рыцарей, въ самый годъ крещенія Липов-

бывши въ Царьградѣ въ 1380 году, и подкупая памъ Грековъ, для пріобрѣшенія сана Митрополишскаго. Въ семъ случаѣ Пимень употребилъ бланкешы, данные Митяю Димитріемъ. Успокоивъ Генуэзскихъ своихъ заимодавцевъ, Пимень поплылъ по *Сурожскому* (Азовскому) морю. Бурею пригнало пошомъ странниковъ къ Синопу. Долго спрашились они идпи далѣе, ибо всюду погда разсыпались войска Баязета. Игнатій описываетъ въ заключеніе достопамятноспи Царяградскія.

(186) Типогр. Лѣш. стр. 190.

у Рыцарей Нѣмецкихъ, соглашаясь подчинить Полоцкъ ихъ зависимости. Заключивъ договоръ съ Андреемъ, прежніе союзники Скиригелла хошѣли шеперь пособить Андрею, но не успѣли. Войско Польское и Липовское, подъ начальствомъ Скиригелла, брата его Лугвенія - Симеона, и Виповша, напало на Полоцкъ, взяло его *на шты*, испило Полочанамъ казню за мнимую измѣну. Андрей былъ брошенъ въ шюрму. Напрасно Святославъ Смоленскій вспушилъ въ Липовскіе предѣлы, безчеловѣчно грабилъ, жегъ, опустошалъ селенія. Осадивъ наконецъ Мсчиславль, онъ былъ на голову разбишъ Скиригелломъ и Виповшомъ: самъ Святославъ, и племянникъ его Князь Іоаннъ Васильевичъ, сподвижникъ Донскаго на Куликовскомъ полѣ — пали въ бишѣвѣ. Дѣши его: Князя Юрій и Глѣбъ попались въ полонъ. Скиригелло опдалъ Смоленскъ Юрію Святославичу, съ условіемъ, что онъ будетъ зависѣть отъ власни Ягелла. Братъ Юрія, Глѣбъ, осшался за него заложникомъ (189).

---

(189) Договоръ Андрея находится въ Кенигсбергскомъ Архивѣ (Исп. Г. Р. ш. V, пр. 111). О Святославѣ, см. *Тип. Лѣт.* спр. 187, и другіе. «Идуще воевати Липовскую землю, а кого гдѣ изымаху, нещадно мучаху различными муками, мужей, женъ и дѣтей, а иныхъ въ избахъ запирающе, зажигаху.»

Нариманшъ былъ покоренъ брату своему Ягеллу, но гоповилъ убѣжище себѣ въ Руси, какъ будто предчувствуя гибель. Онъ прислалъ сына своего Паприкія въ Новгородъ (1383 г.), и Новгородцы приняли его, забывъ робкое ничтожество ошца (190). Они дали ему въ удѣлъ все, чѣмъ управлялъ нѣкогда ошець его: Орѣховъ, Карелу, Лугу и половину Копорья. Не успѣвъ еще оказать услуги защитою вѣранныхъ ему мѣшпъ, Паприкій раздражилъ жипелей Орѣхова и Карелы. Они жаловались на него Вѣчу, и произвели большой раздоръ: одни Концы Новгородскіе стояли за Князя, другіе за его подчиненныхъ; доходило до драки, но все кончилось миромъ. Паприкію перемѣнили только удѣлъ, ошдавъ ему Ладогу, Русу и Нарову. Онъ начальсшвовалъ дружинами Новгородскими, когда Димитрій подспупалъ къ Новгороду. Довольные послѣ сего Паприкіемъ, Новгородцы приняли къ себѣ (1388 г.) и другаго бѣглеца изъ Липвы: Лугвенія-Симеона Олгердовича; Паприкій долженъ былъ уступитъ ему Русу и Ладогу (191).

Въ княженіе Димитрія, ревностью просшаго инока была распрощранена Хрїстіанская вѣра

(190) Новгородск. лѣт. 1383 и 1384-й годы.

(191) Ист. Г. Р. т. V, нр. 108.

между Зырянами и Пермьяками (192). Нѣсколько пожаровъ и чашныхъ событій въ Новгородѣ и

---

(192) Ревностію Стефана Храпа, урожденца Устюжскаго. Принявъ монашество въ юности, онъ рѣшился посвятивъ всю жизнь свою на распространеніе Христіанства между Пермьяками и Зырянами, жившими по рѣкамъ Лузѣ, Сысолѣ, Вымѣ, Вычегдѣ и Печорѣ; безспрашно жилъ между сими дикарями, училъ, проповѣдывалъ, испреблялъ идоловъ и капища ихъ; на устьѣ рѣки Выми поспроилъ церковь, завелъ училище для обученія Зырянъ Закону Божію, и въ 1383 году, послѣ 20-ти лѣтъ труда, пріѣхалъ въ Москву, просилъ Епископа новопріобрѣщенной паствѣ и многочисленному спяду новыхъ Христіанъ, его усердіемъ приобрѣщенныхъ Православной Церкви. Митрополитъ Пименъ посвяпилъ въ Епископы Пермскіе самого Стефана, который еще 13 лѣтъ попомъ жилъ между Пермьяками, и, приобрѣтша славу ревностію и благочестіемъ, скончался въ Москвѣ, въ 1396 году, пріѣхавъ шуда для совѣща съ Духовенствомъ. Гробъ его находится въ соборѣ Спаса на Бору, въ Кремлѣ; Церковь причла сего *перваго Епископа Пермскаго* къ лику святыхъ. Любопытно, что Стефанъ переводилъ на Зырянскій языкъ церковную службу и церковныя книги; даже изобрѣлъ особыя буквы для Зырянскаго языка, и писалъ сими буквами. Дыннѣ сохраняется въ Вологодскомъ соборѣ образъ Св. Троицы, съ надписью Зырянскими буквами; другая икона, Сошествія Святаго Духа, съ Зырянскою подписью, находится въ церкви Вожемскаго селенія, на рѣкѣ Вычегдѣ, верстахъ въ 40 отъ Яренска. Сямъ, и еще отрывкомъ литургіи на Зырянскомъ языкѣ, писанномъ однакожъ Славянскими бук-

Псковѣ; кончина Ереміи и Василя, Князей Тверскихъ, виновниковъ сполькихъ бѣдспвій опчизны и Москвы; укрѣпленіе многихъ городовъ каменными стѣнами; основаніе многихъ обителей, вполѣдспвіи знамениныхъ; начало раскола *Стригольниковъ*, или Безпоповской ереси; ещенственныя бѣдспвія—шакovy сушь происшеспвія, коими дополняешся обзорніе собышій въ княженіе Димитрія (193). Прибавимъ еще нѣсколь-

вами, ограничивающся всѣ памяшники Пермской письменности и переводовъ Св. Стефана, которые не вошли въ общее употребленіе, и для самихъ Зырянъ нынѣ сдѣлались вовсе непоняшны. Языкъ Зырянскій измѣнился, и припомъ, переводя съ Славянскаго языка на бѣдное нарѣчіе Пермьянъ, Свяпипешель долженъ былъ изобрѣшашъ новыя слова, и давать имъ условное значеніе, чего не понимали шуземцы. Образцы буквъ Зырянскихъ находяшся при XXXVII книжкѣ *Повер. Изданія обѣ успѣхахѣ народнаго просвѣщенія* (1814 г.), и у Карамзина (ш. V, пр. 125). См. подробности въ *Слов. Пис. Дух. Чина*, Митрополипа Евгенія (изд. 2-е ш. II, стр. 230, и слѣд.).

(193). Въ 1368 г. выгорѣлъ Кремль Новгородскій, и едва не весь Новгородъ; въ 1369 г. сгорѣлъ Славянскій Конецъ; въ 1371 г. весь Плотницкій Конецъ. (*Лвт.* «Сіи-же пожары бываюшъ грѣхъ ради нашихъ; да ся быхомъ покаяли опъ злюбъ нашихъ; но мы на большая возвращаемся; а что еспъ сего зла злѣе, еже ходиши лжею предъ Богомъ, въ обѣшѣ креспъ цѣловаши, и шакы прешупаши?» и проч.) Тогда-же вы-

ко знаменій и гудесъ : ихъ не долженъ остав-
ляшь безъ вниманія наблюдашеть , ибо они при-

горѣлъ весь Торжекъ. Въ 1377 г. сгорѣла въ Нов-
городѣ Людогочая улица , съ 10-ю церквами ; въ
1379 г. выгорѣла Лукина улица ; въ 1384 г. сго-
рѣли 2 церкви ; въ 1385 г. вся Торговая Спорона и
множество церквей ; въ 1386 г. сгорѣлъ Орѣховъ.
Псковъ выгорѣлъ въ 1385 г. , и послѣ того были въ
Псковѣ междоусобія , ссоры и убійства ; въ 1389 г.
снова появился въ Псковѣ сильный моръ , похожій на
Черную смерть. — Въ 1363 г. Новгородъ заключилъ
мирный договоръ съ Нѣмцами , въ Дерптѣ ; въ 1367 г.
Сава Купровъ ѣздилъ отъ Новгородцевъ посломъ къ
Ганзѣ ; зимою 1368 г. и лѣтомъ 1373 г. жилъ въ Нов-
городѣ Владиміръ Андреевичъ ; въ 1377 г. молодежь
Новгородская ходила грабить около Нейшлопа *Нова-
городка* , на *Овль рѣкѣ*. Не на *Охтѣ*-ли, гдѣ тогда ,
можетъ быть, поставили Шведы *новый городокъ*).
Въ 1387 г. оградили въ Новгородѣ валомъ Торговую
Спорону , а Порховъ окружили каменною стѣною. Въ
1388 г. на Посадника Осипа Захаревича возспала Со-
фійская спорона ; Торговая , напрошивъ , спала за него ;
двѣ недѣли граждане ссорились , дрались , грабили другъ
у друга дома ; кончилось смѣною Посадника. — Рыцари
напали на Псковъ , въ 1367 г. — Новгородцы были по-
гда въ размирьѣ со Псковомъ (не бѣша пословицы
Псковичемъ съ Новгородцы). Псковичяне упрекали
Новгородъ , говоря : « Господа братіе ! тако-ли печал-
луешеся нами , своею братьею молодшею ? » — Но въ
1370 г. они за-одно напали на Рыцарей , и въ 1371 г.
вмѣстѣ помирились съ Рыцарями. Въ 1369 г. обвели

бавляющъ разительныя черты къ изображенію
вѣка. Когда въ 1382 году замѣнили на небѣ
комету (въ лѣто 6890-е, бысть нѣкое про-
явленіе, по многи ноци являшеся шаково зна-
меніе на небеси, на востоцѣ, предъ раннею
зарёю, *звѣзда нѣкая*, аки хвостапа, и аки ко-
пейнымъ образомъ; овогда-же въ вечерней зарѣ
являшеся, а по многожды бываше), суевѣріе
хощѣло изъяснить себѣ эшо небесное явленіе.
Пришелъ Тохшамышъ, раззорилъ Москву; Руссы
вспомнили о хвостапой звѣздѣ, и говорили:
«Она проявляла злое пришествіе Тохшамыше-
во на Русскую землю, и горькое поганыхъ Та-
шаръ нахождение на Христіанъ, еже бысть Бо-

Тверской Кремль деревянною спѣною, обмазавъ оную
глиною, для безопасности отъ огня, а въ 1373 г. всю
Тверь обнесли валомъ и рвомъ. Въ 1372 г. Димитрій
Констанциновичъ построилъ въ Нижнемъ каменный
Кремль. Въ 1374 г. Владиміръ срубилъ дубовый дѣ-
шинець въ Серпуховѣ. Въ 1377 г. списанъ былъ мо-
нахомъ Лаврентіемъ *древнѣйшій* изъ дошедшихъ до
насъ списковъ Несторовой Лѣтописи. — Князь Еремій
сконч. въ 1373 г., а Василій въ 1382 году. — Въ 1370
г. въ Нижнемъ, отъ большихъ снѣговъ, бывшихъ зи-
мою, при быстрой веснѣ, обрушилась часть берега
надъ Волгою, разрушила и засыпала много домовъ и
людей. — Изъ монастырей построены были при Дими-
тріи: Чудовъ, Андрояевъ, Симоновъ, Петровскій и
проч. — О *Стригольникахъ*, см. пр. 182.

жїямъ гнѣвомъ, за умноженіе грѣховъ нашихъ
(194).»

(194) Въ Новгородской церкви Св. Петра, въ 1365 г., образъ Богомашери *слезилъ росю*; въ 1366 г. Авг. 7, «погибе солнце; осшалоя его, аки шрехъ дней молодъ мѣсяцъ; щербина-же ему бѣ съ полуденныя спраны, но мраку, аки синю, опть запада приходящу, и пребышь пма съ часъ единъ, дондеже обрaпися солнце щербиною къ землѣ, и шако нача паки свѣшъ свой припуцаши.» Эпо предвѣщало великое бѣдспaіе — гoворяшъ Лѣтописцы, и—сбылось: шогда Сулшанъ Египетскій взялъ и ограбилъ Іерусалимъ. — Въ 1368 г. «явилась звѣзда хвосташая.» — Тогда-же Князь Кашинскій перенесъ церковь съ одного мѣста на другое, оставивъ «мѣсто свяшое раскопанное, и во гробѣхъ кости мерпвецовъ разрушенныя.» Его, и Княгиню его, поразила болѣзнь. Князь едва умолилъ Владыку Василія проспишь ему грѣхъ, и поспавиль на спаромъ мѣстѣ новую небольшую церковь. Въ 1370 г. «было знаменіе: аки сполпъ по небу, и небо червлено, аки кроваво, и по снѣгу яко кровь.» — Съ 1373 года вода въ Волховѣ шла вверхъ по шри весны, и каждый разъ нѣсколько дней (эпо происходило опть напора льду въ Ладожскомъ озерѣ); шакже было въ 1378 г.—Въ 1377 г. «огородися луна, и бышь опть нея луча, аки крешъ.» Въ 1374 г. «бышь знаменіе въ солнцѣ: мѣста черны, аки гвозди, а мгла велика спояла по ряду съ два мѣсяца, и шоль велика, чпо двѣ сажени передъ собою не видѣши было челoвѣка въ лицo, а ппицы по воздуху не видяху лешаши, но падаху съ воздуха на землю, и шакъ по земли пѣши хожаку. Бяше-же шогда жипо посохло, а лѣсове, и бо-

рове, и дубравы, и болоша погоруаху, индѣ-же и земля горяше.» — Въ 1384 г. « бысть помраченіе на многи дни (въ Новгородѣ), и пшпцы падаху на землю, и по водѣ не видяху, камо лепѣши, а люди не смѣяху вздышъ по озерамъ, и по рѣкамъ, и бысть скорбь и туга. » — Въ 1385 г. осенью на небѣ явились *пустые бѣги* (падающія звѣзды, метеоры?). Въ 1386 г. «погибе солнце, въ часъ дня, егда люди ошобѣдывають.» — Въ 1372 г. въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Спасской церкви, колоколъ, самъ собою, прозвонилъ прижды.— Такихъ подробностей находимъ множество въ Лѣтописяхъ нашихъ, но всѣ ихъ выписывать, значило-бы обременять вниманіе. Довольно для примѣра.

ГЛАВА IV.

Шеснадцати лѣтъ не исполнилось Василію Димитріевичу, когда онъ, немедленно по смерти Димитрія Іоанновича, былъ объявленъ *Великимъ Княземъ всея Руси*. Владиміръ Андреевичъ не спорилъ. Написали и вновь подтвердили договоръ, по которому Владиміръ признавалъ Василія Великимъ Княземъ и *старѣйшимъ* браномъ, Юрія *равнымъ* браномъ; Андрей, Пешръ, Іоаннъ и Конспаяшинъ Димитріевичи должны были считаться *младшими* браньями. Видимъ, что у Владиміра не опнимали прѣпи Москвы, кошую оставилъ за нимъ Димитрій по договору, и къ Серпухову, Лопаснѣ, Боровску, придали ему еще Ржевъ и Волоколамскъ. По новому условию Владиміръ обязывался спавлять Книгиню свою, и дѣшей своихъ въ Москвѣ, если надобно будетъ ему опправляться съ войскомъ, когда Василій останется въ Москвѣ выдерживать осаду (городная осада, оже ми, бране, самому сѣспи въ городѣ); Василій взаимно обязывался шѣмъ-же: мѣра благоразумная, кошую можно было опвращишь безначаліе, погубившее Москву въ Тохшамышево нашеспіе. Утверждая свободу Боярѣ, мѣру дани Ордынской,

взаимный судъ, Владиміръ клялся не вступаться, если Великій Князь пріобрѣшетъ себѣ Муромъ, Тарусу, и другія мѣсна; Владиміру предославили полную волю пріобрѣщать новыя волости, только не Тарусу и не Муромъ. Надежда избавленія отъ Ташаръ, изъясляемая словами: «если переменяшъ Богъ Орду,» видна и въ семъ договорѣ. Но изъ него-же видимъ, что Юрій Димитріевичъ былъ тогда съ поклономъ въ Ордѣ. Владиміръ договорился, когда Юрій возвращаясь съ Ханскимъ Посломъ, принявъ по расчету участіе въ выходѣ, какой надобно будетъ заплашишь. Хану (195).

Думаемъ, что это возобновленіе договора не прошло однакожь безъ новыхъ неудовольствій: слѣды ихъ оспались въ договорѣ. Спось тяжело разсваивашься съ вѣковымъ обычаемъ, и шѣмъ болѣе чести и благословеніе памяти великодушнаго Владиміра (196)!

(195) *Собр. Гос. грамотъ*, т. I, № 35. «А выйдеть Юрья съ Посломъ, и намъ шо подяши по расчету, по выходу,» и проч.

(196) Опять и въ этомъ договорѣ находимъ слова: «А что въ наше нелюбе, кого есмы поймали пвоихъ,» и проч.—Кѣрамзинъ (т. V, стр. 125) снова излагаешъ при семъ случаѣ описаніе ссоръ и несогласій съ Владиміромъ, основанное только на *Никон. Лѣтописи*, подобно тому, о которомъ говорено выше (пр. 172):

Если не можемъ говорить утвердительно о томъ, мирно-ли совершилось окончательное отреченіе Владиміра отъ Великаго Княжества, то несомненно для насъ, что Василій дѣйствовалъ не самъ собою.

Его окружали поваричи и добрые слуги опцовскіе: знаменитый Волинецъ *Дмитрій Михайловичъ*, *Тимоей Васильевичъ*—герой Вожи и Непрядвы, и другой еподвижникъ Куликовской битвы *Іоаннъ Родіоновичъ*. Десять сановниковъ знаменитыхъ свидѣльствовали Духовную Димитрія. Они управляли попомъ дѣлами; положили не продолжать сопрошенія Орды; ждали пока *Богъ переменитъ ее*, и отправили Юрія ударить челомъ Тохтамышу, уцѣлѣвшему въ борьбѣ съ спаршнымъ Тимуромъ. Черезъ три мѣсяца послѣ смерти опцовской, Василій поѣхалъ во Владиміръ, и Посоль Ханскій посадилъ его на Великокняжество. Новгородцы прислали въ Москву подтвердитъ договоры по старинѣ. Намѣстникъ Московскій, Евстафій Сыша, отправился въ Новгородъ (197).

---

(197) Карамзинъ, т. V, стр. 140. — Имена сановниковъ, свидѣльствовавшихъ Духовную Димитрія: Димитрій Михайловичъ (знаменитый *Волинскій*); Тимоей Васильевичъ; Иванъ Родіоновичъ (*Квашня*, начальникъ Великокняжескаго полка въ Куликовской битвѣ); Семенъ Васильевичъ; Иванъ Феодоровичъ;

На другой годъ послали Московскихъ Бояръ за сговоренною невѣсною Великаго Князя. Выборомъ руководствовала полишка : Василью сосватали дочь Виповша, уже замышлявшаго въ это время о самовластїи въ Лишвѣ. Софья Виповшовна прїѣхала въ Москву черезъ Новгородъ , сопровождаемая Боярами Московскими, Александромъ Поле , Белевухомъ и Селиваномъ — женщина честолюбивая , нелюбимая супругомъ, виновница вражды и ссоры послѣ его смерти (198)!

Лѣтомъ 1392 года , Василій самъ поѣхалъ въ Орду , и пробылъ тамъ до осени. Тохтамышъ принялъ его почетно и привѣжливо : надъ головою Хана висѣлъ губительный мечъ-испроби-

Александръ Андреевичъ (не Поле-ли , вздвигшій за Софьею Виповшовною?) ; Феодоръ Андреевичъ , и другой Феодоръ Андреевичъ (одинъ изъ нихъ долженъ быть Кошка (см. пр. 25), о которомъ упоминаетъ Эдигей въ письмѣ своемъ (см. прим. 256), какъ о человѣкѣ искусномъ въ дѣлахъ съ Монголами. Димитрій говоритъ еще въ Духовной, что Феодоръ Андреевичъ « *вытвараѣ на общелѣ сбѣдѣ у Смоленскаго Князя Младень* »); Иванъ Феодоровичъ; Иванъ Андреевичъ.

(198) Карамзинъ , т. V, прим. 141, извѣстіе Линденблаша. Въ *Арх. Лѣт.* сохранено преданіе, что Виповшъ просваталъ дочь за Василія, когда Василій бѣжалъ изъ Орды , и ѣхалъ попомъ черезъ Кіевъ (стр. 94). О характерѣ Софіи заключаемъ попому, что вспыльчивость ея была причиною несчастной ссоры съ Шемякою въ 1433 г.—Слич. прим. 258.

пель—Тимуръ. Совершилось новое, важное для Руси дѣло, чего не смѣлъ предпринять Димитрій послѣ побѣды знаменитой, о чемъ и послѣ не думалъ онъ, видя въроломство шестя своего и его сыновей: совершилось паденіе *сильнаго княжества Суздальскаго*. Совѣшники Василя рѣшились изгнать и уничтожить совершенно старшій родъ Ярославовыхъ потомковъ, и взявъ обширныя земли, коими властвовали дядя и родные братья матери Великаго Князя. Княжество Суздальское, еще недавно спорившее съ Москвою о первенствѣ — пало тихо, внезапно, отъ скрытной крамолы, отъ нѣсколькихъ поклоновъ юнаго Московскаго Князя Ордынскому Хану. Въ Нижнемъ Новгородѣ княжилъ тогда Борисъ: онъ снова выпросилъ себѣ первенство, находясь въ Ордѣ, когда Димитрій скончался. Племянники его, дѣти Димитрія Конспаншиновича, Василий Кирдяпа и Симеонъ, были беззащитны, и бѣжали, слыша о приближеніи дяди съ Посломъ Ханскимъ. Какъ-же изумился поржесвующій Борисъ, узнавъ, что изъ Коломны вѣдутъ къ нему Бояре Московскіе, и при нихъ новый Ордынской Посолъ! Въ недоумѣніи, онъ собралъ совѣшъ. Измѣна окружала его, и безжалостно довершила то, что было начато скрытнымъ коварствомъ. Бояре говорили Борису, что Москва теперь въ мирѣ съ нимъ; что съ Посломъ и Москвичами, вѣдущими изъ Коломны,

нѣшъ дружинъ ратныхъ. Борисъ допустилъ въ Нижній Посла Ханскаго и Бояръ Московскихъ. Они прѣехали прямо на площадь Нижегородскую, созвали народъ, и объявили, что *Нижній Новгородъ, волею Царя, отданъ Великому Князю Василю Димитріевичу*. Нижегородскіе Бояре и дружины мгновенно оставили Бориса. Онъ, сыновья его и племянники, были схвачены, или спасались бѣгствомъ. Василій Димитріевичъ прѣѣхалъ самъ въ Нижній, когда не могъ уже встрѣшиться укоряющаго взора родныхъ братьевъ своей мащери. . . . Народъ повиновался ему; можешь бышь, надѣясь большей безопасности подъ его рукою, и видя бесполезность возмущеній, когда дѣло рѣшено было издавна. Москва приобрѣла безъ войны Нижній Новгородъ, Суздаль, Городецъ, все Паволожье. Эшого мало: милосивый Тохшамышъ ошдалъ еще Василю Муромъ и Тарусу, о копорыхъ договаривались съ Владиміромъ, и Мещеру, копорую выговаривалъ себѣ Димитрій у Рязани (199).

Окончаніе опдѣльной Испоріи Суздальскихъ Князей, послѣ ошнати у нихъ княжества, печаль-

---

(199) Ист. Г. Р. ш. V, прим. 144, и слѣд., и разныя Лѣтописи. Съ Владиміромъ заключили тогда новый договоръ, по копорому онъ обязался не вступашься въ новыя приобрѣшенія своего племянника (*Собр. Гос. грамотъ*, ш I, № 38).

но. Тщешно спарались они попомъ испоргнушь у Москвы опцовское наслѣдіе: шолько гробамъ ихъ позволили заяашъ мѣспо въ Нижегородской землѣ. Горесшь скоро убила Бориса : онъ не пережилъ двухъ лѣпъ , и умеръ въ започеніи , въ Суздаля (Мая 6, 1394 г.). Василий Кирдяпа и Симеонъ бѣжали погда изъ шемницъ своихъ, думая воспользовашься перемѣнами въ Ордѣ. За ними гнались дружины Московскія. Но Князья успѣли укрыпшься. Симеонъ явился наконецъ , черезъ чешыре года, съ шолкою Монголовъ. Воеводы Московскіе дались въ обманъ: послѣ шрехъ—дневнаго присшупа , они помирились съ Симеономъ и опшложили оружіе. Монголы вѣроломно ворвались въ городъ и ограбили жишелей. Симеонъ былъ невольнымъ учасшникомъ бѣдспвіа опчизны, не смѣлъ дожидашься прихода Василия, и черезъ двѣ недѣли бѣжалъ изъ Нижняго , вмѣспѣ съ своими зашщипниками. Узнавъ , что супруга Симеона, и дѣши его, укрывающься въ Мордовской землѣ , Великій Князь опсправилъ за ними войско. Несчастную Княгиню взяли , со всѣмъ ея семейспвомъ , и заключили въ Москвѣ. Въ 1402 году Симеонъ прислалъ униженно просишь убѣжища и куска хлѣба , смиряясь послѣ восьми-лѣшняго изгнанія и шяжкаго униженія передъ Ханами. Василий *простилъ* его, принялъ , и опсправилъ *на житье* въ Вяшку, съ супругою и съ дѣшми. Тамъ скончался Симеонъ черезъ полгода (въ Дек. 1402

г). Не знаемъ *гдѣ*, но въ 1403-мъ году умеръ и Василій Кирдяпа. Старшій сынъ его Іоаннъ пріѣхалъ въ Москву въ 1416 году, вмѣстѣ съ дѣтьми Бориса Конспаншиновича, Даниломъ и Іоанномъ *Туголумъ*. Онъ скончался въ Москвѣ, въ 1417 г., и удостоился чеспи лежать на ряду съ Великими Князьями, въ Архангельскомъ соборѣ. Сынъ его, Александръ Брюхашый, женился на дочери Василя Димитріевича. По смерти сего Князя (1418 г.), она вышла за внука Борисова Александра Возмешня, умершаго бездѣтнымъ. Сямъ прекрапился родъ Бориса.—Другіе сыновья Кирдяпы ушли въ Новгородъ. Попомки ихъ пережили шамъ паденіе новой своей опчизны, и соспавили собою знапные роды Московскихъ аристокрашовъ—*Шуйскихъ* и *Скопныхъ*: Царь *Василій Шуйскій* былъ попомокъ Кирдяпы въ *седьмомъ* колѣнѣ. Одинъ изъ сыновей Симеона былъ родоначалникомъ Боярскихъ семействъ: *Глазатыхъ*, *Горбатыхъ*, *Барбашинныхъ*. Младшій внукъ его, Василій Гребенка, предводилъ Новгородцами въ послѣднее время полишическаго бышя ихъ. Другіе попомки сего рода знаменишаго служили разнымъ Князьямъ, Москвѣ, Новгороду, Липвѣ. — Учаспъ Муромскихъ Князей оспалась для насъ вовсе безвѣспною (200).

---

(200) Исп. Г. Р. п. V, прим. 145, 146, разныя лѣтописи и Родословныя книги.

Судьба, постигшая *Нижний Новгород*, еще далека была отъ *Новгорода Великаго*. Но рѣшительность *Василія* показала всѣмъ Русскимъ обласнямъ пвердый характеръ сего новаго *Калишы*. Новгородцы положили: не уступашь Москвѣ. Случая для спора ждали, не долго. Началось несогласіемъ за *Черный боръ*, и вскорѣ присоединилась другая не новая распря — о церковныхъ судахъ и сборахъ. Новгородцы слышали, что *Кипріанъ* ѣдешь къ нимъ въ *Новгородъ*, знали причину поѣздки его, и возобновили присягу свою о независимости *Новгорода* отъ *Москвы* въ церковныхъ дѣлахъ. *Кипріана* встрѣпили въ *Новгородѣ*, какъ великаго *Владыку Русскаго* (Февраля 41, 1392 г). У церкви *Спаса*, на *Ильинской* улицѣ, привѣщивовало его *Духовенство*, съ креснами, въ ризахъ. Митрополишь, и сопровождавшіе его, вошли въ *Спаскую* церковь, *окрутились* памъ въ полное облаченіе, и пѣнкомъ шли до *Софійскаго* собора, черезъ *Торгъ* и *Великій* мостъ; поддѣяки несли зажженные свѣчи; *Духовенство* возглашало духовныя пѣсни. *Кипріанъ* опслужилъ *лишургію*; попомъ взошелъ на амвонъ съ *воздвизательнымъ* кресномъ, и велегласно поучалъ народъ. Слушатели *пріали слова его въ сердце*. Новгородцы подарили попомъ *Кипріану* особенное подворье и нѣсколько дворовъ. На другой день *Кипріанъ* служилъ обѣдню на *Княжескомъ* дворѣ, въ *Ни-*

колаевской церкви; на претіи оиашъ въ Софійскомъ соборѣ. Наконецъ принялись за дѣла. Изъявивъ уваженіе къ сану Митрополиша, Новгородцы рѣшительно ошказались исполнить спѣснительныя шребованія Кипріановы. Они ссмалались на свою присягу. « Я сниму ее съ васъ » — опшвѣчалъ имъ Митрополишъ. Послѣ сильныхъ споровъ, Кипріанъ уѣхалъ въ Москву безъ успѣха, съ досадою (201). Новгородцы увидѣли Пословъ, пріѣхавшихъ опъ Великаго Князя. Они пошребовали чернаго бора и подчиненія Новгородскаго Духовенства Митрополишу. Вѣче ничего не слушало. *Угнмлось размирье*. Владиміръ Андреевичъ и Юрій, брашъ Великаго Князя, заняли Торжокъ и раззоряли Новгородскія волости. Предводимые Бѣлозерскимъ Княземъ, *охогіе удалцы* Новгородскіе опшравились по Двинѣ, разграбили Успюгъ, Успюжну, Бѣлозерскъ, Кличень; не пощадили даже церквей, и полонили множество народа, выгоняя жипелей изъ лѣсовъ, гдѣ они укрывались. Съ обѣихъ споронъ желали заключенія мира. Но Василій былъ швердъ въ своихъ намѣреніяхъ, и жестокимъ посшупкомъ доказалъ суровость души. Доброхошъ его, жипель Торжка, Максимъ, былъ зарѣзанъ Торжковцами за предавношъ Москвѣ. Велѣли сыскашъ убійць, и нашли ихъ до *семидесяти* человекъ! Несчастныхъ привели

---

(201) Новг. лѣш. (Карамзинъ, ш. V, прим. 147).

на площадь, и казнили жестоко: вырѣзывали куски шѣла, опрубали руки, ноги. «Въ по время съ обѣихъ споровъ много кровопролитія повсюду учинилось,» говорящъ Новгородцы, «и мы послали къ Великому Князю съ челобитьемъ о спаринѣ, а къ Мишрополишу отослали нашу крестоцѣловальную грамашу, не хотя видѣшь большаго кровопролитія въ Христіанахъ.» Довольный покорностью, Василій взялъ черный боръ, и послалъ знаменитыхъ Бояръ своихъ, Уду, Кошку и Селивана, подшвердись *старину Новгородскую*. Киприанъ имѣлъ удовольствіе уничтожить Новгородскую грамашу. «Емлю ее,» говорилъ онъ, черезъ Посла своего, «грѣхъ клятвопресупленія вашего снимаю, и благословляю Новгородъ!» Новгородцы подарили Мишрополишу послу *полтетверта ста рублей* (202).

Лугвеній-Симеонъ оставилъ Новгородъ, прежде сихъ несогласій съ Москвою. Онъ поспѣшилъ въ Липву, гдѣ въ лицѣ Вишовпа явился тогда власникъ спрашнѣ Гедимина и Олгерда. Нѣсколько лѣтъ Вишовпъ шерпѣлъ зависимость свою отъ Польши, и управление Скиригеллово въ Липвѣ. Надѣясь наконецъ на силы свои, Вишовпъ объявилъ себя независимымъ *Великимъ*

---

(202) Новг. лѣт. 1395 годъ. Слич. для противоположности враждебный Новгороду *Троицк. лѣт. (И. Г. Р. ш. V, прим. 149).*

Княземъ Литовскимъ. Ягелло не смѣлъ отважиться на войну. Вишовшъ, какъ шигръ, свирѣпствовалъ противъ непокорныхъ, не щадилъ крови ближнихъ, и умершилъ Нариманша, Вигунша, Кorigелла, брашьевъ Ягеллы. Скиригелло покорился ему, и былъ отправленъ въ Кіевъ, куда Вишовшъ послалъ его, вмѣсто изгнаннаго имъ Владиміра. Корибуша бросили въ шюрму. Свидригелло Вишебскій былъ отосланъ въ Польшу, какъ плѣнникъ. Въ 1393 году всѣ признали Вишовша Великимъ Княземъ Литовскимъ. Онъ владѣлъ землями отъ Новгорода и Пскова до Молдавіи, отъ границъ Польши до Смоленска и предѣловъ Москвы и Рязани. Смоленскъ повиновался ему, и безпрестанно подвигались владѣнія Вишовша на востокъ, обхващывая разныя княжества попомковъ Олега Черниговскаго. Небольшой ростомъ, Вишовшъ былъ желѣзнаго сложенія, не зналъ усалости, не зналъ и совѣсти, дѣйствуя измѣною и шайнымъ убійствомъ шакъ-же охотно, какъ храбро дѣйствовалъ мечемъ. Лучше другихъ понимая искусство мира и вражды, онъ губилъ въ одно время Польшу, Нѣмецкихъ Крестоносцевъ и Русь своими хитросыями, всюду выигрывалъ, и почти сорокъ лѣтъ былъ спрашилищемъ, грозившимъ гибелью Москвѣ и Руси (203).

---

(203) Бѣльскій, стр. 275, и слѣд.—Вишовшъ называлъ себя: *Supremus Dux Lituaniæ et Russiæ*; Ягелло

Москва предугадала Вишовна, когда онъ еще покорщивовалъ Ягеллу, и брачный союзъ Васг-ля съ дочерью сего Князя казался средствомъ, безопасившимъ Русь отъ замысловъ Липовскаго завоевателя. Но Вишовшъ не зналъ связей родства, умерщвляя своихъ двоюродныхъ братьевъ. Надобно было удивительно счастливое стеченіе обстоятельствъ, для избавленія Русскихъ земель отъ силы попомка Гедиминова. Василий умѣлъ оказывать твердость характера и хитрость; но открытая борьба съ Литвою была несоизмѣрна силамъ Москвы. Здѣсь спасло Васг-ля только одно счастье.

Ни чему другому не лзя приписать спасенія Руси отъ другой, еще болѣе страшнѣйшей грозы, загремѣвшей съ Востока.

Монгольскія царства разрушались повсюду: Монгольская Персія и Индія падали, расперзанныя междоусобіями и сосѣдями; Китай свергъ его Чингисова рода; Монголія низошла въ прежнюю безвѣстность, и Приволжскія Орды Мон-

принялъ названіе: *Lituaniae princeps supremus et haeres Russiae.* — Скиригелла Кіевскаго зазвали въ гости къ Печерскому Архимандриту, и отправили; также отправкою погубленъ былъ Вигуншъ; Коригеллу опрубили голову; несчастнаго Нариманша повѣсили на деревѣ и разспрѣляли. Вишовпу было тогда съ небольшимъ сорокъ лѣтъ.

головъ перзали одна другую, обливаясь кровью. Чагашайская Имперія подверглась общей участи государствъ, правимыхъ потомками Чингиса. Преемники Чагашая были жалкими послушниками подвластныхъ имъ Эмировъ; сосѣди отторгали у нихъ области. Въ это время, недалеко отъ Самарканды, столицы Чагашайской, въ 1336 году, родился *Тимуръ* — явленіе изумительное въ Исторіи Человѣчества! По женскому колѣну, онъ былъ потомокъ Чингиса, и сынъ неважнаго Хана, подвластнаго Чагашайскимъ государямъ. Говорятъ, что аспирологи изумились счастливому спеченію примѣтъ при его рожденіи. Двѣнадцати лѣтъ Тимуръ началъ ходитъ въ башвы, и на 25-мъ году отъ рожденія, мысль—*возстановить славу Чагатайской державы*, была уже приводима имъ въ исполненіе. Въ 1370 году, когда не было еще Тимуру сорока лѣтъ, онъ уже освободилъ, умирилъ свою опчиэну, обладалъ Чагашаемъ, царствовалъ въ великолѣпной Самаркандѣ, и вида передъ собою колѣнопреклоненныхъ вождей своихъ, клялся, что возстановитъ славу Чингисову, и покоритъ цѣлый міръ Богу и Великому Пророку его Мугаммеду. Черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ того—милліоны воиновъ сіпояли подъ бунчуками Тимура, двадцать шесть царствъ принадлежали ему, отъ береговъ Средиземнаго моря до Монголіи, отъ Иршиша до Ганга, не считая Приволжья и Руси,

Греціи и Египта—данниковъ, покорныхъ его имени. Тимуръ размышлялъ тогда: куда идти ему? Черезъ Сѣверную-ли Африку и Геркулесовы столбы, покорить земли *неверныхъ Франковъ*, и возвратишься черезъ Русь въ Самарканду? Или двинушься на воспокъ и покорить Кишай, изгнавшій Чингисовыхъ попомковъ? Рѣшась на последнее, Тимуръ оставилъ Западъ, съ 200-ми тысячъ воиновъ перешелъ Гюнъ, и умеръ въ шашрѣ своемъ, отъ жестокой горячки, въ 1405 году, на 70-мъ своей жизни.

Таковъ былъ *железный властитель* (*Тимуръ-бегъ*, насмѣшливо названный врагами *Тимуръ-хромецъ*, *Тимуръ-ленгъ*, изъ чего Европейцы составили испорченное имя *Тамерлана*), завоеватель, извѣстный нашимъ предкамъ подъ именемъ *Темиръ-Аксака*, презиравшій имена *Хана* и *Султана*, и называвшій себя *Властителемъ міра* (*Сайбъ-Керимъ*). Последнее изъ великихъ явленій Азіи—Дизавуловъ и Апшиль—вспорой Те-мудзинъ, Тимуръ представляешь однакожъ собою совсѣмъ другой характеръ противъ Монгольскаго варвара, и совсѣмъ другія слѣдствія явились послѣ него въ Исторіи міра, взятой вообще, и Исторіи Русскаго народа, наблюдаемой отдѣльно (204).

---

(204) Подробности Исторіи Тимура мы заимствовали изъ жизнеописанія его, составленнаго Шеффердъ-

Подобно Темудзипу возникшій изъ ничпоже-
ства, подобно ему великій полководецъ и за-
воеватель, подобно ему залившій кровью, усы-
павшій пепломъ городовъ и забросавшій раз-
валинами царствъ обширныя пространства зе-
мель, Тимуръ былъ отличенъ отъ Чингиса сво-
имъ спраннымъ, исполненнымъ какой-то вар-
варской поэзіи характеромъ. Онъ зналъ славу
и любилъ се до безумія; записывалъ всѣ подроб-
ности дѣлъ своихъ; сполько-же думалъ о томъ,

диномъ на Персидскомъ языкѣ, и перевод. Пепи-де-
ла - Круа (Histoire de Timur - Bes, Парижъ, 1722 г.
4 ш., in-12), а также и изъ собранія Тимуровыхъ
Институцій (Institutiones, Франц. пер. Лангле, П.
1787 г.). Жаль, что поэтъ и другой источникъ до-
вольню успарѣли для нынѣшняго совершенства, до коего
достигло знаніе Воспочныхъ языковъ. Но новѣйшихъ
переводовъ сихъ важныхъ книгъ нѣтъ, и мы прину-
жены довольствоваться спарыми. Къ сожалѣнію, мы
не имѣли любопытной для Исторіи Тимура книги: The
Mulfuzat Timury, or autobiographical memoirs of the Mog-
hul Emperor Timur, пер. съ Чагатайскаго языка на Пер-
сидскій Абу - Талебъ - Гуссеиномъ, а съ Персидскаго на
Англійскій К. Стюартомъ (Лондонъ, 1830 г.). — О
событіяхъ въ разныхъ Могольскихъ царствахъ, слич.
И. Р. Н. ш. IV, начало 2-й главы.—*Тимуръ*, или *Те-
миръ*, значить: *железный*; *Бегъ*—значить *власти-
тель*, *Князь*. Враги Тимура перемѣнили слово: *Бегъ*,
на ругательное: *ленъ*, что означаетъ: *хромой*. От-
сюда Европейское названіе: *Тамерланъ*.

чтобы Поэты и Историки славили дѣла его, сколько спарался о побѣдахъ. Онъ искалъ вла-
спи, не щадилъ ни себя, ни людей, и шорже-
спвуя — съ груспію говорилъ попомъ: *все су-
ета!* Горесшно улыбался онъ, смотря на ни-
чшожесшво земнаго, философспвоваль, когда
шсыачи гибли подъ мечами его воиновъ, и
ошъ воплей попрысались развалины какого ни-
будь великаго города, ошданнаго имъ на гра-
бежъ, пожаръ и испребленіе. Означая пирами-
дами человѣческихъ головъ пущь свой, руга-
ясь величію человѣческому, Тимуръ насмѣшливо
указываль побѣжденнымъ на себя, и говорилъ:
«Посмоприте, что значить человекъ? Я, бѣд-
ный хромецъ, совершаю дѣла споль великія!
Но на что мнѣ все это? Не все-ли суета и
плѣніе?» Онъ оспавляль на Чагашайскомъ про-
нѣ попомка Чингисова, называль себя его Эми-
ромъ, не пилъ вина, голодалъ на великолѣп-
ныхъ пирахъ, и иногда оспанавливаль на по-
ходѣ войско свое, чтобы окончить игру въ
шахматы, надъ кошорыми размышляль онъ по
цѣлымъ часамъ.

Только что началъ свое поприще Тимуръ, ког-
да Тохшамышъ бѣжалъ въ Самарканду. Моженъ
быть, сей изгнанникъ раздѣляль шамъ шруды,
ошасоспи, подвиги Тимура, въ шеченіе десяти
лѣтъ, пока Тимуръ соединилъ подъ свою руку
Самаркандское государшво, въ каждой бшшвѣ,

ежедневно подвергая себя гибели (до 1370-го года), бѣгая иногда по степямъ съ женою и многими товарищами, попадаясь въ плѣнъ, сидя въ пюрмѣ, и снова выходя изъ нея, и шоржешвуя надъ непріашилемъ (205). Уже Тимуръ поклялся завоевать цѣлый міръ, припѣсни-шли Чагашая, Кашгары, были имъ покорены, Кандагаръ и Ховарезмъ повиновались ему, и Князь Персіи называлъ себя *девятымъ* его рабомъ, предсхавляя восемь рабовъ въ подарокъ, когда Тимуръ далъ пособіе Тохшамышу (206). Мы видѣли, что Тохшамышъ выбралъ для напаве-

---

(205) При самомъ началѣ освобожденія своей отчизны, Тимуръ принужденъ былъ бѣжать въ степи, только съ 60-ю товарищами. Непріаши догнали его, будучи въ числѣ тысячи человекъ, и были имъ разбишны; но товарищи Тимура пали въ битвѣ, или разбѣжались попомъ. Онъ оспался только съ 7-ю людьми, былъ захваченъ врагами, послѣ долговременныхъ поисковъ, и брошенъ въ пемницу. Успыдивъ словами и увѣщаніями своими одного изъ спражей, послѣ двухъ - мѣсячнаго заключенія, Тимуръ бѣжалъ, переплывъ рѣку Гіонъ, и ушелъ въ пусыни, гдѣ долго скитался совершенно одинъ, даже не имѣя лошади.

(206) Тохшамышъ бѣжалъ въ Бухарію послѣ убіенія Аскулы Урусомъ, въ 1359 г. — Тогда, только что начиналъ свои дѣйствія Тимуръ (съ 1360 г.). Тохшамышъ ворошился съ пособіемъ Тимура въ 1381 году.

нія на Приволжскую Орду самое выгодное время: Мамай палъ предъ нимъ. вспомошествоваемый За-волжскимъ власпишелемъ Эдигеемъ, Тохшамышъ не узналъ шогда мѣры своей гордоспи, и въ 1385 году дерзнулъ презрѣшь совѣшы Эдигея, и напасъ на Тимура. Пока Тимуръ воевалъ Персію, Ханъ Золошой Орды разграбилъ Самарканду. Онъ бѣжалъ во свояси, слыша о приближеніи Тимура, и раздраживъ его бесполезно и безразсудно. Могъ-ли оставишь обиду его безъ опмщенія гордый Тимуръ! По степямъ Киргизскимъ прошелъ онъ на Волгу, одною бипвою уничтожилъ Тохшамыша, и сѣвшилъ обратно. Все еще волновалось въ его обширныхъ владѣніяхъ; ему нѣкогда было заниматьса долго Золопою Ордою. Тимуръ оппраздновалъ только побѣду свою на берегахъ Волги, и велѣлъ записашъ, и воспѣшь своимъ Поэшамъ на память помомшву, *побѣду Капчацкую*. По Киргизскимъ степямъ ушелъ обратно Тимуръ, воздвигнувъ памятникъ среди песковъ Аральскихъ, въ воспоминаніе, что и здѣсь проходили непобѣдимыя войска Чагашайскія (207).

---

(207) Впрочемъ, лѣпостчисленіе двухъ походовъ Тимуровыхъ прошивъ Золошой Орды довольно сбивчиво. Второй походъ былъ въ 1395 году, но начался гораздо ранѣе. Первый совершенъ былъ послѣ 1385 года. Нѣсколько лѣтъ пропекло между сими гибельвыми для Золошой Орды нашеспівіями.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Тохшамышъ снова обладалъ Приволжскими Ордами, сильный болѣе прежняго. Войско его напало на Персію. «Безумецъ!» писалъ къ нему Тимуръ—«какой злой духъ ведетъ тебя къ гибели? Ты уже и позабылъ мои побѣды! Кайся, или я иду, и—морскія глубины не скроютъ тебя отъ мстительной десницы моей!» Тимуръ не медлилъ, шелъ за своимъ посломъ, пробрался черезъ Дербеншъ, покорный ему, и на берегахъ Каспія, въ битвѣ, гдѣ сами Тимуръ и Тохшамышъ сражались на ряду съ прослыми воинами, и гдѣ опчаяніе Капчацкаго Хана едва было не вырвало у Тимура плода многолѣпныхъ подвиговъ, рѣшилась учаспъ Тохшамыша. Тимуръ споялъ крѣпко, неуклонно; колчанъ его былъ уже пустъ, копье переломлено; отборные воины его сбиты; но мужество Чагапайскаго героя преодолѣло все, и Тохшамышъ бѣжалъ въ свою родину, Крымъ. Тимуръ не хотѣлъ уже теперь осмавлять никакихъ слѣдовъ Тохшамыша. Онъ сжегъ и истребилъ Сарай, Астрахань, избралъ новаго Хана, внука своего, сына Эдигеовой сеспирь, Темиръ-Кушлука; думалъ еще нѣсколько времени, и вдругъ вслѣлъ войску своему идти на Сѣверъ (208). . . .

---

(208) Битва Тимура съ Тохшамышемъ происходила на степи, между Тереконъ и Курюю. Астрахань была

Рускіе знали о Темирѣ-Аксакѣ, и предпріятіяхъ прошивъ него Тохшамыша. Борисъ Коншанпировичъ былъ свидѣтелемъ перваго похода Ордынцевъ прошивъ Тимура; смѣлосъ Димитрія въ последнее время, и снисходительность Тохшамыша къ Василию Димитріевичу, надобно приписать одной и той-же причинѣ: безпокойству и опасенію, какія внушали Тохшамышу предсвоившія войны съ Тимуромъ (209). Слухъ, что «пришелъ наконецъ на Царя Тохшамыша ожидаемый, сильный иъкопорый Царь Темирѣ-Аксакъ, опъ далекія Воспочныя страны, изъ за-Синей Орды, опъ Самаркандскія земли, великую замяшню и великую брань сошворилъ, и много мяшежа воздвигъ въ Ордѣ,» — слухъ сей даже порадовалъ Русь. Узнали, что спрашная битва происходила между Темирѣ-Аксакомъ и Тохшамышемъ, «на мѣстѣ называемомъ *Орниское*, на кочевіищѣ Хана Тохшамыша,» и гордый властитель Орды былъ разбитъ и бѣжалъ (210). Но радость, ка-

взяпа по возвращеніи Тимура опъ Ельца. Зима была погода жестокая, и Аспраханцы облили стѣны своего города водою, или, какъ говорятъ Историки Тимура, огородили себя, кромѣ каменной, еще *ледяною стѣною*. Ни что не спасло ихъ! Ледъ распотили огнемъ.

(209) Въ 1389 и 1392 гг.

(210) Исполненная баснями повѣсть о нашествіи Тимура на Русь, находится въ *Стр. Врем.* (т. I, 405) и

кую возбудило сіе извѣстіе, перемѣнилась въ ужась, при новомъ, приводящемъ въ шрепешъ слухъ : « Темиръ - Аксакъ идетъ на Русь ; уже онъ въ предѣлахъ Рязанскихъ, губишь и жжешъ, какъ вшорой Башый ; возгордѣлся, окаянный, началъ мыслишь, какъ поплѣнишь ему Русскую землю, испребишь вѣру православную. « — Чшо слышимъ ! — говорили Руссы. — Беззаконный, свирѣпый, гордый мучитель, о которомъ иногда доходили до насъ повѣсти, далеко сущемъ близъ воспока солнечнаго, уже въ землѣ нашей — приблизился, гошовишься, поощряешия, вооружаешия на насъ ! » Слухи сіи были правдивы. Тимуръ двигался по печенію Дона, и въ Августѣ 1395 года взялъ, сжегъ, опушпошилъ Елецъ, и оспановился шамъ, гдѣ рѣка Сосна вливаешия въ Донъ съ правой спороны, сославляя крушпой поворощъ своимъ впаденіемъ (211).

Русь ожидала гибели, совершившейся надъ нею во дни Башыя. Василій, въ сіе время ужаса, явилъ « доблестъ благородную, и великодушіе, паче смершнаго спрахъ. » Собравъ оявсюду дру-

---

въ *Типопр. Лвт.* стр. 195. Изъ нея беремъ мы главныя подробности, спараясь опличить сказки опъ испины.

(211) *Сосна*, называемая *Быстрою*, въ опличіе опъ *Тихой*, впадающей въ Донъ, гораздо ниже. На *Быстрой Соснѣ* находятся Ливны и Елецъ. Елецкіе Князья происходили опъ Михаила Черниговскаго.

жины, онъ вышелъ изъ Москвы, съ рѣшительною мыслию — умереть, или побѣдить, надѣясь на благоспѣ Божію. Онъ спалъ близъ Коломны на берегахъ Оки, и ожидалъ непріателя. Владиміръ Андреевичъ сѣлъ въ осадѣ на Москвѣ. Не смѣя надѣяться на крѣпость воинскую, главную за щипу полагали Рускіе на Бога: церкви Московскія день и ночь были наполнены молящимися; установили посты, крестные ходы; Минрополипъ Кипріанъ почти не выходилъ изъ собора; Князья, Бояре, проспюлюдины приходили къ нему поучашься, каашься, плакашъ о грѣхахъ, и слушашъ назидательныя его бесѣды. Но всего казалось недостапочно. Гоповашъ самъ на бипву, Василій прислалъ сказашъ Минрополипу, что онъ полагашъ душу свою за Русскую землю, надѣясь шолько на заступленіе Богоматери, и для того приказывашъ опправашъ во Владиміръ пословъ, поклонашъ шамъ знаменишой иконѣ Владимірской, перенесенной нѣкогда изъ Кіева предкомъ его Боголюбскимъ, и принесши сію святую икону въ Москву. Мысль Василія почли вдохновеніемъ, свше посланнымъ. Немедленно опправились во Владиміръ, и 26-го Августа, вся Москва встрѣшила свяшой образъ на Кучковѣ полѣ. Повергнувшисъ на колѣна, со слезами вопіали Москвичи: «Пресвятая Владычица Богородица! спаси градъ Москву опъ нашешвія иноплеменныхъ варваровъ!»

Въ усердной молишвѣ сливались Князья, Бояре, иноки, Духовенство, просполюдины, старые и малые.

Немного дней прошло, и радость восхитила сердца всѣхъ. Тимуръ споялъ на берегахъ Сосны двѣ недѣли; вдругъ сдвинулъ онъ свои войска, съ пепелищъ Ельца поворошилъ обратно, и пошелъ на югъ по печенію Дона. Раззоривъ Азовъ, учредивъ новое Ханство на Волгѣ, препоручивъ Куплука попеченію дяди его Эдигея, ошпраздновавъ побѣды свои близъ Кавказа, онъ навсегда перешелъ Кавказскія горы, и скрылся ошь Руси. — Чшò могло ошпановишь походъ и перемѣнишь мысли ужаснаго завоевателя? Обшпановишь прясняющъ дѣло: ему надобно было обезопасишь Персію; онъ думалъ ужъ тогда и о гордомъ, опасномъ врагѣ, Баязетѣ, Султанѣ Турецкомъ. Мщеніе надъ Тохшамышемъ было исполнено; великія сокровища умножили казну Тимурову. Впереди передъ собою, на Сѣверѣ, онъ видѣлъ дикіе лѣса, пустыни, населенныя однакожь храбрымъ народомъ: погибнуть могъ, славы и добычи не получалъ, ибо Сѣверный народъ плашилъ уже дань Волжскимъ Ташарамъ, рабамъ его. Вопшъ ошпановишь современника Тимурова о пѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходилъ онъ (212):

---

(212) Путешествіе Пимена Митрополита (см. пр. 135).

«Пусть по сей справѣ печальнѣе и уныль. Пустыни спрашныя; нѣтъ ни села, ни града. Видно, что здѣсь были нѣкогда города великіе и улаждавшіе зрѣніе, но теперь все лежитъ пусто и ненаселенно. Не увидишь челоуѣка: дикая волость, со множествомъ звѣрей — козъ, лосей, лисицъ, выдръ, медвѣдей, бобровъ; птицы пустынные — орлы, гуси, лебеди, журавли, печально летаютъ надъ головами. Только проплывъ по Дону до того мѣста, гдѣ, послѣ Краснаго Яра, Бишюга и Хопра, вливается въ него Медвѣдица, встрѣчаешь Ташаръ, кочующихъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, безчисленныхъ, какъ листъ осенью, или песокъ рѣчной. Тутъ, за великою лукою, находишь улусъ Сарыхожи; далѣе улусъ Бекбулапа. Спада ихъ ходятъ въ необъясномъ множествѣ, умъ превосходящемъ: овцы, козы, верблюды, кони. Далѣе, за Красными горами, улусъ Акбугинъ — многое множество Ташаръ, и всякаго скопа спада неизмѣримыя. Миновавъ рѣку Бузулукъ, прїѣзжаешь наконецъ въ Азовъ, гдѣ живутъ и владѣютъ Фряги, Нѣмцы.» — Фряги Азовскіе испытали весь ужасъ того, что узнала-бы Русь при движеніи Тимура далѣе къ сѣверу. Хвалясь пріобрѣтенною добычею и покоренными странами, Тимуръ велѣлъ записать, что онъ ходилъ до глубины Сѣвера, до шѣхъ странъ, гдѣ царствуетъ вѣчный день, такъ, что Мусульманскіе Имамы не знали:

должно-ли имъ опсправляшь вечернія молишвы (213)?

Здѣсь кончипся вводная повѣспь о Тимурѣ въ Испоріи Русскаго народа. Онъ жилъ еще десяшь лѣшь , и въ сіи годы совершилъ самыя главныя дѣла свои. Можешъ бышь , на берегахъ Сосны Тимуръ думалъ уже о предпріятіи , которе пронесло имя его далѣе Чингисова и Искандерова. Едва возвращась въ Персію , Тимуръ объявилъ , что идешь покорить Индійскія царшва. Самыя безпрешныя воины его содрогнулись. « А рѣки , горы , пущыни , губипельныя слоны , воинспва ? » вопіали воины Тимуровы. Одно слово его рѣшило всѣ сомнѣнія. Тимуръ любовался Ордами своими , спройно идущими , легкою конницею , раздѣленною на 92 опрѣда , и вспомнилъ , что числомъ своимъ соопшѣпшвующъ они числу

(213) H. de Timour. (кн. III , гл. 13). Вѣропшно Тимуръ толькo слышалъ о томъ , что на Сѣверѣ есть земли , гдѣ день продолжается полгода , и позволлъ внеспи это извѣспіе въ свои записки. Забавно , что многіе думали объясняшь сіе извѣспіе тѣмъ , что Тимуръ былъ въ самомъ дальнемъ сѣверѣ. Левекъ опровергалъ такое мнѣніе нашими Лѣтописями. Другіе пускались въ догадки еще спранныѣ , объясняя дѣло сѣверными сіяніями , какъ будто непременно надобно все изьясняшь , что находимъ у Восточныхъ писателей , забывая , сколь часто они все до нелѣпости преувеличивающъ.

92-хъ именъ Пророка. Черезъ снѣжныя горы, гдѣ самъ Тимуръ спускался съ крупизны по веревкамъ, и гдѣ за каждымъ ушесомъ паились убійцы, онъ прошелъ далѣе Искандера, разогналъ слоновъ и Индійскія войска, подивился величію мечети въ Дели, и испребилъ сей великолѣпный городъ. Чувствуя упрекъ совѣспи за побіеніе Мугаммеданъ, Тимуръ очищаль себя попомъ опъ грѣха избіеніемъ еще большаго числа идолопоклонниковъ, прошелъ для сего до знаменитой *Купъли Ганга* (214), и оборошился въ Самарканду, услышавъ о неслыханномъ киченіи Баязеша и буншѣ Грузіи. Въ 1400 г. онъ объявилъ *семилѣтній* походъ на Западъ, перерѣзалъ Грузинцевъ, и началъ ругашельную переписку съ Баязешомъ. «Не знаешь-ли ты — писалъ Тимуръ —» что большая часть Азіи, покоренная непобѣдимымъ войскомъ моимъ, мнѣ повинуется? Опъ моря до моря власъ моя. Сильныя земли сославляютъ плепень, заслоняющій враша дома моего, и само счастье при-

---

(214) Прежде думали, что Гангъ выпекаешъ изъ ушеса, имѣющаго видъ коровы; эшопъ ушесъ называется: *Купль*, и находилъ въ 1100 миляхъ опъ Калькушпы. Тупъ воздвигнулъ храмъ Гангу; шупъ споялъ Тимуръ, задумчиво смотря на мнимый испокъ рѣки, и не зная, что для сего надсбно ему было идти въ опдаленныя Гиммалайскія горы.

нудилъ я наблюдать за благодеиствіемъ царства моего. На чемъ основалъ ты свое безуміе и безспидство? Выигралъ нѣсколько битвъ въ лѣсахъ Анаполи, и гордишься жалкими своими побѣдами! Ты побѣдилъ невѣрныхъ, и мечъ твой былъ благословенъ на сіе дѣло Пророкомъ, предъ Кораномъ коего ты благоговѣешь. Только это и удержишь еще насъ погубишь себя, западную границу и защитишь землю правовѣрныхъ. Но будь-же мудръ, пока есть время; подумай, покайся, отврати громъ моего мщенія, висящій надъ пвоею головою. Муравей презрѣнный! ты смѣешь раздражать слона—онъ раздавитъ тебя!» Спрашнымъ ругательствомъ исполненъ былъ отвѣтъ Баязета (215). Тимуръ дрожалъ отъ гнѣва; но еще онъ удержался, раззорилъ только часть городовъ Анаполи; зарылъ въ землю четыре тысячи плѣнныхъ Армянъ, сдав-

---

(215) «Пусть прѣмъ разводами удалятся съ ложа моего жены мои, если я побѣгу передъ побоемъ» — писалъ Баязетъ—«и скорѣе твои жены, каждая по три раза, предадутся объятіямъ поганого чужеземца, нежели ты устоишь противъ меня!»—Надобно знать, что послѣ прѣхъ разводовъ, если-бы Мусульманинъ опять захотѣлъ взять жену свою, слѣдуетъ самый унизительный обрядъ... Тимуръ, не смотря на свою привычку всегда показывать совершенную холодность и невниманіе, спеналъ отъ ярости, получивъ письма Баязета.

шихся ему послѣ опчаянной защиты Севасополя, и пошелъ воеватьъ Египецъ и Сирію. Мамелюки проиграла большое сраженіе передъ Алепомъ; побѣдители зажгли, и расхищали городъ; Тимуръ сидѣлъ въ это время въ главной мечети, спорилъ съ Иманами о тайнствахъ религіи Мугаммеда, задавалъ имъ хитрые вопросы (216) и грустилъ о суетѣ міра. «Что я?» восклицалъ онъ. «Бѣдный смершній, дряхлый хромецъ, а Господу угодно было избратьъ меня для покоренія царства Иранскаго, Капчацкаго, Туранскаго и Индійскаго. Клянусь Богомъ, что я не жестокій человекъ; не я, но враги мои сами причиною своихъ бѣдсвій!» Поперявъ сраженіе подъ Дамаскомъ, Тимуръ успѣлъ перехитрить побѣдителей, взялъ Дамаскъ, Багдадъ,

---

(216) Онъ былъ послѣдователь Алія, и почиталъ другія исповѣданія Мусульманъ ересью. «Пророкъ называетъ мучениками, падшихъ на полѣ битвы» — спросилъ Тимуръ — «но кто-же теперь *мученики*: мои-ли правовѣрные, убитые войны, или ваши? И тѣ и другіе были Мугаммедане; и тѣ и другіе пали въ битвѣ!» — Ему отвѣчали умно, что самъ Пророкъ называетъ мученикомъ каждого умершаго во славу Бога, и, слѣдовательно, не исповѣданіе, но вѣра, и мысль, съ какою умираетъ человекъ, рѣшаютъ его блаженство въ небесахъ. Потомъ Тимуръ заспорилъ о правѣ Халифовъ, началъ плакать о суетѣ міра, и проч.

сложилъ сотни тысячъ головъ пирамидами, въ знакъ побѣдъ своихъ, и въ томъ 1401 г., отъ береговъ Аракса выступилъ на Баязеша. Больше миллиона воиновъ, съ обѣихъ сторонъ, рѣзались 28-го Іюля 1402 года на долинѣ Ангорской. Баязешъ споялъ долго за побѣду; попомъ искалъ смерти, и нашелъ позоръ и безчестный плѣнъ! Онъ умеръ въ клѣткѣ. Бурса, Никея, Смирна—исчезли. Только проливъ, защищаемый соединенными Греческими и Турецкими кораблями, спасъ Царьградъ и оспашки Турецкой власпи въ Европѣ, и самую Европу. Положивъ воевать земли Франковъ черезъ Африку, Тимуръ хотѣлъ прежде покорить оспашокъ Востока. Въ Самаркандѣ пировалъ онъ окончаніе похода, ранѣ семи лѣтъ совершеннаго, женилъ шамъ шестерыхъ внуковъ, писалъ законы, сѣновалъ на пещину міра, слушалъ поэмовъ, принималъ Царей и Князей, пришедшихъ отъ всѣхъ предѣловъ Азіи пасъ предъ нимъ, и давалъ изумительные пиры въ садахъ Канигульскихъ, гдѣ тысячи шапровъ были разбины; золопо, серебро, жемчугъ бросали народу горстями; цѣлые лѣса вырубали, пригошворя кушанья для гостей. Черезъ три мѣсяца (въ Апрѣлѣ 1405 г.) Тимуръ былъ уже на дорогѣ въ Кипай, и Ангель смерти смежилъ очи его.

Опять только шепотомъ, далекимъ слухомъ доходили въ Русь всѣ извѣстія о Темирѣ-Аксакѣ,

опъ спранъ Воспока Солнечнаго, съ пѣхъ поръ. когда удалился онъ опъ Ельца. Василія встрѣшили въ Москвѣ, какъ знамениаго побѣдителя. Но, повергнувшись передъ Образомъ Богоматери, принесеннымъ изъ Владиміра, онъ опрекся опъ почести, и приписалъ избавленіе Русскихъ земель заступленію Матери Божіей. Говорили, что въ попъ самый день, когда икона принесена была въ Москву, Темиръ-Аксакъ видѣлъ спрашнй сонъ: пмы Ангеловъ и Свяпыхъ, предводимыхъ нѣкою женою, «въ сіяніи лучезарномъ, благолѣпія и величія неописаннаго», шли на него, и грозили ему погибелью, если онъ дерзнетъ на богоспасаемую Русскую землю.» Темиръ-Аксакъ вскочилъ въ испугъ съ своего одра, и велѣлъ бѣжать своему воинству обратню. То была Богоматерь»—говорили Руссы—«чудо преславное, удивленіе великое! Заступленія Богоматери убоялся и успрашилъ злой Царь — ужаснулся, смутился, пораженъ былъ спрахомъ и препенюмъ; вошла боязнь въ сердце его, скорбь въ душу, проникло содроганіе въ кости. Онъ поколебался, обратилъ плеча, гонимый невидимою силою. Не мы гнали его, не наши воинства поспрашили его, но гнѣвъ Божій гналъ, спрахъ Божій спрашилъ, и безумный Темиръ - Аксакъ, пришедъ съ безчисліемъ силы, опошелъ со срамомъ!» — Успавивъ на вѣчныя времена : праздновашъ спасеніе Москвы въ 26-е Августа, день принесенія иконы,

ославили свящій образъ Богомашери навсегда въ Москвѣ. На Кучковомъ полѣ, гдѣ *срѣтили* Москвичи икону, Василійъ воздвигъ *Срѣтенскій монастырь*, обогатилъ его вкладами, и въ 26-й день Августа доселѣ совершаеися крещный ходъ, изъ Успенскаго собора въ монастырь Срѣпенія иконы Владимірскія Богомашери (217).

Освятивъ религіозною памяшью спрашную бѣду, грозившую опчизнѣ, Рускіе хотѣли знать: кто былъ сей грозный Темиръ - Аксакъ, спрашившій Русь погибелю, и со спыдомъ бѣжавшій? Извѣстіе, переданное попомспву въ Лѣшописяхъ нашихъ, любопышно. Вотъ оно въ сокращеніи :

« Кто изъ православныхъ Христіанъ захочешъ вѣдать о богопрошивномъ Темиръ - Аксакѣ, да вѣдаетъ, что мы о немъ слышали. Онъ сперва не былъ Царь, и не опъ рода былъ онъ Царскаго, ни Княжескаго, ни Боярскаго, но шакъ, простаго рода, опъ худыхъ людей, опъ Заяиц-

---

(217) Спроевск. и Типогр. Лѣт. — Объ иконѣ Владимірской, или Пирогощей, см. Исп. Р. Н. ш. III, стр 26.—Она богато украшена, и находится донинѣ въ Успенскомъ соборѣ, въ серебряномъ кивотѣ. Жемчужная пелена подъ нею сооружена была при Василіи Іоанновичѣ, и передѣлана потомъ при Феодорѣ Алексіевичѣ.

кихъ Ташаръ , Самаркандскія земли , Синія Орды , что за Желѣзными ворошами . Ремесломъ былъ онъ ковачъ желѣза ; обычаемъ и дѣломъ немилоспивъ , хищникъ , ябедникъ и грабежникъ . Холопъ былъ онъ у нѣкоего Государя , и за злонравіе отвергся отъ него Государь , билъ его , прогналъ отъ себя ; не имѣя чѣмъ жишь , Темиръ-Аксакъ кормился воровствомъ . Онъ былъ тогда еще молодъ ; укралъ у кого-то овцу , и , замѣченный въ шомъ , бѣжалъ ; его догнали , били , хотѣли убить , дашь язву смершную , перешибли ему ногу и бедро , и оставили его бездыханнаго на съѣденіе псамъ . Но онъ выздоровѣлъ , воспалъ , перековалъ себѣ ногу желѣзомъ , хопя и оспался хромымъ . Опъ сего и имя ему , ибо *Темиръ* значипъ : *желѣзо* , а *Аксакъ* значипъ — *хромецъ* . Такъ *толмачили* намъ на Половецкомъ языкѣ о Темиръ - Аксакъ , называя его *желѣзный хромецъ* , и должно бышь правдѣ , ибо опъ вещи и опъ дѣлъ званіе пріемлеться , и по дѣйствію имя спяжается (218) . По исцѣленіи отъ ранъ и великихъ побоевъ , не лишился Темиръ лихаго своего перваго обычая , не смирился , не укрошился , но паче на большее совратился , горше давняго и пуще прежня-

---

(218) Стр. Врем. I, 406 ; Типогр. Лѣш. 196. — И такъ басня о названіи Тимура *хромецъ* была извѣсна и въ Руси .

го спалъ люшій разбойникъ. Приложились къ нему юноши немилоспивые, мужи суровые, подобные ему злые чловѣки, разбойники и хищники, и сильно умножились. Когда было ихъ до сошши, назвали они Темиръ-Аксака начальникомъ; когда-же собралось ихъ до пысячи, Княземъ; когда наконецъ еще болѣе они умножились, поплѣнили земли, поймали грады и царшва, по назвался Темиръ Царемъ. Онъ началъ многія рати шворипъ, многія брани воздвигъ, много побѣдъ учинилъ, много полковъ сопротивныхъ одолѣлъ, много градовъ раскопалъ, много людей погубилъ, много спранъ и земель повоевалъ, много обласпей и языковъ поплѣнилъ, много Княжеспвъ и Царспвъ покорилъ подъ себя. Вошъ имена главнымъ землямъ и царшвамъ, поплѣненнымъ отъ Темиръ-Аксака: Чагашай, Хорасанъ, *Голустанъ*, Кишай, Синия Орда, Ширазъ, Испаганъ, Орнанъ, Гененъ, Сизъ, Шибренъ, Шамахія, Савозъ, Арзерумъ, Тифлисъ, Тавризь, Горзуспанъ, Обезъ, Багдадъ, Темиръ-Кабы (ш. е. желѣзныя врата), Ассирія, Вавилонъ (гдѣ былъ нѣкогда Царь Навуходоносоръ, плѣнившій Іерусалимъ, и жили при опрока и Даниалъ Пророкъ), Севасція (гдѣ мучимы были Сорокъ Мучениковъ), Арменія (гдѣ жилъ нѣкогда Григорій, Епископъ Великія Арменіи), и Дамаскъ великій. Со всѣхъ сихъ царспвъ и градовъ оброки и дани давали Темиру, и пови-

новались ему всё, шворя волю его, и ходя съ нимъ на брань. Разбилъ-же онъ и Царя Турскаго, царство его взялъ, а самага въ клѣпкѣ желѣзной возилъ за собою, да видяшъ всё славу и силу Темира, безбожнаго врага и гонителя.» Описавъ поражение Тохтамыша, и *чудесное спасеніе Руси*, Лѣтописатель возноситъ молитвы къ Богу, Богоматери, и *молебнику Московскому Пепру Митрополипу*. «Такъ спасенъ былъ при Іезекіи Іерусалимъ опъ гордаго Сенахерима» — восклицаетъ набожный Лѣтописатель (219). . .

Но пока въ уединенной какойнибудь келліи записывали нашествіе Тимурова, уже новыя событія волновали Русскую землю. Тимуръ находился еще въ странахъ Приволжскихъ, когда Выповъ измѣною присводлъ себѣ Смоленскъ. Князь Смоленскій, Юрій, былъ тогда у шестя своего въ Рязани. Глѣбъ и другіе Князья Смоленскіе спорили за удѣлы. Узнавъ, что они всё почти собрались для сего въ Смоленскъ, Выповъ придвинулъ сильную рать, но увѣрялъ, что собралъ ее для защиты опъ Монголовъ, и

---

(219) По спранныму сочетанію идей, описывая свяшья чудеса, и вознося молитвы благодарственныя, Лѣтописцы въ тоже время осыпаютъ Тимура ругательствами, и показывая ученость свою, сравниваютъ его съ Діоклипіаномъ, Максиміаномъ, Деціемъ, Лициніемъ, и проч.

дружески звалъ Смоленскихъ Князей въ спанъ свой, обѣщаясь бытъ безприсраспнымъ посредникомъ и рѣшишь ихъ споры. Легковѣрные Князья дались въ обманъ. Вишовпъ велѣлъ взяшь ихъ подѣ спражу и разослалъ по Липвѣ. Смольяне сдали ему городъ. Вишовпъ объявилъ Смоленскъ волосшью свою (220).

Уже издавна Смоленскъ былъ для Руси чуждымъ городомъ, почши шакимъ-же, какъ Кіевъ и Черниговъ : онъ считался зависимымъ опъ Липвы, и ходилъ на Русь подѣ рукою Липовскихъ Князей. Но мысль, что Княжештво, издревле принадлежавшее роду Мономахову, уже совершенно оппоргнушо Липвою, сія мысль ужасала Руссовъ, а поступокъ Вишовпа показывалъ, чего надобно было ждашь опъ него другимъ. Вишовпъ приготошился на бешвы, думая, что за Смоленскъ заступящя ; но Василій Димитріевичъ хопѣлъ переширишь шесши, и дружески прѣхалъ къ нему въ Смоленскъ, гопшишь у него, какъ у роднаго. Съ нимъ былъ и Мишрополишь Киприанъ. Вишовпъ клялся въ дружбѣ Василю, и подшвердилъ неприкосновенность правъ Мишрополиша на православныхъ Христіанъ въ Кіевѣ и Волыни. Киприанъ опсправился въ

---

(220) *Костр. Лѣт. I, 290, и Типоер. стр. 207, прибавляющъ, что Смоленскъ шогда былъ сожженъ и разграбленъ.*

Кіевъ , а Василій поѣхалъ дружишь пешю своему въ Москвѣ. Смоленскій Князь нашель себѣ защитника только въ Олегѣ Рязанскомъ. Василій не совѣщовалъ имъ воевать съ Вишовшомъ. Князья не послушались , и Олегъ скоро раскаялся : за нападеніе на Любушскъ, Вишовшъ заплапиль опустошеніемъ Рязанскихъ областей. Мимоходомъ видѣлся онъ съ Василіемъ, нарочно пріѣзжавшимъ въ Коломну. Здѣсь Вишовшъ и Василій условились соединенными силами спѣснить Новгородъ (221).

Новгородцы не ожидали войны , заключивъ въ 1393 г. миръ съ Вишовшомъ , и тогда-же удовольствовивъ пребыванія Великаго Князя. Оспавался только неопспунный Кипріанъ : вездѣ — въ Новгородѣ , въ Липвѣ , Твери , онъ упорно споялъ за свой Церковный судъ. Въ 1395 г. опяшь пріѣзжалъ Кипріанъ въ Новгородъ , съ Посломъ Царяградскаго Пашріарха , и пребовалъ возвращенія Церковнаго суда, который Новгородцы успѣли снова опнять у него послѣ 1390 годъ. Но одаренный богашо , довольный честію, Кипріанъ уѣхалъ , благословляя Великій Новгородъ , и сына своего , Владыку Новгородскаго Іоанна. На другой годъ, Владыка Іоаннъ ѣздилъ въ Москву , и Митрополишь оппустилъ его съ

---

(221) Типогр., стр. 209; *Любутскій станб* донинѣ спуществуетъ, Тульск. Губ. въ Алексинскомъ уѣздѣ.

честію и благословеніемъ. Но причина къ войнѣ отыскалась: Послы Вишовша и Василя попребовали опъ Новгородцевъ разрыва съ Нѣмцами. Въ 1391 году заключенъ былъ у Новгородцевъ съ Ганзою миръ: нарочно съѣзжались для сего въ Изборскъ послы Новгорода, Пскова, Любека, Готланда, Дерпша, Ревеля, Риги. Изъ чего должно было шеперь нарушишь сей договоръ, безъ всякой вины Нѣмцевъ, и лишиться выгодной шорговли? — Новгородцы видѣли въ пребываніи Князей одну привязку, и Вѣче отвѣчало: «Господинъ Князь Великій! у насъ съ тобою свой миръ, съ Вишовшомъ иной, а съ Нѣмцами иной!» — Вишовшъ и Василій не возражали; не говорили ничего и о томъ, что бѣглецы и изгнанники Русскіе, Липовскіе, Князья Смоленскіе, Бѣлозерскіе, Суздальскіе, жили въ Новгородскихъ обласняхъ друзьями вольнаго города.

Но Василій не хопѣлъ говорить, а воевашъ началъ немедленно. Заволочье и Двинскія обласни, споль давній предметъ зависти Московскихъ Князей, были внезапно захвачены его войскомъ. Жители тамошніе согласились опказашься опъ Новгорода, и признали власть Василя. Тогда-же занялъ онъ Торжекъ, Бѣжецкъ, Вологду. Посоль его пріѣхалъ въ Новгородъ сказашъ, что Великій Князь снимаетъ съ себя креспное цѣлованіе къ Новгороду. «Мы сами снимаемъ его къ нему!» оп-

вѣчалю Вѣче. Другой Посоль былъ присланъ ошъ Киприана, Спольникъ Миспрополиша Клеменшій. Онъ звалъ Владыку Иоанна въ Москву, снова говориль о Церковномъ судѣ. Владыко рѣшилъ ѣхашъ. Вѣче ошправило съ нимъ Посадника и Посоль, и било ему челомъ ошъ всего Новгородъ, чшобы онъ засшупилъ за ошчизну свою, « подалъ Князю Великому слово доброе, и благословеніе за дѣшей своихъ, за Великій Новгородъ. » Владыко исполнилъ просьбу. Онъ былъ приняшъ Миспрополишомъ благосклонно, предшпалъ къ Василию съ Послами, и когда они проговорили Князю челобильше ошъ Вѣча Новгородскаго, Владыко говориль ему : « Сынъ мой, Господинъ Князь Великій! прими благословеніе мое и доброе слово, а ошъ Новгородъ челобильше. Ошложи нелюбіе ошъ своихъ вольныхъ мужей Новгородскихъ ; возьми ихъ по спаринѣ, и не учини еще разъ кровопролишія между Христіанами въ свое княженіе. Ты ошнялъ у Новгородъ, пропивъ крешнаго цѣлованія, Заволочье, Торжекъ, Волокъ, Вологду, Бѣжецкій Верхъ: ошспупись сихъ обласшей, и ошдай ихъ по спаринѣ Новгороду. Не шребуй и общаго суда на порубежьи — все эшо не спарина. » — Убѣжденія Владыки ошпались безуспѣшны ; Иоаннъ возвращилъ въ Новгородъ безъ мира. Весною 1398 г. Новгородцы собрались къ нему полпою. « Не можемъ пердѣшъ болѣе насилія ошъ своего Ве-

ликаго Князя,» говорили они, «хопимъ поискать пригородовъ и волоспей, опчины и дѣдины, копорья опняны у Свяшой Софіи и Великаго Новгорода. Мы клялись спашь въ эпомъ дѣлѣ за одно, спашь всѣ, Посадники, Бояре, дѣши Боярскіе, жишые люди, купецкіе дѣши и просшые воины: или *изнайдемъ* свою опчизну къ Свяшой Софіи и Великому Новгороду, или положимъ головы за Свяшую Софію и за своего Господина Великій Новгородъ. Благослови насъ!» Получивъ благословеніе Владыки, дружины Новгородскія вышупили, жгли, раззоряли Бѣлозерскія и Кубенскія обласпи, Устюгъ, Вологду, доходили до Галича, цѣлый мѣсяць осаждали городокъ Орлець, взяли его, захвапили передавшихся Василію правипелей, представили ихъ на судъ Вѣча, и шакъ обогашились добычею, что не имѣя мѣспа въ ладьяхъ своихъ для плѣнныхъ, опшускали ихъ, взимая окупъ. Вѣче спрого судило перемешчиковъ: одинъ изъ нихъ, Бояринъ Новгородскій Іоаннъ; былъ сброшенъ съ моспа въ рѣку Волховъ; брашья его, Герасимъ и Родіонъ, со слезами выпросили позволеніе опшказашься опъ свѣша, и посприглись. Четвершый брашъ, удалѣйшій всѣхъ, Аифалъ, успѣлъ убѣжашь изъ Заволочья.

Вѣрояшно, не сія меспъ Новгородцевъ, но Виповшово учаспіе вдругъ заспавили Василю помиришья. Дружась съ Василіемъ, Виповшъ хо-

шѣлъ полько доведши Новгородъ до крайности, и взяшь его попомъ подъ свою руку, подобно Смоленску. Василий предупредилъ шеспя. Вишовпъ не скрылъ досады, объявилъ гнѣвъ свой Новгороду, и Послы его открыто говорили на Вѣчѣ: «Новгородъ обезчестивовалъ Великаго Князя Липовскаго. Зачѣмъ не явились вы къ нему и не передались ему? Сдѣлавшись Великимъ Княземъ вашимъ, онъ защишилъ-бы васъ отъ Москвы.» Новгородцы отвѣчали гордо. Вишовпъ грозилъ меспію; но его отвлекли на время предпріянія обширнѣйшія (222).

Золотая Орда, разбиная рукою Тимура, казачась совсѣмъ издыхающею. Темиръ-Куплукъ сидѣлъ на зыбкомъ пронѣ Ордынскомъ; Тохтамышъ укрывался въ опчизнѣ своей, Тавридѣ. Русь не плашила уже дани Ордѣ, довольспвуясь подарками. Приходы Монголовъ напоминали еще отъ времени до времени Рускимъ прежнія спрашныя времена, но это были полько мгновенные набѣги хищниковъ. Въ 1394 г. была раззорена Монголами Вяшская область; но Вяшчане и Новгородцы ошмслили за по раззореніемъ Приволжья. Сіи событія происходили въ по время, когда рука Тимура не попрысала

---

(222) Стр. I, 417.; Типогр. стр. 210; Новгор. лѣт. годы 1397—1399.

еще Орды въ основаніи (223). Безпечность Рускихъ увеличилась послѣ Тимура. Виповшъ провидѣлъ далѣе. Онъ хорошо разсчелъ: какимъ важнымъ орудіемъ можетъ бытъ для него Орда, и какое зло, напропивъ, можетъ она еще причинить, какъ змѣя, раздавленная, но не умершая, могущая ожить. Потому Виповшъ не оставлялъ въ покоѣ гнѣзда Монголовъ въ Крыму. Раззоряя окрестности Азова, Виповшъ оставался до времени хладнокровнымъ зрителемъ новыхъ междоусобій Монгольскихъ (224). Тохтамышъ опдохнулъ послѣ Тимура, и хопѣлъ снова обладать Сараемъ. Полчища Крымскія устремились на Волгу. Слабый Темиръ - Куплукъ могъ погибнуть, но Тохтамышъ забылъ о силѣ Эдигея, опекуна и дяди Темиръ - Куплукова, заклятаго врага Крымскому власпишелю. Сила Ногайская подкрѣпила Золошую Орду.

(223) Вятку раззорилъ тогда, посланный отъ Тохтамыша, Царевичъ Беткунъ.

(224) Много Татаръ выведено было Виповшомъ въ Липаву, и поселено близъ Вильны, по рѣкѣ Вакъ, гдѣ потомки ихъ живутъ и донинѣ. См. изслѣдованіе Чацкаго (Сѣв. Архивъ, XII, 138), любопытное, но притомъ исполненное ошибокъ и нелѣпостей. Достоверно одно только, что со временъ Виповша Татары были поселены въ Липавѣ. Такъ говорили они сами о себѣ, въ просьбѣ, поданной въ 1519 году Сигизмунду I-му.

Тохшамышъ бѣжалъ , разбишый Эдигеемъ , и укрылся въ Липвѣ , не смѣя уже явиться въ Крымъ , ибо Эдигей перевелъ свои сильныя Зайцкія Орды черезъ Волгу , и заочевалъ на югѣ , отъ Волги до Крыма и Днѣпра. Вишовшъ не вѣдалъ героическаго честолюбія , но понялъ всю важность побѣды надъ новою силою Ордынцевъ. Онъ вдругъ объявилъ себя защитникомъ Тохшамыша , и не хотѣлъ выдавать его злобѣ Эдигеевой. Разрушивъ мощь Эдигея , Вишовшъ сдѣлался-бы обладателемъ Крыма , а Тохшамышъ былъ-бы на Волгѣ его данникомъ. « Посажу тебя въ Ордѣ , съ тѣмъ , что ты посадишь меня на Москвѣ Великимъ Княземъ (225). » Таковъ былъ договоръ Вишовша. И въ самомъ дѣлѣ , что могло послѣ сего устоять противъ Липвы ?

Руси грозила такимъ образомъ новая , страшная опасность. Василій не былъ въ состояніи оповратить ея , хотя понималъ наступающую бѣду. Онъ рѣшился ждаться окончанія борьбы между двумя врагами , равно опасными Руси. Вишовшъ не пренебрегалъ непріятелемъ своимъ , хотя и надѣялся на побѣду. Собирая силы оп-

---

(225) Слова Лѣтописей. Во многіе списки Лѣтописей Русскихъ предпріятіе Вишовша внесено ошибочною спашьею : *Побоище Телчуръ-Кутляя Царя съ Витовтомъ.*

всѣду, онъ просилъ ихъ у Василя, у Ягеллы. Польша не смѣла прекословишь и прислала полки свои. Василій обѣщаль шеспю воевашь Монголовъ съ другой спороны, и послалъ къ нему, вмѣсто войскъ, дружескія увѣренія. Софія, по волѣ супруга своего, поѣхала въ Смоленскъ съ дѣшми, съ Боярами. Вишовшъ не показаль досады, подарилъ ей нѣсколько богашыхъ Образовъ, пришворился, чшо вѣришь дружбѣ зятя, и безъ Московскихъ дружинъ высупилъ въ походъ. «Выдай намъ бѣлаго Царя Тохшамыша, и возьми себѣ все, чшо ешь при немъ,» говорили Вишовшу Послы Эдигеевы.—Я самъ увижусь и поговорю объ эпомъ съ Ханомъ, а Тохшамыша вамъ не опдамъ — ошвѣчалъ Вишовшъ. На берегахъ Ворсклы (226), Вишовпъ встрѣшилъ Ордынцевъ, гошовыхъ къ бою. Войско Вишовшова было сильно : пашьдесяпъ Князей, Русскихъ и Липовскихъ, находилось при немъ. Дружины Тохшамышевы споали въ рядахъ Вишовшовыхъ, виѣспѣ съ Поляками, Тевшонскими Рыцарями, Смольянами, другими Русскими дружинами, и

---

(226) *Ворскла*, начинаясь въ Курской, шечешъ по Слободско-Украинской Губерніи, потѣмъ мимо Полшавы, и впадепъ въ Днѣпръ ниже Кременчуга, близъ Переволочны. Здѣсь-же, гдѣ разбишь былъ Вишовшъ, погибли—ровно терезѣ 310 лдтѣ—оспапки силы Карла XII-го, и гроза Сѣвера едва могъ самъ убѣжашъ!

Липовцами. Эдигей также былъ въ силѣ великой. Онъ и Вишовшъ, оба медлили, видя взаимную опасность, и предчувствуя, что едва-ли все не зависѣло отъ удачи. Уже сжавъ другъ прошивъ друга, долго еще они переговаривали. Ханъ соглашался мириться, даже хопѣлъ плащипъ дань. Вишовшъ требовалъ совершенной покорности. Переговоры перешли наконецъ въ брань. «Темиръ - Кушлукъ можешь покорствоватьъ» — сказалъ Эдигей — «но мнѣ спыдно: я тебя старше, Князь Липовскій — лучше ты покорись мнѣ, будь мнѣ сыномъ, и пославъ мою Тамгу на своихъ деньгахъ.» Въспо отвѣща на сію насмѣшку, дружины Липовскія двинулись въ бивву; юные Князья, находившіеся въ войскѣ Вишовша, смѣялись, когда старый Панъ Спичко упорно совѣщовалъ мириться. Кричали, что онъ не хочешь умереть, боясь оставить вдовою молодую свою жену (227). Бивва была ужасная (12 Августа 1399 г.); но пушки Вишовша и храбрость его уступили искусству Эдигея, ученика Тимурова. Вишовшъ и Тохтамышъ были разбиты и бѣжали. Вѣрные товарищи Димитрія — Андрей Полоцкій, Димитрій Бранскій — Князь Глѣбъ Смоленскій, Князь Іоаннъ Кіевскій, двое Волынскихъ, и множество дру-

---

(227) Бѣльскій, стр. 282.

гихъ Князей пали въ бивъ. Монголы гнались за бѣгущими до самаго Кіева, взяли съ него окупъ, и опустошили за-Днѣпръе. . . .

Удивимся-ли, что побѣда Монголовъ произвела на Руси всеобщую радость? Такъ ненавистенъ и спрашенъ былъ Князь Липовскій. «Богъ навелъ поганыхъ на Липовскую землю за высокоуміе Князя Вишовша» — говорили Новгородцы. «И по дѣломъ!» прибавляли другіе. «Бивъ прежде Христіаниномъ, онъ опвергся православія, принялъ *Лдскую* вѣру, превратилъ святыя церкви въ богомерзское служеніе, помыслилъ плѣнить Русскую землю, и Новгородъ, и Псковъ. Безумецъ! забылъ, что если Богъ по насъ, то кто на ны (228)!»

Думали, что опвнѣ Вишовпъ навсегда ушкнеспъ. Видя Липву, опустошаемую Монголами, полагали, что на нее обрапилось пеперь наказаніе Божіе, ппгопнвшее Русь. Вѣчные враги Вишовша, Креспоносцы Нѣмецкіе немедленно начали съ нимъ войну. Ожилъ и изгнанный Смоленскій Князь. Съ Рязанскими дружинами, онъ явился подъ Смоленскомъ (1404 г.), былъ принятъ жителями, и свирѣпо казнпл Намѣстника Вишовшова и друзей его, Бояръ Смоленскихъ. Вишовпъ пришелъ было прогнашь Юрія, но не

---

(228) Новг. лѣп. 1399-й годъ.

могъ, и опспунилъ. Думая, что Липва уже вовсе обезсилѣла, Олегъ Рязанскій опсправилъ сына воевашъ Брянскъ. Но Лугвеній встрѣшилъ, разбилъ сына Олегова, взялъ его въ плѣнъ, обременилъ оковами, и только за 2,000 рублей знаменишій плѣнникъ получилъ свободу (229).

Василій радовался не менѣе другихъ несчастію шеспя, но былъ опспорожнѣе. вмѣсто пособія въ 1399 г., онъ опсправилъ только Русскіе опспряды грабиль и жечъ Монгольское Паволожье: Жукошинъ, Болгары, и попомъ хвалился усердіемъ. Вишовпъ, казалось, вѣрилъ ему, и поспоянно изъяслялъ дружбу; Василій шакже, какъ будшо вовсе не думалъ объ ослабленіи могущесшва Липвы послѣ бипшвы на Ворсклѣ; онъ не вмѣшивался въ припѣсненіе Кнзя Смоленскаго Липвою, допуская Вишовпа угнешашъ его; но между шѣмъ, въ 1400 г. брашъ Василя, Юрій, женился на дочери Смоленскаго Кнзя, а сынъ Владиміра Андреевича, Иоаннъ, навнукъ единшвеннаго союзника его, Олега Рязанскаго. Олегъ вскорѣ кончилъ свою безокой-

(229) Спр. I, 424; Типогр. спр. 215.— Карамзинъ слѣдовалъ въ описаніи опшнятія Смоленска (ш. V, 177) *Никоновскому лѣт.*, и опъ шого явились небывалыя радоспныя слезы, восхищеніе Смольянъ, и проч.— Сынъ Олега назывался *Родславъ*.

ную, превозную отъ самой юности жизнь (въ 1402 г.). Изгнанникъ въ дѣшспѣвѣ, противникъ Москвы и Литвы, по союзникъ, по жертва Монголовъ, Олегъ поспригся передъ кончиною, и пресправился съ именемъ инока Іоакима (230). Сынъ его, Ѳеодоръ, былъ уже не соперникомъ, но подручнымъ Княземъ Василя, и Рязань потеряла съ Олегомъ свою политическую самобытность. Но, не это-ли и было причиною, что Рязань пережила всѣ другіе Удѣлы, и еще болѣе спа-лѣшъ соспавляла собою пѣнь отдѣльнаго владѣнія? Василій защитилъ сына Олега отъ нападѣній Пронскаго Князя, и помц-

(230) Прежде того, напрошивъ, Лугвеній женился на сестрѣ Василя, Маріи, по *Типогр. Лѣт.*, въ 1394 г.—Русскими опрѣдами, грабившими Приволжье, предводилъ Юрій Димитріевичъ. Карамзинъ вывелъ изъ этого отдѣльную большую войну, означивъ ее надписью: «*Наши завоеванія въ Булгаріи* (т. V. 166).— Олегъ покоился въ Солопчинской обители, находящейся въ 18-ми верстахъ отъ Рязани, на берегу рѣки Солопчи, впадающей въ Оку. Кости Олега донныѣ видны въ опкрытой могилѣ, перенесенныя въ нее изъ разрушенной церкви, гдѣ былъ погребенъ сей Князь. Рязанцы почитали Олега святымъ, и донныѣ богомольцы, приходя въ монастырь Солопчинскій, прикладывающа къ кольчугѣ Олега, кланяюща костямъ его, и отбивающа на память кусочки отъ его каменной, прежней гробницы.

рилъ ихъ въ 1409 году (231). Но онъ рѣши-
 пельно не вмѣшивался въ дѣла между Смолен-
 скомъ и Липвою, когда Вишовшъ, овладѣвъ
 Вязьмою въ 1403 г., опять осадилъ Смоленскъ,
 семь недѣль громилъ его изъ пушекъ, и спсшу-
 пилъ, не успѣвъ преодолѣть опчаяннаго сопро-
 пивленія жипелей. Юрій увидѣлъ, что рано или
 поздно ему придется уступить Винюшу, при-
 тѣхалъ въ Москву, молилъ, уговаривалъ Василия,
 соглашался даже опдать ему Смоленскъ, поль-
 ко-бы Вишовшъ не добылъ его. Василий оста-
 вался непреклоннымъ. Между шѣми, въ опсущ-
 спивіе Юрія измѣна совершила шо, чего не могла
 сдѣлать сила Липовская. Вишовшъ быспро
 окружилъ Смоленскъ; пушки его и голодъ
 устрашили жипелей; заговоръ волновалъ Бояръ
 Юрія. Городъ сдали Вишовшу, и *тако было*
послѣднее пльненіе Смоленску отъ Витовта.
 Онъ не выпускалъ уже его изъ рукъ. Супруга
 Юрія, родня и доброхопы его, были увезены въ
 Липовскія дальнія обласши. Не хотѣлъ-ли на-
 конецъ Василий согласиться на предложеніе

---

(231) Троицк. Лѣп. (Карамзинъ V, прим. 190). Въ
 1401 г. Феодоръ опдалъ дочь свою за Іоанна, сына
 Владиміра Андреевича. Договоръ его съ Василиемъ,
 братьями его, и Владиміромъ Андреевичемъ, см. *Собр.*
Гос. грамотъ, т. I, № 36. Онъ былъ заключенъ
 1402 г. Ноября 25 дня.

Юрія, и взявъ себѣ Смоленскъ? По крайней мѣрѣ, Василій разсердился на несчастнаго Князя, упрекалъ его въ коварствѣ, говорилъ, что онъ хотѣлъ только оболъспить его, Василя, ласковыми словами, а между тѣмъ нарочно передалъ Смоленскъ Липѣ. Обвиненіе было нелѣпо; но Юрій принужденъ былъ бѣжать изъ Москвы, и ушелъ въ Новгородъ. Тамъ его приняли, хотѣли оставить на удѣлѣ, и давали ему земли *кормиться до отца*. Но Василій снова помирился съ Юріемъ, вызвалъ его къ себѣ, и опдалъ ему въ управленіе половину Торжка; другая половина была опдана вѣрному соупнику и другу Юрія, Князю Симеону Вяземскому. Юрій скоро обезславилъ себя безумнымъ слѣдствіемъ еспрасити неисповой. Онъ влюбился въ жену Князя Вяземскаго, щещно склонялъ ее нарушить вѣрность къ супругу, наконецъ въ бѣшенствѣ злости убилъ Князя Вяземскаго, и хотѣлъ употребить насиліе прошивъ его супруги. Евдокія рѣшилась лучше умереть, нежели бытъ обезчещенною, едва не зарѣзала Юрія; въ ярости, онъ изрубилъ ее мечемъ. Терзаемый совѣстію, презираемый, гонимый людьми, Юрій скрылся въ Орду, пошомъ скипался изъ земли въ землю, и кончилъ бѣдшвенную жизнь свою въ пуспынной обители близъ Венева (232).

---

(232) Арханг., Спроевск., Новгородскій, Тип. Лѣт. — Юрій умеръ и похороненъ въ упраздненной

Съ нимъ прекрашилась отдѣльная Исторія Смоленска, и родъ Росшислава Смоленскаго нереспалъ бышь въ числѣ владѣтельныхъ Князей Русскихъ.

Въ годъ бишвы Вишовша съ Монголами, умеръ вѣрный другъ ошца и дяди его, врагъ Москвы — *Михаилъ Тверской* (1399 г.). Ишпощивъ всѣ усилія въ борбѣ съ Москвою, и узнавъ безполезность ея въ послѣднюю войну свою съ *Димитриемъ* (1375 г.), Михаилъ около 25-ти лѣтъ княжилъ мирно, не былъ ни другомъ, ни врагомъ Москвы, поддерживалъ связи свои съ Липвою, и заботился шолько о сохраненіи независимости Твери. За нѣсколько лѣтъ до кончины, онъ подтвердилъ съ *Василіемъ* договоръ: не брапъ Великаго Княжества, если-бы Ташары и вздумали ошдавать ему; бышь за-одинъ

нынѣ, Николаевской обиттели, находящейся въ 17-ти верстахъ отъ Венева, и 25-ти верстахъ отъ Тульы. « Преспавися не въ своей ошчинѣ, но на чужой споронѣ въ изгнаніи, своего княженія лишенъ, и своей Княгини, и своихъ дѣшей, въ Рязанской землѣ, въ пущынѣ, въ монастырѣ у нѣкоего Игумена хришюлюбца, именемъ Петра, нѣколико дней поболѣвъ, преспавися, и проводиша его чеспью (*Троицк. Лѣт. Исп. Г. Р. V., прим. 196*). — Въ *Родославныхъ*: «И по Юрьи Смоленскіе Князья *извѣлися*.» — Чеспные роды ихъ были Князья *Оминскіе*, *Березуйскіе*, *Жижемскіе*, *Порховскіе*, и проч.

въ войнѣ Москвы съ Нѣмцами, Липвою и Монголами (233). Любимый народомъ, Михаилъ былъ горешно оплаканъ Тверишянами. Кончина его была прогашельна, исполнена пашріархальной простоты. Чувствуя смертельную болѣзнь, дошолъ всегда бодрый, не смолча на спароспъ, Михаилъ велѣлъ написать духовную, раздѣлялъ удѣлы сыновьямъ Іоанну, Василию, Θεодору, и внуку, сыну умершаго Князя Бориса. Въ это время пріѣхалъ изъ Царяграда Пропопъ Даниилъ, посланный съ церковною милосшынею, и привезъ Михаилу благословеніе Пашріарха: образъ Спрашнаго Суда (234). Михаилъ, казалось, ожилъ, велѣлъ вспрѣшпшь икону съ шоржеспивомъ, и самъ вспалъ съ одра смерш-

(233) Списокъ сего договора хранился въ Императорской С. Пешербургской Библиотекѣ (Карамзинъ, V, прим. 183). Замѣчательно, что это первая изъ древнихъ грамапъ, начинающаяся словами: «Божіею милосшыю,» и проч. — Дополъ всѣ начинались словами: «По благословенію Опца нашего Мшпропомиша,» и п. п.

(234) См. прим. 265. Описаніе кончины Михаила составляетъ особую спашью въ Лѣпописяхъ (см. *Строевск.* и другія). Она описана еще подробнѣе въ особомъ сочиненіи современника (См. въ Ник. Лѣш. ш. IV, стр. 285 и слѣд): *Повѣсть древняя о житіи Великаго Князя Мих. Алекс.*). Это сочиненіе украшено всѣми цѣфтами шогдашняго красворѣчія.

наго. Собравъ Духовенство и нищихъ, онъ далъ имъ великолѣпный обѣдъ; съ прудомъ сидѣлъ за столомъ съ ними, но выпилъ прощальную чашу, и подалъ каждому гостю изъ своихъ рукъ по чарѣ, говоря: «Проспите и благословиште!» Всѣ плакали, лобызая изнемогающаго Князя. Онъ просился пошѣмъ съ дѣтьми, Боярами, домочадцами, уговаривалъ всѣхъ на миръ и доброе житіе, и пошелъ въ соборную Спасскую церковь. Тамъ со слезами молился онъ, кланялся гробамъ родителей, и велѣлъ копать себѣ подлѣ нихъ могилу. Народъ шолпами собрался вокругъ церкви. Блѣдный, изнуренный, Михаилъ вышелъ, сшалъ на крыльцѣ церковномъ, и громогласно произносилъ, кланяясь на всѣ стороны: «Брашя! проспите и благословиште!» Слезы и рыданія народа смѣшивались съ словами: «Богъ проспишь, Богъ проспишь тебѣ, добрый Князь и Господинъ нашъ!» Ожидали, что Михаилъ возвратится во дворець; но, не имѣя уже силъ говорить, онъ указывалъ рукою на обишель Св. Аѳанасія. Туда повели его. Михаилъ велѣлъ поспричь себя, болѣлъ еще семь дней, и скончался подъ именемъ инока Машеія, Августа 26 д. 1399 г. — Дѣти не соблюли завѣща Михаила: Іоаннъ выпросилъ въ Ордѣ граману на все опцовское наслѣдіе, обижалъ брашьевъ своихъ, гналъ ихъ. Василій Димитріевичъ спарал-

ся миринъ Тверскихъ Князей, но безуспѣшно (235).

Вынужденный миръ Василя съ Новгородомъ не былъ поддерживаемъ, ни съ шой, ни съ другой стороны. Не дерзая на предпріятіе большое, Василій непрерывно припѣслялъ Новгородъ во всемя. Въ 1401 г. въ Москвѣ задержали и заключили въ Чудовъ монастырь Владыку Новгородскаго. Три года и чепыре мѣсяца онъ шерпѣлъ *нужду темникую*. Между тѣмъ Василій захватилъ двухъ знашныхъ Торжковцевъ. Войско его оняшь вошло въ Заволочье. Къ нему приспалъ удалецъ Анфалъ, бѣжавшій въ 1398 г., и разбойничавшій по Волгѣ и на Сѣверѣ, съ брапомъ Герасимомъ, который сбросилъ съ себя клубукъ монаха, насильно на него надѣшый, и мепилъ своей опчизнѣ грабежемъ. Новгородцы опбились. Анфалъ грабилъ послѣ того по Волгѣ и Камѣ, имѣя до 250 лодокъ; онъ едва не погибъ опъ Монголовъ, и былъ убитъ на Вяшкѣ другимъ Новгородскимъ удалцомъ, Разсохинымъ, вольно разѣзжавшимъ повсюду. Разсохинъ въ 1417 г. ходилъ опъ Великаго Князя, съ его дружиною и своею вапагою, грабиль Заволочье. Новгородцы разбили Иудальца, и преслѣдуя его въ бѣгшвѣ,

---

(235) Ист. Г. Р. ш. V, прим. 186, 213.

снова выгнали Услюгъ. Такъ мирился и ссорился Василій съ Новгородомъ (236). Вишовшъ спомалъ, шо за Москву, шо за Новгородъ. Бѣглецы изъ Липвы и Москвы жили безопасно у Новгородцевъ. Недовольные Вѣчемъ Новгородцы искали взаимно покровительсва у Великаго Князя. Ненависть между Новгородомъ и Московю увеличивалась безпрерывно. «Чему дивисься, если Новгородцы шо и дѣло кляшвопреступсвующь?» говорили Москвичи. «Издавна, они народъ суровый, непокорный, упрямчивый, непославный; сегодня правающъ, а завпра *рагозятся*. Кого изъ Князей они не прогнѣвали? Который изъ Князей угодилъ имъ? Даже и великій Александръ Ярославичъ не могъ имъ уноровишь! Если хочешъ испысать дѣянїя, разогни книгу: *Великій Лѣтописецъ Русскій*, и прочи ошъ Великаго Ярослава до нынѣшняго Князя (237).» . . . Описывая казнь убійцъ Максима Торжковца (1393 г.), Московскій Лѣтописецъ хладнокровно сказываешъ: «Повелѣнїемъ Князя Великаго казнили ихъ (*семьдесятъ* человекъ!) казню различною: инымъ ошсѣкали руки, инымъ ноги.» Но убїеніе Максима разгорячаешъ описателя: «Въ самый Великъ день» — говоришь

---

(236) Новг. лѣт. — Ист. Г. Р. т. V, прим. 194.

(237) *Троицк. лѣт.* (Карамзинъ, V, прим. 148).

онъ — «сошлись нѣкіе отъ Новгородцевъ, *стѣнники*, крамольники, челоуѣки суровые, люди свирѣпые, и убили Максима, мужа благовѣрнаго» — *доброхота Великокняжескаго* — сказываешь Новгородецъ, и шѣмъ объясняешь *благовѣріе* Максима (238). Описывая набѣгъ Новгородцевъ на Успюгъ, Лѣтописецъ увѣряешь, что Новгородцы будто-бы почивали икону Одигирии, взяшую изъ Успюжскаго собора *плѣнницею*. Лодка, на копорой повезли ее, не могла опчалить отъ берега. Спарикъ Новгородецъ, Ляпунъ, вскочилъ въ лодку, и сказавъ: «Никакой плѣнникъ несвязанный не пойдешъ въ чужую землю!» связалъ образъ плашкомъ. Но едва пошли Новгородцы, какъ начало имъ корчить руки и ноги, ломать спины, наконецъ всѣ они ослѣпли, и выздоровѣли только обрызгавши икону въ Успюгъ (239). Подобныя черпы любопытны: они показываютъ отношенія другихъ Руссовъ къ Новгороду.

Василій непрерывно болѣе ободрялся и становился смѣлѣе. Наконецъ, онъ дерзнулъ прошивиться — даже Виповшу! Началось за Псковъ. Въ 1406 г. Виповшъ нечаянно напалъ на Псковляня, пославъ въ Новгородъ договорныя гра-

(238) Троицк. Лѣт. (Кар. V, прим. 148) — Стр. Лѣт. I, 403.

(239) Арханг. Лѣт. стр. 99.

машы. Онъ взялъ городъ Коложе, споялъ два дня подъ Вороночемъ, грабилъ, жегъ, и ушелъ во свояси. Не смотря на размирье съ Нѣмцами, Псковичи раззорили въ опмщеніе Липовскую область, но молили Василю пособить имъ *съ тошное время*. Басилій вспунился, послалъ брата Константина во Псковъ, шребовалъ опъ Вишовша удовлешворенія, не получилъ его, и опсправилъ войско. Ожидали важныхъ слѣдшвій; но пешпъ и зяшъ хошѣли шолько перелукавишь другъ друга, а не воевапъ. Въ Маѣ, Москвичи безуспѣшно ходили къ Серпейску, Козельску и Вязьмѣ; Константинъ впадалъ въ Полоцкую обласпъ; самъ Василю повелъ войско, встрѣшилъ Вишовша, и остановился. Заговорили о мирѣ, заключили перемиріе, и продолжали набѣги (240). Въ 1408 г. выѣхалъ въ Москву Князь Липовскій Свидригелло Олгердовичъ, со множествомъ другихъ Князей, Боярѣ, Епископомъ Черниговскимъ Исаакіемъ и дружиною. Василю пакъ обрадовался Свидригеллу, что опшдалъ ему въ удѣлѣ Переяславль, Юрьевъ, Коломну, Ржевъ и другіе города. Можешъ бышь, онъ надѣялся, что Липовскій бѣглець будешъ важ-

---

(240) Пск. лѣп. (Кар. V, прим. 197). Въ *Ист. Гос. Росс.* сказано, что въ пособіе Василю приходили и Монголы (V, прим. 198); это невѣроянное извѣстіе взято изъ *Ник. Лвт.*

нымъ пособіемъ въ дѣлахъ прошивъ Виновша (241). Рускіе вышпустили тогда еще разъ въ походъ прошивъ Липвы. Виновшъ ждалъ ихъ, хошѣлъ мира, и поступилъ умѣренно: не требовалъ ничего ошъ Василя, и утвердилъ границею рѣку Угру, шакъ припомъ, что города Любушскъ, Перемышль и Козельскъ поступили во власшь Руси, и были присовокуплены къ удѣлу Владиміра Андреевича. Свидригелло оспался въ Руси, и скоро показалъ, что недо스포ишь былъ ласки, оказанной ему Василямъ (242).

Не ошъ пого-ли Виновшъ былъ шакъ снисходительнень, Василій шакъ смѣлъ, что Липовскій Князь опасался Эдигея, однажды испышавъ умъ и силу сего спараго Хана? Слыша о силь-

(241) Съ Свидригелломъ выѣхали: Князь Патрикій Наримановичъ и Александръ Звенигородскіе, Теодоръ Пупивльскій, Симеонъ Перемышльскій, Михаилъ Хошпешовскій, Урустай Минскій, Бояре сихъ Князей, и Бояре Любушскіе, Стародубскіе, и другіе (*Тип. Лѣт. свѣд.* 229).

(242) Рѣка *Угра*, важная съ сего времени въ дѣлахъ съ Липвою, начинается въ Смоленской Губ., близъ Ельни, печать на С. В., попомъ на Ю. В., сосшавляетъ часть границы между Калужскою и Смоленскою губерніями, и впадаетъ въ Оку, 11 верстъ выше Калуги. О Перемышль, Любушскъ и Козельскъ, Владиміръ говоритъ въ своей духовной.

номъ вооруженіи Ордынцевъ, Василій не беспокоился: Эдигей увѣдомлялъ его, что идешь на Липву. Вишовшу грозила между шѣмъ война съ Крестоносцами. Если въ самомъ дѣлѣ Василій вѣрилъ Эдигею, то онъ вскорѣ испышалъ пагубное вѣроломство Монголовъ. Неожиданно, зимою 1408 года, сильныя полчища Эдигея вдругъ успремались прямо на Москву, шакъ, что Василій не успѣлъ ни успрѣшишь ихъ, ни приготоовишься къ оппору. Спѣшили шолько ввеси дружины въ Кремль. Владиміръ Андреевичъ зашворился на *осадное сидѣнье*, съ брашьями Василя, Андреемъ и Пешромъ. Посадъ Московскій зажгли; нѣсколько тысячъ деревянныхъ домовъ выгорѣло; жишели сбѣжались въ Кремль. Василій опправился въ сѣверныя обласпи собирать войско. Эдигей примчался съ войсками въ концѣ Ноября. Монголы его разсыпались повсюду, и безпрепятшвенно выжгли и разграбили Переяславль, Дмишровъ, Юрьевъ, Ростовъ, Серпуховъ, Верею, Нижній Новгородъ, Городецъ; не брали кремлей въ сихъ городахъ, но успѣли захватишь множество плѣнныхъ и добычи. Между шѣмъ Эдигей неперпѣливо ждалъ Тверскаго Князя, недавно получившаго опъ него граману на Тверское княжество. Иоаннь обѣщаль явишься подъ Москву съ осадными орудіями, пушками, шюфяками, самоспрѣлами, но шолько выгадываль время, зная, что Мон-

голы медлить не будутъ , и что въ пропивномъ случаѣ на нихъ могутъ собраться и ударить ошвсюду. «Такихъ коварствомъ,» говорившъ современникъ , «перемудровалъ онъ всѣхъ , не раздражилъ Эдигея , не сгрубилъ и Великому Князю, гнѣва обоихъ избѣжалъ , поступилъ уменски , а еще болѣе истински (243).» Эдигей споялъ около шрехъ недѣль подѣ Москвою, не шель на приступъ , и , къ изумленію Владиміра, вдругъ началъ просить окупа , располагаясь отспушить. Съ радоснью согласились на предложеніе , дали 3,000 рублей ; Эдигей послалъ впередъ добычу , и 21 Декабря отспушилъ отъ Москвы, и пошелъ обратно. Тогда еще не вѣдали причины : Эдигей хотѣлъ показашъ Василию силу Орды , но онъ собралъ для сего всѣ средснва , до того , что въ его отспушвіе въ Ордѣ едва было не захвашили Хана неприятели , пришедшіе съ вооруженными шолпами (244). Василий возвратился въ Москву , увѣренный гореспнымъ опытомъ , что Орды не должно еще пренебрегашъ , и что не лзя полагашъ на хваспльивыхъ чужеземцевъ. Сколь умно и благородно поступилъ Тверской Князь , споль

---

(243) Троицк. Лѣт. (Ист. Г. Р. V, прим. 207). Нашеспвіемъ Эдигея оканчивалась сія погибшая Лѣтопись.

(244) См. прим. 250.

робко и низко Свидригелло: онъ прусливо укрылся ошъ Монголовъ, и поспѣшилъ ворошишься въ Лишву. Радуюсь спасенію Москвы, Рускіе жалѣли о раззореніи обласпей. «Избавили насъ Господь, Пречиспая его Машерь и Чудомворецъ Пешръ, коего праздникъ насупилъ вскорѣ, избавили ошъ великія печали,» говорипъ современникъ, «но зла учинилось всему Хрисціанству много, грѣхъ ради нашихъ, ибо вся земля была плѣнена, и не осшалось мѣспа, гдѣ не были-бы Ташары; а гдѣ они были, шамъ былъ убытокъ великій: все взято, пожжено, посѣчено, и въ плѣнъ уведено.» Описывая жаркія молишвы и обѣшы о спасеніи, другой прибавляешъ, что шогда богашые обѣщали наградишь бѣдныхъ, сильные не пришѣсняшь слабыхъ, судьи бышь правосудными, но «солгали предъ Богомъ: прошла бѣда, и всѣ забыли свои обѣщанія» (245).

Испыпавъ неожиданный ужасъ нашествія, не легче Тохшамышева, Василій получилъ хвѣстливую грамаху Эдигея.

«Ошъ Эдигея поклонъ Василью, да и много поклоновъ» — писалъ Ханъ. «Вопъ шебѣ нашъ

(245) Спр. Лѣт. I, 440. — Троицк. Лѣт. (Исп. Г. Р. V, прим. 208).

Царскій ярлыкъ и слово: посылалъ меня къ тебѣ Царь, по общей нашей думѣ. Слышали мы, что у тебя укрывающся Тохшамышевы дѣти, и для того приходили мы на тебя ратью. Да еще слышали мы, что у тебя не право дѣлается: Послы и гости изъ Орды къ вамъ прѣзжаютъ, а вы Пословъ и гостей на смѣхъ поднимаете, да еще великія обиды и испомы имъ чините. Все это не добро. Прежде улусъ вашъ спрахъ къ Царю держалъ, пошлину платилъ, Пословъ чтилъ, гостей принималъ безъ испомы и безъ обиды. Спроси у спариковъ, какъ прежде бывало. А ты нынѣ шакъ не дѣлешь, спариковъ не спрашиваешь, и, скажи, хорошо-ли поступаешь? Былъ Царь Темиръ-Кушлукъ—ты въ Ордѣ не бывалъ, Царскихъ его очей не видалъ, Князей и Бояръ, ни старыхъ, ни молодыхъ, ни сына, ни брата не прислалъ. Наспалъ Царь Шадибегъ, и у того ты не бывалъ, и никого, ни съ какимъ словомъ не прислалъ. Минуло царство Шадибега; Булашъ-Сулпанъ сѣлъ на царство, и уже прешій годъ царствуетъ—ты самъ не бывалъ, сына, брата, Боярина не прислалъ. Но надъ твоимъ улусомъ вѣдъ ты Великій Князь: ошъ тебѣ все зло, вся гордосшь, и всѣ твои дѣла недобры и неправы. Добрые нравы, добрая дума, добрыя дѣла были у тебя при Федорѣ Кошкѣ. Вашъ добрый былъ человекъ, и объ Ордѣ

шебѣ напоминалъ. (246). Теперь у тебя смѣть его Иванъ, казначей швой, любовникъ и старѣйшина; изъ его думы, изъ его слова ты не выступишь. И вопшь шебѣ его думою учинилась улусу швоему пакосшь и люди погибли. Не дѣлай пакъ, не слушай молодыхъ, и если хочешь сидѣшь на улусѣ своемъ, думай съ старыми Боярами и Земскими старцами думу добрую, ведущую на добро. Пришли къ намъ *старые оброки*, какъ при Царѣ Чанибегѣ, дабы швоему улусу *шкоты* не было, и людямъ было добро, и не гибли-бы они и держава швоя до конца, за швою гордосшь. Захочешь *освоиваться*, будешь работашъ, да бѣгашъ. Не худо-бы шебѣ безъ этого прожись, и безбѣдно въ своемъ улусѣ, но видишь самъ — нельзя. Когда кто шебя изъ Русскихъ Князей, или Липша, обижаель, сколько опъ шебя жалобъ! Пишешь, просишь обороны — покоя нѣпшь опъ швоихъ жалобъ, и все говоришь, что улусъ швой исшомился, выхода взяшь не на комъ. Мы вѣрили слуху, не выдавъ сами швоего улуса; ошкрылось, что все ты лгалъ, что ни говоришь въ граматахъ своихъ, посланныхъ въ Орду. Вопшь собиралъ ты у себя еъ двухъ сохъ по рублю подаши, а куда дѣвалъ ты это серебро? Будь-бы оно ошдано Царю по старинѣ, улусу шво-

---

(246) Слич. прим. 197 и 25.

ему зла не было-бы, люди свои не погибли-бы, и ярости и брани нашей им не испытали-бы (247). »

Едва-ли могъ Эдигей подтвердити на дѣлѣ самохвальное величіе, какое, изъяслялъ онъ въ письмѣ своемъ. Успѣхъ нашешвіа его можно приписатьъ всего болѣе скрытноспи пригошювленій Монгольскихъ, и неоспорожноспи, безпечноспи Рускихъ. Эпо могъ понимать Василій; но трудно было соблюсти хладнокровіе, видя дымящіяся пепелища сполькихъ городовъ, слыша плачь и рыданіе людей, осирошѣвшихъ опъ меча Ордынскаго. Вишовтъ, врагъ Орды, могъ сдѣлаться и другомъ ея. При шомъ бипва Задонская, и еще давно-ли бипва на Ворсклѣ, доказали ненадежноспъ успѣха въ прошивоборшвѣ Монголамъ. Письмо Эдигея поясняетъ полищику, какую до шого времени Василій наблюдалъ съ Ордою. Изъявленіемъ покорноспи Тохшамышу безпрепятственно получивъ Великое Княжество, и умноживъ его Суздадемъ, онъ неуспрашимо ждалъ нашешвіа Тимурова, радовался борьбѣ сего гибельнаго завоевателя съ Ордою, и послѣ него думалъ ошдѣлаться опъ Эдигея и Темиръ-Кушлука мнимою покорноспью и ласкашель-

---

(247) Письмо Эдигея въ *Собр. Гос. грамотъ*, т. II, N 15.

спвомъ. Темиръ-Кушлукъ скончался, вскорѣ послѣ бишвы на Ворсклѣ. Сынъ его, зящъ Эдигей, Шадибегъ сѣлъ на ханство Золотой Орды. Тогда еще разъ явился на Волгу Тохшамышъ, вывелъ помощниковъ изъ Сибирскаго опродія Монголовъ, и погибъ наконецъ, сражаясь за свое право (248). Осшавались дѣши его, скрывавшіеся въ Крыму, Лишвѣ, и даже въ Руси. Непримириная вражда къ Эдигею и роду его пережила въ нихъ Тохшамыша. Шадибегъ умеръ, или убишъ, почти въ одно время съ Тохшамышемъ. Сынъ его Булашъ-Сулшанъ воцарился въ Ордѣ. Но когда Эдигей раззорялъ Москву, дѣши Тохшамыша едва было не погубили Булаша. Въ 1410 году Эдигей жестоко раззорялъ Крымскіе ихъ улусы. Булашу соцарспвовалъ еще одинъ Ханъ, Тимуръ-Агленъ, владѣшель Аспрахани. Виповпъ снова подкрѣпилъ въ это время дѣшей Тохшамыша, и въ 1412 году, спаршій изъ нихъ, Зеленн-Сулшанъ ушвердился на шронѣ Золотой Орды, ибо Лишовцы съ одной, дѣши Тохшамыша съ другой спороны успѣли спѣснншъ Эдигея при Черноморскихъ берегахъ. Но сѣдой воинъ, опказавшнсь опъ власпвованія Золотою Ордою, упорно защищаль самого себя. Въ 1416 году онъ силь-

---

(248) Лерберга, *Ислѣдованія*, стр. 57 и слѣд. Тохшамышъ былъ убишъ въ 1407 году.

но впалъ въ Ливву, взялъ Кіевъ, ограбилъ, сжегъ его, и предлагалъ миръ Вишовшу своимъ особеннымъ, воспочнымъ образомъ выраженіи (249). Исторія Орды до кончины Василя Дмишрiевича представляешъ смѣшеніе непрерывныхъ воцареній и паденій Ханскихъ. Эдигей вызвалъ въ Золотую Орду Бухарскаго Князя Зебра; Вишовшъ держался дѣшей Тохшамыша. Дѣши Зелени-Султана, и новый искашель Баракъ, внукъ Уруса, кочевавшій близъ Азова, также вслупились въ дѣло. Все это сражалось между собою мечемъ и измѣною. Въ 1426 г. ушвердился наконецъ сынъ Барака, *Улу-Махметъ* (большой Махметъ), изгнавъ малолѣтнаго внука Шадибегова *Кичи-Махмета* (малаго Махмета). Ни Эдигей, ни другіе соперники не могли вырвать у него власши надъ Ордою (250).

(249) Онъ прислалъ къ Вишовшу шрехъ верблюдовъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, и 27-мь коней, приказавъ сказать ему: « Князь славный! въ трудахъ и славѣ настала наша старость. Помиримся на оспапокъ нашего вѣка. Кровь, пролишая нами въ битвахъ, уже высохла; бранныя слова наши развѣяны уже вѣтрами; злоба наша сгорѣла въ пламени войны.» *Джусошъ*, книга XI.

(250) Шадибегъ погибъ почти въ одно время съ Тохшамышемъ. Дѣши его были: *Булатъ Султанъ* (по Френу, *Пцладъ-Ханъ*), *Тилчуръ* и *Гайладъ Эддинъ*.

Не смотря на всѣ сіи волненія и бѣдствія Орды, Василій, послѣ нашествія Эдигея, уже

Тилмуръ-Аленъ былъ братъ *Шадибега*, по раздѣлу получившій *Аспрахань*; онъ сдѣлался *родонатальникомъ Астраханскихъ Хановъ*. Дѣшей у *Тохтамыша* было восемь: *Зелени Султанъ* (по Френу *Джелалъ-Эддинъ Ханъ*), воцарившійся въ Ордѣ съ 1412 г. — Другой братъ его, *Керимъ-Бердей*, убилъ *Зелени-Султана* въ слѣд. году, и тогда же погибъ, сражаясь съ прешимъ брапомъ, *Джиббаръ-Бердеимъ*, также убитымъ въ сіе время. Четвертый братъ, *Кебакъ*, заступилъ ихъ мѣсто и вскорѣ погибъ. Пятый, *Бердибекъ*, убитъ въ *Тавридѣ*, гдѣ рѣзались попомъ дѣши *Зелени-Султана*: *Бетсабулъ*, *Керимбердей*, *Яремфердей*. Сей послѣдній, при помощи *Виповша*, побѣдилъ всѣхъ братьевъ, и былъ *родонатальникомъ Крымскихъ Гиреевъ*, или *Хановъ* (см. далѣ). Шестой сынъ *Тохтамыша*, *Кадыръ-Бердей*, убитъ, сражаясь пропивъ вызваннаго *Эдигеимъ* изъ *Бухаріи* *Зебра* (или *Черкега*). Но седьмой сынъ, *Махмутъ* (по *Ланглесу* *Сеидъ-Ахматъ*, или *Улу-Магмедъ*), побѣдилъ *Зегра*; *Эдигея* и дѣшей его, изъ коихъ *Гайладъ-Эддинъ* (*Куйдадашъ*), *Хазу-Нурузъ* и *Мансуръ* бѣжали въ *Русь*. Бывъ прогнанъ въ 1422 году *Баракомъ*, сыномъ *Корійчака*, *Улу-Махмутъ* побѣдилъ его попомъ и умертвилъ. *Зебръ* разбилъ и зарѣзалъ наконецъ *Махмута*, но самъ былъ умерщвленъ подвластными за свое *пиранство*. Тогда сынъ *Барака*, *Улу-Махметъ* утвердился въ Ордѣ. Его прогнали было *Куйдадашъ*, *Нурузъ* и *Мансуръ*. Но *Куйдадашъ* вскорѣ умеръ. *Астраханскій Ханъ Седи-Ахметъ*, сынъ *Тимуръ-Алена*,

снова былъ данникомъ Ордынскимъ, предпочитающую унизишельную безопасность невѣрной борьбѣ. Въ 1412 году онъ даже самъ поѣхалъ въ Орду, кланяясь Зелени-Султану, нашелъ сего сына Тохшамышева убишымъ, билъ челомъ брашу его и убійцѣ Керимъ-Бердею, и уговорилъ сего Хана не помогать попомкамъ Суздальскихъ Князей, копорые въ 1410 г. получили было помощь Монголовъ, и нападали на Нижній Новгородъ и Владиміръ (251). Другіе Русскіе Князья слѣдовали примѣру Василя. Впрочемъ, сынъ Олега Рязанскаго былъ въ Ордѣ еще въ 1409 г., а Іоаннъ Тверской хощѣлъ даже изгнать брашевѣвъ посредствомъ Ханской граматы въ 1401 году, и Эдигей считалъ его другомъ и союзникомъ (какъ мы видѣли). Вѣроятно: покорность Ордѣ не была въ это время столь шягосшна, а поѣздки въ Орды столь унизишельны,

---

пришелъ тогда въ Орду, и имъ возведенъ былъ на царство малолѣтній сынъ впораго Шадибегова сына Тимура, *Киси-Махметъ*. Въ 1426 году, Улу-Махметъ снова овладѣлъ Ордою, и враги его укрылись въ Аспрахани (см. Изслѣдованія Г-на Бупкова).

(251) *Типоер. Лѣт.* стр. 233.—*Ник. Лѣт.* украсилъ это по своему; изъ него взялъ подробности Карамзинъ (п. V, прим. 211). Татаръ и Рускихъ всего было 300 человекъ; но они внезапно захватили Владиміръ, ограбили церкги и зажгли городъ.

какъ прежде. То и другое можно было почесть скорѣе оспорожною уклончиво спью. Орда уже оцѣняла силу Руси, и не имѣла ни времени, ни средствъ на большія предпріянія. Разныя Ханы набѣгали однакожъ на Русскія области отовсюду: въ 1415 г. Монголы жгли и грабили Елецкія и Рязанскія земли. Ханъ Баракъ приходилъ въ 1422 г. на Одоевъ; Ханъ Куйдадашъ былъ шамъ въ 1423 г., и оба ушли поспѣшно, разбиныя соединенными Липовскими и Русскими дружинами (252).

Слѣдственно, Липва и Русь были друзьями? Почти такими-же, какъ Орда и Москва. Обезопасивъ себя отъ Орды и спараго Эдигея мнимою покорностью, Василій обезопасилъ Москву и Русь отъ Липвы и спараго Вишовша мнимою дружбою. Впрочемъ, спарѣя, Вишовшъ упоминался дикою буйностью набѣговъ и походовъ, образовывалъ Липву по обычаямъ Польши, хопѣлъ не завоеваній, не побѣдъ, но—довольный обширною Липвою—прочности владычества и полишической независимости; еще болѣе хопѣлъ онъ шеперь чести и славы. Вишовшъ помышлялъ о совершенномъ оппорженіи Липвы отъ Польши, и введеніи ея въ кругъ Европейскихъ Государствъ, подъ именемъ *Королевства*. Все это

---

(252) Типографскій и Строевск. лѣп.

увлекало его въ дѣла Запада: Польши, гдѣ слабый Ягелло слушался его воли; Нѣмецкихъ Рыцарей, гдѣ мужественный Генрихъ фонъ-Плауэнъ просившася ему мечемъ и хипросшью; Богеміи и Германіи, гдѣ споры за вѣру и война Гуссишовъ обращали на Вишовша сильное вниманіе Императора и Папы (253).

Полишика Вишовша простиралась однакожь по прежнему на Русь и на Орду. Онъ не упускалъ случая вредить имъ, съ пользою себѣ, и уклоняясь отъ вражды, когда находилъ выгоды. Въ 1412 г. Вишовшъ едва не началъ воевать Новгородъ, опять за то, что Новгородцы не захотѣли по волѣ его нарушить мира съ Нѣмцами. Въ 1422 году, воюя Нѣмецкихъ Крестоносцевъ, Вишовшъ имѣлъ у себя дружины Московскія и Тверскія (254).

Замѣчательнѣйшее дѣло Вишовша по управленію Духовному, было совершено имъ въ 1415

(253) Констанскій Соборъ, осудившій Гусса, собрался въ 1415 г.—Въ 1419 г. свирѣпый Зиска овладѣлъ уже Прагою, и ничтожный пираниъ Венцеславъ умеръ отъ страха.

(254) См. примѣч. 273. — Исп. Г. Р. ш. V, прим. 216. Въ Кенигсбергскомъ Архивѣ находятся письма Великаго Магистра Нѣмецкаго о союзѣ Вишовша съ Рускими.

году. Совсѣмъ не раздѣляя ревности Ягелла, Вишовшъ былъ Каполикомъ довольно равнодушнымъ, и даже въ 1414-мъ году позволялъ еще въ Липвѣ идолослуженіе. Ягелло самъ прѣзжалъ погда испребляшь язычниковъ въ Самогиціи. Еще менѣе раздѣлялъ Вишовшъ ревность Папы и Ягелла, въ отношеніи христіанъ Греческаго исповѣданія. Въ обласняхъ Ягелла запрещены были даже браки между Каполиками и Православными; сихъ послѣднихъ не велѣно было опредѣляшь ни въ какія должности. Вишовшъ позволялъ всякому женишься на комъ угодно, и равно употреблялъ людей на дѣло, не спрашивая ихъ о вѣрѣ. Еще спраннѣе было видѣшь Мишрополиша Русскаго, живущаго въ Москвѣ, но управляющаго Духовенствомъ въ обласняхъ Липовскихъ. Кромѣ сильной власпи надъ умами, опасной правительству, Мишрополишъ обладалъ обширными помѣстьями; доходы съ нихъ, и сборы церковные со всей Липвы, шли въ *Московскую* Мишрополичью казну. Но пока живъ былъ Кипріанъ, дѣла не перемѣнялись. Онъ умѣлъ угождать Вишовшу, и уговоривъ Василія на подшверженіе древняго Владимірова и Ярославова суда (255), Кипріанъ оспавался на-

---

(255) Василій подтвердилъ древній Уставъ Владиміра о *Церковныхъ судахъ* (Ист. Г. Р. т. V, прим.

чальникомъ Липовскаго православнаго Духовенства до самой смерти (1406 г.) Послѣ прехлѣбнаго медленія, прислали изъ Царяграда въ Москву новаго Митрополиша, Грека Фошя. Онъ не имѣлъ ума изворошливаго, подобно Кипріану, былъ прямымъ, горячимъ поборникомъ Церкви, ссорился въ Москвѣ за церковныя имѣнія (256), не ѣхалъ въ Кіевъ, и вдругъ услышалъ о доносѣ на него всѣхъ Липовскихъ Епископовъ Вишовшу. Въ 1414 г. Епископы Чернигова, Полоцка, Луцка, Владиміра, Галича, Смоленска, Холма, Червени и Турова, предсхавили Вишовшу о небреженіи Фошя къ паспвѣ, о сборѣ доходовъ въ чужую землю, о помѣ, что Фошій полько грабишь ихъ и своевольшвуешъ, даже увозишь изъ Липвы въ Москву церковныя ушвари. Ви-

---

233). Карамзинъ напрасно опвергалъ сіе подшверженіе, которому вѣрили современники и попомки. Мы будемъ говоримъ объ этомъ впоследствии подробнѣе. При гробѣ Кипріана читали его духовную; «*Граматы не знаемъ и страннолѣпну, яко прощальницю.*» Она привела въ слезы всѣхъ присутствовавшихъ, и съ того времени успановили: читать ее при гробѣ каждаго умершаго Митрополиша (смотри. ее въ *Типоер. Лѣт.* стр. 222). — Кипріанъ ввелъ въ Руси лѣтосчисленіе съ Сентября мѣсяца (Исп. Г. Р. ш. V, прим. 246).

(256) См. въ его Духовной (*Собр. Гос. грамотъ*, ш. II, N 17).

повшъ согласился съ обвиненіемъ, опнялъ всѣ помѣстья Фопія, и велѣлъ избрать въ Липвѣ новаго Митрополища Кіеву, Липвѣ и Волини. Епископы опреклись, говоря, что не имѣюшъ на по власпи. Вишовшъ опправиль въ Царьградъ избраннаго имъ монаха Григорія; просиль Греческаго Пашріарха удостойшъ сего избранника саномъ Митрополища; препроводиль и доносъ Епископовъ на Фопія. Испуганный Фопій ѣхаль уже въ Липву; но его не пусшили ни шуда, ни въ Царьградъ, когда онъ рѣшился въ Греци предупредиль умыслы; даже ограбили его дорогою. Фопій надѣялся однакожь, что въ Царьградѣ Императоръ и Пашріархъ не выдадушъ его. Въ самомъ дѣлѣ Григорію опказали, говоря, что Фопій естъ *Митрополитъ Литвы и Руси*. Но Фопій и Греки скоро раскаялись въ своемъ поступкѣ. Вишовшъ собралъ Соборъ Епископовъ и Духовенства въ Вильнѣ. Ушверждаясь на правилахъ Св. Апостоловъ, на избраніи Митрополища Клименша при Изяславѣ, ушверждая, что мздоимство Царьградскихъ Грековъ производиль раздоры и соблазны, кляясь, что избраніемъ Митрополища не опшвергающа опшъ Православія и опшъ покорности Вселенскимъ Пашріархамъ, собранные на Виленскомъ Соборѣ духовные люди избрали инока Григорія въ Митрополища Кіевскаго и Волинскаго. Сей свящитель опшличался умомъ, ученостію, кро-

поспѣю и православіемъ. Но Фотій и Русское Духовенство спрашно проклинали его; обвиняли Вишовша въ разъединеніи Церкви «самочинно, мучительски, самозаконно, по своему хошѣнію;» называли Епископовъ, избравшихъ Григорія, «плопоугодниками, мірскими прислужниками, гнусными рабами, поставившими мерзкаго ерешика, и въ священную одежду одѣвшими непошребнаго.» Громы Фотія всего болѣе успрямлялись на самого Григорія. «По Божественнымъ и Священнымъ Законамъ»—писалъ Фотій—«онъ изверженъ, проклятъ и оплученъ. Осуждаемъ Епископовъ его соборища непошребнаго, священниковъ, всѣхъ, кто приобщается Григорію, или благословеніе его приемлетъ; мірской чловѣкъ, священникамъ ошъ Григорія поставленнымъ, или ему самому покорный, да будетъ изверженъ и проклятъ. Молимъ Православныхъ не сходишься съ ними ни въ какомъ дѣйствіи, ни въ пищѣ, ни въ пиціи, ни въ дружбѣ, ни въ обѣдахъ, ни въ мирѣ, ни въ любви» (257). Но все было шщепно.

---

(257) Избирашельная грамата Григорія Цамблака, въ *Ник. Лѣт.* V, 59. — Слич. въ *Слов. Дух. писателей*, т. I, стр. 97 и слѣд. О грамотахъ Фотія, см. *Исп. Г. Р.* V, прим. 241, *Типогр. Лѣт.* стр. 242, *Спр. Лѣт.* I, 450.

Между тѣмъ , среди всѣхъ споль различныхъ событій, однимъ изъ важнѣйшихъ понеченій Василія была забопа объ успройспвѣ наслѣдства. Онъ имѣлъ сына , Иоанна , и хопѣлъ ему ушвердишь Великое Княжеспво. Иоаннъ умеръ въ 1117 году. Тѣмъ сильнѣе хопѣлъ Василій передашь провъ Великокняжескій другому сыну, Василью, родившемуся въ 1115 году. Рожденіе сего замѣчательнаго Князя было ознаменовано чудомъ, по сказаніямъ современниковъ ; по другимъ извѣстіямъ, Василій долго подозрѣвалъ Софію въ невѣрности ; но онъ забылъ всѣ подозрѣнія, спараясь о будущей участи сего единешвеннаго своего сына. Мы имѣемъ Духовную Василія, писанную въ 1106 году, неизвѣстно по какому случаю. Онъ опдаешъ въ ней Иоанну Великое Княжеспво , но не смѣешъ говоришь ушвердительно. Исчисляя частный удѣлъ свой, Василій упоминаешъ о прѣпи Москвы и Коложнѣ. Далѣе : « *А дастъ Богъ сыну моему Князю Ивану Княженіе Великое держать* (слѣдуешъ исчисленіе того , что тогда получаешъ машь его) — « *А дастъ Богъ сыну моему Князю Ивану держати Новгородъ Нижній, да Муромъ* (опяшь исчисленіе, что выдѣлишь тогда мапери). Юному Константину Димитріевичу (ему было тогда 17 лѣтъ) Василій придавалъ къ удѣлу Успюжну и Тошню. Онъ поручалъ сына дядѣ Владиміру, и брашьямъ Андрею и Пешру, говоря: «О своемъ

сній, и о своей Княгинѣ покладаю на Бога, и на своего дялю Князя Владиміра Андреевича, и на свою брашью, Князя Андрея Димитріевича и Князя Пешра Димитріевича, по докончанію, какъ имущъ печаловашися.» Договори этого докончанія уцѣлѣли. Они заключены были за годъ до шого. Андрей и Пешръ поклялись, по уговору мащери и Мишрополища Кипріана: «Чѣмъ благословилъ шебя ошець нашъ, Князь Великій въ Москвѣ, и Коломною съ волосщыми, и *осямъ Великимъ Княжествомъ, или то еси примыслилъ*, и шого намъ подъ шобою блющи, и не обидѣши, и подъ твоими дѣтьми также нашими дѣтямъ. А по грѣхамъ, Господине, Богъ ошведешъ, по нашимъ, шебя, а намъ Господине, шого всего шакже подъ швоею Княгинею, и подъ швоими дѣшыми блющи и не обидиши, и бышь съ ними за одинъ.» — Владиміръ, получивъ шогда Угличъ и Козельскъ въ обмѣнъ Волока и Ржева, и однажды навсегда ушпунивъ право наслѣдшва, клялся, что «если опшмешъ Богъ Великаго Князя, онъ будешъ имѣшь сына его *въ его мѣсто*, обязуясь ему и дѣшямъ его, Великое Княжешво, какъ было за Димитріемъ, блющи, и не обидѣшь, не вшпунашься, печаловашься и боронишь» (258). Видимъ

---

(258) О чудесахъ при рожденіи Василя Васильевича, см. *Тип. Лѣт.* стр. 237. О подозрѣніи ошца

обспояшельство замѣчательное: имя *второго* по Василю брата, *Юрїа Дмитріевича*, владѣтеля Звенигорода, Рузы и Галича, не упоминалось въ договорахъ. Онъ не общалъ: не обидѣлъ, блюсти, печаловашъ дѣшей Василя, и не сступался имъ Великаго Княжества. Не знаемъ: спорилъ-ли о наслѣдствѣ Юрїй; но согласія его не находимъ. Важный вопросъ: Владиміръ, уступая права, и Димитрій, отдавая Великокняженіе своему сыну, передавали-ль его именно въ родъ *Василїа*, или Димитрій передавалъ его сыновьямъ своимъ, а Владиміръ вообще уступалъ роду *Димитрія*? Духовная Димитрія говоритъ ясно: «А по грѣхамъ опыменеъ Богъ сына моего Князя Василя, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино шому сыну моему Князь Васильевъ удѣлъ (259).»—

его въ невѣрности Софїи Вишовповны, см. Герберштейна, Reg. Moscov. стр. 6. Духовная Василя 1406 г. нах. въ *Собр. Гос. грамотъ*, т. I, № 39. Причина написанія оной неизвѣстна. Впрочемъ, тогда умерла мать Великаго Князя. Не она-ли, передъ смертію, уговорила Василя не спорить о наслѣдствѣ съ братьями? Тогда-же началась война съ Вишовпомъ. Василій могъ опасаться послѣдствій сей войны. Договоръ съ Князьями Андреемъ и Пепромъ, см. въ *Собр. Гос. грамотъ*, т. I, № 37, а съ Владиміромъ № 38.

(259) См. выше, прим. 175.

Томъ V.

17

Замѣшимъ, что въ договорѣ Владиміра съ Василиемъ, Юрій былъ названъ *равнымъ* Владиміру брашомъ, всѣ другіе брашья *младшими*, Василий старшимъ. И пакъ Юрій *имѣлъ право на Великое Княжество*. Слабые брашья его могли уступашь то, что имъ вовсе не принадлежало: онъ не хотѣлъ. Бывъ всегда вѣрными союзниками Василия, брашья, кажешся, тогда разрознились душами, въ спорахъ о наслѣдствѣ (260). Тѣмъ болѣе могъ негодовашь Юрій, отецъ прехъ сыновей — Василия (прозваннаго *Косымъ*), Дмипрія (прозваннаго *Шемлякою*), другаго Дмипрія (прозваннаго *Краснымъ*). И кому-же должны были уступашь онъ и дѣши его? Дишяши, едва вышедшему изъ пеленокъ, кошораго самое рожденіе было по-

---

(260) «Имѣши ти меня, Князя Великаго, *братомъ старѣйшимъ*, а брата моего Князя Юрья *братомъ*, а брашью мою молодшую *братъею молодшею*.» Такъ и въ договорѣ съ Феодоромъ Рязанскимъ, Юрій поставленъ *отдѣльно отъ друцеихъ братъевъ*, наряду съ Владиміромъ *дядею* (Собр. Гос. грамотъ, стр. 62, 65).—Юрій ѣздилъ въ Орду при вспуленіи на тронъ Василия; ходилъ попомъ на Новгородъ въ 1393 году, на Волгу въ 1399 г. — Въ 1400 г. Юрій женился на дочери Князя Смоленскаго. Послѣ пораженія Витовта на Ворсклѣ, Москва хотѣла укрѣпипь союзъ съ врагами его, и, конечно, не женипъбою брата, враждебнаго Великому Князю, могла укрѣпипь оный.

дозришельно! Конспаншинъ приспалъ къ Юрію, и не хошѣлъ поскупиться правами наслѣдства племяннику. Василій разсердился: онъ захватилъ удѣлъ Конспаншина, принудилъ его бѣжать въ Новгородъ, и помирился только черезъ годъ (261). Юрій умѣлъ уклониться отъ явной вражды. Можешь быть, Василій и не считалъ нужнымъ его собственнаго согласія, даже нарочно умалчивалъ о немъ, думая, что владѣтель Звенигорода не выдержитъ борьбы, даже не осмѣлился на нее, когда проптивъ него будетъ все Великое Княжество, братья, Митрополишь, и рѣшеніе Орды, купленное золопомъ. Онъ думалъ еще болѣе укрѣпить сына своего, назначивъ попечителемъ ему дѣда его Вишовша (262).

Но все еще колебался Василій. Намъ оспались двѣ духовныя его граматы. Въ одной онъ отдастъ прямо и безспорно Великое Княжество сыну, говоря: «благословляю своею вопчиною, Великимъ Княженьемъ, чѣмъ благословилъ меня ошець мой.» Въ другой, отдавая собственный удѣлъ

(261) Карамзинъ порицаетъ за эту ссору Конспаншина (т. V, стр. 214). Но справедливо-ли претованъ высшихъ понятій о государственномъ благѣ отъ сего Князя? Слич. Новг. Лѣт. 1420 года.

(262) См. далѣе. Софья Вишовшвна ѣздила къ опцу своему въ 1422 году (Тит. Лѣт. стр. 249).

свой сыну, онъ говоритъ: «А дастъ Богъ сыну моему Великое Княженъе, ино и я благословляю сына своего, Князя Василья.» Замѣшимъ, что въ первой духовной онъ говоритъ условно о Нижнемъ Новгородѣ; напрошивъ, въ другой ушвердительно ошдаетъ его сыну. Не хотѣлъ-ли Василій удовольствовашъ Юрія *Суздальскимъ Княжствомъ*, за отрѣченіе опъ Великаго (263)? При обѣихъ духовныхъ были свидѣтелями Князя Андрей и Пешръ, и дѣши Владиміра; при первой свидѣтельствовалъ и Константинъ. Въ обѣихъ Василій «приказываетъ сына и супругу брапу своему и шестю Великому Князю Вишовпу, общавшему печаловашъ о нихъ.» Обѣ духовныя ушвердилъ Греческою своею подписью Мишрополишъ Фопій. Но которая *писана прежде?* Не хотѣлъ-ли Василій вшорю духовною очиспшъ совѣшъ свою, опврашишъ междоусобіе, въ шо время когда близился

---

(263) Духовныя Вас. Дим. въ *Собраніи Гос. грамотъ*, ш. I, № 41, 42. Въ первой изъ нихъ: «Аже ми даешъ Богъ Новгородъ Нижній, и азъ Новгородомъ Нижнимъ благословляю сына своего Князя Василья, со всѣмъ.» Замѣшмъ, что малолѣпный Іоаннъ (умершій въ 1417 году) именовался *Княземъ Нижегородскимъ* (Тип. Лѣш. стр. 241). Не хотѣлъ-ли Василій и при Іоаннѣ сдѣлашъ сію замѣну Москвы, если-бм Юрій зашпорилъ?

къ нему часъ опчеша за всю жизнь — полезную для Государства, но въ глазахъ умирающаго Христіанина, въ судѣ совѣсти, помраченную гибелью родныхъ брагъевъ маперы, дружбою съ невѣрными, преданіемъ власпи надъ Кіевскою Церковью чужеземцу, безбожнику, успункою родныхъ за корысть мірскую, и шѣмъ, что гошвилось въ будущемъ? Бѣдшвіа ешесшвенныя особенно печалили Русь въ послѣдніе годы княженія Васиіева: язва, неурожай, жесткокая зима, смѣнялись ежегодно. Все эшо могло расположишь душу Великаго Князя къ раскаянію (264).

Можешъ бышь и раскаявался Васиіій; но вопросъ о наслѣдствѣ не былъ имъ разрѣшенъ, и приготоовиль для Русскихъ земель гибель и бѣдшвіа, междоусобія и злодѣйшва, какими давно уже не безславили себя Князья Русскіе!

Дѣйшвуа въ государшвенныхъ дѣлахъ, какъ полипикъ съ уклончивою свѣспью, Васиіій былъ однакожъ ошмѣнно набоженъ, сооружалъ церкви и монашмыри, посмалъ богащя милосшмыни въ Грецію и Палеспину, и конечио не для шщеславія, и не изъ разчешовъ. Ошправиль, съ монахомъ Осябею, въ 1398 году, большое количество серебра къ Императору и Пашріарху, слыша, что опъ осады Царяграда

---

(264) См. далѣе.

Турками, «Царь, Папріархъ и прочіе люди находящія въ печали великой и оскудѣніи.» Ослябя возвратился въ Москву съ *пожинкомъ* ошъ Царя и Папріарха, «чудною иконою, на которой написаны были Спасъ, Ангелы, Апостолы и Праведники, всѣ въ бѣлыхъ ризахъ.» Василій уговорилъ и другихъ Князей помочь Греціи. Мы упоминали о Михаилѣ Тверскомъ; кошерому также принесли образъ изъ Царяграда, передъ самою кончиною (265). — Замѣтимъ, что дочь Василя выдана была (1414 г.) за Греческаго Царевича, кошерый царшвовалъ впослѣдствіи подъ именемъ Іоанна Палеолога (266).

Великая Княгиня Евдокія, машъ Василя, скончалась въ глубокой старости, 1407 г., принявъ санъ иноческій, съ именемъ Свяшой за благочеспивую жизнь. Она первая изъ Русскихъ Княгинь погребена была въ Вознесенскомъ монастырѣ, кошерый заложила въ годъ своей смерти (267). Съ шѣхъ поръ;

---

(265) *Тил. Лѣт.* стр. 210. О Михаилѣ, см. прим. 234

(266) *Мет. populog.* II, 1033. Анна Васильевна скончалась въ Греціи въ 1417 году. Несчастный супругъ ея царшвовалъ съ 1425 до 1448 года, владѣя шолько однимъ Царяградомъ, плаша шяжкую дань Туркамъ, и шщетно покоршвуя Папѣ на Флореншійскомъ Соборѣ.

(267) *Тил. Лѣт.* стр. 227. Монастырь Вознесенскій ошавался неконченнымъ до 1468 года (*Стр.*

сія обитель сдѣлалась мѣстомъ погребенія Великихъ Княгинь и Цариць , какъ Архангельскій соборъ былъ кладбищемъ Князей и Царей Русскихъ: тамъ видише рядомъ гробы Елены Глинской и Маріи Шуйской , Анастасіи Романовой и Напаліи Нарышкиной , Евдокіи Лопухиной и Евдокіи Спрѣшневой. . . .

Лѣт. II, 93). Мы упоминали о построеніи Евдокіею Рождественскаго монастыря (прим. 139), вѣроятно , въ память Куликовской битвы. Въ *Ист. Росс. Иерархіи* (т. V, 689) сказано, что *когда* и *когда* построенъ сей монастырь, неизвѣстно. Но въ *Лѣтописяхъ* (Кар. т. V, прим. 254), подъ 1393 г., именно сказано : « Княгиня Великая Овдошья Демітріева поставила на Москвѣ церковь камену , зѣло чудну и украси ю сосуды златы и серебряны... Сотворила паче всѣхъ Княгинь Великихъ , развѣ поцію Маріи , Княгини Всеволода, внука Мономахова , иже въ Володимірѣ.» Митрополитъ Кипріанъ освящалъ новую церковь , при чемъ были Вел. Князь , и братья его , Юрій , Андрей , Пешръ , Констаншинъ. Замѣтимъ здѣсь (въ дополненіе къ прим. 139), что на Куликовомъ полѣ также была построена церковь Рожд. Богоматери , отъ чего , вѣроятно , и получило названіе *село Рождественское* , находящееся на семь полѣ , близъ устья Непрядвы. Но церковь въ этомъ селѣ нынѣ деревянная , позднѣйшая ; древней церкви нѣтъ даже и слѣдовъ (см. *Село Рождествено-Монастырщина* , соч. М. Н. Макарова , М. 1826 года). Евдокія посприглась передъ кончиною , и причтена попомъ къ лику святыхъ , подъ именемъ *инокони Евфросиніи* (см. *Ист. Р. I. т. II* , стр. 299).

Святой старецъ Сергій прешель въ вѣчность 25 Септября 1392 года. Современники славили его при жизни, и чудеса его гремѣли по всѣмъ обласпямъ Русскимъ. Эдигей опустошилъ обитель Сергія въ 1408 году; но зданія оной вскорѣ возобновились. Усердіе Христіанъ умножилось еще болѣе, когда въ 1422 году обрѣтены были неплѣнныя мощи Св. Сергія. Юрій Димитріевичъ (лишившійся въ пошъ годъ супруги своей, находился въ сіе время въ обители Сергія, и жертвовалъ богатствами на украшеніе монастыря, на поспроеніе церкви надъ гробомъ Святаго мужа, донинѣ сущесшующей; ее склали всю изъ бѣлаго камня (268).

Въ 1440 году почилъ навѣки, храбрый, добрый Князь Владиміръ Андреевичъ. Онъ оставилъ подробную духовную, раздѣлил свое Княжесшво на удѣлы дѣтямъ, далъ *Юанну* Серпуховъ, *Алексинъ*, *Козельскъ*, *Симеону* Боровскъ и половину Городца; *Ярославу* другую половину и Малоярославецъ; *Андрею* Радонежъ, *Василію* Перемышль и Угличъ. Съ предусмотрительною заботливосшью обозначилъ Владиміръ всѣ мѣлочи въ сношеніяхъ, взаимно между дѣшми и съ Великимъ Княземъ. Свидѣшелями духовной его были Никонъ, Игумень Троицкій, преемникъ Св. Сергія, и Савва, Игумень Спасскій. Владиміръ умолялъ

---

(268) Ист. Росс. Іерархіи, т. II, стр. 63.

Василія бысть заспуникомъ и опцомъ дѣшеі его.. Худо исполнилась просьба умирающаго. Впрочемъ, Великій Князь до кончины своей печаловалъ дѣшеі Владиміра, какъ опецъ ; но не шакъ поступалъ съ ними наслѣдникъ его, кошорому сполько жершвъ приносили дѣши Владиміра (269)!....

Въ сихъ событіяхъ прошекли послѣдніа семнадцатъ лѣшъ жизни Василія Дмишрїевича, о кошорыхъ вообще извѣсіа недоспапочно и неполны. Онъ скончался 1425 года, Февраля 27-го, на 53 году опъ рожденія, княживъ 36 лѣшъ, и положень былъ въ Архангельскомъ соборѣ, подлѣ гроба опцовскаго.

Не заслуживъ имени славнаго, не прїобрѣшя и любви подданныхъ, Василій былъ однакожь весьма замѣчательный попомокъ Калишы и Симеона Гордаго. Безжалостный въ дѣлахъ государспвенныхъ, уклончивый въ бѣдѣ, швердый въ несчастіа, онъ поддержалъ, упрочилъ величіе, самобышность Велика-

---

(269) Духовная Владиміра въ *Собр. Гос. грамотъ*, ш. I, № 40. Она занимаетъ одиннадцатъ столбцевъ, in fol. Владиміръ распорядилъ даже учаспки рыбныхъ ловлей въ удѣлахъ своихъ сыновей. Такъ подробно распредѣлялъ онъ будущимъ ихъ жребіемъ. Суета суестспвій! Черезъ пяшдесять лѣшъ — послѣдній *внукъ* его умеръ въ пемницѣ, а правнукъ скипался на чужбинѣ, положилъ шамъ голову, и рода Владимірова не было даже въ поминѣ!

го Княжесшва , и умѣлъ пользоваться удивительно счастливыми случаями жизни своей : мы разумѣемъ нашесшвіе Тимура на Орду и бишву Вишовша съ Эдигеемъ. Безъ того , Орда могла-бы раздавить Москву ; по крайней мѣрѣ , могла-бы продолжитъ еще на много лѣтъ владычество надъ нею. Лишва также уничтожила-бы Москву безъ несчастной бишвы на Ворсклѣ. Важную оплошность Василя — допущеніе Эдигея къ Москвѣ , мзвиняемъ коваршвомъ сего хишраго Ордынца , и шѣмъ , что Эдигей въ самомъ дѣлѣ посшупилъ слишкомъ дерзко , опшваживаясь на сей *последній* сильный ударъ , нанесенный Золошою Ордою Москвѣ , и нанесенный удачно. Не знаемъ причинъ , почему Василя не высшупилъ на встрѣчу Эдигею ; но не винимъ его въ робосши душевной , ибо знаемъ , что онъ смѣло спалъ прошивъ Тимура , и кошомъ также смѣло шелъ прошивъ Вишовша , когда хишросши не помогали. Но слѣды ошибки или неосшорожности скоро изгладились , а походъ Эдигея къ Москвѣ едва-ли не былъ причиною послѣдовавшей за шѣмъ слабосши и безсилія сего Хана , дошолѣ гордаго и опшважнаго. Безчеловѣчіе , съ какимъ погублены были Василюемъ Суздальскіе Князья , и своѣкорышное упоршво , съ какимъ хошѣлъ Василя оставишъ Великое Княжесшво сыну , заслуживающъ упрекъ сердца ;

но — опкажемъ-ли въ похвалѣ симъ дѣламъ, какъ дѣйствіямъ государственной Полишики?

Княженія Василя и сына его сославляли послѣдній періодъ самобышной жизни Новгорода. Любопышно дополнишь обзорніемъ погодашняго состоянія сего вольнаго города Исторію Руси, въ концѣ XIV-го и началѣ XV-го вѣка.

Указавъ на значеніе Новгорода въ Исторіи Руси послѣ нашествія Монголовъ (270), скажемъ, что въ началѣ XV-го вѣка Новгородъ, при усилившемся новомъ образованіи Русскихъ земель, былъ уже вовсе неумѣстнымъ, ибо не смогалъ уже бороться съ Москвою. Онъ долженъ былъ пашь. Вокругъ самыхъ опдаленныхъ его обласпей облегли земли Великокняжескія. Москва безпрерывно спремилась — не воевать, но — покорить Новгородъ и ниспровергнуть образъ правленія, рѣзко опличавшійся опъ полишическаго образованія опальной Руси. Упорно споя за свою *старину*, Новгородъ не поддавался, и враждѣ съ Москвою не было конца! Еще крѣпко бились, умно дѣйствовали Новгородцы; но спасеніе ихъ во времена Василя заключалось уже не въ шомъ: ихъ спасало одно шолько соперничество Липвы съ Москвою. Вишовшъ жадно искалъ случая завладѣть Новгородомъ, но не хошѣлъ опкрышо биться за

---

(270) См. выше, стр. 16, 23.

него съ Васи́лемъ. Васи́лій безпрестанно думалъ объ овладѣннѣ Новгородомъ, но боялся зашпунленія Вишовша. Эшимъ пользовались Новгородцы; они ловили и всѣ другія средства и случаи: у нихъ было ошкрыто прибѣжище бѣглецамъ Липвы и Москвы: Князья Смоленскіе, Ростовскіе, Бѣлозерскіе, Липовскіе, Суздальскіе, жили въ Новгородѣ, ѣли хлѣбъ Новгородскій, спасались ошъ пюрмы, грозившей имъ на родинѣ, и ходили съ Новгородскими дружинами на войну. Кромѣ того, Новгородъ принималъ не однихъ бѣглецовъ, но и Князей, съ чesпью выѣзжавшихъ къ нимъ; давалъ имъ удѣлы и вручалъ воеводшво; онъ принималъ ихъ равно ошъ Липвы и Москвы — различія не было: шакъ въ Новгородѣ жили Семень-Лугвеній Олгердовичъ, дѣпи и внуки Нариманша и другіе Князья Липовскіе, иногда въ одно время съ Юріемъ, Андреемъ, Констаншиномъ и Пешромъ Московскими (271). Но все дѣмалось временно и по волѣ: Новгородъ успѣлъ наконецъ удалиться ошъ себя пошюянныхъ Князей Новгородскихъ, и допускалъ единшвенно Намѣшниковъ Великокняжескихъ, не имѣвшихъ ни силы, ни вліянія Княжескаго,

---

(271) Напримѣръ, Констаншинъ Димпріевичъ пріѣхалъ въ Новгородъ Намѣшникомъ въ 1408 г., когда былъ тамъ приняшъ Симеонъ Олгердовичъ.

и наблюдавшихъ только за денежными сборами (272). Поддерживая свою вольность, Новгородъ особенно не допускалъ Липвы и Москвы вмѣшиваться въ дѣла его съ Нѣмцами и Шведами. Онъ готовъ былъ лучше идти на бишву съ Вишовомъ и Васиємъ, нежели уступить имъ права войны или мира. Опдѣльно отъ Москвы Новгородъ заключалъ договоры съ Смоленскомъ, пока сіе Княжество существовало, съ Тверью, и съ самою Липвою, не спрашиваясь Липвы въ договорахъ съ Москвой. Мы видѣли все это изъ событій 1393, 1396, 1404 гг. Тщательнымъ стараніемъ удались всѣ поводы къ самовластію, объясняешся и по упорству, съ какимъ спояли Новгородцы за независимость суда своего Архіепископа.

Послѣ мира съ Нѣмцами (1394 года), который такъ сильно защищали Новгородцы отъ Вишова и Василя, они по два года сражались съ Шведами. Въ 1392 г. Князь Лугвеній прогналъ полны разбойниковъ Шведскихъ изъ Невы; въ 1395 г. Князь Бѣлозерскій отбилъ набѣгъ ихъ отъ Яма, гдѣ опять являлись они въ 1397 году. Важнѣе былъ походъ Новгородскій въ 1411 году,

---

(272) Такъ началось съ самага Калипы. Мы видѣли усилія Новгородцевъ избавившяся отъ суда Мишрополичьяго.

когда за набѣгъ на Корелу, Лугвеній мстиль Шведамъ раззореніемъ около Выборга, и у самаго сего города сжегъ *охабень*. — Въ 1412 г., послѣ жестокой войны съ Нѣмцами, Вишовшъ разсердился на Новгородъ, вызвалъ къ себѣ Лугвенія, и прислалъ оброчно къ Новгородцамъ всѣ мирныя ихъ договоры. «За чѣмъ не объявили вы Нѣмцамъ нелюбія, когда я воевалъ съ ними?» говорилъ Вишовшъ. «Я не позвалъ-бы васъ на войну, но оставилъ въ запасѣ. Какъ смѣли вы опшвѣчашъ мнѣ, что вы равно въ мирѣ съ Липвою и съ Нѣмцами? Да ваши-же люди намъ лаяли, насъ безчествовали, срамопили, *поганымъ* называли. Вы-же держите у себя и врага нашего!» Тогда жилъ въ Новгородѣ изгнанникъ Θεодоръ Юрьевичъ Смоленскій. «Брашья Новгородцы! обо мнѣ съ Вишовшомъ нелюбія не держите!» сказалъ Θεодоръ, и уѣхалъ въ Нѣмецкую землю. Вишовшъ умилошпивился, и въ 1414 году заключилъ миръ по *старинѣ*. — Въ 1419 году, Норвежцы раззоряли берега Бѣлаго моря, мстя за обиды Новгородскія (273). Годы 1417 и 1418-й

---

(273) *Нове. Лѣт.* — Слова Вишовша: «Клялися намъ служить, и вамъ было Нѣмцамъ пакожъ сложиши (кляшву), а съ нами заедино спашите, и закрѣпите на обѣ спороны въ запасѣ, а чпобы по ся пригодило; а полько-бы ся не пригодило, ино-бы изъ шого ничего не было... А еще ваши люди намъ лаяли,

были несчастливы для Новгорода: умеръ добрый Владыка Іоаннъ; Заволочье раззорили Московскія дружины, соединясь съ Новгородскими бѣглецами; зимою спрашнй моръ опустошалъ Новгородъ, Ладогу, Русу. Многіе, ожидая кончины, поспригались въ монахи; въ помъ числѣ были два Посадника; они умерли иноками. Владыка Симеонъ взялъ иконы изъ всѣхъ седми соборовъ Новгородскихъ, и обошелъ городъ. Новгородцы ошправились въ лѣсъ, кшо пѣшій, кшо на конѣ, нарубили шамъ бревенъ, и въ *одинъ день* посшавили небольшую церковь Св. Анастасіи; на другое ушро уже служили въ ней липургію; моръ прекрашился; изъ оспальныхъ бревенъ посшроили еще другую церковь, Св. Іліи, на Прусской улицѣ. На другой годъ Новгородцы были испуганы знаменіемъ въ церкви Св. Анастасіи: опъ иконы Покрова Богоматери попекла кровь. Въ пошъ-же мѣсяцъ сильный буншъ возмушилъ весь городъ. Просшой

насъ безчестшвовали и срамошили, и насъ погаными звали,) и проч. — «Пришедше Мурмане войною, въ бусахъ и шнекахъ, повоеваша въ Арзугѣ погоспъ Корельскій, и въ *Ненонсѣ* Корельскомъ мон. Св. Николая,) и пр.—Корельскій монастырь Св. Николая находипся въ 34-хъ верспахъ опъ Архангельска; *Неннокцное* селеніе между Унскимъ заливомъ и ушьемъ Двины.

людинъ, Спепанко, схватилъ на поргу Боярина Данила, крича: «Пособише, добрые люди! пособише на злодѣя сего!» Народъ бросился, схватилъ, повлекъ Данила на вѣче, хотѣлъ его судить. Какая-то женщина начала первая бить его; народъ взволновался, слѣдовалъ ей примѣру, билъ, сбросилъ Данила съ моста въ рѣку; бѣдный рыбакъ спасъ и скрылъ его. Народъ разграбилъ домъ рыбака. Данилъ хотѣлъ мести, поймалъ и мучилъ Спепанка. Народъ снова зашумѣлъ; ударили въ вѣчевой колоколъ, и въ доспѣхахъ, со знаменами, пошли грабить дома Бояръ. Напрасно Спепанко былъ выданъ обратно. Народъ возспалъ на всѣхъ Новгородскихъ Бояръ, крича: «Они наши сопоспаты!» опустошалъ ихъ дома, даже раззорилъ одну церковь, думая, что тамъ находятся жипници боярскія. Софійская Спорона наконецъ заснула за Бояръ; людины сбѣжали на Торговую Спорону; по всему городу раздавался набашъ. Волховскій мостъ сдѣлался мѣстомъ кровопролишной биввы. Уже много было убитыхъ; благоразумные люди молили Владыку идти и примирить сражавшихся. Онъ облачился, взялъ креспы, иконы, и съ Духовенствомъ пришелъ на мостъ, благословлялъ, умолялъ — мясешники заплакали, упали на колѣни, и пишина возспановилась. Моръ посѣпилъ Новгородъ еще чепыре раза (1390, 1421, 1422, 1424 гг.)—Миръ съ Нѣмцами подшвердили Нов-

городцы въ 1420 г., поржеспивенно на създѣ съ Магиспромъ Ливонскимъ, и положили заключишь его на вѣчныя времена. Тогда условились и о границахъ: рѣка Нарова положена взаимнымъ предѣломъ Ливонскихъ и Новгородскихъ владѣній.—Пяшь сильныхъ пожаровъ опуспошали Новгородъ въ печеніе 20-ши лѣтъ (274).

---

(274) Св. Анаспасія *Узорѣшительница* призываема была предками нашими во время губишельныхъ болѣзней. Неоднократно находимъ въ лѣшописяхъ примѣры построенія церквей *обыденныхъ*, п. е. въ *одинъ день построенныхъ*. Такъ въ 1417 г. Торжковцы, во время мора, построили въ одинъ день церковь Св. Аванасія; въ 1420 г. построили во Псковѣ обыденную церковь Св. Власія. Въ Москвѣ донинѣ сохранилось имя *обыденной*, у церкви Св. Иліи, что на Оспоженкѣ. Полагади, что моленіемъ въ шакой церкви избавляюпся опъ бѣдспвій грады и обласпи. О женщицѣ, начавшей бишь Боярина Даніила, сказано въ Лѣшописи: «Жена нѣкая, *отвергиши женскую немоть, и взелиши мужескую крѣпость*, вскочивше среди сонмища, даспъ ему раны, укоряюще его,» и проч. *Нов. Лѣт.* 1418 г.; Исп. Г. Р. ш. V, прим. 219. — Нѣмецкій переводъ прапаша, заключеннаго между Новгородомъ и Ливонією, хранипся въ Кенигебергскомъ Архивѣ (Карамз., V. прим. 218). Кенспанпинъ Димипривичъ, бывши шогда въ ссорѣ съ старшимъ брапомъ, жилъ и управлялъ въ Новгородѣ. Трапашъ заключили опъ его именѣ, и Нѣмцы именовали его *Великилѣ Королелѣ* (Groszin Koninge), Посадника *Буреграфолѣ*, а Тысяц-

Участь Пскова была доспойна сожалѣнія. Вольный, но малосильный городъ сей, посавленный между Ливонією, Липвою и Москвою, былъ припѣсняемъ всѣми; всякая помощь стоила ему дорого, и существованіе его сохранялось, шакъ-же какъ Новгородское — шелько соперничествомъ его припѣснишелей: Виповшъ не давалъ его Москвѣ, Москва Виповшу. Съ шѣхъ поръ, когда Псковъ объявленъ былъ *равнымъ братомъ* Новгорода (въ 1348 году), Новгородское Вѣче пользовалось ошъ него выгодами шорговли, и защищенія со спороны Ливонцевъ, но безжалосшно выдавало его обидчикамъ. Съ 1391 г. восемь лѣшъ продолжалась даже явная ссора Новгородцевъ со Псковомъ. Псковипяне уговорили ихъ сначала мириться, и оспановили шѣмъ полки Новгородскіе, уже шедшіе ко Пскову (1391 г.). Новгородцы *вымирили* потѣмъ Псковъ изъ договора, своего съ Нѣмцами въ 1392 г., а на другой годъ пришли ошяшъ воеванъ Псковъ, и за неудачу похода смѣнили своего Посадника.

каго *Герцогомъ*. За шо Новгородцы по своему писали званія и имена Нѣмцевъ: *Местеръ Селивестръ, Кумендеръ Гостило, Воевода Рцеодивскій Еремейко*; што значитъ: *Магистръ Сифертъ, Коммандоръ Говсинъ и Нарвскій Фостъ Германъ*. — Пожары въ Новгородъ были въ 1391, 97, 99, 1403 и 1407 гг.

Занятыя послѣ того ссорю съ Василиемъ, Новгородцы не мирились со Псковомъ, и вообще просили ихъ Псковичи о мирѣ. Псковъ соглашался даже на *старину*: хотѣлъ опказаться опъ права бытъ равнымъ Новгороду. Знапные послы Псковскіе были присланы въ Новгородъ, и били челомъ Владыкѣ Іоанну (въ 1397 г.), «благословишь дѣшеі своихъ, вольныхъ людей Великаго Новгорода, чпобы Великій Новгородъ нелюбіе опъялъ и принялъ Псковъ по старинѣ.» Іоаннъ просилъ, убѣждалъ, напоминалъ о приближающейся кончинѣ міра («видише, дѣши! наступающее послѣднее время!» говорилъ онъ). Миръ заключили, но дружбы не было. Ошвсюду окружала Псковъ вражда. Помирясь со Псковомъ въ 1401 г., съ 1406 г. Вишовпъ опяшь напалъ на Псковъ. Василій вступился, опвлекъ силы его. Псковичи смѣло раззорали Липву, но напрасно звали къ себѣ Новгородцевъ. «На Нѣмцевъ идши согласны, на Липву нейдемъ,» сказали въ Псковѣ послы Новгородскіе, въ 1406 г. — Нѣмцы начали войну въ Августѣ 1407, когда Псковичи были въ Липвѣ, и «Новгородцы *слукавили*» — говоритъ Псковскій Лѣтописецъ — «не пошли и на Нѣмцевъ, когда мы послали звать ихъ. Они призвали къ себѣ Лугвенія, и все по было Псковичамъ не на добро: эшошъ Князь хотѣлъ искоренишь до основанія градъ Псковъ.» Василій прислалъ наконецъ къ нимъ Конспан-

пина. Съ перемѣннымъ счастьемъ, драки съ Нѣмцами продолжались въ 1408 г., и послѣ того Псковъ мирился и ссорился съ Ливонією до 1410 года. Тогда заключили миръ — исключивъ Новгородъ изъ договора. Сей миръ подтвержденъ въ 1417 году. Псковичи со слезами присылали въ Новгородъ, нѣсколько разъ, прося дружбы прочной; но Новгородцы, «ничего не брегота, и все на *перегину* Пскову дѣлаша.» Псковъ, не смотря на все это, выдержалъ всѣ бѣды, поступалъ гордо, дрался храбро, и заспавилъ Магистра Ливонскаго писашъ къ Нѣмецкому, о мирѣ 1417 г., что оный былъ необходимъ, ибо Псковичи «упрямы, копорые чего захопашъ, на помъ поспавашъ.» Когда въ 1415 г. убили въ Дерпшѣ посла Псковскаго, Псковичи сами убили Дерпшскаго (посѣкоша прошивъ своего человекъ). Едва помирились они съ Нѣмцами, Виповшъ опять велѣлъ имъ ссориться. Псковъ умолялъ его о пощадѣ опъ войны. Но Виповшъ объявилъ неудовольствіе: ему выгодно было опвлеченіе силъ Ливонскихъ, и онъ «нача гнѣвъ великъ держати» (1421 г.). Припѣсняемые Липвою, въ 1423 г. Псковичи просили Василія «послатъ за нихъ къ Виповшу доброе слово;» въ 1424 г. снова просили — «печаловашья о Псковѣ.» Василій ни во что не вмѣшивался. Виповшъ съ сердцемъ прогналъ Псковскихъ Пословъ. Они еще разъ явились въ Москвѣ, опять

съ просьбою засшуниться — Василій былъ уже въ могилѣ (275).

Держа подъ рукою Псковъ, Москва была тяжела Псковскимъ горожанамъ, ибо власшь Великаго Князя спѣснила всѣ права ихъ. Князья прїѣзжали изъ Москвы управляшь, и своевольствовали, предводя дружинами, вмѣшиваясь въ суды и доходы. Псковъ непрерывно жаловался на нихъ; нѣкоторыхъ даже выгонялъ. Безпрестанно смѣняли Московскихъ Воеводъ, и каждый изъ нихъ, не проча себѣ власши, былъ хуже преж-

(275) *Новг. Лѣт. и Псков. Лѣт.* (или Исп. Г. Р. Т. V., прим. 197 и 202). Любопытно, что Свидригелло, предназначаемый Ягелломъ въ наслѣдники Виповшу, въ 1402 г. заключилъ съ Рыцарями Ливонскими договоръ (вѣроятно, пайный), по которому отдавалъ имъ Псковъ, *если только они успѣютъ его завоевать* (Исп. Г. Р. ш. V, прим. 202). Въ 1407 г. Псковичи жестоко разбили самого Ливонскаго Магистра, на рѣкѣ Сирицѣ, и гнали Немцевъ на разстояніи 20-ти верстъ. Миръ 1417 года заключенъ былъ при Послахъ Василя Димитріевича, котораго Нѣмцы наименовали въ договорѣ: *grotmechtige Here, de grote Konung von Moscowe, de Rusche Keyser*. Въ это время Магистръ Ливонскій писалъ о Псковичахъ: *Js sint wunderliche unbetutliche Luth: was sie vor sich nemen, dovon kan man in nicht gebrengen*. — Вообще все повѣствованіе Псковскаго Лѣтописца о сихъ событіяхъ, и послѣ, исполнено скорби и жалобъ на Нѣмцевъ, Лишву, Москву и Новгородъ.

няго. Опказавшись ошь другихъ правъ, Новгородъ сохранилъ надъ Псковомъ важное право Церковнаго суда; Псковъ завистель въ сень олношеніи ошь Новгородскаго Владыки. Пришазавія Московскаго Мишрополиша къ Новгороду вымѣщались на Псковъ, и пришѣсненія и ссоры были безконечны. Ко всему эшому присовокуплялись разныя бѣдспвія. Моръ чешыре раза опуспошалъ Псковъ: въ 1390 г., когда «вырывъ могилу для одного челоувка, клали въ нее пашперыхъ и десяперыхъ;» въ 1404, когда занесли во Псковъ язву изъ Дерпша, и прежде начали умирашь дѣши, попомъ спарики и взрослые; въ 1406 г., во время дождливой осени, и въ 1420-мъ году. На сей разъ замѣшили, что смерть щадила спарыхъ — умирало болѣе дѣшей и молодыхъ. Многіе, опчаяваясь въ жизни, шли въ монастыри. Кшо-шо вразумилъ наконецъ Псковвишанъ, что надобно опыскашь мѣсто, гдѣ спояла первая Псковская церковь, Св. Власія. Мѣсто было давно заспроено домами; опкупили ихъ, спали рышь землю и нашли древній престоль церкви. Въ одинъ день поспроили надъ нимъ новую, деревянную, и 14 Септября служили въ ней обѣдню; но моръ прекрапился полько зимою. Пожаръ опуспошилъ Псковъ въ 1406 году: почши весь городъ выгорѣлъ (276).

---

(276) Пск. Лѣт. (или Ист. Г. Р. ш. V, прим. 222).

Пожары, не менѣ губительныя, опустошили: въ 1395 г. Спарицу, въ 1408 г. Росшовъ, въ 1413 г. Тверь. — Москва была опустошена при разѣ: въ 1389 г. сгорѣлъ весь Кремль; въ 1390 г. выгорѣло нѣсколько тысячъ домовъ на Посадѣ (оупь дома окаяннаго Армянина Авраама); въ 1395 г. также сгорѣло нѣсколько тысячъ домовъ. — Замѣчашеленъ пожаръ 1422 года: загорѣлись *пороховые* запасы, находившіеся въ Москвѣ, и опустошили городъ, ночью на 19-е Августа (277).

Моровыя повѣтрія не прекращались въ Руси съ самаго появленія Черной Смерши. Упомянувъ о Новгородѣ и Псковѣ, скажемъ, что въ 1401 г. моръ опустошалъ Смоленскія и Московскія обласпи, и въ 1420 г. сѣверныя обласпи, до такой степени, что въ иныхъ мѣстахъ нѣкому было сжать хлѣба; упалъ ранній снѣгъ, погубилъ обиліе — сдѣлался голодъ, и продолжался по три года.

Современники передали намъ память о другихъ, ужасавшихъ ихъ событіяхъ. Зима 1393 г. была споль сильна, что люди замерзали; лошадей, скотъ находили околѣвшихъ надъ кормомъ; зимою 1402 г. по Волхову ѣздили льдомъ

---

(277) Исп. Г. Р. т. V, прим. 254, и разныя Лѣтописи.

съ Юрѣва дня до Марша; въ 1405 году, напрошивъ, совѣмъ «зимы было незнаемо; *голая* была зима безъ снѣга, *разводье* началось до Великаго поста, а *раскалье* на Масляницѣ.» Лѣшомъ въ эпошъ годъ были спрашныя грозы: молнія ударяла въ церкви, и убивала много людей; зимой 1408 г. выпалъ снѣгъ глубокій, до *шести пядей*, «за 20 лѣшъ спарые *памятухи* не запомнили шакого.» Новгородъ ужаснуло наводненіе 1421-го года, когда ошъ напора воды изъ Ильмена снесло мостъ, зашочило дома и церкви; жипели укрывались на *вышкахъ* домовъ; по улицамъ ѣздили въ лодкахъ, и съ ужасомъ спрашивали другъ друга: «Не онаяшъ-ли Богъ хочешъ погубишь насъ Ноевымъ пошопомъ?» ибо дождь продолжалъ иди безпрерывно. Но Мая 18-го нашла черная пуча, засшлала небо, громы капились ошъ востока до запада, молнія ослѣпляла зрѣніе, небо казалось пылающимъ; съ дождемъ *прапруднымъ*, падалъ градъ, и — наконецъ посыпались *каменья*. Народъ опчаявался въ жизни, бѣжалъ въ церкви, молился; самъ Владыка Симеонъ споялъ въ эпо время на колѣняхъ во храмѣ Софійскомъ, и со слезами просилъ пощады Новгороду, пока не пролешла гроза неслышанная.

Знашоки шолковали, что все сіе предвѣщашъ кончину міра, ибо сближается *седьмая тысяча* лѣшъ ошъ сошворенія міра. Мысль о шомъ расвя-

вала повсюду уныніе. Бурю, голодь, морь, брань, междоусобіе — все приписывали одному: во всемъ искали *знаменія кончины міра*. Описывавая событія 1402 года, Лѣтописецъ съ горестію прибавляешъ: «Сбываешся слово Евангельское, какъ самъ Богъ сказалъ во Евангеліи: въ послѣдніе дни будутъ знаменія велики на небесахъ, глады, пагубы и прусы; возстанешъ языкъ на языкъ. И не видимъ-ли: вспаюшъ раши Ташарь, Турковъ, Фряговъ—правовѣрныи Князья куяшъ другъ на друга конь—брашъ возстаеш на брата, родной на роднаго — ближній спрѣляешъ спрѣлою ближняго — послѣднее время приходишъ (278)!» — Другіе думали въ бѣд-

---

(278) О признакахъ Новгородской язвы 1417 г. пишушъ: «Прежъ яко рогатиною ударишъ, и явишся желѣза, или начнешъ кровію харкаши, и дрожъ имешъ, и огнь розжжешъ по всѣмъ соспавамъ челоувѣческимъ.» Слѣдственно: это были и *тума* и *терная смерть* вмѣспѣ. Ихъ различали Рускіе названіями: *Моръ желѣзю* и *Моръ хархотою*.—Въ Смоленскѣ было сосвѣмъ особенное повѣтріе (въ 1408 г.): «Первое разболится челоувкъ, и руцѣ и нозѣ прикорчитъ, и шею скривишъ, и зубы скрегчешъ, и кости хряспяшъ, и соспавы въ немъ проскошаху, кричишъ, вопишъ; у иныхъ-же и умъ опымешся; иные одинъ день поболѣвшіе умираху, а иные полтора дни; а иныхъ Богъ миловаше: поболѣвшіе при дни, или чепыре, и паки здорови бываху.» И шакъ это были *судороги*: не

сприхъ, современныхъ видѣшь волшебство злыхъ людей: Псковичане, въ 1444 году, сожгли 12

быль-ли это родъ холеры, ибо извѣстно, что холера не всегда сопровождается рвоткою и поносомъ? О голодѣ и дороговизнѣ 1420 года (*Пск. Лѣт.*): «На всю Русскую землю бысть гладъ великъ по три года ... И польми бысть дорогъ хлѣбъ, яко на единомъ ковризѣ даши полпына, али како во портище. А ржи наша четверешка того кто запросилъ и иній съ усердіемъ даваху, а еже-бы гдѣ зобница купиши ржи, или овса, таковыхъ мало обрѣшаху.» Далѣе говоритъ Лѣтописецъ, что въ Псковѣ «бѣше старыхъ лѣпъ клѣпи всякаго обилія изнасыпаны.» Туда поѣхали изъ Новгорода, Твери, Москвы, и покупали зобницу ржи по 70 ногатъ, жита по 50, овса по 30, ржи $2\frac{1}{2}$ зобницы *подтыну*. Изъ числа сошедшихся во Псковѣ нищихъ много умерло отъ изнеможенія, и пѣлами ихъ наполнили чепыре большія могилы (скудельницы). — Мысль, что съ совершеніемъ 7-й тысячи лѣпъ отъ сотворенія міра, наспанеть *преставленіе свѣта*, была ужасомъ и спрашилищемъ всей Европы. Мы видѣли, что міря Новгородцевъ со Псковомъ, Владыка Іоаниъ говорилъ объ этомъ: «Дѣши! видите: уже *последнее* время» (*Новг. Лѣт.* годъ 1397-й). Описаніе *минилыхъ* погоданныхъ знаменій кончины міра, въ 1402 г., см. *Новг. Лѣт.* (Исп. Г. Р. V, прим. 223). Тогда явилась огромная комета; жесткая зима спояла съ Юрьева дня до Марпа; Виповшъ взялъ Смоленскъ, разбилъ Олега, и посадилъ въ шюрьму сына его Родслава; Олегъ скончался; Симеонъ Кирдяпа ударилъ челомъ Василию, былъ посланъ въ запо-

вѣдьмъ (279): Съ трепешомъ смошра на зашмѣ-
ніа солнца и мѣсяца, иногда съ ужасомъ записы-
вая ихъ (напримѣръ, въ 1406 году — «По Трои-
цынѣ днѣ, ночью, передъ зарей, гибль мѣсяць,
сдѣлался кровавъ, и шакъ, не исполнясь свѣша,
зашель,» и проч.), Руссы боялись явленія комещъ,
и многихъ воздушныхъ явленій. Чудеса и знаме-
ніа были непрерывны: образа плакали, почили
слезы, сами собою загарались въ церквахъ свѣ-
чи. Въ 1409 г. въ Новгородѣ замѣпили *чудо*
страшно: въ монастырѣ Св. Михаила, въ главѣ
церковной былъ слышенъ звукъ, по два дня
и по двѣ ночи. Священники и монахи собира-
лись, слушали, и не понимали причины (280).

ченіе, и шамъ умеръ; Тимуръ разбилъ Баязета въ
Ангорской битвѣ; въ Ордѣ были спрашныа смяшенія.
Все это знали и соображали Рускіе.

(279) *Пск. Лѣт.* «Сожгоша двѣнадцать женокъ
одщижѣ.»

(280) «Сопворися знаменіе опъ образа Владычня,
у Св. Ипатія, на Щерковой улицѣ: аки вино идяше
изъ иконы (*Нове. Лѣт.* 1396 г.). — «Бысть знаменіе
въ церкви Бориса и Глѣба: двѣ иконы, Св. Троица и
Богородица, снідоша съ верхняго пшябла, и легоша на
востокъ образомъ (*Пск. Лѣт.* 1397 г.). — «За два дни
до Ильина, въ Кашинѣ, при вечерѣ, видѣли серпъ
изъ облака.» — «Бысть знаменіе веліе въ Чирскахъ:
опъ иконы Св. Богородицы, изъ обою оку идяху слезы.

И священники послаша, и діаконы, а опгь Пскова послаша Феодора Шибалкина и иныхъ Бояръ, и принесоша икону, и спрѣпоша ю со креспы весь Псковъ, и поспавиша церковь въ женскомъ монастырѣ, и опшо-лѣ начаша праздновати знаменіе Богородицы Юля въ 16-й день» (*Пск. Лѣт.* 1420 года). — О знаменитой кометѣ 1402 года, *Новое Лѣт.* «Явися звѣзда хвостата на западѣ, лучъ имуща свѣпелъ, и пребысть Маршъ мѣсяцъ весь.» — Въ *Пск. Лѣт.* «Явися звѣзда хвостатая на западной споронѣ, и восходяще съ прочими звѣздами, опгь *свадебб* (?) до вербной субботы.» — Въ *Стр. Лѣт.* «Въ великое говѣнье, мѣс. Марша, являшеса нѣкако знаменіе на небеси: въ вечернюю зарю, на западѣ, звѣзда немала, аки копейнымъ образомъ; верху-же лучъ сіяше; и на воспокѣ восходяще, а на западѣ лѣпшемъ являшеса, юже видѣхомъ цѣлый мѣсяцъ.» — Въ 1406 г. въ Нижнемъ Новгородѣ, «по Пепровѣ дни бысть буря велика; а въ пошъ часть изыде человекъ на поле, и всѣде на конь, вспряженъ съ колесницею (пѣлегою); и взяпъ въпръ съ конемъ и колесницею, аки бурю носимъ, яко въ шрусъ и вихрѣ спрашномъ, дондеже невидимъ бысть; и на другой день обрѣпоша колесницу его на древѣ, висящу на версѣ высока древа, и по на друзѣи спранѣ великія рѣки Волги; коня-же кромѣ (опдѣльно) колесницы, мертва лежаща познаша; человекъ-же безъ вѣсти, не вѣдѣ камо ся дѣлъ» (*Стр. Лѣт.* I. 429). — «Сей-же зимы (1409 г.) мѣс. Ноября въ 30-й день, на память Св. Ап. Андрея, чудо бысть спрашно въ церкви Св. Михаила на Сквороткѣ: звукъ бысть въ маковицѣ. Сей-же звукъ слыша попы и черницы Св. Михаила по два дни и по двѣ ночи (*Новое Лѣт.*).

ГЛАВА V.

То, чего спрашивалъ Василій Димитріевичъ, что спарался онъ отшврашить своими духовными завѣщаніями, и что шайлось при немъ во глубинѣ душъ и въ Дворской крамолѣ—все это обнаружилось немедленно послѣ его кончины, произвело раздоръ семейный и земское междоусобіе, повело за собою ужасныя слѣдствія: взаимное злодѣйство, пагубу родовъ Княжескихъ, гибель мужей доблесныхъ и людей подвласныхъ Русскимъ Князьямъ. . . .

Юрій Димитріевичъ находился въ своемъ Звенигородскомъ удѣлѣ, когда въ Кремлевскомъ дворцѣ *Василій Димитріевичъ* закрылъ глаза на вѣки. Братья ихъ: *Андрей, Петръ, Константинъ*, крѣпко взялись за дѣло малолѣтнаго наследника; Митрополишь Фотій былъ съ ними за одно; нѣсколько спарыхъ Боярѣ, опытныхъ въ хяпрой полишикѣ, совѣтниковъ *Василія*, окружили его сына. Спаршимъ изъ нихъ считался *Юрій Патрикѣевичъ*, внукъ Нариманша, выѣхавшій изъ Новгорода, и женатый на Маріи, дочери *Василія*. Но главою совѣща былъ не онъ, а *Юаннъ Димитріевичъ*, второй Бояринъ Ве-

ликоткняжескій. Иоаннъ хотѣлъ ошдапъ свою дочь за юнаго Великаго Князя; ему льспили исполненіемъ сего желанія (281). Пригоповили сильныя дружины, и, пока присягала Москва новому Великому Князю, послали въ Звенигородъ къ Юрію: пребовать присяги и покорности. Юрій сознавалъ свою слабость; родные дѣши его не одобряли спора за Великое Княжесшво; но онъ

(281) Въ свидѣтельствѣ Духовной граматы Василя Димитріевича, Бояринъ Иоаннъ Димитріевичъ упоминается *второй*, послѣ *Юрѣя Патрикѣевича* (С. Г. гр. т. I, стр. 82). Онъ былъ знаменипаго рода Липовскаго, *Глѣбѣвичей*. Дѣдъ его былъ *Александрѣ Всеволодѣ Глѣбѣвичѣ*, выѣхавшій изъ Липвы; отецъ *Димитрій Всеволодѣвичѣ*, по которому всѣ попомки назвались *Всеволожскими*, былъ намѣспникомъ Нижняго Новгорода, послѣ взятія Суздальскаго Княжесшва Москвою, въ 1392 г. (Карамзинъ, V, стр. 132). Симвъ объясняется связь сего рода съ другимъ знаменипымъ родомъ, Тысяцкаго Московскаго, *Вельяминова* (см. прим. 96), изъ коего одинъ Вельяминовъ, *Микула*, былъ своякъ Димитрію Донскому, женаптый на дочери Князя Димитрія Суздальскаго. На дочери Микулы женился Иоаннъ Димитріевичъ Всеволожъ. Одна изъ дочерей Иоанна выдана была за Андрея Князя Радонежскаго, сына Владиміра Храбраго (см. прим. 297); другая за Князя Тверскаго Юрѣя Ивановича (Карамз. п. V, прим. 254). Третью хотѣлъ онъ ошдапъ за юнаго Великаго Князя.

не хотѣлъ уступити правъ своихъ, боялся оснасться вблизи Москвы, и уѣхалъ въ Галичъ. Туда послали уговаривать его. Юрій спорилъ, и рѣшительно объявилъ, что не уступитъ безъ рѣшенія Ордынскаго Царя: признакъ безсилія. Въ Москвѣ хорошо это понимали, и заключивъ перемиріе до Пешрова дня, неожиданно отпра- вили на уторнаго шарика Московскія дружи- ны. Захваченный врасплохъ, Юрій бѣжалъ въ Нижній Новгородъ; его преслѣдовали; онъ опять укрылся въ Галичъ. Здѣсь явился къ нему Ми- шрополищъ Фошій, и посмѣявшись надъ худо- вооруженными полками, коими окружилъ себя Юрій, предлагалъ ему уступитъ Великокняже- ству и помириться. Юрій не слушалъ ничего, и упорно хотѣлъ дожидаться Ханскаго суда. Разнесли слухъ, что Мишрополищъ уѣхалъ: изъ Галича не благословивъ Князя; что Богъ пора- зилъ моромъ Галичъ, и Юрій, испуганный бѣд- ствіемъ, догналъ Свяшишеда уже на дорогѣ въ Москву, и умолялъ помириться. Дѣйствовали си- лою и хитростью (282).

---

(282) Спр. Лѣт. I, 456. О морѣ, и проч. см. Ка- рамзина (т. V, 244), который взялъ все свое описа- ніе изъ *Никон. Лѣт.* (т. V, 82), однакожь не со- слался на нее. Въ *Арх. Лѣт.*, стр. 113, говорит- ся, что за Юріемъ ходилъ къ Нижнему Новгороду

Но если Галичъ былъ наказанъ моромъ за упорство Юрія, въ Твери и Москвѣ и безъ ашого моръ свирѣпешвовалъ еще сильнѣе, не смотря на миролюбивую покорность Великому Князю. Иоаннъ Тверской умеръ; мѣсто его заступилъ сынъ Александръ, и умеръ вскорѣ; на престоу Тверской сѣлъ внукъ, Князь Юрій, и умеръ черезъ мѣсяць. Тверь перешла къ Борису Александровичу. Въ Москвѣ скончались: дядя Великаго Князя Пепръ, и при сына Владимира Андреевича: Андрей Радонежскій, Ярославъ Боровскій, Василій Перемышльскій. Князь Феодоръ Паприкѣевичъ, спасаясь отъ смерти, уѣхалъ изъ Пскова въ Новгородъ, потомъ убѣжалъ въ Москву изъ Новгорода (гдѣ скончался тогда назначенный въ Архіепископы Феодосій); но въ Москвѣ ждала Феодора смерть неумолимая. Люди гибли тысячами. Многіе замѣчали, что послѣ сей бѣды, какъ послѣ Ноева поппона, народъ спалъ маловѣчнѣе, хуже и щедушнѣе (288).

Андрей, Князь Можайскій, и *норовилъ* своему брату. Не отъ сего-ли поппомъ происходила вообще нелюбовь дѣшей Можайскаго къ Темному? Можешъ бытъ, шайно они желали успѣха Юрію, признавая его права.

(283) Иоаннъ Михайловичъ сконч. въ 1426 г., и въ одинъ годъ умерли сынъ и внукъ его (Карамз. V,

Живые плакали надъ мертвыми, но мыслили о живомъ. Москва ласкала Новгородцевъ, и не жаловалась на самоуправство ихъ съ Устюжанами, ограбившими Заволочье (284).

Соглашаясь на предложеніе Юрія судиться въ Ордѣ, у него опинимали всѣ, даже ненадежныя средства къ борьбѣ; спарались уладить судьей

прим. 258). Въ 1426 г. скончались еще *Андрей Владиміровичъ* Радонежскій (онъ поспригся передъ кончиной, названъ *Саввою*, и похороненъ въ Троицк. Серг. обители, которой особенно покровительствовалъ), *Ярославъ Владиміровичъ* (погреб. въ Арханг. соборѣ) и Князь Ярославскій *Іоаннъ Васильевичъ*; а въ 1427 году, *Василій Владиміровичъ* и *Петръ Дмитріевичъ* (погребены въ Арханг. соборѣ). О морѣ въ Псковѣ, и о Федорѣ Паприкіевичѣ, см. Карамз. V, прим. 386. О Новгородскомъ морѣ сихъ годовъ, см. *Новг. Лѣт.* годъ 1424-й. Въ сіи-же годы скончались: Ростовскій Епископъ *Діонисій*, и *Св. Кириллъ*, основатель знаменитаго Бѣлозерскаго монастыря его имени; преп. *Ферапонтъ* Бѣлозерскій; пр. *Никонъ* Игуменъ Троицкій; пр. *Павелъ* Коломльскій, учредитель обители на рѣкѣ Обнорѣ, бывшій въ иночествѣ *десяносто* лѣпъ (всѣ четверо причтены Церковью къ лику свяпныхъ). — «И послѣ шого мора, какъ послѣ Попопа, шолько лѣпъ люди не почали жить, но маловѣчнїи, и худїи, и щедушнїи начаша быти.»

(284) Они взяли съ Устюжанъ окупу 8000 бѣлокъ и 240 соболей (Новг. Лѣт. г. 1425).

Ордынскихъ; унижались передъ опекуномъ Великаго Князя, Вишовпомъ, надѣясь на его защиту. Вынудили наконецъ отъ Юрія договорную грамоту (1428 г.). Онъ призналъ Василія *Старѣшимъ и Великимъ Княземъ*. Фотій скрѣпилъ; Андрей и Конспаншинъ засвидѣтельствовали сей договоръ. Но Юрій надѣялся сыскать правду въ Ордѣ, и ждалъ только удобнаго времени (285).

Вишовпу. выдали въ это время на жертву Псковъ и Новгородъ. Не мирился съ 1424 года, Вишовшъ отправился наконецъ съ войскомъ противъ бѣдныхъ Псковичанъ (1426 г.) и осадилъ Опочку. Жители сего города защищались отчаянно. Вишовшъ оставилъ ихъ, и перешелъ къ Вороночу, гдѣ вскрѣшилъ сопротивленіе столь же упорное. Между тѣмъ Псковичане униженно били ему челомъ, готовясь къ оборонѣ. Они сожгли городской посадъ, собрали дружины. Жестокая буря, ночью продолжительные дожди, препятствуя военнымъ дѣйствіямъ, заставили Вишовпа согласиться на миръ. Онъ условился взять 1000 рублей окупы, и когда при-

(285) Договоръ въ *Собр. Г. грам.* т. I, N 43, 44. Юрію отдали Вяпку, и сложили на чепыре года дань Ордынскую и ямскую гоньбу по Звенигороду; онъ уступилъ за то нѣсколько селъ братьямъ.

везли ее, прѣбывалъ особаго окупа за плѣнныхъ. На другой годъ, онъ объявилъ походъ къ Новгороду, и съ огромными пушками своими осадилъ Порховъ. Началась осада, и была неудачна. Главную пушку, наведенную на церковь Св. Николая, разорвало, убило маспера, лившаго ее, и размешало шѣло его, шакъ, что шолько клокъ одежды нашли въ споронѣ. Пушку звали *Галкою*, масперъ былъ *Нѣмецъ*; сорокъ лошадей везли бѣдоносную Галку, и Рускіе видѣли чудо въ разрывѣ пушки. Говорили, что ядро пролѣшѣло невредимо сквозь церковь, перелѣшѣло черезъ городъ, и било Вишовповыхъ воиновъ, споявшихъ на другой споронѣ города, а Нѣмца наказалъ Богъ за похвальбу. Посадникъ, и знаменишій Новгородецъ *Исаакій Борецкій*, явились въ спанѣ Липовскомъ, и просили мира. Изъ Новгорода пріѣхалъ для шого-же Владыка Евфимій. Вишовшъ согласился, взявъ дань, споль важную, что надобно было собрашь непомѣрную подашь со всѣхъ Новгородцевъ для уплашы ея: Вишовшъ прѣбывалъ и получилъ 15000 рублей (286).

---

(286) Преувеличенныя описанія сихъ собыпій, взятыя изъ Никон. Лѣт., Длугоша и Сприковскаго, см. въ *Ист. Г. Р.* ш. V, стр. 247. Тамъ-же, см. выписки изъ *Псковск. Лѣт.*, ш. V, прим. 260; кромѣ шого, *Архангел. Лѣт.*, стр. 114, и *Новгор. Лѣт.*

Новгородцы не только не помогали Псковичамъ, но даже крамольничали противъ нихъ, когда Вишовпъ ходилъ на Псковъ. Псковичане ошвѣчали насмѣшкою, когда бѣда разразилась надъ Новгородомъ, и не дали въ свою очередь помощи Новгородцамъ. Москва даже особенно обѣщала Вишовпу не вмѣшиваться въ дѣла его, и не помогать ни Пскову, ни Новгороду. Въ награду за то, Вишовпъ заключилъ договоръ съ Рязанью, о безпрекословномъ повиновеніи ему, если дѣло дойдетъ до войны съ Москвою (287).

Таковъ былъ *опекунъ* Великаго Князя. Между шѣмъ въ Ордѣ, куда Русскіе Князья хотѣли ѣхать на судъ, и куда призывали Юрія и Василия, *Кити-Махметъ*, подкрѣпленный Эдигеемъ, воевалъ съ *Улу-Махметомъ*, и грозный судія Князей Русскихъ едва держался на своемъ престоѣ. Толпы Монголовъ своевольно приходили на Русь: они воевали Галичъ и Коспому въ 1429 году, а въ 1430 году ходили на Липву и подступали ко Мценску. Ихъ успѣли прогнать, и

---

(287) «В. К. дѣду своему Вишовпу крестъ цѣлова, не помогати ни по Новгородѣ, ни по Псковѣ (Новгородск. Лѣт.). Списокъ присяжной граматы Рязанскаго Князя, данной имъ Вишовпу, хранится въ Императорской Библиотекѣ (Карамзинъ, т. V, прим. 261).

опыспили имъ раззореніемъ приволжья Булгарскаго (288).

Не жалѣя никакихъ пожертвованій, Москва спаралась купишь благоволеніе Вишовша. Чешолюбивый спарець сей гошовился въ эшо время увѣнчашъ шоржешшвомъ свои дѣла, шруды и жизнь, проведенную въ безсонницѣ рашной и крамоля Дворской. Спарый Ягелло слушался его, даже хошѣлъ было передашь ему корону Польскую послѣ себя. Но къ досадѣ Вишовша, Ягеллу вздумалось женишься, въ четвертый разъ, и онъ выбралъ дочь Андрея Олгердовича. Молодая Королева родила спарику

(288) Спр. Лѣп., II, спр. 1 и 2-я. Юрій опыбилъ Монголовъ опы Галича; они изгономъ взяли Коспрому. Бояринъ Іоаннъ самъ гналъ ихъ до Нижняго Новгорода; Князь Песпрый билъ ихъ попомъ за Нижнимъ, и въ 1431 г. ходилъ грабить Ташарскіе города на Волгу. Въ *Арханг. Лѣт.* спр. 115, Ташары сіи названы *Казанскими*. Мценскъ осаждалъ, въ 1430 году, Царевичъ Ордынскій Айдаръ; онъ обманомъ захватилъ шамошняго храбраго Воеводу Григорья Прошасьева, разбившаго Барака въ 1422 году, и шолько за 15 миль не дошелъ до Кіева. Улу-Махметъ объявилъ попомъ Айдара своевольникомъ, и съ честію опынуспилъ Прошасьева. Карамзинъ говоритъ о новомъ набѣгѣ на Рязань; но сіе взяшо изъ *Никоновск. Лѣт.* (Исп. Г. Р, ш, V, 253, прим. 265).

двухъ сыновей. Бисповшъ увѣрилъ, что они дѣти не Короля. Ягелло гошовъ былъ успушилъ корону, но не чесшъ бышъ на шаросши лѣшъ опшомъ. Началась ссора. Вишовшъ рѣшилъ совершенно опдѣлишъ Липву опъ Польши. Сигизмундъ, шарый неприяель Ягелла, сдѣлавшійся шогда Имперашоромъ, и Нѣмецкіе Кресшопосцы, вмѣшались въ дѣло. Въ 1429 году Сигизмундъ и Ягелло были въ госпахъ у Вишовша. Онъ угощаль ихъ съ Восшочною пышношю: ешедневно упошребляли на пиры для множешва госпей, опшвсюду съѣхавшихся, по нѣсколькѣ сошъ бочекъ вина, пива, меду, романи, по 700 быковъ и коровъ, по 1400 барановъ, по 100 лосей, по 100 зубровъ, по 100 кабановъ. Сигизмундъ убѣдилъ Вишовша назвашься *Королемъ Литовскимъ*. Папа былъ согласевъ. Но Польша умѣла разрушилъ всѣ замыслы. Лѣшя Вишовшу согласіемъ, засшавили его ушвердишъ наслѣдшво Польши въ родѣ Ягеллы. Пошомъ проводили шарика надеждами, все не думая дашъ ему Королевскаго шишула, и пѣмъ разъединишъ Польшу опъ Липвы. Збигневъ Олесницкій, Епископъ Кракова, и Янъ Тарновскій руководешвовали всею крамолою. Въ полной надеждѣ на успѣхъ, Вишовшъ звалъ уже госпей на свое Королевское коронованіе. Осенью 1430 г. съѣхались къ нему въ Троки Князья Русскіе (Тверской, Рязанскій, Одосвскій) и Псль-

скіе, Гермейшперъ Креспноосцевъ (кошораго съ воспоргомъ увѣдомлялъ Вишовшъ о предспоявшемъ шоржеспвѣ), Ханы Монгольскіе, Господаръ Волошскій, Послы Греческаго Имперацора. Ждали шолько Сигизмунда. Ягелло явился въ полномъ блескѣ Двора своего. Юный Василій пріѣхалъ изъ первыхъ къ своему дѣду. Съ нимъ былъ и Мишрополишъ Фопій. Хозяинъ и на сей разъ не жалѣлъ кушанья, пишыя, увеселеній. Всякій думалъ однакожь о своемъ, пируя въ ожиданіи Вишовшова коронованія. Василій просилъ покровишельспва; Фопій искалъ Мишрополишспва Кіевскаго, ибо Григорій скончался въ 1419 году, и Мишрополиша не было въ Лишвѣ, непрерывно болѣе и болѣе ушѣсняемой Папскою власшью. Время проходило; наконецъ ошкрылась горькая ишпина: Сигизмундъ не поѣхалъ самъ, но послалъ къ Вишовшу корону; Пословъ его принудили ворошишья изъ Польши. Все разрушилось. Оскорбленіе Вишовша было неописанно. Пропировавъ шесшь недѣль, госпи разѣхались—Вишовшъ лежалъ на смершномъ одрѣ, и Василій, возвращаясь въ Москву, услышалъ о смерши дѣда (289).

---

(289) Четвертая супруга Ягелла была Софія, Княжна Кіевская, и вышла за него въ 1422 г., когда Ягеллу было около 74-хъ лѣтъ. Черезъ годъ родился у

Надобно было рѣшить неоконченный споръ съ Юріемъ; на усильяхъ такъ надѣялись, что Василій, съ своими Боярами, отправился прежде дяди (въ Августѣ 1431 г.). Въ Сенябрь, опслушавъ обѣдню въ Спорожевской обители, Юрій повхалъ изъ Звенигорода. Онъ встрѣшилъ въ Сараѣ спрашную неприязнь: все было пропивъ него. *Драгоманъ* Московскій даже оскорблялъ его. Бояринъ Іоаннъ Димитріевичъ не жалѣлъ ни даровъ, ни уговоровъ. Юрій надѣялся еще на любимца Ханскаго Мурзу Тегиню, друга своего. Тегиня совѣщовалъ ему ждашь, не спѣшивъ пребованіемъ суда, и повезъ его на зиму въ Крымъ. Василій оставался въ Ордѣ; Іоаннъ успѣлъ уговорить всѣхъ Ордынскихъ вельможъ, внушая имъ, какъ опасно будетъ для нихъ, если Тегиня сдѣлаетъ по своему, ибо тогда власть его надъ Ханомъ, поддерживаемая Юріемъ, будетъ непомѣрна. Наушники дѣйствовали сильно, и Махметъ поклялся, что казнь

него сынъ, *Владиславъ*, а черезъ пять лѣтъ другой, *Казиміръ*. — Сигизмундъ избранъ въ Императоры въ 1410 году. Объ угощеніи гостей Вишовповыхъ и обстоятельствахъ дѣлъ въ Липвѣ, см. *Дугоша*, *Бѣльскаго* и *Архане*. *Лвт.* — Письма Вишовпа къ Нѣмецкому Гермейсперу хранятся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ (Карамзинъ, ш. V, прим. 262).

ожидаеть Тегиню, если онъ дерзнетъ заступиться за Юрія. Тогда ворошились изъ Крыма Юрій и Тегиня, и другъ Юрія принужденъ былъ молчать. Судъ передъ Ханомъ начался. Съ одной спороны выступилъ Юрій, съ другой *Василій*: одинъ спарикъ, почти шеспидесятилѣтній; другой юноша семнадцапи лѣтъ. Но Юрій робѣлъ, уже предвидя свое осужденіе; Василій смѣло надѣялся выигрыша. За него началъ говорить Іоаннъ Димитріевичъ. Онъ доказывалъ, что Василю слѣдуеть Великое Княжесство, ибо дѣдъ и ошець его владѣли Великимъ Княжесствомъ, вопреки правамъ спаршихъ въ родѣ. Юрій ушверждалъ, что сей обычай новый; ссылался на спарые договоры, лѣшописи, на право спаршинства, искони служившее основаніемъ въ наслѣдствѣ Великокняжесствомъ; ушверждался и на самыхъ Духовныхъ: Димитрія, гдѣ послѣ его спаршаго сына опредѣлено бытъ наслѣдникомъ *второму сыну, а не внуку*; Василя, не рѣшившаго дѣла, ибо хоша онъ завѣщалъ наслѣдство сыну, но припомъ не было его Юрьева согласія. Сильный споръ сей оконченъ былъ льспивою, рабскою рѣчью Боярина Іоанна. «Государь, Царь вольный! освободи мнѣ, холопу Великаго Князя, молвишь шебѣ,» сказалъ Іоаннъ. «Князь Юрій ищеть власпи по мершвымъ, спарымъ грамашамъ, а не по швоему жалованью. Но Василій ищеть Великаго Княжесства, под-

власнаго шебѣ улуса, по швоему Царскому жалованью, по дефперямъ и ярлыкамъ новымъ, даннымъ ошъ Царей Золошой Орды. Если не опдашь ему Русскаго улуса, не споримъ: шы воленъ; кого захочешъ жаловашъ, шого жалуешъ. Пусшь и былъ прежній обычай спарвйпиншва; но Василій Димшпріевичъ передалъ сыну пресполь не по спарымъ правамъ, а по швоему Царскому соизволенію. Василій княжшъ уже шестшой годъ по швоему жалованью, покорспвуя шебѣ, правясь одною швоею волею. Царь вольный! какія прошивопоспавимъ права, если будешъ швоя воля!» Рѣчь хшпрая льспшила чеспольюбію Хана; онъ осудилъ дядю, опдалъ Великое Княжеспво Василію; даже велѣлъ Юрію весши коня, на кошоромъ поѣдешъ ошъ Хана племянникъ его, пожалованный Ханомъ въ Великіе Князья. Но Василій самъ опрекся ошъ шакой излишней веспши. Тегиня шакже хошѣлъ избавшъ друга своего ошъ позора, заговорилъ смѣло, не спорилъ прошивъ суда Ханскаго, но напомнилъ Хану, што онъ забываешъ собспвенную свою опасность; сказалъ ему, што если обида Юрія не будешъ вознаграждена, што онъ, Тегиня, перейдешъ къ Кичи-Махмешу. Ханъ укрощилъ своего разгнѣваннаго любимца, опдавъ Юрію городъ Дмшпровъ, удѣлъ умершаго Князя Пешра Димшпріевича. Василій опправился обрашно въ шоржеспвѣ. Ханскій посоль пріѣхалъ

съ нимъ въ Москву, и объявилъ, что *по волѣ и суду Ханскому* Василій есть *Великій Князь всея Руссии* (290).

Юрій со стыдомъ укрылся въ свой Звенигородъ; попомъ поѣхалъ въ Дмитровъ. Но Іоаннъ Димитріевичъ зналъ, что неослабное пришѣсненіе было единственнае средство обезопасить Москву отъ замысловъ Юрія. Такъ Василій Димитріевичъ обезопасилъ вѣкогда Москву отъ Суздальскихъ Князей. Скоро Юрій принужденъ былъ оставить Дмитровъ, и его заняли Московскія дружины (291). Въ это время скончался другой дядя Великаго Князя, Андрей Димитріевичъ (1432 г.). Сыновья его, *Іоаннъ* и *Михаилъ*, подѣлили удѣлъ опцовскій: первый взялъ Можайскъ, другой Верею. Они подѣлили также

(290) Лѣт. Спр. ш. II, 11, Лѣт. Арханг. стр. 117, Лѣт. Типогр. стр. 250; Лѣт. Новг. годъ 1431-й; Карамз., ш. V, прим. 268.

(291) Карамзинъ, ш. V, стр. 257: «Судъ Ханскій не погасилъ вражды между дядею и племянникомъ. *Опасаясь Василія*, Юрій выѣхалъ изъ Дмитрова.» Нѣтъ! въ *Типоер. Лѣт.* (стр. 250) именно говорится: «Князь Великій Василій посла ко Князю Юрію о Дмитровѣ, глаголя: «То выморокъ мой, дяди моего Пепра,» и бысть между ними брань.» Слѣдственно: Юрія пришѣснили, и не онъ былъ зачинщикъ новой вражды.

между собою Калугу и Бѣлозерскъ. Князья сѣи явились въ Москву и ушвердили дружескій договоръ съ Василиемъ (292). Сюда-же явились и дѣвши Юрія, Василий *Косой* и Димитрій *Шемяка*. Они казались, и искренно хошѣли бышь друзьями Москвы. Косой сговорилъ шогда за себя внуку Боярина Іоанна, дочь умершаго Князя Андрея Владиміровича. Пируя на сговорѣ, Бояринъ Іоаннъ подарилъ Косому драгоцѣнный поясъ—причину будущей несчастной ссоры (293)!

Митрополишь Фомій скончался еще въ 1431 году. Князь Конспаншинъ Димитріевичъ, нѣкогда смѣло спорившій прошивъ старшаго брата, и храбро предводившій дружины Псковскія и Новгородскія, уничижолся предъ умомъ Боярина Іоанна. Надѣясь вскорѣ бышь шесшемъ Великаго Князя, Іоаннъ не зналъ уже никакой мѣры гордосши, и повелѣвалъ всѣми. Другіе царедворцы оскорблялись, молчали, и — дѣйштвовали! Къ изумленію Іоанна, вопреки слову, ко-

(292) Договоръ въ С. Г. гр. ш. I, № 46. Андрей положень въ Архангельск. соборѣ (Спр. Лѣш. ш. II, стр. 11).

(293) И пакъ Косой и Шемяка не злобштвовали прошивъ Василя, не смошря на шо, што опца ихъ оскорбляли въ эшо время (см. прим. 291)? О сговорѣ Косаго на внука Боярина Іоанна, см. прим. 297.

порое подшвердилъ ему Василій въ Ордѣ, вдругъ объявили, что Великій Князь сосватался на Маріи Ярославовнѣ, внука Владиміра Андреевича, сестрѣ Князя Боровскаго Василя Ярославича. Іоаннъ шребовалъ объясненія. Ему отвѣчали, что Великій Князь и машь его Софія Вишовшовна не хошашъ его дочери. Сшарикъ запрепешалъ отъ злобы, увидѣвъ разрушенными всѣ свои предпріяшя; ненависть заспушила въ немъ мѣшо прежняго усердія къ Великому Князю. Укоряя его неблагодарносшю, Іоаннъ уѣхалъ изъ Москвы (294).

Никшо не забошился объ Іоаннѣ, полагая, что Москва укрѣплена уже опивсюду, и ей нечего

(294) Здѣсь раскрывается намъ шайная Дворская инприга: знамяйшій родъ при Дворѣ Московскомъ, послѣ Боярина Іоанна, былъ *Кошкиныхъ* или *Захарьиныхъ*, изъ коихъ одно поколѣніе называлось *Голпяевыми* (см. прим. 25). Дочь Голпяева была за Ярославомъ Боровскимъ; слѣдшвенно: *внуку Голпяева* сговорили Великому Князю. *Андрей Голпяевъ*, одинъ изъ Кошкиныхъ, былъ послѣ шого въ большой милосши у Василя, а бабка Вел. Князя, по женѣ, Марья Голпяева, опказала Василю богашья села, долго упоминавшіяся особо въ духовныхъ Великихъ Князей. На свадьбѣ Великаго Князя, именно одинъ изъ Захарьиныхъ началъ несчастную ссору съ Косымъ, зятемъ по внуку Боярину Іоанну. Изъ всего явно, что *не Юрій и не ддти его*, Косой и Шемяка, были началомъ зла, но враги ихъ и Бояринъ Іоаннъ.

спрашишься. Юрій оставался беззащитенъ въ своемъ Галичѣ. Констаншинъ Димитріевичъ, Іоаннъ Можайскій и Михаилъ Верейскій изъясляли дружбу совершенную; брачный союзъ Василія укрѣплялъ дружество съ единственнѣмъ, оставшимся въ живыхъ попомкомъ Владиміра Андреевича, владѣтелемъ сильнаго удѣла (295). Василій Ярославичъ заключилъ договоръ съ Великимъ Княземъ, со спороны котораго были включены въ условіе Констаншинъ Димитріевичъ и Князя Можайскій и Верейскій. Князь Боровскій называлъ Великаго Князя : *Господиномъ братомъ старѣйшимъ, отцомъ Княземъ Ве-*

---

(295) Сыновья Владиміра Андреевича всѣ уже скончались въ это время; объ *Ярославѣ, Андрѣ, Василии* мы упоминали: они умерли въ Московскій моръ 1426 и 1427 г. — По *Строевск. Лѣт.* (ш. I, стр. 1), тогда-же умеръ и Симеонъ Владиміровичъ. Годъ кончины Іоанна Владиміровича неизвѣстенъ; но на гробницѣ его, въ Арханг. соборѣ, означенъ 1422-й. У всѣхъ сихъ Князей, кромѣ Ярослава, не было дѣшей мужескаго пола (см. *Родословныя*). И такъ, Василій Ярославичъ соединилъ подъ свою власть прѣпъ Москвы и всѣ удѣлы дядей; онъ исчисляешъ ихъ въ договорѣ съ Вел. Княземъ (см. прим. слѣд.). Такимъ образомъ инприга Захарьиныхъ (прим. 294), находила сильное подкрѣпленіе въ женишьбѣ Василія на сестрѣ Боровскаго Князя,

ликимъ; себя младшимъ братомъ и сыномъ. Конспаншинъ названъ былъ братанигемъ Василя Ярославича, а Можайскій и Верейскій младшими братьями. За все это ушвердили Василю Ярославичу удѣлы всѣхъ умершихъ дядей его: прещь Москвы, Серпуховъ, Боровскъ, Радонежь, Перемышль. Бабка его опдала еще ему Лужу, оставивъ себѣ нѣсколько сель; Козельскъ возвратили Великому Князю. Сыновья Юрія, Косой и Шемяка, не учаспвовали въ переговорахъ, но не хощѣли приславашь къ опцу, или вмѣшивашься въ замыслы бѣглеца, Боярина Іоанна Димипріевича. Объ удѣлѣ опца ихъ не было говорено ни слова (296).

Дѣши Юрія не были однакожь Князьями, могущими рабски унижашься и безнаказанно аперпѣшь личныя оскорбленія. Къ несчастію, гордая Софія Вишовшовна не подумала о помѣ. Свадбу Великаго Князя праздновали 8-го Февраля (1433 г.). Тупъ, среди веселаго свадебнаго пира, ей указали на богашый поясъ, подаренный Іоанномъ Димипріевичемъ Василю Косому; въ эпошъ день Косой надѣлъ на себя бѣдспвенный поясъ. Двое спарыхъ Бояръ, Пешръ Конспаншиновичъ и Захарія Кошкминъ, узнали

---

(296) Договоръ съ Княземъ Боровскимъ, въ *Собр. Г. грам.* т. I, № 45.

поясъ сей, хорошо знакомый имъ: онъ былъ шоптъ самый, кошорый подарилъ нѣкогда Князь Димитрій Конспаншиновичъ Суздальскій Димитрію Донскому, отдавая за него дочь свою. «Узнаю эшоптъ поясъ!» кричалъ Кошкинъ. «Онъ пропалъ у меня, когда раскрали казну Великокняжескую!» Говорили, что въ самомъ дѣлѣ поясъ былъ подмѣненъ Тысяцкимъ Василюемъ Васильевичемъ, сынъ кошораго, Микула, былъ женашъ на другой дочери Димитрія Конспаншиновича; что Тысяцкій отдалъ его Микулѣ, а Микула за своею дочерью Іоанну Димитріевичу, кошорый подарилъ сей поясъ, сперва за дочерью, Андрею Владиміровичу, пошомъ, за внукою, Василю Косому. Началась пошпудная ссора. Софія Вишовповна сама, своими руками, сорвала поясъ съ Василя Косаго. Въ бѣшенствѣ, Косой и Шемьяка поклялись ошмспитъ обиду, и немедленно скрылись изъ Москвы (297).

---

(297) Карамзинъ (п. V, прим. 270): «На свадьбѣ у В. К. позналъ Петръ Конспаншиновичъ на Князь Василю Юрьевичѣ поясъ златъ, на цѣпяхъ, съ каменіемъ, что былъ приданный Князя Великаго Димитрія Ивановича, оптъ Князя Дм. Консп. Суздальскаго. Се же пишемъ того ради, понеже мноого зла съ того ся потало. Тотъ поясъ златъ, о свадьбѣ В. К. Дим. Ив. подмѣнилъ Василю Тысяцкій: Князю Вел. далъ меньшей, а шоптъ далъ сыну своему. Микулѣ. А за Мику

Тогда узнали всю силу ума Боярина Іоанна Димитріевича. Выѣхавъ изъ Москвы, Іоаннъ успѣлъ уже бысть въ Угличѣ у Коншанпина, попомъ въ Твери, и наконецъ ошправился въ Галичъ къ Юрію. Такъ скрыпно сдѣланы были шамъ пригошовленія, чшо не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ ссоры на свадьбѣ Великокняжеской, и уже бѣдные изгнанники: Юрій, дѣпи его, Бояринъ Іоаннъ, шли къ Москвѣ, предводишельспвуя сильными дружинами. Пепръ Коншанпиновичъ, намѣспникъ Росповскій, едва успѣлъ прискакашъ въ Москву съ вѣспью, чшо Юрій находитшся въ Переяславлѣ, и безоспановочно

лою была пого-же Князя Дим. Консп. Суздальскаго дочь его большая, Марія. А Микула поясъ даль въ приданые-же *Ивану Димитріевичу* (Боярину Іоанну), а Иванъ Димитр. даль его *за своею догерью* Князю Андрею Владиміровичу. Попомъ-же, по смерпи Княже Андреевѣ (1426 г.), по Ордынскѣмъ приходѣ (ш. е. по возвращеніи опъ Улу-Махмета, въ 1432 г.), Иванъ Димитріевичъ Княжу Андрееву дочерь, а свою внуку, *обрутилъ за Князя Василія Юрьевича* (слѣдспвенно, Косой былъ женапъ или, по крайней мѣрѣ, помолвленъ на внукѣ Боярина Іоанна), и поптъ поясъ даль ему, » и проч.—Въ *Арханг. Лѣт.* спр. 117-я: «На шой свадьбѣ Захарья Ивановъ Кошкинъ (шакъ и въ *Строевск. Лѣт.* ш. II спр. 11) имался за поясъ у Князя Василія Юрьевича Косаго, рекучи: «Топъ поясъ пропаль у меня, » и проч.

идеть далѣ. Безпечное сонмище совѣшниковъ Великаго Князя не знало, что дѣлать въ неожиданной опасности. Послали двухъ Бояръ, Лужу и Товаркова, переговаривашь съ Княземъ Юріемъ. Они заспали его уже близъ Троицко-Сергіева монастыря. Іоаннъ, первеншвуя въ совѣшѣ Юрія, не далъ присланнымъ вымолвить слова. Съ обѣихъ споронъ бранились, говорили слова неподобныя. Послы возвратились въ Москву бездѣльны. Юрій поспѣшно шелъ за ними. Тогда рѣшились сражаться. Наскоро собрали пьяную, буйную толпу народа, и 25 Апрѣля Великій Князь встрѣшилъ Юрія верстахъ въ 20-ти отъ Москвы, на берегу Клязьмы. Едва сразились, Василій бѣжалъ, въ препенѣ и *торопленіи великомъ*. Онъ возвратился въ Москву, взялъ мать свою, жену, уѣхалъ въ Тверь, пощомъ въ Коспному. Юрій безпрепятственно всхунилъ въ Москву, и объявилъ себя *Великимъ Княземъ*. Дѣти Юрія преслѣдовали Василія; самъ Юрій пошелъ за ними, и въ Коспномѣ Василій ошдался имъ, съ женою и съ машерью; слезно прося пощады (298).

---

(298) О посланныхъ для переговоровъ съ Юріемъ: « Иванъ Дмипревичъ не далъ о мирѣ слова молвити; и бысть брань велика и слова неподобныя, и возвратишася послы бездѣльны.» — О походѣ Василія противъ Юрія: «Мнози отъ нихъ (Москвичей) пьяни

Одинъ только другъ остался тогда у Васи-
лія Васильевича, шуринъ его *Василій Ярославитъ*:
онъ не передавался Юрію; но что могъ онъ
предпринять? Всѣ другіе раболѣпно покорились
спарому Князю. Онъ могъ шеперь самовласно
рѣшить судьбу племянника. Констанпина Ди-
мипріевича, можетъ быть, не хотѣли допустить
къ дѣламъ, или онъ не хотѣлъ самъ ни во что
вмѣшиваться; знаемъ только, что онъ посприг-
ся тогда въ Симоновской обители, пребывалъ
въ ней, и вскорѣ попомъ скончался, подъ име-
немъ инока *Кассіана* (299). Князья Можайскій,

бяху, и съ собою медъ везяху, чтобы пипи еще.» О
прощеніи Василя Юріемъ: «Со слезами и съ плачемъ
добилъ дядѣ своему», и проч. (Карамзинъ, т. V, прим.
271).

(299) По *Кормовой книгѣ* Симоновской обители
(См. Карамзина, т. V, прим. 122) значахся вклады
Констанпина, инока *Кассіана*: ежегодно 20 кадий
ржи, 10 кадей овса, 5 кадей пшеницы, 10 сыровъ,
пудъ масла, «по своей душѣ на поминокъ.» Въ сей
книгѣ означенъ и день кончины Констанпина: 9-е
Мая; но едѣ кончины неизвѣстенъ. Въ *Родословныхъ*:
«Князь К. Д., во иноцѣхъ Кассіанъ, бездѣшенъ, ле-
житъ на *Симоновѣ*». Гробница его существовала, еще
въ Симоновѣ во времена Царя Іоанна: въ 1558 г.
Іоаннъ прислалъ на нее покровъ чернаго бархата, съ
крестомъ изъ червчапаго бархата; велѣлъ служить

Верейскій, Рязанскій спѣшили заключишь дружескіе договоры съ Юріемъ. Первые, утверждая за нимъ Великое Княжество, прежній его удѣль (Звенигородъ и Галичъ), и *Царское жалованье* Дмишровъ, клялись *неслагаемымъ* цѣлованіемъ креста блюсти все по за нимъ, и за дѣшми его, послѣ его смерти. Князь Рязанскій обѣщался «не приславашъ къ Ташарамъ, не оканчивашъ, не ссылашся съ Василіемъ, не принимашъ къ себѣ въ вошчину ни его, ни Бояръ его, сложишь къ нему присягу, и бышь прошивъ него съ Юріемъ за одинъ; пакже сносишся съ Княземъ Лишовскимъ черезъ Юрія, а не мимо его, и, въ случаѣ спора, раши съ Москвою не начинашъ, но судишся прешьими» (300).

по Констаншинѣ обѣды и панихиды, и изъ Большаго Дворца опускашъ на брашю калачи, рыбу и квасъ; въ 1561 г. онъ прислалъ на поминъ Констаншина *Англійскій* колоколъ, въ 33 пуда, съ *Нѣмецкою* надписью. Но теперь въ Симоновской обипели нѣшъ никакихъ слѣдовъ гробницы Констаншина. — Въ договорѣ, копорымъ Юрій уступилъ Великокняжесство племяннику въ 1433 г., Констаншинъ еще упоминаешся Княземъ; но въ договорѣ Шемяки и Краснаго съ Василіемъ (Собр. Гос. грам. ш. I, № 52, 53), въ 1434 г. уже говоришся о *дѣлѣждъ Константинова* удѣла. И пакъ онъ, или скончался въ это время, или опрекся опъ міра.

(300) Собр. Г. гр. ш. I, № 47 и 48.

Успѣхъ былъ вовсе неожиданный. Но Юрій, сарый, нерѣшительный, слѣдовавшій совѣшамъ другихъ, вскорѣ упурашилъ усердіе всѣхъ, оскорбилъ Іоанна Димитріевича, даже расссорился съ своими родными дѣшми. Привыкнувъ слушашься Галицкихъ и Звенигородскихъ Боярѣ, онъ особенно былъ подчиненъ волѣ любимца своего, Боярина Морозова. Эшошъ любимецъ уговорилъ Юрія просипшъ племянника, помирисья съ нимъ, приняшъ его въ любовь, дашъ ему въ удѣлъ Коломну. Напрасно спорили дѣши Юрія, Іоаннъ и другіе Бояре. Призвавъ Василю, дядя помирился съ нимъ, угоспилъ его, и взявъ кляшвы въ повиновеніи, оппустилъ на Коломну, съ матерью, женою и Дворомъ его. Сдѣлавъ споль важную ошибку, Юрій совершенно предался волѣ Морозова. Все возспавало пропшвъ сего гордаго любимца Великокняжескаго. « Мы не привыкли служишъ Галичанамъ, » говорили Бояре и Воеводы, и ѣхали въ Коломну. Однимъ изъ первыхъ перемешчиковъ шуда былъ Іоаннъ Димитріевичъ (301). Косой и Шемяка не могли

---

(301) Карамзинъ (ш. V, стр. 261): «Пріѣхавъ въ Коломну, Василій началъ отпсюду сзывать къ себѣ народѣ, Боярѣ, Князей; всѣ шли къ нему охотно, ибо признавали его законнымъ Государемъ, а Юрія хищникомъ. . . . Въ нѣсколько дней Москва опустѣла: граждане не пожалѣли ни жилищѣ, ни садовѣ своихъ,

перпѣшь болѣе. Въ набережныхъ сѣняхъ Крем-

и съ драгоценнѣйшимъ имуществомъ выѣхали въ Коломну, гдѣ не доставало мѣста въ домахъ для людей, а на улицахъ для обозовъ. Однимъ словомъ: сей городъ сдѣлался истинною столицею Великаго Княженія, многолюдною и шумною. Въ Москвѣ-же царствовали уныніе и безмолвіе: *теловѣкъ рѣдко встрѣчался съ теловѣкомъ, и самые послѣдніе жители готовились къ переселенію.* Случай единственныи,» и проч. — *Ничего этого нѣтъ въ лѣтописяхъ, и могло-ли это быть?* Подобной прибавки не дозволилъ себѣ даже Щербаповъ: сличите его описаніе, забавное по слогу, но не столь обезображенное своевольнымъ вымысломъ о небывалой любви народной къ Василию (Исп. Росс. ш. IV, ч. I, стр. 468). И прежде и потомъ, народъ равно повиновался Юрію и Василию, не разбирая правъ ихъ, а полюбить шого или другаго особенно, ему и нѣкогда еще было. Все дѣло заключалось въ крамолѣ придворной. Сличите для сего Лѣтописи. Морозовъ, измѣнникъ, или подкупленный Василиемъ, уговорилъ Юрія пощадить племянника, и опустить съ нимъ приверженцевъ его. Это оскорбило другихъ царедворцевъ, предвидѣвшихъ бѣду: *«И опѣхаша на Коломну всѣ дворяне опѣ мала и до велика, не позыкли служить Галицкимъ Княземъ, и Иванъ Дмитріевичъ съ дѣтьми»* (Архангел. Лѣт. стр. 118). Въ Никон. Лѣт., откуда Карамзинъ взялъ основаніе разсказа, говорится: *«Иванъ Дмитріевичъ вознегодова, и не любо бысть ему сіе зѣло, что простыню даешъ ему (Василию), еще-же и удѣлъ хоцешъ даши; и не почию единъ И. Д., но иніи мнози бояре и слуги разъяришеса о семъ, и нелюбо бысть сіе всѣмъ. . . . Князь Василій пришедъ на Коломну, нача звати къ себѣ людей оп-*

левскаго двора, они поссорились съ Морозо-

всюду, и мнози собирахуся къ нему (только: мнози, а не вся Москва переселилась въ Коломну), тоже Князи, и бояры, и воєводы, и вси дворяне (ш. е. Московскіе, завидовавшіе Галицкимъ временщикамъ), и слуги начаша опкладывапись опть Князя Юрія, и пойдоша съ Москвы на Коломну безпреспанно опть мала и до велика, понеже не любо имѣ бысть всѣмъ на любовника Княже Юрьева, на Семена Морозова. . . . и не оспася Москвитѣ (ш. е. придворныхъ и чиновниковъ) никтоже» (Ник. Лѣт. ш. V, стр. 114, 115). Гдѣ же шупть подробности, выведенныя Карамзинымъ? — Имя Боярина Іоанна не упоминается въ лѣтописяхъ послѣ сего событія. Вѣроятно, онъ умеръ въ это время. Дѣти его, два сына: Иванъ и Семень, оспавались у Василія, и были въ почестѣ. У Семена было два сына: Иванъ Бздиха и Андрей Кутиха; послѣдній умеръ бездѣпенъ; первый имѣлъ сына Семена, умершаго бездѣпнымъ. у Ивана Ивановича были четыре дочери, вышедшія за знатнѣйшихъ вельможъ при Іоаннѣ III-мъ: Князя Даніила Холмскаго, Князя Ивана Булгакова, Князя Семена Брюхашаго и Василія Ряполовскаго Косаго, который былъ посприженъ неволею въ 1499 году, и попомъ игралъ важную ролю въ старости своей, при Василіи Іоанновичѣ (См. Родословныя). Симъ прекратился родъ Боярина Іоанна. Родъ брата его, Феодора Турика, кончился двумя бездѣпными сыновьями, изъ коихъ одинъ умеръ возвращаясь изъ Орды съ дядею, въ 1432 г., другой убитъ подъ Бѣлевымъ въ 1437 году. Родъ Всеволожскихъ продолжился опть младшаго сына Александра Всеволодовича, Ивана, который былъ дядя Боярину Іоанну; другой дядя его, Владиміръ, умеръ бездѣпенъ.

вмѣ, винили его въ измѣнѣ, называли шаршиь
крамольникомъ, лиходѣемъ своимъ, наводящимъ
на бѣду слабаго ихъ опца. Опъ словъ дошло
до мечей; въ бѣшенствѣ, Князья убили Мо-
розова, и, боясь гнѣва опцовскаго, уѣхали изъ
Москвы (302).

Что-же сдѣлалъ Юрій, оспавленный дѣшымъ
и совѣпниками? Онъ уступилъ Василию добро-
вольно шо, чего добивался восемь лѣшъ съ ша-
кимъ насиліемъ, и что получилъ споль легко и
неожиданно. Гнѣваясь на шаршихъ дѣшей, онъ
исключилъ ихъ изъ мира, и написалъ договоръ,
по которому онъ, и младшій сынъ его, Димит-
рій Красный, уступали Василию Великое Кня-
жесшво, оспавляя себѣ прежній удѣлъ, Звениго-
родъ и Галичь, промѣнивали Дмишровъ на Бѣ-
жецкій Верхъ и нѣсколько Коспромскихъ во-
лосшей, и опрекались опъ Косаго и Шемя-

302) «Поспавиша бранъ на Морозова: «Ты учинилъ
бѣду опцу нашему и намъ» (въ *Никон. Лѣт.* приба-
влено еще: «Издавна еси намъ коромольникъ, и нашъ
лиходѣй)! И убиша его въ набережныхъ сѣняхъ» (*Арх.
Лѣт. спр.* 118). Простю: сдѣлалась ссора, и гордый
измѣчникъ Морозовъ былъ убишъ въ запальчивоспи
за оскорбленіе Косаго и Шемяки. Карамзинъ порицаешъ
ихъ за шо жестокошью права (ш. V, спр. 212).

жи. Желая только спокойствія, Юрій опрѣкса ходишь на войну съ Липвою; Василій обѣщался не пересуживать опредѣлений, сдѣланных на Москвѣ Юріемъ, и принялъ на себя 600 рублей, занявшихъ имъ у Московскихъ гостей и суконниковъ, для уплаты Ордынскаго долга. Юрій удалился въ свой удѣль. Василій возвратился въ Москву (303).

Немедленно отправилъ онъ Юрія Пашрикѣвича на Косаго и Шемяку, съ сильною дружиною. Оспавленные опцомъ и друзьями, сія Князья не робѣли, собрали Галичанъ, Вяпчанъ, разбили

(303) Новыя прибавки Карамзина (т. V, стр. 262): «Василій явился провождаемый Боярами, толпами народа и радостными ихъ кликомъ. Зрѣлище было необыкновенное: вся дорога отъ Коломны до Москвы (т. е. почти 100 верстъ) представлялась улицю многолюднаго города, гдѣ пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, спремясь вслѣдъ за Вел. Княземъ, какъ пчелы за маткою, по спарому, любимому выраженію нашихъ лѣтописцевъ.»—Этого нѣтъ ни въ *Ник. Лѣт.*, ни въ *Степенной книгѣ*, ни у *Щербатова!* — Договоръ Василія съ Юріемъ, въ *Собр. Гос. грам.* т. I, № 49. Юрій, оскорбленный смертію Морозова, говоритъ: «Дѣпей ми своихъ, большихъ, Князя Василія, да Князя Дмистрія не пріимати, и до своего живопса, ни моему сыну меньшому Князю Дмистрію не пріимати ихъ, а шебъ (Василію) ихъ пакже не пріимати.»

неискушеннаго Воеводу Московскаго на рѣкѣ Ку-
си, взяли его самого въ полонъ, опспунили
къ Коспромѣ, и укрылись попомъ въ шамошнія
дикія лѣсныя мѣста.

Сшарикъ Юрій не вступался въ дѣла спар-
шихъ дѣшей, но мщеніе Василія безразсудно упа-
ло на него. Досадуя на разбишіе раши своей,
Василій обвинялъ дядю, что въ бою на Куסי,
въ войскѣ Косаго и Шемяки были его воины и
воеводы. Не смѣя нападать на Косаго и Ше-
мяку, онъ пошелъ къ Галичу, гдѣ спокойно жилъ
спарый его дядя. Юрій бѣжалъ въ Бѣлозерскъ.
Василій выжегъ беззащитный Галичъ, и опспу-
пилъ къ Переяславлю. Тогда, оскорбленный Юрій
рѣшился снова возспать на неблагодарнаго пле-
мянника. Онъ проспилъ сыновей своихъ; скоро
собрались къ нимъ опспуду дружины, и раннею
весною Князя двинулись на Василія. Жеспокій
бой происходилъ въ Росповской области, близъ
монаспыря *Св. Николая на горѣ*. Совершенно
разбитый, Василій не смѣлъ укрышья въ Мо-
сквѣ и бѣжалъ въ Новгородъ. Союзникъ его,
Князь Можайскій, съ поля битвы укрылся въ
Тверь, куда предварительнo опспезъ онъ машь
свою. Здѣсь въ одно время, посланный опъ Ва-
силія молилъ его не опспупать въ несчастіи, а
посланный опъ Юрія звалъ его мириться съ дя-
дею. Можайскій не поколебался; онъ велѣлъ ска-

зашь Василю: «Гдѣ ни буду, вездѣ я пвой чело-
вѣкъ; но едлы пошерю ошину, машь моя на-
скипаетса по чужбинѣ,» повѣхалъ къ Юрію, и за-
спалъ его уже у Троицкаго монаспыря (304),
Василій бѣжалъ не оспанавливаясь до самаго

(304) Карамзинъ говоритъ, что Юрій «скоро нару-
шилъ свое обѣщаніе, и послалъ къ дѣтямъ своимъ
дружину» (ш. V, стр. 263). Въ Лѣтописяхъ этого
нѣтъ. Доказательство, что на Юрія зводили напра-
слину, заключаеца въ событіяхъ: Косой и Шемяка,
разбивъ Москвичей, ушли къ Коспромѣ, потомъ къ
Волгѣ, къ Турдеевымъ оврагамъ (?); а Юрій, надѣясь
на чистоту своей совѣсти, спокойно жилъ въ
Галичѣ, и едва успѣлъ убѣжать опшуда на Бѣлоозе-
ро, когда посланные отъ Василя внезапно напали
на него. Въ *Архан. Лѣт.* стр. 119, сказано, что
у Косаго и Шемяки были *Вятгане* и *Галигане*.
Но сіи послѣдніе, разумѣеца, были не *Князя Юрія*
дружина, но удалая сволочь, которая всегда подкрѣпля-
ла любаго Князя, призывавшаго ее. Тутъ-же сказано,
что Косой и Шемяка заѣли въ Галичѣ уже по *уходѣ*
отца ихъ. Наконецъ въ *Псковской Лѣтописи* про-
сто объясняеца: «Князь Великій поиде ратью на *Кня-*
зя Юрія, терезъ мирную руку и правду; церкви пож-
же въ Галичѣ и монаспыри,» и проч. (Исп. Г. Р. ш.
V, прим. 273). О биспѣ въ Ростовской области, *Ти-*
поер. *Лѣт.* стр. 251, говоритъ, что сія биспва про-
исходила на рѣкѣ *Могзѣ*. На большой каршѣ Россіи
находимъ рѣку *Макзу*, впадающую въ рѣку Успье,
пекущую въ рѣку Копоросль; на Макзѣ естъ селеніе

Новгорода, молилъ, просилъ шамъ о помощи и защитѣ. Явленіе было давно невиданное: Великіе Князья со временъ Калипы не пріѣзжали бишь челомъ Новгородскому вѣчу (305). Василиій думалъ, что за нимъ гоняшся по слѣдамъ. Вѣче шумно вооружилось на его защиту. Толпы воиновъ Новгородскихъ выѣхали, вышли на встрѣчу дружинъ Юрія, ждали и не дождались ихъ, ибо Юрій не думалъ преслѣдовашь бѣглеца, но спѣшилъ прямо къ Москвѣ. Въ среду на Спраспной недѣлѣ спалъ онъ подъ Москвою, окружилъ войсками Кремль, гдѣ зашворились мамъ и супруга Василия; поражение Московскихъ дружинъ было шоль быспро и неожиданно, что Княгини не успѣли убѣжашь изъ Москвы. Въ среду на Свяшой недѣлѣ Кремль сдался; плѣнныхъ Княгинь опослали въ Звенигородъ, и

Никольское. — Къ Іоанну Можайскому въ Тверь пріѣзжалъ опшъ Василия *Андрей Голтлевъ*, дѣятельный учаспникъ всѣхъ дѣлъ Василия.

(305) Александръ Михайловичъ Тверской былъ послѣдній Великій Князь, просившій милоспи Новгородцевъ, въ 1328 году. И черезъ *сто лѣтъ* послѣ сего, въ Новгородъ прибѣжалъ попомокъ Калипы, Симеона, Димитрія, Василия, поспоянныхъ припѣснителей Новгородскихъ! Какъ гордо вступились за него Новгородцы: «*Выѣха* весь Великій Новгородъ рашю въ поле,» и проч. (Новг. лѣт. Г. 1434-й).

Юрій Димитріевичъ имѣлъ наслажденіе — еще разъ объявишь себя Великимъ Княземъ, и уметь на Великокняжескомъ престолю (306).

Онъ не прожилъ и трехъ мѣсяцевъ; успѣлъ только послать на Василю дружины свои, подъ начальствомъ Шемяки и Краснаго. Василій находился въ Новгородѣ при недѣли, видѣлъ ненадежность защиты, поѣхалъ на Мологу, въ Коспому, въ Нижній Новгородъ, вездѣ слышалъ опказы, и уже готовился бѣжать въ Орду. Шемяка велъ на него войско, и споялъ во Владимірѣ, когда получилъ опъ Косаго извѣстіе о смерти опца: Юрій скончался въ началѣ Іюня (1434 г.). Косой увѣдомлялъ брата о вслуплении своемъ на престолъ Великокняжескій (307).

Шемяка показалъ великодушіе необыкновенное. Съ кончиною Юрія, Василій Васильевичъ получалъ законное *право наследства*, какъ сынъ старшаго брата. Этого желалъ, кажется, и Юрій при кончинѣ своей. Можетъ быть, споя на порогѣ гроба, онъ увидѣлъ всю суешность честолюбивыхъ предпріятій своихъ, и, всегда бывши бла-

(306) Типогр., Стр. и другіе лѣтописи.

(307) Гробница Юрія находится въ Архангельскомъ соборѣ.

гочеспивымъ Христіаниномъ (308), раскаявался, но поздно, что мирное спокойствіе старости промѣнялъ на волненіе честолюбія и суешной власпи. По крайней мѣрѣ, онъ оставилъ Духовную, въ которой раздѣляешь сыновьямъ только свой *наслѣдственный удѣлъ, Царское жалованье* — Дмишровъ, *Костромскія селы*, выворенныя у Василія, и *Вятку*. О Великомъ Княжествѣ нѣтъ ни слова въ Духовной Юрія (309).

(308) Карамзинъ не хотѣлъ замѣтить великодушнаго подвига Шемяки, которому немного найдемъ примѣровъ въ Исторіи. Онъ приписываетъ благородный поступокъ сей пому, что Шемяка *«не любилъ и презиралъ своего брата»* (т. V, стр. 265)! Но Лѣтописи сохранили намъ прекрасныя слова Шемяки, сказанныя при полученіи извѣстія о смерти опцовской, и выражающія, не злобу къ родному брату, но совершенную покорность Шемяки Провидѣнію. — Благочестіе Юрія доказывается тѣмъ, что онъ особенно благошворилъ обители Троицко-Сергіевской, и болѣе другихъ его иждивеніемъ построена была церковь надъ мощами Св. Сергія (Ист. Росс. Іерархіи, т. II, стр. 63). Звенигородская обитель Св. Саввы была имъ-же основана, и Св. Савва Звенигородскій былъ его другомъ и духовникомъ. По восшествіи своемъ на Великокняжество, Юрій перевелъ Св. Савву въ Троицко-Сергіевъ монастырь, гдѣ онъ оставался однакожь недолго, опять перешелъ въ Звенигородъ, и мирно скончался во своей обители.

(309) Духовная Юрія, въ *Собр. Г. грам.* т. I, № 51.

Измученный неожиданною кончиною отца, узнавъ послѣднюю волю его, Шемяка велѣлъ сказать старшему брату: «Если не было судьбы Божіей княжить отцу нашему, мы съ братомъ не хотимъ видѣть тебя на мѣстѣ его,» и послалъ къ Василию Васильевичу, признавая его Великимъ Княземъ и призывая въ Москву.

Василій едва вѣрилъ неожиданнымъ словамъ—какъ невозможенъ казался ему великодушный поступокъ Шемяки. Головой бѣжашъ къ Татарамъ для спасенія живота, Василій вдругъ увидѣлъ себя повелицелемъ сильной, посланной противъ него дружины воинской. Онъ пріѣхалъ во Владиміръ, дружески былъ встрѣченъ Шемякою, и вмѣстѣ съ нимъ двинулъ войско на Москву. Въ безсильной ярости, Косой проклиналъ поступокъ брата, не хотѣлъ уступать, бѣжалъ изъ Москвы, но не отказался отъ борьбы за Великое Княжество. Братья объявили себя непричастными будущимъ дѣламъ Косого, предославили Василию управляться съ нимъ, не спорили, когда Василій объявилъ его лишеннымъ удѣла и присовокупилъ Звенигородъ къ Великому Кня-

---

Карамзинъ утверждалъ, что сія Духовная Юрія была написана «задолго до его смерти» (т. V, 264). Когда же? Карамзину хотѣлось симъ утверженіемъ уничтожить силу важнаго акта, доказывающаго слабую, но добрую душу престарѣлаго Князя.

жешву, не спорили ни за Дмипровъ, ни за Вяшку. Они взяли полько свои удѣлы: прешъ Москвы, Рузу, Галичъ, Вышгородъ. Василій придалъ имъ еще удѣлъ умершаго въ шо время дяди Конспаншина, Угличъ и Ржевъ. Шемяка и Красный мирно подѣлились между собой, и дружески разспались съ Москвою (310).

Шемяка хопѣлъ добра, мирился искренно — увидимъ эшо изъ послѣдствій, и изъ дѣлъ узнаемъ характеръ сего Князя, храбраго, добраго, пылкаго гошоваго на зло полько въ минушу гнѣва, но всегда способнаго загладишь попомъ свое преступленіе раскаяніемъ, охошно прощавшаго обиду и довѣрчиваго до легкомысленности. Не шаковъ былъ Василій — скрыпный, хипрый, жешпокій, подозришельный. До сихъ поръ

---

(310) Договоръ Шемяки и Краснаго съ Василюмъ въ *Собр. Гос. ерачатъ*, ш. I, № 52, 53. Умѣренность, съ какою поступалъ при семъ случаѣ Шемяка, *не хотѣвшій нитого выторговать*, и упорное соблюденіе мира, до послѣдней, крайней обиды, какую нанесъ ему Темный въ 1434 г., наградивъ дружбу его вѣроломнымъ заключеніемъ въ шемницу, доказывающъ великодушный, хопя и горячій, безравсудный характеръ Шемяки. Нечего спорить о томъ, что идя прошивъ Василю, онъ могъ выиграть гораздо больше, и что Василій согласился-бы при семъ случаѣ на всякія пожертвованія.

еще не знали его: онъ вскорѣ показалъ вполнѣ умъ свой, и — душу! Испытанный неудачами съ самаго дѣтства, до двадцати-лѣтняго возраста княживъ уже около десяти лѣтъ, воспитанный опытыми совѣтниками хитраго опца, въ юности испытавшій Ордынскія крaмoлы, два раза шеврившій престолъ свой, онъ — не хошѣлъ пошерять его въ третій разъ. . . .

Надобно было управиться съ Косымъ. Разъяренный попереку Великокняжесва, Косой захватилъ казну опцовскую, бѣжалъ въ Переяславль, подговорилъ шамъ Московскаго Намѣшника, Князя Романа, и ушелъ въ Новгородъ. Новгородцы не хошѣли ему помогать, вѣрояшно, видя несообразность борьбы съ Москвою. Узнавъ, что Романъ хошетъ снова передаться Москвѣ, Косой умертвилъ его безчеловѣчно, и оставилъ Новгородъ, дѣйствуя какъ непріатель (311). Онъ надѣялся на храбрость: зналъ, что однажды въ одной битвѣ рѣшилась учассть Василія; думалъ, что это можеть случиться

(311) Роману опрубили руку и ногу. Въ *Новг. Лѣт. г. 1434-й*: « много пограби, идуще по Мспѣ, и по Бѣжецкому Вержу, и по Заволочю, и много зла бысть опъ него » (Косаго). О характерѣ сего Князя спора бысть не можеть. Онъ видѣнъ изъ дѣлъ: гордый, свирѣпый, упрямый.

въ другой разъ, и собиралъ вольныя дружины въ сѣверныхъ обласяхъ, грабя селенія по берегамъ Мсшы, въ Бѣжецкѣ и Заволочѣ. Зимой выступилъ прошивъ него Василій. Косой бросился съ своими шолпами ошъ Коспромы къ Москвѣ. Враги встрѣтились между Росповомъ и Ярославлемъ, на берегахъ Кошоросли. Толпы Косаго не успоали въ бипвѣ (Января 6, 1435 г.). Но Косой не унывалъ. Схвапивъ дружины, оспававшіяся въ Кашинѣ, онъ набѣгомъ ограбилъ Вологду, взялъ въ полонъ памошнихъ Воеводъ, звалъ къ себѣ Вяпчанъ, и, усиленный ими, снова споялъ у Коспромы, гомовый на бипву. Василій неутомимо прелѣдовалъ его и пришелъ шакже къ Коспромѣ. Рѣка разлучала ихъ; переправиться было невозможно. Василій предложилъ миръ; Косой согласился, получилъ Дмишровъ, казался довольнымъ, и пріѣхалъ въ новый удѣлъ свой (312).

Но непримиримые соперники шолько обманывали другъ друга. Проживъ мѣсяцъ въ Дмишровѣ, Косой прислалъ въ Москву договорныя гра-

---

(312) Карамзинъ говоритъ, что въ Императорской Библиотекѣ хранится списокъ договора, заключеннаго между Косымъ и Васи́лемъ, подъ Коспромою (ш. V, прим. 278). Но онъ не излагаетъ содержания сего договора.

иапы, объявилъ войну: снова и уѣхалъ въ Коспому. Опять собрался къ нему ошвсюду вольныя дружины и Вяшчане. Василій рѣшился нанести ударъ окончателный, медлилъ, пригото- влялся, звалъ Князя Можайскаго и брата Косаго, Димитрія Краснаго. Къ зимѣ, Косой началъ войну походомъ на Галичъ и Устюгъ. Галичъ сдался. Устюгъ, гдѣ зашворился Князь Оболенскій, воевода Московскій, защищался девять недѣль, и, взятый приступомъ, былъ опущенъ. Оболенскаго, Десятника Митрополитскаго и многихъ Устюжанъ убили, повѣсили; Вяшчане вновь усилили войско Косаго: Онъ ждалъ только весны, и хвалился, что теперь уже не устюяшь Москвѣ (313).

Шемяка рѣшительно не вѣшивался въ сѣмъ междоусобіи. Онъ мирно жилъ въ Угличѣ и со- свавался въ это время на Княжнѣ Софіи, доче- ри Князя Димитрія Заозерскаго, одного изъ удѣльныхъ Князей Ярославскихъ, копорому при- падлежали небольшія земли за Кубенскимъ озе-

---

(313) Замѣтимъ, что не смотря на свою свирѣ- постъ, Косой не дѣйствовалъ измѣною: онъ *объявилъ войну* Василию; мечу предоспавлено было отъ него рѣшеніе дѣла. Въ *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 14, «розмет- ныхъ (граматы) послѣ.... и поиде съ Устюга на Вел. Князя, похваляся.»

ромъ (314). Желая доказать искреннюю дружбу свою Великому Князю, и осуждая поспулки брата, Шемяка прѣхалъ въ Москву, звать къ себѣ Василя на свадьбу въ Угличъ. Подозрительный Василій видѣлъ злоумышленіе въ добродушной довѣрчивости Шемяки, или хопѣлъ имѣвъ въ рукахъ важнаго заложника. Шемяку оковали цѣпами по его повелѣнію, свезли на Коломну и заключили въ тюрьму. Бояринъ Спарковъ былъ у него присавомъ (315).

---

(314) Князь Димитрій Заозерскій былъ попомокъ Феодора Чернаго (см. И. Р. Н. т. IV, прим. 248), праправнукъ его, сынъ Князя Василя Ярославскаго, который раздѣлил удѣлы сыновьямъ. *Заозерье* составляли земли за *Кубенскими озеромъ*. Пребываніе Заозерскихъ Князей было въ городкѣ на устьѣ Кубены, гдѣ нынѣ село *Устье*. Димитрій Заозерскій особенно отличался благочестіемъ: онъ устроилъ Кушпинскій монастырь, въ 3-хъ верстахъ отъ своего мѣстопребыванія, пригласивъ туда Св. Александра съ рѣки Сянжены; сынъ Князя Димитрія, Андрей, будучи 12-ми лѣтъ, удалился въ Каменскій монастырь (*Ист. Р. Н. т. IV, прим. 203*), и тамъ поспригся. Тѣло его было обрѣтено неслѣнно въ послѣдствіи (*Исторія Рос. Іерархіи т. III, стр. 89, и IV, 331*). Темный уничтожилъ попомъ Заозерское княжество, за родство Князя Димитрія съ Шемякою. Попомки Димитрія Заозерскаго были при Дворѣ Московскихъ Великихъ Князей, подъ именемъ Князей *Кубенскихъ*.

(315) Здѣсь даже и Карамзинъ, видѣвшій въ Шемякѣ образецъ злобы и низости, осуждаетъ поспунокъ

Пока одинъ брань шомился въ желѣзахъ, Василій погубилъ злобнаго врага своего, другаго брата, и погубилъ шакъ немилосердо, что напомнилъ современникамъ ужасную судьбу Василька и злодѣйство Давида, совершившееся въ XI-мъ столѣтїи и съ шѣхъ поръ неслыханное! Василій выпушилъ весною изъ Москвы, съ силами многочисленными. Войско Косаго усилили въ эшо время войны Шемяки, желавшіе мспишь за своего Князя. На опчаянную бипву сошлись въ Росповской области, близъ Скаряшина. Косой хошѣлъ обманушь непрїателя: просилъ перемирїа до слѣдующаго упра, и, думая заспахъ Москвитянъ въ расплохъ, ударилъ внезапно. Но Василій былъ оспороженъ, показалъ смѣлосшь

Василїа, называя его «дѣйствїемъ прошивнымъ чеспи,» которое « не могло бышь оправдано подозрѣнїемъ въ шайныхъ, враждебныхъ умыслахъ, еще недоказанныхъ и сомнительныхъ » (ш. V, спр. 266). *Подозрнїе* не оправдалось и пошомъ, ибо Шемяка умѣлъ проспить Василїю даже и эшо шажкое оскорбленїе. Самъ Щербатовъ *философствуетъ* при семъ случаѣ весьма неблагопрїятнымъ образомъ для Василїа (Исп. Росс. ш. IV, ч. I, спр. 383), хопя видитъ въ немъ примѣръ всѣхъ добродѣтелей. Карамзинъ нашелъ однакожь средство оправдаты Василїа, говоря, что «дружество между Князьями, равно малодушными и жестокосердыми, не могло бышь истиннымъ» (ш. V, спр. 265).

необыкновенную, самъ пробилъ сборъ и учреждалъ воиновъ. Липовскій Князь Иванъ Баба-Друцкій, выѣхавшій въ Москву изъ Риги, устроилъ полкъ копейщиковъ по-Липовски и разспроилъ опчаянное нападеніе Косаго. Косой бѣжалъ; за нимъ гнались. Воевода Борисъ Тоболинъ первый догналъ его, крича: «Держише! Вошь Василій Юрьевичъ!» Князь Друцкій прискакалъ за шѣмъ. Они оба напали на Косаго, пересилили его и привели къ Великому Князю. Немедленно несчастный плѣнникъ былъ отправленъ въ Москву. Одинъ изъ опрядовъ Косаго успѣлъ было захватишь Князя Ярославскаго съ Княгинею, но дѣло оказалось бесполезнымъ. Сообщники и дружины Косаго разсѣялись. Великій Князь велѣлъ *вынять оги* Косому, и страшная казнь совершилась Мая 21-го 1435 года, въ Москвѣ. . . .

Симъ кончилось *историческое* существованіе старшаго сына Юрія Димитріевича, по старшинству рода *второго внука* Димитріева. Не знаемъ даже: гдѣ довлачилъ бѣдный оспашокъ жизни своей несчастный слѣпецъ? Вѣроятно, какая нибудь обипель Московская служила ему горестнымъ убѣжищемъ. Онъ скончался въ 1448 году, и былъ похороненъ въ Архангельскомъ соборѣ, въ гробѣ отца, недалеко отъ гроба дѣда. . . . Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него,

черезъ 14-ть лѣтъ пошомъ , посадили и Басильевъ гробъ (316). . . .

Идя на Косаго , Василій велѣлъ освободить Шемяку отъ оковъ. Но свободу дали ему погда полько , когда Косой былъ уже лишень Божьяго свѣща. Шемяка не мспилъ. Но могъ-ли онъ пеперь бытъ другомъ Василія? — Онъ удался въ Угличъ. Василій спрашился Шемяки ; не враждовалъ явно, но безпреспанно шребовалъ новыхъ договоровъ , и припѣснялъ его. Мы имѣемъ при договорныя граматы Василія съ Шемякою: одну сходную съ заключенною въ 1434-мъ году ; двѣ другія писаны въ Юнѣ 1436 года. Кромѣ обыкновенныхъ условій, Шемяка обѣщаль не вступашься въ Звенигородъ , Дмишровъ , Вяпку ; опдашь плѣнныхъ, захваченныхъ имъ, оппомъ его, или *недругомъ* Великаго Князя Васильемъ Косымъ ; обѣщаль опмыкашь и опдашь казну и имѣніе Великокняжескія , машери, бояръ

(316) Спроевск. Лѣт. ш. II, стр. 14. *Въ Тип. Лѣт.* стр. 253, говорится, что бипва между Косымъ и Василіемъ, зимою 1435 г., была подлѣ сѣль Козминскаго и Великаго (первое донинѣ находилсь на рѣкѣ Копоросли); что Князь Тверской помогъ послѣ шого войскомъ Косому, а Князь Заозерскій, напротивъ, не хотѣлъ соединиться съ нимъ, и Косой разбилъ его, захватилъ сестру его и мать, и раззорилъ его землю; наконецъ, что бипва, гдѣ захватилъ Косаго Ва-

Василія, дяди Конспаншина и Косаго, *если они найдутся едѣ нибудь, или дойдутъ какимъ нибудь образомъ въ руки Шемяки* (317). Вскорѣ по-требовали ошъ Шемяки исполненія спашья, включенной во всѣ договоры: «*Всядешь ты, Великій Князь, на конь на своего недруга, и мнѣ съ шобою пойдши, а куда меня пошлешь, мнѣ идши безъ ослушанія; пошлешь-ли своихъ воеводъ, и мнѣ своихъ послашь съ ними.*»

Мы сказали, что судя и оканчивая рѣшеніемъ распрю Юрія и Василія въ 1431 году, Улу-Махмешъ едва самъ держался на шапкомъ пронѣ Золотой Орды. На другой годъ, Кичи-Махмешъ, юный прошивникъ сего Хана, и Седи-Ахмешъ, Ханъ Аспраханскій, пришли на Сарай и изгна-

силій, происходила на урочищѣ *Лизѣ* (?), подлѣ Ростова. О взятіи Ярославскаго Князя Вяпчанами, см. *Архане, Лѣт.* стр. 122. — О выѣздѣ Князя Бабы-Друцкаго «ошъ Мейспера изъ Риги, въ безвременья своемъ,» см. *Пск. Лѣт.* (Карамз. т. V, прим. 280).

(317) «Что, Господине, его казны опколѣ ко мнѣ придешь и опколѣ чего доспану, и мнѣ шо, Господине, тебѣ, Великому Князю, опдаши все по докончанію и по крестному цѣлованію.» Договоры Шемяки съ Васи́ліемъ, въ *Собр. Гос. грамотъ*, т. I, № 52 и 53, 54 и 55, 56 и 57, 58 и 59 (последніе 13 Іюня, 1436 г.). Справное условіе, по которому всегда можно было начать войну!

ли Улу-Махмеша (1432 г.). Онъ рѣшился оставить несчастный предметъ спора — проръ Золошой Орды — и опкочевалъ съ своими ордами на берега Дона. Кичи-Махмешъ объявилъ себя Ханомъ Золошой Орды; Седи-Ахмешъ правилъ его именемъ. Но, они не хотѣли оставить въ покоѣ врага, еще сильнаго, и въ 1438 году пришли гнать Улу-Махмеша съ береговъ Дона. Изгнанный Ханъ не посмѣлъ рѣшиться на бѣгъ. Онъ набралъ себѣ нѣсколько опборныхъ дружинъ и удалился въ Русскія области (318).

Появленіе Монголовъ не было явленіемъ рѣдкимъ; но положеніе Улу-Махмеша — *перваго* изъ Ордынскихъ повелителей, пришедшаго просить милости и покровительства Русскихъ Князей — казалось необыкновеннымъ. Ханъ занялъ своими дружинами Бѣлевъ, общался не причиняя никакого вреда и уйдши весною. Онъ напоминалъ Василию о благодѣяніи, о томъ, что нѣкогда онъ посадилъ его на Великокняжескій престолъ. Слыша о небольшомъ числѣ войска, бывшаго съ Ханомъ, Василій думалъ, что пе-

---

(318) Изслѣдованія Г-на Бупкова. Кичи-Махмешъ напалъ на Улу-Махмеша опъ Азова, перешедъ Донъ по льду, близъ *Бозагата*; сынъ Эдигея перешелъ Донъ 204 версты выше сего, близъ *Паластра*. Кажется, что *Ж. Барбаро*, у котораго взяты сіи подробности, ошибочно сказываетъ названіе обоихъ мѣстъ.

перъ предспоишъ случай легко опдавишъ одну изъ головъ гидры Монгольской, не слушалъ словъ и убѣжденій Улу-Махмеша, и послалъ на него многочисленное, неспройное войско. Къ удивленію всѣхъ, онъ ввѣрилъ начальство надъ нимъ Шемякѣ и Красному (319).

Шемяка повиновался, но не могъ управлять необузданными полками Москвичей. Онѣ шли походомъ по своей землѣ, какъ по споронѣ непришельской, грабили, жгли, опнимали имѣнія. Шумно окруживъ Бѣлевъ, воеводы Московскіе не хошѣли слушать предложеній Хана, и безъ порядка напали на Бѣлевъ. Монголы сражались храбро; зяпъ Ханскій палъ въ бишвѣ; Рускіе смяли и прогнали Монголовъ, но не воспользовались побѣдою, ибо когда одни вогнались за бѣгущими въ самый городъ, другіе начали оп-

(319) Такъ въ *Никон. Лѣт.* ш. V, стр. 125, и въ *Костромской Лѣт.* ш. I, стр. 295. Но почно-ли Шемяка и Красный *предводительствовали* Московскимъ войскомъ? Не были-ль они просто *союзниками*? Карамзинъ ссылается въ эпомъ на *Никоновскую Лѣтопись* (ш. V, прим. 288). Но и въ Спроевской Лѣт. ш. II, стр. 14, Шемяка и Красный названы предводителями. За то въ *Арханг. Лѣт.*, стр. 125, даже не упоминается о нихъ, и сказано просто: «Князь Великій послалъ своихъ воеводѣ *многихъ*,» и проч.

спупашь. Хощѣли возобновишь бишву на другой день. Смыкался измѣнникъ — Мценскій Воевода Григорій Пропасевъ. Коварно увѣряя, что Ханъ безъ бишвы усшупишь и согласишся на всѣ условія, онъ уговаривалъ Рускихъ не прогашься. Въ самомъ дѣлѣ Ханъ прислалъ просишь переговоры. Двое Московскихъ воеводъ, Собакинъ и Голшяевъ, ошправились въ Бѣлевъ. Пользуясь ушренимъ шуманомъ, Монголы вышшли скрышно изъ города и напали на обширный шаборъ Московскій. Никшо не былъ гошовъ къ бишвѣ. Сообщники Григорія бѣгали по спану, крича: *спасайтесь!* и все побѣжало. Между шѣмъ Ханъ уговаривалъ Голшяева и Собакина, просилъ у нихъ пощады, обѣщался прозимовашь мирно, ошдавалъ въ залогъ договора дѣшей, обѣщался, когда Богъ пособишь ему сѣспь ошпашь на Ордынское царство, беречь Русь, не шребовашь съ нея ни дани, ни выхода. Воеводы Московскіе ни на что не соглашались, шребовали покорности безусловной. «Если вы ни на что несогласны, шо оглянишесь-же назадъ!» ошвѣчали имъ Монголы насмѣшливо, и указали на Рускихъ, бѣгушихъ въ беспорядкѣ. Несчастное поражение подъ Бѣлевымъ происходило 5-го Декабря. Монголы гнались за Рускими и совершенно разсѣяли ихъ, испуганныхъ до шого, шшо десятерыхъ гналъ одинъ Ташаринъ. Князья Федоръ Торусскій, Андрей Сшародубскій, пле-

мянникъ боярина Іоанна Димитріевича (Федоръ Туриковъ), и многіе воеводы погибли въ бѣгшвѣ (320).

Василій не испугался удачи Хана, зная его

(320) Карамзинъ приписываетъ беспорядки и разбитіе Рускихъ Шемякъ и Красному, называя сихъ Князей: «вожди, споль недоспойные, что они казались народу ашаманами разбойниковъ, опъ Москвы до Бѣлева не оставивъ ни одного селенія (?) въ цѣлости, вездѣ грабили, опнимали скопъ, имѣніе, и нагружали возы добычею» (ш. V, стр. 272). Если и положишь, что Шемяка и Красный начальствовали войскомъ, то имѣли-ль они власть оспановишь беспорядки, будучи окружены врагами, сильными Московскими воеводами? Замѣтите, что не Шемяка, а Голтлевъ, родня и одинъ изъ главныхъ воеводъ и любимцевъ Василія, вель переговоры съ Ханомъ. Впрочемъ, въ Стр. и Арх. Лѣт. вовсе не говорится о грабежѣ селеній; это извѣстіе взято изъ Ник. и Костромской Лѣт., которыя многое рассказываютъ не шакъ, ничего не говорятъ объ измѣнѣ Пропасьева, и всю бѣду приписываютъ Шемякъ, а вмѣстѣ съ нимъ умысламъ челоувѣконенавидца дьявола. Карамзинъ беретъ въ основаніе Ник. Лѣтопись, и не упоминаетъ о Пропасьевѣ. Сей измѣнникъ былъ храбрый Липовскій воевода, опразившій Ташаръ опъ Мценска, въ 1422 г., и приобрѣтшій послѣ того милость Улу-Махмета, (см. прим. 288). — Замѣтимъ, что Василій не мстил Шемякъ за Бѣлевское несчастіе, и нигдѣ не приводилъ его попомъ въ обвиненіе своего врага. Не ясное-ли доказательство невинности Шемяки въ селѣ дѣлѣ?

бессиліе. Улу-Махметъ не смѣлъ причиняишь вреда, сидѣлъ въ Бѣлевѣ смирно, но клялся опмстипць неблагодарному Московскому Князю, и съ весною ушелъ — не воевать Золошую Орду, но основать орду новую, ближе къ сердцу Руси. Берега Волги, споль часто опусшошаемы набѣгами вольницы Новгородской и походами Рускихъ, неподалеку опъ древняго города Булгаровъ были обитаемы многочисленными, безпорядочными ордами. Улу-Махметъ явился среди сихъ ордъ, и возобновилъ шамъ древній юрштъ Бапыя—*Казань*, оставивъ Сарайскую Орду въ жершву междоусобій и погибели. Вскорѣ, Казань сравнялась обширностію съ упадающимъ Сараемъ, и превзошла его. Обитатели ея приняли нравы и обычаи горожанъ Воспока; оставивъ кочевую и полу-кочевую жизнь свою, они воздвигли крѣпкія снѣны, великолѣпныя мечети, и слухъ о новомъ *Казанскомъ* царствѣ привлекалъ въ него опвсюду обитателей — изъ Сарая, Азовскихъ, Крымскихъ улусовъ, Сибири и Бухары. На шоржищахъ Казанскихъ явились богащснва шорговли; сильныя полчища вскорѣ начали выходить изъ снѣнъ города Улу-Махметова, и басни прославили въ памяти народной начало Казани — весьма обыкновенное (321).

---

(321) *Казань*, мѣсто, споль славное въ Исторіи Русской съ сего времени, извѣстно было еще въ на-

Кичи-Махметъ и Седи-Ахметъ недолго оставались мирными обладателями Сарая, какъ будто это обиталище Башня было заковано на

чалъ XIII-го вѣка. Оно упоминается въ числѣ Булгарскихъ городовъ, взятыхъ Башыемъ (Оссона, Н. des M., ч. II, стр. 710). Здѣсь былъ попомъ лѣпный юрпъ Башыевъ. Въ Русскихъ Лѣтописяхъ, о Казани нѣсколько разъ упоминается попомъ въ описаніяхъ набѣговъ Рускихъ на берега Волги. Древній знаменитый Булгарскій городъ, или *Булгары*, находился верстахъ въ 90-ти отъ Казани, которая, по возобновленіи ея Махметомъ, успроилась подъ $55^{\circ} 47'$ с. ш. и $66^{\circ} 47'$ д. в., разстояніемъ отъ Москвы въ 821 верстахъ, отъ Нижняго въ 345 верстахъ. Мѣстоположеніе Казани было чрезвычайно выгодно: *Волга*, пушь на югъ и сѣверо-западъ, печеть въ 4-хъ верстахъ отъ сего города; *Кама*, впадающая въ Волгу, *Вятка*, впадающая въ Каму, открываютъ пуши въ сѣверъ и въ Пермю; по послѣднему пробрались попомъ Рускіе въ Сибирь. — Сказки о началѣ Казани: будто Улу-Махметъ, бывши въ Бѣлевѣ, молился Богу, и видѣлъ небесное видѣніе, повелѣвшее ему идти на Волгу; что на мѣстѣ Казани жилъ нѣкогда страшный драконъ, *Зилантѣ*, и былъ убитъ основателями Казани (*Зилантовѣ монастырь* донинѣ естъ въ Казани, по преданію, построенный на помъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была пещера дракона); что имя Казани происходитъ отъ слова: *Казанѣ* (копелъ), ибо Улу-Махметъ нашель въ землѣ безмѣрный копелъ съ золопомъ, и проч.

гибель Монголовъ. Кичи-Махмевъ умершилъ одного изъ дѣшей Эдигея (1439 г.), и былъ низвергнутъ симъ преславнымъ Ханомъ. Эдигей вскорѣ окончилъ жизнь долголѣпною, болѣе полу-сполѣтія бывъ однимъ изъ главнѣйшихъ лицъ въ Исторіи Монгольскихъ ордъ, Липвы и Руси, соуправлявавъ нѣкогда Тимуру, оставивъ успѣхи Виповша, и враждою съ Тохшамышемъ сдѣлавшись сполько-же благодѣтелемъ, сколько по собшвеннымъ дѣламъ былъ онъ врагомъ Русскихъ земель. Седи-Ахмевъ воцарился въ Сараѣ. Онъ властвовалъ до 1460 года, и оставлялъ въ покоѣ Русь. Послы его приходили въ Москву (около 1445 г.), пребывавъ дани; ихъ угостили и наградили подарками, но не дали имъ ничего. Седи-Ахмевъ думалъ послѣ шого воевать. Мы упомянемъ впоследствии о набѣгахъ Ордынскихъ Монголовъ. Скажемъ здѣсь, что они были неважны, и Москва мало о нихъ помышляла. Седи-Ахмеша также гораздо болѣе Москвы занимало усиленіе Крымскихъ Монголовъ. Тамъ, въ концѣ первой половины XV-го вѣка, всѣ улусы соединились подъ властію одного изъ потомковъ Тохшамышевыхъ, Хаджи-Гирея. Онъ властвовалъ надъ Крымомъ и Придонскими ордами, воевалъ съ Золопою Ордою, и сдѣлался споль славень, что забывъ древнее происхожденіе Крымскаго царства, Хаджи-Гирея считади родоначальникомъ Крым-

скихъ Хановъ, и всѣ попомки его принимали имя *Гиреевъ* (322).

Увидимъ сношенія Руси съ симъ новымъ гнѣздилищемъ Башмевыхъ попомковъ; при Василии, не уважая древнимъ Сараемъ, Рускіе *только слышали* о Крымѣ. Но шѣмъ спрашнѣе было для нихъ новое Улу-Махмешово царство.

Улу-Махмешъ сдержалъ слово, и черезъ годъ послѣ ухода своего изъ Бѣлева, шакъ быспро набѣжалъ на Русь, что въ Іюлѣ 1439 года явился почти близъ Москвы. Василий не смѣлъ осшашься въ Москвѣ и удалился въ сѣверныя области. Но Ханъ не дерзнулъ напасшь на Москву, раззорилъ только на пуши множество селеній, сжегъ Коломну и спѣшилъ обратно переправиться черезъ Оку. Робосшь Василия ободрила Хана Казанскаго на дальнѣйшія предпріятія (323).

Василій началъ дѣяшельнѣе пришѣснать Шемяку въ эшо время. Кажешся, у нихъ доходило

(322) Эдигей умеръ около 1440 года (см. Изслѣдованія Г-на Бушкова). О Крымѣ см. далѣе.

(323) Но въ *Стр. Лѣт.* ш. I, стр. 43, и *Арханг. Лѣт.* стр. 126, сказано, что онъ сжегъ даже монастыри подъ Москвою, и зацалилъ самый посадъ Московскій. Въ *Костр. Лѣт.* (ш. I, стр. 297) говорншся подробнѣе, и, кажешся, досшовѣрнѣе.

до оружія, и что благоразумный Бояринъ Василія, Ряполовскій, уговорилъ на миръ Шемяку и своего Князя. Они заключили новый, или, лучше сказать, подтвердили старый договоръ (въ Іюнь 1440 г.). Снова Шемяка обязывался держать Великое Княжество честно и грозно, безъ обиды; Василій держать Шемяку и Краснаго въ любви и чести. Взаимно обѣщались опдашь полонь, добычу, окончивъ расчеты въ долгахъ (324). Но Шемяка уже понималъ Василія; прежнее доброхотство Шемяки исчезло; вражда неукротимая кипѣла въ сердцахъ. Неблагодарность за пожертвованіе великодушное, злодѣйство съ брапомъ, вѣроломное започеніе въ Коломнѣ — запали въ сердцѣ Шемяки и возраспили мысль о мщеніи. Василій могъ винить Шемяку за Бѣлевское несчастное дѣло, и при-

---

(324) Договоръ въ *Собр. Гос. Граматъ*, т. I, № 60. Слова договора: «и нынѣча, что будете взяли на Москвѣ, нынѣшнимъ приходомъ, у меня, и у моей матери, и у бояръ у моихъ, и у дѣшей у боярскихъ, и что будетъ у васъ, и то вамъ опдаши.» Но по лѣтописямъ, Шемяка и Красный не воевали съ Василіемъ съ 1434 года? О томъ, что Ряполовскій поручился за Юрьевичей, вмѣсто какого-то Князя Засѣки, давъ въ залогъ Василью 50 рублей, явствуетъ изъ сего договора.

писываць его измѣнѣ и ухищренію. Шемяки. Злые помыслы были скрываемы, но созрѣвали въ тишинѣ, передъ опустошительною бурей.

Въ Сентябрѣ 1440 г. скончался Димитрій Красный, въ Галичѣ. Кончина его изумляла современниковъ. Они видѣли въ добродѣтельномъ юномъ Князѣ свяшаго, а въ кончинѣ его удивительное чудо. Ошличаясь красою, сей Князь ошличался особенно Христіанскимъ благочестіемъ. Онъ сдѣлался боленъ, пошерялъ слухъ, не могъ ничего ѣсть. Въ Воскресенье, Сентября 18-го, священникъ пришелъ къ нему съ дарами ошь лишургіи. У Краснаго сдѣлалось кровопеченіе изъ носу. Священникъ принужденъ былъ дожидаться. Кровь унялась, когда больному зашкнули ноздри хлопчашою бумагою; Князь вспалъ, встрѣшилъ Св. Дары въ дверяхъ комнашы, приобщился съ благоговѣніемъ; пошомъ поѣлъ немного похлебки, выпилъ вина, сказалъ, что его клонитъ ко сну, и легъ. Бывшіе при немъ люди обрадовались его успокоенію, ушли обѣдашь къ одному изъ своихъ поварищей, и пировали шамъ, когда внезапно прибѣжали къ нимъ сказашъ, что Князь ошходитъ. Въ испугѣ, всѣ сошлись къ нему, заспали его при послѣднемъ издыханіи, прочишали канонъ на исходъ души, и Князь скончался. Начался плачь, вопль, ибо Красный былъ любимъ приближенными. Опрята-

ли шѣло усопшаго, выпили меду, и легли спать — многіе въ той самой комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Діаконъ легъ пропивъ него, на лавкѣ. Въ полночь, мершвецъ скинулъ съ себя покрывало и громко возгласилъ: «Петръ - же позна его, яко Господь естъ!» Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, діаконъ едва могъ разбудить другихъ. Мершвецъ повспорялъ одно и шже, не глядѣлъ глазами, но шѣло его было, «какъ у живаго.» Онъ запѣлъ демесшвеннымъ образомъ: «Господа пойте,» Аллилуія, Богородичныя пѣсни; пѣлъ до самой заупрени. Тогда принесли къ нему запасныя дары. Онъ проглянулъ; изъ глубины сердца произнесъ: «Радуйся, упроба божешвеннаго воплощенія!» пріобщился, и до самой Среды былъ живъ, пѣлъ священныя пѣсни, читалъ наизуспъ Божешвенное Писаніе, не понималъ, что ему говорили, но узнавалъ людей, хотя и ошвѣчалъ безъ порядка. Въ Среду онъ умолкъ, но людей еще узнавалъ. Въ Четвергъ скончался спранный мершвецъ (22 Септ. 1441 г.). Шемяка пріѣхалъ тогда въ Угличъ; шѣло Краснаго положили въ колоду и повезли въ Москву, куда прибыли Октября 14-го. Здѣсь ошкрыли колоду, для погребенія Князя въ Архангельскомъ соборѣ; увидѣли, что шѣло его нешлѣнно; вспомнили, что Красный скончался во время чтенія Евангелія за лишургією, и — *возблагодарили Бога, дивнаго во святыхъ.* Красный положень.

былъ во гробѣ отца (325). Шемяка наследовалъ удѣлъ его. Вскорѣ Василій объявилъ Шемякѣ явную вражду, безъ всякой видимой вины. Шемяка совсѣмъ не былъ готовъ къ защитѣ. Василій шелъ на него и приближался къ Угличу. Шемяка бѣжалъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, выходцемъ изъ Липвы, Княземъ Чарпорійскимъ (326), и укрылся въ Бѣжецкѣ. Неожиданно ринулся онъ опшуда съ дружинами, прямо на Москву. Василій испуганъ былъ опчаяннымъ набѣгомъ, слыша, что Шемякѣ уже недалеко отъ Москвы. Троицкій Игуменъ Зиновій успѣлъ помирить Князей. Но Шемяка видѣлъ ненависть Василя, не считалъ себя безопаснымъ въ Угличѣ, и послалъ въ Новгородъ : ударишь челомъ Вѣчу, соглашавшая бышь на всей Новгородской волѣ. «Мы

(325) Карамзинъ, т. V, прим. 291.

(326) Кто былъ въ семь случаевъ зачинщикъ новой вражды? Карамзинъ говоритъ безъ разбора : «Уже осенью въ 1441 г. открылась новая вражда между В. К. и Шемякою» (т. V, стр. 298). Лѣтописи объясняются безприспращивѣ; они именуютъ зачинщикомъ *Василіа*: «раскинулъ Князь Великій съ Шемякою» (Стр. Лѣт. т. II, стр. 44, Арх. Лѣт. стр. 127)— «Князь Вел. *возверже нелюбіе* на Князя Дм. Георг. Шемяку (Костр. Лѣт. 1442 г.), и поиде на него рашью къ Угличу.» О Чарпорійскомъ, см. далѣе.

себѣ рады, Князь, и ты можешь прїѣхать, если хочешь» — ошвѣчало Вѣче, привыкшее видѣть у себя изгнанныхъ Князей и покровительствовашь имъ. Но Шемяка рѣшился ждашь еще, оставляя въ запасѣ дружбу Новгородцевъ (327). Два важныя событія заняли въ это время вниманіе всѣхъ.

Одно изъ нихъ не имѣло послѣдствій значительныхъ, но произвело волненіе въ умахъ, можетъ быть, болѣе нашествія Тимурова: мы говоримъ о Флоренсійскомъ *Соборѣ*— послѣднемъ покушеніи Папы овладѣшь Воспочною церковью.

По кончинѣ Фопія (1431 г.), въ Москвѣ единодушно хошѣли избрать въ Митрополиши Іону, урожденца Галицкаго, инока благочестиваго, крошкаго, но горячаго поборника правды и православія. Бывъ нѣсколько лѣтъ монахомъ въ Симоновомъ монастырѣ, онъ не попускалъ соблазнамъ и безчинію, даже спорилъ съ самимъ Архимандритомъ, но былъ въ то-же время спошь смиренъ, что пекъ хлѣбы для брашїи и служилъ всѣмъ до послѣдняго. Говорили, что Митропо-

(327) *Новое Лѣто.*, въ примѣч. Карамзина, т. V, прим. 312. *Новгородская Лѣтопись*, помѣщенная въ *Прод. Росс. Висловіки*, т. II, къ сожалѣнію, кончїтся 1441-мъ годомъ.

лишь Фотій, посѣдивъ однажды Симоново, осмапривалъ обитель, вошелъ въ пекарню, увидѣлъ Іону, спящаго опъ упоменія и сложившаго во снѣ благословляющую десницу: онъ погдаже предрекъ бышь ему Митрополиомъ. Іона возведенъ былъ попомъ на Епископію Рязанскую (328).

Шестъ лѣтъ послѣ кончины Фотія прошло въ смяненіи; Церковь сиропѣла безъ верховнаго Священнаго. Наконецъ Іона опправился въ Грецію. Но онъ не успѣлъ доѣхать до Царьграда, когда въ Москвѣ получили уже извѣстіе, что въ Царьградѣ пославленъ въ Митрополины Русскіе *Исидоръ*, Грекъ, или Далмашскій Славянинъ, человекъ искусный въ языкахъ, Богословъ, пламенно привязанный къ бѣдспвующей своей опчизнѣ, Греція, одаренный умомъ обширнымъ и предприимчивымъ (329).

(328) Житія Фотія и Іоны Митрополиновъ помѣщены въ *Степенной Книгѣ*. Духовная грамата Фотія въ *Собр. Гос. грамотъ*, т. II, № 17. Фотій излагаетъ въ ней жизнь свою, и много замѣчательныхъ подробностей.

(329) Флѣри Hist. Eccles. т. XV, г. 1463. «Исидоръ Митрополишь, Гречинъ, многими языками сказатель и книжникъ. (*Ник Лѣт. V, стр. 123*)» *Флорентійскій Соборъ* описанъ подробно, особенною, кажется со-

Вѣроятно, самое поспавленіе Исидора было слѣдствіемъ политическаго плана, какой занималъ тогда умы Византійскихъ Грековъ. Освободивъ Царьградъ отъ власши Лашиновъ (1261 г.), Греческіе Императоры вѣкорѣ увидѣли бѣдственное соспояніе своего упадающаго государсва. Все разрушалось внушри, все спѣсняло ихъ извнѣ. Трещца передъ Азійскими ордами Турковъ и Монголовъ, они покупали политическое сущеспвованіе свое шолько униженіемъ, находили зашщпу шолько у Западныхъ народовъ, просили милосшмни повсюду, шорговали правдою, вѣрою — даже дочерями. Но, однимъ изъ главнѣйшихъ средснвъ, какія употребляли Греки, испрашивая помощь отъ Запада, было — *согласіе соединить церковь Греческую съ Латинскою*. Дѣло было вовсе невозможное;

временною спашьею въ Русскихъ Лѣтописяхъ, какъ дѣло весьма важное (См. Стр. Лѣт, ш. II, стр. 18 — 43, и Никон. Лѣт. ш. V, стр. 127 — 191). До насъ дошло еще отдѣльное описаніе пупешествія Исидорова въ Испалію; оно находится въ Синд. Библіотекѣ (напечатано въ *Висліовикѣ* Новикова, ш. VI, стр. 27 — 70, и въ концѣ онаго приложено описаніе событій послѣ возвращенія Исидора въ Москву). Отдѣльная повѣсть сопупника Исидорова Симеона Суздальскаго, находится въ Архивѣ (Карамзинѣ упоминаетъ объ ней ш. V, прим. 294).

искренно никто объ эшомъ не думалъ; но предложеніе соединиться вѣрою возобновлялось нѣсколько разъ, почти при каждой бѣдѣ, грозившей Царьграду. Еще въ 1339 году, Императоръ Андроникъ посылалъ къ Папѣ съ хипринскими предложеніями, обѣщая покорность Лапинской церкви (330). Императоръ Каншакузинъ возобновилъ тѣ-же предложенія въ сношеніяхъ съ Папою въ 1348 году. Вліяніе Папы было особенно усилено усердіемъ мапери Іоанна Палеолога. Являсь при Дворѣ Римскаго Первосвященника (1369 г.), Іоаннъ смиренно цѣловалъ туфлю Урбана V-го соглашался признашь всѣ Лапинскіе догматы; Императоръ Эммануилъ, путешествуя по Франціи, Англіи, и вездѣ моля о помощи (1400 г.), говорилъ о томъ-же. Умирая, онъ сказалъ сыну: «Одно спасеніе наше Западъ; главное средство для полученія помощи Запада—соединеніе Церкви. Когда утѣснятъ тебя невѣрные, предлагай объ эшомъ, пребудь Собора, хипри. Лапинцы горды, Греки упрямы. Достигашь соединенія Церквей трудно и бесполезно, но эшо одна помощь, намъ оспавшаяся» (331). Каждое изъ покушеній Грековъ на соеди-

---

(330) Райнальда, *Annal. Escl.*, и Флѣри, т. XX, стр. 1—8.

(331) Гиббоуъ (съ дополненіями Гизо) т. XII, стр. 428.

неніе Церквей показывало насупленіе бѣд-
спвій для Грековъ; когда проходила бѣда, Гре-
ки забывали о Лашинской церкви. Папы поспо-
янно помышляли о покореніи церкви Греческой,
видѣли препяпствія, хошѣли чего нибудь про-
чнаго. Въ царшвованіе Іоанна Палеолога (1425—
1448 г.), съ обѣихъ споронъ наспала необходи-
мость сдѣлать все, что можно, хотя-бы по на-
ружностіи. Уже Греческій Императоръ владѣлъ
однимъ только Царьградомъ. Съ 1344-года, Оп-
шоманы были сильными власпшителями въ Евро-
пѣ, и дочь Греческаго Императора находилась
въ гаремѣ гордаго Орхана. Амурапъ (1360 —
1389 г.), съ полками Янычаръ своихъ, владѣлъ
землями опъ Гемуса до Геллеспонша и основалъ
сполицу свою въ Адрианополѣ. Гибель совер-
шенная грозила Царьграду при Баязешѣ (1389 —
1403 г.), предъ кошорымъ пали соединенные
полки Кресповосцевъ Западныхъ въ 1396 г. (332).
Мечъ Тимура спасъ Грецію на поляхъ Ангор-
скихъ (1402 г.). Но какъ Имперія Тимура быспро
разрушалась, послѣ него, такъ, напрошивъ, бы-
ешро усиливалось царшво Османовъ. Едва усто-
ялъ Царьградъ, осажденный Амурашомъ (1422 г.).

---

(332) Въ битвѣ Никопольской. См. превосходное
описаніе сего событія въ *Исторіи Герцоговъ Бурцунд-
скихъ*, соч. Варанша.

Возмущеніе въ Азіи, война съ Венецією, мужество Скандербега Албанскаго, Гуниада Семиградскаго и Владислава Польскаго, опсрочили гибель Греціи еще на придцашь лѣтъ. Въ сіи-шо несчастные годы Императоръ Іоаннъ униженно молилъ всюду о помощи, и — наконецъ рѣшился прислушашь къ соединенію Церквей: хотѣлъ вѣсьмъ пожертвовашь, шолько — бы спасши послѣдніе, бѣдные ошашки Имперіи Константина.

Для Папы препяшшвія были уравнены другими обстоятельствами. Униженные въ борьбѣ съ Императорами, Папы пошерали въ шо время политическую свою неприкосновенность. Громы Вашикана уже не оцѣняли, не убивали умовъ, и церковные раздоры шерзали Западную Іерархію. Явились два Папы: одинъ въ Авиньонѣ, другой въ Римѣ; начались Соборы, подчиняшіе верховному суду своему самому Папу; явились ересіархи, и Виклифъ и Гуссъ очищали дорогу Люшеру. Напрасно Римскіе первосвященники писали, увѣщавали, проклинали; напрасно Гуссъ погибъ на костре — власть Рима была подрыта въ основаніи, и Папа Евгений IV-й (1431 — 1447 г.), видѣлъ Гуссияповъ, возникшихъ изъ пепла Гуссова, видѣлъ Базельскій Соборъ, разрушающій власть его. Ему надобно было новое, сильное подкрѣпленіе, блестящее, громкое усиленіе власти: онъ обрашшлъ взоры

на Грецію. Преклоняясь предъ Вазельскимъ Соборомъ, обѣщая Греціи всѣ пособія и предлагая самыя легкія условія для покорности, Евгенийъ успѣлъ наконецъ склонить Греческаго Императора на Соборное совѣщаніе. Императоръ спарался удержаться за это послѣднее средство спасенія; Папа думалъ, что покореніе Греческой церкви доставитъ ему новыя значительныя силы, при дашъ неслышанную дошолъ важность. Положили: бытъ Собору въ Ишаліи. Императоръ отправился изъ Царьграда въ Ноябрь 1437 г., съ Царьградскимъ Патріархомъ, знашнѣйшимъ Греческимъ Духовенствомъ, чиновниками — на Папскихъ галерахъ; всѣхъ Грековъ Папа обязался содержать на свое иждивеніе. Въ Ишалію поѣхали посланники отъ другихъ Вселенскихъ Патріарховъ, отъ Армянской, Маронитской, Іаковитской и Неспоріанской Церквей.

Какъ важно было въ семъ случаѣ присупствие посла отъ Сѣверныхъ варваровъ, Руссовъ, споль опдаленныхъ и мало знаемыхъ, все еще смѣшиваемыхъ съ древними Скивами и Сарматами! Но Исидоръ, льспивый, умный, ученый, могъ явиться на Соборъ, какъ *Первосвятитель* Руси, не только какъ проспой посоль. Отъ его ума Папа могъ надѣяться, что, можешъ бытъ, онъ, скорѣе всякаго другаго, успѣешъ и въ самомъ дѣлѣ склонить Руссовъ подъ власть

Римскую. Избраніе Исидора въ Митрополиіи Русскіе удовлетворило такимъ образомъ надеждамъ Царяграда и Рима. Не смотря на неисполненіе общаго желанія Рускихъ, хотѣвшихъ видѣть благочестиваго Іону Митрополишомъ, Исидора приняли въ Москвѣ почтительно и благоговѣнно. Нѣкоторые сомнѣвались въ его православіи (333), но умъ и ученость Исидора заграждали уста. Вскорѣ по прибытіи въ Москву, Исидоръ началъ говорить о новомъ Вселенскомъ Соборѣ въ Италіи, о желаніи Христіанъ соединити враждующія Церкви. Слова его изумляли. Самъ Великій Князь, не смотря на юность свою, глубоко изучавшій духовныя писанія (334), не соглашался съ Митрополишомъ, утверждалъ, что послѣ *Седьми Соборовъ*, не можешь бытъ новаго Собора. Краснорѣчіе Исидора, примѣръ Царяграда, убѣдили наконецъ согласиться. Исидоръ клялся, что принесетъ свою вѣру чисту, и

---

(333) Великій Князь говорилъ Исидору, когда онъ изъявилъ желаніе ѣхать на Соборъ: «Дерзновенно дѣвши: въ Латинскую землю идиши; сосставленіе восьмага Собора повѣдаеши,» и проч.

(334) Онъ первый возспалъ на Исидора, когда пошъ пріѣхалъ изъ Италіи съ новымъ ученіемъ; Василій изумилъ при семъ случаѣ всѣхъ глубокимъ знаніемъ Богословія (*Ник. Лѣт. т. V, стр. 156*).

не поступишия Лапинамъ. Онъ выѣхалъ изъ Москвы съ сановниками духовными и многочисленною свисою (Сентября 1437 г.); былъ встрѣченъ поржешвенно въ Твери, Новгородѣ, Псковѣ; изъ Риги (въ Маѣ 1438 г.) поплылъ моремъ до Любека, и въ Августѣ прибылъ въ Феррару, гдѣ назначили мѣсто Собора (335).

(335) *Визл.* т. VI, стр. 27 и слѣд. Много подробностей любопытныхъ. *Любекъ* описывается такъ: «градъ вельми чуденъ, и поля бяху, и горы невелики, и садове красны, и палаты вельми чудны позлащенными верьхи, и монастыри въ немъ вельми чудны и сильны, и повара въ немъ много всякаго, и воды приведены въ него, и пекутъ по всѣмъ улицамъ, а иныя изъ сполбовъ, спудены и сладки.» О *Ниренберѣ*: «вельми великъ и крѣпокъ, и людей въ немъ много и шовара, и палаты въ немъ дѣланы бѣлымъ камнемъ велики, чудны и хипры; такъ-же и рѣки проведены по граду пому великими силами хипро; а иныя воды въ сполпы проведены, хипрѣе всѣхъ предъписанныхъ городовъ, и сказати убо о семъ не можно и недомысленно.» — О *Тирольскихъ Альпахъ*: Горы отъ Чермнаго моря пошли даже до Бѣлаго моря, яко поясъ зоветься земной каменный; поoliko-же высоци сущъ, облацы вполъ ихъ ходятъ, и облацы отъ нихъ ся взимають; снѣзи-же лежатъ на нихъ отъ сотворенія горъ шѣхъ; въ лѣшѣ же жаръ и зной великъ въ нихъ, но снѣгъ-же не паяше.» О *Венеции*: «градъ сполншъ на морѣ, и суха пупи къ нему нѣшъ, отъ берега .

Не исполнились замыслы Папы, не оправдались и надежды Греческаго Императора. Базельскій Соборъ спорилъ съ Евгеніемъ, объявилъ его лишеннымъ власти, пославилъ Папою Феликса, и не признавалъ новаго Феррарскаго Собора. Западныя Власти не ѣхали въ Италию; ни одинъ изъ нихъ, кромѣ Герцога Бургундскаго, не явился въ Феррару. Однакожь, засѣданія Собора были открыты въ присутствіи пяти Лавинскихъ Архіепископовъ, восемнадцати Епископовъ и десяти Аббатовъ. Долго спорили объ обрядахъ, о мѣспахъ, и рѣшились оплодотворить дѣло, ибо въ Феррарѣ оказалась язва. Флорентійцы приглашали Соборъ въ свой городъ. Хищность, полишка, уступчивость сдѣлали многое въ полгода. Въ Іюль 1439 г. во Флоренціи открыли засѣданія вновь. Базельскій Соборъ призналъ Евгенія; собраніе во Флоренціи было многочисленное и блестящее. Исидоръ составлялъ душу всѣхъ совѣщаній; Императоръ Греческій, или ѣздилъ на охоту, или умолялъ только ска-

---

13 миль споймъ въ морѣ; среди его проходятъ корабли и кашорги; и по всѣмъ улицамъ воды, и ѣздятъ въ баркахъ; но вельми похъ градъ великъ, и палаты въ немъ чудныя, а иныя позлащены, и шовара въ немъ всякаго много, занеже корабли приходятъ изъ иныхъ земель,» и проч. и проч.

лишься надъ Грецію ; другіе горячо спорили о догматахъ вѣры, и особенно ошличался ревностію Марко, Епископъ Елесскій. Двадцать пять засѣданій, и девять мѣсяцевъ непрерывнаго спора, заключились наконецъ *соединіемъ Церквей*, которое льстило самолюбію Папы, надеждами на будущее мавило Императора, оскорбляло поборниковъ православія, заспавляло другихъ смѣяшся, и было куплено посулами и подарками у большей части присущспвовавшихъ на Соборѣ. Объявили *соединеніе*, когда обѣ стороны насмѣхались даже надъ языкомъ и одѣяніемъ другъ друга. «Мы видѣли,» говорили Рускіе, «какъ Папа служилъ послѣ того *мшу* въ красной аксаминои ризѣ, въ рукавицахъ, съ перстнями на пальцахъ, въ высокой шапкѣ на головѣ; передъ нимъ несли испукановъ серебряныхъ; онъ вспустилъ въ церковь, прокликнулъ что-то съ Епископами своими, сѣлъ, и зашрубили въ шрубы, заиграли на органахъ, на сопѣляхъ, на гусяхъ. Исидоръ, мнясь мудрѣе мудрѣйшихъ быль, учинился въ согласіи съ безумными, соединилъ мерзосць съ православіемъ и мракомъ замѣнилъ свѣтъ! Царь Греческій уловился златою сѣткою, а что хорошаго увидѣлъ онъ въ безбожии Лашинскомъ? Не по-ли почестъ Божіей церкви, что Лашины какъ безумные ревушь и воцашъ? Не ша-ли красота церковная, что они ударяшъ въ бубны, шру-

бы, пляшущъ руками по органамъ, шопочущъ ногами, игрою службу Божію дѣлающъ, и бѣсовъ радуютъ богомерзкимъ своимъ служеніемъ (336).»

Впрочемъ, Папа не думаетъ много спорить о служеніи и обрядахъ. Главное, чего требовалъ онъ, было *первенство* его въ Церкви. На это согласились Греки и признали власшь его. Далѣе согласились, что каждый можетъ причащаться по волѣ, подѣ обоими видами, что Духъ Свяшій происходитъ отъ Отца и Сына, и что *Чистилище* сущесвуешъ. Симъ заключился Соборъ. Папа писалъ граматы, жаловалъ духовными чинами, щедро одарилъ всѣхъ, пѣлъ торжественныя обѣдни и возвѣщалъ всему міру, что великое дѣло соединенія церкви Греческой и Латинской, при помощи Господа, совершено (337).

(336) *Никон. Лѣт. т. V, стр. 146.*

(337) Актъ Собора, извѣстный намъ въ Русскомъ переводѣ, исполненъ громкими словами: «Веселитесь небеса, радуйся земля: возсіялъ тихій лучъ любезнаго соединенія; кто не изумится богатству щедротъ Божіихъ! Чьи желѣзныя перси не умягчили божественное милосердіе,» и проч. (См. *Ник. Лѣт. т. V, стр. 142 и слѣд.*). Исидоръ получилъ отъ Папы званіе Кардинала и Легата Папскаго. Онъ говорилъ Папѣ о Русской землѣ: «все Князи и люди въ моей рукѣ сущъ, и Епископи; а Князь Великій младъ естъ, и пой въ моей волѣ, и все Князи бояшся мене» (*Карамз. т. V, прим. 302.*)

крышо; но самый актъ Собора не подписали Марко Эфесскій и нѣсколько другихъ духовныхъ сановниковъ Греціи. Флорентійскій Соборъ только усилилъ ненависть православныхъ къ Папѣ, показавъ при томъ и безсиліе его въ политическихъ отношеніяхъ, ибо Папа ничего не могъ сдѣлать въ пользу Греческаго Императора; никто не слушалъ его просьбъ и увѣщаній: время Крестовыхъ походовъ прошло уже невозвратно. Но Греческій Императоръ все еще надѣялся пособія отъ Папы, а пошому и по возвращеніи въ Грецію не опречался отъ согласія, даннаго во Флоренціи. За то другіе не думали скрываться, нагло укоряли Императора въ ереси, не хотѣли слышать о Флорентійскомъ Соборѣ. Марка Эфесскаго, и другихъ, не покорившихся Папѣ, называли спасителями православія. Сдѣлался спрашный расколъ. Немногіе повиновались Императору; другіе поносили и проклинали его и Папу. Народъ Греческій вообще приспалъ къ сей послѣдней партіи, и не хотѣлъ идти въ церкви, гдѣ служили Священники, признавшіе Флорентійское соединеніе.

Еще хуже приняты были постановленія Флорентійскаго Собора въ Москвѣ. Исидоръ выѣхалъ изъ Флоренціи въ Сенябрь 1440 года; черезъ Венецію, Далмацію, Венгрію и Липсу, онъ прибылъ въ Москву зимою. Слыша обо всемъ, что происходило на Соборѣ, Рускіе пре-

пепали опъ сшда, негодованія, униженія, прешерпѣннаго Православною Церковью, въ лицѣ ея главныхъ представителей. Но когда увидѣли, что Исидоръ равно держишь въ рукахъ крестъ живошворящій и крѣзь *Латинскій*; когда онъ, при служеніи обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, провозгласилъ: *Въ первыхъ помини Господи, святѣйшаго Намѣстника Христова, Папу Римскаго*; когда онъ началъ говорить, что по соглашенію на Соборѣ все равно: служишь на квасныхъ просфорахъ и на опрѣснокахъ; что каждый можешъ по волѣ полагать происхожденіе Святаго Духа опъ Отца и Сына и отъ одного Отца; что Чисшилице существуешъ — негодованіе перешло всѣ предѣлы! Никто не хопѣлъ ни чишашъ грамашъ Папскихъ, ни идши подъ благословеніе ерешика Мишпрополиша. Василій прямо назвалъ Исидора Лапинскимъ воромъ, волкомъ, напишавшимся злаго яду, зміемъ прельспишелемъ православныхъ. Немедленно сняли съ Исидора всѣ знаки власпи, заключили его въ Чудовомъ монашырѣ, велѣли собрашъся Духовеншву. Всѣ единодушно согласились, что пошановленія Флореншійскаго Собора сущъ богомерзскія, ерешическія дѣянія, а Исидоръ ерешикъ, досшойный бышь сожженнымъ, или за-живо закопаннымъ въ землю. Спущники Исидора каились въ грѣхѣ, опшекались опъ него (338). Спрашась гибели,

---

(338) О Грекахъ, см. далѣе. «Исидоръ обѣдню слу-

Исидоръ шайно бѣжалъ изъ Москвы. Въ Твери его задержали ; но , вѣроятно, несчастнаго Мишрополиша нарочно не хотѣли преслѣдовать , и оппустили , довольные шѣмъ шолько , что Православіе оспанешся непосрамленно и чиспо. Иона былъ немедленно оляшъ назначенъ въ Мишрополишы. Не знали шолько : должно-ли ему ѣхашъ въ Царьградъ для посшавленія , или надобно почесшъ Грековъ ерешиками , опвергшимися Православія , и не признавашъ власши Греческихъ Папріарховъ? Хотѣли удосновѣришся въ эшомъ предварштельно ; но между шѣмъ произошли въ Руси дѣла споль важныя , что посшавленіе Мишрополиша оспалось на нѣсколько лѣшъ нерѣшеннымъ , и Церковь Русская по прешнему сирощла безъ первосвяшшителя.

Осенью 1444 года , внезапно явилась полпа Монголовъ изъ Золопой Орды — вѣроятно , самовольные удалцы. Небольшою дружиною ихъ предводилъ Царевичъ Мустафа. Они грабили и раззоряли Рязанскую обласшъ , обогатились добычекю , пошли во свояси , и воропились обратно , предлагая выкупшшъ у нихъ плѣнниковъ. Причиною возвращенія Мустафы была рано настшавшая зима , жешпокая , съ вихрями и мшшелями. Кони

жилъ и рече : *Въ первыхъ полпки Господи Папу Римскаго , и вѣмъ сіе богомерзко вмѣнися , и не пріятъ благословенія отъ руки его ,»* и проч.

Монгольскіе передохли, и Монголы рѣшились зимовашь въ Переяславль Рязанскомъ. Василій не хошѣлъ слышатъ о новомъ обычаѣ Ташарь. Онъ немедленно опрадилъ Голпяева и Оболенскаго; къ нимъ приспали Рязанскіе удалцы или казаки, пришла Мордва, на лыжахъ, съ рогашинами. Монголы выступили на берега Лиспани; едва не замерзали отъ холода, но дрались долго и упорно. Мустафа палъ въ битвѣ (339). Рускіе порадовались побѣдѣ, но спѣшили опразити другой набѣгъ Монголовъ, болѣе значительный. Улу-Махмешъ собралъ сильное ополченіе; опрады его шли въ одно время на сѣверъ и къ Мурому. Василій самъ выступилъ съ войскомъ, не смошря на жестокіе холода; звалъ Князей. Шемяка, Князья Можайскій, Верейскій, Боровскій соединились съ нимъ. Не дожидаясь Рускихъ, Улу-Махмешъ опспунилъ, пошелъ обратно, и Князья воропились (340). Василій пріѣхалъ въ Мо-

---

(339) *Костр. Лѣт.* ш. II, стр. 3. Рускими предводили Андрей Голпяевъ и Князь Оболенскій. «Поле все въ осень пожаромъ погорѣло, а зима вельми люта, спудена и снѣжна, снѣги велицы и вихри сильны; а Ташарове коньми обмерли, охудѣша и померзѣша, и безконны быша; и отъ великаго мраза, и спудени, и вѣтра, луки ихъ и стрѣлы ни во что-же быша»...

(340) «Ташаръ много побили» (*Арх. Лѣт.* стр. 127)—«Побѣгоша Ташарове отъ Мурома, и угониша

скву Великимъ посломъ, посѣпивъ на пуши Владиміръ и Суздаль. Съ весною услышали, что Монголы явились снова, и осаждаютъ Нижній Новгородъ. Воеводы Василия принуждены были сдатьсь имъ. Немедленно послалъ Василій ко всѣмъ Князьямъ, снова призывая ихъ въ походъ. Въ Іюнѣ (1445 г.) онъ высупилъ изъ Москвы. Спрашная буря, отъ которой упалъ крестъ съ Рождественской обители, казалась Москвичамъ зловѣщимъ знаменіемъ (341). Василій подошелъ къ Суздаю; сюда пришли къ нему Князья Верейскій, Можайскій, Боровскій. Войско Русское было немногочисленно, но не робѣло, и спало шаборомъ на рѣкѣ Каменкѣ (342). Іюля 6-го, Князья были встревожены слухомъ о приближеніи Улу-Махмеша. Извѣстіе оказалось ложнымъ. Пропировавъ всю ночь, Василій вспалъ рано утромъ Іюля 7-го, слушалъ заушренію, хопѣлъ лечь опянь, и внезапно услышалъ, что Монголы уже подошли близко. Спѣшили вооружаться, и вскорѣ сразились съ небольшимъ отрядомъ Монголовъ. Оставшия самъ въ Ниж-

---

ихъ, и побилъа подъ Муромомъ, и подъ Гороховцемъ, и били по селамъ. . . . Тогда на бояхъ руки знобили (Стр. Лѣт. п. II, стр. 45).

(341) Стр. Лѣт. п. II, стр. 45.

(342) На рѣкѣ Каменкѣ находилъся Суздаль. Она впадаетъ въ рѣку Нерль, неподалеку отсюда.

немъ Новгородъ , Улу-Махметъ отправилъ на поиски сыновей , Мамушека и Ягуна. Видя небольшое число Рускихъ , Монголы ударили спремшельно. Кто могъ предвидѣть важныя слѣдствія сей небольшой сшибки! Князья , и самъ Василій , сражались мужеспвенно. Монголы обрапились въ бѣгство; Рускіе , одни гнались за ними , другіе грабили убишыхъ непріашелей. Вдругъ Монголы повернули обрашно , ударили , сломили и разсѣли дружимъ Русскія. Василій и Князь Верейскій были захвачены въ плѣнъ , изранены , избиты. Князь Можайскій успѣлъ сѣспъ на свѣжаго коня и спасся бѣгствомъ , хопя и пшжело раненый ; бѣжалъ еще Князь Боровскій , и спаслись немногіе изъ Бояръ и воиновъ. Монголы заняли Суздаль , сняли съ Василія *тѣльный* крестъ , и послали его въ Москву , какъ доказательство своей побѣды. Не смѣя однакожь оспаваться въ Суздаль , они спѣшили къ Улу-Махмету , нигдѣ не грабили , не оспанавливались , и оспупили къ Курмышу (343).

---

(343) «Князь Великій ужиналъ у себе , со всею брашнєю , и съ бояры , и пиша долго ноци.... Ташарм побѣгоша; наши-же , овін погнаца по нихъ , а нвін сами побѣгоша ; друзін-же начаша избитыхъ Ташаръ грабити.... Князя Ивана Андреевича ранивше , и съ коня сбиша , и подданъ бмсть ему другой конь ; онъ-

Ужасъ объялъ обитателей Владиміра и Москвы. Великій Князь, власпишель Руси, былъ въ пиѣну, и Улу-Махметъ казался спрашнѣ Тимура и Тохшамыша! Говорили, что Ташары идущъ прямо на Москву, въ силахъ безчисленныхъ. Спрахъ Москвитинъ еще болѣе умножился, когда 44-го Іюля загорѣлась Москва, выгорѣло множество домовъ, и опѣ жару распрескались даже стѣны многихъ церквей каменныхъ. Боясь внезапнаго набѣга Монголовъ, многіе не смѣли бѣжать съ Московскаго пожара и погибали въ пламени, думая, что за Москвою всюду ждущъ бѣгущихъ Ташары. Мать и супруга Василія, съ дѣтьми его (у него былъ уже два сына — Іоаннъ, великій наслѣдникъ отца, и Юрій), удалились въ Росповъ. Чернь буйствовала въ Москвѣ; не выпускала людей богатыхъ и знатныхъ, пребуя, чтобы они раздѣляли общее несчастіе (344).

же успеха, а на Великомъ Князи многи раны быша на главѣ и по рукамъ, а шѣло все бипо вельми, понеже бо самъ добръ мужествовенно бился» (Стр. Лвт. ш. II, стр. 46). *Степени. Книга* увѣряетъ, что Василій убилъ сто Ташаръ! — Бишва была подъ самымъ Евфимьевымъ монастыремъ, куда послѣ того увезли Василія. — *Тѣльный крестъ*, ш. е. носимый подъ рубашкою на шѣлѣ — непремѣнная обязанность каждаго Рускаго.

(344) «Загорѣся градъ Москва, въ ноци, и выгорѣ весь, яко ни единому деревеси оставися; и церкви ка-

Улу-Махметъ хотѣлъ извлечь изъ нечаянной удачи своей всю возможную пользу. Онъ требовалъ только золота и серебра. Предлагалъ Василию оккупъ, и въ тоже время послали къ врагу его, Шемякѣ. Мурза Улу-Махмета, Бигичъ, пріѣхалъ въ Угличъ, и извѣстилъ Шемяку, что Ханъ гошовъ оставилъ Василю въ вѣчной неволѣ, и отдаетъ Шемякѣ Великое Княжество. Шемяка долго думалъ, колебался. Прошли *Юль* и *Августъ* мѣсяцы 1445 года. Иоаннъ Можайскій былъ рѣшительнѣе, смѣлѣе Шемяки въ дѣлахъ совѣспи. Онъ уговаривалъ его согласиться, не смотря на то, что передъ походомъ на Улу-Махмета заключилъ новый договоръ съ Василемъ, и онъ и братъ его получили подарки и уступки отъ Москвы (345). Привыкнувъ къ-

---

менныя распадошася, и стѣны градныя во многихъ мѣстахъ, а людей многое множество истребѣ (по *Лрх. Лѣт.* 1500 головъ), понеже-бо отселѣ изъ града огонь, а изъ за града Татаръ болюся).... Далѣе: «Гражане въ велицей пугѣ и волненіи быша; могущій-бо бѣжати, оставивши градъ, бѣжати хотяху; чернь-же, худые люди, совопишася, начаша прежде врата градская дѣлаши, а хотящихъ изъ града бѣжати, начаша имати, и бити, и ковати....» (*Стр. Лѣт. т. II, стр. 47*). — Иоаннъ родился въ 1440 г. Января 22-го: ему былъ тогда 6-й годъ

(345) Договоръ въ *С. Г. Гр. т. I, N 61*. Вѣроятно ошибкою, поставлено на немъ 17-го Юля, вмѣсто

няшъ кляпвы , Іоаннъ кляся пеперь въ неизмѣнной вѣрности Шемякѣ. По сношеніямъ съ Москвою , намъ оказалось также множество недовольныхъ Василюмъ : Бояринъ Старковъ , Бояре Конспаншина Димитріевича , даже многіе изъ Духовенства (346). Но только въ концѣ Сентября , Шемяка рѣшился отправишь къ Хану посла своего , и по съ ошвѣстомъ перѣшительнымъ. Важный шагъ былъ однакожь сдѣланъ—

17-го Іюня. Суздальская битва была 6 Іюля. Іоаннъ получилъ по договору Козельскъ , Серенскъ , Алексинъ , и проч. ; Михаилу подарили годовой выходъ въ Орду : « И того у меня не взыми отъ *Петрова дни до Петрова дни*. » Доказательство , что *Іюль* выставленъ на договорѣ ошибочно.

(346) « *По дьяволу наугенію*, обсылающихся и сдумавши своими злыми совѣтниками , иже быша погда Константиновичи , и прочіи бояре , не хощаще добра своимъ Государямъ . . . мнози-же съ ними отъ Москвичъ въ думѣ , Иванъ Старковъ , и бояре , и гости ; бѣша-же и отъ чернцовъ въ той думѣ » (Стр. *Лвт.* т. II , стр. 49 , *Костр. Лвт.* т. II , стр. 9). Гдѣ-же общая любовь народная къ Василю , о которой говоритъ Карамзинъ , прибавляя (т. V , стр. 310 и 312) : « Дворъ и народъ вопили . . . Россіяне видѣли въ немъ (Василии) единственнаго законнаго властителя , и хопѣли бышь ему вѣрными ? » Замѣтимъ , что *Бояринъ Старковъ* былъ приспавникомъ у Шемяки , во время заключенія сего Князя въ Коломнѣ , въ 1434 году.

воропиться было невозможно (347)... Еще посланный Шемяки находился въ пущи, когда узнали объ *освобожденіи* Василія! Улу-Махмешъ наскучилъ медленностію Шемяки. Узнавъ, что Казанью завладѣлъ какой-то буншовщикъ Али-бей, пользуясь его отсутствіемъ, Улу-Махмешъ согласился на договоръ съ Василіемъ, который обѣщалъ ему все, что только можно было обѣщать. Октября 1-го Василій выѣхалъ изъ Курмыша, съ Княземъ Верейскимъ, Боярами, Послами Ханскими и дружиною. Въ сей самый день

---

(347) Карамзинъ говоритъ о томъ, что Шемяка не пришелъ къ Суздалью на помощь Василію:—«Шемяка обманулъ Василія: самъ не поѣхалъ, и не далъ ему ни одного воина» (т. V, стр. 308). Но когда-же было? Шемяка усердно ходилъ на помощь прошивъ Ташаръ зимою того года. Далѣе, Карамзинъ: «Шемяка радовался бѣдствію Василія, которое *удовлетворяло его властолюбію и ненависти къ сему злостатному плѣннику.*» Не вѣримъ! Злой честолюбецъ не спалъ бы медлить съ начала Іюля до Октября, имѣя всѣ средства немедленно захватить Москву и сослаться съ Казанскимъ Ханомъ. Осмѣливаемся думать напротивъ, что Шемяка, прежде и попомъ великодушный, не рѣшился-ли единственно потому только, что видѣлъ ужасное бѣдствіе опчизны въ выкупъ, какимъ обременило Русь корыстолюбіе Монголовъ. См. прим. слѣд.

въ Москвѣ было землетрясѣніе: его почти знаменіемъ новыхъ бѣдшвей, и—не ошиблись (348).

(348) Г-нъ Бушковъ почитаетъ Али-бея Алпунъ-бегомъ, или Алпунай Сулпаномъ, бывшимъ владѣтелемъ Казани, изгнаннымъ опъ Улу-Махмеша. Карамзинъ говоритъ, что Улу-Махмешъ оппустилъ Василія, «пребуя опъ него единственнао *цѣбреннаго окупа и благодарности*» (ш. V, стр. 313). Вотъ слова Лѣтописей: «Царь Махмешъ взя окупъ 200 п. рублевъ, а *иное Богъ всѣтъ*, и они въ себѣ» (*Новгородская*). «Князь Вел. окупъ посулилъ на себе опъ золота и сребра, и опъ поршница всякаго, и опъ коней, и опъ доспѣховъ, 29,500» (*Псковская Лѣт.*, Исп. Г. Р. ш. V, прим. 329). Въ *Стр. Лѣт.* (ш. II, стр. 48). *Костр. Лѣт.* (II, 6), *Тул. Лѣт.* (стр. 255): «даши окупъ съ себя *сколько можетъ.*» Все это не значить *легкаго окупа и благодарности* въ прибавокъ. О землетрясѣніи: «Тоя-же осени, Октября въ первый день, въ кой день оппущенъ К. В. съ Курмыша, въ 1-й часъ ноци, пошрясея градъ Москва, Кремль и посадъ весь, и храмы поколебашася; людемъ-же въ по время спящимъ, мнозіе-же неспящія слышавше; и пѣ во мнозѣ спрасъ быша, и живота опчаяшася; на упріе же повѣдачу сія со многими слезами.» Выписываемъ вымышленныя прибавки Карамзина о возвращеніи Василія; эшихъ прибавокъ *идѣтъ въ лѣтописяхъ*: «Не только въ Столицѣ, но и во *всѣхъ городахъ, въ самыхъ хижинахъ сельскихъ*, добрые подданные веселились, какъ въ день свѣтлаго праздника, и спѣшили издалека видѣть Государя. Въ Переяславѣ нашель

Ноября 17-го Василий въѣхалъ въ Москву, еще не возникшую изъ пепла. Онъ казался милоспивымъ, кропкимъ. Зима проходила тихо и спокойно. Но — посоль Шемяки былъ въ рукахъ Василия! Шемяка и Можайскій знали, чего должно было ожидать имъ отъ непримиримаго неприятеля, и хопѣли предупредить свою гибель. За неоспорожное покушеніе на зло, *единственное* пашно, омрачившее память Шемяки, за верѣшительность послѣ сего покушенія, Шемяка принужденъ былъ заплашиться *согласіемъ на злодѣйство*, какое предложилъ ему, принявъ исполненіе на себя, Князь Можайскій (349)...

Василій сполько рапныхъ людей, что могъ-бы смѣло идти съ ними на сильнѣйшаго изъ враговъ Россіи. Сія усердная, великолѣпная встрѣча напомнила величіе героя Димитрія, привѣщспвуемаго народомъ послѣ Донской битвы, » и проч.—Все это вымыслы, безъ всякаго основанія, подобные замѣченнымъ нами въ прим. 301-мъ.

(349) Посланнаго Шемякою Дьяка Дубенскаго встрѣтилъ, между Муромомъ и Нижнимъ, на Окѣ, ѣхавшій отъ Василия въ Москву Плещеевъ. Услышавъ неожиданную вѣсть, Дубенскій вернулся отъ Пудина монастыря къ Мурому. Тутъ схватилъ его и Бигича Князь Оболенскій (*Стр. Лѣт. ш. II, стр. 48*). Узнавъ о томъ, Шемяка укрылся въ Угличъ. Лѣтописцы жестоко бранящъ здѣсь Шемяку: «Вложилъ ему дьяволъ

Условились съ заговорщиками Московскими, и узнавъ, что Февраля 12-го Василий ѣдетъ молиться въ Троицкую обитель, положили захватить шамъ Василя и овладѣть Москвою. Ночью дружины Шемяки и Можайскаго вступили въ Москву; имъ шайно отворили Кремль, и завладѣніе Москвою было споль неожиданно, что мать и супруга Василя, со многими его Боярами, попались въ руки посланныхъ, и взяшы были безпечно спящія. Шемяка пріѣхаль въ Москву. Можайскій пригосовилъ между шѣмъ дружины около Троицкаго монастыря. Василий прибылъ спуда съ немногими воинами, взявъ съ собою обоихъ сыновей. Къ нему прискакалъ нѣкпю Бунко, недавно перешедшій къ Шемякѣ, и извѣщаль о заговорѣ; Василий не вѣрилъ, но ве-

въ мысль хотѣши Великаго Княженія,» и говорятъ, что будпо Шемяка склонилъ къ единомыслию Можайскаго и Князя Бориса Тверскаго, говоря имъ о безмѣрномъ выкупѣ, обѣщанномъ отъ Василя Татарамъ. Карамзинъ еще болѣе увеличиваетъ вину Шемяки; увѣряетъ даже, что Василий, *зная сношенія Шемяки съ Улч-Махметомъ, простилъ однакожь Шемяку и Можайскаго*, и заключилъ съ ними договоры. Гдѣ же эти договоры? Карамзинъ указываетъ на находящіяся въ С. Г. Гр. т. I, № 52 и 61, и относящіяся совсѣмъ къ другому времени (см. выше прим. 317 и 345)!

лѣвъ. Однакожъ спашь на спражѣ опряду воиновъ. Посланные Можайскаго обманули спражу, легли въ сани, закрылись рогожами и проѣхали мимо. Думая, что ѣдетъ какой нибудь обозъ, спража Московская не остановила воевъ. Тогда воины выскочили внезапно изъ саней, опрѣзали спражу отъ монастыря, схватили, перевязали ее и поскакали къ обители. Завидя ихъ издали, Василій не сомнѣвался болѣе въ доносѣ Бунка, побѣжалъ въ конюшню, не нашелъ тамъ ни одной лошади, и бросился въ монастырь; инокъ опперъ ему Троицкій соборъ и заперъ за нимъ двери. Явился свирѣпый Можайскій; воины его наполнили ограду монастыря, искали Василя, велѣли оппереть церковь. «Брашъ! пощади!» возопилъ Василій. «Не погуби меня! Поспригусь здѣсь, если вы захопите!» Взявъ икону съ гробницы Св. Сергія, Василій опперъ двери и продолжалъ: «Брашъ Иванъ! сію самую икону, у сего Святаго гроба цѣловали мы, чпобъ намъ не мыслишь и не хопѣшь другъ другу лиха. Что-же вы дѣлаешь теперь?» — Мы и не хопимъ себѣ лиха, Государь—освѣчалъ Можайскій—но беремъ себѣ для облегченія Христіанства. Ты обременилъ всѣхъ тяжкимъ своимъ выкупомъ. Видя себя лишеннаго свободы, Татары, по неволѣ, должны будутъ облегчить Христіанъ.» Съ жалкимъ малодушіемъ, Василій упалъ передъ гроб-

ницею Св. Сергія, плакаль, рыдалъ въ опчаяніи. Можайскій вышелъ. «Гдѣ же, брашъ Иванъ?» воскликнулъ Василій. «Пойманъ шы Богомъ и *Великимъ Княземъ Дмитріемъ Юрьевителемъ!*» сказалъ одинъ изъ Боярѣ, схвативъ Василю за плечо. Его вывели изъ церкви, и въ проспыхъ саняхъ повезли въ Москву. Въ смяшеніи и безпорядкѣ, Боярѣ Василю шолько ограбили, но не взяли; не спрашивали о дѣшяхъ, съ нимъ бывшихъ. Вѣрній Василю, Бояринъ Иванъ Ряполовскій укрылъ младенцевъ, увезъ ихъ въ Юрьевское село свое, Боярково, и, соединясь съ брашьями Семеномъ и Димитріемъ, поспѣшно укрылся въ Муромъ, гдѣ сбѣжалось къ нему много единомышленниковъ Василю (350).

Беликаго Князя привлекли въ Москву. Два дня участь его была неизвѣстна. Ночью на прешій день, къ нему явились Бояре, и высказывали ему вины его—какъ будишо злодѣйство оправдывается причиною! «Ты привелъ на Рускую землю Ташаръ и опдаешь имъ города въ кормленіе; любишь Ташаръ и языкъ ихъ паче мѣры; Христіанъ безъ милосши помишь, и золото и серебро ихъ опдаешь Ташарамъ; шы

---

(350) Стр. Лѣт. II, 49, Костр. Лѣт. ш. II, стр. 9.

ослѣпилъ Князя Василю Юрьевича. » — Василю вырѣзали глаза. Несчастнаго слѣнца, и супругу его, ошвели попомъ въ Угличъ; мать его увезли въ Чухлому, и оспавили ихъ подъ стражею въ сихъ мѣстахъ (351).

Посупокъ Шемяки (если онъ участвоваль въ злодѣйствѣ Можайскаго) не ужаснулъ ни Кня-

(351) Шемяка совершилъ преступленіе, мстя Василю тѣмъ-же злодѣйствомъ, какое совершилъ надъ несчастнымъ братомъ его Василій (Косой былъ еще тогда живъ). Не оправдываемъ сего отвратительнаго преступленія, но будемъ-ли слѣдовать примѣру лѣпописцевъ, или Карамзина, которые ни сколько не ужасались при ослѣпленіи Косаго, и осыпають Шемяку страшными укоризнами? Надобно знашь, что лѣпописцы были приверженцы Василю. — Мы думаемъ положительно, соображая всѣ обстоятельство, что Шемяка *только согласился* на злодѣйство; но начинщикомъ и *исполнителемъ* его былъ Іоаннъ Можайскій — Князь жестокой и низкой душею. Вспомнимъ только отвѣтъ его Василю въ 1434-мъ году; онъ предалъ попомъ Шемяку, какъ Василю предалъ Шемякѣ. Почему также Князь Тверской не несетъ того позора, какимъ обременяють память *одного Шемяки*? Въ подтвержденіе мнѣнія нашего о Князѣ Можайскомъ, въ Лѣпописяхъ находимъ еще ужасный примѣръ свирѣпости Можайскаго: « Тоя-же весны (1444 г.) Иванъ Андреевичъ поймалъ Андрея Дмитриевича, и жену его Марью, и на Мирносицы *сжегъ ихъ об Можайскѣ* (Костр. Лѣт. ш. II, стр. 4)! »

зей, ни Москвы. Все покорились ему; народъ присягнулъ; войско повиновалось. Только двое не хопѣли слышать о Шемякѣ и Можайскомъ: одинъ былъ шуринъ Василя, добродѣтельный Князь *Василій Ярославичъ Боровскій*, свидѣтель плѣна Великаго Князя. Онъ возспалъ прошивъ Шемяки, бѣжалъ въ Липву, былъ шамъ приняшь ласково, и опкрылъ у себя убѣжище всѣмъ друзьямъ Василя. Но все еще Князь Боровскій могъ опасаться мщенія, преслѣдованій Шемяки, и дѣйствовать корыстно, по крайней мѣрѣ, для собсвенныхъ выгодъ и безопасности. Другой вѣрный Василю человекъ дѣйствовалъ по чистому, благородному усердію: это былъ воевода *Теодоръ Басенокъ*. Ему предлагали почести—онъ опказался; посадили его въ шюрму—онъ ушелъ, скрылся въ Коломнѣ, и искалъ только случая мснить за своего Князя. Ряполовскіе не опдавали дѣшей Василя, и крѣпко блюли ихъ. Бывъ виновникомъ, или участникомъ злодѣйства опврашишельнаго, Шемяка не былъ ни злодѣемъ, ни жестокимъ человекомъ. Онъ могъ послать на Муромъ войско, но послалъ только Свяшпешедя Іону, взявъ шамъ дѣшей на его Мипрополичье слово, обѣщая выпустить опца ихъ и дать ему съ дѣшми удѣль. Ряполовскіе долго колебались; наконецъ позвали Іону въ соборную Муромскую церковь, и засадили его принявъ дѣшей на свою *эпитра-*

Лѣтъ. Свяшишель исполнилъ желаемое, и съ дѣшми Василя и Ряполовскими прѣхалъ въ Переяславль, гдѣ былъ тогда Шемяка. Онъ принялъ Ряполовскихъ въ милосшь, угоспилъ всѣхъ великолѣпнымъ обѣдомъ (Мая 6 д.), и ошослалъ дѣшей къ Василю, повелѣвъ Іонѣ, для безопасности, проводишь ихъ и опдашь съ рукъ на руки (352).

Нерѣшишельность и безпечность Шемяки оказались послѣ шого во всѣхъ его дѣйшвіяхъ. Онъ подшвердилъ Новгородцамъ спарья права ихъ, не думая извлекашь пользы изъ пришѣсеній; опдалъ Князю Можайскому Суздаль и Нижній Новгородъ, но вскорѣ взялъ ошъ него обрашво подарокъ—и кому-же передалъ его? Къ изушленію всѣхъ, Шемяка призвалъ изъ Новгорода *внуковъ Кирдяпы*, Василя и Феодора Юрьевичей, и шоржешшвенно вручилъ симъ забышымъ

---

(352) «Дворяне и дѣши Боярскіе, и прочіе люди били челомъ служипи Князю Димитрію; онъ-же приведе ихъ ко крестному цѣлованію; *единъ*-же Феодоръ Басенокъ не восхопѣ ему служипи; Князь Димитрій повелѣ его оковати, и за спорожи держати; онъ-же подговоривъ спорожа, бѣжаша на Коломну» (Костр. Лѣт. ш. II, стр. 12). Князю Боровскому дали въ Липшѣ обширный удѣль: Брянскъ, Гомель, Стародубъ и Мспиславль. Но ничто не ушѣшало скорби добродѣштельнаго Князя.

изгнанникамъ все, чѣмъ владѣлъ нѣкогда пра-
дѣдъ ихъ Димишрій Конспаншиновичъ. Уже про-
шло около 60-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ
Василій Димишрїевичъ присоединилъ Суздаль
къ Москвѣ. Шемяка, конечно, могъ надѣяться,
что храбрые Кирдяпичи, облагодѣшельствован-
ные имъ, будутъ вѣрными его союзниками,
тѣмъ болѣе, что Шемяка сдѣлалъ ихъ само-
власными Князьями; но онъ оскорблялъ всѣхъ,
пользовавшихся въ печеніе полувѣка новымъ
порядкомъ дѣлъ въ Суздальской обласпи.
«Кшо въ безвременье наше, Князья и Боя-
ре, купили въ Суздаль, Нижнемъ Новгоро-
дѣ и Городцѣ, у насъ, у нашей брашны, у
Бояръ нашихъ, и у монашпырей волоспи и се-
ла, или Князь Великій продалъ — всѣ тѣ купли
не въ куплю, и всѣ волоспи и села намъ и Боя-
рамъ нашимъ по старинѣ.» Таково было одно
изъ условій договора съ Кирдяпичами, и одно
это условіе вело за собою нескончаемые споры
и вражду. Шемяка обязывался оборонять Кир-
дяпичей, если Можайскій спанепъ спорить и
не соглашались на отдачу имъ опчины. Слѣ-
довательно: Можайскій уже *оскорблялся* пере-
мѣнчивоспью Шемяки? Можеть бытъ, и Шемя-
ка не охотно былъ въ дружбѣ съ измѣнникомъ
и злодѣемъ. Но крошкое добродушіе не должно
бытъ главнымъ основаніемъ полипики. Какъ
государшвенный человекъ, Шемяка поступалъ

неблагоразумно, неосторожно (353), и еще неоспорожнѣ поступилъ онъ съ Василюемъ: до-
вѣрился на его слово, и далъ ему свободу.

Шемяка видѣлъ, что еще оспавались многіе доброхоты Василя. Ряполовскіе не скрывали своего негодованія. Иона непрерывно упрекалъ его, говоря: «Ты ввелъ меня въ грѣхъ — объ-
щаль свободу и удѣлъ Василю и дѣшамъ его; съ пѣмъ взялъ я ихъ, и связалъ свою душу; чего боишься слѣнца и дѣпей? Можешь укрѣ-
пить его клятвами, и нашею братьсю, Епи-
скопами.» Вскорѣ опкрыли важный заговоръ.

(353) Договоръ Шемяки съ Кирдяпичами, въ *Собр. Гос. грамотъ*, т. I, № 62. — Соглашаемся, что Шемяка не обладалъ достоинствами государственнаго человека; но на чемъ основано утверждаемое Карам-
зинымъ, что при немъ «ужасъ господствовалъ въ Ве-
ликомъ Княженіи — *опликивали судьбу Василя, енущались Шемякою—Дворяне Московскіе*» *присленили съ пегальнымъ сердцемъ*»; что Шемяка «не имѣлъ ни совѣсти, ни правилъ гести — въ гражданскихъ дѣлахъ попиралъ ногами справедливость, дрезніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ на вѣки па-
мять своихъ беззаконій въ народной пословицѣ о *Судѣ Шемякинѣ*, донинѣ упопробительной,» и пр. (см. *Ист. Г. Р.* т. V, стр. 319—322). Лѣто-
писцы, враги Шемякины, *никого этого не гово-
рятъ*, хотя и жестоко бранятъ Шемяку за ослѣпле-

Ряполовскіе подговориди многихъ, условились лпайно стѣхашься къ Угличу и вывешь Васи-лія. Узнавъ о побѣгѣ Ряполовскихъ изъ Москвы, послѣ онкрыпія заговора, Шемяка послалъ за ними погоню; но Ряполовскіе онбились опть по-сланныхъ, и успѣли убѣжашь въ Лишву, къ Князю Боровскому; другіе заговорщики оспались ненаказанными. Шемяка долго думалъ и хотѣлъ

ніе Василія. Князья охотно шли въ союзъ съ Шемякою; Духовенство и самый Святитель Іона признали его; народъ ему повиновался. Но Судѣ Шемякинѣ? Вошъ страшное обвиненіе, если согласимся, что эша оспроумная сапира была сочинена почно на Князя Димитрія Юрьевича! Но развѣ сапира доказа-тельство? Впрочемъ извѣстно, что сказка о Судѣ Шемякинѣ переведена съ Польскаго (см. *Описаніе библиотеки Графа Ѳ. А. Толстова*, стр. 383, гдѣ говорится о рукописи: «*Судѣ Шемяки Судьи, выпи-санѣ изъ Польскихъ книгѣ*»). Имя Шемяки означало не одного Димитрія Юрьевича. Такъ прозывались, напримѣръ, Князь Пронскій, праправнукъ Іоанна Владиміровича, и Князь Димитрій Голибѣсовскій, одинъ изъ попомковъ Іоанна Стародубскаго (см. *Родослов-ныя*); пакъ еще именовался какой-то Князь Рылъскій (по рукописному сказанію о Знаменской Курской Ико-нѣ, см. Исп. Р. Н. т. IV, стр. 80). Любопышно-бы узнать, что такое значить названіе: Шемяка, и опкуда оно взяно? Кажется, это Татарское. Въ числѣ Ногайскихъ Хановъ находимъ одного, именовавшагося Шемякою.

удивить великодушiемъ. Съ Духовенствомъ, Князьями, Боярами, онъ поѣхалъ въ Угличъ, далъ свободу Василю, просилъ у него прощениа и подарилъ ему въ удѣлъ Вологду. Василій казался смиреннымъ, раскаявающимся грѣшникомъ, плакалъ, говоря: «Я во всемъ виноватъ; пострадалъ за грѣхи и беззаконiя мои, за преступленiя крестной клятвы передъ вами, старшими моими братьями, и передъ всѣмъ Христiанствомъ; кошорое изгубилъ, и кошѣлъ изгубилъ до конца. Достоинъ былъ я главной казни; но, ты, Государь Димитрiй Юрьевичъ, показалъ надо мною милосердiе, и не погубилъ меня съ беззаконiями моими, но далъ мнѣ время покаяться.» Князья казались Исавомъ и Иаковомъ. Шемяка угощалъ Василя (15 Сентября, 1446 г.), одарилъ его, Княгиню, дѣшей, и поступалъ опъ чистаго сердца. Василій коварствовалъ, пилъ чашу дружескую, но готовилъ страшную месь безпечному врагу (354)....

---

(354) Слова Юны: «Неправду еси учинилъ, а меня еси ввелъ въ грѣхъ и въ срамъ: Князя тп было Великаго выпустилъ, а ты и дѣшей его съ нимъ посадилъ; а мнѣ еси далъ свое правое слово, и они меня послушали; а нынѣ азъ во всей лжи; и что онъ можетъ учинити безъ вѣка (п. е. безъ векъ), а дѣтп его малы; а еще его *укрѣпи крестомъ тестнымъ, да кашею братiею владыками.*» Выписываемъ при-

Едва получилъ онъ свободу, какъ привелъ въ дѣйствіе все, чѣмъ могъ погубить Шемяку. Сношенія съ Тверью, съ Липвою, съ Монголами были произведены скрышно, но дѣятельно. Князь Боровскій гошовъ былъ вышупишь по условію. Дѣши Улу-Махмеша, Касимъ и Ягупъ, гошovy были помогашь Василию. Имъ нѣкуда было приклонишь свою голову: спаршій брашь ихъ, Мамушекъ, убилъ въ это время опца, спараго Хана Улу-Махмеша, и одного изъ брашьевъ своихъ; другіе брашня бѣжали и скипались по южнымъ степямъ, набравъ себѣ шолпу удалцовъ. Князь Тверской соглашался помогашь Василию, если онъ ушвердишь ему самобышное владѣніе Тверью, и женишь спаршаго

бавку Карамзина: «Изъ столицы и другихъ городовъ люди бѣжали въ Малороссію (п. е. въ Липву), проклиная Шемяку, который трепеталъ въ Московскомъ дворцѣ, ежедневно получая вѣспи о всеобщемъ негодованіи народа.» Но доказательства пропивъ всего этого находимъ въ безпечности, съ какою поступалъ Шемяка, замѣпившій опасность тогда только, когда не было уже средствъ къ защитѣ. И пупъ не народѣ дѣйспвовалъ, а сообщники Василія, немногіе. Слова Василія: «И не сіе мнѣ было поспрадаши, грѣхъ моихъ ради и беззаконій многихъ, и преспуцленій моихъ въ крестномъ цѣлованіи предъ вами, и предъ своею брашнєю спарѣйшею, и предъ

сына на его дочери. Василій ни о чемъ не спорилъ. Шемяка шакъ довѣрился ему, что оставилъ его безъ всякаго надзора. Можешъ бышь, онъ повпорялъ слова Юны: «Чего ты боишься слѣпца и слабыхъ дѣшей его?» Оставалось шолько освободить совѣсть ошъ спрашныхъ кляшвъ, какими связалъ душу свою Василій. Дѣло оказалось непруднымъ. Онъ прожилъ въ Вологдѣ нѣсколько дней, и поѣхалъ на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Тамъ, Игумену Трифону предложилъ онъ на разсмотрѣнїе: можно-ли ему нарушить кляшву, неволею данную? — «*Должно,*» отвѣчалъ Трифонъ. «Ты не просишь человекъ, но Государь: иди съ Богомъ и съ своею правдою на Великое Московское княжештво, свою ошчину. Мы, я и брапя, беремъ швой грѣхъ на наши головы, разрѣшаемъ себя ошъ кляш-

---

всѣмъ Христїаншвомъ, его-же изгубилъ, и еще изгубиши есми хошѣлъ до конца. Достоянъ есмъ *главныя казни*, но ты, Государь мой! показалъ еси на мнѣ милосердіе, не погубилъ еси мене съ беззаконїи моими, но да покаюся золь моихъ.»... «По семъ Князь Димитрій пиръ великъ сошвори—бяху-же шу *вси Епископи земли Русскїя, и Бояре мнози, и дѣти Боярскїе, и гестъ велику* воздалъ В. К., и дрсы многи подавалъ В. К. и Вел. Княгинѣ, и дѣшемъ ихъ, и вошчину далъ» (Стр. *Лвт. ш. II*, стр. 56).
 Такъ-ли пошущаютъ злодѣи?

вы, благословляемъ, и будемъ за тебя молишь Бога!» — Тогда, совершенно успокоенный, Василий поспѣшно пріѣхалъ въ Тверь. Князь Тверской принялъ его почтительно; Иоаннъ, старшій сынъ Василія, былъ обрученъ съ дочерью Тверскаго Князя. Бракъ опложили до совершеннолѣтія обрученныхъ, ибо жениху не было и семи лѣтъ отъ рожденія, а невѣста была еще моложе его (355).

Немедленно дали знать Рязоловскимъ и Князю Боровскому, въ Брянскъ и Мещиславль, что Василий уже свободенъ и находишься въ Твери. Они, Князь Сприга-Оболенскій, Феодоръ Басенокъ, спѣшили соединиться съ Василюемъ. На пути присовокупились къ нимъ Касимъ и Ягупъ съ своими ордами. Но дѣло было конечно гораздо ранѣе, безъ всякой ихъ помощи.

Шемяка увидѣлъ, узналъ всѣ свои ошибки. — поправляшь ихъ было поздно! Онъ вышелъ од-

(355) Оправданіе Василія, выдуманное Карамзинымъ: « Должны-ли вѣроломные надѣяться на вѣрность обманурыхъ ими? Злодѣи, освобождая себя отъ узъ нравственности, мыслятъ, что не всѣмъ дана сила попирашь ногами святыню, и сами бывають жершвою легковѣрія » (Исп. Гос. Рос. п. V, стр. 325). Онъ называетъ Игумена Трифона; разрѣшившаго Василія отъ кляпвы, *умнымъ*.

накожь изъ Москвы , спалъ близъ Волоколамска , сжидалъ болѣе войска , медлилъ ; съ нимъ былъ только одинъ союзникъ — ненависный Князь Можайскій ! Слышали , что Василій идетъ опъ Твери , Боровскій спѣшилъ изъ Липвы , дѣпи Улу-Махмета спремается съ юга . Воины Шемяки бѣжали опъ него , передавались неприятелю . Наконецъ , получена была неожиданная вѣсть : Москву нечаянно захватилъ воевода Василя , Плещеевъ . На самое Рождество , онъ подкрался къ Москвѣ съ небольшимъ опрядомъ , ввелъ его въ Москву , и когда Кремлевскія вороша опворили для одной изъ Княгинь , ѣхавшихъ въ Соборъ къ заупрени , дружина Плещеева ворвалась въ Кремль . Сдѣлалось смяненіе ; началась драка ; намѣстникъ Шемяки бѣжалъ прямо опъ заупрени ; намѣстника Можайскаго поймалъ испопникъ Княгини Софія , Распопча ; Бояръ , воинновъ ихъ били , грабили , заковали въ кандалы . На другой день вооружили Московскій народъ , зашворились въ Кремль и гошovy были на защипу . Но Шемяка и Можайскій не пошли въ Москву ; болѣе надѣясь на вѣрносшь сѣверныхъ обласпей , они послѣшили въ Галичъ . Василій умѣлъ дѣйспвовашъ рѣшительнѣе и лучше : онъ прелѣдовалъ бѣглицовъ съ Тверскими дружинами , взялъ Угличъ , храбро защищавшійся , и безосшановочно шелъ далѣе . Шемяка и Можайскій бѣжали въ опдаленный Каргополь ;

шуда перевезли и машь Василя. Близъ Углича пришелъ къ Василю Князь Боровскій; Василій поворошилъ въ Москву, довольный шѣмъ, что могъ опбишь у враговъ своихъ Угличъ и Коспрому; вездѣ оставлены были имъ для защиты сильныя опряды воиновъ. Кончипь съ Шемякою предоспавили будущему. Василій удовольсшовался опправленіемъ къ Шемякѣ Боярина Кушужева, приказавъ сказашь ему: «Князь! что за честь и за хвала тебѣ держашь въ полову машь мою, а швою пешку? Неуже-ли эшимъ думаешь шь опмстишь мнѣ, когда я обладаю уже Великимъ княжесшвомъ?» — Въ самомъ дѣлѣ — сказалъ Шемяка, совѣшущь съ своими Боярами — приобрѣшу-ли честь и хвалу плѣномъ пешки? Бѣгая изъ мѣста въ мѣсто, нуждаюсь въ людяхъ, испомилъ ихъ, а плѣнницу нашу надобно еще сперечь? — Онъ оппустилъ Софію Вишовповну съ честію, послалъ съ нею Боярина своего Сабурова, и занялъ Галичъ. Василій вспрѣшилъ машь свою въ Троицкой обители. Сабуровъ ударилъ ему челомъ, и вспуилъ въ его службу (356).

Пропивившись Василю не было возможности. Онъ дѣйсшвовалъ припомъ неусыпно, и буду-

(356) Стр. Лѣт. ш. II, стр. 58; Коспр. Лѣт. II, 15; Арханг. Лѣт. стр. 130.

чи слѣпцомъ видѣлъ далѣ всякаго зрящаго. Ушрашивъ силу, Шемяка и Можайскій думали купить миръ покорностію. Василій былъ неумолимъ. Онъ занялъ владѣнія тещя Шемякина, Князя Заозерскаго. Видя возможность не опшавивашься на бшву, Василій позволилъ Князю Боровскому и Князю Верейскому переговаривашь съ Шемякою и Можайскимъ, которые, съ своей стороны, просили сихъ Князей бытъ посредниками между ними и испипельнымъ Василюемъ. Въ записи, соснавленной въ сіе время, сказано было, что Шемяка удовольствуется *Галигемъ*, а Іоаннъ *Можайскомъ*, что они опдадутъ все пріобрѣтенное ими къ симъ *наслѣдственнымъ* удѣламъ—Шемяка *Узмиъ*, *Ржсвъ* и *Бѣжець*; Іоаннъ *Козельскъ* и *Алексинъ*; что они обязываются возвратить все захваченное ими имѣніе, образа, казну, граматы, дефпери, ярлыки Ханскіе. За все это Князья Верейскій и Боровскій обѣщали *передать и къ гелобитъ Великому Князю, и молиъ его*, что-бы онъ прінялъ ихъ въ любовь и въ докончаніе. Всего болѣе хопшлось Василюю разрушивъ союзъ Шемяки и Можайскаго: онъ готовъ былъ на время простишь и обласкать виновнѣйшаго, ибо онъ боялся—*только Шемяки!* Положено было, что Князья заключаютъ договоры *разные*. Условились, что Василій не будетъ звать къ себѣ ни Шемяки, ни Можайскаго, пока не из-

беруть Митрополита, общаго всѣмъ опца, копорый поручился-бы за ихъ безопасность. Черша времени любопытная: Епископскому ручашельству не смѣли довѣриться, а на Митрополитское соглашались, уважая высокій санъ сей. Въ оспорожность прошивъ нечаяннаго нападенія, Князья клялись взаимно, что Василій не будешь нападать до рѣшишельнаго докончанія; поже общали Шемяка и Можайскій (357). — Хишрость Василя удалась превосходно: *последній союзникъ Шемяки* — Князь Можайскій оп-

(357) Карамзинъ говоритъ, что Василій погда-же простилъ Шемяку, и помирился съ Шемякою, «копорый *обязался страшными клятвами* быть ему искреннимъ другомъ, *славить милости его до послѣднейго издыханія*, » и проч. (т. V, стр. 330). Нѣтъ! это несправедливо. Съ Шемякою *мира не было до самой его смерти*. Мирный договоръ заключили только съ Княземъ Можайскимъ (см. прим. слѣд.). Стр. *Лвт.* (т. II, стр. 60) говоритъ о *граматахъ* Шемяки, и вслѣдствіе того о нарушеніи попомъ сихъ грамахъ Шемякою; но онъ явно ошибается, ибо до насъ дошелъ только *проектъ мира* съ Шемякою, или договоръ его и Князя Можайскаго, предварительный заключенный ими съ Княземъ Боровскимъ (С. Г. Гр. т. I, № 67). Тутъ сказано, что сей договоръ заключенъ «*уговѣвъ Пешрова говѣнья въ недѣлю.*» Съ Княземъ Можайскимъ помирились по особому договору, написанному, вѣроятно, Іюня 19-го

спалъ опъ него. При посредничествѣ Князей Тверскаго, Верейскаго, Боровскаго, онъ заключилъ съ Василиемъ договоръ, въ копоромъ сказано было : « все , чпо по грѣхамъ нашимъ спалось опъ насъ надъ побою , господиномъ Княземъ Великимъ—шы меня жалуешь—все это шы забываешь , не будешь помнишь , не будешь испишь , ни на сердцѣ держашь , ни машь пволя , ни супруга , ни дѣши . » Спрашныя кляшвы были

1447 г. (см. сей договоръ въ *Собр. Гос. грамотъ* ш. I, № 63), ибо въ сей день заключенъ былъ договоръ съ брапомъ его, Княземъ Верейскимъ, по копорому Верейскій получилъ половину Заозерья (С. Г. Гр. ш. I, № 64); а 20-го Юля Князь Можайскій введенъ уже былъ въ договоръ съ Рязанскимъ Княземъ, какъ спаршій изъ Князей послѣ Василія и добрый его союзникъ. Сентября 20-го ему ошдали другую половину Заозерья и Бѣжецкій Верхъ. Весною-же 1448 года, Василій пошелъ на Шемяку къ Коспромѣ (см. далѣ), и въ договорѣ съ Княземъ Боровскимъ писалъ : « *Добѣтъ теломѣ* мнѣ Князь Димитрій Юрьевичъ, *пожалю* его его опчиною (С. Г. Гр. ш. I, стр. 157). «Повѣрка Лѣпописей заключается въ граматахъ ; вопъ примѣръ: въ *Арх. Лѣт.* , стр. 131, сказано, что Василій въ 1449 г. спалъ въ Ярославль, и Князь Можайскій умолилъ его о мирѣ, отказавшись опъ Шемяки. Но еще въ 1447 г. Князь Можайскій помирился съ Василиемъ, и опступился опъ Шемяки. Лѣпописецъ смѣшиваетъ здѣсь походъ Василія изъ Твери въ 1447 г.

произнесены съ обѣихъ споронъ : « Призываемъ во свидѣтели Вседержителя Господа Бога, Пречистую Его Матерь, Святаго Чудотворца Николая, Петра Митрополиша, Леонтія Епископа Ростовскаго, свящыхъ спарцевъ, преподобныхъ Сергія и Кирилла; моливъ родителей дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ Великихъ Князей— да не будетъ на клятвопреступникъ сего договора ни милоспія Бога и Богоматери, ни моливъ Свящителей, спарцевъ и родителей нашихъ, въ сей вѣкъ и въ будущій, и посредники, наши да будутъ съ правымъ на виновашаго » (358). Казалось, что Василій въ самомъ дѣлѣ совершенно забылъ вину Можайскаго. Онъ призывалъ его и принималъ въ великую дружбу. Заключая договоръ съ Рязанью (въ Іюль 1447 г.), писали сей договоръ ошъ имени Василія, Князей *Можайскаго* (упоминая имя его выше всѣхъ другихъ), *Верейскаго* и *Боровскаго* (359). Еще до примиренія съ Можайскимъ Княземъ (въ Іюнь 1447 г.), Василій, взявъ себѣ половину областей пестя Шемякина, Князя Заозерскаго, ошдалъ Верейскому другую половину (уступивъ ему припомъ за два года Ордынскій вы-

---

(358) Собр. Г. грам. ш. I, № 63, стр. 139.

(359) Тамъ-же, № 65.

ходъ съ его обласпи). Въ Сентябрѣ другую половину Заозерья Василій ошдалъ Можайскому, а въ замѣну Козельска и Алексина передалъ ему Бѣжецкъ. Двумя новыми примиришельными граматами подшвердили забвеніе всего прошедшаго: одна изъ нихъ писана въ 1448 году; въ другой замѣчательны слова Василя: «Все, что было еще у меня на сердцѣ, на тебѣ, моего младшаго брата, оставляемъ при семь нашемъ докончаніи, и клянемся задняго не поминашь» (360). Только Шемякѣ не давали ни мира, ни прощенія. Шемяка оспавался при одной записи, соспавленной ошъ имени его и Можайскаго, съ Князьями Верейскимъ и Боровскимъ (о чемъ мы упоминали выше). Его окружили лазушчиками, знали всѣ его сношенія, и во всемъ находили новыя причины къ обвиненію. Можесть бышь, спараясь себя обезопасишь, Шемяка ошправлялъ посла къ Хану Мамушеку, и принялъ посла его у себя — пошребовали выдачи Ханскаго

---

(360) Тамъ-же № 64, 66, 68, 69. См. другія граматы: № 70, подшверженіе договора съ Княземъ Верейскимъ; № 71, 72, договоръ объ ошдачѣ Князю Боровскому Дмишрова, и подшверженіе сего № 73, 74; подшверженіе договоровъ съ Княземъ Верейскимъ благословеніемъ Мишпрополиша Юны, 1450 г. Юля 1 д., № 75.

посла Великому Князю, и упрекали Шемяку за невыдачу, когда онъ ошказалъ; Мамушекъ задержалъ Московскаго Посла — причли это къ проискамъ Шемяки (361). Онъ просилъ помощи у Новгородцевъ; въ грамапахъ къ нимъ называлъ себя *Великимъ Княземъ*; говорилъ, что Таттары оныгошили Русь — все это почли клеветою на Великаго Князя и крамолою (362). Седи-Ахмешъ вздумалъ прислать къ Василию Пословъ, и требовашъ дани. Послу Ханскому ничего не дали; но опъ Шемяки пребовали учаспка въ Ордынскій выходъ. Шемяка не далъ, опивъчая, что Седи-Ахмешъ не Царь, но самозванецъ безсильный. «Какъ не Царь?» возопили въ Москвѣ. «Но не опъ-ли владѣетъ нѣмъ самымъ юрпомъ, гдѣ судился ошець Ше-

(361) Слова, находящіяся въ *Посланіи Русскихъ Святителей* къ Шемякѣ (см. далѣе, прим. 365): «Посылалъ еси въ Казань ко Царевичу Мамотпяку на Великаго Князя лихо — и Посоль его къ шебѣ пришелъ, у себя его и нынѣ держишь; а за швоею посылкою къ Мамотпяку Великаго Князя килечея Мамотпякъ поималъ, да сковалъ,» и проч.

(362) Тамъ-же: «Ты въ цѣлованьи съ Новымъ Городомъ, да еще посылалъ еси и Посла, а зовучи себя Великимъ Княземъ; да просилъ еси у нихъ себѣ помочи; а вводя по слово, что *Татарове изневолили нашу отчину Москву....*»

мяки съ Великимъ Княземъ?» (363) — Шемяка прибѣгнуль къ Князю Можайскому, напомнилъ ему прежнюю дружбу, просилъ ходатайствовать у Великаго Князя, и сказалъ: «Если ты пожелашь чѣмъ нибудь Димитрія Юрьевича, по меня, бѣднаго, пожелашь.» Сія слова изъяснили пакъ, что Шемяка переманиваетъ Можайскаго на свою сторону. Наконецъ, поймали на дорогѣ посланнаго отъ Шемяки къ его Московскому Тіуну, насильно отняли у него граммы; и вышолковали изъ нихъ, что Шемяка отзываетъ къ себѣ Московскихъ людей отъ Василія. Обвиняли Шемяку и за то, что онъ отнялъ нѣкоторыя помѣстья у измѣнниковъ, переданныхъ къ Василю; что онъ посылалъ за помощью въ Вязьму; что онъ не отдавалъ вполне взятаго имъ въ Москвѣ (364). . . .

(363) Тамъ-же. «Отъ Царя Седи-Ахмета пришли къ Вел. Князю Послы, и онъ къ тебѣ посылалъ просити, что ся тебѣ имать дати съ своею отчиной въ тѣ Татарскіе пропторы; и ты не далъ ничего, а не зовучи Седи-Ахмета Царемъ; а того не какъ позабылъ еси: не на помѣ-ли юрты отецъ твой былъ у Царя съ Вел. Княземъ вмѣстѣ, и на пошлинѣ стояли?»

(364) Тамъ-же: «Таже еси посылалъ ко Князю И. А. Михаила Сапина, а все одиначася съ нимъ на Вел. Князя, чтобы Князь Иванъ къ Вел. Князю по слово

Сбираясь кончить дѣло съ Шемякою оружіемъ, Василій хошѣлъ оправдать себя громкимъ изложеніемъ всего, въ чемъ виновенъ былъ передъ нимъ Шемяка. По его повелѣнію, въ концѣ 1447 года, пяць Владыкъ, нѣсколько Архимандритовъ и Игуменовъ составили огромное Посланіе къ Шемякѣ, испощили въ немъ все возможное краснорѣчіе, всѣ свои знанія Богословскія и Историческія, и на 28-ми лиспахъ доказывали Шемякѣ, что онъ злодѣй, пресупникъ—даже корили его памяшью опца; начали благословеніемъ — кончили проклятіемъ (365).

съ своимъ Посломъ приказалъ: полько пожалуешь Кн. Дим. Юрьевича, ино по еси меня пожаловаль.... Къ Вяпчаномъ посылаешь, а въ Вяпку пи ся по докончанью не вступаши... Копорые Бояре и Дѣпи Боярскіе опъ тебѣ били челомъ Вел. Князю служипи, и ты еси чрезъ крестное цѣлованье пѣхъ пограбилъ, села ихъ и дома у нихъ поопымалъ, и живопы всѣ, и живопину.... Шлешь къ своему Тіуну, къ Вапазину, свои граматы, а велишь ему опзывать опъ Вел. Князя людей къ себѣ, а все подъ Вел. Княземъ доставаая Вел. Княженья; и пѣ твои граматы выиманы у Вапазина на пупи, » и проч.

(365) Это любопытное Посланіе находится въ книгѣ: *Посланія Русскихъ Митрополитовъ*, находящейся въ Синод. Библіотекѣ. Къ сожалѣнію, сей драгоценный актъ донинѣ неизвѣстенъ вполнѣ. Выписки изъ него, чрезвычайно короткія, см. въ *Ист. Г. Р.*

«Знаешь» — писали къ Шемякѣ — «знаешь ты самъ, сколько щился опець швой овладѣшь Великимъ Княжесвомъ, подобно тому, какъ древній праопець нашъ Адамъ желалъ бытъ богомъ: въ Орду ходилъ онъ, труды подымалъ, но Княженія Великаго не досягъ, не дарованнаго ему ни Богомъ, ни Царскою пошлиною. Но онъ еще не унялся: собралъ злыхъ людей, согналъ Великаго Князя съ опеческаго престола, и долго-ли поржествовалъ? Не самъ-ли попчасть, съ великимъ челобишьемъ, Государя своего призвалъ, и шолько въ пашаи человѣкахъ изъ Москвы уѣхалъ? Еще разъ пришелъ онъ; сѣлъ на престолъ, безъ Царской пошлины — лучше сказать, разбойнически, и долго-ли пожилъ? Дабы успѣлъ онъ подумашъ о душѣ своей передъ близкою кончиною, Богъ попустилъ его хотѣнію исполниться, человѣкамъ на видѣніе, а ему ошъ всѣхъ на осужденіе. . . . А самъ ты? Дьяволъ вооружилъ шебя на Великаго Князя желаніемъ самоначальства. Разбойнически, какъ ночной воръ, напалъ ты на него, пропивъ крешнаго цѣлованія, и соотво-

---

п. V, прим. 350. Карамзинъ приводитъ ихъ, какъ обвиненіе Шемяки; мы видимъ лучшее оправданіе его въ сихъ выпискахъ, и для примѣра, привели нѣкоторыя изъ нихъ, въ прим. 361, 362, 363 и 364-мъ.

рилъ надъ нимъ зло не меньше Каина и окаяннаго Свяшополка. Чѣмъ-же пользовался? Долго-ли государшвовалъ, и спокойно-ли пожилъ? Не всели въ суепѣ и прескаканіи опъ мѣспа до мѣспа, днемъ помимъ помышленіями, ночью мечпаніями сна? Ища и желая большаго, и свое меньшее пы изгубилъ. А Великій Князь снова на своемъ преспольѣ, ибо кому чпо опъ Бога дано, шого никшо не опнимешъ. Впалъ-бы пы и самъ въ руки Великаго Князя, какъ древле гордый Фараонъ во глубину моря, и, если-бы милосердія своего не полагалъ на тебѣ Князь Великій, давно погибъ-бы пы, и со всѣми своими, и душа пвоя въ адъ вселилась-бы. . . . И опколъ швое заблужденіе? Напала-ли на тебѣ душевная слѣпопа, опъ возлюбленія временныя и преходящія чести Княжескія и начальшва, и желаешъ пы бышь называемъ Великимъ Княземъ, когда шо не опъ Бога даровано? Или злаполюбіемъ обьяшъ, или женовнимателенъ и женопокоренъ, уподобляясь Ироду, ни во что вмѣняешъ кресное цѣлованіе? Свяшныя эпипрахили сквернишь пы неподобными, богомерзкими рѣчами; но, надѣмся, самъ пы знаешъ, чпо онъ супъ воображеніе муки Господа нашего І. Х., и пы рѣчами своими шолько душу свою губишь (366).» . . Изложивъ

---

(366) Здѣсь, вѣроятно, говорится о томъ, что Іона бралъ на *эпитрахиль* дѣшей Василия опъ Рязловскихъ.

вины Шемяки, и приѣтры високоумія и гордо-
спи изъ Св. Писанія, упомянувъ о Царѣ Армян-
скомъ Тиридашѣ, въ кабака превращенномъ,
за шо, что онъ гналъ Св. Григорія Великаго,
Владыки прибавляюшъ: « Могли-бы мы еще мно-
гое сказашъ шебѣ ошъ Божественнаго Писанія;
но самъ ты ошъ Бога одаренъ разумомъ, и
понко Божеспвенное Писаніе разумѣешь.... Если
не обратишь къ Богу и къ Великому Князю
съ чистымъ покаянiемъ, то будь ты чуждъ ошъ
Бога, ошъ Церкви Божіей, и ошъ православныя
вѣры; не имѣй часпи съ вѣрными; не будь на
шебѣ милоспи Божіей и силы живошворящаго
Крестна, кошорый ты къ брашу своему спа-
рѣйшему, Великому Князю, цѣловалъ; будь ты
прокляшъ ошъ Св. Апостоловъ и Св. Ошець, и
гряди въ кончаню погибель. » . .

Посланіе опправлено было 29-го Декабря
1447 года. Шемякѣ назначили срокъ на пока-
нiе: двѣ недѣли по Крещеніи. Шемяка не каля-
ся, и, весною 1448 года, Василій пошелъ на
него съ сильнымъ войскомъ. Но еще оспановил-
ся онъ, можешъ бышь опасаясь опчаянiя Шемя-
ки, кошорый видѣлъ злодѣя Можайскаго въ ми-
лоспи, сообщника своего Князя Тверскаго род-
нею Василя, добраго песпя своего въ раззо-
реніи и погибели, имя свое въ позорѣ и поно-
шеніи. Впереди ожидала его гибель, и опчая-
нiе могло доставишь побѣду. Василій ворошил-

ся опъ Коспромы, укрѣпилъ еще болѣе союзы, какъ мы эшо видѣли, и собралъ сильнѣйшія дружины. Безнадежный, отчаянный Шемяка самъ началъ военныя дѣйствія (весною, 1449 года) нападеніемъ на Коспрому, гдѣ находились лучшіе воеводы Василя, Князь Сприга-Оболенскій и Ѳедоръ Басенокъ. Василій выступилъ съ большою силою, Князьями и Монгольскими Царевичами. Съ нимъ былъ Свяпипель Іона (уже возведенный погда въ санъ Миспрополипа), были и Епископы. Шеспвіе Василя казалось величественнымъ: Государь и Церковь шли на проклятаго клятвопреступника. Но Шемяка уклонился опъ бипвы. Его оспавили въ покоѣ до зимы. Тогда удобнѣе можно дѣйствовать въ болониспыхъ сѣверныхъ мѣспяхъ. На свяшкахъ 1450 года, Василій выступилъ—рѣшилъ дѣло послѣднее. Пришли къ Галичу; Шемяка ушелъ въ Вологду; его преслѣдовали—онъ опянь повернулъ къ Галичу, и спалъ пвердою ногою, укрѣпивъ Галичъ, успроивъ пушки, собравъ всѣ дружины свои. Многочисленная рать Великаго Князя опвсюду окружила Галичъ, но дъ предводисельспвомъ Князя Оболенскаго. Шемяка не нападалъ; стоялъ подъ городомъ на горѣ, крушой, окруженной оврагами. Москвичи зашли съ озера, перешли овраги. Изъ города загремѣлъ огонь пушекъ, шюфяковъ, пицалей. Презирая его, воины Московскіе взошли на гору и начали бой рукопашный, продол-

жипельный, гибельный. Шемяка рѣзался, какъ человекъ, обреченный на смерть, былъ совершенно уничтоженъ, и едва успѣлъ убѣжашь. Изъ воиновъ его всего болѣе было убишыхъ, немного убѣжавшихъ и взяшихъ въ плѣнъ; нѣкоторые немногіе ззшворились въ городъ. Василій дожидался извѣстія о бишвѣ въ Желѣзномъ городкѣ, получилъ его, велѣлъ служишь молебень въ тамошней обипели Св. Іоанна Предшечи, и опправился въ Галичь. Жипели опдались ему; Василій объявилъ, что Галичь навсегда присоединяется къ Великому Княжесшву, и возвратился въ Москву праздновашь масляницу (367).

---

(367) Спроев. Лѣт. ш. II, стр. 61; Костр. Лѣт. ш. II, стр. 19, 20; Арханг. Лѣт. стр. 132; Тип. Лѣт. стр. 256. Въ *Костр. Лѣт.* говорится, что послѣ неудачи подъ Коспромкою, Шемяка хотѣлъ идши на Владиміръ и Муромъ.—*Желѣзный городокъ*, или *Желѣзный борокъ*, находится въ 40 верспахъ опъ Галича, на рѣкѣ Тебзѣ, въ горахъ, изобильныхъ желѣзною рудою. По преданіямъ, здѣсь жилъ нѣкогда пустынникъ, свяшой мужъ, Іаковъ. Онъ былъ въ Москвѣ, когда Софія Витовповна, передъ рожденіемъ Темнаго, сдѣлалась опчаянно больна. Просили Св. Іакова помолишься о ней, и когда Темный родился благополучно, Василій Димипрѣевичъ выпсроилъ монастырь на мѣспѣ пустыни благочеспиваго спарца; въ этой обипели доннѣ почивающъ его неплѣнныя мощи. Василій молился при

Галицкая битва происходила 27 Января 1450 года, и была послѣднимъ, значительнымъ усиленіемъ борьбы *Единовластія съ Удѣлами*.... Послѣ нея, Удѣлы начали умирать сами собою, опъ одного слова Великокняжескаго. Нѣсколько времени учаспъ Шемяки была неизвѣстна. Наконецъ узнали, что онъ еще живъ, спасся, достигъ Новгорода, гдѣ находились жена его и сынъ. Шемяка не былъ уже опасенъ; ко онъ не хошѣлъ ни мириться, ни бѣжать въ Липву. Новгородцы помогали ему, и Шемяка снова собралъ дружину, выступилъ къ Устюгу, занялъ сей городъ, привелъ жишелей къ присягѣ, и казнилъ непокорныхъ ему, преданныхъ Василию (368). Въ Галичъ ему невозможно было показаться: шамъ спояли сильныя дружины Василія. Оставивъ на время оружіе, изъ Москвы писали къ Новгородцамъ, что они не должны

гробъ его, пока воины Московскіе бились съ Шемякою, (см. *Ист. Росс. Иерархіи*, ш. IV, стр. 116).

(368) *Архангельск. Лвт.* стр. 132. Одинъ изъ брошенныхъ въ рѣку Сухону приверженцевъ Василія, Ефимъ Ежевина, успѣлъ спвязать опъ шеи тяжелый камень, сидя на днѣ рѣки, выплылъ и ушелъ въ Вяшку. Не повпоряемъ здѣсь упрековъ Карамзина, и названій, какія придаетъ онъ Шемякѣ опъ самаго бѣгства сего Князя изъ Москвы въ 1447 г. — Карамзинъ называетъ его *ненавистнымъ, гнуснымъ* во

принимашъ Шемяки. Особенно Митрополишъ изъ-являлъ сильное негодование Новгородской своей пасхвѣ. Владыка Евфимій ошвѣпшвовалъ ему , что Новгородъ не можешъ опказашъ въ убѣ-жищѣ несчастному Князю , ибо домъ Св. Софіи всегда принималъ къ себѣ Русскихъ Князей и воздавалъ имъ чеспъ по силѣ ; что Священель напрасно пишешъ споль *тлагостных* граманш прошивъ Димитрія Юрьевича , Князя природна-го , внука Димитрія Донскаго и духовнаго сына своего ; что такихъ граманш не пясывалъ ни одинъ прежній Митрополишъ. « Ты называешъ Димитрія Юрьевича сыномъ моимъ ? » возразилъ Митрополишъ — « Нѣштъ! онъ злодѣй, копорого не должно именовать сыномъ ни Церкви Божіей , ни нашего смиренія. Запрещаю шебѣ , и дѣтямъ твоимъ Новгородцамъ , пишъ и ѣспъ съ нимъ. Онъ прокляпъ , неблагословенъ , оплученъ опъ Церкви. Сколько причинилъ онъ лиха , и сколько пролилъ Христіанской крови? Кшо прежде его съ шакою злобою воспавалъ прошивъ Великаго Князя? Выгонше его немедленно , пришлите съ челобишь-

---

злодѣянїямъ и вѣроломству , коварнымъ , безтеловѣтнымъ ; удивляется , напрошивъ , кротости Васи-лія , духу смиренія и благодестію , съ какимъ пи-сано было Посланіе къ Шемякѣ , и проч.

емъ къ сыну моему Великому Князю, и я буду о васъ печаловашься» (369).

Кажется, Кирдяпичи не оказали никакой помощи Шемякѣ. Можемъ полагать, что они едва успѣли прѣхать въ Нижній Новгородъ, какъ и были выгнаны переменною обстановкаю. По крайней мѣрѣ, Василій распоряжался самовластно Суздальскими областями, и имени внуковъ Кирдяпы шамъ не было слышно. Напрошивъ, онъ обласкалъ одного Князя изъ поколѣнія брата Кирдяпина, Симеона. Сей Князь, внукъ Симеона, Иоаннъ Васильевичъ Горбашый, получилъ отъ него въ удѣлъ Городецъ Волжскій, клялся бытъ подвластнымъ Василю и недругомъ Шемяки, выдалъ всѣ старыя Суздальскія граматы и ярлыки Ханскіе, и просилъ милости для другихъ братьевъ своихъ. Ихъ было у него пятеро: Андрей служилъ Можайскому Князю, и былъ убитъ сражаясь съ Липовцами; другой, *Василій Гребенка*, жилъ въ Новгородѣ; прое — Александръ Глазашый, Романъ и Борисъ били

(369) Посланіе Іоны (Исп. Г. Р. ш. V, прим. 353). «Имѣемъ его (Шемяку) неблагословенна и оплущена Церкви — азъ шебѣ и швоимъ дѣшамъ, Великому Новгороду, не велю съ нимъ ни пиши, ни ѣспи — и какъ шого Кн. Димитрія мощно именоваша Церкви Божіей, да нашего смиренія сыномъ?...

теломъ Василию (370): — Василій оказалъ также новую милость Князю Верейскому: придалъ къ удѣлу его Вышгородъ и нѣсколько сель. Вѣрные слуги Василя, дѣти Улу-Махмеша, Касимъ и Ягупъ, ходившіе съ нимъ во всѣхъ послѣднихъ походахъ на Шемяку, получили въ удѣлъ городокъ Мещерскій, названный по имени спаршаго браша: *Касимовъ*. Построенный на высокомъ берегу Оки, Касимовъ служилъ подзорнымъ, вѣсповымъ мѣстомъ опъ набѣга Ордынцевъ съ Рязанской стороны, и въ то-же время приспанищемъ всѣхъ недовольныхъ изъ Орды, Казани, Крыма. Скоро наполнили его Монголы. Ханы Касимовскіе составили важный предметъ опасенія для Казанцевъ, имѣя своихъ приверженцевъ, свои паршіи въ Казани, производя шамъ заговоры и буншы, угрожая сверженіемъ съ прона при первомъ случаѣ (371).

---

(370) Договоръ въ С. Г. Гр. ш. I, № 80 и 81. Съ чего взялъ Карамзинъ, будто Василій оставилъ *потомковъ Кирдяпы* владѣшь Суздалемъ и Нижнимъ-Новгородомъ (Исп. Г. Р. ш. V, 333)? Бѣдный Князь, кошорому Василій отдалъ только одинъ *Городецъ Волжскій*, былъ совсѣмъ другаго рода (см. выше, стр. 188).

(371) *Касимовъ* находится на Окѣ, въ 260-ши верстахъ опъ Москвы. Тамъ донынѣ цѣлая слобода

За все это, Мамушекъ не могъ быть другомъ Москвы, но онъ не помогаль и Шемякѣ, не двигался на Русь съ силъ ными ополченіями. Въ 1446 г., семь сошь Монголовъ напали на Устюгъ и зажгли его; жители потушили пожаръ и условились на окупъ, *копейщину*, которую Устюжане выплащили имъ мѣхами. Монголы договорились, чтобы Устюжане ихъ не преслѣдовали; они плыли по Югу и Веплугѣ, на площадяхъ, и почти всѣ перешоули.—Въ 1448 г. Орда Мамушекова ходила на Муромъ и Владиміръ, но поворопила во-свояси, услышавъ, что ее гошovy въспрѣпишь. — Касимъ разбилъ и разогналъ по Бишюгскимъ степямъ, въ 1449 и 1450 гг., опряды, посланные изъ Золотой Орды, шакъ называемыхъ *Скорыхъ Татаръ*, по ешь набѣгавшихъ на-легкѣ, изгономъ (372). Много тревоги и зла причинилъ набѣгъ Царевича Мазовши, въ 1451 году. Причиною этого была прусоспъ воеводы Московскаго, Князя

населена Татарами, сохраняются оспашки Татарскихъ дворцовъ и великолѣпнаго кладбища Хановъ, владѣвшихъ Касимовымъ съ половины XV-го вѣка.

(372) О нападеніи на Устюгъ, *Арх. Лѣт.* стр. 129; о походѣ на Муромъ, *Ист. Г. Р.* т. V, прим. 354. Юный Іоаннь былъ при войскѣ, противъ Татаръ посланномъ. Тупъ-же см. о приходѣ *скорыхъ Татаръ*, и разбитіи ихъ на Бишюгъ.

Звенигородскаго. Его послали спояшь на Окѣ , пока соберется болѣе войска. Воевода далъ свободный пушь , боясь Монголовъ. Не вида сопрошивленія , Монголы шли однакожь оспоржно , но дошли до самой Москвы, ошкуда Василий поспѣшно уѣхалъ собирашь дружины на берегахъ Волги , взявъ съ собою жену и дѣшей, оспавивъ въ Москвѣ сильную зацципу , машъ свою , сына Юрія и Мишрополиша. Монголы зажли посадъ Московскій ; деревянные дома вспыхнули ; пожаръ шель прямо на Кремль; жишели пушили огонь и заццищались ошъ Монголовъ ; Мишрополишъ молился въ эшо время въ Успенскомъ соборѣ , со всѣмъ Духовенствомъ , о избавленіи ошъ нашешствія иноплеменныхъ варваровъ. Къ вечеру Монголы ошспушили , и ночью бѣжали ошъ Москвы , боясь погони , оспавивъ свой обозъ , и спѣша переправивъся за Оку. Василий возвратился благодаривъ Бога за побѣду , а не сражашься. Набѣгъ Мазовши доспавилъ большую славу Мишрополишу Іонѣ. Говорили , чшо когда онъ началъ молишься , вѣшеръ поворошилъ ошъ Кремля и пожаръ спалъ попухашъ , а Монголы ушли , испуганные какимъ-шо ужаснымъ шумомъ. Золотая Орда и послѣ шого еще превожила Москву. Въ 1455 г. толпу Ордынцевъ разбили близъ Коломны. Они опашъ появились черезъ чешыре года (въ 1459 г.) и были прогнаны. Василий устроилъ шогда въ

Успенскомъ соборѣ придѣлъ *Похвалы Богоматери*, за избавленіе ошъ гибели. Сынъ Седь-Ахмеша пышалъ счастья на другой годъ (1460 г.), осаждая Рязанскій Переяславль, и ушелъ боясь пораженія (373).

Избавясь ошъ Монголовъ въ 1451 г., Василій вспомнилъ о ненавистномъ врагѣ своемъ, копорому ооло двухъ лѣшъ дозволялъ жишъ спокойно въ Успюгѣ. Какъ будпо на сильнаго неприяшеля, собралось многочисленное войско, зимою 1452 года, и 4-го Января выступило въ походъ. Князь Боровскій и воевода Оболенскій шли впереди, жгли и опуспошали селенія по Сухонѣ; за ними шель старшій сынъ Василія, юный Іоанць; наконецъ Царевичъ Касимъ съ Монголами. Шемяка хотѣлъ еще защищашься, но видѣлъ неизбѣжнось пораженія, бѣжалъ внизъ по Двинѣ, повернулъ на Вагу, и укрыл-

---

(373) О Мазовшѣ, *Арх. Лѣт.* стр. 133, *Костр. Лѣт.* ш. II, стр. 23. «Лѣшо бѣше погда горяче» (*Тип. Лѣт.* стр. 257). Спрахъ наводило на Рускихъ извѣстіе, что Царьградъ былъ осажденъ въ эпошъ годъ Турками. О набѣгѣ 1459 года: «Татарове похвалился на Русь пошли — и тоя ради похвалы Іона Миспрополишъ постпавилъ церковь каменну *Похвалы Богородицы*, придѣлалъ къ алтарю Соборныя Пречистыя, возлѣ южныхъ дверей» (*Костр. Лѣт.* ш. II, стр. 32).

ся въ Новгородъ , гдѣ снова приняли его , не спрашася угрозы Москвы и прокляпий Мишрополипа . Слѣды Московскихъ дружинъ означились раззореніемъ въ самыхъ отдаленныхъ сѣверныхъ обласпяхъ , копоры обвиняли за пособіе Шемякѣ (374) . Василій не хотѣлъ щадить Шемяку : онъ былъ уже безпомощенъ , но — еще живъ ! Войско Московское ворошилось во свояси , а за Шемякою отправили въ Новгородъ не воинскія дружины , но — *убійцу* . . . . Василія опечалилъ въ это время сильный пожаръ ,

---

(374) Спр. Лѣп. т. II , стр. 62 ; Арх. Лѣп. стр. 134 ; Костр. Лѣп. т. II. стр. 25. « Слышавъ , что Князь Дмитрій побѣгль , посла за нимъ воеводу Югомъ , мимо Устюга — а Князь Великій Иванъ , съ Андреевыхъ селищъ и съ Галицины , пошелъ на Городищную , да на Сухону рѣку , да въ Саленгу , на Кокшенгу воюючи , а городъ Кокшенскій взялъ , а Кокшаровъ сѣклъ множество , и съ Кокшенги на Вологду . А Князь Дмитрій побѣже къ Новгороду Великому — а воеводы по слышавъ на успѣ рѣки Ваги , и воропилися по Вагѣ вверхъ на Кокшенгу-же . » — « А Князь Великій Иванъ , да Царевичъ , шедъ на Кокшенгу , градки поимаша , землю ту всю пусту поплѣниша , и въ полонъ поведоша . » — *Вага* впадаетъ въ Двину сѣвернѣе Шенкурска , отстоящаго отъ Москвы въ 836 верстахъ , отъ Архангельска въ 400-хъ верстахъ . Такъ далеко въ сѣверъ преслѣдовали Шемяку .

опустошившей посады и Кремль Апрѣля 9-го, ночью; можешь бышь, печалила и кончина матери, Софїи Вишовповны, умершей въ долготѣшней спароспи, послѣ 34-хъ-лѣшняго оупружесшва и 28-ми-лѣшняго вдовсшва. Свидѣшельница сполькихъ собышій, испышавшая сполько перемѣнъ въ жизни, она скончалась монахиней, подѣ именемъ спарицы Сигклипикїи, Іюня 13-го дня, опказавъ сыну и внучашамъ свяшыя образа, мощи и ошавшееся у нея имѣніе (375). Но Василій все забылъ, когда, слушая вечерню на праздникъ Бориса и Глѣба, 23 Іюля, въ церкви во имя сихъ свяшыхъ мучениковъ, онъ получилъ радосшную вѣсшь: *Подьякій Василій Бѣда* — вѣрояшно, самый убійца — опромешью прискакалъ изъ Новгорода въ Москву, и извѣ-

---

(375) Духовная Софїи, въ С. Г. Гр. ш. I, № 83. «И чшо си ошпанешъ копорыя свяшоспи, оприско шого, кого емь чимъ благословила, чешпные кресшны и свяшныя иконы, или мощи свяшыхъ, въ большомъ дубовомъ и въ меньшомъ ларчику, и въ ящичку большомъ, и въ коробыи, и азъ, всѣмъ шѣмъ благословила внука своего,» и прох. У Софїи было много серебра, розданнаго изъ проценшовъ (*издѣльнаго*). Она велѣла взыскашь съ должниковъ недостапочныхъ шолько половину, а раззорившимся просшишь вовсе (спрадниковъ пушшишь на свободу). Гробница Софїи находится въ Вознесенскомъ Кремлевскомъ монастырѣ.

спигъ, что *Шемяка умеръ въ Новгородѣ Юля 18-го*... Несчастному Князю дали *лютаго зелья*, и *последній сынъ Юрія* погибъ *бѣдною и нужною смертію*.... Василий наградилъ Бѣду чиномъ Дьяка, и принялъ въ милосшь и довѣріе: Бѣда писалъ даже его Духовную, черезъ девашь лѣпшъ послѣ оправленія Шемяки.

Новгородцы, послѣдніе друзья несчастнаго Димитрія Юрьевича, похоронили его въ Юрьевскомъ монастырѣ, обогащенномъ вкладами Шемяки во времена его благоденствія (376).

(376) *Строевск. Лѣт. ш. II, стр. 63.* «Мѣсяца Юля въ 23-й день, приде вѣспъ къ Вел. Князю изъ Новгорода, на вечерни у великомучениковъ Бориса и Глѣба на Москвѣ, на ровѣ, что Князь Димитрій Шемяка умре напрасно въ Новгородѣ, и положенъ въ Юрьевъ монастырѣ, а пригонилъ съ шюю вѣспью подъячій, и бысть ошполѣ Дьякъ, Василий Бѣда.» Въ *Архан. Лѣт.* стр. 135; «даша ему (Шемякѣ) лютаго зелья, и испуспи нужно душу.» — Церковь Св. Бориса и Глѣба на ровѣ, называется нынѣ: *у Арбатскихъ воротъ*. Тогда былъ шупшъ ровъ, начинавшійся опшъ Срѣшенскаго монастыря и доходившій до Москвы рѣки, выкопаннй при Василии Димитріевичѣ, въ 1394 г. («Замыслиша на Москвѣ ровъ копати, починокъ его съ Кужкова поля, а конецъ устья его въ Москву рѣку; ширина его сажень челоуѣка, а глубина въ челоуѣка спюлца; и много убышка истинилося въ томъ людамъ, понеже сквозъ дворы копа-

на, и многи хоромы размешаша,» Исп. Г. Р. т. V, прим. 254). По просяженію сего рва спрошили попомъ спѣну Бѣлаго города. —Гробница Шемяки находится въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ (*Ист. Росс. Герархіи*, т. VI, стр. 753). Изъ вещей, приложенныхъ Шемякою въ сей монастырь, донынѣ цѣла еще плащаница, богато вышитая золопомъ, серебромъ и шелками; по краямъ оной вышитая надпись: «Лѣта 6957, Индикша 7, какъ былъ Князь Великій Димитрій Юрьевичъ въ Великомъ Новѣгородѣ, и повелѣніемъ его Великаго Князя наряженъ бысть сей воздухъ въ храмъ Св. Великомуч. Христова Георгія, шогоже мѣсяца Августа въ 23-й день (слѣдовательно, за *четыре мѣсяца* до Галицкой бипвы, когда Шемяка шелъ на опчаянную, послѣднюю борьбу съ Василиемъ), благовѣрною его Княгиною Софьею, и при сынѣ его, благовѣрномъ Князѣ Иванѣ; и положенъ бысть въ церкви Св. Великомученика Христова Георгія, въ Великомъ Новѣгородѣ, въ Юрьевѣ монастырѣ, при Архіеп. Вел. Новгорода Владыкѣ Евфиміи, при Архим. Мисаилѣ, за *оставленіе грѣховъ и спасенія ради душъ нашихъ и дѣтей нашихъ, и освѣбъ внучаталѣ, и правнучаталѣ въ семѣ вѣдѣ и въ будущемѣ. Аминь.*» — Заключимъ испорію сего несчастнаго Князя словами Карамзина, что пока былъ Шемяка еще живъ, то «въ непримиримой злобѣ своей искалъ новыхъ способовъ мести: *смерть его казалась нужною для государственной безопасности*» (Исп. Г. Р. т. V, стр. 344). Не менѣе любопытно философическо-Историческое размышленіе Щербатова, по случаю смерти Шемяки: «Еще пребывалъ въ слезахъ Вел. Князь, оплакивая кончину любезныя себѣ матери, когда пріѣхавшійкъ нему гонецъ изъ Новгорода возвѣспилъ о кончинѣ Князя Д. Г. Шемяки. Хотя Вели-

кій Князь, яко человекъ весьма добродѣтельный, по
человѣчеству и не могъ радоваться смерти своего
врага, но какъ сія кончина освобождала его опъ всѣхъ
безнокойствъ, каковыя ему приключилъ сей честпо-
любивый Князь, по яко о пріобрѣшеніи спокойствія
своему народу, не могъ не возчувствовашъ удоволь-
ствія (*Ист. Росс. ш. IV, I, стр. 581*).

Г Л А В А VI.

Мы старались изобразить въ полномъ объемѣ важнѣйшія событія Исторіи Русской съ 1425-го до 1453 года: главныя дѣйствія Василія, о нѣ самой кончинѣ его родилеца до того времени, когда онъ, лишенный очей, но зрящій умомъ, сдѣлался безспорнымъ власницелемъ Великаго Княжества, послѣ *двадцатипятилѣтняго*, тяжкаго опыта. Не будемъ судить совѣсти его. Предположимъ лучше, что Василій Темный не былъ рожденъ свирѣпымъ: несчастныя обстоятельства, оспервенѣніе вражды, необходимость политическая довели его до жестокости. Но — здѣсь новый урокъ для изученія тайныхъ судебъ Провидѣнія. Дѣйствуя своекорыстно и безчеловѣчно, Василій былъ орудіемъ для будущаго блага Русскихъ земель: онъ *кончилъ* Исторію Удѣловъ. Сія политическая система исчезла съ его времени, какъ спрашное привидѣніе, тяготивъ Русь болѣе чешырехъ столѣтій. Жизнь Василія послѣ погубленія Шемики предшавляетъ намъ совѣтъ другой порядокъ дѣлъ. Не приступая еще къ описанію послѣднихъ событій Василюва княженія, раз-

скажемъ здѣсь разныя подробности, въ дополненіе событій до 1453 года.

Мы видѣли отношенія Руси къ Монголамъ. Представъ предъ Улу-Махмета, въ началѣ княженія своего, покорнымъ рабомъ, Василій видѣлъ его попомъ изгнанникомъ, и основашелемъ новаго Монгольскаго царства, грознаго, но уже не непобѣдимаго, подобно прежней Золотой Ордѣ. Родные дѣти Улу-Махмета составили одну изъ опоръ власти Великаго Князя Русскаго. Сыну Василю назначено было смиришь Казань; правнуку истребишь это недолговѣчное гнѣздо Азійскихъ варваровъ. *Золотая Орда*, послѣ сего послѣдняго разъединенія сдѣлалась не важною. Седи-Ахметъ вредилъ еще набѣгами, но ихъ уже не боялись, и успѣхъ Мазовши былъ только мгновенною удачею. Еще безопаснѣе сдѣлалась Русь опъ Монголовъ враждою *Золотой Орды* съ *Крымскою Ордою*. Полагаемъ, что Василій уже не плашилъ постоянной подащи Монголамъ. Время униженія миновалось. Оспражали набѣги, иногда ударивали хищниковъ, но уже не рабствовали передъ ними, не несли ихъ дани; посылали къ нимъ Пословъ — не ходили сами бишь Княжескимъ челомъ. Въ договорахъ Князей постоянно упоминается о *выходахъ* и *дани* въ Орду; но, вѣроятно, сіи сборы составляли только запасъ, и всего чаще были полшическою

иѣроу, умножавшею собственную казну Великаго Князя взносами оупъ другихъ Князей, будшо-бы для Монголовъ (377).

Съ кончиною Вишовша, шакже пересшала бытъ гибельною для Руси, сосѣдняя съ западной стороны, земля Липовская. Основанная Миндовгомъ и Тройденомъ, укрѣпленная Гедиминомъ, возвеличенная Олгердомъ, рукою Вишовша поспавленная въ кругъ сидныхъ полипическихъ

---

(377) Замѣчательное явленіе, эша непримиримая ненависть, раздиравшая *Золотую Орду* (какъ мы эшо видѣли), и попомъ перешедшая къ ея опродіямъ, Ордаъ *Крыльской, Ногайской, Казанской, Касимовской*. Она главнѣйше послужила къ взаимному ихъ уничтоженію, какъ мы увидимъ внослѣдствіи. Въ договорахъ Темнаго поспоянно упоминается о *дани и выходахъ* Монголамъ. Въ договорѣ 1456 г. съ Княземъ Боровскимъ, сказано: «А даваши ши, братае, мнѣ В. К. съ своя вощины пошому разводу, какъ *напередъ сего* давали въ *выходѣ*, и въ ямъ; а *ци перемѣнитѣ Богѣ Орду*, а не иму давати къ Ордаъ, и мнѣ, братае, имаши съ своя опчины дань собѣ, а шобѣ съ своего удѣла дань имаши собѣ.» — Въ Духовной Темнаго: «Пошлюшъ писцовъ, да удѣлы свои писцы ихъ опишутъ по креспному цѣлованію; да по шому письму и обложашъ по сохамъ и по людемъ; да пошому окладу моя Княгиня и мои дѣши и въ *выходѣ* учнутъ даваши сыну моему Ивану, съ своихъ удѣловъ; а перемѣнитѣ Богъ Орду,» и проч.

обществъ Европы, съ Вишовшомъ Липва упростила самобытное существованіе. Судьба ея соединена была съ судьбою Польши. Ягелло пережилъ своего опаснаго друга и врага. Вишовшъ не оставилъ дѣшей (378), и Ягелло, распорядивъ Липвою, какъ властитель ея, опдалъ государство Вишовшова въ управленіе брата своему Свидригеллу — нѣкогда сопернику Вишовша и бѣглецу въ Русь, оставившему ее сполнѣ поспыдно при нашествіи Тохшамыша. Свидригелло вскорѣ показалъ Польскому Королю свою неблагодарность и малодушіе: онъ захватилъ спараго Короля въ Липвѣ, объявилъ своимъ плѣнникомъ, и оппустилъ, когда Польша спала грозить ему войною (379). Волинь и Подолію Ягелло объявилъ своею собственностию. Свидригелло союзился съ Монголами, съ Нѣмецкими Крестоносцами, и воевалъ прошивъ Польши, шѣмъ удачнѣе, что Ягелла не шерпѣли на Волинь за ревность къ Католицизму, а Свидригелло покровительствовалъ Греческому исповѣданію. Ягелло объявилъ наконецъ Свидригелла низверженнымъ, и опдалъ Липву брату Вишовшова Сигизмунду (1433 г.). Свидригелло не

---

(378) Двое сыновей Вишовша, Іоаннъ и Юрій, погибли въ Кенигсбергѣ въ 1384 г.

(379) Вѣльскій, стр. 335.

уступалъ, защищался упорно, наконецъ былъ побѣжденъ, и кончилъ жизнь въ Валахіи — просимъ пасухомъ, если вѣришь спариннымъ сказаніямъ, довольно сомнительнымъ (380). Сигизмундъ опвращилъ опъ себя сердца Липовцевъ своимъ свирѣпымъ нравомъ. Уподобляясь Гедимину и Вишовшу жестокосью, онъ ни сколько не обладалъ умомъ дѣда и браша. Ягелло умеръ въ 1434 году. Преемникомъ его въ Польшѣ былъ юный сынъ его Владиславъ. Кончина Венгерскаго Короля доспавила Владиславу послѣ того провъ Венгріи. Тиранъ Сигизмундъ погибъ опъ руки Князей Іоанна и Александра Чарпорійскихъ (1440 г.). Въ избраніи ему преемника начались споры и несогласія (181): хошѣли

(380) Въ *Ист. Г. Р.* т. V, прим. 264, любопытная грамата Свидригелла къ Прусскому Гермейсперу, находящаяся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ. Бшвы кровопролитныя происходили между Свидригелломъ и Сигизмундомъ въ 1433 и 1435 годахъ.

(381) Современники пишутъ, что не довѣря людямъ, Сигизмундъ держалъ, вмѣсто спражи, ручныхъ медвѣдей. *Новгор. Лвт.* годъ 1440-й: «Бѣ люшъ и немилоспивъ, и сребролюбивъ, паче человекъ, и много Князей Липовскихъ погуби, иные испони, иные погуби мечемъ, а Пановъ и земскихъ людей не мало безъ милосердія изгуби.» Александръ Чарпорійскій укрылся послѣ того въ Русь, и былъ спупникомъ Шемяки

соединить Польшу съ Липвою, избравъ Владислава; другіе сползи за Михаила, сына Сигизмундова; нѣкопорые расположены были даже призвать изгнанника Свидригелла. Наконецъ всѣ мнѣнія согласились въ пользу Казимира, впрочемо сына Ягеллова, особенно любившаго Липву. Владиславъ, увлеченный честолюбивыми замыслами, погибъ въ войнѣ съ Турками, подъ спѣнами Варны (1444 г.). Венгрія отдѣлилась отъ Польши, и Казимиръ, бывъ избранъ Королемъ Польскимъ въ 1447 году, соединилъ на время Липву съ Польшею.

Свидригелло и Сигизмундъ жили мирно съ Новгородомъ и Псковомъ. Москвѣ не было досуга подумать о Липвѣ, шакъ-же какъ и Липовцамъ о Москвѣ. Липовскіе Князья переѣзжали по прежнему въ Русь. Мы видѣли, что Ярославъ и сообщники Василія укрывались въ Липвѣ. Сынъ Лугвенія, Юрій вздумалъ спорить съ Казиміромъ (въ 1440 г.), но принужденъ былъ

въ 1441 г. Въ 1443 г. Василій послалъ его во Псковъ; но въ 1448 г. Псковичи взяли вмѣсто его Суздальскаго Князя, Василія Гребенку. Чарпорійскій снова соупснствовалъ Шемякѣ, и послѣ смерти его оспавался въ Новгородѣ. Въ 1456 году онъ уѣхалъ во Псковъ, и снова управлялъ Псковичанами (*Пск. Лѣт.*; *Исп. Гос. Росс.* т. V, прим. 369).

бѣжашь, и спасашься въ Москвѣ. Михаилъ, сынъ Сигизмунда, шакже ушелъ въ Русь, и умеръ или былъ оправленъ въ 1452 г. Въ 1444 г. Василій ссорился о чемъ-шо съ Казиміромъ; доходило до оружія, но кончилось сшибками и миромъ (382).

Русское Духовенство щещпно спаралось подчинить себѣ по прежнему Липовскихъ Хрисціанъ Греческаго исповѣданія. Раздѣленіе Мишрополій учинено было невозвратно. Церковь Липовская, послѣ Цамблака, оспавалась безъ Мишрополиша до 1433 года. Тогда избранъ былъ преемникъ Цамблаку, Герасимъ, Епископъ Смоленскій; Гре-

---

(382) Договоръ Свидригелла съ Новгородцами, въ С. Г. Гр. ш. њ. № 19; о договорѣ съ Сигизмундомъ, *Новг. Лѣт.* 1436 годъ. О побѣгѣ Юрія, *Новг. Лѣт.* 1440 годъ. Говорили, что Михаилъ, сынъ Сигизмунда, умеръ съѣвши просфору, напипанную ядомъ (Исп. Г. Р. ш. V, прим. 264). Въ 1444 г., когда у Казиміра дошло съ Василіемъ до бипствъ, Новгородцы выслали опть себя Іоанна Владиміровича, внука Олгердова, котораго приняли опть Казиміра прежде. Казиміръ до-садовалъ на нихъ, и предлагалъ имъ свое покровитель-ство. Новгородцы не уважили словъ его, и вызвали къ себѣ изъ Москвы врага его Юрія, сына Лугвеніева, который прежде шого жилъ у нихъ съ 1438-го до 1441 года. О войнѣ 1444 года см. Исп. Г. Р. ш. V, прим. 320, и *Стр. Лѣт.* ш. II, стр. 44.

ческій Папріархъ не спорилъ , и благословилъ его охотно. Въ Москвѣ не было тогда Митрополиша , и Герасимъ вмѣшивался даже въ дѣла Русскаго Духовенства: онъ поставилъ въ санъ Епископскій Евфимія , избраннаго Новгородцами (1434 г.). Свидригелло сжегъ сего Архипастыря въ 1435 г. , уличивъ его въ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ (383). Митрополишъ Исидоръ былъ признанъ равно въ Кіевѣ и Москвѣ , но послѣ бѣгства его изъ Москвы , по возвращеніи изъ Флоренціи , единство Церквей опять уничтожилось.

Мы видѣли Іону , вновь назначеннаго въ Митрополиши послѣ Исидора , Узнавъ , что Папріархъ Царяградскій причащенъ ереси Палестинской , Василій рѣшишельно опвергъ власть Царяградской Церкви. Созванные въ Москвѣ Епископы Русскіе посвящали Іону въ Митрополиши (1448 года). Въ Царяградѣ , гдѣ при Вселенскіи Папріарха проклинали тогда сообщника Папы , Папріарха Митрофана , и откудѣ преемникъ Митрофана , Григорій , принужденъ былъ бѣжать въ Римъ , почли сей поступокъ своевольствомъ. Василій

(383) Новг. Лѣт. г. 1434-й. О Герасимѣ: « Поима въ городѣ Смоленскѣ , и окова швердо желѣзы , и спровади въ Вишебскѣ , и державъ на крѣпости четьре мѣсяца , и сожже огнемъ Юля 26-го » (Пск. Лѣт).

писалъ , оправдывался , но не уважалъ мнѣнія Грековъ (384).

---

(384) О посылкѣ изъ Москвы въ Царьградъ , послѣ вторичнаго выбора Іоны, см. *Ист. Г. Р.* т. V, прим. 308. На пославленіе Паптіарха Мипрофана не явился ни одинъ духовный человекъ ; Владыка Виссаріонъ , бывшій одною изъ главныхъ причинъ Флорентійскаго соединенія, бѣжалъ въ Римъ, спасая жизнь свою. Марко Ефесскій, умирая въ сіе время , заклиналъ , чтобы на его похороны не допускали ерешиковъ *опрѣснитиковъ* (azymites) — какъ называли въ Греціи признавшихъ Флорентійскій Соборъ. Мипрофанъ клялъ непослушныхъ ; но Паптіархи Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій собрали Соборъ , и объявили его самого лишенымъ престола Паптіаршаго. Императоръ ужаснулся , ибо и ему угрожали оплученіемъ опъ Церкви и сверженіемъ съ престола. Братъ его , Дмипрій , хотѣлъ уже воспользоваться симъ расположеніемъ умовъ , и искалъ короны Императорской. Между тѣмъ Турки совсѣмъ спѣснили Царьградъ ; юный Владиславъ , Король Польскій , погибъ подъ Варною , вмѣстѣ съ ревностнымъ поборникомъ Кресповыхъ походовъ Кардиналомъ Юліаномъ. Въ такихъ обстоятельствахъ , Москва могла ли уважить Царьградъ ? Не смотря на все это , Духовенство Греческое упрекало Рускихъ своеволіемъ. Василій принялъ всѣ возможные предосторожности при избраніи Іоны : собрались , долго молились , прося благословенія Божія , утвердились на согласіи , которое получилъ Іона въ Царьградъ въ 1437 году , и на правилахъ Св. Апостола , торжественно провозглашали и сѣповали о

Флоренційскій Соборъ произвелъ въ Липвѣ большія смяшенія. Православіе и безъ того было шамъ угнешаемо Ягеллою и Каполиками. Въ Кіевѣ возвышался Каполическій кошпелъ и была учреждена Каполическая епархія. Православныя церкви обрацали въ кошпелы повсюду, гдѣ шолько могли (385). Но признавъ Флоренційскій Соборъ, православныя могли получитьъ одинакіе права съ Кашоликами. Папа подшвердилъ сіе распоряженіе буллою, Король Владиславъ гра-

---

расколѣ Царяградскомъ, и клялись, что Церковь Русская никогда не опшступила-бы безъ шого опъ Церкви Греческой. Обо всемъ эпомъ писалъ Василій и къ Греческому Императору (Исп. Г. Р. ш. V, прим. 346): «Поспавили есмы Іону Митрополипомъ, но за великую нужду сіе сошворихомъ, а не киченіемъ, ни дерзоспю... Церковь наша Св. Софіи Цареградскія благословенія шребуешъ и ищешъ во всемъ по древнему благочеешю, развѣ нынѣшнихъ, новоявльшихся разгласій; и молимъ свяное ши царшво, да будешъ къ шому нашему Митрополиту добрыя воли... Хошъ-хомъ-же убо писали и къ Свяшѣйшему Папшріарху, шребующе о всѣмъ благословенія, но не вѣмы: аще уже ешъ въ царшвующемъ градѣ Свяшѣйшій Папшріархъ по древнему благочеешю,» и проч.

(385) *Описаніе Кіево-Соф. собора*, стр. 106, 109, и въ *Прибавленіяхъ* къ оному, стр. 34. Польскіе писатели возводили учрежденіе Кіевской Каполической Епископіи къ 1234 году: нелѣпоспъ явная!

напою (1443 г.)^е Выгоды мірскія обольщили многихъ, и заславили признавашъ Исидора Митрополиомъ, ибо, живя въ Римѣ, онъ продолжалъ называшъ себя первосвященникомъ Руси и Липвы. Но ревностные поборники православія не обольщались ничѣмъ, признавали Митрополиша Іону, не смотря на то, что въ 1458 году прибылъ изъ Рима, посвященный шамъ Греческимъ Патриархомъ, Митрополишъ Григорій, Булгаръ родомъ. Папа гремѣлъ проклятіями на Іону; Казиміръ призналъ Григорія, и даже писалъ къ Василию, что Іона уже спаръ, и Григорій долженъ заспушить его мѣсто. Василій не слушалъ словъ Казиміра, а Іона, съ своей стороны, духовными граматами заклиналъ Духовенство Липовское бытъ вѣрнымъ православію, и предавалъ анаемѣ самозванца Григорія (386). Впрочемъ

---

(386) Булла Папы, въ Райнал. Annal. Eccles. 1443-й годъ. Несчастный Исидоръ имѣлъ несчастіе бытъ самовидцемъ паденія Царяграда: его послалъ шуда Папа въ 1452 году, уговаривашъ Грековъ къ соединенію. Едва могъ онъ попомъ спастись среди общей гибели, и умеръ въ Римѣ въ 1463 г., съ шишломъ *Царяградскаго Патриарха*, который далъ ему Папа послѣ смерти Патриарха Григорія, преемника Митрофанова, убѣжавшаго въ Римъ, ибо въ Царяградѣ народъ хотѣлъ расперзатъ его. Сей Григорій, бывши въ Римѣ, посвятилъ своего соименника въ Митрополишы Кіеву. Грамата Папы къ Казиміру, см.

Іона не думалъ уже спорить о Кіевской Митрополи, и подкрѣпляя православіе, въ тоже время писалъ къ Казиміру дружелюбно, съ архипаспырскимъ благословіемъ (387). Онъ скончался, со славою свяшаго чловѣка, въ 1461 году. Преемникъ его, Θεодосій, именовалъ себя *Митрополитомъ Московскимъ и всея Руси*. Православное Духовенство въ Лишвѣ, по смерти Григорія, избрало изъ среды своей *Мисаила* (въ 1474 г.), копорый назывался *Кіевскимъ и всея Руси*. Опселѣ началось совершенное раздѣленіе духовной власши въ Москвѣ и Кіевѣ (388).

Ист. Гос. Росс. ш. V, прим. 311. Папа называлъ Іону опщепенцемъ, врагомъ, злочеспивымъ, позволяя его связать и заключить, если онъ попадется въ руки. Опвѣшы Іоны см. въ *Ист. Г. Р.* ш. V, прим. 347, гдѣ онъ называетъ Митрополипа Григорія проклятымъ волкомъ, посланнымъ опъ пакихъ-же опшупниковъ, какъ онъ самъ. О посылкѣ Казиміра къ Василю, *Ист. Г. Р.* ш. V, прим. 311.

(387) Посланіе Іоны къ Казиміру, *Исп. Г. Р.* ш. V, прим. 349. — Митрополипъ Іона причтенъ къ лику свяшыхъ, по обрѣшеніи мощей его, вмѣстѣ съ Кипріановыми и Фопіевыми. Любопытныя подробности объ этомъ см. далѣ, или въ *Стр. Лѣт.* ш. II, стр. 136.

(388) Митрополипа Григорія, о коемъ говорено выше сего, совѣтъ не пуспили въ Кіевъ. Вмѣсто его явился шуда мѣкшѣ Спиридонъ, посвященный въ Кіев-

Избраніе Іоны Русскими Епископами произвело особенно пошъ важный переворошъ въ церковныхъ дѣлахъ, что оно опдѣлило наконецъ Русскую Церковь ошъ власти Царяградскаго Патріаршесшва. Съ горестію слышали Рускіе о соблазнительномъ раздорѣ и нечестіи, какіе произвелъ Флореншійскій Соборъ въ Царяградѣ, и не могли уже почишашъ современную имъ Греческую Церковь своею машерію. Пожертвовавъ совѣсшью, несчастный Имперашоръ Іоаннъ Палеологъ видѣлъ шолько пагубу и позоръ ошъ своего безразсуднаго дѣла. Оно не принесло ему никакой государшвенной пользы, разъединивъ еще болѣе жалкіе оспашки Восшочной Имперіи. Умирая въ 1450 году, Іоаннъ предвидѣлъ конечную гибель Царяграда. Сынъ его, *Константинъ Палеологъ*, восшелъ послѣ него на шронъ шолько для шого, чтобы погибнушъ черезъ три года на бѣдныхъ развалинахъ своего царшва и знаменишаго Царяграда. Въ 1453 году совершилось дѣло, издавна предвидѣнное всѣми и ничѣмъ неопшрашимое: Царьградомъ овладѣли невѣрные; сынъ Амураша, Мугаммедъ IV-й, въ 1453 году, взял по-

---

скіе Мипрополишы въ Царяградѣ, съ позволенія Султана. Но его назвали *Сатаню* и прогнали со стыдомъ. Явясъ въ Москву, онъ былъ схваченъ, и умеръ въ зашоченіи, въ Бѣлозерскомъ Шерапоншовѣ монастырѣ (*Опис. Кіево-Соф. собора, стр. 111*).

сѣднее, чю оставалось еще у Грековъ въ Европѣ — столицу. Западъ не подвижся на спасеніе Греціи; многочисленное народонаселеніе Царяграда плакало, молилось въ церквахъ и — крамольствовало, когда спрашны пушки Мугаммеда разбивали уже стѣны и башни Греческой столицы. Императоръ искалъ смерти и нашелъ ее подъ саблями Янычаровъ. Извѣстіе о паденіи Царяграда, внесенное въ Русскія, современныя лѣтописи, весьма кратко: « Царь Турскій, » говорили наши предки, взялъ Царьградъ прелесью. Онъ снесся съ Намѣстникомъ, и велѣлъ сказать ему: « Если поможешь мнѣ взять Царьградъ, що я возьму дочь швою за себя; будешь мнѣ ошцомъ, и вшорымъ по мнѣ! » Измѣнникъ указалъ ему на слабую часть городской стѣны. Царь Турскій подступилъ, началъ бить стѣну пушками, взялъ Царьградъ, раззорилъ свяшыя церкви, превратилъ Св. Софію въ великій мизгитъ, посѣкъ множество людей, пошпилъ множество ихъ въ морѣ, и самъ сѣлъ на царство. Измѣнника, Греческаго Намѣстника, онъ велѣлъ сварить въ котлѣ, и предалъ его злой смерти, говоря ему: « Могу-ли надѣяться на швою вѣрность, послѣ шого, чю сдѣлалъ ты съ прежнимъ своимъ Государемъ (389)? » — Уже

---

(389) « Како ты мнѣ вѣренъ хочешь быти, а шако сотвори надъ предимъ швоимъ Государемъ? » Краш-

впослѣдствіи предки наши узнали и записали всѣ подробности Царяградскаго плѣненія, со множествомъ сказочныхъ вымысловъ. Повѣсть о семъ событіи была однимъ изъ любимыхъ чтеній на Руси, украшенная множествомъ правочужденій на память родамъ грядущимъ. Въ ней съ радостію видѣли Рускіе, что послѣ паденія Греціи оспалась *одна земля православная* — Русь, и слышали пророчество, что Руси предославлено нѣкогда взять Седмихолмный градъ, воцариться въ немъ, и возстановить православіе въ землѣ Константина Равноапостольнаго (390).

кое извѣстіе, вѣроятно современное, о взятіи Царяграда, внесено во многія наши лѣтописи (см. *Стр. Лѣт. ш. II, стр. 63*).

(390) Подробная повѣсть о взятіи Царяграда находится во многихъ сборникахъ, хронографахъ и лѣтописяхъ (см. *Никон. Лѣт. ш. V. стр. 222 — 277*). Она, вѣроятно, передѣлана съ Греческаго, любопытна, исполнена оригинальнаго остроумія, философствованія и подробностей. Предвѣщаніе о рожденіи на Сѣверѣ Царя, который опниметь Царьградъ у Турковъ, это предвѣщаніе, будпо-бы найденное на гробѣ Царя Константина, можно видѣть въ *Исторіи о разореніи Иерусалима и взятіи Царяграда*, напеч. въ 1723 г. въ Спб., и множество разъ перепечатанной послѣ того. Замѣчательно, что и у Турковъ есть поже повѣрье: въ Царьградѣ показывающъ даже мѣсто, гдѣ

Новгородъ ошдохнулъ ошъ сшраха , какой наносили ему смѣлосшь и власполюбіе Вишовша , и пользовался раздорами въ Великомъ Княжесшвѣ. Юрій, пошомъ Шемяка и Василій, равно льсшили гордосши и уважали пользы Новгородцевъ , по необходимосши прощая имъ, что они передавались шо одному, шо другому. Василій не забывалъ однакожь напоминашь Новгороду о себѣ, каждый разъ, когда дѣла его шли удачнѣе. Условясь съ ними оканчивашъ споры о границахъ въ Заволочѣ общимъ судомъ , ежегодно (1435 г.), Василій не исполнилъ своего слова , и въ 1437 г. шребовалъ *гернаго бора*, а передъ самымъ плѣномъ и несчасшіемъ своимъ объявилъ Новгороду нелюбіе, раззорилъ Новгородскія волосши, и взялъ за миръ 8,000 рублей (391). Такъ Москва спановилась спрашнѣе , а Новгородъ ушупалъ безпрерывно болѣе и болѣе. Знаменія шо и дѣло

были нѣкогда ворота, черезъ копорыя, по предвѣщанію какихъ-шо мудрецовъ Турецкихъ, Рускіе войдутъ въ Царьградъ.

(391) *Новг. Лѣт.* — Приговоръ Новгородцевъ о *герномъ борѣ*, въ Исп. Г. Р. т. V, прим. 283. Положено было: плашншь съ *сохи* по гривнѣ новой, считающая въ соху двухъ коней и трепьяго въ припряжъ; кожевенный чанъ, неводъ, лавка, кузница и четыре пѣшихъ рабочника считались равными сохѣ, а плугъ, ладья и цыренъ соловаренный двумъ сохамъ. Писецъ чернаго бора получалъ съ сохи по мордкѣ; сверхъ шо-

возвѣщали, что Москва скоро возобладаетъ вольнымъ городомъ совершенно. Въ 1435 г. въ Новгородѣ упала, едва только ошсироенная, церковь Іоанна Злапоушаго. Со страхомъ говорили Новгородцы, что она предвѣщаетъ паденіе Новгорода отъ Іоанни: первенець Василія былъ Великій Іоаннъ. Когда родился онъ (Янв. 22, 1440 г.), то юродивый старецъ Михайлъ (замѣшимъ: родшвенникъ Великаго Князя) началъ звонить въ колокола, въ Клопскомъ монастырѣ, и кричалъ сбѣжавшемуся народу, что «въ Москвѣ родился Іоаннъ, побѣдитель Новгорода; что онъ упразднитъ гордыню Новгорода, разрушитъ самовластіе, измѣнитъ самовольные обычаи, и за непокорство многую бѣду, посѣченіе, плѣнъ сошворитъ, и богатства и села Новгородскія приметъ!» Все это привлекало Новгородцевъ къ бѣдсвующему Шемякѣ, которій, напрошивъ, обѣщаль миръ, и старину, столь драгоцѣнную для вольнаго города (392).

го, раскладчикамъ давали запасы: съ 10-ти сохъ 30-шь хлѣбцовъ, барана, или полошь мяса, 3 курицы, сипо заспы, 2 сыра, 1 бекаръ соли; для коней ихъ: 5 коробовъ овса, въ старую коробью, 3 воза сѣна, и подводы отъ спана до спана.

(392) Карамзинъ, ш. V, прим. 284, 286. О родствѣ Михаила Клопскаго съ Вел. Княземъ, см. *Ист. Росс. Герархіи*, ш. IV, стр. 534.

Тверь ссорилась съ Новгородомъ въ 1445 г., и Князь Борисъ грабилъ Новгородскихъ купцовъ въ Торжкѣ; но войны не было. Большая опасность угрожала Новгороду послѣ сего. Въ 1438 году, Герцогъ Клевскій вздумалъ ѣхать черезъ Новгородъ и Русь на поклоненіе Гробу Господню, вдругъ ворошился и жаловался на обиды Новгородцевъ. Рыцари Ливонскіе вздумали заступиться за Герцога, напали на Яму, и говорили, что ихъ рукою воюешъ Новгородъ оскорбленный Григорій, Князь Клевскій, изъ своего заморья. Новгородцы задержали у себя купцовъ Нѣмецкихъ (1442 г.). Магистръ Ливонскій пришелъ съ войскомъ, опять осадилъ Яму въ 1444 году, но отступилъ. Конскій падежъ помѣшалъ Новгородцамъ опмститься Ливоніи походомъ, и въ 1445 г. они послали отъ себя пословъ на съѣздъ. Требования Рыцарей оказались шакъ велики, что Новгородцы уѣхали безъ мира. Ссора продолжалась. Вѣроятно, Новгородцы знали, что Рыцари замышляюшъ предпріятіе обширное: Ливонія вздумала совершенно завоевать Псковъ и Новгородъ, зная, что Великое Княжество не въ силахъ помогать имъ, занятое внутреннимъ раздоромъ. Напередъ условились Рыцари о дѣлѣ земель съ Королемъ Шведскимъ Христофоромъ, сносились съ Королемъ Казиміромъ, писали къ Папѣ, звали къ себѣ отъсюду воиновъ и Рыцарей, говоря, что идушъ въ Крестовый по-

ходъ прошивъ невѣрныхъ язычниковъ (хотя объяснили тайно Казимиру совѣтъ другія причины войны). Папа благословлялъ, велѣлъ молишься въ церквахъ объ успѣхѣхъ оружія Христіанъ. Казиміръ хиприлъ, опговаривался; говорилъ Новгородцамъ, что онъ защитишь ихъ, если они согласяпся на подданство Польшѣ; говорилъ Рыцарямъ, что онъ не вмѣшиваепся въ дѣла ихъ съ Новгородомъ. Въ эшихъ опговоркахъ со всѣхъ споронъ, за несогласіемъ въ дѣлежѣ и выгодахъ, пролетѣла грозная пуча; Кресповый походъ опложили; обширное предпріятіе Рыцарей кончилось нѣсколькими мѣлкими драками, и 25-пи-лѣшнимъ миромъ, заключеннымъ въ 1148-мъ году (393). Тогда имѣли время Новгородцы усмирить возмущеніе жишелей Югорской земли. Бѣдные дикари сіи были грабями и припѣсняемы, и Правительствомъ Новгородскимъ, и удалою вольницею Новгородскою, и Москвою. Ихъ безжалоспно обирали, и били, когда они не слушались. Въ 1155, г. Вогуличи наконецъ

---

(393) О войнѣ Бориса, *Новог. Лѣт.* (Исп. Г. Р. ш. V, прим. 319). Въ сей-же лѣтописи другія подробности (Исп. Г. Р. ш. V, прим. 316). Карамзинъ имѣлъ изъ Кенигсбергскаго Архива болѣе 20-пи актовъ, касательно предпріятія Рыцарей прошивъ Новгорода. Онъ излагаетъ содержаніе ихъ въ прим. 316-мъ V-го тома Исп. Г. Р.

взбуншовались, напали на новокрещеныхъ Пермиковъ, и на Вычегдѣ убили Епископа Пермскаго (394).

Новгородъ, какъ прежде, не былъ друженъ со Псковомъ. Соперничая въ торговлѣ, боясь силы Новгородской, принужденные покоряться волѣ Москвы и Липвы, Псковичи выдавали Новгородцевъ въ бѣдѣ, и просили извиненія и мира, когда бѣдшвіе Новгорода проходило. Псковъ находился въ союзѣ съ Нѣмцами, когда они воевали Новгородъ въ 1442 году. Такъ Псковичи подтвердили миръ съ Нѣмцами въ 1428 г. *безъ Новгорода*; въ 1430 г. между Новгородомъ и Псковомъ *не было ни мира, ни рати*, и когда потомъ (въ 1431, 1432, 1434 г. г.) Псковичи посылали пословъ, Новгородцы *мира не дали, рати не уткнули*, и какъ ни много били теломъ Псковичи, но *мира не взяли*. Впрочемъ, въ 1447 г. Псковъ и Новгородъ вмѣстѣ заключили миръ по спаринѣ, и при договорѣ съ Нѣмцами 1448 г. Псковичи также утвердили его *возлѣ Новгородцевъ* (395).

---

(394) *Новос. Лѣт.* (Карамз. т. V, прим. 319). О Вогуличахъ, *Арх. Лѣт.*, стр. 136. Ими предводительствовали Князьки Асыка и Юмшанъ.

(395) *Псковск. и Новгородск. Лѣт.*

Едва погибъ Шемяка, все измѣнилось въ по-
ступкахъ Василя. Казалось, что въ послѣднее
время, пораженный своимъ несчастіемъ, онъ сдѣ-
лался пихъ, крошокъ, прощалъ врагамъ, хошѣлъ
только мира. Въ 1450 году, посламя Новгород-
скимъ, присланнымъ въ Москву, подтвердили
миръ по всей старинѣ, и не испили Новгороду
за призрачїе Шемяки, довольшвуясь увѣщаніа-
ми Митрополита. Любопытно, что договоръ съ
Новгородцами былъ писанъ опъ имени Василя,
и сына его, десятилѣтняго Іоанна, наименован-
наго, на ряду съ опцомъ, *Великимъ Княземъ*.
Іоаннъ былъ уже тогда объявленъ соправителемъ
опца, и двѣнадцати лѣтъ, едва насупило
его совершеннолѣтіе, праздновали его свадь-
бу. Еще не совершилось Іоанну 18-ти лѣтъ,
когда у него родился первый сынъ его Іоаннъ,
въ Февралѣ, 1458 г. (396).

---

(396) Договоръ Новгородскій, *Ист. Г. Р.* т. V,
прим. 348: « Се прїѣхали послове къ Великому Князю
Вас. Васил. всея Руси, и къ Вел. Князю Івану Ва-
сильевичу всея Руси, » и проч. — Такъ и въ другихъ
договорахъ называется Іоаннъ *Великимъ Княземъ*.
Бракъ Іоанна совершился въ 1452 г. Іюня 4-го, послѣ
похода на Вагу, прошивъ Шемяки, гдѣ Іоаннъ былъ
въ числѣ главныхъ вождей. Первенець Іоанна родился
8-го Февраля 1458 года (*Костр. Лѣт. спр.* 25 и 31).

Шемяки уже не было на свѣстѣ. И на другой-же годъ гнѣвъ Василія палъ на главу самаго коварнаго изъ злодѣевъ его: *Князя Іоанна Можайскаго*. Злоба, семь лѣтъ паимая, прикрытая дружбою и спрашными клятвами, обнаружилась мгновенно. На Можайскаго Князя взвели множество обвиненій. Главное было: *Угаль Великому Князю непослушенъ быти*. Винили еще его, что онъ не помогаетъ Москвѣ прошивъ Монголовъ, и предспавляли въ доказательство этого набѣгъ Седи-Ахмашовыхъ удалцовъ. «Не лзя-же мнѣ дашь ему себя въ обиду,» говорилъ Василій. Дружины Московскія высупили. Князь Можайскій не смѣлъ прошивоспашъ, бѣжалъ, и скрылся въ Липвѣ. Удѣлъ его былъ объявленъ присоединеннымъ къ Москвѣ; жищели Можайска приведены къ присягѣ. Преслѣдуя ненависшнаго врага и за предѣлами Руси, Василій велѣлъ Мишрополишу писать къ Казиміру и предосперегашъ его ошъ коварнаго злодѣя.

Посупокъ съ Княземъ Можайскимъ казался наказаніемъ праведнымъ. Василій спѣшилъ увѣришь другихъ Князей въ дружбѣ, и подшвердилъ договоры съ шуриномъ своимъ Княземъ Боровскимъ, и съ Княземъ Тверскимъ. Послѣдній, ошъ имени своего сына Михаила и племянниковъ, клялся бышь за-одинъ съ Москвою на Ташаръ, Ляховъ, Липву, Нѣмцевъ и всякаго недруга; обязывался не принимашь Можайскаго, ни

сына Шемяки, ни кого, кто *сгрубить* Василию. Москва обязывалась хранить предѣлы и волость Тверскую; дозволяла Твери непосредственное сношеніе съ Ордою. Князь Боровскій обязался не вступаться ни во что, чѣмъ прежде владѣли Юрій и Князь Можайскій, также въ часши Москвы, принадлежавшія нѣкогда Юрію и Можайскому; онъ опдалъ обратно Дмитровъ, и за Угличъ, Козельскъ, Городецъ, Алексинъ, вымѣнялъ Бѣжецкъ, опнишой у Можайскаго. Василий подтвердилъ ему владѣніе прешью Москвы, Серпуховомъ, Боровскомъ, Радовежемъ. «Все, что Богъ дастъ тебѣ достанетъ вошчинъ недруговъ твоихъ, мнѣ не вступаться» — говорилъ Боровскій. Онъ не предвидѣлъ, что пишеть бѣдственнѣйшій приговоръ на самого себя! Въ 1452 г. скончалась долголѣшная дочь Олгердова, супруга Владиміра Храбраго, бабка Василия Ярославича и Великой Княгини, Елена. Она издавна уже приняла иноческій санъ, и умирая заказывала Василию, какъ доброму родному, печаловаться о снохахъ, внучатахъ и правнучатахъ ея, опдать на поминъ души нѣкопорья села въ монастыри, и заплашишь за нее долги — «свеспи ихъ съ души ея, и не заспавишь заимодавцевъ плакашься (397).»

---

(397) Овладѣніе Можайскомъ означено въ лѣшописяхъ двумя спроками: «*Послалъ рать и взяли Мо-*

Тогда настала чередѣ Новгороду расплашиться за все, чѣмъ шайно держалъ на сердцѣ своемъ Василій Темный. Онъ потребовалъ изгнанія враговъ Московскихъ изъ Новгорода. Не знаемъ : по желанію Вѣча, или добровольно, для своей безопасности, сынъ Шемяки (въ Апрѣлѣ 1454 г.) на вѣки проспился съ опчиною, и поѣхалъ въ Липву, умереть въ изгнаніи. Въ Псковѣ приняли его почтительно : Духовенство встрѣшило его со крестами и иконами; граждане поднесли ему въ подарокъ 20 рублей ; онъ прожилъ во Псковѣ мѣсяць, и отправился въ Липву, гдѣ

жайскѣ» (*Стр. Лѣт. ш. II, стр. 64; Арх. Лѣт. стр. 135*). Иона писалъ Мисаилу Еписк. Смоленскому (*Исп. Г. Р. ш. V, прим. 358*): «Учалъ Князь Иванъ Вел. Князю непослушенъ быши (слѣдуетъ упоминаніе о двухъ небольшихъ набѣгахъ Ташаръ, какъ будто о гибельныхъ нашествіяхъ, при чемъ у Можайскаго Князя просили помощи, и онъ не далъ), а въ обиду ему себѣ не мощно давати,» и проч. — Договоры съ Княземъ Тверскимъ и Княземъ Боровскимъ, въ *Собр. Гос. грамотъ*, ш. I. № 76, 77, 78, 79. Они несправедливо опнесены къ 1451 году, ибо въ нихъ говорится объ Иоаннѣ Можайскомъ, какъ о врагѣ Вел. Князя. Духовная Елены Олгердовны, инокини Евпраксіи, тамъ-же, № 82. Елена жила во вдовствѣ сорокъ два года, и пережила всѣхъ дѣтей своихъ. Гробница ея въ Вознесенскомъ монастырѣ.

получилъ опъ Казиміра знашныя помѣстья (398). Но это не удовлетворяло Василя; онъ искалъ причинъ ко враждѣ съ Новгородомъ, и въ Январѣ 1456 г. множество войска Московскаго пошло на Новгородъ. Не занимаясь раззореніемъ городовъ, Москвичи заняли, разграбили обласпи Новгородскія, и ждали Василя. Онъ самъ двигался къ Новгороду съ главною силою, и не слушалъ предложеній Новгородцевъ, не хошѣлъ ни дани, ни покорности, ни объясненій. Новгородцы еще болѣе испугались, когда сильный опрядъ ихъ, напавъ на грабителей Руси, былъ разбишъ опрядомъ гораздо малочисленнѣйшимъ, находившимся подъ предводителствомъ мужесвеннаго Басенка. Едва могли умолишъ на милосшь Василя: онъ взялъ 8,500 рублей, унишожилъ многія преимущества Новгородскаго Вѣча, условился о дани, спѣснилъ вольность Новгородскую, заставилъ Новгородъ навсегда опречься опъ принятія непріятелей его, и про-

(398) *Псков. Лѣт.* — Въ Липвѣ дали сыну Шемякину въ удѣль Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій; Іоаннъ Можайскій получилъ шамъ Черниговъ, Спародубъ, Гомель и Любечъ. Но ничто не могло упѣшишъ бѣднѣхъ изгнанниковъ. Увидимъ, что черезъ 50-шъ лѣшъ дѣши ихъ будущъ сильнымъ средствомъ для завоеваній Іоанна въ Липвѣ.

ложилъ такимъ образомъ дорогу сыну своему къ совершенному порабощенію вольнаго города. Заключивъ тяжкій для Новгородцевъ договоръ , Василій поворопилъ опъ Яжелбицъ во свояси (399).

Какъ будишо спѣшилъ онъ въ эшо время дѣйствовать. Въ Іюлѣ шого-же года , Василій неожиданно обвинилъ въ измѣнѣ добраго , вѣрнаго союзника , кошорый никогда не оспавлялъ его въ несчастіи , и лучше желалъ умереть на чужбинѣ , нежели дружишься съ Шемякою. Въ награду 25-иш лѣпней дружбы и близкаго родства, Князь Василій Ярославичъ Боровскій былъ взяшъ подъ спражу , съ шрема дѣшыми , и заключенъ въ Угличѣ. Спаршій сынъ его, Іоаннъ, съ мачихою своею , успѣлъ бѣжашъ и укрышся въ Лившѣ. Весь обширный удѣлъ Василя Яро-

---

(399) Спр. Лѣп. ш. II, стр. 64; Арх. Лѣп. стр. 136; Костр. Лѣп. ш. II, стр. 29; Псковская Лѣп. г. 1456-й. — При договорѣ Новгородцевъ (Исп. Г. Р. ш. V, стр. 361): на городищѣ дали судъ намѣспникамъ Вел. Князя ; опступились опъ земель , купленныхъ Новгородцами въ Росповѣ и на Бѣлѣозерѣ; условились о произвольномъ сборѣ чернаго бора; уничтожили *объяныя* грамоты (слѣдовательно , лишили Вѣче всей его важности), и проч.

славича присоединили къ Великому Княжеспву (400). Въ томъ-же году скончался Рязанскій Князь Іоаннъ Θεодоровичъ, поспригшись передъ кончиною, и объявивъ Василю *отцомъ* и *опекуномъ* дѣшей своихъ, сына Василя и дочери Θεодосіи. Опекунъ думалъ, по видимому, что всего лучше можешъ наблюдашь за воспитаніемъ сиропъ въ Москвѣ, и дѣшей Рязанскаго Князя перевезли къ нему. Рязанью спали управляшь намѣспники Московскіе (401).

Василій не забылъ, что послѣднихъ защипниковъ Шемяка находилъ въ Вяпкѣ. Сіи опдаленныя обласпи сѣверныя повиновались опчаспи Москвѣ и Новгороду; но опличаясь духомъ свободы и особеннаго удалъсхва, Вяпчане безпрерывно ходили по Волгѣ, нападали на полу-

(400)} «Того-жь лѣта (6965) Іюня въ 10 день поймалъ Князь Вел. Князя В. Я. на Москвѣ и послалъ его въ започеніе на Угличъ; а сынъ его первыя жены Князь Иванъ, и Княгиня его другая, бѣжали изъ Боровска въ Липву; а при сына Князя В. Я., Князь Иванъ, да Князь Андрей, да Князь Василій, умерли въ опалѣ на Костромѣ, и погребены въ Богоявленскомъ монастырѣ на Костромѣ» (*Костр. Лѣт. ш. II, стр. 31*).

(401) Тамъ-же, ш. II, стр. 3С; Стр. Лѣт. ш. II, стр. 65.

дикихъ сѣверныхъ сосѣдей своихъ, на Монголовъ, и часпо на подвласные Москвѣ города. Воеводы Василія по два года (1458 и 1459-й) ходили покоряшь Вятчанъ, завладѣли шамъ городами, и наложили на жипелей дань (402).

Такъ самовластно поступалъ шеперь Василій, и послѣ каждаго дѣйсвія онъ останавливался, какъ будпо самъ опасаясь слѣдсвій своей смѣлоспи. Уничпоживъ Кнзя Боровскаго, онъ еще оставлялъ въ покоѣ Верейскаго Внзя, не посягалъ на независимосшь Твери (гдѣ Борисъ Михайловичъ скончался въ Февралѣ 1461 г., мирно оставивъ прешоль сыну Михаилу), и довольсвовался полько управленіемъ Рязани. Онъ не мшилъ и Псковипянамъ за то, что они помогали Новгороду въ 1454 году, и вновь приняли къ себѣ Кнземъ Александра Чарпорійскаго, соупника Шемяки (въ 1456 г.). Сей смѣлый воинъ не хошѣлъ оставить за Нѣмцами мѣспъ, коими они завладѣли, поѣхалъ на сіи мѣста (въ 1459 г.), велѣлъ шамъ косить сѣно и ловить рыбу по старинѣ, соорудилъ церковъ, повѣсивъ при основаніи оной нѣсколькихъ Чу-

---

(402) *Арх. Лѣт.* стр. 137: «Вятчане добиша челомъ Вел. Кнзю, какъ надобѣ Государю, на всей его волѣ.»

хонцевъ. Нѣмцы, соблюдая въ то время миръ, оскорбились дѣлами Чаршорійскаго, сожгли новопостроенную церковь, и нѣсколько человекъ, при ней жившихъ. Чаршорійскій менилъ Рыцарямъ набѣгомъ; Нѣмцы шѣмъ-же Пскову; хотѣли попомъ стѣхаться, и разобрать ссору на обидномъ мѣстѣ, но поганые Нѣмцы не стали на срокъ, и Чаршорійскій на пространствѣ 70-ти верстъ опушшилъ Эстонію, воевалъ шрое супокъ, привелъ много плѣнниковъ и скопа, сжегъ Нѣмецкую божницу великую, и снявъ съ нея крестъ и колокола, привезъ во Псковъ (403).

Тогда услышали, что Василій ѣдетъ въ Новгородъ, съ сыновьями Юріемъ и Андреемъ; Новгородцы и Псковичи равно испугались. Въ Новгородѣ собрались на Вѣче, думали, не знали на что рѣшиться, и въ опчаяніи положили убишь Василю и съ дѣтьми. Владыка Іона оспановилъ ихъ. «Безумные!» говорилъ онъ. «Эшимъ-ли злодѣйствомъ хошите спаси опчизну? Или вы забыли, что на васъ оспанется мспишель, спаршій сынъ Василю, и погубишь васъ до конца!» Василій безбоязненно пріѣхалъ послѣ шого въ Новгородъ, былъ доволенъ покорностью жипелей, и объявилъ имъ милоспъ свою. Явились

(403) Псковская Лѣт.

Псковитяне, смиренно кланялись Василю, поднесли 50 рублей, объясняли причины войны съ Нѣмцами и «били челомъ о жалованіи и печалованіи своей опчины, мужей Псковичъ, добровольныхъ людей, приобщенныхъ опъ поганыхъ бусурмановъ водою, землею и головами, и сожженіемъ Божіей церкви;» наконецъ, и о томъ, чшобы Чаршорійскаго ушвердить у нихъ Княземъ. «Хочу жаловать и боронить опъ поганыхъ васъ, мою опчину — ошвѣчалъ Василій — жалуя васъ и шѣмъ, чшобы Чаршорійскій у васъ оштался; но пущъ присягнешъ онъ ко мнѣ и дѣшамъ моимъ, не мыслишь зла.» — Не хочу; я не рабъ Князя Московскаго! — сказалъ Чаршорійскій, и уѣхалъ въ Липву, не смотря на просьбы Псковичей. Василій прислалъ во Псковъ сына своего Юрія. Псковъ встрѣшилъ его покорно, шоржешвенно, но просилъ придашь къ юному Юрію опышнаго вождя Спригу-Оболенскаго. Новгородскій *тяжелый гость* согласился на шо, и поѣхалъ въ Москву, куда вскорѣ опправился и Юрій. Псковитяне поднесли ему на проводахъ 400 рублей. Нѣмцы хотѣли мира, и *дали руку*, обѣщаясь съѣхашься на переговоры. Миръ заключили, возвратили плѣнныхъ и все захваченное съ обѣихъ, споронъ. Посолъ Василя руководилъ всѣмъ дѣломъ, за чшо Псковитяне послали въ Москву благодарить. Послы ихъ возвратились, съ словомъ Василя, чшо онъ

« Псковъ , свою опчину , жалуешъ , урекаеши всегда спояшь и боронишь домъ Св. Троицы. » Тогда-же прѣхалъ во Псковъ новый намѣспникъ — « не по Псковскому прошенію; » но Псковишяне молчали, и приняли его съ чesпью (404).

Уже шesпъ лѣпъ несчастный Василій Ярославичъ помился въ заключеніи. Вѣрныя Бояре его не хoshли шерпшь болѣе, условились освободить своего Князя и увезти въ Липву. Къ несчастію , заговоръ ихъ узнали (1462 г.), и Василій доказалъ , что онъ не любилъ прошивниковъ волѣ его. Главныхъ заговорщиковъ: Владиміра Давыдова , Парeена Брена, Луку Подеваева, и иныхъ , волокли на лубкахъ по льду Москвы рѣки, привязавъ къ хвосту коня , до самага мѣсца казни , гдѣ били ихъ кнузомъ , рубили имъ руки , ноги , рѣзали носы. Князь Боровскій осмался въ шюръмѣ. Никшо не смѣлъ за него всшупаться. Тщешно Русскіе изгнаники въ Липвѣ , не довольсшвуясь милоспью Казиміра, шоскуя по родинѣ , заключали между собою со-

---

(404) *Стр. Лвт. т. II, стр. 66.* Слова Іоны: « О безумніи люди! Аще вы Вел. Князя убіете , что пріобрещете? Большую язву Новгороду доспѣете, » и проч. — Злоумышленники хoshли послѣ сего убить опору Василія, храбраго Басенка. — О событіяхъ во Псковѣ, см. *Пск. Лвт.*

юзы, обѣщали спастъ вмѣстѣ прошивъ похищеннаго ихъ наслѣдїи. Никто не хотѣлъ, или не дерзалъ присоединиться къ нимъ въ Руси, и всѣ предпрїятїя оканчивались безплодными замыслами. Василій Ярославичъ умеръ въ шемницѣ въ 1462 году (405).

Но въ пошъ-же самый годъ наспалъ и для Василїа часъ опчепа за добро и зло, имъ со-

(405) О казни доброхотовъ Князя Боровскаго, Костр. Лѣт. п. II, стр. 36, Спр. Лѣт. п. II, стр. 89: «И повелѣ всѣхъ имати, на лубїю волочити по леду, привязавъ конемъ къ хвосту, и казниши, бити кнушемъ, сѣчи руки и носы рѣзати, а инымъ главы опсѣкаши,» и проч. — Іоаннъ Можайскїи и сынъ Боровскаго заключили между собою договоръ въ Липвѣ (см. Исп. Г. Р. п. V, прим. 364), около того же времени. «Князь Вел. В. В. ялъ моего опца на крестномъ цѣлованїи невинно, а меня выгонилъ изъ моей опчины и дѣдины» — говоритъ бѣдный сынъ Василїа Ярославича. Многія подробности сего договора прогашельны. Крайность заставляла соединяться сыновнюю любовь съ злодѣйствомъ, ибо по сему договору Іоанну Можайскому опредѣляли взять Великое Княжество (аще дѣло свое доброе сдѣлземъ), за то онъ уступалъ Боровскому Князю Суздальское Княжество и Дмитровъ, въ придачу къ его наслѣдному удѣлу. Василій Ярославичъ похороненъ въ Архангельскомъ соборѣ — рядомъ съ Василїемъ Темнымъ, одинъ подлѣ Сѣверныхъ, другой подлѣ Южныхъ дверей собора.

дѣянное. Еще старость была ошъ него далека ; но скорби , заботы , спрасши изнурили его и привели ко гробу. Думая , что боленъ сухошкою , онъ вздумалъ лечишь себя прижиганьемъ , но на обожженныхъ мѣспахъ онкрылись раны , и вскорѣ не было надежды къ спасенію. Василій хошѣлъ приняшь монашескій клобукъ , и умерешъ инокомъ ; ему не дали въ эшомъ воли. Онъ имѣлъ только время распорядишься , и оставилъ духовную , назначивъ въ ней удѣлы супругѣ и всѣмъ сыновьямъ , и подробно опредѣливъ всѣ ихъ ошношенія. Любопышно видѣшь , съ какимъ хладнокровіемъ обдумывалъ всѣ подробности Василій , хошя и зналъ , что часъ смерши шагашѣшь уже надъ его головою. Мы говорили выше , что Духовная его была писана Дьякомъ Василіемъ Бѣдою , вѣспникомъ Шемякиной смерши ; свидѣшелями ея были два Архимандрита и чепыре Боярина. Преемникъ Митрополиша Ионы , Феодосій подписалъ ее. Называя себя *многогрѣшнымъ* , Василій послѣ обыкновенныхъ наспавленій сыновьямъ — слушашься машери , жишь за одинъ — ошдавалъ спаршему сыну *Иоанну* . Великое Княжесшво , прешъ Москвы , Коломну , Владиміръ , Переяславль , Коспрому , Галичъ , Успюгъ , Вяпку , Суздаль , Нижній Новгородъ , Муромъ , Юрьевъ , Боровскъ , Суходоль , Калугу , Алексинъ , Московскія села (*между протимъ Красное , надъ Великимъ прудомъ у города*) ,

прещь шамги Московской, и особо Московскій домъ Князя Можайскаго; другую прещь Москвы и прещь Московской шамги, сыновьямъ Юрію и Андрею пополамъ (держашь погодно), и особо Юрію Дмишровъ, Можайскъ, Мядинь, Серпуховъ, домъ Шемяки въ Москвѣ, а Андрею Угличъ, Успюжну, Бѣжецкъ, Звенигородъ, село Суцovo близъ Москвы, и домъ Князя Боровскаго въ Москвѣ; прещью прещь Московскую и прещь шамги сыновьямъ Борису и Андрею меньшому (держашь погодно), и особо Борису Ржевъ, Волокъ, Рузу; Андрею Вологду съ Кубеною, Заозерьемъ, и дальними сѣверными обласями; супругъ своей Ростовъ (съ шѣмъ, чшобы передашь по смерти своей Юрію), Нерехшу, Напрудское село близъ Москвы. — И пакъ горестный опытъ не вразумилъ Василія: онъ снова раздавалъ удѣлы, которые соединилъ съ такимъ прудомъ и шягошою совѣсши! Князь Боровскій можешь бышь помился еще въ шюрмѣ, или шолько чшо сошелъ въ могилу, сынъ Шемяки, Князь Можайскій, сынъ Боровскаго были изгнанниками въ Липшѣ, а онъ уже снова возшановлялъ ихъ удѣлы, передавая шолько сіи удѣлы дѣшямъ своимъ, но означая именно: эшо былъ удѣлъ Можайскаго, эшо Боровскаго, эшо Шемякѣ, эшо Князей Пешра и Константина! Замѣшимъ, чшо Василій сверхъ шого связывалъ дѣшей своихъ мѣлками разсчешами, раздачею

имъ сель въ удѣлахъ одного другому, и дѣлѣ-
жемъ доходовъ съ прешей Москвы. О Новгородѣ
и Псковѣ онъ не говорилъ ни слова — ихъ
еще почишали не собственностью, но шолько
принадлежностью Великаго Князя. Ни слова не
было и о Перми. Василій приказывалъ дѣшамъ
собирашь и отдавашь спаршему брату Ордын-
скій выходъ; спарое присловье: « если перемѣ-
нишь Богъ Орду, » находимъ въ его духовной.
Замѣчательно, что Василій поручаетъ въ заклю-
ченіе супругу и дѣшей печалованію Казиміра
Короля Польскаго, по *докончательной съ нимъ*
граматѣ. Неужели Казиміръ долженспвовалъ
бышь ихъ попечиселемъ? Не значить-ли эшо по-
го, что Казиміръ обязывался не допускатъ въ
Русь бѣглецовъ, жившихъ у него въ Липвѣ? —
Нешвердосць, неясность, запушанность госу-
даршвенной системы видны во всѣхъ распоря-
женіяхъ Василя, шакъ-же какъ видны онѣ были
во всѣхъ дѣлахъ его. Не шакъ пошупалъ, не
шакъ и завѣщалъ пошомъ великій его сынъ (406).

---

(406) Лечение *прижиганьемъ* доньянъ въ обычаѣ между
простолюдинами нашими, наиболѣ въ простудѣ: на
мѣсто, гдѣ чувствують боль, кладушь трушть, и
даюшь ему горѣшь; иногда расправляюшь послѣ шо-
го рану. Духовную Василя, см. въ С. Г. ер. ш. I,
№ 87.

Марта 17-го 1462 года, Василій скончался отъ тяжкой своей болѣзни, и похороненъ былъ на другой день. Имя *Темнаго* соединилось съ его памящью, послѣ его ослѣпленія; оно выражаетъ и нравственный характеръ его.

Прибавимъ къ описанію дѣлъ Василя, что въ его время въ Исторіи Русской въ первый разъ появилось имя *Казаковъ*: такъ названы въ лѣтописяхъ вольные удалыцы, жившіе въ Рязанской области, и сбѣжавшіеся на помощь прошивъ Мусшавы въ 1444 году. Они пришли на лыжахъ, съ сулицами, съ дубьемъ, и вмѣстѣ съ Мордвою присоединились къ дружинамъ Василя. Имя *Казаковъ* вскорѣ сдѣлалось извѣстно и громко. Мы будемъ говорить объ этомъ подробно впослѣдствіи, означивъ только здѣсь, когда появилось имя сіе въ первый разъ (407).

Въ 1429 году основана была знаменишая обитель, среди Бѣлаго моря на островѣ Соловецкомъ, удаленномъ отъ материкаго берега на нѣсколько десятковъ верстъ, и дополъ необитаемомъ. Новгородецъ Германъ, издавна про-

---

¹ (407) «Пріидоша на нихъ (Татаръ) Мордва, на ршакъ, съ сулицами и съ рогатинами, и съ саблями, а *Казаки Рязанскіе* такожь на ршакъ, съ другія спороны,» и проч.

мышлявшій въ тамошнемъ краю, и хорошо знавшій прибрежные острова, уговорилъ инока Саввапія поселиться на Соловецкомъ островѣ, и основать пустыню для монашесквующихъ. По смерти Саввапія (1435 г.), инокъ Зосима приспалъ къ Герману. Они успроили значительную обитель, поѣхали просить у Новгородцевъ, чтобы имъ опдали во владѣніе на *Морѣ Окіанѣ*, острова Соловецкій, Анзерскій, Муксалицкій, Заяцкій, и другіе. Вѣче согласилось, и обитель Германа, 55-ть лѣтъ управлявшаго оною, начала богатѣть числомъ брашій, вкладами, и доходами отъ сельдяной и рыбной ловли, добыванія перпичьихъ кожъ, рыбаго жиру, и выварки соли. Вдова Посадника Борецкаго Марѣа, обладавшая обширными землями и промыслами на Сѣверѣ, опдала Герману въ вѣчное владѣніе Сумскую и Кемскую волости, ей принадлежавшія (408).

Въ 1456 г. Владыка Смоленскій Мисаиль, котораго особенно уважали Василій и Мишрополипъ Московскій, пріѣхалъ въ Москву, и просилъ Василія возвратити образа, и особенно чудотворную икону Смоленскія Богоматери,

---

(408) Исп. Росс. Іерархіи, т. II, стр. 381, и *Лѣт. Соловецкій* (изд. въ Москвѣ 1883 г.). Одна изъ грамотъ Марѣы Посадницы донынѣ цѣла въ Архивѣ монастырскомъ.

нную Юріемъ Свяшославичемъ. Она спояла въ иконоспасѣ Благовѣщенскаго собора, и была чшима особенно. Разсудивъ, что не лзя держашъ Богомашери въ плѣну, оплусшили Свяшую икону шоржеспвенно. Василій, всѣ его дѣши (младенца Андрея принесли на рукахъ), Мишпрополишъ, Бояре, народъ, войско собрались въ Кремль, и когда надобно было поднимашъ икону Богомашери, плакали горько. Іона взялъ одинъ изъ Смоленскихъ образовъ, и сказалъ: «Епископъ, брашъ и сынъ мой! оставъ сіе на воспоминаніе!» Онъ и Мисаилъ благословили образомъ Василія; попомъ Мисаила проводили до церкви Благовѣщенія въ Дорогомиловѣ, и шамъ просились. Передъ оставленною Мисаиломъ иконою велѣно было служишъ ежедневные молебны, а вмѣсто образа Смоленскія Богомашери посшавили списокъ (409). — Кромѣ пожара въ 1445 г., названнаго *Суздальскимъ*, и соженія Москвы Мазовшею, въ 1451 г., цѣлая шрешъ Москвы выгорѣла ошъ пожара въ 1457, г. — Весь Псковъ былъ опусшошенъ пожаромъ въ 1449 г., а Муромъ въ 1457 г. — Лѣтописцы упоминаюшъ еще о неурожаяхъ, холодныхъ зимахъ, дороговизнѣ, болѣзняхъ въ разные годы, и чудесахъ и знаменіяхъ. Замѣшимъ любопытнѣйшее:

---

(409) Костр лѣт. ш. II, стр. 27.

въ 1425 г., во Псковской области, шла кровь
ошь иконы— « проявляя нашеспіе Вишовша. »—
Въ 1426 г. въ Сентябрѣ явилось около солнца
шесть круговъ, « кругъ за кругъ связался, и
всѣ были разноцвѣтны, иной красный, иной зеле-
ный, иной желтый. »— Въ 1430 г. явился въ Смо-
ленскѣ безшерстный волкъ, и много искусалъ и
сѣлъ людей.—Въ шомъ-же году, ошь сильныхъ
жаровъ, вода изсыкала, лѣса горѣли, дымъ раз-
спилался повсюду, шакъ, что пшпцы падали
мершвыя, а рыба по два года пахла дымомъ.
Въ 1431 г., послѣ знаменія на небеси, шрехъ
шполповъ огненныхъ, « была засуха, земля и
болоша горѣли, мгла продолжалась 6-шь не-
дѣль, солнца люди не видали, рыбы ошь дыма
мерли, и скопъ и пшпцы пропали дымомъ. »—
Въ 1432 г. во Псковѣ, въ монастырѣ на Снѣз-
ной горѣ, во время грозы Мая 3-го, молнія
наполнила церковь; монахи попадали ошь спра-
ха, и всѣ позлащенные иконы пошмиѣли. Та-
кое-же явленіе было 3 Іюля въ монастырѣ
Св. Іоанна; молнія зажгла пришомъ городскую
спѣну. Испуганные сими явленіями Псковичи
учредили креспный ходъ. — Въ 1436 г. ран-
ніе морозы побили жашву въ Новгородскихъ
областяхъ, и многіе, спрашась голода, уходи-
ли въ Лпшву и къ Нѣмцамъ. Лѣпъ десяти
продолжались пошомъ неурожаи, и Новгородцы,
опечаленные пришомъ пожарами, обвиняли

друга на Вѣчѣ; нѣкоторыхъ обвиненныхъ осудили и сожгли, ушопили въ Волховѣ, и побиили камнями. — Въ 1440 году изъ образа Николая Чудотворца, въ Вороночи, пошкела кровь; Псковишяне принесли сей образъ въ свой городъ, и молили Бога опвратишиъ грозящее бѣдствіе. Въ 1442 г. всюду была люшая зима, а лѣшомъ громы, вихри, « быспъ жишо дорого, и спрахъ быспъ на челоувѣцѣхъ. » — Въ 1445 г. въ Суздальской соборной церкви, безъ всякой видимой причины, начали плѣшь и разваливаться гробы Архіереевъ, а въ праздникъ Преполовенія вся церковь развалилась. — Въ 1446 г. зимою, нашла въ Новгородѣ шуча, пошелъ дождь, и начали падать изъ облаковъ *хлѣбныя зерна*; они покрыли собою пространство на нѣсколько верстѣ. Поселяне собирали ихъ, и приносили въ Новгородъ; « люди-же спекашеся видѣти сіе преславное чудо, опкуду и како быспъ. » — Въ 1460 г. Іюня 13-го, спрашная гроза разразилась надъ Москвою; народъ молился; гроза миновалась. На другой день, при ясномъ солнцѣ, вдругъ налетѣла снова шуча, обложила все небо, пролился дождь, засверкала молнія, вихрь ломалъ дома, вырывалъ деревья. Жишели опчаявались въ жизни, и Мишрополичій Дьякъ Родіонъ Кожухъ передалъ описаніе сей бури пошомшву, въ вишіевапомъ разказѣ, убѣждая всѣхъ современниковъ покаяться

и не грѣшишь (410). — Въ 1459 г. Новгородскій лѣтописецъ замѣнилъ, что Пасха, по Пасхалии приходится въ самое Благовѣщеніе. «Братія!» говоришь онъ попомъ: — «здѣсь бѣда великая, здѣсь скорбь не малая! Такъ, какъ въ годъ распятія Христова, кругъ солнца нынѣ будешь 23-й, луны 13-й, и сіе лѣто конетнымъ являешся, въ кошорое чаемъ пришествія Христова. А беззаконія умножились на землѣ! Владыко! пощади насъ, исполни небо и землю славы швоея, пощади насъ, благословенъ грядый во имя Господне! Блудишесь, братія! Господь не хочешь смерти грѣшникамъ, но ждетъ покаянія, и глаголетъ: не вѣсте дни и часа, въ онъ-же сынъ человѣческой придетъ! Но разумѣй, кто хочешь разумѣшь: бѣги невѣрія! Се уже и Измаильяне появились въ наше время.» Вѣрояшно, набожный лѣтописатель разумѣлъ взятіе Царяграда; вѣрояшно, что и замѣпку сдѣлалъ онъ въ началѣ года, ибо пошчасъ послѣ оной слѣдуешь другая: «*Но того лѣта не бысть никто-же.*» Миръ еще уцѣлѣлъ (411).

(410) Сіе описаніе помѣщено въ *Стр. Лѣт. ш. II*, стр. 76.

(411) *Стр. Лѣт. ш. II*, стр. 65.

Г Л А В А VII.

Нѣкому было спорить съ Іоанномъ о *Великомъ Княжествѣ*, не куда было послать ему за позволеніемъ владѣть Великокняжескимъ престоломъ. Уже около десяти лѣтъ бывъ сопряженъ ошца, съ познаніемъ дѣлъ государственныхъ, съ пріобрѣщеннымъ въ юности опытомъ, на 22-мъ году жизни Іоаннъ сдѣлался самовластнымъ Руси, въ Маршѣ 1462 года.

Онъ ничего не измѣнялъ въ порядкѣ дѣлъ, и нѣсколько лѣтъ его правленія прошло тихо, мирно, какъ будшо Великимъ Княземъ сдѣлался второй Симеонъ, поддерживавшій систему правленія опцовскаго— не болѣе. По прежнему изгнанники Русскіе жили въ Липвѣ; принимаемы были предосторожности противъ Орды и Казани, грозившихъ набѣгами; съ Липвою продолжался сомнительный миръ; братья Іоанновы и Князь Верейскій свободно владѣли своими удѣлами; Тверь сохраняла независимость; Іоаннъ возвратилъ ее и Рязани; Новгородъ думалъ, что сопряженіемъ и уступками еще долго можешь

пропившись Москвѣ; Псковъ покорствовалъ, но соблюдалъ свою *старину*.

Какъ прежде, при родителѣ Иоанна, снова заключенъ былъ договоръ съ Тверью, съ одной стороны отъ имени Иоанна и братьевъ его, Юрія, двухъ Андреевъ и Бориса, съ другой отъ имени Великаго Князя Тверскаго Михаила Борисовича, Иоанна Юрьевича Зубцовскаго, и дяди ихъ Михаила Холмскаго. Москва ручалась за безопасность Твери, и «если-бы Ташары почали сваживать и давать Москвѣ домъ Свяшаго Спаса,» обязывалась не брать его, давая Твери полную свободу сношиться съ Ханами. Тверь обѣщала не принимать враговъ Москвы: Иоанна Можайскаго, сына Шемяки и сына Василия Боровскаго, а также и всѣхъ *будущихъ враговъ Иоанна*; обѣщала воевать за одно противъ Царя и Ташаръ, Липвы, Ляховъ и Нѣмцевъ, и жить съ Новгородомъ по старинѣ, какъ было при пращурахъ.

Таковъ-же былъ новый договоръ съ Княземъ Верейскимъ, которому подтвердили владѣніе Вышгородомъ, и который обязался не знать Орды, плашить выходъ черезъ Иоанна, и не вспуапаться въ то, что «примыслишь себѣ Москва.» Еще великодушнѣе казался поступокъ Иоанна съ Рязанью. Освободивъ ее отъ управленія Московскихъ Намѣстниковъ, онъ выдалъ

сестру свою, Княжну Анну, за юнаго Рязанскаго Князя Василя, и мирно оппустилъ его владѣшь опцовскимъ наслѣдіемъ (412).

Великія, скрыпныя опъ всѣхъ думы роились въ душѣ Іоанна, швердой, суровой, превышавшей понятія современниковъ. Но шихо началъ онъ. Никшо не предвидѣлъ, что Іоаннъ лучше всѣхъ понимаетъ полишику, какою основали и укрѣпили Москву Калишъ, Симеонъ, Алексій Мишрополишъ, Димитрій, дѣдъ и онецъ его. Соединяя въ себѣ мужеспивенную пылкость прадѣда съ швердою рѣшишельностью дѣда, Іоаннъ не имѣлъ ни одного изъ пороковъ и недоспашковъ опцовскихъ. Никшо не управлялъ имъ. Онъ первый понялъ необходимость соединенія скрыпной полишики съ высокимъ мужеспвомъ воинскимъ, внутренняго устройспва съ внѣшними связями, гошпвноспи на миръ среди войны, и пригошвленій къ войпѣ среди мира. До него думали шолько о зашпшѣ самобышности пропшвъ Орды — онъ провидѣлъ далѣе, и возраспилъ въ душѣ своей смѣлую мысль: не боропшь шолько съ Ордою, но рѣшишельно испребишь

---

(412) Договори съ Тверью и съ Вереєю, *Собр. Гос. грам.* т. I. № 88, 89, 90, 91; — о Рязани, *Костр. Лвт.* II, 38.

ее. Онъ понялъ, что не пользовавшись только временными выгодами надобно ему опъ Новгородъ, но покорить Новгородъ и слить съ Москвою; что Литвъ и Польшъ надобно не пропивоноспавлять только временнаго оппора, но должно спавъ пропивъ ихъ политическою и государспвенною самобышноспю. Иоаннъ проширалъ взоры далѣ, въ Еврону; хотѣлъ узнать ее, и ввести Русь въ сношенія съ нею и съ одаленною Азією.

Такъ обдумывалъ все Иоаннъ, и сорокалѣпнее княженіе его было поспояннымъ, вѣрнымъ слѣдспвіемъ одной глубокой мысли. Онъ имѣлъ счаспливую учаспъ: исполнить все, что задумалъ. Если поспоянное счаспие не еспъ слѣдспвіе глубокаго расчепа ума, то надобно сказавъ, что непоспжимая удача сопровождала всѣ дѣла Иоанна: онъ обладалъ пайною успѣха во всѣхъ своихъ предположеніяхъ и дѣлахъ. Только спароспъ его была омрачена скорбями и ошибками, какъ будно въ поучительное напоминаніе челоувку, что каждый смерпный долженъ въ свой чередъ заплашить судьбѣ за возвышеніе надъ другими. Иоаннъ не опередилъ ни своего вѣка, ни своего народа; но за то, онъ соединилъ въ великой душѣ своей все, что составляло жизнь его народа и его вѣка: онъ былъ великимъ, могущимъ ихъ предспавителемъ.

Послѣ Пешра, Іоаннъ III-й занимаетъ первую степень между владыками Русскими; передъ нимъ уничтожились всѣ его предшественники; съ нимъ не сравнися ни одинъ изъ его преемниковъ. Не говоримъ о Пешрѣ, для котораго нѣтъ сравненій.

Глубоко соображая всѣ дѣла свои, прежде всего Іоаннъ нанесъ тяжелейшій ударъ Казани, умѣвъ воспользоваться обстоятельствомъ. Ханъ Мамушекъ умеръ въ 1463 году. Ему наследовалъ сынъ его, Ибрагимъ. Халиль, брательникъ Ибрагима, скончался въ юности; Нурсалманъ, вдова Халиля, вышла за Царевича Касима, вѣрнаго слугу Москвы. Тайныя сношенія съ Казанью заставили Касима подумать, что Казань готова отдаться ему. Онъ донесъ объ этомъ Іоанну, и войско Великокняжеское, съ мужественнымъ воеводою Спригою - Оболенскимъ, выступило осенью, 1467 года, когда Казанцы не могли ждать похода. Но Касимъ, или ошибся, или былъ обманутъ. Ибрагимъ ждалъ его. Среди осенняго распушья достигнувъ Казани, Рускіе и Касимъ встрѣпили полки Ибрагима готовые къ битвѣ, сражались, но думали только объ опшупленіи. Они совершили обратный походъ среди проливныхъ дождей, осенняго холода и при шакомъ недоставкѣ въ припасахъ, что Рускіе въ постъ ѣли мясо. По причинѣ шруд-

наго пущи, воины бросали свои доспѣхи, и шли пѣшкомъ, уморивъ всѣхъ лошадей. Казанцы не преслѣдовали ихъ, но мѣлкими полнами бросились опустошашь области Русскія (413).

Іоаннъ все предвидѣлъ. Прошла пора безопечныхъ походовъ на Волгу, за которые мспили попомъ Монголы раззореніемъ беззащитныхъ Русскихъ областей. Муромъ, Нижній, Галичъ, Кострома были прикрыты сильными дружинами. Князь Даніилъ Холмскій встрѣшилъ и разбилъ Казанцевъ близъ Мурома. Отряды Русскіе опустошили области Ибрагимовы, а въ Декабрѣ отдѣльныя дружины, съ Княземъ Симеономъ Романовичемъ, вошли въ землю Черемисовъ, и мспили за набѣги ихъ огнемъ и мечемъ. Весною 1488 г. самъ Іоаннъ выступилъ въ походъ; но воропился съ дороги, пославъ на Казань отряды съ Княземъ Руно и Княземъ Звенцо. По рѣкѣ Вяшкѣ Русскіе ходили до Камы, когда въ по-же время по Волгѣ, Князь Рязполовскій-Хрипунъ пошелъ далеко въ Казанскіе предѣлы. Іоаннъ не довольствовался шѣмъ, что обезопасилъ себя отъ набѣговъ: весною 1469 года, по Волгѣ и Окѣ поплыли войска его къ

---

(413) Стр. лѣш. II, 94; Костр. лѣш. II, 42; Арх. лѣш. стр. 143.

Нижнему, гдѣ Князь Беззубцевъ принялъ надъ ними начальство. Отъ Устюга, черезъ Вышку, пошелъ Князь Давидъ Ярославскій; отъ Вологды воевода Сабурь. Вдругъ въ Нижнемъ получили неожиданное приказаніе Іоанна: оставишь походы, и отправишь къ Казани *только охотниковъ*. Опасаясь неудачи, Іоаннъ слишкомъ осерегался, а Беззубцевъ не имѣлъ соображеній главнаго воеводы: могли усмиришь Казань, и не успѣли отъ взаимнаго недоразумѣнія. Къ изумленію Беззубцева, всѣ воины его вызвались въ охотники, и спѣшили плышь къ Казани, говоря: «Всѣ хопимъ иди на окаянныхъ Ташарь!» Беззубцевъ съ немногими оспался въ Нижнемъ. Войско избрало себѣ предводителемъ воеводу Руно, боялось бытъ оспановленнымъ въ пуши, спѣшило и 21 Мая явилось подъ Казанью, шакъ скрыпно и неожиданно, что заспало жиселей безопасно спящихъ. При звукѣ шрубъ, Русскіе воины успремались изъ судовъ на берегъ, зажгли городъ, рубили Ташарь, грабили дома, но удовольствовались испугомъ Казанцевъ и вдругъ опешушили. Руно подозрѣвали въ измѣнѣ, ибо онъ споялъ послѣ шого подъ Казанью семь дней, далъ время Ибрагиму оправишься, и съ сильною рашью, по водѣ и по суху, поиди на Рускихъ. Руно велѣлъ опешупашъ. Казанцы преслѣдовали его, и удалились шолько послѣ жешпокаго оппора. Рускіе опплыли далѣ отъ

Казани, и спали у Ирихова острова. Здѣсь явился къ нимъ нерѣшимельный Беззубцевъ, послалъ въ Вяпку, извѣщая о походѣ своемъ на Казань и приказывая Вяпчанамъ соединиться съ нимъ на Волгѣ. Вяпка не оставила еще тогда своего независимаго духа, и не была вполне Московскою обласью. Спрашась навлечь на себя мщеніе Казанцевъ, Вяпчане отвѣчали Князю Ярославскому, что они дали слово Ибрагиму: не помогашъ ни ему, ни Москвѣ. Посоль Ибрагима былъ тогда у нихъ. Беззубцеву сказали, что Вяпчане пойдутъ на Казань, если пойдетъ большая рать Московская съ братьями Иоанна. Споявъ безъ дѣйствія на Волгѣ цѣлый мѣсяцъ, Беззубцевъ поворопилъ полки во свояси (414).

Иоаннъ думалъ, что урока, даннаго имъ Казани, довольно; призвалъ мать Ибрагимову въ Москву, почтилъ ее дарами, и отправилъ въ Казань, повелѣвая сказать, что онъ готовъ теперь мириться съ Ибрагимомъ. Касима, виновника прехъ-лѣпшей войны, уже не было тогда на свѣшѣ. Беззубцевъ встрѣшилъ Нурсалшанъ,

---

(414) Спр. Лѣт. II, 96; Коспр. Лѣт. II, 47. Въ *Арх. Лѣт.* (спр. 144) говорится, что воеводы ссорились въ Нижнемъ Новгородѣ, самовольно избрали Руно и пошли на Казань.

плывущую по Волгѣ. Она надѣялась на заключеніе мира, и увѣрила Рускихъ въ безопасности. Но едва проплыли суда ея, Ибрагимъ примчался съ Ташарами, и на Волгѣ явились суда Ташарскія. Начался бой; Ташары были ошбишы; Рускіе достигли Нижняго благополучно. Сюда пришли къ нимъ вѣспашки Успюжскихъ дружинъ. Не смотря на опказъ Вяшчанъ, Князь Ярославскій прошелъ на Каму, узналъ шамъ объ ошспупленіи главнаго войска, и поспѣшно проплылъ мимо Казани, спараясь догнашь ошспупавшихъ. Вся сила Ибрагима налегла на него; но Успюжане дрались опчаянно; Князь Ярославскій былъ убишь въ бою; Князь Ухшомскій принялъ начальство, не щадилъ себя, самъ сражался, перебѣгалъ съ одного судна на другое, билъ враговъ пшжелымъ ослопомъ, и успѣлъ уйдши съ ошпашками дружинъ, причинивъ большой уронъ Казанцамъ. Іоаннъ изъявилъ неудовольствіе главнымъ своимъ воеводамъ, и щедро наградилъ Успюжанъ, пославъ къ нимъ деньги, оружіе, одежду и запасы муки и масла. Братья его, Юрій и Андрей, пріѣхали въ Нижній; войско подкрѣплено было новыми силами. Іоаннъ не хощѣлъ ушпупишь Ибрагиму, не хощѣлъ полу-успѣха; прежде соглашавшись на миръ, онъ рѣшался шеперь вѣспи войну рѣшишельную, двинулъ снова по Волгѣ ополченія свои къ обгорѣвшей Казани, повелѣвая войску зимовать шамъ, но безъ побѣды

не возвращашься. Никогда еще Казанцы не испытывали войны столь упорной, и зашрепешали при новомъ появленіи Рускихъ. Сентября 4-го, воины Іоанна спали подъ Казанью; Ибрагимъ оказалъ слабое сопротивленіе, и заперся въ городѣ. Видя пригошювленія къ осадѣ, Казанцы униженно просили мира и приняли его по волѣ Іоанна. Войско Русское пошло обратно, и вывело съ собою всѣхъ плѣнниковъ, какіе были взяты Ташарами въ печеніе сорока лѣтъ и уже опчаявались увидѣть когда либо родную Русскую спрану (415).

Пока не унывая при столькихъ неудачахъ, Іоаннъ унижалъ силу Казани, уже другой обширный замыслъ былъ гошовъ въ умѣ его. Дружины Великокняжескія, едва возвращаясь изъ Казанскаго похода, должны были гошовиться къ новому походу, на сѣверъ — *рѣшить судьбу Новгорода.*

---

(415) О наградахъ Усплюжанъ: «Князь Вел. дважды послалъ по *деньгъ золотой*, а въ прешье послалъ ужину запасъ: 700 чепвершей муки, да 300 пудовъ масла; да 300 луковъ, 600 стрѣлъ; да 300 шубъ бараньихъ, да 300 однорядокъ Чипскихъ и Лундскихъ (*Лондонскихъ*) и Новогольскихъ, и Трекумскихъ, да 300 сермягъ (Арх. Лѣт. стр. 146).

Повѣсть о семъ достопамятномъ событіи передали намъ непріатели Новгородцевъ, изображая грозное рѣшеніе Іоанна праведною местию за неправды, кривизну души и крамолы Новгородскія (416). Не будемъ вѣришь приспираснымъ ихъ сказаніямъ. . . . Послѣ похода Димитріева, въ 1386 году, проложенъ былъ вѣрный путь къ паденію вольнаго города; каждая распря съ Москвою доказывала попомъ невозможность бытія Вѣча Новгородскаго, при самовластныхъ распоряженіяхъ Князей Московскихъ. Только соперничество Витовта спасало Новгородъ при Василии Димитріевичѣ, только междуособія, и попомъ нерѣшимельность дѣйствій сберегли Новгородъ при Василии Темномъ. Іоаннъ видѣлъ опасность не

---

(416) Описаніе перваго похода Іоаннова на Новгородъ составляетъ отдѣльное повѣствованіе во многихъ спискахъ (*Стр. Лѣт. II, стр. 107—133*). Писанное со всѣмъ великолѣпіемъ погдашней схоластики, оно, можетъ быть, сочинено было какимъ нибудь Дьякомъ Бородапымъ, нарочно по приказанію Іоанна. Новгородскихъ извѣстій мы не имѣемъ. Во всѣхъ Лѣтописяхъ, до насъ дошедшихъ, говорится о Новгородцахъ какъ о людяхъ буйныхъ и преступныхъ. Горе побѣжденнымъ! Впрочемъ, истина видна и изъ описанія врага.

опъ Новгородѣ, но опъ сосѣдства его съ Польшею, гдѣ Новгородцы рѣшишельно сшали искашь своего спасенія опъ Москвы. Различіе вѣры, нравовъ, рода, обычаевъ, еще опвлекали Новгородъ опъ совершенной покорности Польшѣ; но чего не могли сдѣлать крайность и опасеніе силы Великихъ Князей? Тогда Польша увеличилась-бы обширными Новгородскими областями, ввѣдрилась въ Русь, и обременила собою Москву. Къ несчастію Новгородцевъ, въ Ливнѣ не было тогда ни Олгерда, ни Вишовпа. Власівуя уже около 25-ти лѣтъ надъ Польшею и Ливвою, безпечный, добродушный, желавшій добра, но не умѣвшій дѣлать его, Король Казиміръ не могъ поладить съ Польскими аристократами, не могъ примирить Польши съ Ливвою, равно признававшими власть его, но непріязненными одна къ другой. Заняшой охошой среди важнѣйшихъ дѣлъ, нуждавшійся въ дѣйствахъ, распочавшій ихъ, и между шѣмъ вмѣшанный въ продолжительную войну съ Нѣмецкими Рыцарями, въ распри за Богемію и Венгрію, Казиміръ не смѣлъ и не могъ поддерживать Новгородѣ, угрожаемый въ семь случаевъ войною, вдругъ опъ Крыма, Россіи и Молдавіи. Увидимъ, что всюду уже распроспиралъ тогда сношенія свои Іоаннъ, смиряя Казань и грозя Новгородскому Вѣчу. Но ничего эпого не предусматривала въ Новгородѣ, и соединеніе съ

Польшею скоро сдѣлалось главною мыслью Новгородцевъ.

Иоаннъ началъ свое государствованіе изъясненіемъ миролюбія къ Новгородцамъ; далъ имъ волю удержашъ земли въ Заволочьи, не распределенныя съ Василиемъ, и даже всупилъ за права Архіепископа Новгородскаго, когда Псковъ опвергъ церковный судъ его. Покорные Псковичи, напрошивъ, возбудили гнѣвъ его изгнаніемъ Московскаго намѣстника. Склонясь на просьбу Псковичанъ, онъ просилъ ихъ помѣмъ, и дружина Московская пособила Пскову управиться съ Рыцарями, которые раздружились тогда со Псковомъ; война (1463 г.) съ ними кончилась набѣгами обоюдными. Рыцари *святѣмъ словомъ* увѣрили, что хощашъ мира, и заключили его въ 1464 году (417). Новгородцы, какъ прежде, не помогали Пскову. Прошло нѣсколько лѣтъ; Иоаннъ казался занятымъ единственно войною съ Казанцами. Мнимая крошечность его умножала

---

(417) Псковск. Лѣт., и Ист. Г. Р. ш. VI, прим. 4.— Любопытно, что въ Дерптѣ была особая слобода Русская (*Русскій Конецъ*), и Епископъ Дерптскій обязывался, по договору 1464 г., вносить Великому Князю часть сбора, получаемого имъ съ православныхъ жителей Дерпта.

смѣлосць Новгородцевъ. Раздоры шерзали Вѣче, и шѣмъ болѣе, что въ Новгородѣ усилилась тогда крамола прошивниковъ Москвы и друзей Липвы. Ее соспавляли: Марко Памфильевъ, купеческій спароспа, вообще жишые люди, купцы, всѣ тѣ, промыслы кошорыхъ спѣсняло распроспраневіе Москвы въ Заволочѣ и Сѣверныхъ обласпяхъ. Но душу крамолы соспавляла вдова Посадника Исаакія Борецкаго, *Марѳа*. Знаменишая по званію, богашспву, спароспи, машь нѣсколькихъ сыновъ, бодрыхъ и дѣяшельныхъ, Марѳа особенно спрашилась власпи Московской, споль пшажкой шоргамъ и промыслу (418). На-

---

(418) Только поэту, и то не понимающему величія Исторической истины, можно воображать себѣ Марѳу какою-то юною республиканкою. Она просто была богашая, умная купчиха, и защищала именно свое богашспво опъ хищней Москвы. Имя мужа Марѳы, Исаакія Борецкаго, мы знаемъ изъ похода Виповшова на Порховъ, въ 1428 году, за сорокъ лѣтъ до похода Иоаннова на Новгородъ. У Марѳы были уже внучата. Имена двухъ сыновей Марѳы, Аншона и Феликса, упонувшихъ въ Бѣломъ морѣ, находимъ въ грамапѣ, данной Николаевскому Корельскому монастырю, гдѣ они погребены (*Ист. Росс. Герарж.* т. IV, стр. 629). Другихъ дѣшей Марѳы мы узнаемъ далѣе. *Чудный дворъ* Марѳы находился въ Новгородѣ, на Великой улицѣ (*Ист. Г. Р.* т. VI прим. 36).

прошивъ, аристократы Новгородскіе желали усиленія власти Московской, возвышавшей права ихъ, и спѣснѣвшей волю проснаго народа. Чернь Новгородская перемѣняла мысли, смотря пошому, какъ и кто управлялъ ею. Духовенство боялось Москвы, спѣснѣвшей права, судъ и доходы его; оно присоединилось къ крамолѣ Борецкихъ, и Марѳа шоржешествовала. Вражда и неудовольствія прошивъ Москвы усилились. Соединеніе Новгорода съ Польшею было рѣшено. Тщешно Іоаннъ приказывалъ сказать, проникая шайную мысль Новгородцевъ, что поспушки ихъ возбуждѣтъ наконецъ гнѣвъ его, и гнѣвъ сей шяжко падешъ на Новгородъ. Новгородскій Бояринъ Ананьинъ прибылъ въ Москву, пребуя рѣшенія разныхъ споровъ. «А мои жалобы?» спросилъ его Іоаннъ. — Мнѣ Великій Новгородъ ничего о помъ не приказывалъ — опвѣчалъ Ананьинъ. «Не приказывалъ даже ни одного слова покорнаго, когда вы не переспаете обременяшъ меня своими жалобами! Не въ истеркъ мнѣ болѣе; исправьшесь немедленно; ударьшесь челомъ, и я буду держашъ васъ по спаринѣ, или спрашишесь наказанія!» Таково было послѣднее слово Іоанна. Скоро друзьямъ Польши предспавился новый случай дѣйшествовать: Владыка Новгородскій Іона скончался; на его мѣспо избрали инока Теофила. Къ досадѣ Борецкихъ, Теофилъ изъясвилъ покорносшь Москвѣ, и Послы

Новгородскіе поѣхали просишь позволенія о прибытіи Теофілу въ Москву и пославленія его на прежнихъ правахъ, съ бѣлымъ клобукомъ. Іоаннъ соглашался, если Новгородъ изъявишь ему покорность. Тогда Борецкіе начали поступать рѣшительнѣе. Монахъ Пименъ, ключникъ владычній, былъ назначенъ ими въ Архіепископы вмѣсто Теофила; не жалѣли денегъ, и уговорили наконецъ народъ на избраніе Пимена, и на то, что Владыку долженъ пославить Кіевскій Митрополитъ, освободивъ Новгородъ отъ пяготы Московской. Теофилъ немедленно согласился на сіи условія, и Пимена выдали Борецкіе мщенію врага его. Услышавъ о согласіи Теофила опуститься отъ Москвы, Митрополитъ Московскій писалъ ласково въ Новгородъ, напоминалъ Новгородцамъ о грѣхѣ, который примушь они на душу, приложась проклятой ереси Лапинской, какою былъ зараженъ Кіевскій Митрополитъ пресполъ, и уговаривалъ ихъ покориться Великому Князю. Іоаннъ рѣшился обольстить Борецкихъ милостями, и возвелъ старшаго сына Марѣи, Дмитрія, въ достоинство Боярина Московскаго — санъ знаменитый, ибо всѣхъ Бояръ было тогда только пять! (419). Посоль Москов-

---

(419) Отъ временъ Іоанна званіе Боярина составило *тинъ государственный*, хотя названіе Бояръ придава-

скій, Товарковъ, явился въ Новгородъ, извѣщая о милостяхъ Іоанна, о томъ, что Іоаннъ ошдасть Новгороду всю спарину. Было поздно: Новгородъ принадлежалъ уже Королю Польскому, и братъ Кіевскаго Князя, Михаилъ Олельковичъ, пріѣхалъ уже въ Новгородъ, какъ Намѣспникъ Казимира.

Предложеніе: ошдасться Казимиру, сколь ни искусно было оно пригошовлено, долго однакожь волновало умы народа, и производило раздоры на Вѣчѣ. Всѣхъ ужасало неслыханное дѣло — подданство Липвѣ, Королю Лашинцику, океанному Ляху. Оно казалось богопрошив-

лось и при немъ вообще всѣмъ сановникамъ Государевымъ. Собственно — Бояре при Іоаннѣ были въ началѣ его царствованія: Михаилъ Борисовичъ Плещеевъ; Князь Іоаннъ Юрьевичъ Паприкѣевъ; Князь Іоаннъ Сприга-Оболенскій; Михаилъ Сабуровъ; Григорій Заболоцкій. Попомъ пожалованы: Василій Сабуровъ; Михаилъ Морозовъ-Русалка; Князь Семень Ярославскій и Феодоръ Хромой. Съ тѣхъ поръ начались *разряды и послужныя списки*, породившіе впоследствии *идстнигество*, т. е. споры о преимуществвахъ предковъ по службѣ и чину. Списковъ послужныхъ находилса множество въ рукописяхъ. Общій, главный, напечатанъ былъ въ *Опытѣ трудовъ Вольнаго Росс. Собранія*, и попомъ перепечатаанъ въ *Вислювикѣ* Новикова, ш. XX.

жымъ, ужаснымъ. «Лучше гнѣвъ Князя Хрисціана, нежели милосшь Короля-ерешика!» кричалъ народъ. Но Борецкій и сообщники ихъ превозмогли все, и знаменитое носольство оправилося изъ Новгорода въ Польшу. Его составляли: Аеанасій Евспіѣевичъ, Посадникъ Дмишрій Борецкій (сынъ Маремъ), Спаросша Памфилій, и другіе. Король принялъ Новгородцевъ, какъ лучшихъ своихъ друзей, и охотно согласился подтвердишь всѣ права и льготы Новгородскія. Признавая Казиміра своимъ *господиномъ*, Новгородцы договорились съ нимъ о защитѣ ихъ опъ Москвы. «Пойдешъ Князь Великій Московскій на Великій Новгородъ, или его сынъ, или его братъ, или копорую землю подымешъ на Великій Новгородъ, ино себѣ нашему Господину, честному Королю, всѣспъ на конь за Великій Новгородъ, и со всею своею Радою Липовскою пропивъ Великаго Князя, и боронись Новгородъ. Если-же не умиришь Новгорода, рѣшишься ты ѣхашъ обратно, Рада швоя да защищаешъ Новгородъ. Вѣры Греческой православной у насъ себѣ, честный Король, не опнимаешь; гдѣ будешъ намъ, Великому Новгороду, любо, въ своемъ православномъ Хрисціанствѣ, шупъ мы себѣ Владыку и посшавимъ, по своей волѣ. А Римскихъ церквей себѣ, честный Король, въ Великомъ Новгородѣ не спшавишь, ни въ пригородахъ Новгородскихъ, ни во всей землѣ Новгородской. Умиришь ты Нов-

городъ съ Москвою, за то берешь себѣ черныи боръ, однажды въ годъ. Нѣмецкаго двора себѣ не зашворяшь, и присава своего не опредѣляшь (420). » Утвердивъ сими условіями защиту свою, оградивъ вѣру, торги, права, Новгородъ не думалъ болѣе о нелюби Іоанна.

Разсчепъ Борецкихъ могъ бытъ вѣренъ, если-бы въ Польшѣ царствовалъ Виповшъ, и если-бы въ Москвѣ былъ не Іоаннъ. Дѣло кончилось-бы тѣмъ, что Москва снова уступила-бы Новгороду, какъ прежде; исполнивъ свои честолюбивыя намѣренія, Борецкіе могли опвергнуть Казимира; или началась-бы война, въ кошорой успѣхъ былъ еще сомнителенъ съ пособіемъ Польши. Но все пошло иначе, при слабости Польскаго Короля, при швердомъ характерѣ и умѣ Князя Московскаго. Новгородъ палъ!

Заклучивъ договоръ, Казиміръ не имѣлъ ни воли, ни средствъ помогать Новгородцамъ. Его не слушалась Польская Рада; при томъ, едва кончивъ 13-ти лѣтнюю войну съ Нѣмецкими Рыцарями (въ 1466 г.), Казиміръ уже вовлеченъ былъ въ войну за наслѣдство Богеміи, и въ

---

(420) Договоръ Новгородцевъ съ Казиміромъ, см. Исп. Г. Р. т. VI, прим. 42.

другую войну съ Венгрією и Силезією; войска у него едва доспавало на защиту Польши отъ впаденія Венгерцевъ, Пруссовъ и Силезцевъ. Кромѣ того, Ливонскіе Рыцари грозили войною, если Король вспунится за Новгородъ. Даже намѣспникъ его, Михаилъ Олельковичъ, услышавъ о смерти брата своего, оставилъ Новгородъ, ѣхалъ черезъ Русу, какъ непріатель, опнимая запасы и везя для безопасности своей заложниковъ Новгородскихъ (421).

И такъ: оставалось выдерживать борьбу съ Иоанномъ одному Новгороду, раздражившему его непокорностью и передачею Лишвѣ! Можешь быть, Новгородцы думали, что еще перемѣнялся обстоятельство, еще можно будетъ пошорговаться, опдѣлаться раззореніемъ Торжка, Заволочья; можешь быть, они надѣялись и на удачу въ бишвѣ, припоминая времена Боголюбскаго и Михаила Тверскаго. По крайней мѣрѣ, Новгородъ равнодушно выслушалъ *окладную*

(421) Во время пребыванія Олельковича «Новгороду было испомно сильно, кормы, и вологою, и великими дарами; и пріѣхавъ онъ въ Русу, оброки взя силою; и пограби; а къ рубежу ѣдя взя *поспц* (припасы), и живопъ, и головы (заложниковъ) войною великою, и головы повезе до самаго рубежа» (Иск. Лѣт. Карамзинъ, т. VI, прим. 39).

грамату Іоаннову, гдѣ исчислены были всѣ оскорбленія, всѣ вины вольнаго города, и гдѣ, не требуя уже покорности, Іоаннъ грозилъ войною. Предоспаивали рѣшеніе всего будущему, хошя Казиміръ не шелъ, слышно было о сильныхъ пригопвленіяхъ Іоанна, и Псковишяне опвѣчали Посламъ Новгородскимъ, на предложеніе союза пропивъ Москвы: «Когда услышимъ, что Великій Князь идетъ на васъ, тогда *погадаемъ*; и пришлемъ опвѣсть.» Посолъ Новгородскій преперпѣлъ жестокое оскорбленіе во Псковѣ; нѣкоторые изъ Псковишянъ, обиженные въ Новгородѣ, захватили его людей, и требовали удовлетворенія. Псковъ оказывался врагомъ Новгорода при борьбѣ съ Москвою, и безъ того тяжелой. Но вольные Новгородцы еще не понимали всей опасности (422).

Испощивъ средства мирныя, взвѣсивъ отношенія Литвы и Польши, Іоаннъ захопѣлъ *уничтожить вольность Новгорода*, рѣшишельно, навсегда, опвергнувъ всѣ временныя выгоды, если могъ овладѣшь Новгородомъ безусловно.

---

(422) Опвѣсть Пскова: «Какъ вамъ Великій Князь опощлеть *взметную* грамату, погда намъ явите, а мы, погадавъ о помъ, вамъ опвѣчаемъ,» и проч. (Пск. Лѣт. Карамзинъ, ш. VI, прим. 32).

Такъ рѣшилъ онъ, и быспры, обширны были его пригошвленія. Онъ привелъ въ движеніе всѣ силы свои; Тверь, Верея, Рязань повиновались его волѣ; Пскову велѣно было идти. Всѣ ненавидѣли Новгородъ, и съ радостью принялись повсюду за оружіе; дружины Касимовскія явились немедленно, съ сыномъ Касима Давидомъ; Вяпчане, не шедшіе на Казань, поспѣшно успремались на Новгородъ, хотя дружины ихъ только что воропились изъ удалаго похода по Волгѣ, въ кошоромъ они, въ расцлохъ, нападали на самый Сарай (423). Еще сильнѣе спарался Іоаннъ воспламенишь всѣ умы: Новгородцевъ предспавляли опспушниками опъ православія, врагами Руси, кошорые поддались прокляшому Ляху, предались Лапинской богомерзкой ереси, преспушили клятвы, опвергли власшь опца Миспрополиса православнаго. Марѣу изображали вшорю Іезавелью, Далидою, Иродіадою, развшрашною женщиною, кошорая хочешъ выйдши за Ляха, и царспвовашь въ Новгородѣ (424). Прежде всегда ходи-

---

(423) *Архангел. Лѣт.* стр. 149; *Тип. Лѣт.* стр. 275. Псковичяне опговаривались было пожаромъ, опспушившимъ ихъ городъ (Собр. Г. Г. ш. II, № 19). Іоаннъ не слушалъ ничего.

(424) Посланіе Миспрополиса къ Новгородцамъ, въ Собр. Г. Г. ш. II, № 18; *Архивск. Лѣт.* (Карамзинъ,

ли Москвичи на Новгородъ зимою, и Новгородцы надѣялись, что и шеперь, среди болошъ и лѣсовъ, не посмѣюшъ воевать ихъ лѣпомъ. Какъ нарочно, съ Мая до Сентября не упало капли дождя; дороги просохли, болоша осушились. За три недѣли до Пепрова поста, 1471 года, Князь Даніилъ Холмскій выступилъ съ передовыми полками къ Русѣ; братья Іоанновы шли изъ своихъ удѣловъ отдѣльно; Сприга-Оболенскій отправился по печенію Мсцы; въ Заволочье, по Двинѣ, опряженъ былъ воевода Образецъ, съ Вяпчанами; Успюжане особо пошли къ бою; Псковишянъ повелъ на Новгородъ Воевода Феодоръ Юрьевичъ въ началѣ Іюля; самъ Іоаннъ, съ Даніаромъ, съ Княземъ Верейскимъ и Князьями Тверскими, двинулся къ Торжку.

ш. VI, прим. 29). «Въчници, крамольници, суровіи чловѣци — подвизашася, яко пьяни, и вся мудросп ихъ поглощена быспъ — гордоспю величающеса, глаголаху словеса хульная, забыша окаянніи, яко Господь гордымъ пропивихся. . . . Прелеспникъ дьяволъ вниде въ злохиприву жену Марѣу, и ша, окаянная, сплеспся лукавыми рѣчьми. . . . О шаковыхъ безумныхъ женахъ Злапоуспъ шпептъ: «Ничпо-же еспъ на землѣ подобно злой женѣ и *языкней*» . . . . и Соломонъ глаголетъ: «Лучше жиппи со львомъ и со змїемъ въ пуспынѣ, нежели со злою женою,» и проч. См. подробное описаніе Іоаннова похода, *Стр. Лвт. ш. II*, стр. 100, и далѣе.

Онъ готовился на Новгородъ , какъ въ походъ важный , молился у гробницъ предковъ , просилъ благословенія Свяшителей , собиралъ совѣщанія , выслушивалъ совѣщанія , излагая всѣ обиды , невѣрїе , безбожіе Новгородцевъ , и выступилъ изъ Москвы , на претъей недѣлѣ Пешрова поста , взявъ съ собою ученаго Дьяка Бородашаго , который зналъ хорошо древнїя Лѣтописи , и могъ исчислить и доказать Новгородцамъ всѣ издревле учиненныя вѣроломства и крамолы ихъ .

Уже огонь и мечъ означили походъ Князя Холмскаго ; Русу выжгли ; Холмскій истребилъ судовую Новгородскую рапъ на Ильменѣ , и шелъ къ рѣкѣ Шелони ; Псковичиане осадили и взяли Вышгородъ ; берега Мсты , Торжокъ — все гибло въ опустошенїяхъ . Новгородцы еще не робѣли . Они опсправили Князя Шуйскаго-Гребенку опспивать Заволочье отъ Образца и Успюжанъ , послали сильное войско на Псковичианъ и Холмскаго , и требовали отъ Юанна свободнаго пропуска послу своему , опсправленному для переговоровъ . Юаннъ не опспѣчалъ имъ , шелъ безъ остановки . Сынъ Марѣи Борецкой , Димитрій , хотѣлъ показать примѣръ мужества , и съ знатнѣйшими Новгородцами спѣшилъ выступить противъ Москвитянъ . Опспавивъ Псковичей , онъ двинулся на Князя Холмскаго . Между тѣмъ въ Новгородѣ готовились къ

защитѣ опчаянной; выжгли посады, подѣлали укрѣпленія, засѣки, завалы, вооружили всѣхъ жишелей; каждый бралъ оружіе, слыша, что безчеловѣчное опустошеніе означаетъ всюду слѣды рашн Іоанновой. Но страхъ опнималъ силы; вспомнили предвѣщанія объ Іоаннѣ; видѣли, что еще никогда и никшо не неволилъ вольнаго города до такой спешени, съ такимъ упорствомъ. Уже въ Новгородѣ оказывался и недоспашокъ припасовъ, сдѣлалась дороговизна, угрожалъ голодъ. Крамола еще не ушихала: со-общники Марѣи и друзья Москвы спорили между собою, и волновали народъ.

Спрашныя вѣсти вдругъ унизили гордоспъ Борецкихъ. Услышали, что Іоаннъ спойшъ уже въ Яжелбицахъ, и что въ одно время Новгородскія дружины разбишы въ Заволочьѣ и на Шелони. Князь Шуйскій напалъ на Образца, сражался съ нимъ цѣлый день (24 Іюля), былъ разбишъ, и бѣжалъ, самъ жестоко раненый въ бившѣ; Москвишяне заняли послѣ сего всѣ Двинскія области. Шелонское сраженіе имѣло слѣдспвія еще болѣе пагубныя. Думая сра-зишъ Холмскаго сильнымъ напискомъ, Дмиш-рій Борецкій надѣялся на превосходное число войскъ, и ждалъ случая напасъ на Москвишянъ, споя на высокомъ берегу Шелони. Опважный Холмскій видѣлъ опасность, и предупредилъ ее. «Лучше положишъ головы за правду Госу-

дареву, нежели опспуцать; будь Новгородцевъ сотни тысячъ — съ нами Богъ и правда!» Такъ воскликнулъ онъ, и первый ринулся на конѣ въ Шелонь, возглашая: *Москва!* — «Москва, Москва!» закричали всѣ воины, слѣдуя за Холмскимъ, переплыли рѣку и ударили на Новгородцевъ. Раздоръ оказался между Новгородцами: Владычній полкъ не хопѣлъ биться, говоря, что Владыка велѣлъ ему сражаться только со Псковичьями. Засада Ташарская ударила въ тылъ Новгородцамъ, когда нападеніе Холмскаго изумило ихъ, и — поле битвы превратилось въ страшное побоище; Новгородцы бѣжали, почти не сражаясь, и гибли подъ мечами Москвитянъ; Димитрій Борецкій, съ знаменѣйшими людьми, попался въ плѣнъ. Іоаннъ услышалъ о побѣдѣ, поворопилъ на Русу, велѣлъ привести туда плѣнныхъ Новгородцевъ, и — изрекъ смертный приговоръ Димитрію Борецкому, Боярамъ: Василию Селезневу, Киприану Арбузьеву, и чашнику Владыки Іеремію Сухощеку; имъ прочитали обвиненія, объявили приговоръ Іоанна, и отрубали головы. Василия Казимира, и другихъ Новгородцевъ, повезли въ кандалахъ въ Москву. Іоаннъ спалъ на Шелони. Опсряды его достигали Новгорода, куда плѣнники, нарочно оппущенные Іоанномъ, принесли ужасное извѣстіе о казни сына Марѣи и бѣдспвіи другихъ сановниковъ!

Голодь и недоспашки усиливались; крамола Боредкихъ уныла, не смѣла болѣе спорить. Оказалось новое бѣдспвіе — спрашная измѣна: вѣкшо Упадышъ заколопиль 55-ть пушекъ, и лишилъ Новгородъ послѣдняго средспва защипы; Упадыша казнили; но все ясно увидѣли гибель, висящую надъ быпіемъ Новгорода. Іоаннъ прислалъ Посла своего, снова исчисляя все вины Новгородскія, и грозя скоро спашъ у Св. Софіи грознымъ судіемъ. Тогда-же слышали о взятіи города Демона Княземъ Верейскимъ, и голоса народныя слились въ одинъ кликъ: «Покорность Іоанну! Казиміръ выдалъ насъ — Іоаннъ подъ Новгородомъ — мы гибнемъ!» Забыли гордость, забыли волю Новгородскую, и въ спанъ Іоанна повѣхали нареченный во Владыки Теофілъ, Посадники и лучшіе люди. Іоаннъ не хотѣлъ видѣть ихъ, заставилъ ходишь по шабору, и умиленно просишь заступленія у брашьевъ его, воеводъ и Боярь. Наконецъ, казалось, онъ смягчился. Говоря, что снисходишь на моленіе, какое прислалъ къ нему изъ Москвы Митрополишь, на случай покорности Новгородцевъ, Іоаннъ допустилъ къ себѣ Теофила и его спутниковъ. Они спали на колѣна, заплакали. «Господинъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Руси, милоспивый! Господа ради, пожалуй винныхъ персѣдъ шобю людей Великаго Новгорода,

цвоея опчизны! Уложи гнѣва швоего, уйми меча швоего, угаси огонь, ушибъ грозу, не изрушь доброй спарины, дай видѣшь свѣшь, пощади безошвѣпныхъ людей, смилуйся, какъ Богъ шебѣ на сердце положишь!» Такъ говорилъ Теофилъ, и безмольно слушалъ попомѣ упреки Иоанновы, ошвѣчая шолько слезами. Къ изумленію самихъ Новгородцевъ, Иоаннъ изъявилъ неожиданное милосердіе: онъ проспиль Новгородъ; иребовалъ шолько, чшобы они ошспупились ошъ Казиміра, ошдали захваченныя въ Заволочѣ Московскія земли, уничтожили вѣчевыя грамашы, были покорны ему, а Духовеншво Новгородское Мипрополишу Московскому; чшобы Новгородъ не сносился съ Русскими бѣглецами въ Липвѣ, плашилъ Москвѣ черныи боръ, и взнесъ единовременно *копейнаго* сбора 15,500 рублей серебра. На сихъ условіяхъ заключенъ былъ договоръ, Августа 11-го 1471 года. Но въ него включили еще разныя спѣснишельныя мѣры, касапельно пошинъ и суда; Новгородцы не смѣли упомянуть о возвратѣ добычи, всюду захваченной Москвичами, и о судьбѣ сановниковъ Новгородскихъ, опосланныхъ въ Москву. Иоаннъ угоспилъ Теофила и пословъ, и Сеншября 1-го 1471 г. возвратился въ Москву, величая себя побѣдишелемъ «злыхъ крамольниковъ и вѣчниковъ Новгородскихъ.» Его встрѣшили за иѣ-

сколько верстъ отъ города. Въ память Шелонской побѣды, Іоаннъ заложилъ въ Архангельскомъ соборѣ придѣлъ Св. Апостола Акилы, коего память празднуется Іюля 14-го. Въ Ноябрь пріѣхалъ въ Москву съ покорностію Теофиль, былъ посланъ въ Архіепископы, и видя ласку Іоанна, осмѣлился просить за Василія Казимира, Машвѣя Селезнева, и другихъ, помившихся въ Московскихъ шемницахъ. Іоаннъ велѣлъ опустить всѣхъ; плѣнныхъ оказалось тридцать человекъ (425).

И пакъ, имѣвъ возможность рѣшить судьбу Новгорода, Іоаннъ удовольствовался только наказаніемъ? Нѣтъ: онъ *удитожилъ* Новгородъ—оставилъ ему вѣче, названіе *вольнаго*, *великаго*, не прогналъ Марѣю и ея сообщниковъ; но все это была только шѣнь старины, столь милой Новгородскому сердцу! Іоаннъ вырвалъ у Новгородцевъ послѣднюю опору ихъ—помощь

(425) Описаніе всѣхъ событій похода на Новгородъ, *Стр. Лвт.* т. II, стр. 100 — 133; *Туп. Лвт.* стр. 268 — 277; *Арханг. Лвт.* стр. 147 — 150; *Костр. Лвт.* т. II, стр. 52 — 65. Выписки изъ *Псковской*, *Архивской*, *Новг.* въ прим. Карамзина, т. VI, отъ 43-го до 69-го. — Договоры Новгородцевъ, Карамзинъ, т. V, прим. 404, т. VI, пр. 66; *Собр. Гос. Грам.* т. I, № 20. — Придѣлъ Ап. Акилы переименованъ былъ впоследствии во имя Покрова Богородицы.

Липвы, оставилъ вѣче, но самовластвовалъ на немъ, повелѣвалъ въ судѣ, опнялъ войско, силу, смѣлоспъ духа, оставивъ еще на нѣсколь-ко лѣтъ внѣшній образъ Новгородскаго правленія. Онъ зналъ, что въ сіи годы пайно усилилъ онъ власпъ свою, вліяніе свое, и уже одного слова его будешъ довольно кончить то, что еще ославалось опъ спарины Новгородской. Все пакъ и совершилось впоследствіи. Напрощивъ, сокрушая Новгородъ до конца, онъ могъ встрѣшить опчаянное сопротивленіе, и бесполезно погубилъ тысячи народа. И безъ того довольно было убійствъ, пожаровъ и грабежа; пепелища и опустѣніе видны были повсюду, опъ опдаленной Двины до Пскова, опъ Торжка до Новгорода. Богатую добычу везли изъ Новгородскихъ обласпей Москвичи и ихъ союзники. Уныніе, бѣдствіе были учаспью Новгорода. Казалось, все возспало противъ Новгородцевъ. Множество бѣглецовъ и плѣнныхъ, возвращавшихся во свояси, захватила буря на Ильменѣ, и болѣе 7000 человекъ Новгородцевъ погибло въ волнахъ озера. Недоспашокъ запасовъ производилъ повсюду голодъ и болѣзни.

Соображая всѣ дѣла государспвенныя, Іоаннъ не хошѣлъ долго заниматьсп войною съ Новгородомъ, можешъ бытъ, и пошому, что давнишній врагъ Русскій, Седи-Ахмашъ, грозилъ на-

конецъ сильнымъ дѣйствіемъ, споль много лѣтъ безпокоя Русь непріязнію мѣлкою. Управивъ Новгородъ, Казиміръ вошелъ съ Ахмашомъ въ дружескія сношенія, и возбуждалъ его на Русь, общая сильную помощь. Еще въ 1465-мъ году, Седи-Ахмашъ собралъ свои полчища и пошелъ на Москву; но на берегахъ Дона встрѣшилъ его непримиримый врагъ, Крымскій Ханъ. Крымцы и Ордынцы сразились, дрались— Москва осталась спокойною. Въ 1468 г. Ордынцы набѣгали на Рязань, и были опбишны. Еще не выступая погда на бишву опкрышую, Іоаннъ послалъ предложитъ Седи-Ахмашу миръ. Но Ханъ уже ничего не слушалъ, и лѣпомъ 1472 года быспро пошелъ на Москву. Іоаннъ былъ гоповъ къ оппору. Даніилъ Холмскій и Сприга-Оболенскій выспунили 10 Іюля къ берегамъ Оки. Машъ и сынъ Іоанна удалились въ Росповъ. Брашья его двинулись за Холмскимъ. Узнавъ, что Седи-Ахмашъ сповишъ уже близъ Оки, съ полчищами многочисленными, 30 Іюля выѣхалъ изъ Москвы самъ Іоаннъ, и ошановился въ Коломнѣ. Седи-Ахмашъ окружилъ Алексинъ; жипели соглашались дашь ему окупа *пять* рублей. «Дайше еще *шестой* рубль женѣ моей!» говорилъ Ханъ. Трусливый воевода Алексинскій бѣжалъ, но жипели не сдавались. Монгоды зажгли городъ, и грабили его. Юрій, брашъ Іоанна, и другіе воеводы плакали съ досады, видя не-

возможность перейти черезъ рѣку и пособить храбрымъ Алексинцамъ. Ободренные неподвижностью Рускихъ, Монголы бросились черезъ Оку вплавь, напали на Русскій отрядъ и погнали его. Тупъ прискакалъ въ бишву сынъ Князя Верейскаго, Василій Удалый, сбилъ Монголовъ, вогналъ ихъ въ Оку; рать Русская вся заколебалась вслѣдъ за нимъ. Разспрашивая плѣнныхъ, узнавъ, что самъ Іоаннъ идешь съ помощнымъ войскомъ, не видя Казиміровой помощи, Ахмашъ съ досадою поворошилъ плеча, началъ опсшупашъ, и наконецъ побѣжалъ, такъ, что Іоаннъ велѣлъ преслѣдовать его, и Монголы въ шесть дней достигли улусовъ своихъ, употребивъ шесть недѣль на походъ до береговъ Оки. Сямъ до времени заключились дѣла съ Ордою (426). Изложимъ здѣсь событія совсѣмъ другаго рода.

Послѣ взятія Турками Царяграда, Русь не имѣла уже никакихъ сношеній съ Греціею, кромѣ торговли черезъ Крымъ, гдѣ держались еще Генуэзцы. Изрѣдка приходили въ Русь бѣдные спранники, монахи и сановники Греческіе, возвѣщая насшавшую *мерзость запустѣнія* на

---

(426) *Арх. Лѣт.* стр. 151; *Тул. Лѣт.* стр. 279; *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 135.

свящыхъ мѣсахъ, позоръ православнаго духовенства Греческаго и стыдъ Греческихъ Императоровъ. Двое братьевъ послѣдняго Палеолога укрылись въ Моревъ, назывались шамъ Деспошамъ Греціи, и штъ Имперіи Греческой уцѣлѣла еще на нѣсколько лѣтъ въ лицѣ ихъ. Но вскорѣ братья перессорились; Турки завладѣли Мореею; одинъ изъ послѣднихъ Палеологовъ, *Дмитрій*, покорился Султану, ошдалъ въ гаремъ его дочь свою; другой, *Θομα*, бѣжалъ въ Ишалію, куда еще прежде переселились бѣглецы Византіи, съ послѣдними оспашками умспвенныхъ богашспвъ и познаній Греціи. Люди знашнѣйшихъ родовъ, съ своими семейспвами, ученые, всѣ, кто могъ спасшсь и имѣлъ средспва бѣжашъ, бѣжали въ Ишалію, искали шамъ присшанища, и готшвы были жершвовашъ новой опчизнѣ своей дарованіями, знаніями и жизнью. Когда Каломеросы, Вріенны, Канпакузины, и другіе, передавали Ишаліи и Ишаліянцамъ свои имена, и начинали новые, знаменишые роды, ученые Греки перенесли въ Ишалію шворенія предковъ своихъ, учили шамъ языку Омира и Димосѣена, возраждали охощу къ Классической учености, и шо, что гшбло прежде въ пыли Визаншійскихъ архивовъ и бшблшшекъ, цѣнилось шеперь дороже золота и способшвовало къ произведенію вѣка Льва X-го и Медшцисовъ. Теря свою рес-

публиканскую швердосшь Среднихъ вѣковъ , шеря независимосшь , грозимая игомъ иноплеменниковъ и домашнихъ пирановъ , Италія забывала сама себя въ наслажденіи Изящнымъ; даденіе политической самобытности приводило ее къ вѣку Макиавеля , Аріоспа , Тасса , Альда Манучія , Рафаэля и Микель-Анджело (427).

Но , пока опдаленныя политическія бѣдспвіа грозили Италіи съ Запада, она ужаснулась опасности ближайшей. Взятіе Царяграда ошкрыло ей глаза на гибельное могущество Турковъ. Политика Венеціанъ не спасала уже ихъ ошъ меча Мугаммеданскаго. Венеція увидѣла изъ лагуновъ своихъ губишельные огни , зажженныя Турками на берегахъ Адриатическаго моря , и мысль о крестовомъ походѣ еще разъ вспыхнула въ умахъ. Папа Николай V-й имѣлъ услажденіе видѣть собраніе Италіянскихъ Властителей въ Лоди (въ 1454 г.). Всѣ клялись ему идти воевать подъ знаменіемъ креста. Не пошелъ никто. Венеція , подписавъ договоръ Лодійскій , заключила договоръ съ Турками ; Герцогъ Бургундскій , первый изъ зачинщиковъ крестоваго похода , ошказался ; Король Французскій даже запрешилъ подданнымъ своимъ ду-

---

(427) Гиббонъ , т. XIII-й.

мать о крестовомъ походѣ. Тщешно искалъ Папа средствъ къ войнѣ; кромѣ Скандербега и *Турецкаго дьявола* — Гуниада, всѣ уклонились. Генуя и Венеція только хиприли, и скорѣе соглашался Персидскій Шахъ воевать съ Оптоманами, нежели Европейскіе Государи, занятые своими новыми политическими идеями, расколами ерешиковъ, и взаимною борьбою. Пій II-й успѣлъ было собрать нѣсколько галеръ, и самъ рѣшался ѣхать воевать съ Турціею. Павелъ II-й, преемникъ его, болѣе помышлялъ о Гуссишахъ, нежели о Туркахъ, и просилъ Матіея Корвина, сына Гуниадова, сдѣлавшагося Королемъ Венгерскимъ, лучше испреблять ерешиковъ, нежели воевать противъ невѣрныхъ. Венеція, Папа, Неаполь спращали другъ друга Турками, и щещно несчастный Саванароль предрекалъ имъ гибель въ грядущемъ, восклицая: «О Италія! о Римъ! услыши гласъ Господа: предамъ тебя въ руки народа испребителя, и онъ изгладитъ тебя отъ лица живущихъ; придетъ къ тебѣ сей народъ, какъ левъ голодный. . . . о Римъ, Венеція, Миланъ! покайтесь — еще время!»

Въ сихъ запруднительныхъ обстоятельствѣхъ, Папа вспомнилъ о Русской землѣ. Со временъ Исидора, Русь отказалась отъ сношеній съ *проклятою Латинью*; но Папа высоко цѣнилъ силу Сѣверныхъ варваровъ, и непрерывно при-

думывалъ, чѣмъ-бы завлечь ихъ въ союзъ, ко-
шорый могъ-бы сославившись изъ Польши, Лип-
вы, Венгрии, Молдавіи и Руси. Наконецъ ка-
залось ему, что средство найдено.

Укрывшись въ Ипаліи, Ома Палеологъ при-
несъ съ собою нѣсколько Св. мощей и славное
имя *последняго Палеолога и законнаго наслед-
ника Византіи*. Папа принялъ Ому, далъ ему
содержаніе, и послѣ смерти его (1465 г.) на-
дѣялся имѣть важное орудіе полиники въ двухъ
сыновьяхъ Омы, *Андрѣ* и *Эммануилѣ*, и до-
чери *Софій*. Покровительствуя бѣднымъ, но
знаменистымъ изгнанникамъ, Папа разсчитывалъ,
что за *права ихъ на Византію* дорого можетъ
ему заплашить щеславіе людское. Въ самомъ
дѣлѣ, руки Софій пребывали у него многіе же-
ники знаменитые: Папа рѣшился предложить
ее властителя Русскихъ земель. Вѣроятно,
онъ слышалъ уже о новомъ Князѣ Русскомъ,
понималъ изъ дѣлъ умъ и характеръ Іоанна,
и надѣялся, не только имѣть его союзникомъ
прошивъ невѣрныхъ, но, можетъ быть, и опять
возобновить начатое *Исидоромъ*.

Іоаннъ былъ уже вдовъ съ 1467 года. Марія
Тверская внезапно скончалась, бывъ матерью
одного, старшаго, сына Іоаннова, названна-
го по имени отца. Іоаннъ находился тогда въ
отсутствіи, и возвращаясь въ Москву нашелъ

Марію уже въ могилѣ. Говорили, что она была отправлена; обвиняли въ злоумышленіи прислужницу ея Полуекшову, кошорая будшо-бы послала поясъ Книгини къ какой-то ворожеѣ. Іоаннъ не хотѣлъ разсказывать, и только велѣлъ Полуекшовой и мужу ея удалиться отъ Двора (428). Въ 1469 году, неожиданно пріѣхалъ изъ Италіи нѣкто Грекъ Юрій; съ нимъ прибыли два Италіянца, Карлъ и Антоній, братья одного Ишальянскаго художника, издавна поселившагося въ Москвѣ, и извѣснаго подъ именемъ Ивана *Фрязина*. Сей художникъ, пользовавшійся милостью Іоанна, извѣспилъ его о письмѣ отъ Папы, которое привезъ Юрій: Папа предлагалъ Русскому Великому Князю невѣсту, дочь послѣдняго Палеолога, увѣряя, что Софія отвергла уже многихъ жениховъ, не желая измѣнить своей православной вѣрѣ. Извѣстіе казалось важнымъ; но Іоаннъ хотѣлъ еще удостовериться въ красотѣ и достоинствѣ невѣсты. Ивана Фрязина назвали Посломъ и отправили въ Италію. Папа Павелъ II-й принялъ его съ почестью, и Фрязинъ, возвращаясь въ Москву, представилъ «икону, на которой написана была Царевна.» Тогда Іоаннъ

созвалъ Совѣшъ Священелей и Бояръ. Всѣ были рады; говорили, что Богъ посылаетъ Иоанну знаменитую невѣсту, отпразднуетъ корени отъ Кесаря Августа. Въ Январѣ 1472 года, Фрязинъ снова отправился въ Испанію, уже съ требованіемъ руки Софіиной, съ подарками Папѣ, и съ большою свитною. Павелъ II-й между тѣмъ скончался; преемникъ его, Сиксръ IV-й, созвалъ Соборъ, гдѣ прежде всего изъявлено было сомнѣніе о томъ: Христіанинъ-ли Русскій Князь? Согласились, что онъ, хоша и не прямой, однакожъ Христіанинъ, ибо Послы Русскіе были на Флоренсійскомъ Соборѣ. Въ тайныхъ переговорахъ, Фрязина спрашивали: согласенъ-ли будетъ Иоаннъ принять Флоренсійское соединеніе; можешь-ли онъ побудишь Орду идти на Турковъ; спашетъ-ли самъ помогаешь въ крестовомъ походѣ на нихъ? Фрязинъ отвѣчалъ, что Иоаннъ готовъ признаеть соединеніе Церквей и власеть Папы; что побужденіе Орды на войну опасно и невозможно; но несомнительно, что Иоаннъ готовъ сражаться съ невѣрными, и одной безчисленной силы Русскихъ доспашочно будетъ смиришь Турковъ. Удовольшивъ льстивыми словами честолюбивымъ надеждамъ Лапинскаго первосвященника, хитрый Посолъ получилъ согласіе Папы, самой невѣсты, брашьева ея, и 1-го Іюня 1472 г. совершено было обрученіе въ старой церкви Св.

Петра. Юня 24-го Софія выѣхала изъ Рима. Ее сопровождали Легашъ Папскій, Послы ея брашьей и многіе Греки; 21 Сентября, изъ Любека, моремъ, Софія прибыла въ Ревель, и встрѣчена была великолѣпно Рыцарями. На границѣ Псковской ее ожидали Посадники, Бояре Псковскіе, привѣтствовали съ кубками въ рукахъ, и ударили ей челомъ; по дорогѣ до Москвы, всюду встрѣчи и челобитья означали поѣздку будущей повелишельницы Руси. Только въ Москвѣ встрѣтилось затрудненіе важное. Долго думали о томъ: должно-ли Легашу Римскому отдавать почести, какъ знамениноюй духовной особѣ, и позволишь-ли ему везти передъ собою *Латинскій кржъ*, которій до Москвы везли передъ нимъ въ ошкрытыхъ саняхъ? «Нѣтъ!» говорилъ Митрополишь — «не должно, и если вы окажете почести кржю и Латинской ереси, то пусть Легашъ Римскій въѣдетъ въ одни ворота Москвы—я, духовный отецъ вашъ, выѣду въ другія!» Бояринъ посланъ былъ къ Легашу, взялъ кржъ, спрашалъ его въ сани, и объявилъ Легашу, что онъ долженъ авишься въ Москву не какъ важная духовная особа, но просно, какъ посланникъ Папы. Легашъ спорилъ; дѣлать было нечего — онъ согласился, хотя и видѣлъ, что все, въ чемъ увѣрили ихъ въ Римѣ, была одна только хипрость. Онъ не смѣлъ говорить о соединеніи Церквей и о кре-

сповомъ походѣ, ибо ему сказали рѣшишельно, что Русскіе Богословы легко могутъ доказатьъ ему заблужденіе Лашиновъ, а второе зависить отъ обстоятельствъ, и будетъ обдуманно вполнѣдствіи. Легатъ вручилъ громкую грамаху Папы Іоанну, и удовольствовался ласкою и подарками. Ноября 12-го, Софія прибыла въ Москву; въ шопъ-же день великолѣпно совершена была свадьба, по всѣмъ обрядамъ Православной Церкви, ибо Софія, съ самаго пріѣзда въ Русь, объявила себя ревностною поборницею православія, и гордо обходилась съ своими соупниками, какъ будущая супруга сильнаго Монарха. Легатъ возвратился въ Римъ, и извѣстилъ Папу, что Софія обманула всѣ ихъ ожиданія, и новая попышка обратити къ покорности Сѣверныхъ варваровъ оказалась неудачною. Съ обѣихъ споронъ, вскорѣ забыли о соединеніи Флорентійскомъ и о крестовыхъ походахъ на Ошшомановъ (429).

---

(429) Западныя извѣстія о супружествѣ Іоанна и Софіи, у Райнальда, *Ann. Eccl.* 1470, 1471 гг.— Русскія извѣстія говорятъ, что Легата *оспорили* въ Москвѣ Русскіе духовные сановники, и что онъ опоздался наконецъ отъ спора неимѣніемъ книгъ. Настоящее имя Софіи было *Зенаида*. См. *Лѣтоп. Стр., Костр., Львова* (т. III, стр. 29). Отдѣльное, подробное описаніе пріѣзда Софіи въ Русь, и переговоровъ по сему случаю, въ *Пред. Висліовики*, т. III, стр. 48—66.

Укропивъ Казань , покоривъ Новгородъ , помѣрявшись силами съ Ордою , Іоаннъ не переславалъ обращашъ вниманіе на Казиміра и Монголовъ. Ни слова не было говорено съ Королемъ Польскимъ о томъ , что Новгородъ покорялся ему , и что Іоаннъ успѣлъ ошнать у Польши сію богашую добычу ; шакже и о томъ , что нашеспвіе Ордынцевъ было слѣдспвіемъ происковъ Казиміра. Съ обѣихъ споронъ соблюдали миръ , спарались прекрашпшь прамые поводы къ войнѣ , пересылали посланниковъ ; но что у Казиміра было слѣдспвіемъ безпечности , и шого , что онъ былъ заняшъ совсѣмъ другими дѣлами въ Польшѣ , шо у Іоанна оказалось дѣломъ полишки дальновидной (430). Онъ вскорѣ успѣлъ пріобрѣсшь себѣ неупомимаго , вѣрнаго союзника , поснавилъ его гибельнымъ врагомъ Польши , сдѣлавъ въ шуже время губишелемъ Золошой Орды , и съ надеждою побѣды могъ уже осмѣлпшь на униженіе государстваша Вишовшова и Ягеллова. Сей новый союзникъ Іоанна былъ *Крымскій Ханъ Менгли-Гирей*.

---

(430) Карамзинъ , ш. VI , прим. 118 , 119. Въ 1473 г. доходило до бишвъ между Рускими и Липовцами , при чемъ Рускіе ограбили Любушскъ , а Липовцы убили въ сраженіи Князя Симеона Одоевскаго.

Хаджи-Гирей, почищаемый родоначальникомъ Крымскихъ Хановъ, умеръ вскорѣ послѣ бѣшвы своей съ Ахмапомъ въ 1465 году. Послѣ него оспалось шестъ, или восемь сыновей. Спаршій, *Нордулашъ*, занялъ мѣсто ошца, и былъ низвергнутъ среднимъ братамъ своимъ *Менгли-Гиреемъ*. Нордулашъ бѣжалъ въ Литву, и искалъ покровишельства Казимірова, которій поступилъ чрезвычайно неосторожно: обласкалъ Нордулаша и общалъ ему помощь. Отсюда начало вражды Менгли-Гирея прошивъ Польши. Іоаннъ свѣдалъ о событіяхъ въ Крыму, и началъ искать дружбы новаго Хана. Жидъ Хозя-Кокосъ былъ первымъ посредникомъ между имъ и Крымомъ. Менгли-Гирей радъ былъ дружбѣ Іоанна, и прислалъ къ нему грамашу съ шуриномъ Кокоса; Іоаннъ немедленно опвѣщствовалъ, съ полмачемъ Иванчею, и Ази-Баба, Посоль Менгли-Гирея, въ 1473 г. въ Москвѣ ушвердилъ первый дружескій, оборонительный договоръ съ Крымомъ. Бояринъ Беклемишевъ поѣхалъ въ Крымъ съ соболями для подарковъ Хану и его вельможамъ, условился о ежегодныхъ *поминкахъ* или подаркахъ, но не могъ уговорить Менгли-Гирея на войну прошивъ Польши; Ханъ согласился на войну только прошивъ общаго врага Руси и Крыма — *Золотой Орды*. Беклемишевъ возвратился съ новымъ Посломъ, Ханскимъ, и съ слѣдующею князвенною записью:

«Вышняго Бога волею, я Царь Менгли-Гирей взялъ любовь, брашство и вѣчный миръ съ брашномъ своимъ Великимъ Княземъ Иваномъ. Ошъ дѣшей и на внучашъ бышъ намъ вездѣ за одинъ, другу другомъ, недругу недругомъ: Мнѣ Менгли-Гирею швоей земли, и пѣхъ Князей, которые на тебя смошряшъ, не воевашъ, ни моимъ Уланамъ, ни Князьямъ, ни *Казакамъ*; а безъ нашего вѣданія повоююшъ, намъ ихъ казнишъ, а взяшое и головы людскія безъ окупа опдашъ. Пошлинъ между нами никакихъ нѣшъ, и послы наши ходяшъ безъ пошлинъ. Во всемъ помъ, я Менгли-Гирей, съ моими Уланами и съ Князьями пѣбѣ брашу Ивану, молва крѣпкое слово, кляпву (шерпъ) даль, жиць по сему ярлыку.»

Иоаннъ опсправилъ въ Крымъ Боярина Спаркова, съ новыми подарками и подробными наспавленіями. Лѣспя самолюбію Менгли-Гирея, онъ правилъ ему *телобитѣя*, называлъ его *Царемъ*, хошя Ханъ писалъ къ нему пошько *поклонъ*, и иногда: *много, много поклонъ*, называя его *Великимъ Княземъ* (431).

---

(431) *Дѣла Крымскія*, въ Архивѣ Колл. Иностраннѣ (Карамзинъ, ш. VI, прим. 122, 124). О началѣ Крымской Ордѣ, см. выше, стр. 336. Г-нъ Шар-

Но дружески сносясь съ Менгли-Гиреемъ, Иоаннъ думалъ и о другомъ. Онъ принялъ къ себѣ Казанскаго Царевича Муршозу, и далъ ему во владѣніе Новгородъ Рязанскій; принялъ также и врага Менгли-Гиреева Зенебека, увѣривъ Менгли-Гирея, что дѣлаешь это для его безопасности. Иоаннъ не прекращалъ сношеній и съ Золошою Ордою, даже изъявлялъ покорность Хану сей Орды. Ему хотѣлось уничтожить Тапарское подворье въ Кремлѣ, гдѣ жили пріѣзжавшіе въ Москву Послы Ордынскіе: Софія писала *отъ себя* къ женѣ Ханской, послала ей подарки, увѣряла, что какой-то чудесный сонъ видѣлся ей, вслѣдствіе котораго надобно выстроить на семь мѣсцѣй церковь. Ханъ согласился. На мѣсцѣхъ подворья выстроили церковь Николая *Гостунскаго* (432). Послы въ Крымъ должны были дарить и ласкать Хозю-Кокоса, и переговаривать съ Мангупскимъ Княземъ, который выдалъ дочь свою за сына Иоаннова. «Бояринъ Никиша дѣвку видѣлъ,» писалъ Иоаннъ, въ наставленіи Посламъ,

---

муа (въ своей брошюркѣ: *Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'Hist. de Russie*) называетъ Менгли-Гирея *Менгели* (Mènguély), брата его Айда-ра, *Гайдеръ* (Haïdèr).

(432) Герберштейнъ, R. M. стр. 8.

« полько надобно узнать: велика-ли взяпка за дѣвкой, на сколько тысячъ золотыхъ. » Въ 1474 г. въ Золотой Ордѣ находился Посломъ Басенковъ; отъ Хана былъ въ Москвѣ Посолъ Карачукъ, съ большимъ шабуномъ продажныхъ лошадей (433).

Предоспорожностіи Іоанновы вскорѣ оправдались. Братъ Менгли-Гирея, Айдаръ, напалъ на него нечаянно, и заставилъ его бѣжать; Менгли-Гирей укрылся у Генуэзцевъ въ Кафѣ, и вскорѣ попалъ въ плѣнъ къ Султану. Призванный врагами Генуи, Турецкій флотъ осадилъ Кафу (въ 1475 г.), взялъ ее, и жители Кафинскіе, а вмѣстѣ съ ними и Менгли-Гирей, увезены были въ Царьградъ (434). Это послужило однакожъ къ счастью бѣднаго Хана: Султанъ полюбилъ его, велѣлъ ему признавать власть Опшоманскую, и отправилъ его снова владѣть Крымомъ. Но бѣдствія Менгли-Гирея еще

(433) *Мангупъ*, далѣе за Бахчисараемъ на югъ, въ Крыму (см. *Пут. по Тавридѣ*, И. М. Мур. Апост., стр. 182). Князя Мангупскаго Рускіе звали *Исайкою*. О переговорахъ Іоанна, *Крымскія дѣла* (Кар. т. VI, прим. 125).

(434) *Архивск. Лѣт.* (Кар. т. VI, прим. 127); *Пут. по Тавридѣ*, стр. 238.

не кончились. Ахмашъ уже ждалъ его съ своими Ордами, вступилъ въ Крымъ, и принудилъ Крымцевъ избрать въ Ханы Зенебека—можешь бышь, нарочно опущеннаго изъ Москвы въ это время Иоанномъ. По крайней мѣрѣ Зенебекъ, будучи Ханомъ Крымскимъ, смиренно относился къ Иоанну, какъ къ благодѣтелю своему, и чувствуя непрочнось своего владѣнства, просилъ дать ему приспанище въ Руси, если онъ лишится Ханства. Иоаннъ послалъ возобновить съ нимъ союзъ, заключенный при Менгли-Гирей, (только безъ пошлины) и велѣлъ сказать Зенебеку: «Я былъ тебѣ другомъ, когда ты скипался бездомнымъ Казакомъ, и спрашивалъ меня: дамъ-ли я мѣсто отдохнушь коню своему, если онъ упрядишься ѣзда по полямъ; буду другомъ твоимъ всегда.» — «Ты видишь власнь мою» — говорилъ Иоанну Ахмашъ, черезъ Посла своего, послѣ завоеванія Крыма, «видишь, что я все дѣлаю, что захочу. Не надѣйся на Крымъ; иди и преклонись предо мною въ Ордѣ моей!» Иоаннъ не оказалъ гнѣва за гордыя слова, отвѣчалъ ласково, и отправилъ Посла хитрымъ съ Ахмашомъ, и вскорѣ переминая обстоятельство дала Иоанну средства совершить предпріятіе важное. Менгли-Гирей изгналъ Зенебека, снова овладѣлъ Крымомъ, и извѣспилъ объ этомъ Иоанна. Зенебекъ бѣжалъ въ Русь; Иоаннъ умѣлъ

переманишь къ себѣ изъ Литвы Нордулаша и Айдара, держалъ ихъ въ почетномъ плѣну, и спѣшилъ хвалиться этимъ передъ Менгли-Гиреемъ. «Держу, берегу враговъ своихъ, и ты безопасенъ; заключимъ-же договоръ, какъ старые друзья: ты войи Литву и опвлечи Казимира, а я управляю съ Ахмашомъ, злодѣемъ своимъ.» Менгли-Гирей соглашался на все, клялся въ этомъ Послу Иоаннову, Боярину Звенду, и тайно принялъ отъ него особенную грамоту, съ золотою печатью: сею грамотою Иоаннъ обѣщаль, если Менгли-Гирей опять уграбишь Крымъ, приняишь его къ себѣ, какъ друга, и способствовашь ему снова завоевашь Крымъ (435).

---

(435) Крымскія дѣла (Карамз. т. VI, прим. 130, 135, 207). Примѣры договоровъ Менгли-Гирея съ Иоанномъ, въ *Ист. Росс.* Щербатова, т. VI, ч. III, стр. 148. Ссылаясь на Исторію Риза-Эффенди, изд. въ Казани, въ 1832 г., Г-нъ Шармуа говоритъ, что не Айдаръ, а *Нури-Девлетъ* низвергъ Менгли-Гирея. Но не смѣшано-ли здѣсь низверженіе *Нордулата* братомъ его, съ изгнаніемъ Менгли-Гирея Ханомъ Ахмашомъ, ибо Риза называетъ Нури-Девлеша *братомъ Ахмата*? Такъ Риза явно ошибается, приписывая гибель Ахмаша (въ 1480 г.) Менгли-Гирею. Этому пропивопротивитъ дипломатическія сношенія Иоанна съ Крымомъ и Ногаями, и имъ должно вѣрнѣе, нежели напыщенной Лѣтописи Риза-Эффенди.

Наспало рѣшительное время. Судьба Золотой Орды подожена была на вѣсм судебъ. Послы Ахмашовы горделиво явились въ Москвѣ; Иоаннъ изорвалъ *Басму* Ханскую, прогнавъ ихъ съ безчестіемъ, и велѣлъ сказать Ахмашу, чшобы онъ не смѣлъ посылать къ нему никого (436). Ахмашъ изумился, не помнилъ себя отъ ярости, велѣлъ собрать войско, клялся не оставишь слѣдовъ Иоанна, переслался съ Липвою, и въ 1480-мъ году собралъ все, что могъ собрать, оставивъ беззащитными свои Волжскіе улусы. Казиміръ обѣщавъ помогать Ахмашу; лѣшомъ Ахмашъ выпушилъ съ береговъ Волги — наказавъ дерзкаго Князя Московскаго.

Тогда открылась вся дѣятельность ума Ио-

(436) Чпѣ такое: *басма*? * Изображеніе Хана, * по словамъ Карамзина, отъ слова: *басмакѣ*, значащаго *тисненіе*, *изображеніе*, *снимокѣ*; но не *грамматъ*, и не *печатъ*, ибо первая называлась *ярлыкѣ*, а вторая *нишанѣ*. Не повпоряемъ сказки Хилкова, будто Великіе Князья должны были воспрѣчать Пословъ Хана *памъ*, гдѣ нынѣ въ Москвѣ церковь *Спаса на Болванокѣ*, получившая будто-бы имя отъ того, что на этомъ мѣстѣ, при воспрѣчѣ Пословъ, кланялись *болвану* Ханскому, привозимому изъ Орды (Кар. п. II, прим. 131 и 208).—Слово: *басма*, сохранилось въ наименованіи *Басманной* улицы въ Москвѣ. Извѣстна также фамилія *Басмановыхѣ*.

аннова и обширная его полишика. Крымъ закипѣлъ рапшиками; сильныя полны Менгли-Гиреевы ворвались въ Подолію. Казимиру нѣкогда уже было послѣ сего помогашъ Ахмашу. Нордулантъ, съ Русскими и Ташарскими дружинами, и съ воеводою Ноздровашиимъ, поплылъ по Волгѣ опустошашъ Ахмашовы улусы. Объемля все возможные способы дѣйствій, еще прежде, въ 1474 году, Іоаннъ отправилъ Посла своего даже къ Шаху Персидскому, убѣдая его помогашъ въ войнѣ противъ Волжской Орды. Тѣмъ ревностнѣе сносился Іоаннъ съ Ордами Ногайскими, попомками Эдигеева Заяицкаго царства, ненавидѣвшими Ахмаша. Ногаи выступили немедленно, когда узнали о походѣ Хана Золошой Орды.

Такъ глубоко сообразилъ Іоаннъ свои предпріятія, хоша и былъ увѣренъ, что однѣхъ собственннхъ его силъ доспанешъ управишься съ Ордою. Ахмантъ велъ однакожь на Москву сильныя полчища. Надобно было противопоставишь имъ силу. Іоаннъ не хотѣлъ ничего дѣлать на удачу, даже давалъ опкрышой бишвы безъ предварительной увѣренности въ успѣхѣ. Онъ умѣлъ возбудишь въ своихъ подданныхъ горячую ревность воинскую. Юный сынъ его, воеводы, войско, жители Москвы думали, что настало время Донскаго, и, какъ тогда, только храброспъ и счасіе должны рѣшишь борьбу; они

видѣли въ походѣ Ахматовомъ. Нашествіе, подобное Мамаеву. Всѣ горѣли неперипѣиємъ лечь жоспъми за: православную вѣру, и всѣхъ ревностнѣе дѣйствовало Духовенство, не щадя пособій, словъ, моливъ; оно благословляло, убѣждало: иди сражайся съ погаными. Іоаннъ не выводилъ никого изъ заблужденія, думалъ иначе, но соглашался со всѣми. Іюня 8-го сынъ его выступилъ къ Серпухову; другіе воеводы заняли все шеченіе Оки до впаденія въ нея рѣки Угры. Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы 23-го Іюля, и остановился въ Коломнѣ. Неперпѣливо ждали въ Москвѣ извѣстія о побѣдѣ, о бившѣ великой; но время проходило; Рускіе ешояли по Окѣ и Угрѣ неподвижно, и—къ ужасу, къ изумленію Москвичей, Іоаннъ вдругъ возвратился въ Москву, велѣлъ съечь посады Московскіе, послалъ охранительныя дружины въ Переяславль, въ Дмитровъ, даже звалъ къ себѣ въ Москву сына своего и Князя Данила Холмскаго, знаменитѣйшаго изъ воеводъ. Уже и то не нравилось никому, что супруга и другіе дѣши Іоанна были отправлены въ дальній сѣверъ, и Софія, боясь неудачи въ битвахъ, поспѣшно ѣхала далѣе и далѣе, говоря, что поѣдетъ до самаго моря Окіана. Новыя распоряженія Іоанновы показывали, что онъ ждешъ набѣга Монголовъ на Москву и гошовишся къ осадѣ, слѣдственно: не надѣш-

ся успѣть! «Государь оставлешь войско, рѣшешь, не щадить насъ, спасаешь только себя и дѣшей, не смѣешь спастъ противъ врага!» Такъ кричали Москвитяне. Иоаннъ далъ имъ волю говорить; не поѣхалъ въ Кремль, остановился въ Красномъ селѣ, сказалъ, что прїѣхалъ въ Москву видѣться съ матерью, и посоветовался съ Священными и Боярами. «Нечего намъ совѣтовать — надобно сражаться!» отвѣчали ему всѣ. Горяче другихъ спорилъ Вассіанъ, Архіепископъ Ростовскій. Онъ называлъ Иоанна *бѣгуномъ*, и грозилъ, что на него падетъ кровь, какою прольютъ Ташары. «Неужели смерти боишься?» восклицалъ Вассіанъ; — «но человекъ не безсмертенъ, и рока своего не преидетъ ни человекъ, ни звѣрь, ни птица! Я спаръ и дряхлъ, но дай мнѣ войска свои — я пойду, усмирю себя, не отвращу лица моего отъ враговъ!» Негодуя на Иоанна, народъ кричалъ, что въ казну собирали съ нихъ на дань Ташарскую, какъ прежде, но Великій Князь кормствовалъ эшимъ, не платилъ дани, разгнѣвалъ Царя, и теперь рѣшешь и бѣгаешь отъ него. Всѣ хвалили поступокъ Холмскаго, который смѣло отвѣчалъ Иоанну на призывъ его въ Москву: «Волей найду отъ войска!» Пылкій юноша, сынъ Иоанна, также велѣлъ сказать отцу: «Лучше умру здѣсь, но въ Москву не поѣду!» Между тѣмъ Иоаннъ

спокойно распорядился въ Москвѣ, кончилъ опасную ссору съ брашьями Андреемъ спаршимъ и Борисомъ, и 3-го Окпября снова ошправился изъ Москвы, прямо на берега Угры.

Туда, еще съ лѣша, придвинулись всѣ силы Ахмаша; но узнавъ, что берега Оки заняшы Русскимъ войскомъ, Ахмашъ двигался далѣе къ западу отъ Оки къ Угрѣ, вошелъ наконецъ во владѣнія Липовскія, звалъ Казимира, не смѣлъ переправляшьяся ни черезъ Оку, ни черезъ Угру, и бездѣйшвовалъ. Лѣшо прошло, наступила осень; Монголы обносились, были голодны, шерпѣли отъ холода; Окпября 8-го они начинали бипву, пуская черезъ Угру спрѣлы; имъ опвѣшшвовали изъ пищалей, и Ахмашъ прекрашилъ дѣйствія, опять оспановился, велѣлъ собирашь припасы. Иоаннъ пріѣхалъ въ эшо время къ войску, и, не уважая негодованія общаго, началъ переговоры съ Ханомъ, спалъ просишь у него мира, длишь время. «Пусть придетъ онъ самъ,» говорилъ Ахмашъ, ободрясь, возгордясь снова, и думая, что Иоаннъ въ самомъ дѣлѣ испугался — «пусть спанешъ у моего спремени и молишь о милоспи!» Иоаннъ не соглашался; Ахмашъ спановился сговорчивѣе; упрекалъ, что уже *девять лѣтъ* не плашашъ ему дани, соглашался на миръ,

если отдадутъ ее за всѣ сіи годы, и хопа не самъ Іоаннъ, но сынъ его придетъ поклониться, или брань, даже кѣкой нибудь знапный всльможа — соглашался наконецъ, чтобы прислали къ нему Басенкова, который уещалъ его посулами въ 1475 году. Іоаннъ прекратилъ переговоры и замолчалъ. Ахмашъ еще разъ хопѣлъ пробраться черезъ Оку подъ Опакowymъ Городищемъ; оипаь Монголовъ опбили. Окпярбрь миновался; морозы усилились; Ахмашъ былъ въ опчаянїи, слышалъ, что Крымъ раззоряетъ Лишву, и Казиміру не до помощи. Онъ самъ началъ прешашъ каждого движенія Русскихъ дружинъ, помышлялъ о походѣ обратномъ, но еще медлилъ въ нерѣшимельности.

Извѣстія о предложенїи мира и покорности Монголамъ привели Москву въ ужасное негодованіе. Духовенство опправило къ Іоанну Пословъ. Вассіанъ написалъ длинное посланіе, заклиналъ не слушашься совѣта лукавыхъ льстпцовъ, не спрашипья силы Ахмашовой, надѣяпья на Бога и заступленіе Богоматери и Свяпныхъ, молилъ Іоанна вспомнпть о кляпвѣ своей, приводилъ примѣры изъ Русской Испорїи, тексты Священнаго Писанія, даже слова философа Демокрита, который весьма мудро говаривалъ, что Князю надобно имѣпть въ дѣлахъ умъ, прошивъ непрїателей

храбросць, а къ своей дружинѣ привѣсть и любовь.

Іоаннъ прочиталъ посланіе, и — приказалъ опспушитъ отъ береговъ Угры, кошорую многіе называли *поясомъ Богородицы, охраняющимъ землю Русскую*. Угра уже покрылась льдомъ. Іоаннъ велѣлъ сбираться всѣмъ войскамъ къ Боровску, надѣясь, что Ахматъ бросится за опспуающими; тамъ, на Боровскихъ равнинахъ, Іоаннъ хотѣлъ сражаться. Но Ахматъ былъ побѣжденъ безъ битвы. Видя послѣшное опспушеніе Рускихъ, онъ боялся, что его заманивають, обходятъ, и — Ноября 7-го послѣшно бросился отъ береговъ Угры къ западу, не смѣя идши прямо во свояси, ибо онъ получилъ уже вѣсть о раззореніи приволжскихъ улусовъ Нордулапомъ, и движеніи Ногая на Волгу. Нордулатъ достигъ Сарайскихъ обипалищъ Хана, жегъ, грабилъ, полонилъ, не смотря на увѣщанія Монголовъ, говорившихъ ему: «Что ты дѣлаешь! Ты губишь родную мать свою, въ угожденіе Князю Московскому!» Дружины Нордулапа благополучно возвратились по Волгѣ; не встрѣпивъ даже никакого сопротивленія. Полчищъ Ахматша не оспалось слѣдовъ ни на Окѣ, ни на Угрѣ. Сынъ его Муршога осмѣлился было на успехъ напасъ на одинъ Русскій опрядъ, и бѣжалъ за опцомъ, слыша, что

прошивъ него ошвсюду двинулись полки Рускіе (437).

Съ шоржеспивомъ ворошились дружины Іоанновы ; въ благодареніе Богу за походъ 1480 года успановили на вѣки совершашъ крестный ходъ въ Срѣшенскій монастырь, въ 23-е Іюня — день высшупленія прошивъ Ахмапа. Благодаря Менгле-Гирея за помощь, Іоаннъ извѣщаль его, съ Посломъ Скрыбою, о шоржеспивѣ своемъ и погибели Хана Золошой Орды, общаго ихъ врага. Въ самомъ дѣлѣ, исполненный Іоанномъ, съ голодными, разсѣявшимися на обратномъ походѣ шолпами, Ахмапъ въ бѣшенствѣ грабилъ Лишовскія земли, по которымъ шель, и доспигнувъ Дона, хощѣлъ зимовашъ на берегахъ его. Ногаи ждали его шамъ ; напали на него ночью, убили самого Ахмапа, взяли его женъ, обозъ, дѣпей, и совершенно истребили ошальныхъ воиновъ его. « Мнѣ счастье Богъ далъ, » велѣлъ сказашъ Іоанну, черезъ Посла своего, Ивакъ, Ханъ Шейбанскихъ улусовъ, соединенныхъ съ Ногами — « я убилъ Темиръ-Куплуева потомка, и Саинскій спуль его взялъ. » Іоаннъ благода-

---

(437) Казанскій Лѣт. , глава X ; Львова Лѣт. т. III, стр. 139 — 173 ; Стр. Лѣт. т. II, стр. 206 — 221 ; Арх. Лѣт. , стр. 156—157 ; Тип. стр. 298 — 301, и Костр. Лѣт. т. II, 129—136.

рилъ Ивака , послалъ къ нему , и другимъ Ногаймъ , подарки , и началъ съ ними дружескія сношенія (438).

Современники не поняли мудрой , изумительной полиптики Іоанна ; не видали битвъ , и думали , что Іоаннъ явно робѣлъ , протспоявъ безъ дѣйствія все лѣто и осень , и не думая сражаться. Они называли даже опспу-пленіе Іоанна къ Боровску бѣгспвомъ опъ лица враговъ , и жаловались , что супруга Іоаннова не только бѣжала опъ спраха Тамарскаго , но и не унимала Боярскихъ холопей , сопровождавшихъ ее и обижавшихъ жипелей. « Воздай Богъ по дѣламъ всякому , кто какъ дѣлалъ , а видно лучше любимъ мы женъ своихъ , нежели защищу Церкви православной , » говорятъ лѣтописцы. « Кто спасъ насъ опъ погпбеля ? Богъ и Пречислая Богомашерь его , да Угодники Божіи ; пишемъ мы сіе не въ укоръ , но только ради того , что не долженъ никто хвалиться , несмысленный , и въ безуміи своемъ говорпшь : мы оружіемъ своимъ спасли землю Русскую ! Умолкните , безумные ; успыдпшесь , и воздайте лучше хвалу Богу Спасптелю ! » Болѣе всѣхъ заслужилъ похвалу со-

---

(438) Дѣла Ногайскія , въ Архивѣ Колл. Иностранн. Дѣлъ (Карамз. т. VI , прим. 243).

временниковъ вѣлѣрѣчивый Вассіанъ. Его посланіе списывали, почитая образцомъ краснорѣчія и ревности православной. Помощство судишь безпристрастнѣе (439).

Дѣйствіями Іоанна на вѣки исчезла Золошая Сарайская Орда. Не взялиемъ Казани при Іоаннѣ Грозномъ, но усмиреніемъ ея въ 1469 году, и походомъ на Угру въ 1480 г. положенъ былъ предѣлъ власши Ордынцевъ—исчезли дани, исчезъ и запусылъ Сарай! Осшашки Ахмашовой Орды удалились, съ сыновьями его, далѣе къ

(439) Посланіе Вассіана помѣщено въ многихъ спискахъ Лѣтописей (см. *Стр., Львов.*); мнѣніе современниковъ о дѣлахъ Іоанна видно изъ Лѣтописей, которыя сказываютъ даже имена *маушниковъ* Іоанновыхъ, совѣтами своими поселявшихъ будпо-бы робоснъ въ душѣ его, эпо были: «Иванъ Васильевичъ Ощера и Григорій Андреевичъ Мамонъ, его-же маперъ Князь Иванъ Андреевичъ Можайскій за волшебство сжегъ» (см. выше, стр. 368). — За шѣмъ слѣдуептъ брань и проклятіе на нихъ. Лѣтописи говорятъ о *братяхъ*, и сынѣ Іоанновомъ съ болъшею похвалою, нежели о немъ самомъ; Софія, за свое бѣгство въ сѣверную Русь, такъже подвергалась спрогому осужденію современниковъ. Удивительно, что Карамзинъ увлекся всѣмъ эшимъ, не разгадалъ вполне великаго подвига Іоаннова, расхвалилъ фигурное посланіе Вассіана, и многое представилъ совсѣмъ превратно (слич. *Ист. Г. Р. т. VI, стр. 146—164*).

Каспійскому морю, и основались въ Аспрахани. Еще нѣсколько лѣтъ дѣши Ахмаша назывались *Ордынскими Ханами*, замыслили вредить Крыму, завѣзжали даже за Днѣпръ, кипались по южнымъ обласнямъ Украйны. Но они были вездѣ преслѣдуемы, испребляемы; упрасили попомъ самое названіе Ордынскихъ, принявъ имя *Астраханскихъ Хановъ*. Ногаи разселились по обѣимъ сторонамъ Аспрахани, называя кочевья свои отъ Бузулука къ Аральскому озеру *Большими*, отъ Кавказскихъ горъ къ Кубѣ, Манычу, Азовскому и Черному морямъ, *Малыми Ногаями* (440).

---

(440) Книга большому чертежу, стр. 93 и 229. — Вотъ общее исчисленіе событій, послѣ 1480 г., касательно *остатковъ Золотой Орды*: въ 1485 г., бѣдствуя отъ жестокаго холода и недоспаивковъ, Муршоза, сынъ Ахмаша, напалъ на Крымъ, былъ разбитъ и полоненъ; въ 1486 г. братъ его, Темиръ, дѣйствовалъ удачнѣе и освободилъ Муршозу; Іоаннъ посылалъ въ это время войско на помощь Крымцамъ. Въ 1487 г. Муршоза опдохнулъ, и вздумалъ горделиво претовашъ отъ Іоанна выдачи Нордулапа, намѣреваясь объявить его Ханомъ Крымскимъ. « Велика-бы и счастлива была держава наша до впораго Мугаммедова пришествія, » писалъ тогда Муршоза къ Нордулапу, « если-бы предки наши о кости, да о лодыжномъ мозгѣ не поссорились, и за юрщъ свой не разбранились;

Но , когда великое дѣло испребленія Ордынцевъ занимало Іоанна , онъ не оспалялъ другихъ великихъ предпріятій. Таковы были : завоеваніе Перми; совершенное уничтоженіе вольности Новгородской ; испребленіе удѣловъ. Вездѣ видимъ одинаково оспорожное мужеспво и свѣшлый умъ Іоанна , превышавшій современниковъ , спавившій его выше робкаго мнѣнія и малодушнаго ропоса людей , не понимавшихъ дѣлъ и мудроспи Іоанновой.

много было между ними лиха и нелюбви, но пѣперь, да попекушъ молокомъ попоки крови , и да запухнепъ огонь брани нашей опъ воды любви.» За пѣмъ онъ посылаъ Нордулапу *тжельый* поклонъ съ *лескылъ* поминкомъ. Менгли-Гирей пакъ испугался сихъ предпріятій Мурпозы , что добровольно хопѣлъ опдапъ Нордулапу половину Крыма ; Іоаннъ образумилъ Хана своими совѣтами. — Послѣ сего , ежегодно нападали Ордынцы на Крымъ , и въ 1490 г. въ жестпокомъ сраженіи , бывшемъ между ними и Крымцами , убипъ другой брапъ Мурпозы , Эдигей; нападеніе ихъ въ 1491 году опвращено было помощнымъ войскомъ , посланнымъ опъ Іоанна къ Донцу. Во время Липовской войны , 1501 г. , Менгли-Гирей упорно преслѣдовалъ Ордынцевъ , двинувшихся на помощь Александру , не велѣлъ даже Крымцамъ своимъ цѣлый годъ занимапъся пашнею , гнался за полпами враговъ до успья Тихой Сосны. Онъ просилъ у Іоанна *запасовѣ* (оружія) и нушекъ (впрочемъ , только « славы дѣля , имя-бм

На другой годъ послѣ похода на Новгородъ, Иоаннъ отправилъ войско покорить сѣверныя Закамскія. Еще въ 1465 г. Устюжане воевали въ Югорской землѣ, брали въ плѣнъ шамошнихъ Князей,

швое было»). Ордынцы не смѣли воропиться домой, ибо Ногаи и Казанцы ждали ихъ шамъ, безжалостно раззоря ихъ улусы. Они бросились къ Рвльску, были прогнаны, и зазимовали близъ успья рѣки Сейма. Здѣсь, осенью, Крымцы выжгли кругомъ ихъ степи; Ордынцы гибли, бѣжали, передавались Рускимъ и Крымцамъ, а весною 1502 г. Менгли-Гирей перерѣзалъ остальныхъ. Имя Золотой Орды съ тѣхъ поръ не поминалось болѣе. «Радуйся добрымъ вѣспямъ», писалъ Менгли-Гирей къ Иоанну, въ Юнѣ 1502 года. Любимая жена погдашняго Хана Ордынскаго, Шихъ-Ахмапа, еще зимою бѣжала въ Крымъ. Самъ онъ, съ брашьями Хозякомъ и Халекомъ, бросился въ Царьградъ, но Сулпанъ не пустилъ ихъ въ Турцію, и бѣглецы укрылись въ Липвѣ. Здѣсь они были, по чести, какъ Цари, когда надобно было спращать Крымскаго Хана, по заключаемы въ темницы при новомъ дружескомъ договорѣ съ Крымомъ. «Ты вызвалъ меня на бипвы», говорилъ Шихъ-Ахмапъ Королю Польскому на Пюпрковскомъ Сеймѣ 1504 года, «предалъ врагамъ, и шеперь темница удѣлъ мой, когда я пришелъ искашь у тебя убѣжища. Еспь Богъ, и онъ разсудитъ насъ!» — Шихъ-Ахмапъ умеръ въ Ковно, послѣ 1505 года (Карамзинъ, т. VI, стр. 172, 187, 206, 308 и прим. 271, 272, 306, 374, 375, 520 — 530).

и приводили ихъ подъ власть Іоанна. Походъ 1472 г. произведенъ былъ подъ начальствомъ Князя Пестраго; онъ взялъ Пермскіе города Искоръ, Чердынъ, Уросъ, заложилъ крѣпость на рѣкѣ Колвѣ, собралъ дань; Пермскіе Князья челобитпировали Іоанну. Впослѣдствіи, походы Князя Θεодора Курбскаго (въ 1483 г.) и Князя Симеона Курбскаго (въ 1499 г.) подчинили Іоанну самые опдаленные народы Сибирскаго сѣвера, дополъ извѣстные по баснословнымъ рассказамъ. Высокій *Каменный полъ* не защишилъ дикарей, богатыхъ мѣхами и драгоценными металлами. Современники едва вѣрили повѣствованіямъ бывшихъ въ походѣ, когда они говорили о чудныхъ людяхъ, которые заселяютъ далекую Югрію, вьдять на оленяхъ и собакахъ, живутъ за такими высокими горами, чпо вершины сихъ горъ скрываются въ облакахъ, а вокругъ ихъ пустыни простираются на многія тысячи верстъ (441).

---

(441) О походѣ 1465 г. *Арханг. Лвт.*, стр. 141, говоритъ: ходили охотники (хотячіе люди) съ Устюжаниномъ Скрябою. Походъ 1472 г. былъ «за неисправленіе» Пермиковъ, и Князь Пестрый захватилъ и прислалъ тогда въ Москву «грубниковъ.» Изъ нихъ, крещеный Князекъ Михаилъ былъ оппущенъ обратно

Послѣ событій 1474 года, только безразсудное ослѣпленіе могло еще заспаившь думашь, что Іоаннъ не былъ истиннымъ власницелемъ вѣча вольнаго Новгорода, и только отчаяніе могло внушшь мысль: еще защищашься силою противъ Москвы. Съ горделивою увѣренностью во всемъ эшомъ, Іоаннъ объявилъ въ 1475 году, что ѣдетъ въ Новгородъ, *исправить*

(Спр. Лѣт. II, 133; Карамз. III, VI, прим. 73). Добычу при семъ походѣ Рускихъ соспавляли соболи, *Нѣмецкія сукна*, разное оружіе. Сравн. еще Изслѣдованія Лерберга объ Югріи (спр. 10 и слѣд.) и походѣ 1483 года. Въ знакъ подданства, Пермскіе Князьки нили погда воду съ золотна, но, не смопря на цю, худо служили Іоанну и не брегли о Христіанской вѣрѣ, шакъ, что Миспрополипъ Симоѣ жестпоко укорялъ ихъ въ эшомъ (Исп. Г. Р. III, VI, прим. 73). Знаменитый походъ Князя С. Курбскаго былъ записанъ въ Разрядѣ. «Камени (горъ) въ облакахъ не видишь, а коли вѣпрено, ино облака раздираешъ; а длина его опъ моря до моря» (Исп. Г. Р. III, VI, прим. 462). Герберштейнъ лично зналъ С. Курбскаго въ Москвѣ, и слышалъ опъ него подробности (R. M. спр. 61). Черезъ великое проспраншво Рускіе шли на лыжахъ, и доходили въ сѣверо-воспокъ далѣ *Ляпина городка*, въ нынѣшнемъ Березовскомъ уѣздѣ. Съ 1505 года Пермскими землями управляли Намѣспники Московскіе; первымъ изъ нихъ былъ Князь Коверъ (*Арханг. Лѣт.*, спр. 177).

судъ и правду. Судъ его былъ понятенъ: желая привязать сердца Новгородцевъ, онъ не щадилъ сильныхъ, привыкшихъ не выимать голоса народному и обижающъ простолудиновъ безнаказанно. Сильныхъ людей хопѣлъ онъ уничижить, и могъ-ли не найдши вины, если шолько хопѣлъ находить ее! Съ самаго Торжка, куда Іоаннъ прибылъ Ноября 1 дня, начался судъ его, начались и торжественныя встрѣчи. Знашнѣйшіе сановники выѣзжали бить челомъ Іоанну; пупешествіе его отъ Торжка продолжалось три недѣли; за 90 верстъ отъ Новгорода, въ Рынѣ, на рѣкѣ Холовѣ, встрѣтили Іоанна Владыка Теофилъ, Князь Шуйскій-Гребенка, Посадники, Тысяцкіе, Архимандриты; поднесли ему дары — вино, мѣха. Іоаннъ казался милоспивымъ, но былъ мраченъ, ласкалъ и грозилъ. Онъ прожилъ нѣсколько дней на Городищѣ, гдѣ шумною шолпою спекались къ нему всѣ Новгородцы, и пировали у него Новгородскіе сановники. Ноября 23-го въѣхалъ Іоаннъ въ Новгородъ, встрѣченный съ крестами и иконами, *благоинно и умильно* слушаль литургію въ соборномъ храмѣ Св. Софіи, угощаль Владыку, и Ноября 26-го спали передъ нимъ на судъ обиженные—бѣдные Новгородцы, и обидчики—знашнѣйшіе Новгородскіе чиновники и Бояре. Іоаннъ гнѣвно обвинилъ перваго Новгородскаго Посадника Василя Ананьина;

попомъ сына Маремъ Борецкой Теодора ; наконецъ Богдана Есипова и Ивана Лошинскаго. Ихъ взяли и заковали въ цѣпи. Взяли и другихъ, но Иоаннъ оппустилъ ихъ на поруки и окупъ. Онъ прогналъ опъ лица своего Новгородца Ивана Аенасьева и сына его , сказавъ : « Знаю , что вы хошѣли опяшь опдашься Королю ! » Иванъ запрепепалъ и вышелъ ; его немедленно посадили подъ спражу. На другой день Владыка и Посадники осмѣлились просить , чтобы Иоаннъ смиловался , позволилъ взять Ананьина , Борецкаго и другихъ на поруки. « Можете-ли просить , шы , богомолецъ нашъ , и вы , опчина моя , Новгородцы ! за сихъ злодѣевъ ? » воскликнулъ Иоаннъ. « Не опъ нихъ-ли было и еспъ все лихо , и не за шо-ли велише вы мнѣ жаловашъ ихъ ! » Въ шошъ-же день несчастныхъ цѣнниковъ опсправили въ Москву ; за шо Иоаннъ просшилъ всѣхъ опсальныхъ , прекрапилъ судъ , объявилъ милосшь , и съ 6-го Декабря цѣлый мѣсяцъ продолжались обѣды , пиры , иногда до глубокой ночи , у Владыки , Князя Шуйскаго ; богатѣйшихъ Новгородцевъ , и у самого Иоанна ; ему подносили дары на каждомъ пирѣ—сукно , камни , рыбы зубы , кречешовъ , коней ; золотую посуду , деньги. Новгородъ особо ударилъ ему челомъ шысячью рублями. Посоль Шведскій нарочно прѣвзжалъ въ эшо время возобновишь миръ , коему испекъ срокъ. Словомъ :

Іоаннъ дѣйствоваль, какъ самовластный повелитель; успановиль сроки, когда должны прїѣзжать къ нему въ Москву для рѣшенія суднаго, безъ различія званій. Владыка Теофилъ явился первый въ Москву въ Маршѣ 1476 г., просить объ освобожденіи Ананьина, Лошнинскаго, Θεодора Борецкаго и другихъ. Іоаннъ угоспилъ Владыку и прїѣхавшихъ съ нимъ Новгородцевъ, но въ просьбѣ отказаль безъ возврата. Печально возвратились Новгородцы во свояси. Θεодоръ Борецкій не перенесъ горя: онъ поспригся въ Муромѣ, и умеръ тамъ въ Маѣ 1476 года (442).

Самовластіе Іоанна производило на Новгородцевъ различныя впечатлѣнія: одни, находя въ немъ выгоды, превозносили Великаго Князя; другіе негодовали, порицали его, думали, что онъ нарушаешь законы и права Новгородскіе, кляшвы и обѣщанія свои. «Этого не бывало опъ вѣка; что дѣлаешь Іоаннъ, шого не дѣлываль ни одинъ Великій Князь, какъ они учили бышь опъ Рурика и Владиміра!» говорили Новгородцы, все еще называя себя *вольнымъ*

---

(442) Карамз. т. VI, прим. 138 — 146; Спр. Лѣт. т. II, стр. 164 — 173.

городомъ , слыша звонъ вѣчеваго колокола , и собираясь на шумное народное судилище. Въ понятіи о волѣ Новгородской сливались еще мысли всѣхъ , какъ ни разлили Новгородцевъ во всемъ другомъ выгоды, расчеты и частныя отношенія. Надобно было сдѣлать послѣдній шагъ—разрушить самую мечшу о волѣ Новгородской. Иоаннъ рѣшилъ думу свою, и исполнилъ ее въ 1477 году, исполнилъ сурово, не изъявивъ никакого милосердія и состраданія къ покорности Новгородцевъ — шогательной жертвы полипики, шажкой, можетъ быть, сердцу самого Иоанна, но необходимой.

Зимою 1477 года пріѣхало въ Москву множество Новгородцевъ , прѣбывавъ суда и расправы. Посадники и монахины, бояре и поселяне, иные жаловались, иные опивѣчавъ на жалобы предспали предъ Иоанна. Въ Маршѣ явились наконецъ Назарій, Подвойскій, и Захарія, Дьякъ вѣча, и при множествѣ свидѣтелей ударивъ Иоанну челомъ, объявили, что *Новгородъ Великій молить его быти не Господиномъ, но Государемъ* своимъ. Требованіе было неопредѣленно; но Иоаннъ, какъ будио незная чего точно хотящъ Новгородцы, согласился на моленіе опчины своей, и послалъ двухъ Бояръ и Дьяка *покрѣпить* свою милость, и узнать подробно: *какого государства* хочеть опъ него Новгородъ? Послы яви-

лись на вѣчѣ, и казались изумленными, когда согласный голосъ Новгородцевъ объявилъ Назарія и Захарію лжецами, и всѣ закричали, что никогда Новгородъ ихъ не посмалъ, о государствѣ Іоанна не просилъ, и хочешь оспаться при своихъ прежнихъ правахъ. Послы совѣтовали Новгородцамъ одуматься, не раздражать Государя, размыслишь. Весь Май мѣсяць прошелъ въ шумныхъ волненіяхъ, крамолѣ и спорахъ. Мая 31 дошло до того, что на вѣче приволокли Новгородца Василія Никифорова, по оговору Посадника Овина, и убили его. Напрасно Никифоровъ клялся, что никогда не измѣнялъ вольному городу и не навелъ Іоанна на Государя своего Великій Новгородъ, и на брашію свою Новгородцевъ. Черезъ нѣскольکو дней, въ шумномъ спорѣ на дворѣ Архіепископа, былъ убитъ Посадникъ Овинъ съ брапомъ своимъ. Смяшеніе сдѣланое неописанное. Сообщники Борецкихъ возспали снова; слышны были голоса о новомъ подданствѣ Казиміру; многіе лучшіе люди бѣжали изъ Новгорода въ Москву; Новгородъ начали укрѣплять; послали за помощію во Псковъ. Но это былъ послѣдній, мгновенный порывъ Новгородской вольности! Вѣче смиренно ошвѣчало Іоанну черезъ Пословъ его: «Ты Господинъ нашъ, но не Государь. Хошимъ жить съ шобою по договору; суда швоего и Тиуновъ не хошимъ; двора Яро-

славова шебѣ не опдаемъ, и оспаемся при старинѣ.» Іоаннъ прослезился о безуміи Новгородцевъ, созвалъ Бояръ, Духовенство, Воеводъ, пригласилъ къ совѣту мать свою, Митрополиша, и объявилъ, что Новгородъ обезчестилъ его: присылалъ просить его *Государства*, попомъ ошрекся, и оставилъ его во лжецахъ; а теперь на вѣчѣ шерзающъ добрыхъ людей и мыслящъ опять передаться Липшѣ. По власпи, отъ Бога мнѣ данной — заключилъ Іоаннъ—я долженъ идти и укропшишь безуміе, да не взмщешъ съ меня Господь за гибель душъ Христіанскихъ, за поущеніе ихъ скверному Лапиншву.—Всѣ одобрили думу Іоанна; Митрополишъ благословилъ его; Іоаннъ объявилъ гнѣвъ свой Новгороду, велѣлъ собирать войску, ѣздилъ по монастырямъ, молился, давалъ вклады, и Сентября 30-го послалъ складную грамушу въ Новгородъ, гдѣ изъяснилъ свою обиду; Октября 9-го вышелъ изъ Москвы съ войскомъ — казнишь войною Новгородъ за его пресуупленіе.

Новгородъ былъ беззащитенъ. Уже давно прошелъ первый порывъ гнѣва и мужества; начатныя укрѣпленія были оставлены; войско не собиралось, войны не хотѣли, не смѣли начинать, и только посылали къ Іоанну, умоляя его: позволишь пріѣхать къ нему для переговоровъ Владыкѣ и Посламъ. Іоаннъ задержи-

валъ посылаемыхъ, шелъ съ войскомъ многочисленнымъ, съ лучшими воеводами, и Октября 19 остановился въ Торжкѣ, пребуя дружинъ ошъ Твери и Пскова. Безпрестанно приѣзжали къ нему между шѣмъ знашныя Новгородцы, били челомъ, и вступали въ его службу. Всѣ пупи къ Новгороду покрышы были войсками Іоанна. Только спавъ близъ Новгорода, Іоаннъ оппустилъ всѣхъ присланныхъ къ нему опъ вѣча, позволяя приѣхашъ Посламъ. Въ шоже время, онъ распорядилъ полки, и послалъ заняшь окрешности Новгорода, чтобы Новгородцы не выггли ихъ. Ноября 23-го, гъ Смышинѣ, предшали предъ Іоанна Владыка Теофилъ, Посадники, жишыя люди, купцы, и ударили челомъ. «Господинъ Государь Князь Великій Иванъ Васильевичъ, вся Русь!» говорилъ Теофилъ — «я, богомолецъ швой, Архимандриты, Игумены, Священники всѣхъ седми соборовъ Новгородскихъ, шебъ челомъ бьемъ. За что, господинъ, положилъ гнѣвъ на опчину свою Новгородъ? Мечъ и огонь ходяшь по Новгородской землѣ, льется кровь Христіанская — смилуйся пожалуй; уйми мечъ и огонь; опложи гнѣвъ; оппусти людей Новгородскихъ, и взяшыхъ побою Посадниковъ и Бояръ!» Іоаннъ оставилъ Владыку и пословъ обѣдашь съ собою, не опвѣчалъ имъ ничего, и на другой день велѣлъ спросить:

чего хопяшъ ошъ него Новгородцы? — Они соглашались плашшъ особо по 1000 рублей черезъ каждыя чешыре года, и дашь судъ Намѣшнику его, наравнѣ съ Посадникомъ; просили не пересуживашъ судовъ, не всшупашъся въ судъ владычній; жаловались на пришѣсненія, и заключили словами: «чшобы Государь пожаловаль, указаль своей опчинѣ, чшо ему Богъ на сердце положишь, какъ онъ свою опчину пожалуешъ; а въ чемъ будешъ можно, опчина его челомъ ему бьешъ.» Между шѣми войско Московское заняло всѣ окреспные монашыри Новгородскіе; Новгородъ спихъ; на вѣчѣ не шумѣли, но безмолвно ждали ошвѣша. Ноября 25-го данъ ошвѣшъ. Бояре проговорили Владыкѣ и Новгородцамъ пригошовленную рѣчь; упрекали ихъ въ неискренности; въ шомъ, чшо они во многомъ несправны, не опдающъ чести Государю, не говоряшъ ничего о посылкѣ Назара и Захаріи, и о шомъ, чшо впоследствии они *отперлись* ошъ сей посылки, и *сдѣлали* Государя *лжецомъ*, а шеперь *молятъ* его *объ измѣнникахъ и лихихъ людяхъ*. Прибавивъ множешво шекштовъ Св. Писанія, Бояре заключили, чшо если Новгородъ шочно хочешъ бшшъ челомъ Великому Князю, шо онъ *знаетъ*, какъ ему *бить* челомъ *должно*. Владыка просилъ времени для совѣша, просилъ и приставовъ проводить ихъ безопасно въ Новгородъ. Ю-

аннъ согласился на то и другое; но самъ по-
 дошелъ ближе къ Новгороду; полки приходили
 къ нему ошвсюду и безпреспанно; конечный
 срокъ сбора назначенъ былъ Декабря 11-го.
 Декабря 4-го опять явились Владыка и Послы,
 умоля сказать: что угодно ошъ нихъ Госу-
 дарю? Преній ошвѣштъ повшоренъ былъ ошъ
 Іоанна — упомянули о Назарѣ и Захаріи; о
 томъ, что Новгородъ безчестно ошперся ошъ
 своего слова, и если хочешъ шеперь просишь,
 то знаешъ, какъ просишь должно. Еще разъ
 уѣхали Владыка и Новгородцы, совѣшовались,
 думали, и съ горесшью явились на другой день
 къ Іоанну, ударили челомъ, повинились, что
 шочно Новгородъ посылалъ Назара и Захарію,
 пошомъ безсовѣшно ошперся, обезчестилъ Го-
 сударя, и шеперь молишь шолько сказать, чѣмъ
 Государь самъ, по Богѣ, пожалуешъ опчину
 свою, кошорая безусловно бешъ ему челомъ.
 «И шакъ, Владыка, и шы, моя опчина, Вели-
 кій Новгородъ» — велѣлъ ошвѣчашъ Іоаннъ —
 «если вы признаете себя виноватыми, и въ
 шѣхъ рѣчахъ, въ коихъ вы заперлись, сознае-
 шесь, спрашивая шолько: *какому Государству
 нашему бышъ на Новгородѣ? знайте: хопимъ
 мы, Великіе Князья, каково Государство у насъ
 на Москвѣ, таково да будетъ и въ Ногоро-
 дѣ!*» Іоаннъ далъ шри дня срока на рѣше-
 ніе, и не хощѣлъ прибавишь ни слова болѣе.

Пришли и послѣднія, Псковскія дружины, болѣе другихъ медлившія. Черезъ Волховъ навели опъ Городища мостъ. Казалось, что Іоаннъ гошовъ ринушь огонь и мечъ на Новгородъ, и—Декабря 7-го Новгородцы прислали предложіи нѣсколько условій, при совершенной покорности: судъ Посаднику съ Намѣспникомъ; опредѣленную подашь; въ пригородахъ Намѣспники Іоанна, но судъ по прежнему; увольненіе Новгородцевъ опъ воинской службы въ другихъ обласяхъ, кромѣ Новгородскихъ; наконецъ — оставленіе опчинъ по спаринѣ, кто чѣмъ владѣшь, и увольненіе опъ призыва на судъ въ Москву. Бояре понесли пребываніе Новгородцевъ къ Іоанну, и возвратились съ слѣдующимъ опвѣстомъ: «Били намъ челомъ, Великому Государю, шы, Владыка, богомолецъ нашъ, и вы, опчина наша, Великій Новгородъ, звали насъ *Государемъ*, ждали воли нашей, чѣмъ я васъ пожалую. Я сказалъ вамъ, что хочу бышь въ Новгородѣ такимъ-же Государспвомъ, какъ на Москвѣ. А пеперь вы мнѣ указываете, и ходите уроки чинишь опшомъ, какъ нашему Государспву бышь. Какое же эшо будешъ Государспво?» — Нѣшь! опвѣчали Владыка и Послы — мы не смѣемъ давать уроки; но молимъ полько, чтобы Государь насъ пожаловалъ, ибо прежде эшого у насъ не бывало. Пусшь-же скажешъ намъ, а мы бѣемъ

челомъ Великому Князю и Государю нашему.—
 «Если шакъ—опвѣчалъ Іоаннъ — слушайше мою
 волю: Вѣчу, и колоколу вѣчевому, и Посаднику
 не бытъ; въ Новгородѣ я поже, что въ Мо-
 сквѣ; волосни и всѣ земли Новгородскія мои.
 За по жалую васъ — не будешъ вывода вамъ
 изъ земли Новгородской; оспавляю Боярамъ
 и владѣльцамъ ихъ вошчины, и судъ по спа-
 ринѣ.» Болѣе ничего не говорилъ Іоаннъ, и
 далъ волю Новгородцамъ рѣшашься, какъ имъ
 угодно. Цѣлую недѣлю молили, просили Нов-
 городцы; наконецъ — согласились на все; спо-
 или только въ одномъ, чтобы не опнимашъ
 вошчинъ у владѣльцевъ, и не опправляшъ Нов-
 городцевъ на службу за предѣлы Новгородскіе.
 Одно изъ сихъ условій касалось аристокра-
 товъ, другое народа Новгородскаго. «Я ска-
 залъ, что на по согласенъ» — опвѣчалъ Іо-
 аннъ — «жалую Новгородъ.» Просили, что-
 бы онъ далъ присягу. «Не смѣйше и гово-
 рить!» воскликнулъ Іоаннъ. Просили, чтобы
 по крайней мѣрѣ, хотя Бояре, хотя Намѣст-
 никъ, присягнули за него. «Никшо не при-
 сягнешъ» — отвѣчалъ Іоаннъ, не далъ даже и
 опасной граматы въ подтвержденіе словъ сво-
 ихъ. Переговоры кончились, и — Новгородская
 воля погибла совершенно!

Декабря 28-го, Князь Василій Шуйскій сло-
 жилъ цѣлованіе Новгороду. На другой день,

Владыка и Новгородцы просили, чшобы Иоаннъ, по крайней мѣрѣ, изушно подшвердилъ имъ все, чѣмъ жалуетъ свою опчину, ибо переговоры были ведены черезъ Боярѣ. Ввели Владыку и Пословъ къ Иоанну; онъ сказалъ имъ: «Били вы мнѣ челомъ, Владыка, Посадники, жипше и черные люди нашей опчины, чшобы я пожаловалъ васъ, гнѣвъ свой опложилъ; вывода изъ Новгородской земли не учинялъ; въ вопчины и живопы людскіе не вшупался; позыва Московскаго не дѣмалъ; судъ осшавилъ по спаринѣ; на службу въ Низовую землю васъ не наряжалъ — всѣмъ шѣмъ я васъ жалуо.» Владыка и Послы преклонились до земли и вышли. Бояре послѣдовали за ними, и сказали, чшо Государю должно дашь волоспи и села въ собешвенный его удѣлъ. «Скажемъ Новгороду» — было ошвѣшомъ. Декабря 30-го Князь Шуйскій предшаль предъ Иоанна, ударилъ ему челомъ, былъ приняшъ въ службу его, и одаренъ; Января 5-го Владыка и Послы извѣшпили, чшо Новгородъ бѣшъ челомъ Государю Великими Луками и Ржевою Пуспою. Иоаннъ не принялъ; предложили десяшь разныхъ волоспей — было ошказано. «Пуспь-же скажешъ Государь, чшд ему угодно» — смиренно говорили Новгородцы. «Ошдайше половину Владычнихъ, половину монашпырскихъ волоспей и всѣ Торжковскія» — сказалъ Иоаннъ. Согласились на его

волю, просили только пощадишь бѣдные монастыри. Иоаннъ сдѣлалъ разныя уступки; опмѣнилъ присылку взимаемыхъ податей. Января 8-го Новгородцы просили Иоанна снять осаду, ибо Новгородъ былъ спѣсненъ, оголоженъ, и ошъ шого появлялись болѣзни; 10 ч. велѣно было очистишь для Иоанна Ярославовъ дворъ; 13 ч. цѣловали крестъ въ покорности Великому Князю Владыку и Послы; просили еще разъ изушно подшвердишь дарованныя милости. «Подшверждаю, и еще буду васъ жаловать,» сказалъ Иоаннъ. Января 15-го на вѣки разошлось Вѣче, сняли вѣчевой колоколь; у Новгородцевъ ошобрали всѣ прежнія граматы, привели народъ во всѣхъ Концахъ города къ присягѣ; пошомъ дѣши Боярскіе и жипые люди присягнули на службу Государю. Января 20-го Иоаннъ послалъ въ Москву вѣспъ, что «опчишу свою, Великій Новгородъ, онъ привелъ въ свою волю, и учинился надъ нимъ шакой-же Государь, какъ и на Москвѣ.» Января 29-го Иоаннъ вѣхалъ въ Новгородъ, спалъ передъ входомъ въ соборную церковь Св. Софіи, и поклонился до земли. Пошомъ слушалъ обѣдню, позвалъ къ себѣ обѣдать Владыку и лучшихъ людей, принималъ подарки, и пировалъ съ госпами своими. Вскорѣ наложили опалу на лиходѣевъ Великаго Князя: Марко Памфильевъ, Марѣа Борецкая, внукъ ея Василій Феодоровъ,

и другіе, были взяшы и повезены въ Москву; имѣнія ихъ всё описали на Государя. Новгородъ безмолвствовалъ; продолжались пиры, подарки; опредѣливъ Намѣстника, Іоаннъ выѣхалъ изъ Новгорода Февраля 17-го; въ Ямнахъ пріѣхали провожать его Владыка и лучшіе Новгородцы; еще пировали, били въ послѣдній разъ челомъ и поднесли дары. Іоаннъ милосливо просился со всѣми, и Марша 5-го былъ уже въ Москвѣ. За нимъ везли добычу его, и умолкнувшаго вѣспника вольноспци—вѣчевой колоколь Новгородскій (443).

«Какъ началась Русская земля и спалъ Великій Новгородъ, такого изневоленья на него не бывало, ни ошъ кошораго Великаго Князя, да и ни ошъ кого инаго» — говоритъ Лѣтописецъ (444). «Что спалось съ шобою, городъ

(443) Карамз. II, прим. 147—183; въ *Стр. Лѣт.*, III, стр. 173—201, рассказъ подробный и любопытный, съ большими укоризнами Новгородцамъ. Полагають, что Марша Посадница была увезена въ Нижній Новгородъ, памъ посприжена въ монахини, и умерла, и что вѣчевой колоколь находилсѣ шеперь въ одномъ изъ сѣверныхъ Новгородскихъ монастырей (см. догадки объ этомъ, *Моск. Тел.* 1833 г. № XV, стр. 448-я).

(444) Стр. Лѣт. III, стр. 201.

вольный!» восклицаешь Лѣтописецъ Пскова, нѣкогда вольнаго младшаго брата Новгородскаго. — «Тобою управляють теперь чешыре намѣстника, два на Ярославовомъ дворѣ, и два на споронѣ Софійской; они правяють судебныя и земскія дѣла; Владыка знаетъ только Свящипельскій Судъ; Посадники, Тысяцкіе, Новгородъ ни во что не всхупаюшся; нѣтъ Вѣча; не шлють изъ иныхъ земель посольства къ Новгороду и къ Владыкѣ его — шлють ихъ къ намѣстнику... Все сіе совершилось по судьбамъ Божиимъ. Чтò много разсуждашь мнѣ о семъ, или предавашъ писанію? *Здѣсь сконтаемъ все, что можно сказать о Великомъ Новгородѣ (445).*

---

(445) Карамзинъ, II, прим. 203. Исчисляемъ здѣсь вообще всѣ дальнѣйшія распоряженія Іоанна, рѣшительно уничтожившія самую мысль о самоубытності Новгородца: въ 1479 г. Іоаннъ самъ пріѣхалъ въ Новгородъ, обвинилъ Теофила въ пайной связи съ Липвою («не хопяше бо той Владыка, чпобы Новгородъ былъ за Вел. Княземъ, но за Королемъ, или за инымъ Государемъ», *Туп. Лѣт. спр. 294*), и опослалъ его въ Москву. «Познаваю убожество своего ума и великое смяпеніе своего неразумія (писалъ Владыка въ грамотѣ, копорю принудили его опказаться опъ сана Архіепископа), пріимаю благословеніе и прощеніе о своемъ дерзновеніи и о своей грубости, и о недостоинствѣ своего ума, чпю Христова спада паспи

Псковъ уцѣлѣвъ , пережилъ старшаго брата и врага своего ; но пережилъ его бѣдною , спѣсвенною жизнью , сохранилъ себя покорносью , и шѣмъ , что войны его шли на покореніе Новгорода въ рядахъ дружинъ Іоанновыхъ . Но по крайней мѣрѣ , еще на придцашъ слишкомъ лѣшъ

не возмогохъ » (Исп. Г. Р. ш. VI, прим. 198). Въ 1485 г. умеръ въ Чудовѣ мон. сей *послѣдній* избранный вольными Новгородцами Владыка . На его мѣсто пославленъ былъ Сергій , оскорблявшій Новгородцевъ своею гордоспїю , и наконецъ сошедшій съ ума (« не хопяху Новгородцы ему покорипися , что не по ихъ онъ мысли ходипъ , и опъяша у него умъ волшебспвомъ , » *Исп. Г. Р.* , прим. 199). Умный и хипрый Геннадій заспунилъ его мѣсто . Между шѣмъ въ 1485 г. обвинили болѣе 30-пи знапнѣйшихъ Новгородцевъ , опяпъ въ сношенїяхъ съ Липвою . Въ числѣ ихъ были : Казимеръ , Коробъ , Берденевъ , Лука Федоровъ , *Настасья славная , богатая* — впорая Марea . Несчастпныхъ жестоко пыпали , заспавили признапся ; но передъ смерпью они опреклись опъ своего признанїя , и ихъ разослали по городамъ , опнявъ у нихъ все имѣнїе (Спр. Лѣп. II, 228). Въ 1488 г. множеспво Новгородцевъ было казнено Намѣспникомъ Захарьинымъ , *за цмыселъ на его жизнь* ; многихъ священниковъ памошнихъ забрали погда и пересѣкли кнупомъ въ Москвѣ ; около 8000 *выборныхъ* Новгородцевъ переселено было въ разные города , съ семейспвами ихъ . Еще прежде , въ 1487 г. , 50 семейспвъ *купетескихъ* переведено было во Владимірѣ . Въ 1495

оспались во Псковѣ древнее управленіе его, Вѣче и Посадники; Іоаннъ миловалъ Псковишянъ до самой своей кончины; даже сниско- дилъ своевольшвамъ Псковишянъ, охраняя без- опасность ихъ и спокойствіе силою руки сво- ей. Послѣ мира въ 1463 г., война съ Рыцарями возобновлялась два раза. Въ 1469 г. ее начали за убіеніе Псковскихъ купцевъ въ какой-то ссорѣ; Давидъ Холмскій былъ тогда посланъ изъ Москвы, и Іоаннъ разгнѣвался на него и Псковишянъ за то, что о возобновленіи ми- ра съ Нѣмцами его извѣстили черезъ проспа- го гонца, а не прислали пословъ почепныхъ. Едва умилоспивили Іоанна подарками.—Онъ не уважилъ жалобъ Пскова на Намѣспника, во вре- мя пребыванія своего въ Новгородъ, въ 1475 г.,

---

г. захвапили Ганзейскихъ купцовъ въ Новгородъ, и уничтожили всю заморскую Новгородскую торговлю (см. далѣ прим. 460). Въ 1500 г. церковныя Нов- городскія имѣнія были розданы дѣтямъ Боярскимъ, съ обязанностію службы. Переселенія пуземцевъ вообще были одною изъ главныхъ мѣръ Іоанновыхъ, которы- ми уничтожалъ онъ самобытность пріобрѣтенныхъ имъ областей. Такъ, въ 1489 г. переселены были *торговые и выборные* Вяпчане въ Боровецъ, Креме- нецъ, Дмитровъ (Спр. Лѣп. II, 234), и такъ-же поступилъ Іоаннъ съ областями, взятыми отъ Лит- вы (см. далѣ, прим. 521).

но смѣнилъ его , когда эпопъ Намѣспникъ , пьяный , подрался съ Псковичьянами за капусту. Иоаннъ замѣшилъ однакожь припомъ ; что если Псковичьяне впередъ будущъ драшьяся съ Намѣспниками , шо сами наведущъ на нарушеніе спарины. Напрасно ошговаривались Псковичьяне ошъ похода на Новгородъ въ 1477 году , придавая Иоанну шишуль Царя , и ссылаясь на пожаръ , опустошившій Псковъ ; имъ велѣно было идти. Въ 1478 г. война съ Нѣмцами возобновилась ; мспя за опустошенія , какія дѣлали дружины , посланныя Иоанномъ , Рыцари осадили Псковъ , спѣснили жишелей , но принуждены были ошспупись (1480 г.), и вся земля до Валка , Дерпша и Маріенбурга была опустошена сильнымъ войскомъ , кошорое послалъ Иоаннъ въ 1481 г. Не вѣримъ безчеловѣчію , какое—по словамъ Рыцарей—воины Русскіе оказывали въ семъ походѣ ! Рыцари спѣшили гово- рить о мирѣ , и заключили его съ Иоанновымъ Намѣспникомъ въ Новгородѣ , 1483 года. Въ первый разъ послы ихъ явились послѣ шого въ Москвѣ , и вели переговоры съ самимъ Иоанномъ (446).

---

(446) Пск. Лѣп. (Карамзинъ , ш. VI , прим. 112 , 113 , 114 , 117 , 143 , 156 , 252 , 254 , 255 , 256 , 258 , 262). Холмскій далъ за себя кляшвенную запись , съ поручи-

Губя вольность Пскова и Новгорода, Іоаннъ все еще ославлялъ Удѣлы: Верею, Тверь, Рязань. Онъ ждалъ только удобнаго времени, и поступалъ съ Удѣлами рѣшительно, когда случай ему предшавлялся. Второю брашъ его, *Юрій*, скончался въ 1472 г. Онъ не былъ женатъ, и въ духовной своей, заказывая раздашь нѣкоторыя изъ волоспей въ монастыри, заплашишь долги его и выкупишь заклады, ничего не сказалъ о своемъ обширномъ удѣлѣ.

пельспивомъ Митрополипа (Собр. Г. Г. т. I, № 103). О ссорѣ Намѣстника Іоаннова съ Псковичами: «Пове-зе Псковипинъ капусту черезъ поргъ, мимо Княжаго двора, и *шестникъ* похипивъ силою *нарцъе* капусты, даде Княжему барану, и про шо начаша Псковичи *каторатися*... распережишася съ пьяными Княжедворцы, и почаша бипися, а *шестники* ножи колопися, а *наши* каменіемъ; и пойдоша *шестники* на весь міръ съ ножи, на поргъ, а иные съ луки... и самъ Князь Ярославъ пьянъ-же, и въ панцырѣ, вышедъ, почалъ *спрѣляпъ*... и пойдоша на поргъ Посадники, и Бояре, и люди жишейскіе, съ запасы (оружіемъ); и къ вечеру Князь и *шестники* пойдоша на сѣни, людьми доброхотпачими укрощены... А Псковичъ тогда бѣше полно побито до крови, много въ ногу, много въ хребепъ.» Посадники объявили Князя лишеннымъ власпи, и Псковичи цѣлую ночь спояли въ оружїи, ибо Князь хопѣлъ зажечь Псковъ. Жестпокоспъ Рускихъ въ походѣ 1480 г. описана въ письмѣ Магистра Ливонска-

Другіе братья получили отъ него по нѣсколь-
ку сель, деревень, домовъ; города его (Дмиш-
ровъ, Можайскъ, Мядынь, Серпуховъ) Іоаннь
присоединилъ къ Великому Княжесшву. Въ до-
говорѣ съ Борисомъ (13 Февраля 1473 г.) уш-
верждено было сіе приобрѣщеніе Іоанново. То-
же ушвердилъ и Андрей старшій, договоромъ
14 Сентября 1473 г. Мать подарила ему
въ это время Романовъ городокъ; Іоаннь оп-
далъ Борису при договорѣ Вышгородъ. Можешъ
бышь, братья спорили, но жили мирно, ходи-
ли въ походы по волѣ Іоанна, и не думали
щадить за него жизни. Такъ Борисъ оставилъ
дома духовное завѣщаніе, идя подѣ Новгородъ (447). Но въ 1480 году, когда шрудная

го къ Гроссмейсперу Прусскому (Карамз. ш. VI, прим.
258). О походѣ 1481 года: «Лопыголу и Чухновъ
овыхъ изсѣкоша, овыхъ пожгоша, а сущи въ лѣсахъ
опъ мраза измерзше, умроша, а иніи гладомъ, бѣ-бо
погда мразы сильно велицы, и снѣгъ челоувку въ па-
зуху.... А Нѣмецкая земля бяше погда не въ опасѣ :
пива многи варяху, не чаяху на себя шаковыя пагубы...
*отлиштиша Нѣлицамѣ за свое, и въ двадесятеро али
и болѣе, яко-же нѣциі рекоша: Псковъ спалъ, не бы-
вало шако.»*

(447) Духовная Юрія, въ *Собр. Г. Г.* ш. I, N° 96.
На немъ оспалось долговъ болѣе 700 рублей, все

война съ Ахмапомъ предлежала Іоанну, брашья его Андрей большой и Борисъ разсорились съ нимъ за своевольное взятіе Боярина, перешедшаго къ Борису; припомнили, что Іоаннъ не далъ имъ участка изъ Юрѣва удѣла; также ничего не далъ взявши Новгородъ. Они уѣхали въ Ливу. Казиміръ не хотѣлъ вмѣшиваться въ ссору ихъ съ Іоанномъ, но далъ семействомъ ихъ для прожитія Вишебскъ. Мать держала спорону меньшихъ дѣшей. Іоаннъ спарался уговаривать брашьевъ; два раза послалъ къ нимъ краснорѣчиваго Вассіана; но не общалъ и не давалъ ничего. Брашья возвращались наконецъ въ удѣлы свои, когда Іоаннъ выѣхалъ къ войску въ Коломну. Къ нимъ собрались сильныя охранительныя дружины. Ссора спановилась важною — могла бытъ пагубною. Приѣхавъ на время въ Москву съ береговъ Оки, Іоаннъ успѣлъ уговорить брашьевъ на миръ, посредствомъ машери и Духовенства. Вѣроятно,

---

частнымъ людямъ, многимъ по 5-ши рублей. Договоры 1473 года съ Борисомъ и Андреемъ, *Собр. Г. Г.* т. I, № 97, 98, 99, 100, 101, 102. Завѣщаніе Бориса, въ *Собр. Г. Г.* т. I, № 105 («пишу сію грамапу душевную, идучи на дѣло своего Господина и брата спаршаго, В. К. Ивана Вас. къ Вел. Новугороду» и проч.).

онъ общалъ имъ исполнишь всѣ ихъ требова-
 нія. Андрей и Борисъ были попомъ на Угрѣ при
 войскахъ Іоанна, и на другой годъ заключили
 договоры: Іоаннъ придалъ Андрею къ удѣлу
 его Можайскъ; Борису — только подтвердилъ
 владѣніе Вышгородомъ. Братья удовольствова-
 лись, волею или неволею, и ушвердили до-
 говорами, что опныя не будутъ вспунапы-
 ся ни въ бывшій удѣлъ Юрія, ни въ Новго-
 родъ (448). Четвертый братъ Іоанновъ, Андрей

(448) Подробности этой ссоры, весьма важныя въ
 глазахъ современниковъ, см. въ *Стр., Арханг., Тип.*
Лѣтописяхъ. Дружины Бориса и Андрея грабили по-
 всюду дорогою, особливо въ Псковской области, споя
 въ Вел. Лукахъ. «И бѣху Псковичи въ сѣпованіи, не
 домышляющесея, чпѣ сопворипи, боящесе Князя Ве-
 ликаго, понеже *врага Царскаго аще кто хранитъ,*
сопостатѣ ему есть... Они-же (Князья) разгнѣва-
 шесея, и распустиша по всѣмъ волостямъ люди своя
 (бѣше-бо людей около ихъ, мноу, яко до 10,000), и по-
 воеваша много волостей, аки невѣрніи, и дома Божія
 пограбиша, и скопа много посѣкоша, и жены и дѣви-
 цы оскверниша, и плѣнивше многихъ сведоша, не оспа-
 виша ни куряпи, а покмо огнемъ не жгоша, да ору-
 жіемъ не сѣкоша.» Едва могли опкупишьсея опъ нихъ
 Псковичи, заплапивъ 215 рублей (Пск. Лѣп. 1480 г.).
 Поняшино послѣ сего, почему Іоаннъ стѣшилъ въ Мо-
 скву опъ своего войска, и презиралъ мнѣніе невѣждъ,
 спараясь всячески помирисьсея съ братьями; и почему

меньшой, оспаивался постпояннимъ другомъ старшаго брата, не вмѣшивался въ ссоры другихъ братьевъ, усердно и храбро воевалъ за Іоанна, и получивъ въ награду по смерти Юрія Торусу, а при договорѣ 1484 года Серпуховъ, скончался въ пошъ-же годъ, въ юныхъ лѣтахъ, не бывъ женатымъ. Объявляя въ духовной своей, что онъ оспааетъ должнымъ Іоанну 30,000 рублей, которыхъ не заплашилъ ему въ Ордынскіе, Казанскіе выходы, и на содержаніе Ташарскихъ Царевичей, Андрей завѣщалъ за по Іоанну весь свой удѣль—Вологду, Кубену, Заозерье. Онъ ошдалъ двумъ другимъ братьямъ по нѣскольку селъ и волоспей, приказалъ нѣкоторыя села въ монастыри, просилъ Іоанна заплашнть частныя долги его, помянушь душу и все *росправитъ*: шяжбу съ братомъ Борисомъ; упверженіе вошчинъ за Спасо-Каменскимъ монастыремъ; сложеніе излишнихъ, наложенныхъ имъ пошлинъ (449). Братья ни сколь-

---

онъ не оказалъ никакой жалосши, губя братьевъ впослѣдствіи. Договоры Іоанна съ Борисомъ и Андреемъ, *Собр. Г. Г. ш. I, № 106 — 111.*

(449) Духовная Андрея, *Собр. Г. Г. ш. I, № 112.*— Рузумѣется, что безмѣрный долгъ сего Князя Іоанну былъ только хитрою полипическою выдумкою, по которой Іоаннъ присвоилъ себѣ удѣль меньшаго брата.

ко не спорили въ исполненіи сей духовной. Іоаннъ уже приучилъ ихъ къ уступкамъ, и вскорѣ они должны были согласиться на новыя уступки и пожертвованія.

Черезъ годъ послѣ покоренія Новгорода, Іоаннъ былъ обрадованъ рожденіемъ сына ошъ впораго брака своего: эшо былъ *Василій*, наслѣдовавшій послѣ него пронъ Великокняжескій. Софія была уже прежде Василія машерью прехъ дочерей (*Елены*, родивш. въ 1474 г. (она вскорѣ умерла); *Теодосіи*, род. въ 1475 г., и *Елены* родивш. въ 1476 г.); но она желала имѣть сына, давала обѣщанія, ходила по монастырямъ. Увѣряли попомъ, что рожденіе Василія ознаменовалось чудеснымъ сномъ, послѣ пѣшеходства машери въ Троицкую обитель. Онъ родился 25 Марша 1479 г., въ самое Благовѣщеніе, и попому назвали его *Василіемъ* и *Гавриломъ* (450). Попомъ Софія родила еще чешырехъ сыновей (*Юрія* въ 1480 г., *Димитрія* въ 1481 г., *Симеона* въ 1487 г., *Андрея* въ 1490 г.), и двухъ дочерей (*Теодосію* въ 1485 г. и *Евдокію*).

---

(450) *Василій* рассказывалъ о чудесномъ видѣніи, бывшемъ при рожденіи его, Митрополипу Іоасафу (Спец. Книга, п. II, 137). Его крестилъ въ Троицкой обители Архіепископъ *Вассіанъ*, съ памошнимъ Архимандритомъ (Стр. Лѣт. II, 202).

Г Л А В А VIII.

Совершивъ дѣла споль обширныя , каковы были : покореніе Новгорода и истребленіе вѣковаго Русскаго врага — Золошой Орды , Иоаннъ смѣло и безопасно готовъ былъ спашь прошивъ Липвы и Польши , гдѣ Казиміръ болѣе и болѣе дряхлѣлъ шѣломъ и управленіемъ государственныхнмъ. Видя его заняаго шягоспными раздорами внупри и бесполезными войнами внѣ Польши (451) , Иоаннъ уже безбоязненно и явно

---

(451) Казиміръ владѣлъ Липвою и Польшею съ 1447 г. (см. выше , стр. 410). Мы видѣли нерѣшимельность сего Короля въ дѣлахъ съ Новгородомъ , съ Золошою Ордою , и въ сношеніяхъ церковныхъ. Безпокойный Сеймъ Піопрковскій и набѣгъ Крымцевъ , (1450 г.) ; другой набѣгъ 1453 г. ; взятіе частни Пруссіи и за то 13-ни лѣтняя война съ Рыцарями ; споръ съ Богеміею съ 1461 г. ; споры за Богемское наслѣдство 1471 г. ; попомъ война за это , набѣгъ Крымцевъ въ 1470 г. , война съ Силезіею и Венгріею , набѣгъ Крымцевъ въ 1475 г. , война за Венгерское наслѣдство , споры и неуспройства въ сборѣ денегъ на содержаніе войскъ , распочительность и вмѣсптѣ недоспашки , спраспъ къ охоптѣ , слабость къ дѣшамъ , приспрасптіе къ Каполицизму — шяковы были главныя черпы сорока-пяти-лѣтняго царствования Казиміра.

изъявлялъ неприязнь свою прошивъ него. Онъ еще не начиналъ войны; но опиравъ у Казимира союзника въ Золотой Ордѣ, и сильную помощь въ Новгородѣ, непрерывно и повсюду опустывалъ онъ Польшу съѣмами своей хищрой полишики. Менгли-Гирей дѣйствовалъ неушомимо по внушеніямъ Іоанна. Уничтожая послѣдніе, бродящіе оспашки Ордынцевъ, Ханъ Крымскій, послѣ набѣга на Польшу въ 1480-мъ году, учинилъ другой сильный набѣгъ въ 1482 году. Кіевъ былъ взятъ и разграбленъ полпами Крымцевъ; къ ужасу православныхъ, хищники опустошили и сожгли храмы и монастыри Кіевскіе; Менгли-Гирей хвасталъ своимъ подвигомъ Іоанну, а Іоаннъ, не думая осуждать его за губительное раззореніе города, нѣкогда бывшаго столицей и славою Русскою, принялъ даже отъ него въ подарокъ нѣсколько драгоценныхъ вещей церковныхъ изъ добычи Кіевской, и благодарилъ Хана, увѣряя, что самъ готовъ оказывать ему дружескія услуги (452).

---

(452) Спр. Лѣт., II, 227 : « *взятѣ бысть Кіевѣ, ерѣхѣ ради нашихѣ, и бысть сія злѣба Сенпямврія мѣсяца.* » Менгли-Гирей прислалъ къ Іоанну, между прочимъ, попиръ и дискосъ изъ чистаго золота. Князя Лыковъ и Ноздровашный ѣздили благодарить Хана (Карамзинъ, ш. VI, прим. 268, 269).

Въ позже время, Іоаннъ дѣятельно поддерживалъ сношенія съ Липовцами, недовольными Казиміромъ: общалъ имъ помощь, награды, если они произведутъ возмущенія, и удѣлы, если оставяшъ Короля и передадутся отъ него, или переселяшся въ Русь; возбуждалъ вражду ихъ, указывая на припѣсненія Православной вѣры, напоминалъ обитателямъ областей, нѣкогда принадлежавшихъ Руси, о древнемъ союзѣ ихъ и родствѣ съ Русью. Казиміръ свѣдалъ наконецъ, что прое знашныхъ людей, Князь Ольшанскій, Князь Феодоръ Бѣльскій, и Михаилъ Олельковичъ, нѣкогда бывшій Намѣстникомъ Польскимъ въ Новгородѣ, хотяшъ передаться Іоанну съ своими обласшями. Онъ думалъ ужаснушъ спросогосшью. Князя Ольшанскаго и Михаила Олельковича схващили по его повелѣнію, уличили въ злыхъ умыслахъ и казнили въ Вильнѣ; Бѣльскій бѣжалъ въ Москву, оставивъ молодую жену свою, на другой день свадьбы (въ 1482 г.). Онъ былъ милосшиво принятъ Іоанномъ, получилъ въ удѣлъ себѣ городокъ Демонъ, и находился въ числѣ первыхъ сановниковъ Московскихъ. Казиміръ присылалъ въ Москву жаловашся, вышавляя охранное войско въ Смоленскъ; съ обѣихъ сторонъ спорили, шребовали ошдачи городовъ. Но Казиміръ все еще шерпѣлъ и бездѣйствовалъ; послы переезжали безпрешан-

но изъ Польши въ Москву, изъ Москвы въ Польшу, а Іоаннъ не дремалъ безпечно. Князья изъ рода Одоевскихъ, Воропынскихъ, Бидевскихъ, Перемышльскихъ, иныя тайно, другіе явно, переходили къ Іоанну, и даже опустошали земли Липовскія (453).

Кромѣ Хана Крымскаго, Іоаннъ нашелъ себѣ еще двухъ союзниковъ, гошовыхъ помогаиъ ему прошивъ Польши.

Одинъ изъ нихъ былъ *Стефанъ*, Государь Молдавскій, впрочемъ Гуниадъ, или Скандербегъ, сильно споявшій прошивъ Турковъ, собравшій и укрѣпившій подъ власпью своею Молдаванъ, обиташелей береговъ Молдавы, племена, еще со временъ нашествія Монголовъ переселившіяся туда, и опдѣлившія себя опъ Волоховъ, своихъ родичей. Бывъ усердными Хриспіанами, Молдаване и Волохи болѣе привязаны были къ единовѣрнымъ Рускимъ, нежели къ Латинской Польшѣ, не смошра на то, что долго считали себя подвласными Полякамъ и Венгріи. Стефанъ искалъ независимости, и славясь силою меча и хитростію ума, хотѣлъ имѣть союзника въ Іоаннъ; въ 1480 году предложилъ онъ

---

(453) Архивская и Кіевск. Лѣт. (Исп. Г. Р. ш. VI, прим. 264, 266).

выдать дочь свою Елену за старшаго сына Іоаннова, и сей бракъ былъ совершенъ въ 1482 году, въ Москвѣ, какъ залогъ крѣпкаго союза и взаимной помощи. Іоаннъ, дружный съ Менгли-Гиреемъ, обезопасилъ Стефана отъ нападений Крымцевъ; Стефанъ гошовъ былъ по слову его воевать Польшу (454). Другимъ союзникомъ Іоанна сдѣлался *Матей Корвинъ*, сынъ славнаго Гуниада, съ 1458 года Король Венгрии, непримиримый и сильный врагъ Поль-

(454) Удивительное явленіе предспавляли эти мѣлкіе Князья, споль сильно облегли Турцію съ разныхъ сторонъ, и споль упорно споявше проптивъ Турковъ: Скандербегъ, Гуниадъ, Стефанъ Молдавскій. Когда сильныя государства успунали Туркамъ, и Кресповые походы Польши и Франціи были безуспѣшны, сіи окреспные владѣльцы небольшихъ земель, съ спважными полпами своими, умѣли удерживаться въ горахъ Албаніи, Сербіи, по берегамъ Дуная. Такое положеніе дѣлъ объясняется быпомъ этихъ народцевъ, хипрою полиппикою ихъ, спчаянною храбросцію, примѣрами Черногорцевъ, горцевъ Кавказскихъ, Майноповъ и Клефповъ въ наше время; наконецъ словами Стефана Молдавскаго, копорый, умирая, скорбѣлъ о пошерянныхъ прудахъ цѣлой жизни, и завѣщалъ сыну своему покориться Турціи добровольно, что и исполнилось впослѣдспвіи. О переговорахъ съ Крымомъ касательно Молдавіи, *Крымскія дѣла* (Карамзинъ, т. VI, прим. 278).

ши и Короля Казимира. Въ 1482 году явился въ Москвѣ посолъ Машеія. Іоаннъ немедленно возобновилъ сношенія съ Венгрією, совершенно забывшею о Руси, съ шѣхъ поръ, какъ исчезли Галичъ и Волинъ подъ властью Литвы и Польши. Посолъ Іоанна, Дьякъ Курицынъ, ѣздилъ въ Венгрію, и заключилъ союзный договоръ. Не смотря на миръ, которымъ кончилась продолжительная война съ Польшею въ 1478 г., Машеій снова готовился къ войнѣ, видя неприязнь Польши и Богеміи, и союзъ ихъ съ Турцією. Въ 1488 г. онъ даже прислалъ къ Іоанну, увѣдомляя, что хочетъ начинать битвы, и совѣщивалъ Іоанну сдѣлать поже. Но войны не было. Дружескія сношенія между Венгрією и Русью продолжались до самой смерти Машеія. Іоаннъ чествовалъ его пословъ, пересылался дарами, и переписывался съ нимъ (455).

---

(455) О Венгріи см. выше, стр. 161, 410. По кончинѣ *Сигизмунда*, Императора и Короля Венгерскаго, въ 1437 г., сынъ его *Албертъ* владѣлъ Венгрією, Богемією и Имперією только до 1439 г.—Тогда начались раздоры между сыномъ Ягеллы *Владиславомъ*, уже владѣвшимъ Польшею, и вдовою Алберта, матерью другаго малолѣпнаго Владислава. Турки пользовались раздоромъ, осадили Бѣлградъ, и непобѣдимая храбрость Трансильванскаго воеводы *Іоанна Кор-*

Русь всступала такимъ образомъ въ сношенія съ Европою. Не одни набѣги Монголовъ и мѣлкія междоусобія начинали означать ея бытіе со временъ Іоанна. Понимая важность политическихъ связей, Іоаннъ умѣлъ обратити ихъ въ существенную пользу, въ отношеніи Крыма, Молдавіи, Ногаевъ, Польши; но онъ обнималъ въ умѣ своемъ и дальнѣйшія политическія связи. Слыша о новомъ *Царствѣ Московскомъ*, съ любопытствомъ посылали къ Московскому Царю пословъ изъ Европы и Азіи. Послы были принимаемы въ Москвѣ дружески, видѣли важность, великолѣпіе, силу Іоаннову, и имя Іоанна и *Царства* его дѣлалось вѣдомо

вина Гуниада изумила Европу въ борьбѣ съ Турками. Владиславъ, сдѣлавшійся Королемъ Польскимъ, овладѣлъ Венгріею, и погибъ подъ Варною въ 1444 году; Гуниадъ принялъ тогда управление Венгріею; Императоръ не опускалъ въ это время сына Албертова въ Венгрію. Гуниадъ оружіемъ принуждалъ его, и въ одно время билъ Турковъ и уничтожалъ злыхъ сосѣдей, воеводу Молдавскаго и Деспота Рацийскаго. Онъ умеръ послѣ новаго освобожденія Бѣлграда, въ 1456 г., отъ Турковъ, при чемъ оказалъ сполько ума и мужества, что самъ Папа писалъ ему: *fuit homo missus à Deo, cui nomen erat Ioannes*. Между тѣмъ, уже съ 1453 г. царствовалъ въ Венгріи *Владиславъ*, сынъ Алберта. Не смотря на заслуги и усердіе великаго опца, сынъ Гуниада былъ казненъ самымъ безчело-

въ спранахъ, гдѣ прежде шемно слышали о землѣ какихъ-шо *Сѣверныхъ варваровъ*, откуда доходили прежде шолько баснословныя вѣспи о Новгородѣ, или извѣспія миссіонеровъ и проповѣдниковъ о бѣдныхъ, порабощенныхъ Монголами Руссахъ. Московія все еще была опдѣлена опъ полишическаго міра Европейскихъ событій; но со временъ Іоанна въ Европѣ знали уже о существованіи сего сильнаго Государства, и послы Московскіе были чешвуемы въ Іспаліи, Германіи, Турціи, и другихъ земляхъ. Предлагаемъ здѣсь общій обзоръ дипломатическихъ сношеній Іоанна съ Европою и Азією, за все время его царшвованія.

вѣчнымъ образомъ въ 1457 году. Венгрія вознегодовала, возмутилась; Король Владиславъ бѣжалъ, и умеръ въ Прагѣ; второй сынъ Гуниада, *Матей*, былъ избранъ въ Короли Венгерскіе. Тридцати-двухъ лѣтнее царшвованіе его было знаменипо и грозно побѣдами, какія одерживалъ онъ, сражаясь прошивъ Турковъ, Имперашора, Польши, Молдавіи, Богеміи. Матей умеръ въ 1490 году, и Венгрія, предметъ спора между Имперією, Польшею, Неаполемъ и побочнымъ сыномъ Матейя, доспалась наконецъ сыну Казиміра, *Владиславу*, царшвовавшему до 1516 года.—О сношеніяхъ Матейя съ Іоанномъ, см. *Дѣла Цесарскія*, въ Государсп. Архивѣ (Карамзинъ, ш. VI, прим. 273, 274, 275, 287). Сими сношеніями начинаюпся въ нашемъ

Изъ Ипальянскихъ государствъ , кромѣ Папы, ни чья полишика не была такъ разнообразна , хитра и обширна , какъ полишика Венеціанской республики. Аристокрапическій деспотизмъ крѣпилъ ее внутри ; флоры , богатство, торговля и безчеловѣчная, вѣроломная , но вмѣстѣ съ тѣмъ умная дипломашика , усиливали ее извнѣ. Если вся Ипалія спрашилась Турковъ , какъ грозныхъ завоевателей , то Венеція знала ихъ ближе всѣхъ , и опасность ея была тѣмъ спрашиѣе , что Венеція могла прежде всего пошерить свои богатныя владѣнія въ Греціи и Архипелагѣ. Не имѣя силъ , доспапочныхъ для

Государственномъ Архивѣ , такъ называемыя , *Цесарскія дѣла* ; подлинныя-же граматы Императорскія и Венгерскія въ Архивѣ не восходятъ далѣе 1573 г. , а дипломатическіе договоры далѣе 1514 года (см. о семъ далѣе). Іоаннъ послалъ въ подарокъ Матейю *соболя гернаго , живаго , съ'ноготками , окованными золотомъ , съ 20-ю желтушками*. Онъ позволялъ Венгерскимъ Посламъ садиться въ своемъ присуспствіи , самъ подчивалъ ихъ виномъ , и такъ писалъ пипуль Матейю въ граматахъ : « Возможный и честнѣйшій Матейашъ , Божіею милоспію Угорскій , и Чешскій , и иныхъ земель Краль , и Князь Австріе , нашъ брапъ почтенный и другъ милый. » Матейи отвѣчалъ : « Добробышье , миръ и одиначество Кралевства и земель твоихъ ради слышимо , и о всѣхъ рѣченныхъ обрадовася сердце наше , » и проч.—См. еще прим. 469.

борьбы съ Опшоманами, власпшелами воинспвенныхъ ордъ Европы и Азіи, Венеція упошребляла всѣ изворопы Ипальянскаго Макиавелизма, воевала, мирилась, обманывала, искала союзниковъ, предавала ихъ, думала о зашпщпѣ прошивъ Турковъ, и — губила Геную, удерживала Папу, не дозволяла возвыпашься даже собспвеннымъ героямъ своимъ — держала въ рукахъ мечъ, и берегла свою шорговлю, боясь, что вражда съ Турками уничшожпшъ ее. Мечпа о кресповыхъ походахъ прошивъ Турціи уже совершенно разсѣялась въ шо время; Папа и Венеція спарались поставпшъ другіе оплопы прошивъ Турковъ. Миръ Венеціанъ съ Турками (1454 г.) далъ средспва Мугаммеду II-му покоришъ оспатки Греціи. Венеція опомнилась въ 1463 г., начала воевашъ въ Мореѣ, гдѣ принадлежало ей нѣсколькo крѣпоспей; соединялась съ Папою; подкрѣпляла Скандербега Албанскаго и Машеіа Венгерскаго. Вскоръ Папа поссорился съ Венеціею, и ей надобно было одной выдерживашъ нѣсколькo лѣпъ войну съ Турціею. Флопы ея опусшошали владѣнія Мугаммеда, но, заняпая множеспвомъ крамоль, слабая вещеспвенными силами, недовѣрчивая въ союзахъ, Венеція видѣла погпбель Скандербега, потеряла оспрова Архипелагскіе и крѣпоспи въ Греціи, допустила погпбнуть Генуэзскимъ владѣніамъ въ Крыму — увидѣла на-

конецъ флоты Турецкіе въ Адріатическомъ морѣ , и помирилась съ Турками , чтобы въ союзѣ съ ними обратишь мечъ Мусульманскій на Христіанъ. Въ 1479 г. заключили Венеціане миръ , и въ 1480 г. привели Мугаммеда въ Ишалію. Только смерть сего Султана осановила пагубныя слѣдствія его вшорженія.

Дѣятельно изыскивая такимъ образомъ средства противъ Турковъ , Венеціане вошли въ сношенія съ славнымъ Гассаномъ , завоевателемъ Персіи (съ 1468 года), и возбуждали его воевать Турцію. Послы Венеціанскіе ѣздили къ нему черезъ Египецъ и Аравію , и черезъ земли Турковъ въ Азію. Могла-ль Венеція не вмѣшавшяся , узнавъ о сношеніяхъ Папы съ Іоанномъ , когда дѣло шло о супружествѣ его съ Софією ? Венеція воспользовалась симъ случаемъ. Иванъ Фрязинъ , Посолъ Іоанна , описывалъ Венеціанамъ силу Монголовъ , увѣряя , что союзъ съ ними будетъ полезенъ , и Монголы охотно согласятся воевать Турцію. Послѣ первой поѣздки Фрязина , Посолъ Венеціанскій , Іоаннъ Бапписъ Тревизанъ , пріѣхалъ въ Москву , съ шѣмъ , чтобы вручить Іоанну грамоту , и пошомъ ѣхать въ Орду. Боясь гнѣва Іоаннова , за то , что началъ переговоры съ Венецією безъ его вѣдома , Фрязинъ убѣдилъ Тревизана не объявлять о своемъ назначеніи , и назваться простымъ купцомъ , увѣряя , что и

безъ объявленія себя Посломъ можно буденъ найдши случай ѣхать въ Орду. Обманъ открылся. Іоаннъ велѣлъ ворошишь Тревизана съ дороги; въ гнѣвѣ кошѣлъ казнишь его и Фрязина; не вѣрилъ званію Тревизана, заключилъ его въ шемницу, и опсправилъ въ Венецію Аншопа Фрязина, жаловаться на обманъ. Венеціане спѣшили испросишь прощенія бѣдному своему Послу, сложили всю вину на коварство Ивана Фрязина, и просили Іоанна позволишь Тревизану исполнишь препорученіе. Они объясняли Русскому Царю причину и важность войны прошивъ Турковъ. Іоаннъ не только выпустилъ Тревизана изъ шемницы, но одарилъ его, и хотя предполагалъ уже погибель Орды, но опсправилъ съ нимъ къ Хану своего Посла, уговаривая власпишеля Ордынскаго исполнишь желаніе Венеціанъ. Онъ послалъ послѣ сего въ Венецію чиновника своего Толбузина, извѣстишь обо всемъ Венеціанъ и подшвердишь съ ними дружбу. Посольство Тревизана оказалось безуспѣшно; но Венеція оспалась въ сношеніяхъ съ Іоанномъ, и когда Посолъ Іоанновъ, Грекъ Руфъ, возвращался изъ Персіи въ 1475 году, бывшій шамъ у Гассана Венеціанскій Посолъ, Амврозіи Коштарии, просилъ его взятишь съ собою, и доставишь ему средство черезъ Москву ворошишь въ отчизну, ибо ему невозможно было проѣхати на Западъ, или черезъ Крымъ,

гдѣ Турки взяли погда Кафу. Руфъ привезъ Коншарини благополучно въ Москву, ѣхавъ съ нимъ черезъ Тифлисъ, Шамаху, Дербентъ, Аспраханъ, Донскія степи, Рязань и Коломну. Иоаннъ продержалъ Коншарини съ Сеншябри 1476 г. до Января 1477-го, угощалъ, дарилъ его, далъ денегъ на дорогу, и даже, въ угожденіе ему, проспилъ монаха Людовика, пріѣхавшаго изъ Персіи вмѣстѣ съ нимъ и Руфомъ. Людовикъ назвался *Патріархомъ Антиохійскимъ* и Посломъ Герцога Бургундскаго; но въ Москвѣ узнали, что онъ *Латинщикъ* и простой монахъ Французскій. Сношенія съ Венеціею и съ Испаліею продолжались послѣ того непрерывно (456).

---

(456) О Гассанѣ, см. прим. 465. Дѣла съ Венеціею начинаюцца въ Государственномъ Архивѣ только съ 1647 г., а подлинныя граматы изъ Венеціи съ 1654 года. О Тревизанѣ и Иванѣ Фрязинѣ, *Лвт. Львова*, т. III, стр. 30, *Стр. Лвт.* т. II, стр. 137, и слѣд. — О Руфѣ и пріѣздѣ съ нимъ Коншарини знаемъ изъ путешествія сего послѣдняго, которое напечатано въ Бергерономомъ собраніи (см. *Ист. Р. Н.* т. IV, прим. 113). Оно любопытно, какъ *первое*, самое старинное изъ путешествій иностранцевъ въ Россію, уже получившую свое политическое образованіе: Пано-Карпини и Рюисбрюкъ ѣздили къ *Монголамъ*. Замѣтимъ

Русь казалась Европѣ новооткрытою спраною ; хошѣли узнать ея подробности , какъ узнавали въ это время Европейцы спраны Азіи и Америки. Спранспъ къ путешествіямъ была тогда всеобщою въ Европѣ , и вела Португальцевъ въ Индію, Испанцевъ въ Америку , спранствователей Итальянскихъ въ Среднюю Азію (457), Англичанъ на Сѣверъ. Одинъ изъ

здѣсь, что древнѣйшее изъ извѣстій Западныхъ путешественниковъ о Россіи находится въ повѣствованіи Испанскаго Жида Веніамина, который началъ свои спранствованія въ 1173 году (см. у Бержерона, т. I , Voyage de Venjamin). О дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ Венеціею, см. прим. 470.

(457) Тогда совершились : открытія Португальцевъ по берегамъ Западной Азіи (1460), переходъ черезъ экваторъ (1471), великое открытіе Колумба (1492), путешеспвіе В. де Гамы (1498), открытіе Южнаго Океана (1513), завоеваніе Мексики Кортезомъ съ 1518 г., завоеваніе Перу Пизарромъ съ 1525 г., первое путешеспвіе Французовъ въ Канаду 1534 г., прибытіе Португальцевъ въ Японію въ 1542 г., первыя покушенія Англичанъ на Сѣверную Америку въ 1578 г., первое покушеніе Голландцевъ въ Азію въ 1595 г. Въ эту же эпоху, по слѣдамъ Миссіонеровъ, Марка Павла, Одерика и Барбаро , спремилась тысяча спранствователей въ Азію (Исп. Р. Н. т. IV, прим. 113); Англичане шли на сѣверо-воспокъ Европы по Сѣвернымъ морямъ; Голландцы открывали Австралію, и все это, споль безмѣрное, совершено было въ печеніе одного столѣтія !

Германскихъ путешественниковъ , рыцарь Николай Поппель , явился въ 1486 г. въ Москвѣ , проѣхавъ изъ Ливоніи черезъ Псковъ и Новгородъ. Онъ былъ снабженъ свидѣтельствами отъ Магистра Ливонскаго и письмами отъ Императора Фридерика III-го. Поппеля опасались въ Москвѣ , ибо при немъ не было свиты , и никакъ не могли повѣрить ему , когда онъ увѣрялъ , что ѣздишь только изъ любопытства. Возвратясь въ Германію , Поппель изумлялъ своими рассказами о Московіи , и въ 1489 году пріѣхалъ опять въ Москву , уже Посломъ отъ Императора Фридерика , и сына его Максимилиана , Короля Римскаго. Іоанну предлагали получить отъ Императора титулъ *Королевскій* , и выдать дочь свою за Маркграфа Баденскаго ; просили еще его оставить въ покоѣ Ливонію , съ которою Псковичи не ссорились безпрестанно. Поппель , вѣтреный и безразсудный , надѣялся , что Іоаннъ обрадуется предложеніямъ Императора , и пребовалъ , чтобы ему показали невѣсту. Іоаннъ гордо отвѣчалъ , что на Руси такъ не водится ; что о бракѣ дочери пошлетъ онъ говорить своего Посла ; а на предложеніе Королевскаго титула сказалъ , что « Божіею милостію , онъ Государь на своей землѣ , изначала , отъ первыхъ своихъ прародителей ; поставленіе имѣетъ отъ Бога , и проситъ Бога , чтобы онъ далъ и дѣтямъ его та-

кое поставленіе , а ошъ другихъ Государей онъ никогда принимаешъ его не хошълъ и не хочешъ.» Съ Поппелемъ отправился въ Германію Грекъ Траханіошъ ; онъ былъ у Имперашора , и строго исполнялъ повелѣніе Іоанна: подерживашъ честь Русскаго Государя въ обрядахъ и рѣчахъ. Имперашоръ оказывалъ всю возможную вѣжливостъ Послу Іоанна , *Царя Русскаго*. Сей шипуль переводили по-Нѣмецки словомъ : *Императоръ*. Траханіошъ объявилъ , что Русскому Царю , брашу Греческихъ Царей , усупившихъ Римъ Папѣ , низко всупнашъ въ родшво съ Княземъ подвласнымъ ; но , что онъ гошовъ опдашъ дочь свою за Римскаго Короля (кошорый шогда былъ вдовъ послѣ перваго брака). Траханіошъ возвратился въ Москву въ Іюль 1490 года , съ Посломъ Имперашорскимъ Делашоромъ. Дѣло о супружествѣ дочери Іоанновой опклонили съ обѣихъ споронъ. Посолъ присланъ былъ собшвенно ошъ имени Короля Римскаго , и заключилъ дружешвенный договоръ. Имперашоръ желалъ шогда получишъ для Максимилиана Венгрію , гдѣ Машеій Корвинъ скончался , оставивъ государшво свое въ добычу споровъ между Богемією , Польшею и Имперашоромъ. Условились взаимно воевашъ , если начнешся война съ Польшею. Съ Делашоромъ (въ Августѣ 1490 г.) отправился ошъ Траханіошъ , подтвердишъ договоръ кляш-

вою Максимилиана. Иоаннъ велѣлъ ему снова искусно начать переговоры о сватовствѣ. Мысль: отдать дочь свою за Максимилиана, полюбилась Иоанну. Траханіопъ нашелъ Максимилиана въ Ниренбергѣ, уже сосватавшаго за себя Французскую Принцессу, и потому ничего не упоминалъ о сватовствѣ; но миръ подтвердили. Посолъ Иоанновъ возвратился въ Августъ 1491 года. Немедленно пріѣхалъ потомъ въ Москву Делашоръ, извиняясь, что медленность извѣстія о согласіи Иоанна ошвлекла Максимилиана ошъ брака съ его дочерью. Онъ просилъ подтвердить миръ. Потомъ начали говорить о зависимости Нѣмецкихъ Рыцарей отъ Польши, вслѣдствіе послѣдней войны, и что Орденъ сей, и Ливонскій, готовы воевать Польшу, если шолько Иоаннъ возьметъ ихъ въ милостивое соблюденіе. Наконецъ Делашоръ просилъ Иоанна прекратить набѣги Рускихъ на Швецію. Иоаннъ зналъ, что Императоръ кончилъ въ это время всѣ ссоры съ Польшею миролюбиво; видѣлъ, что его манятъ шолько посулами, и высказалъ всю правду въ отвѣтъ своемъ. Онъ не отрекался отъ союза съ Рыцарями, но говорилъ, что прежде всегда били они челомъ Новгороду, и теперь могутъ говорить о дѣлахъ своихъ съ Намѣстниками Пскова и Новгорода. О Швеціи онъ не сказалъ ничего, и опять отправилъ Посла, Дьяка Яропкина

(въ Апрѣль 1492 г.); ему велѣно было развѣдать достовѣрнѣе о политическихъ расположеніяхъ Императора , и какъ слышно было , что сватовство Максимилиана не исполняется , то предложись о возобновеніи прежнихъ по сему дѣлу сношеній. Велѣно было поискать еще невѣсты Василию между Европейскими Князнями , и если Максимилиановъ бракъ сошлется , то развѣдать о брачномъ союзѣ съ Саксонскимъ Курфирстомъ , или другимъ сыномъ Императора , Филиппомъ. Но во всѣхъ случаяхъ , прежде всего другаго , ему повелѣно было неизмѣнно думать о соблюденіи православія невѣсты , и наблюдать осторожность , чтобы *не повредить гести Государской*. Яропкинь видѣлъ Максимилиана въ Кольмарѣ , обманушаго въ честолобивыхъ замыслахъ на женитьбу и заняшаго войною съ Франціею. Съ обѣихъ сторонъ наговорили только множество увѣреній въ дружбѣ. Іоаннъ пересталъ думать о посольствахъ къ Императору. Максимилианъ , наслѣдовавшій отцу своему въ 1493 г. , вмѣшанный въ дѣла Реформаціи , открывавшейся въ Германіи , и въ дѣла Испанскія , по женитьбѣ сына его на дочери Фердинанда и Изабеллы , снова думалъ о Венгріи , и вспомнилъ о Русскомъ Царѣ. Посольство его , Гаршингеръ , пріѣхалъ въ Москву въ 1504 г. , просилъ у Іоанна кречетовъ , и предложилъ помощь , ибо Императоръ слышалъ , что

Московію обижаятъ сосѣди. Іоаннъ отвѣчалъ, что онъ, слава Богу, самъ управляетъ съ сосѣдами; готовъ однакожь помочь Императору завоевать Венгрію. Угостивъ Посла великолѣпно, отправивъ съ нимъ кречетовъ, Іоаннъ извинился, что не посылаетъ Пословъ отъ себя. Въ 1505 году Намѣстники Новгородскіе извѣстили Іоанна, что Гаршингеръ находится въ Эспляндіи, прислалъ Императорскія граматы на Іоанново имя, и пребудетъ переговоровъ. Зная, что хопяшъ говоришь о размѣнѣ Ливонскихъ плѣнниковъ, и предвидя бесполезность пересылокъ съ Императоромъ, вѣжливо опклонилъ Іоаннъ всѣ предложенія, только увѣряя въ дружбѣ (458).

---

(458) *Дѣла Цесарскія* въ Госуд. Архивѣ (Карамзинъ, прим. 339 до 342-го, съ 344 до 351, 353, 354, 571, 572). Съ Траханіопомъ въ 1489 г. послано къ Императору въ подарокъ 40 соболей, и двѣ шубы, *бѣлѣтъ и горностаявая*. Пошеля называли въ Руси *рицерь Николай Поплевъ*, а Гаршингера *Юдокъ Кантирьгеръ*. Съ Делапоромъ (1490 г.) Императоръ подарилъ бархатомъ, называя припомъ Іоанна: «Свѣплѣйшій и всемочнѣйшій и начальнѣйшій Іоаннъ, вседержавный Государь Русскій, нашъ дражайшій другъ.» Делапора Іоаннъ «учинилъ *золотоносцемъ*: далъ ему цѣпь золотую, со крестомъ, да шубу апласъ съ золотомъ, на горностаяхъ, да *остроги* (шпоры) серебряны, золоче-

Послы Іоанна ѣздили къ Императору черезъ Дашскія владѣнія , гдѣ оскорбляли ихъ разны-

---

ны. » Въпреный Поппелъ писалъ тогда-же, и прислалъ письмо съ слугою своимъ, препровождая « мониспо и ожерелье золопые, 15 локтей бархапу золопнаго и червлѣный бархатъ на золопъ , съ подкладкой синяго *тамлата*, » прося за эпо прислать живыхъ звѣрей «иже слывупъ по-Русски *лоси*, а по-Нѣмецки *Элеутб*, да одного *Гоцуллтина*, копорые сырое мясо ѣдятъ.» Такая вольность въ сношеніяхъ не понравилась Іоанну; онъ не принялъ подарковъ Поппеля, и велѣлъ сказать, что «Николай Поплевъ писалъ не по пригожу , какъ еспъ пишупъ къ Великимъ Государямъ.» Но въ доказательство ласковости, за изъявленіе должной его величію покорности, взялъ опъ слуги Поппеля двѣ проспыя обьяри , и велѣлъ богапо опдарить его, премя сороками соболей, цѣною въ 30-ть червонцевъ. Въ 1491 г. Делатпоръ жилъ въ Москвѣ около 5-пи мѣсяцевъ, и привезъ въ подарокъ *поставъ скарлату и дамашки*. Траханіопъ и Яропкинь (1492) наняли въ Германіи *книгопечатника Вароломея*, для перевода Нѣмецкихъ бумагъ, ибо сами не знали по-Нѣмецки, и боялись измѣненій въ договорахъ; Іоаннъ именно приказалъ писать договоры по-Славянски , а ежели не будетъ умѣющаго писать на семъ языкѣ , то по-Латински и Нѣмецки, но съ оговоркою , что всякая опмѣна прописвъ Русскаго подлинника не пріемлется въ дѣло. Гарпингеръ (въ 1505 г.) просилъ отвѣчать ему по-Латини, « занеже не могутъ разумѣти письма Русскаго, а были разумѣющіе языкъ Русскій , тѣхъ не спало,» и проч.

ми неудовольствіями, дружа Казиміру. Но Данія скоро увидѣла пользу союза съ Іоанномъ. Непрерывно продолжалась вражда ея противъ Швеціи, силлившейся свергнуть съ себя иго, наложенное рукою Маргериты. Іоаннъ могъ бытъ сильнымъ пособіемъ къ униженію Шведовъ, и въ 1493 г. въ первый разъ пріѣхалъ въ Москву Посоль Дашскій. Онъ заключилъ дружественный договоръ съ Іоанномъ. Послы Русскіе, Грекъ Раль и Дьякъ Зайцовъ, ѣздили подтвердити договоръ, и возвратились съ новымъ Посломъ Дашскимъ (459). Есть извѣстія, что внушенія Даніи побудили Іоанна разрушити древнія торговыя сношенія Ганзейскихъ городовъ съ Новгородомъ, и воевать Швецію въ 1495 и 1496 годахъ. Іоанна ласкали надеждою, что за сына его Василя опадутъ Принцессу Дашскую, и уступятъ ему значительную часть Финляндіи, гдѣ Рускіе не переспавали безпрестанно ссориться съ Шведами. Властвуя Новгородомъ, Іоаннъ хотѣлъ прекратить мѣлкія распри со стороны Ливонской и Шведской. Укрѣпивъ границы построеніемъ Ивангорода, противъ самой крѣпости Рыцарей,

---

(459) *Архивск. Лѣт.* (Карамзинъ, т. VI, прим. 366).

находившейся на рѣкѣ Наровѣ (въ 1492 г.), Иоаннъ держалъ охранительное войско въ Балтійскихъ обласяхъ, рѣшалъ самовластно споры, и хотѣлъ пріучить сѣверныхъ своихъ соседей къ уваженію воли его. Оплагая до времени рѣшеніе войною неприязни съ Рыцарями и Польшею, онъ могъ предполагать, что торговля Ганзеапическая поддерживаешь силы Новгородцевъ и оспашки вольнаго духа, который непрерывно спарался онъ испребить. Иоаннъ вѣдалъ, что выгоды торговли привлекутъ купцовъ Нѣмецкихъ въ Ивангородъ. Припомъ Ганза упадала въ сіе время, опшвсюду подрываемая новымъ порядкомъ дѣлъ въ Европѣ, усиленіемъ Голландцевъ и притѣсненіями Дашчанъ. Швеція, со временъ Калмарскаго союза (1397 г.), до самаго Густава Вазы (1524 г.), представляла въ Исторіи своей непрерывную мѣну порабощеній и освобожденій отъ ига Дашскаго. Но Данія всегда успѣвала пересиливать Швецію. Иоаннъ могъ надѣяться болѣе на дружбу Дашчанъ, и припомъ онъ опшвлекалъ сильнаго союзника отъ Рыцарей и Польши. Наконецъ — опшнесемъ и къ гордому характеру Иоанна поступокъ его съ Ганзейскими купцами: его оскорбили своевольнымъ наказаніемъ какого-то Рускаго въ Ревелѣ, и доносительными словами, сказанными при семъ случаѣ. Онъ слышалъ припомъ жалобы на обманы Ганзейскихъ куп-

цовъ , и—попребовалъ удовлетворенія : выдачи Ревельскихъ судей, осудившихъ его подданнаго. Получивъ отказъ , Иоаннъ велѣлъ захватить повсюду шовары Ганзейцевъ , и 49-ть человекъ Нѣмецкихъ купцовъ брошены были въ темницы. Посольство Ганзейское прѣбыло въ Москву въ 1495 г. , испросило свободу заключеннымъ , но Иоаннъ не отдалъ отнятаго у купцовъ , не говорилъ о возобновленіи торговли, и Новгородская Ганзейская торговля прекратилась надолго. Часть ея перешла въ Нарву. Рускіе ѣздили за Нѣмецкими шоварами въ Ригу, Ревель, Дерптъ (460).

---

(460) Кельхъ , стр. 153 ; Типогр. Лѣт. стр. 336 ; ссылка на Кранція, Гадебуша, и Арндта, см. у Сарпорія, G. des hanseat. Bundes, т. II, 471 — 474. Въ 1493 г. въ Ревель, при казни одного Рускаго, уличеннаго въ гнусныхъ пресупленіяхъ, говорили : « *Мы сожели-бы и самого вашего Вел. Князя, если-бы онъ тоже сдѣлалъ.* » Пишущій, что Иоаннъ, услышавъ о сихъ словахъ, изломалъ въ гнѣвѣ прость свою, и грозно вскричалъ : « *Суди Богъ дѣло мое и казни дерзость!* » Вопреки Карамзину (т. VI, стр. 266), догадка Сарпорія, что Ганзейская торговля подкрѣпляла духъ самобытности Новгородцевъ, можетъ почестъя весьма справедливою: Иоаннъ рѣшительно уничтожалъ всякую самобытность Новгорода. О внушеніяхъ Даніи кипеть Далинъ. Товары, захваченные въ Новгородѣ, цѣнили въ миллионъ гульденовъ. О жалобахъ на обма-

въ 1496 году, Иоаннъ началъ войну съ Шведами: онъ узналъ, что переговоры о покореніи Швеціи союзнику его, Королю Дашскому, оказались безуспѣшны. Еще въ 1495 г. воеводы Иоанновы осаждали Выборгъ, но были опбиты храбрымъ Рыцаремъ Поссе. Въ Ноябрь самъ Иоаннъ прибылъ въ Новгородъ, и распорядился походомъ сильнаго войска. Оно опустошило Финляндію до самыхъ опдаленныхъ ея предѣловъ. По Сѣверной Двинѣ, удалцы Русскіе пробѣжали даже въ Лапландію. Главный правитель Швеціи Спенъ-Спуръ спѣшилъ опражать враговъ, но не смѣлъ напасъ на Рускихъ, развлекаемый движеніемъ Дашчанъ на Швецію. Война кончилась новымъ нашествіемъ Рускихъ на Финляндію и раззореніемъ Шведами Ивангорода, опкуда прусливые воеводы, Князья Бабичъ, Брюхо и Гундоровъ бѣжали, опсавивъ Ивангородъ безъ защиты; Шведы выжгли его. Въ 1497 г. Король Дашскій былъ принятъ въ Швецію, опдавъ Спенъ-Спуру Финляндію. Онъ просилъ Иоанна прекратить военныя дѣйствія, и, кажется, ничего

ны Нѣмцевъ, см. *Цесарскія дѣла* (Карамз. т. VI, прим. 421). Подлинныя договоры съ Данією, въ Госуд. Архивѣ, нач. съ 1563 года; граматы съ 1574 г.; дѣла польскія съ 1516 г.

не далъ ему за пособіе. Впрочемъ , Рускіе были довольны добычею , и спрахомъ , наведеннымъ на Финляндію ихъ нашеспвіями. Дружба съ Данією продолжалась. Послы Датскіе пріѣзжали въ Москву въ 1500, 1501, 1503 гг. , хотя переговоры о бракѣ Василія съ дочерью Короля были оставлены (461).

Вспуная такимъ образомъ въ связи съ Государями Европы , и вникая въ ихъ полишнику , могъ-ли Іоаннъ не обратитъ вниманія на могущее царство Опшомановъ , власпителей Греціи , спрашившихъ Европу , повелѣвавшихъ въ Азіи и въ Европѣ , и обладавшихъ Крымскими ордами? Переговаривая съ другими о войнахъ прошивъ Султана , Іоаннъ хотѣлъ бытъ съ нимъ въ мирныхъ сношеніяхъ , и при случаѣ пользоваться его дружбою , ибо не могъ

---

(461) Поссе взорвалъ порохомъ башню , которою овладѣли Рускіе ; и это такъ изумило Финновъ , что они почли его волшебникомъ (см. Далина, *Шв. Ист.*). О походѣ 1496 года , Арханг. Лѣт. стр. 172 : « Изво-евали Полну рѣку , да Торнову , да Снѣжну ; добра поимали много , а полону безчисленно ; а ходили съ Двины , моремъ Акіяномъ , да черезъ Мурманскій носъ.» О взятіи Ивангорода , *Далинд* ; Спроевск. Лѣт. II , 255; *Архивск. Лѣт.* (Карамз. т. VI , прим. 433). О посольствахъ 1500 и 1501 г. *Ист. Г. Р.* т. VI , прим. 434.

ло бытъ. никакого повода къ войнѣ между Турціею и Русью. Турки полько управляли, но не владѣли Крымомъ; Молдавія и спешы необозримыя опдѣляли самыя ближнія владѣнія ихъ опъ Руси. Вскорѣ Іоанну представился случай войдши въ сношенія съ Сулшаномъ Турецкимъ. Русскихъ купцовъ припѣсняли въ Кафѣ Турецкіе чиновники, шакъ, что они вовсе переспали шуда ѣздитъ. Дьякъ Курицынъ разговаривалъ объ этомъ съ Пашею Турецкимъ въ Бѣлградѣ, и узналъ, что Сулшанъ желаетъ дружбы Русскаго Царя. Іоаннъ боялся униженія, и просилъ Менгли-Гирея развѣдать подробнѣе. «Если онъ шебѣ братъ, шо и мнѣ братъ,» опивѣчалъ Сулшанъ Крымскому Хану, который просилъ Іоанна оправдать его передъ Сулшаномъ, ибо Кафинскіе чиновники увѣрили въ Царьградѣ, что шорговля съ Рускими прекратилась по умысламъ Менгли-Гирея. Въ 1492 г. Іоаннъ опправилъ грамашу къ Сулшану, начавъ ее шакъ: «Сулшану Великому Царю, между Бесерменскихъ Государей Великому Государю, вольному надъ Турецкими Государями, надъ землею и моремъ, опъ Іоанна, Божіею милосшію единаго праваго Господаря всея Руси, опчича и дѣдича, и многихъ земель опъ Сѣвера и до Восшока Государя. Величешву швоему слово наше шо.» Іоаннъ объяснялъ далѣе обиду Русскихъ купцовъ и предлагалъ взаим-

ное привѣшшвіе. Баязешъ , наслѣдникъ Мугаммеда II-го , царствовавшій тогда , принялъ предложеніе Іоанна , запретилъ припѣснѣ Рускихъ въ Каѣѣ , и опсправилъ къ Іоанну Посла и грамаху. Но Турецкаго Посланника оспановилъ въ Кіевѣ Польскій Король , сказавъ , что никогда прежде Сулшанъ не сносился съ Русью черезъ Липву. Іоаннъ опсправилъ однакожь въ Царьградъ Посла своего Плещеева (въ 1496 г.) , послалъ дружескую грамаху , но шакъ строго запретилъ ему унижаться передъ Сулшаномъ , что Плещеевъ едва не разрушилъ всей пріязни нарушеніемъ придворныхъ обрядовъ Поршы Опшоманской. Плещеевъ привезъ въ Москву ласковую грамаху Баязеша. « Единъ Богъ ! » — писалъ Сулшанъ. — « Великоимениный Гамаюнъ , Сулшанъ Баязешъ , сынъ Мугаммеда , въ своей землѣ , Божіею милосшію Анаполійской и Румской земли , Бѣлаго и Чернаго морей , Караманскій и меньшаго Рима , говорю тебѣ , многихъ земель Государь , всея Руси Воспочной и Земной , и многихъ спранъ Князь Иванъ : въ добрый часъ прислалъ ши къ моего порогу , опъ своего праваго , чистаго сердца , добраго челоѣка Михаила. Пупъ его посольшва до меня дошелъ ; онъ меня видѣлъ и грамаху пвою опдалъ , а я , взявъ ее , приложилъ къ моему сердцу. » Объясняясь пошомъ о покровишельшвѣ Русскимъ купцамъ , Сулшанъ гово-

рилъ : « опшускай ихъ въ мою землю; они увидяшь мою правду къ тебѣ , и тебѣ объ эпомъ скажущь.... Дай Богъ , чшобы Посолъ пивой возвратился къ тебѣ благополучно. Онъ повѣдаешъ тебѣ мое здоровье, дружбу и любовь; ошъ меня тебѣ великій поклонъ; кшо мнѣ другъ, тебѣ другъ, и пому великій поклонъ. » Но Баязешъ былъ недоволенъ Плещеевымъ , и за шѣмъ шолько не опсправилъ въ Москву Посла своего , чшо боялся униженія въ обрядахъ. Все эшо высказалъ онъ Менгли-Гирею , говоря ему , чшо Царь Русскій прислалъ къ нему невѣжду; чшо онъ, Сулпанъ, уважаемый ошъ Востока до Запада , боится понести спыдъ оскорбленія въ лицѣ Посла своего , и пошому передаетъ сношенія съ Русью сыну своему Шихзадѣ , правителю Кафы. Иоаннъ опсправилъ въ 1499 г. новаго Посла своего Голохвасшова , оправдываясь въ мнимой неучливости Плещеева. Сулпанъ опвѣчалъ привѣпливо ; но Посолъ присланъ былъ въ Москву шолько ошъ Шихзады. Иоаннъ ласкалъ его , даже посадилъ за свой шполь. Торговля съ Турціею началась снова , и продолжалась безъ препяшствій (462).

---

(462) *Дѣла Крымскія* (Карамз. VI, прим. 372, 373, 441, 442, 458, 459). *Дѣла Польскія* (шамъ-же, 411). Послы изъ Кафы привѣзжали еще въ 1501 г. Съ

Упомянемъ наконецъ о трехъ посольствахъ къ Іоанну, дополняющихъ весь объемъ дипломатическихъ его сношеній съ Европою и Азією. Одно изъ нихъ было отъ Чагашайскаго Султана, попомка Тимурова, Гуссеина-Мирзы. Посольство его, Богашыр Урусъ, прїѣзжалъ въ Москву въ 1490-мъ году; слѣдствія сего посольства неизвѣстны (463). Въ 1492 г. прибыли въ Москву Послы Царя Грузинскаго Александра. Спѣсняемый отъсюду, сей единовѣрецъ Русскаго власнишеля униженно билъ ему челомъ, моля о покровительствѣ. «Изъ дальнія земли ближнюю мыслью, меньшій изъ холоповъ швоихъ, шебъ, великому Царю и Господарю, челомъ бью» — писалъ Царь Грузинскій. «Ты цвѣтъ зеленаго неба, намъ шемнымъ, звѣзда

ними поѣхалъ Голохвастовъ, пребывая управы на Азовскихъ Ташаръ, убившихъ Русскаго Посла Купцова, возвращавшагося изъ Кафы. Подлинныя договоры съ Турцією въ Госуд. Архивѣ нач. съ 1681 г., граммы съ 1615 г., а посольскія дѣла съ 1513 года.

(463) Архивск. лѣш. (Карамз. т. VI, прим. 367). Гуссеинъ, обладатель Бухаріи, былъ праправнукъ Тимура, успѣлъ овладѣть Хорасаномъ, и славился на Воспокѣ мужествомъ и мудростью. Въ началѣ XVI-го вѣка, Ханы Узбекскіе разрушили царство Тимуровыхъ попомковъ; и послѣдній изъ нихъ, *Бабуръ*, бѣжалъ въ Индію, гдѣ былъ попомъ родоначальникомъ Великихъ Моголовъ (см. Ист. Р. Н. т. VI, прим. 136).

и надежда Хриспанъ, вѣры нашей крѣпость, всѣмъ Государямъ прибѣжище и законъ, подпора бѣднымъ, *надѣя* бесерменомъ, законной земли грозный Государь, Князьямъ высшій Князь и справедливая управа, пишина земли, обѣшникъ Чудотворца Николая. Добрыхъ Государей молишвою и счастиемъ, мы еще живы въ Иверской нашей землѣ, и воздали-бы хвалу Богу, если-бы и о пвоемъ здравіи услышали. О семъ опвѣдашь, и ударишь шебѣ челомъ, послали мы Пословъ нашихъ къ пвоему порогу. Будь посылка наша въ добрый часъ, и дай шебѣ Богъ счастья. Даже и холопсшва пвоего недоспойный, Царь Александръ.» — Можешъ бышь, привѣпомъ Іоанна удоспоено было это униженное посланіе Царя, привыкшаго рабсповашъ (464). Не знаемъ пакже, что опвѣчалъ Іоаннъ Послу Шамахійскаго Сулпана, пріѣзжавшему въ 1499-мъ году. Вѣроятно впрочемъ, что Чагапайскіе и Шамахійскіе посланные были собспвенно купцы, пріѣзжавшіе въ Русь шорговашъ, и испрашивавшіе себѣ званіе Пословъ, для большей выгоды. Мы упоминали о сношеніяхъ Іоанна съ Персією, и предме-

(464) О Грузинскомъ Послѣ, *Архивск. Лѣт.* (Исп. Г. Р. ш. VI, прим. 370).

пѣ оныхъ; но общомяшельства сихъ сношеній для насъ неизвѣстны (465).

Не удовлетвореніе ничтожнаго честолюбія руководило Іоанна въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Онъ искалъ повсюду существенной пользы, величія государственнаго, и не хощѣлъ прашить ни времени, ни расходовъ на бесполезныя пересылки и переписки. Уничтоженіе Золопой Орды и безопасность оупъ Монголовъ были цѣлью посольствъ его въ Персію, дружбы съ Крымомъ и Ногаями; униженіе Польши поводомъ сношеній и дружбы съ Молдавіею, Венгріею, Императоромъ и Даніею; выгоды шорговыя заспавляли пересылашьясь съ Сулпаномъ. Объемъ политическихъ дѣйствій Іоанна еще не обхващывалъ многого; но какъ безмѣренъ былъ онъ послѣ того, что занимало ошца его

---

(465) О Шамахинскомъ Послѣ, Кар. п. VI, прим. 457. — Гассанъ, или *Узунд-Гассанъ*, былъ изъ рода Туркомановъ *Чернаго барана* (шакъ названныхъ по изображенію на ихъ знаменахъ). Онъ уничтожилъ власть Туркомановъ *Благо барана*, владѣвшихъ Персіею послѣ испребленія попомковъ Тимура, въ 1410 году, и былъ славенъ на Воспокѣ и въ Европѣ своею храброспію и просвѣщеніемъ. Онъ умеръ въ 1478 г., а въ 1501 г. родъ Гассана уже былъ низверженъ *Измаиломъ Софи*, внукомъ славнаго Софи, возспановишеля Аліевой секпы въ Персіи.

и дѣда, и какъ искусно успѣвалъ Іоаннъ извлекать пользу изъ всѣхъ своихъ начинаній! На дѣлахъ, поступкахъ, даже рѣчахъ Іоанна лежалъ припомъ всегда неизгладимый пипъ его вѣка и современнаго ему образованія Руси: Іоаннъ ищешъ невѣсны сыну, жениха дочери въ Европѣ; но первое условіе его—сохраненіе православія. Онъ хочешъ дружбы и союза Государей, но не позволяешъ малѣйшаго униженія въ обрядахъ, доказывающихъ его величіе и силу (466).

Не зная современнаго ему просвѣщенія и образованія Европы, даже чуждый ихъ по религіозному своему направленію, ни опъ Греціи, ни опъ Запада Іоаннъ не пребовалъ пособій для просвѣщенія умственнаго. Но онъ вполне понималъ необходимость знаній, вещественно

(466) Наказъ Траханіопу и Кулешину, 1490 г. въ *Ист. Г. Р.* т. VI, стр. 216. Спрогоспи, съ какою наблюдалъ Іоаннъ обряды, въ сношеніяхъ съ иноспранными Государями, мы видѣли примѣры: сношенія съ Турціею едва было не разрушились опъ того, что Посоль его Плещеевъ пребовалъ переговоровъ лично съ Сулпаномъ, правилъ поклонъ споя, не хопѣлъ обѣдашь съ Пашами (Карамз. т. VI, стр. 273); Іоаннъ считалъ за униженіе переговаривашъ пайно съ Посломъ Императора; не позволялъ Ливонскимъ Рыцарямъ и Швеціи вестъ переговоры съ нимъ самимъ;

полезныхъ , и не щадилъ ничего для привлеченія въ Русь искусныхъ людей , художниковъ , знапоковъ. При каждомъ сношеніи своемъ съ Европою , Иоаннъ имѣлъ эно поспоянною цѣлью.

Сунружество Иоанна съ Греческою Царевною не принесло Руси собственно ничего , кромѣ чести — именованья Русскому Царю зяшемъ Греческихъ Имперашоровъ , « попомковъ ошъ « корени Августа Кесаря , при копоромъ во « плопился Исусъ Христосъ и славился го « родъ Римъ Великій. » Греческую шогдашнюю Церковь , уцѣлѣвшую подъ игомъ Опшомановъ , послѣ Флореншійскаго раскола и несчастныхъ его слѣдшвій , Руссы почитали ушрашившемъ первобышнюю чиспошу. Наслѣдства за Софією не было. Дружбу Сулшана Иоаннъ , конечно , предпочель-бы нуспому пишулу *наслѣдника Византійскаго престола*. Онъ и не искалъ сего пишула. Брашья Софіи оба оспавались недо-

---

Послы его должны были вручать грамапы Магистру Ливонскому *сидя* ; получивъ посольство опъ сына Имперашорскаго , а не опъ самого Имперашора , онъ велѣлъ полько *спросить о здоровѣ Императора* , но опнюдь не *править поклона* , и вмѣсто себя приказалъ опвѣчать сыну своему. Словомъ : соблюденіе этикета въ сношеніяхъ и перепискахъ со временъ Иоанна составило важную часть Дипломатики Русской.

вольны Іоанномъ. Одинъ изъ нихъ , Эммануиль, переѣхалъ въ Царьградъ и умеръ шамъ работою Мугаммеда II-го ; другой, Андрей, пріѣзжалъ въ Москву два раза , выдалъ дочь свою за сына Князя Верейскаго , но умеръ въ Римѣ , и передалъ право свое на Царьградъ Королю и Королевѣ Испаніи (467). Но Іоаннъ извлекъ важныя выгоды ошъ пріѣзда многихъ Грековъ въ Москву. Таковы были : Ралъ , Траханіюшъ , Ласкаръ , Руфъ , и ихъ шоварищи. Они привле-

(467) Впрочемъ , вмѣсто прежнихъ разнообразныхъ печашей Княжескихъ , Іоаннъ началъ употреблять поспоянно на печашахъ орла Византійскаго. Первая изъ извѣстныхъ намъ грамашъ съ такою печашью опно-сится къ 1497 году (*Собр. Гос. Грам.* т. I, № 129). Съ одной спороны видѣнъ на ней всадникъ , поражающій копьемъ дракона , и надпись: *Іоаннъ, Божією милостію, Господарь всея Русси, Великій Князь* ; съ другой двуглавый орелъ , съ опущенными крыльями и распроспертыми лапами ; на обѣихъ головахъ его находящяся короны ; кругомъ надпись: *и Великій Князь Владим. и Моск. и Новгород. и Псковск. и Тверск. и Угорск. и Вятск. и Перм. и Болгар.* — Впослѣдствіи начали почиташъ первое изъ сихъ изображеній гербомъ Московскимъ, впорое гербомъ Всероссійскимъ. — Андрей, послѣдній Палоловъ , былъ въ Москвѣ въ 1480 и 1490 гг. Онъ повсюду безславилъ себя буйшвомъ , распущшвомъ , и продалъ право на Византійскій престолъ сперва Королю Французскому, утвердивъ

кали къ нѣму другихъ иноземцевъ ; были Послами , чиновниками Іоанна , изъясняли ему политическія связи Европы, учили Русскихъ Дипломатикъ, и образовывали Куричныхъ, Голохвастовыхъ, Мамыревыхъ, Беклемишевыхъ, кощорые должны были отдавать Іоанну отчетъ обо всемъ, что они видѣли, замѣтили, слышали въ Европѣ (468). И прежде выѣзжали въ Русь художники Европейскіе ; Іоаннъ началъ самъ искашь, вызываъ ихъ въ Русь. Зодчіе, лишейщики, врачи, живописцы пріѣзжали по его слову въ Москву во множествѣ. Въ 1490-мъ году, съ брашомъ Софіи прибыло ихъ вдругъ нѣсколько семействъ ; въ 1493 г. Посолъ Мамыревъ вывезъ изъ Венеціи и Милана *стѣнныхъ и палатныхъ* масперовъ ; въ 1504 г. Дмитрій Раль, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Італіи, привезъ изъ Рима масперовъ серебряныхъ, пушечныхъ и стѣнныхъ. Безпрерывно

это актомъ 1494 г. (Гиббонъ, т. XIII, стр. 125), вслѣдствіе чего Карлъ VIII-й торжественно назвался *Августомъ* и надѣлъ багряницу ; но Андрей разсердился попомъ на него, и перепродалъ свое право Фердинанду и Изабеллѣ.

(468) Такъ въ донесеніяхъ Траханіопы и Яронкина находимъ извѣстія о погодныхъ событіяхъ Европы, и даже мѣлоцахъ, какъ-то : цѣнѣ хлѣба во Фландріи (Кар. т. VI, прим. 356).

подкрѣпляя для сего сношенія съ Ишаліею, гдѣ славились тогда Искусствами, Іоаннъ (въ 1490 г.) просилъ также у Императора Максимилиана искусныхъ лекарей, рудознашцевъ, инженеровъ, серебряниковъ; велѣлъ искашь и нанимать ихъ; просилъ Саксонскаго Курфирсша не препяшпвовашъ ихъ проѣзду; и еще прежде, у Машеіа Корвина (въ 1482 г.) пребовалъ различныхъ художниковъ, извѣщая Венгерскаго Короля, что въ Русскомъ царствѣ еспъ всего обиліе, золоша и серебра, но добывашъ сихъ мешалловъ Рускіе не умѣюпъ (469).

---

(469) Съ братомъ Софіи (1490 г.) прибыли «Архипекпнъ Пепръ Анпоній, да ученикъ его Заманпоній, масперы спѣнные и палашные, да пушечный масперъ Яковъ съ женою, да серебряныхъ масперовъ Христофоръ, съ двумя учениками изъ Рима, да Ольберпъ Нѣмчинъ изъ Любека, да Карлъ съ ученикомъ изъ Медіолана, да Пепръ Райно Грекъ изъ Венеціи, да капланъ бѣлыхъ чернцовъ Августпинова закона Іоанна спасипела (копорый попомъ, къ великому шоржеспву Рускихъ, принялъ Греко-Россійскую вѣру, женился и былъ награжденъ помѣспьями), Арганнагой Грекъ, да лекарь Жидовинъ *Мистро* (Maestro) Леонъ изъ Венеціи» (Тип. Лѣш. стр. 317). О другихъ см. Исп. Г. Р. Т. VI, прим. 104, 342. Траханіопу дано было на расходы для найма людей 2 сорока соболей и 3000 бѣлокъ; велѣно ему было: «добываши мастера рудника, да копорый умѣешъ опъ земли раздѣлиши золошо и серебро; да ка-

Художники, прибывшіе въ Россію, не оставались безъ дѣла: они украсили Москву каменными зданіями, спѣнами, храмами; били монету, искали рудъ, лили пушки, дѣлали оружіе.

Въ 1471 г. Іоаннъ захопѣлъ вновь поспрошъ обвѣшавшій опъ времени Успенскій соборъ; Русскіе мастера разломали его, начали новыи, и довели до сводовъ; вдругъ (въ 1474 г.) все зданіе обрушилось, опъ неумѣны

меньшица хипраго, копорый-бы умѣлъ палашы спавишь; да серебрянаго мастера хипраго, копорый-бы умѣлъ большіе сосуды дѣлашь, да и кубки, да и чеканиши, и писаша на сосудахъ,» и проч. Распоряженія Іоанна по сему случаю чрезвычайно подробны: «Рядишь мастеровъ на наемъ, по кольку имъ найму на мѣсяць даваши, за все про все; а не поѣдушь на наемъ, похощають поѣхаша на Великаго Князя жалованъ, и ихъ съ собою взяши.... А не пойдутъ соболи и бѣлки на мастера, ино продаши на золотые, на Венедикскіе, или на Угорскіе, да золотые привезши къ В. К.» и проч. — Въ вѣрующей грамотѣ Траханіопу (1489 г., подписанной Іоанномъ *собственноручно*, см. *Соб. Г. е.*, т. II, № 21), сказано было: «приказали еси ему заши на наше имя мудрыхъ людей, мастеровъ всякихъ, копорые пригожи къ нашимъ пошребамъ,» и проч.—О сношеніяхъ по сему случаю съ Максимилианомъ, Саксоніею и Венгріею, см. *Ист. Г. Р.* т. VI, стр. 217, 223, 173.

спроишелей. Іоаннъ заказалъ тогда сыскашь въ Ипаліи опытнаго зодчаго : согласился ѣхать въ Москву знаменишый зодчій Болонскій Фіоравенпи , прозванный *Аристотелемъ*. Говорили, что онъ искусенъ во всемъ , двигаетъ съ мѣста башни , спроишь удивительные мосты ; всѣ дивились механическимъ снарядамъ его , и даже подозрѣвали его въ волшебствѣ. Фіоравенпи изумлялъ Москвичей новостію своихъ пригопвленій къ поспройкѣ , и соорудилъ храмъ Успенскій , донныѣ прочный и пвердый. Храмъ сей конченъ былъ въ 1479 г. (470). Не менѣ славились въ Москвѣ — Марко Фрязинъ , Аншонъ Фрязинъ , Пешръ Аншоній , Павель Дебосисъ : послѣдній пригопвлялъ пушки Іоанну , и оплилъ на удивленіе всѣмъ огромную *Царь-пушку* въ 1488 году ; двое первыхъ воздвигли на площади Кремлевской , прошивъ церкви Іоанна Лѣсшвичника , *Гра-*

---

(470) Имя *Фіоравенти* (Ridolfe Fioraventi), или *Алберта Аристотеля* («хипроспи ради его *Аристотелемъ* зваху,» по словамъ Толбузина, ѣздившаго за нимъ въ Ипалію), извѣстно въ Испоріи Художествъ въ Ипаліи. Говорили , что онъ сдвинулъ съ мѣста колокольню въ Болоніи , а въ Ченто выпрямилъ покривившуюся колокольню ; что его звалъ къ себѣ Сулпанъ , и посланные Іоанна съ изумленіемъ описывали механическія изобрѣшенія , и великолѣпный домъ Фіоравенпи , бывшій въ Венеціи. Онъ договорился получать по 10

новитую Палату, построили новый Соборъ Благовѣщенскій близъ дворца. Послѣ двукрашнаго страшнаго пожара, опустошившаго Москву въ 1493 г., Алевизъ Ипальянецъ, въ 1499 г., воздвигъ для Іоанна новый каменный дворецъ, названный *Теремнымъ*. Еще съ 1485 г., вмѣсто вѣхихъ спѣвнъ, построенныхъ Донскимъ, иноземные художники спали обводишь Кремль новыми каменными спѣвнами, и кончили дѣло въ 1492 году; Кремль окружили послѣ сего рвомъ и мостами; Іоаннъ велѣлъ очистишь мѣсто кругомъ Кремля, не пожалѣлъ ни домовъ, ни церквей, и не слушалъ суевѣрнаго ропоша людей, которые называли сію очистку «земскою бѣдою, горевали, что сломаны церкви *извѣсныя*, коси мершвыхъ вынесены

рублей въ мѣсяцъ. О колдовствѣ его: въ *Стоглавѣ* именно запрещается ворожишь по какимъ-то *Аристотелевымъ вратамъ*. Есть особыя медали, съ надписью: *Aristoteles*, вѣроятно, бившыя въ честь его при Іоаннѣ. Подробности постройки Успенскаго собора, паденія его, и новой постройки Фіоравенти, находящяся въ Русскихъ Лѣтописяхъ (особенно *Стр. Лвт. ш. II*, стр. 134, и слѣд.); многія изъ сихъ подробностей чрезвычайно любопытны, какъ-то: о производствѣ работъ Фіоравентиемъ, цѣнахъ матеріаловъ, открытіи и перенесеніи мощей, и проч. Выписка ихъ заняла бы много мѣста, и мы будемъ еще говорить объ этомъ въ XII-мъ ш. Исп. Р. Н.

изъ земли, и гдѣ были алшари, памъ, по неогороженному мѣсту, собаки бѣгающъ.» Въ 1505 г. заложенъ былъ наконецъ новый соборъ Архангельскій. Мы упоминали о поспроеніи каменнаго Ивангорода. При осадѣ Новгорода, въ 1477 г. *дивный мостъ* черезъ Волховъ навѣденъ былъ Фіоравеншіемъ. Онъ нѣсколько разъ послѣ того начальствовалъ Русскою артиллеріею въ походахъ (471). Узнавъ, что въ Сѣверѣ Русскомъ есть руды драгоцѣнныхъ металловъ, Нѣмецъ Шнупсъ пріѣхалъ въ Москву, съ Послами Максимиліана и Сигизмунда, Князя Иншпрукскаго. Онъ изъявилъ желаніе осмотрѣть дальнія Сѣверныя спраны. Іоаннъ не позволилъ, и оговорился, что памъ ѣздинъ опасно и неудобно; одарилъ Шнупса и оппустилъ его. Но еще за годъ прежде (въ 1491 г.),

---

(471) Карамзинъ, II, прим. 105, и слѣд. О ропотѣ невѣждъ, см. письмо Новг. Архіеп. Геннадія къ Митрополипу Зосимѣ (Исп. Г. Р. II, пр. 107); а Геннадій опличался еще умомъ, свѣдѣніями (см. прим. 529), былъ нарочно возведенъ Іоанномъ въ санъ Архіепископа Новгородскаго, даже уличаемъ въ вольнодумствѣ, разрѣшивъ, во время бытности своей Чудовскимъ Архимандритомъ, пить во всякое время Божоявленскую воду, за что былъ посаженъ въ ледникъ (Спр. Лѣт. II, 225). Чтѣ-же говорили и мыслили другіе?

рудознапцы Иванъ и Викшоръ поѣхали на сѣверъ, и близъ Печоры, на рѣкѣ Цылимѣ, открыли богашую мѣдную руду; на другой годъ тамъ устроены были заводы. Сии-же рудознапцы, въ Уральскомъ хребтѣ, омыскали серебро и золото (472).

Усвоивая такимъ образомъ Русской землѣ искусства и художества Запада, Юаннъ мыслилъ о земскомъ распорядкѣ своего народа. Здѣсь исчислимъ мы кратко главнѣйшіе предметы его вниманія, ибо подробности законовъ и государственнаго устройства будемъ излагать отдѣльно.

Горделивый побѣдитель Орды, Казани и Новгорода, зять Греческихъ Императоровъ, другъ сильныхъ Монарховъ, какъ будто желая

(472) О Шнупсѣ, *Дѣла Цесарскія* (Карам. т. VI, прим. 362). О посылкѣ на Цылму, *Синод. Лѣт.* (Исп. Г. Р. т. VI, прим. 360). Въ Эрмипажномъ Минцъ-Кабинетѣ хранился снимокъ съ золотой медали, вѣроятно, выбитой погда на память: онъ серебряный; изображенъ Св. Николай Чудотворецъ, и надпись (сдѣланная, по видимому, чужестранцемъ, не знавшимъ по-Русски): *Икой вел дрсоиго ЗЕ ле створилъ единъ талеръ златъ и сблилъ златъ и подарова Кнегини своа Тодосіа* (т. е. «Лѣта 7005-го, Великій Государь сотворилъ, слилъ единый талеръ золотой, и подарилъ Княжнѣ своей Θεодосіи» (дочери).

искоренишь въ умахъ память о прежнемъ рабствѣ Русскихъ Князей, Іоаннъ окружилъ себя Царскимъ великолѣпіемъ, обрядами, приличіями дворскими и блестящимъ Дворомъ, живя въ своихъ бѣлокаменныхъ Кремлевскихъ палатахъ и перемахъ. Иноспранные Послы видѣли Іоанна среди благоговѣющихъ, безмолвныхъ царедворцевъ, важнаго, суроваго, спрогаго, заспавляющаго препешашь одного слова, одного взгляда (473). Онъ собиралъ Боярскія Думы,

(473) См. выше, прим. 466. Герберштейнъ (Р. М. стр. 8) сказываешь, что женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго взгляда Іоаннова, и собесѣдники сидѣли молча за обѣдомъ, когда Іоаннъ начиналъ дремать; никто не смѣлъ погда ни пошевелишься, ни вспашь изъ за сполы. Горделиво посылалъ Іоаннъ Царя (Казанскаго) на войну, придавая ему для вида шишуль предводителя войскъ. Касательно многочисленной свиты, всегда слѣдовавшей за Іоанномъ, см. описанія походовъ и поѣздокъ его въ Новгородъ, въ Лѣтописяхъ. Такъ, напримѣръ, при поѣздкѣ въ 1495 г., съ нимъ было: 12 Бояръ, 3 Окольникіе, Великій Дворецкій, Постельничій, Спальничій, при Дьяка, 50 Князей (*Разрядная книга*, Карамз. т. VI, прим. 430). Сдѣлавъ званіе *Боярѣ* чиномъ государспвеннымъ, вмѣсто *пяти*, бывшихъ въ началѣ царствованія, Іоаннъ имѣлъ ихъ при кончинѣ своей *тринадцать*, кромѣ другихъ чиновниковъ, какъ-то: *Дворецкаго, Казначея, Постельникаго, Ясельникаго, Конюшаго*, и проч.

Совѣпы, Соборы, но только для показанія своего величія: собранія только подтверждали, что предполагалъ одинъ Іоаннъ. Никто не былъ участникомъ его пайной думы, никто не смѣлъ прошивишься его слову; всѣ—полководцы, сановники, уравнивались передъ Іоанномъ въ повиновеніи; наказаніе жестокое равно ожидало преслушника его воли, знашнаго и не знашнаго, чиновнаго и просполюдина. На пирахъ и бесѣдахъ никто не смѣлъ сказать единого слова, пока не начиналъ Іоаннъ. Среди воинскаго спана, онъ не сражался самъ, какъ предки его: онъ повелѣвалъ; сражались и предводили дружинами другіе, послушные его велѣнію (474).

---

(474) Примѣры спрогихъ наказаній послушникамъ воли Іоанновой, мы видѣли въ дѣлахъ Новгорода и Пскова. Увидимъ еще въ дѣлѣ по заговору Софіи и Василя (1498 г.); въ дѣлѣ невѣстки Елены и внука Димитрія (1499 г.); въ дѣлѣ несчастнаго Князя Лукомскаго (1493 г.); въ дѣлѣ Жидовскихъ ерепиковъ (1503 г.); въ дѣлѣ послушныхъ воиновъ подъ Смоленскомъ (1502 г.). Вотъ примѣръ частный: въ 1491 г. высѣкли кнупомъ Князя Ухтомскаго, и Чудовскаго Архимандрита, за подѣлку грамапы (*Лѣт. Львова*, т. V, стр. 199). Иностранцы не избѣгали наказаній тяжкихъ, наравнѣ съ Рускими. Іоаннъ, хотѣвшій казнить Венеціанскаго Посла Тревизана (1472 г.), за сокрытие своего зва-

Понявъ важность предварительной полиши-
ки въ дѣлахъ внѣшнихъ, Іоаннъ первый понялъ
и важность предварительнаго приготовленія
воинскихъ дружинъ для дѣла военнаго. Охра-
нительные опряды на предѣлахъ государства,
войско готовое къ сбору по первому слову,
оружіе полное, исправное, устройство въ на-
чальствѣ его и правильное раздѣленіе по *раз-*
рядамъ—таковы были причины, способство-
вавшія тому, что Іоанна никогда не заставали
врасплохъ ни Казань, ни Орда, и что онъ
всегда готовъ былъ двинуть поспѣшно дружи-

нія, рѣшительно не щадилъ чужеземцевъ, предава-
вшихъ ему судьбу свою вполнѣ. Примѣры: лекаръ, взяв-
шійся вылечить сына его, и не исполнившій обѣщанія,
былъ казненъ жестоко; врачъ Анпонъ, Нѣмецъ,
уморилъ (п. е. не вылечилъ) сына Даніярова, и Іоаннъ
выдалъ его Даніюру, а «онъ мучивъ его, хотѣ даши на
окупъ; Князь-же Великій не повелѣ, но велѣ его убипи,
и сведше его на Москву рѣку, подѣ мостъ, зимою, да
зарѣзаша его ножемъ, какъ овцу» (Спр. Лѣт. п. II,
226). Сія казнь такъ испугала Фіоравенпи, что онъ,
не надѣясь ни на заслуги свои, ни на милоспи Іоанна,
хотѣлъ бѣжать; его уличили, и посадили въ започене-
ніе, на дворѣ несчастнаго Анпона. Стефанъ Молдав-
скій говаривалъ объ Іоаннѣ: *Illum domi sedendo et*
dormitando imperium suum aũgere, se vero pugnando
quotidie vix limites defendere posse (Герберштейнъ, R M.
спр. 8). Неудивительно!

ны сильныя и многочисленныя. Войско Іоанна въ одно время защищало Псковъ отъ Рыцарей, Карелію отъ Шведовъ, западъ отъ Липвы, воспокъ отъ Казани, ходило покорять опдаленный сѣверъ и помогало Менгли-Гирею. Тогда еще во всей Европѣ не знали поспоянныхъ войскъ, или *солдатъ*; воинъ обращался къ своимъ мирнымъ занятіямъ, уцѣлѣвъ на брани и воропясь во свояси. Но Іоаннъ началъ уже шу государственную систему, по которой выгоды особенныя давались человѣку, долженспвовавшему сражаться за опчизну, и войско его перестало бытъ безпорядочною толпою наскоро набраннаго народа (475).

---

(475) Поспоянное войско, не просто сборъ людей на случай войны, или не на долгое время, какіе нибудь *Кондотіери*, утредилось первоначально во Франціи, съ половины XV-го вѣка: Карлъ VII-й, первый завель 25,000 войска поспояннаго въ 1445 году. У насъ Іоаннъ первый началъ давать земли и помѣстья, съ обязанностію выспавлять извѣстное число рапниковъ. Древнѣйшая *Разрядная книга*, или росписаніе людей и воеводъ по полкамъ, опносится къ 1471 г. (Исп. Г. Р. ш. VI, прим. 582). Множесство Липовцевъ, Нѣмцевъ, попадавшихся въ плѣнъ, были принуждаемы къ поспоянной службѣ воинской. Разряды произвели наконецъ гибельное *мѣстничество* (см. о семъ Исп. Р. Н. ш. VI, спр. 27). Древнѣйшій примѣръ споровъ *за мѣста* находимъ въ 1500 году: воевода Юрій

Не менѣ важны были гражданскія учрежденія Іоанна : *Приказы*, по которымъ раздѣлялись дѣла ; единообразное устройство подашей и сборовъ ; внутренняя полиція по городамъ ; распоряженія при пожарахъ , споль часто опустошавшихъ города , состоявшіе изъ деревянныхъ, шѣсными , кривыми улицами расположенныхъ домовъ. Самъ Іоаннъ подавалъ примѣръ мужества на пожарахъ. Недоступный въ шеремѣ своемъ въ другое время , онъ первый являлся , нерѣдко съ дѣтьми своими , пушилъ огонь , награждалъ и упѣшалъ потерявшихъ (476). Видя

Захаревичъ (Романовъ) жаловался Іоанну , « что ему въ *Сторожевомъ полку* быши не мочно : по мнѣ сперечи Князя Данила (*Щеню* , которому поручили *Большой полкъ* , одержавшему попомъ побѣду при Ведронѣ , мспившему Ливоніи за Сирицкую битву , и успоявшему пропизвъ Плеспенберга въ Смоленской битвѣ). И Князь Великій къ нему приказалъ : « Гораздо-ли пакъ чинишь ? Говоришь : тебѣ не пригоже сперечи Князя Данила , меня и моего дѣла . Каковы воеводы въ Большомъ полку , пакъ чиняпъ и въ Спорожевомъ ; ино не соромъ тебѣ ? » и проч. *Разрядн. книга* (Карамз. т. VI , прим. 489).

(476) « Іюля въ 22-й день (1472 г.) загорѣся на Москвѣ.... и самъ Князь Великій по многимъ мѣстамъ стоялъ со многими дѣтьми Боярскими , объѣзжая вскорѣ , и повелѣвая гасити и размешывати » . . . . « Окп.

разнообразіе успавовъ и законовъ по разнымъ обласнямъ Русской земли, онъ повелѣлъ собрать и разсмотрѣть ихъ; по его волѣ былъ написанъ успавъ о судѣ уголовномъ, извѣстный подъ именемъ его *Уложенія*. Сосоставленіемъ сего *Уложенія* занимался Дьякъ Владиміръ Гусевъ (477).

Всѣ сіи начала гражданскаго устройства были еще слабы, несовершенны. Но что засталъ

1475 г.) въ 4-й часъ дня загорѣся на Москвѣ.... Князь же Великій самъ пришедъ, со многими людьми, угашиша, и опполъ поиде В. К. за сполъ, и часа того загорѣся внипри-же града.... и едва угашиша въ 3-й часъ ноци, понеже самъ В. К. пристоялъ (опспоялъ) со многими людьми».... О пожарѣ 1477 года: «Пристоялъ самъ К. В. и сынъ его, понеже не успѣ лещи еще К. В. послѣ споянія *Канона Андреева*».... «Сентп. въ 9-й день (1479 г.) загорѣся Москва.... Самъ Князь Великій и сынъ его во всю ноцъ и до 4-го часа дни съ коней не сѣдающе, своими руками разметающе».... (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 629). Послѣ пожара 1471 года Іоаннъ говорилъ Митрополиту: «Опче господине! не скорби; тако Богу изволившу.... Азъ ши колико хочещи хоромъ дамъ, или кой запасъ, по все у меня бери» (Исп. Г. Р. т. VI, прим. 101).

(477) О Гусевѣ, *Тип. Лѣт.* стр. 339. Уложеніе Іоанна извѣстно было только по Лаш. сокращенію Герберштейна (Р. М. стр. 38). Даже сомнѣвались въ

Іоаннъ въ Руси? Младенцемъ плѣнникъ въ крамолахъ междоусобія, онъ видѣлъ опца, лишеннаго очей во враждѣ съ родными, зналъ самовидцевъ того времени, когда Липва и Монголы подступали подъ Москву беззащитную, когда Князя Великіе вѣздили въ Сарай бишь челомъ Хану Ордынскому и Новгородъ не думалъ слушаться Москвы. Здѣсь наспоющая почка зрѣнія на дѣла Іоанна.

Изобразивъ его, какъ полищика и законодателя, продолжимъ описаніе внѣшнихъ и внутреннихъ событій Русской Испоріи въ оспальное время его царшвованія.

Іоаннъ неуклонно слѣдовалъ одной системою правленія, уже оправданной споль блестящими успѣхами. Среди учрежденій земскихъ, и сношеній съ иноземцами, онъ не переставалъ мыслить о скрѣпленіи разрозненныхъ частей Руси, уничтоженіи Монголовъ, борьбѣ съ Липвою—мыслишь и дѣйшвовашъ неупомимо.

Еще въ 1484 году Тверь казалась сохраняющею прежнюю независимость. Въ договорѣ,

подлинности его; но въ 1817 г. найденъ былъ и Русскій подлинникъ, изд. попомъ въ Москвѣ, вмѣспѣ съ *Судебникомъ Царя Іоанна* (подъ названіемъ: *Законы В. К. І. В. и проч.* М. 1819 г. in-4). Это оправдало Герберштейна.

погда заключенномъ , *Великій Князь Тверской* еще свободно говорилъ о неприкосновенности своихъ владѣній , хопя смиренно назывался онъ *младшимъ братомъ сына Іоаннова* , и отказывался отъ дружбы и договора съ Королемъ Польскимъ , которые осмѣлился заключить безъ воли Іоанна . Но конецъ Твери сближался быстро : подвласные ей Князья безпрестанно отъ нея отступались ; Бояре Тверскіе переходили въ Москву ; подданные боялись болѣе Іоанна , нежели своего Князя . Наконецъ , перехваченъ былъ Посланникъ Тверскаго Князя въ Польшу . Іоаннъ разгнѣвался , объявилъ , что сносясь съ врагомъ его , Королемъ Польскимъ , Тверской Князь нарушаетъ всѣ договоры , и за то независимость Твери должна быть уничтожена . Владыка Тверской и Князь Михаилъ Холмскій пріѣхали умолять — онъ не пустилъ ихъ на глаза ! Сильное войско Московское двинулось къ Твери немедленно . Самъ Іоаннъ предводилъ имъ ; Фіоравенпи управлялъ пушками , шюфяками и пищалями . Князь Михаилъ Тверской не дождался Іоанна и бѣжалъ въ Ливву . Въ Сентябрѣ 1485 г. Москвичи окружили Тверь , зажгли посады , и — Тверь покорилась Іоанну , молила только его о милости . Іоаннъ объявилъ , что за измѣну Тверскаго Князя , онъ лишаетъ его и потомство его навѣки наслѣдія . Подвласные Твери , Князья Холмскіе , Дорого-

бужскіе , Микулинскіе , перешли въ службу Іоанна; Намѣшники Московскіе спали управлять городами княжества, нѣкогда превосходившаго силами Москву, споль долго боровшагося съ нею, пашнадашь лѣшъ продолжавшаго кровавую войну съ праѣдомъ Іоанна, войну, въ кошорой при раза Москва видѣла побѣдипельныя знамена Твери и Липвы подъ своими спѣнами, и едва спасалась ошъ гибели. Прошло сто лѣшъ, и Тверь, безъ бипвъ и защиты, пала по слову правнука Димитріева (478)!

Верея не могла бышь опасна Іоанну; онъ, кажется, любилъ припомъ юнаго Князя Василія, храбраго, пылкаго, и за него прощалъ старому крамольнику, опцу Василіеву, уже покорному и смиренному. Но Іоаннъ безпрерывно спѣснялъ Верею; позволилъ Василію заступитъ мѣсто опца его, но договорился (въ 1482 г.), что послѣ смерти опцовской Василій усупаепъ Бѣлозерскъ Великому Князю. Тогда же Князь Верейскій принужденъ былъ выдашь всѣ договорныя прежнія граматы; у него взяли

---

(478) Договоръ 1484 г. *Собр. Г. е. т. I, № 119, 120. Лѣт. Архивск. и Псковская* (Карамзинъ, т. VI, прим. 282, и слѣд.); *Лѣвовская*, т. III, стр. 194; *Стр. Лѣт. т. II, 231.*

попомъ Вышгородъ , подарокъ опца Іоаннова. Юный Василій , можеть бышь , негодовалъ , но шайлъ досаду , и вскорѣ увидѣлъ , что званіе независимаго Князя не охраняеть его личной безопасности. Женясь на племянницѣ Софіи , Василій получилъ опъ шешки , въ приданое за своею женою , какое-то драгоценное украшеніе , принадлежавшее первой супругѣ Іоанна. Софія не сказала объ эшомъ супругу своему ; вдругъ Іоаннъ вздумалъ подарить симъ украшеніемъ своего внука , узналъ объ опдачѣ драгоценности Василію , разсердился , велѣлъ опобратъ у Василія подарокъ Софіи и изъявишь ему гнѣвъ свой. Василій не смѣлъ болѣе опшаваться въ Москвѣ и даже въ Руси ; онъ опшавилъ опчизну , и съ супругою своею бѣжалъ въ Липву. Іоаннъ послалъ за нимъ погоню , и шребовалъ опъ Михаила Верейскаго , чтобы онъ немедленно лишилъ сына своего наследства. Бѣдный спарикъ не смѣлъ пропивишься , и въ 1483 г. заключилъ договоръ съ Іоанномъ , по кошорому опрекся навсегда опъ сына своего , и получилъ удѣлъ его , Верею , въ *пожалованіе* опъ Іоанна , съ шѣмъ , что по кончинѣ Михаила , все безъ опшатка должно присоединишься къ Великому Княжесшву. Еще болѣе двухъ лѣтъ Князь Вереискій жилъ одинокій , безопрадный. Въ духовной своей , передъ кончиною , исполняя договоръ 1483 года , Михаилъ все оп-

далъ Иоанну ; осмѣлился только просить его : заплашишь долги , не опшимаешь вошчинъ , пожалованныхъ имъ разнымъ людямъ , особливо родспвеннику его Ивану Юрьевичу , « потому » — говорилъ Михаилъ — « что даровъ его много за мною , и онъ душу мою помянешь. » Опдавая имѣнія разнымъ церквамъ и монастырямъ , Михаилъ включалъ условіе — « если они понадобятся Великому Князю » , по обшпели и церкви должны удовольствоваться небольшою платою денегъ въ замѣну ихъ. Движимое имѣніе Михаилъ также отказалъ Иоанну , исключивъ весьма небольшое дочери своей и на поминъ души. Въ прогашельной припискѣ къ духовной , еще разъ просилъ онъ Иоанна : проспишь долги его , за кѣмъ что еспъ , и не опшимаешь жалованья у вѣрныхъ людей его , « чтобы люди мои послѣ моего живоша не заплакали , и меня-бы шѣмъ въ грѣхѣ не положили ; а душу мою приказалъ я тебѣ , Великому Князю , Государю моему , и помянушь , и опъ долговъ очиспишь. » Упомяная о сынѣ своемъ , какъ о преспуникѣ и чуждомъ ему человекѣ , Михаилъ не смѣлъ опказашъ ему ни благословенія , ни креста , ни иконы. Михаилъ умеръ послѣ Пасхи 1485 г. , и былъ погребенъ въ Пафнущевскомъ Боровскомъ монастырѣ ; на похоронахъ его присушпвовалъ старшій сынъ Иоанна , гордый , могущій наследникъ опца — не

вѣдая, что черезъ немного лѣтъ послѣ горестной жертвы самовласціа, лежавшей передъ нимъ во гробѣ, наступитъ и для него самого часъ смертный, а родной сынъ его бѣдно погибнетъ въ пѣсномъ заоченіи! Изгнанникъ Василій не возвращался уже на родину, и умеръ на чужбинѣ, хотя Іоаннъ сжался надъ нимъ, и звалъ его къ себѣ впослѣдствіи: Василій не вѣрилъ ласкъ грознаго Московскаго Государя (479).

Мать Іоанна скончалась въ 1484 г. Она успѣвала сохранять согласіе между старшимъ сыномъ своимъ и двумя остальными его братьями, *Андреемъ Углицкимъ* и *Борисомъ Волоцкимъ*; братья Іоанновы, послѣ примиренія ихъ въ 1480 году, не вступались въ новыя при-

(479) Договоры съ Верейскимъ Княземъ, *Собр. Г. е.* (Издатели Граматъ несправедливо называютъ Михаила Андреевича *Можайскимъ*) т. I, № 90, 91, 92, 93, 94, 113, 114; Духовныя Михаила тамъ-же № 121, 122. О храбрости Василя Верейскаго въ битвѣ подъ Алексинымъ, 1472 г., *Арханг. Лѣт.* стр. 152: его прозвали *Удалымъ*. О гнѣвѣ Іоанна, *Льв. Лѣт.* т. III, 188, *Стр. Лѣт.* II, 228. Что Іоаннъ звалъ къ себѣ обратно юнаго Князя Верейскаго, доказываютъ письмо Василя Іоанновича къ Верейскому, (*Собр. Г. е.* т. II, № 22), пис. 1493 года. Видимъ изъ сего письма, что Софія была посредницею. Она любила племянника.

обрѣшенія Іоанна. Договорами 1486 г. они опрелись ошъ всѣхъ пришызаній на вопчины, которыя « взялъ Великій Князь у Князя Верейскаго, за вину его, » и на шо, что « при Божіей помощи, взялъ онъ у недруга своего Князя Тверскаго. » Но ничшо не спасло ихъ, когда не спало машери. Въ 1491 г., послѣ ласковаго, дружескаго приема въ Московскомъ дворцѣ, неожиданно взяли подъ спражу Князя Андрея. Бояринъ Ряполовскій заплакалъ, объявляя ему волю Іоанна. « Воленъ Богъ, да Государь мой, брашъ спарѣйшій; но онъ *имаетъ* меня неповинно, и судъ мой съ нимъ передаю Богу!» ошвѣчалъ Андрей. Еще не задолго до шого, Іоаннъ едва не предалъ жестокой казни Боярина, осперегавшаго Андрея; шеперь взвели на Андрея небывалыя вины, и посадили его въ шюрму. Владѣнія его были заняпы войскомъ; дѣши его: Іоаннъ и Димитрій были сосланы въ зашоченіе. Андрей находился въ шемницѣ болѣе двухъ лѣшъ, и скончался въ своемъ печальномъ заключеніи (въ 1493 г.). Жестокой поступокъ сей, не прикрышый даже никакимъ благовиднымъ предлогомъ, шревожилъ совѣшь Іоанна. Черезъ пяшь лѣшъ, онъ призвалъ къ себѣ однажды Митрополита и Духовенство, и со слезами каялся имъ, что былъ причиною гибели брата; Духовенство просило его въ грѣхѣ, и— вѣрояшно—не смѣло пошребовать свободы пле-

мянникамъ его , дѣтямъ Андрея ! Немного найдемъ въ Исторіи примѣровъ участи споль злополучной , какова была участь несчастныхъ *Іоанна* и *Димитрія Андреевичей*. Во все время правленія дяди своего , и попомъ во все правленіе *Василія* , они были въ шемницѣ на *Вологдѣ* , въ цѣняхъ. *Димитрій Андреевичъ* пережилъ брата своего , *сорокъ девять лѣтъ* изнмывалъ въ цѣняхъ и умеръ въ зашоченіи; *Іоаннъ Андреевичъ* скончался за нѣсколько лѣтъ до смерти брата , также въ шемницѣ , принявъ передъ кончиною схиму . . . (480). *Борисъ* ужэ

---

(480) Договоры *Іоанна* съ братьями , *Собр. Г. е. ш. I*, № 123, 124, 125, 126. О событіяхъ , *Стр. Лѣт. ш. II*, 239, *Тип. Лѣт. 323* и *339*, *Арханг. спр. 169*, *Львова*, ш. III, 197, *Синод. Лѣт.* (Исп. Г. Р. ш. VIII, прим. 94). «Того-же лѣта (1498 г.) *Симону* *Митрополипу* веля быши у себя на дворѣ , со *Архіепископомъ* и съ *Епископы* , и прійдоша къ нему. *Князь-же Вел.* спавъ предъ своимъ опцомъ *Митрополипомъ* , и *Архіепископомъ* и *Епископы* , *нага бити теломъ предъ ними* , со *умилениемъ* и съ *великими слезами* , а прося у нихъ прощенія о своемъ братѣ , *Князь А. В.* , что *своимъ ерѣхомъ* , *несторожею его уморилъ въ нужи* ; споялъ предъ ними долгое время; *Митрополипу-же* , и *Архіепископу* , и *Епископы* , со *испытаніемъ* и съ *великимъ наказаніемъ* , и понудиша и долгое время , и *едва простиша и* , и *показаша его впередъ* , *какѣ-бы ему своя душа исправити передъ*

снѣлся, когда заключивъ Андрея, Іоаннъ по-
 требовалъ его къ себѣ; онъ не смѣлъ ослу-
 шаться, явился, и былъ доволенъ, что Іоаннъ
 опшусшилъ его невредимо. Онъ пережилъ Ан-
 дрея только семью мѣсяцами. Дѣти его, Тео-
 доръ и Іоаннъ, наслѣдовали послѣ него удѣлъ;
 но уступили всѣ волости Московскія дядѣ,
 взявъ въ обмѣнъ другія. Іоаннъ Борисовичъ
 скончался въ 1503 г., и, умирая бездѣпенъ,
 отказалъ дядѣ свой удѣлъ (Рузу, и половину
 Ржевы), прося только заплашить послѣ него
 долги и помянуть душу. Онъ не смѣлъ распо-
 рядишься ничѣмъ, ни пожаловать кого нибудь во-
 лостью, говоря въ духовной: «*Люди мои пе-
 редъ Богомъ, да передъ моимъ Государемъ;
 вѣдаетъ ихъ Богъ, да Государь, какъ ему
 Богъ на сердце положишь*» (481).

Богомб. Іоаннъ Андреевичъ умеръ въ 1522 г., въ
 схимѣ, которую принялъ передъ кончиною въ Спасо-
 Прилуцкомъ мон., находящемся близъ Вологды; тамъ
 погребенъ онъ, тамъ и донинѣ находятся мощи его,
 ибо Церковь причла сего спрадалца къ лику Святыхъ.
 Въ ногахъ его находится гробница Димитрія Андре-
 вича (*Ист. Росс. Иерархіи*, т. VI, стр. 224). Близъ
 сихъ гробницъ, вмѣщающихъ въ себѣ тѣлеса великихъ
 спраспоперпцевъ, кто изъ насъ осмѣлился возроп-
 тать на свои мѣлкія скорби!

(481) Духовная І. Б. въ *Собр. Г. е.* т. I, № 132.

Управляясь такимъ образомъ съ главными Князьями, брашьями и племянниками, Иоаннь еще самовласшнѣе оканчивалъ съ Князьями меньшими. Едва замѣчали современники, какъ исчезали послѣдніе слѣды Удѣловъ, уцѣлѣвшихъ въ сихъ Князьяхъ. Въ 1463 г. добровольно уступили Иоанну послѣднюю независимость свою Князья Ярославскіе; въ 1474 г. Князья Росповскіе продали ему остальную половину Роспова. Зять Иоанна, Князь Рязанскій Василій скончался въ 1483 году. Иоаннь не вступался въ его наслѣдство; дѣши Василя, Иоаннь и Теодоръ, подѣлили Рязанское Княжесство; Теодоръ вскорѣ уступилъ свою часть Великому Князю (Перевипескѣ и Сшарую Рязань). Иоаннь умеръ въ 1500 г., передавъ малолѣшному сыну Иоанну оспашки Рязанскаго Княжесства: Переяславль, Ростиславль, Пронскъ; мать его, Агриппина, и бабка Анна, правительствовали его именемъ; Теодоръ-же въ своей части считался только Намѣспникомъ Великаго Князя. Анна скончалась въ 1501 г., и Великій Князь повелѣвалъ внукомъ и матерью его, какъ полный самовласшитель (482).

---

(482) Арханг. Лѣп. стр. 140; Архив. Лѣп. (Исп. Г. Р. т. VI, прим. 293); Раздѣльная грамата Ряз. Князей,

Когда Иоаннъ былъ подѣ Новгородомъ въ 1478 году, Ибрагимъ, властитель Казани, обманувшій ложною вѣстію, будшо Иоаннъ совершенно разбишъ Новгородцами и едва убѣжалъ самъ-четвершъ, послалъ свои хищныя полпы раззоряшъ Вяшку. Узнавъ, что извѣстіе о разбишии Иоанна ложно, Ибрагимъ пакъ поспѣшно приказалъ Казанцамъ ворошиться, что они бросили кошлы съ пищею, копорую начали было варить оспановясь шаборомъ, и опроремпью бѣжали. Иоаннъ не оставилъ набѣга хищниковъ безъ ошпашы; воеводы его ходили до самой Казани; Ибрагимъ просилъ мира. Онъ вскорѣ умеръ. Алегамъ, старшій сынъ, заступилъ его мѣсто. Но братья Алегамовы, дѣти разныхъ маперей, крамольспвовали и ссорились между собою. Иоаннъ особенно покровительспвовалъ *Магметъ-Аминя*, сына Ибрагимова и Нуръ-Салпанъ, одной изъ любимыхъ женъ его. По смерпи Ибрагима, сія Ханша вышла за друга Иоаннова Менгли-Гирея; Мегметъ-Аминъ выѣхалъ въ Москву (въ 1485 г.). Иоаннъ началъ ссориться съ Алегамомъ, посмалъ воевашъ его; наконецъ,

---

Собр. Г. е. т. I, № 128; передача Теодора видна изъ Дух. Иоанна (тамъ-же, стр. 398). См. еще Ист. Г. Р. т. VI, прим. 569.

въ 1487 году опредѣлилъ Холмскаго, съ Мегметъ-Аминемъ и сильнымъ войскомъ, къ Казани. Холмскій держалъ Казань въ осадѣ два мѣсяца, взявъ ее, возвелъ на престолъ Казанскій, опъ имени Иоанна, юнаго Мегметъ-Аминя, и— Москва увидѣла изумительное зрѣлище: Царя Казанскаго Алегама привезли въ Москву, плѣннаго, съ матерью, братьями и женами. Иоаннъ велѣлъ пѣть благодарственные молебны и звонить въ колокола. Плѣннаго Царя, Царевичей и Царицъ разослали по разнымъ сѣвернымъ городамъ. Иоаннъ спѣшилъ хвалиться Менгли-Гирею и Нуръ-Салтанъ своею дружбою, которая заспавила его, не пользуясь важною побѣдою, отдавъ Казань сыну Нуръ-Салтанъ Мегметъ-Аминю. Не давая знать, или въ самомъ дѣлѣ не догадываясь, что Иоаннъ получалъ чрезъ то средства самовластно управлять Казанью, Менгли-Гирей благодарилъ своего союзника; но Ногайскіе властители оскорблялись неволею Алегама. Тщешно просивъ Иоанна оппустить изъ плѣна Нордулаша, они споль-же бесполезно просили теперь за Алегама. Иоаннъ хитрилъ съ ними, и укрѣпилъ власпъ надъ Казанью совершеннымъ покореніемъ Вязки, въ 1489 году, и приведеніемъ въ подданство земли Арской. Вязка, споль долго бывшая убѣжищемъ Русскихъ бѣглецовъ и припономъ Волжскихъ ушкуйниковъ и удалцовъ, упрасила наконецъ

полудикую свою вольность, а близость ея къ Казани давала средствъ поспавить новую, крѣпкую спражу надъ самымъ гнѣздомъ хищниковъ Казанскихъ (483).

Іоаннъ рѣшилъ, что настало наконецъ время начать съ Польшею открытую войну. Предпріятія его были обширны: онъ хопѣлъ ошнпль всѣ древнія достоянія Русскія — Смоленскъ, спрану до Чернигова, Черниговъ; для шого споль много лѣтъ и шакъ поспоянно поддерживалъ онъ неудовольствія съ Казиміромъ. Іоаннъ поспепенно увеличивалъ свои припзанія, шакъ, что Король съ досадою сказалъ наконецъ одному изъ Русскихъ Посланниковъ: «Государь вашъ привыкъ шолько самъ шребовашъ, а не удовлетворяеть шребованія другихъ» (484). Беклемишевъ, Посоль Іоанна, возвратился въ Москву, въ 1492 г., съ извѣспіемъ, что Ка-

(483) *Арханг. Лѣт.* стр. 156, 165; *Львовск. Лѣт.* т. III, 127, 195, 202; *Крылскія дѣла и Ногайскія* (Карамзинъ, VI, прим. 297, 308); *Стр. Лѣт.* II, 232, 234. Предводители Вяпчанъ были высѣчены кнупомъ и попомъ повѣшены. Митрополишь писалъ къ Вяпчанамъ, и жесткоко порицалъ ихъ (*Ист. Г. Р.* т. VI, прим. 311).

(484) *Ист. Г. Р.* т. VI, стр. 238, прим. 377.

зимиръ кончался. Выборъ преемника ему производилъ большія несогласія. Старшій сынъ Казимира, *Владиславъ*, былъ Королёмъ Богеміи и Венгріи (послѣ кончины Матвеія Корвина). Поляки не хотѣли слышать о соединеніи своемъ съ сими Государствами подъ его державою. Лишва опдѣльно избрала въ Великіе Князья свои прерпяго сына Казимірова, *Александра*. Болѣе другихъ голоса склонялись въ Польшѣ на спорону Іоанна Алберша, вшораго сына Казимірова, кошорый нѣкогда спорилъ за Венгрію съ брашомъ Владиславомъ и удачно сражался съ Крымцами. Но многіе желали избрать въ Короли младшаго брата Іоаннова, *Сигизмунда*. Наконецъ Іоаннъ Албершъ превозмогъ другихъ. Александръ ошался Герцогомъ Липовскимъ, съ условіемъ зависимости отъ Польши.

«Теперь время» — думалъ Іоаннъ, и послалъ къ Менгли-Гирею и къ свашу своему Стефану Молдавскому, говоря, что настала пора уничтожить общаго врага ихъ, гордую Липву. Менгли-Гирей медлилъ; онъ строилъ тогда при устьѣ Днѣпра крѣпость Очаковъ, и просилъ Іоанна заплашить ему 33 тысячи алтынъ, занявшихъ на ея построеніе, увѣряя, что изъ сей крѣпости будетъ онъ спрашенъ Польшѣ и Липвѣ. Онъ просилъ еще принять въ милость пасынка его Абдуль-Лешифа, брата Мегметъ-Аминева; постарайся перезвать къ себѣ изъ

Липвы Усмомира и Девлепа Крымскихъ Князей, угрожавшихъ Менгли-Гирею; также опдашь Каширу Царевичу Мамушеку, сыну Мусшамы, и наконецъ прислашь въ Крымъ соколовъ и кречешовъ. Иоаннъ послалъ ему соколовъ; принялъ въ милость Абдуль-Лешифа, не исполнилъ болѣе ничего, но хвалился дружбою, усердіемъ, опдачею Казани Мегмешъ-Аминю и подарками, хопя сперегъ Казань, не позволялъ ей сноситься съ Крымомъ иначе, какъ черезъ Москву, гдѣ чинали всѣ письма Царя Казанскаго; а за каждый подарокъ свой Иоаннъ требовалъ ихъ еще болѣе отъ Менгли-Гирея. Иоаннъ увѣрялъ, что не крѣпости спроишь шеперь надобно, но нападашь быспро и немедленно (485).

---

(485) *Крымск. дѣла* (Карамзинъ, т. VI, стр. 186, 236, 272, прим. 305, 376 и 534). Любопытный слогъ переписки между Крымомъ и Казанью. «Единъ естъ Богъ!» пишешъ Мегмешъ-Аминъ къ Менгли-Гирею — «въ большой бесѣдѣ вольный, надъ храбрыми и грамошными большой, надъ Вѣрою Господарь, силы отъ Бога въ прокъ и имя великое доспавшій, надъ недруги сильный, въ вѣрѣ свяшой, отъ лиха унимающій, отъ воды и земли созданный, чистопопа вѣры, пѣнь Божія, на земли пвое повелѣніе, времени и свѣпа Господарь, брантъ мой Менгли-Гирей, да учинишъ господарство пвое. Богъ свыше, Величеству пвоему,

Томъ V.

— 38

Онъ первый подалъ примѣръ, и не дожидаясь Крыма, началъ войну. Воевода его Телепневъ раззорилъ Мценскъ, Любушскъ; другое войско его захватило Серпейскъ, Опаковъ, Мещовскъ, претѣй ошрядъ взялъ Вязьму. Не менѣе злодѣяли перемешчики Липовскіе, поддавшіеся Іоанну, Князья Перемышльскіе, Одоевскіе, Воропынскіе. Они захватили Мосальскъ, Хлененъ, Рогачевъ. Князья Мезецкіе не хотѣли передаться Іоанну, хопя одинъ изъ брашневъ ихъ измѣнилъ Липвѣ; непослушныхъ схватили и сослали въ сѣверныя области. Іоаннъ хотѣлъ воевать сколько-же мечемъ, сколько перевѣшомъ, безпрестанно напоминая о древнемъ родствѣ съ Русью областей, отторгнувшихъ

челомъ ударивъ, поклонъ!» О подаркахъ: въ 1486 г. пославъ къ Менгли-Гирею рысью, кунью и бѣлицью шубы, при соболя и по золотой монетѣ женѣ его, брату и дѣтямъ, Іоаннъ велѣлъ извиняться, что не посылаетъ рысскихъ черевъ, бѣлки, черныхъ соболей, и проч., чего пребовалъ Ханъ. «Скажите ему, что лѣшомъ мы этого не получаемъ, а бываетъ это у насъ зимою; что-же теперь у насъ есть, то послано, а что будетъ, то пошлемъ. Спросите предварительно у Хана: при всѣхъ-ли велиитъ онъ это сказать, или только наединѣ себѣ. И какъ привезутъ къ вамъ посланные подарки, то велиите сперва хорошенько ихъ приправитъ, и не отдавайте измятыхъ.» Не смотри

нѣкогда Олгердомъ и Вишовпомъ, говоря о православіи, припѣсненіяхъ его, лаская, награждая измѣнниковъ, и спрашною казнію преслѣдуя малѣйшее помышленіе объ измѣнѣ прошивъ него. Слуга Князя Лукомскаго, перешедшаго къ Іоанну еще при Казимірѣ, донесъ, что господинъ его тайно сносился съ Липвою. Немедленно взяли Лукомскаго и другихъ, полмача Матіаса, Смоленскихъ бѣглецовъ Селевиныхъ. Терзаемый палачами, Лукомскій признался, что Казиміръ прислалъ его нарочно опривить Іоанна: нашли даже ядъ, данный ему для

на такія отговорки, Іоаннъ успѣлъ тогда-же выпросить у Хана какую-то драгоценную *Тохталышеву жемчужину*. Въ 1493 г., пославъ кречетовъ для Султана, онъ выпробовалъ въ замѣну знаменитый *красный большой лалъ*; въ 1497 г., безъ всякаго *отдарка*, получилъ онъ изъ Крыма драгоценный яхонтовый перспень Мугаммеда II-го; въ 1502 г. Ханъ прислалъ ему величайшую рѣдкость: шалисманъ, изъ мнимаго единороговаго рога, предохраняющій отъ яда, и выпрошенный Менгли-Гиреемъ у Индійскаго Хана. «Тебѣ вѣдомо» — писалъ добродушный Ханъ, «что въ Индустанской землѣ, *Керегенелиб* зовутъ, *однорогъ* звѣрь, и рогъ его о помъ дѣлѣ надобенъ: у кого на рукѣ будетъ, какъ ѣдючи по лизапи, и въ пою ѣспивъ что лихое зеліе будетъ, и человекъ лиха не будетъ,» и проч.

сего Королемъ — Лукомскій берегъ эпопъ ядъ довольно долго! Онъ оговорилъ и знаменишаго Бѣльскаго, увѣряя, будто Бѣльскій хочеть бѣжашъ въ Липву. Іоаннъ удовольствововался ссылкой Бѣльскаго въ Галичъ, но жестоко казнилъ другихъ: Лукомскаго и Машіаса сожгли зимою въ клѣшкѣ, на Москвѣ рѣкѣ; Богдана Селевина засѣкли кнушомъ, брашу его ошрубали голову (486).

Все предвѣщало, что Іоаннъ рѣшился на войну упорную, продолжительную. Липва не могла ему прошивишься; Александръ спарал-

(486) Спр. Лѣп. ч. II, стр. 242; Арханг. Лѣп. стр. 171; Типогр. Лѣп. стр. 328. Карамзинъ вѣрилъ преступленію несчастнаго Лукомскаго, хотя довольно сообразилъ обстоятельство, и зналъ характеры Казимира и Іоанна, чтобы увѣриться въ пропивномъ. Философическія размышленія Карамзина по сему случаю, см. въ *Ист. Г. Р.* т. VI, стр. 242: *«Никогда выгода государственная не можетъ оправдать злодѣнія; нравственность существуетъ не только для глупыхъ людей, но и для Государей: они должны поступать такъ, чтобы правила ихъ дѣяній могли быть общими законами.»* Далѣе, о казни Лукомскаго: *«Злодѣйство споль необыкновенное шребовало и наказанія чрезвычайнаго,»* и проч.

ся полько обезопасить себя отъ Крымцевъ и Молдаванъ, копорымъ помогали Турки; вовсе неспособный къ войнѣ, спраспный любитель музыки, но Государь слабодушный, Александръ еще менѣ могъ надѣяться чего-либо отъ Иоанна Алберта, занятаго любовными шалостями, отдавшаго управленіе всѣми государственнымъ дѣлами любимцамъ своимъ. Прошивъ сихъ двухъ юныхъ, безпечныхъ Государей Польши, были врагами—кто-же? Опышный спарець Іоаннъ; другой спарекъ Стефанъ Молдавскій; прешій, спарый послушникъ Іоанна, Менгли-Гирей, повелитель лешучихъ, хищныхъ ордъ Крымскихъ! Венгрія не думала помогать Польшѣ и Липвѣ. Нѣмецкій Орденъ былъ непріязненъ Польшѣ, ослабѣлъ уже въ это время, но вредить еще могъ. Рѣшились обезоружить главнаго врага Липвы, Русскаго Государя, и придумали средство неожиданное: ему предложили *супружество дотери его съ Великимъ Княземъ Литовскимъ*, и, къ радости совѣтниковъ Александра, Іоаннъ не отказалъ.

Первое предложеніе объ этомъ сдѣлано было послѣ разоренія Рускими Мценска. Воевода Полоцкій писалъ къ Боярину Пашрикѣву, и получилъ отвѣтъ благопріятный. Въ Москву пріѣхало посольство Липовское, будто-бы говорить о Мценскѣ. Отвѣчали, что взятіе Мценска учинено въ опущеніе непріязни и обидъ

Перемышльскихъ, Бѣлевскихъ, и Мещеры. Князья Мезецкіе были раздѣлены; не приславшіе къ Русі; оспались за Липвою. Обязавшись не прогашь Рязани, Александръ далъ еще обѣщаніе не выпускашъ изъ Липвы *израдець Русскихъ: дѣтей Можайскаго, внучатъ Шемяки и Боровскаго, Князей Тверскихъ и Василія Верейскаго.* Іоаннъ уступилъ всѣ оспальныя занятыя имъ мѣста, и обѣщаль не всшупаться въ Смоленскъ, Любушскъ, Мценскъ, Брянскъ, Серпейскъ, Лучинъ, Мосальскъ, Дмишровъ, Жулинъ, Лычно, Залидовъ, Бышковичи и Опаковъ *по Угру* (488).

Послы Липовскіе три раза обѣдали съ Іоанномъ, и одиннадцашъ разъ бесѣдовали съ нимъ; ихъ одарили собольими шубами и серебрянными ковшами, опъ имени Іоанна, Софіи и Елены; шубы, подаренныя опъ Іоанна, были покрыты золотымъ ашласомъ. Послы Іоанна повѣхали въ Липву править Александру опъ него поклонъ, а опъ дѣшей и внучашъ Іоанна челобитье; поднесши обручальныя дары; приняшъ присягу Александра въ мирѣ и грамату о сохраненіи православія Елены. Последнее едва было не

---

(488) *Дѣла Польскія* (Карамзинъ, т. VI, прим. 390, 393, 394). Трактатъ съ Липвою, тамъ-же, прим. 396.

разрушило всего дѣла : Александръ подтвердилъ обѣщаніе, но помѣспилъ слова : « Если Елена добровольно захочетъ принять Римскую вѣру, по ей не препяшсшвовашь. » Иоаннъ разсердился ; его успокоили ; граману прислали новую, съ исключеніемъ досаднаго условія, и въ Январѣ 1495 г. великолѣпное Посольство Липовское пріѣхало за Еленою. Января 13-го, опслушавъ лишургію въ Успенскомъ соборѣ, Иоаннъ благословилъ Елену, вручилъ ее при дверяхъ собора Посламъ, далъ ей послѣднія наспавленія. Въ Дорогомилевѣ Елена жила еще два дня ; тамъ угощали Пословъ ; Софія пребыла цѣлыя сушки съ дочерью ; Иоаннъ пріѣзжалъ прощаться два раза. Воснадацапилѣшняя Княжна, сопровождаемая знаменипою свипою, гдѣ съ Липовской и Русской спороны были знапвѣшшіе вельможи, казалась залогомъ дружбы, мира и согласія между двумя народами, искони враждебными одинъ другому. Всюду—въ Смоленскѣ, Випебскѣ, Полоцкѣ, встрѣчали Елену съ шоржешвомъ. Думали, что она будешъ шакже и опорю угнешеннаго православія въ Липвѣ и Волини.... Свадьба совершилась въ Вильнѣ, и угощеній не жалѣли. Александръ казался счашпливымъ, заключивъ родспвенный союзъ съ грознымъ Государемъ Русскимъ (489).

---

(489) *Дѣла Польскія* (Карамзинъ т. VI, прим. 397.)

Однимъ изъ главнѣйшихъ затрудненій для Иоанна были теперь отношенія его къ Крыму и Молдавіи. Менгли-Гирей усердно воевалъ съ Литвою по его слову. Онъ задержалъ Посла Литовскаго, присланнаго для переговоровъ о мирѣ, не слушалъ ничего, выжегъ окрестности Кіева и Чернигова, опвергъ всякое посредничество, всѣ предложенія о выкупѣ плѣнныхъ. Воевода Польскій Богданъ Черкасскій, къ прискорбію Хана, раззорилъ предметъ безконечныхъ заботъ его, крѣпость Очаковскую. Менгли-Гирей хотѣлъ мстить. Еще въ Ноябрь 1493 г. Иоаннъ возбуждалъ его къ войнѣ, а вдругъ въ Май 1495 г. извѣспилъ о мирѣ и родствѣ съ Литвою, давъ слово Александру примирить его съ Крымомъ, или воевать съ нимъ прошивъ Крыма за-одно. Лишая средствъ раззорять Литву, Иоаннъ лишалъ чрезъ по Крымцевъ лучшей добычи. Менгли-Гирей оскорбился. Онъ укорялъ Иоанна въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ сроднился съ врагомъ его, даже не сказавъ ни слова ему, своему другу; что по его слову и для него онъ воевалъ, не жалѣлъ Очакова, спожившаго 150-тъ тысячъ алтынъ; дѣлалъ

398, 399, 401, 402). Подробности поѣздки и свадьбы Елены, см. въ *Висліовикѣ*, Ноликова, т. XIV, стр. 1—21.

ся всегда добычею, и онъ союза ихъ обѣ стороны пріобрѣшали выгоды. «Ни слова о добычѣ и выгодахъ,» продолжалъ Ханъ, «но я былъ себѣ другъ и братъ: гдѣ добудешь ты другаго брата и друга? Для этого много надобно. Что-же теперь учинилъ ты изъ нашей шерши и правды?» (490) Стефанъ Молдавскій также негодовалъ, поставленный въ опасное положеніе между Турцією и Польшею. Онъ удачно опразилъ Поляковъ, и польско чпо хопѣлъ мспитъ имъ, когда Іоаннъ просилъ его мириться (491).

Іоаннъ принялся хипритъ съ Менгли-Гиреемъ;

(490) *Крымскія дѣла* (Карамз. т. VI, прим. 387, 388, 408). Письмо Менгли-Гирея, у Щербатова, т. IV, ч. 3, стр. 237. «Мы то все оставя, что добытъ, другъ и братъ еси: другъ и братъ много надобъ; гдѣ такова добыти молвя?» Польша обѣщала ему 13,500 червонцевъ за выкупъ плѣнныхъ; онъ не взялъ.

(491) Въ 1488 г. Стефанъ присягнулъ въ подданствѣ Польшѣ, и при помощи Поляковъ разбилъ Турецкія войска, когда Іоаннъ Алберпъ поразилъ, въ 1489 г., Менгли-Гирея. Въ 1494 г., на Любочскомъ сеймѣ, положено было опнять Молдавію у Стефана за его измѣны, и въ 1497 г. войско Польское ходило въ Молдавію, но безуспѣшно; въ 1498 г. принуждены были помириться съ Стефаномъ (*Хроника Бѣльскаго*, стр. 482; *Стр. Лвт. II*, 256).

послалъ сказать ему, что не могъ испросить у него совѣща, ибо не лзя было отправить къ нему Посла за худою дорогою; что онъ не пребуешь, но шолько просишь друга своего быть въ мирѣ съ Липвою, и въ случаѣ войны никогда не выдасъ его зящю, но будешъ усердно помогашъ. Тоже говорили Послы его Шефану. Менгли-Гирей повѣрилъ всему, и соглашался на миръ, если Липва заплашишь ему убышки. Но Шефанъ не слушалъ никакихъ предложеній (492).

Іоаннъ удачно ошговорился ошъ Менгли-Гирея и въ другомъ самовольномъ поступкѣ, на который рѣшился пакже не спрашивался совѣтовъ спараго своего друга и союзника.

Великій Князь держалъ Казань *подъ рукою*, до шакой спешени, что Мегмешъ-Аминъ, шѣвъ самобышнаго власпишеля, казался совершеннымъ рабомъ Рускихъ. Послы Іоанновы распоряжали въ Казани всѣми дѣлами, оскорбляли гордосъ Казанцевъ, не думали объ ихъ выгодахъ. Наконецъ, недоспало шерцѣнія у под-

(492) Дѣла Крымскія (Карамзинъ, ш. VI, прим. 415); Щербашовъ, ш. IV, ч. 3. спр. 245). «Ты, нашъ братъ, пришлешъ своего челоуѣка, моля пакъ: «Съ моимъ зяпемъ помирися. Ино зельми добро; мнѣ швого слова, своего брата, какъ не послушаешь, помирися,» и проч.

данныхъ Мегметъ-Аминя. Они шайво звали къ себѣ Мамука, Ногайскаго Князя, обѣщая передать ему Казань. Мегметъ-Аминь узналъ о заговорѣ, приближеніи Мамука, и молилъ зашишишь его. Въ Маѣ 1496 года, Князь Ряполовскій пошелъ съ сильнымъ войскомъ, и просполялъ все лѣпо подѣ Казанью. Мамукъ не смѣлъ начашъ нападеній; обратился во свояси. Въ Сенсѣбрѣ опспушили Рускіе. Мамукъ снова явился погда, и Мегметъ-Аминь бѣжалъ въ Москву. Іоаннь хопѣлъ опсправить войско. Но въ Москву прѣхалъ Посоль Казанскій, извѣщая, что Мамукъ, свирѣный и кровожадный, уже изгнанъ изъ Казани, и Казань бѣешъ челомъ Государю своему Царю Московскому, чтобы « онъ Казанцевъ пожаловалъ, не любки, и вины ихъ, и измѣну къ нему Государю опдалъ. Не хопимъ мы Мамука, но не хопимъ и Мегметъ-Аминя,» говорили Казанцы. «Опъ эпого прихощливаго Хана не было покоя ни одной изъ жевъ нашихъ; за по мы измѣнили ему, а шеперь просимъ дашь намъ браша Мегметъ-Аминева, Абдуль-Лешифа.» Іоаннь согласился, и Абдуль-Лешифъ былъ возведенъ на пронъ Казанскій Князьями Палецкимъ и Холмскимъ (493).

---

(493) Строевск. Лѣт. II, 252.

Іоаннъ старался объяснить Менгли-Гирей, и особенно Нуръ-Салтанъ, управлявшей старымъ мужемъ своимъ, что собственная польза Мегмешъ-Аминя пребовала смѣны его; что возведя другаго сына ея на шронъ Казанскій, онъ ни мало не измѣнишь дружбѣ, и за лишеніе Казани щедро наградить Мегмешъ-Аминя. Въ самомъ дѣлѣ, онъ ошдалъ ему въ удѣлѣ Каширу, Серпуховъ, Хошунъ, и не слушалъ жалобъ шамошнихъ жипелей на своевольства женолюбиваго Хана. Менгли-Гирей опвѣчалъ, что не жалуется на распоряженія Казанью; Нуръ-Салтанъ также была довольна, и увѣдомляла Іоанна, что недавно возвращаясь изъ богомолы своего въ Мекку, и удостоися поклониться гробу Пророка, желаетъ теперъ посѣтить дѣшней, и скоро прїѣдетъ въ Москву, чтобы опшуда съѣздить въ Казань. Іоаннъ опвѣчалъ, что приметъ ее, какъ знаменишую свою гостью (494).

Такъ прошекло около сорока лѣтъ царствованія Іоаннова, и наступила старость и дряхлость его, среди безпрерывныхъ заботъ и печеній государственныхъ. Скорби ожидали въ

---

(494) *Дѣла Крымскія* (Карамз. т. VI, прим. 438, 439).

будущемъ шестидесятилѣтняго Монарха, доселѣ непрерывно удачливаго въ государственныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Не шаково было его семейственное счастье, и самыя удачи въ дѣлахъ служили къ тому только, что Іоаннъ оправиль самому себѣ горестями и неудачами послѣдніе дни жизни, ознаменованной славой и честію, какихъ не достигалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ (495).

(495) Исчисляемъ здѣсь частныя событія, чудеса, знаменія, естественныя бѣдствія, какъ *дополненія къ Исторіи*, отъ 1462 года до самой кончины Іоанна: въ 1463 г. открыты были мощи Св. Князя Теодора Чернаго и дѣшей его, въ Ярославѣ (описание чудесъ и событий при семь случаяхъ, *Стр. Лѣт. II, 90 и 92*).—Въ 1466 г. умерла въ схимѣ, жившая въ Вознесенск. мон., супруга Кн. Пепра Димитріевича, Дмипровскаго, скончавшагося отъ язвы въ 1426 г. (см. выше стр. 288).—Въ 1473 г. въ Спасскомъ соборѣ нашли мощи супруги Князя Симеона Гордаго, но не велѣно было открывать ихъ. — Въ 1478 г. Іосифъ Волоколамскій началъ строить свой знаменитый монастырь, и скончался Св. Зосима Соловецкій. Другіе святыя мужи того времени: Преп. Пафнуцій Боровскій (другъ несчастнаго Михаила Верейскаго) сконч. въ 1477 г.; Преп. Макарій Колязинскій въ 1483 г.; Пр. Тихонъ Луковскій въ 1492 г.; Св. Іоаннъ Юродивый, Устюжскій, въ 1494 г.—Въ 1463 г. умирало много людей отъ *коросты* (проказы). Въ 1465 г. была моровая язва во Пско-

въ; въ 1467 г. въ Москвѣ и Новгородѣ (гдѣ умерло болѣе 250 п. человекъ); въ 1474 г. въ Устюгѣ; въ 1478 г. опять въ Новгородѣ; въ 1487 г. во Псковѣ. Прекращеніе сего бѣдспвія приписывали *обыденнымъ* церквамъ, которыя сгѣшили спроить повсюду, гдѣ полько язва появлялась.—Спрашные пожары опустошили: въ 1465 г. Псковъ, въ 1468 г. Устюгъ, въ 1475 г. Новгородъ, въ 1476 г. опять Новгородъ («и церкви и люди горѣли, и не помнятъ шакова пожара: 15 церковей сгорѣло, а 3 каменные разсыпались, а надъ городомъ яко солнце красно спояло»), въ 1491 г. Владиміръ (при чѣмъ огорѣли мощи Св. Александра Невскаго), въ 1493 г. Рязань и Кострому. Москва была жестоко опустошаема пожарами нѣсколько разъ: въ 1468 году (въ эпошѣ же годъ цѣлое лѣпо шли дожди, сгноили сѣно и хлѣбъ; сдѣлался конскій падежъ; было запмѣніе мѣсяца; испуганный Іоаннъ, по *общанію*, поспроилъ шогда церковь Симеона Дивногорца); попомъ въ 1470 г., въ 1472 г. (сгорѣло 25 церковей), въ 1475 г., въ 1477 г., въ 1479 г., въ 1488 г. (во дворцѣ В. К. какой-то юродивый кричалъ шогда: *Горѣтъ Москва на великѣ день!* «Князь-же Вел. велѣ его, яко юрода, поймаши, и на Угрѣшу посла. Госпи, свѣдавши, носилися изъ града, боящесе пожара. Сбыспься-же его слово,» и проч.—Церковей сгорѣло 42); въ 1493 г. пожаръ былъ два раза: въ Апрельѣ (оспаса развѣ дворъ К. В. за Архангеломъ, новый) и въ Іюль (погорѣша въ градѣ всѣ *алагуи*, понеже-бо не посгѣшили спавляши хоромовъ послѣ вешняго пожара; и лѣпописцы и спарые люди сказываюшъ, какѣ *Москва стала, такоѣ пожарѣ не бывалѣ*).—Въ 1466 г. шелъ снѣгъ въ Маѣ, а морозы начались въ Августѣ; въ 1467 г. въ Маѣ выпало снѣгу до полколѣна, а въ Іюнѣ былъ морозъ; Росповское озеро, замерзая, въ эпошѣ годъ выло и спучало ужас-

нымъ образомъ; въ 1487 г. въ Псковѣ шелъ градъ, величиною съ яблоко садовое; въ 1496 г. зима «люпа быспь, мрази и снѣги велики, а на веснѣ половодіе зѣло велико, и не помняпъ шаковой воды»; въ 1498 г. Апрѣля 26, «палъ снѣгъ въ полколѣни, и лежалъ до Бориша дни» (Мая 1-го).—Ужасающія кометы были замѣчены въ 1472 и 1491 гг. (явися звѣзда хвостапа, съ запада, хвостъ ея на воспокѣ съ двѣ сажени). — Въ 1470 г. въ Новгородѣ, «изъ пополя воды капало много, опть верха и изъ сучья;» въ 1474 г. «знаменіе на небѣ: два солнца, во 2-мъ часу дня, и сущее солнце идяше своимъ пупемъ, а другое необычное свыше пого, и свѣпло вельми бѣлоспю, а лучей опть него не бяше;» въ 1476 г. «быспь гибель солнцу, и пма велика, яко и человекомъ другъ друга въ лицо не видѣши; и пого быспь не долго, но людямъ спрахъ былъ великъ; да на шой-же недѣли въ ноци свѣпъ блиспалъ на небеси.» — Въ попъ-же годъ было еще знаменіе въ солницѣ (кругъ вельми великъ, яко дуги образомъ, червлено, зелено, багряно, желпо,» и проч.). Въ 1478 г. (послѣ похода Іоаннова на Новгородъ) въ Новгородѣ, «нощю, Декабря 26-го, быспь громъ и молнія.» Въ 1480 г. (когда Іоаннъ споялъ прошивъ Ахмапа на Угрѣ) «вожжеса свѣча о себѣ, въ храмѣ Пречиспых, у гроба Петра Чудотворца; Миспрополипъ-же молебнай совершивъ, и воцаницу оныя свѣчи нарядивъ, послакъ Кн. Вел. на Угру.» Въ Ноябрь 1490 г. въ Новгородѣ, «доспѣлося небо свѣпло, аки заря ведренная свѣплая, вечерняя, а въ зарѣ шой сполпы, аки лучи солнечные, и освѣпиша весь градъ и поля, аки пожаръ силенъ, и какъ уже времени быпъ заупрени, пришли облацы съ воспока, да пу свѣплоспъ помрачили, и попомъ взошла заря по своему обычаю, и Богъ свѣпъ далъ; а изъ Юрьева мон. видѣли какъ-бы спрашный пожаръ,

и чаяли, что градъ весь горитъ.»—Въ 1493 г. въ Устюгѣ; въ Преображ. мон. «шло миро у Спаса изъ груди, и у Моисея, и у Иліи.»—Пропускаемъ множесство другихъ замѣтаній, знаменій и чудесъ того времени: они безпрерывно являюся въ Лѣтописяхъ. Такъ, напримѣръ, въ *одинѣ* 1483-й годъ: въ Пешпроевѣ поспѣ сдѣлалось опшъ дождей ужасное половодье; рожь зацвѣла, и превратилась *на метлу и на костерѣ*; какой-то священникъ видѣлъ въ Новгородѣ облакъ свѣшлый, и слышалъ изъ него голосъ: *повѣждь людямъ, дабы се обратили*; въ Владимірѣ невидимый голосъ повелѣвалъ Христіанамъ молиться; въ церкви Св. Иліи загорѣлась свѣча; въ Новгородѣ нашли на Волховѣ икону Св. Бориса и Глѣба; изъ иконы Богоматери текли кровавыя слезы; въ Юлѣ была спрашная гроза, а въ Сентябрѣ видѣли на небѣ при мѣсяца («предъ семи деньми—замѣчаютъ Лѣтописецъ—Туркове плѣниша землю Волинскую»).—Въ 1475 г. «нѣкоторые *Философы* начаша пѣти: *Господи помилуй!* а друзія: *Осподи помилуй*. Въ 1476 г. Владыка Теофилъ поставилъ во Псковѣ *самозвонныя тасы*.—Вошъ нѣсколько извѣстій, въ коихъ находимъ имя *Казакѣв*: въ 1492 г. *Ордынскіе Казаки* грабили близъ Алексина, и были побиты; въ 1493 г. они-же грабили около Рязани; въ 1494 г. ограбили Пословъ Іоанна, ѣхавшихъ изъ Крыма; въ 1497 г. ограбилъ Пословъ его «Японца Салтанъ, Крымскаго Царя сынъ *сбъ своими Казаками*»; Менгли-Гирей опыскалъ и возвратилъ все тогда пограбленное; въ 1499 г. Ордынскіе и Азовскіе Казаки грабили подъ Козельскомъ, и были прогнаны.

Г Л А В А IX.

Дѣла, свершенныя въ печеніе споль долголѣшняго власпишельства, сославили-ль счастье Іоанна? Сіи самыя дѣла, блестящія и великія, не заключали-ль въ самихъ себѣ и начала неизбѣжнаго зла въ будущемъ?

Счастье Государя не есть счастье частнаго человѣка; но и для него есть наслажденія общія съ людьми подвласными: сочувствіе современниковъ, шишина душевная, наслажденія семейственныя. Ничего этого не зналъ Іоаннъ.

Одинокій въ обширной думѣ своей, онъ не былъ ни понимаемъ, ни любимъ своими современниками и подданными. Далекое превышая ихъ умомъ и свойствами души, онъ и по смерти не заслужилъ благодарнаго ихъ воспоминанія: въ Новгородѣ, Псковѣ, Твери, Рязани, Вязкѣ, Вереѣ, видѣли въ Іоаннѣ свирѣпаго прищѣснишеля, рушишеля спаринныхъ правъ; въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ — его *болзись*, но не *любзись*. Духовенство шрепепало его самовласшія; воеводы и вельможи спрашились его гнѣва, неумолимаго и неразборчиваго въ наказаніи. Современники славили-бы его, мо-

жестъ бытъ , за дѣла воинскія , если-бы онъ , по примѣру Димитрія Донскаго , самъ вдавался въ опасности ; любили-бы его , можешъ бытъ , если-бы онъ былъ народень , какъ Іоаннъ Калиша , и уважалъ предразсудки , какъ уважали ихъ другіе его предшественники : Іоаннъ не зналъ сихъ средствъ для пріобрѣтенія любви народной. Повсѣвая войскомъ изъ Кремля Московскаго , даже рѣдко являясь самъ въ станѣ воинскомъ , онъ не заслужилъ имени Государи храбраго ; дружась съ погаными и съ чужеземцами , онъ возбуждалъ негодованіе Рускихъ. Если-бы Іоаннъ усердно кланялся Монголамъ , но за то и сражался съ ними храбро , его лучше поняли-бы современники ; если-бы онъ только отчаспи уничтожилъ старину Новгорода и Удѣлы , его хвалили-бы болѣе—Іоаннъ дѣлалъ по своему , начисто : губилъ Монголовъ , но не сражался съ ними ; и—никто не замѣпилъ , какъ онъ успѣлъ испребихъ ихъ ; онъ уничтожалъ удѣлы и опдѣльность Твери и другихъ мѣстъ безъ возврата , совершенно , и—возбуждалъ участіе къ жертвамъ своей немилосердой политики. Изгнаніе родныхъ , смерть брашьева , неуваженіе совѣщовъ матери , казались въ немъ современникамъ тяжкими грѣхами. Припворная робость Іоанна передъ Ахматомъ на Угрѣ ; полученіе ошъ Менгли-Гирея церковныхъ утварей , награбленныхъ въ Кіевѣ ; уничтоженіе церквей

вокругъ стѣнъ Кремлевскихъ, ужасали суевѣріе. Еще болѣе ужасалъ его Іоаннъ своевластіемъ въ церковныхъ дѣлахъ.

Іоаннъ не былъ совершенно чуждъ своего вѣка, хотя и превосходилъ его умомъ и понятиями. Душа его долженствовала иногда прешептать, при мысли: не слишкомъ-ли далеко, въ самомъ дѣлѣ, проспираешь онъ свою хитрость, свое безстрашіе, свою полишку въ дѣлахъ государственныхъ? Онъ плакалъ и калялся послѣ смерти брата Андрея; онъ звалъ къ себѣ изъ Польши Василя Верейскаго, сокрушаясь о немилосливомъ поступкѣ съ симъ юнымъ и доблестнымъ Княземъ....

Наконецъ — Іоаннъ не зналъ семейственнаго спокойствія. Мать почитала его, но любила его братьевъ; братья не могли любить Іоанна. Въ юности лишаась первой супруги, онъ сочелся съ Софіею, женщиною гордою; сварливою и хитрою. Невѣстка его, юная Княжна Молдавская, не могла ужиться съ свекровью; Дворъ раздѣлялся на сообщниковъ Софіи и Елены; клеветали взаимно другъ на друга, крамольничали, и превозжили Іоанна непрерывными навѣшными и ссорами. Софія не могла любить и супруга Елены, сына ошъ первой жены Іоанновой и наслѣдника его престола. *Іоаннъ Іоанновичъ* былъ любимъ опцомъ, опличался храбростію. Не шаковъ былъ *Василій Іоанновичъ*, сла-

бый, хоши и крамольный. Тяжкая скорбь поразила наконецъ сердце Іоанна: спаршій сынъ и соименникъ его, въ цвѣщѣ лѣтъ, внезапно заболѣлъ и скончался (4490 г.). Іоаннъ казнил несчастнаго врача, кошорый неоспорожно обѣщаль вылечить больнаго, и не исполнилъ своего обѣщанія (496). Тѣмъ сильнѣе обрашилась послѣ сего любовь Іоанна къ внуку Димитрію, оставшемуся послѣ опца семи лѣтъ. Эпо возбудило гордость Елены, и усилило ненависть къ ней и Димитрію Софіи и Василія.

Какъ будто шѣнь, необходимая при свѣтѣ, по, что приносишь добро, ведешь за собой и неизбежное зло. Самовласіе и неизмѣнная воля Іоанна въ дѣлахъ, были главною причиною его успѣховъ. Но съ лѣтами и спаростью, сіи причины повлекли за собою измѣненіе его сильнаго характера: привыкшій повелѣвать безъ совѣшовъ и возраженій, ослѣпленный успѣхами, Іоаннъ, ошъ природы суровый, сдѣлался гордъ и свирѣпъ въ дѣлахъ, неумолимъ въ рѣшеніяхъ. Не смѣли предсавлять ему никакихъ замѣча-

(496) О характерѣ Софіи, Гербешшейнъ, R. M. стр. 7.—Сынъ Іоанна сдѣлался боленъ *калцуолъ* (какою-то ножною болѣзнью). Его лечилъ несчастный *Маестро* Леонъ (см. выше, прим. 469), давалъ лекарства внупръ, и грѣлъ ему ноги спиклянками съ горячею водою.

ній и возраженій, и при старости лѣшъ, именно опъ того, онъ впалъ въ важныя ошибки; думалъ поправлять ихъ хитростію, и ошибался снова; хотѣлъ рѣшать швердою волею, и—разрушалъ благо дѣлъ своихъ въ самомъ основаніи.

Такъ важною политическою ошибкою должно почестъ самое родство Іоанна съ Александромъ Липовскимъ. Іоанну-ли, сколько разъ неуважавшему договорами и обѣщаніями, было невѣдомо, что *вѣчнаго мира* не бываетъ, и что родство рѣдко крѣпитъ союзы и дружбу! И для супружества съ Александромъ, Государемъ слабымъ и ничтожнымъ, онъ опваживался на поперю важнаго союза Крымцевъ и Молдавіи! По крайней мѣрѣ, согласясь на родство съ Липвою, искренно-ли поступалъ послѣ того Іоаннъ съ зятемъ своимъ? Сомнѣваемся; и въ ничтожествѣ зятя, и дѣлахъ съ нимъ Іоанна, находимъ разгадку родственнаго союза Іоаннова: онъ думалъ послѣ сего удобнѣе проводить Липву, и владѣшь ею, какъ владѣлъ Казанью. Іоаннъ не опдалъ зятю завоеванныхъ городовъ съ самаго начала, и попомъ хотѣлъ править имъ и землею его, по праву опца и родственника. Но Іоаннъ не понялъ ни характера Александрова, ни духа правленія Липовскаго. Александръ, по спранному свойству всѣхъ Ягеллоновъ, былъ привязанъ къ

Католицизму; при слабости души, былъ гордъ; по устройству правленія Липвы, былъ не самовластитель, но только правитель Липвы, ибо волю его ограничивали сильные вельможи; въ дѣлахъ государственныхъ, Александръ не обладалъ никакими средствами безъ ихъ согласія, и сверхъ того, онъ завистль отъ Польши. Увидѣвъ неуспѣхъ своихъ политическихъ предположеній, Иоаннъ принялся за пренія хитрости, и довелъ зѣпю до явной вражды, бѣдственной для Липвы, оскорбительной для Руси, ибо, что прощали прежде Государю Русскому, то осуждали теперь въ родственникѣ Липовскаго властителя.

Основаніе неудовольствій съ Липвою началось при самомъ первомъ заключеніи сватовства, потомъ усилилось на свадьбѣ Елены. Упорство и неискренность Иоанна вредили всему; вспыльчивость его довершала неудовольствія. Мы видѣли гнѣвъ его, когда Александръ осмѣлился включить въ свою увѣрительную грамоту о сохраненіи православія Елены одно условіе. Иоаннъ хотѣлъ и послѣ супружества дочери управлять ею, какъ будто она все еще была Княжною въ Кремлевскомъ своемъ перемѣ. «Дочери моей надобна особенная придворная церковь,» говорилъ Иоаннъ Посламъ Липовскимъ, при первомъ переговоровѣ о сватовствѣ. Прощаясь съ Еленою, послѣднюю

письменную память вручилъ онъ ей слѣдующаго содержанія: « *Память Великой Княжнѣ Еленѣ.* Къ Лапинской божницѣ не ходишь , а ходишь къ своей церкви ; захочешь посмотришь божницу , или монастырь Лапинскій , можешь посмотришь разъ , или два , а болѣе того не ходи. Если свекровь пойдешь , и велишь тебѣ идти съ собою , проводи ее до божницы и вѣжливо оппросись въ свою церковь , опнюдь не входя въ божницу. » — Иоаннъ подшверждалъ еще Еленѣ не носишь Польскаго плашья , а носишь Русское ; вѣнчаешься непременно по Русскому обряду ; при вопросѣ священника о томъ , согласна-ли она отдатьъ руку свою Александру , ошвѣчашъ : « Любъ ми , и не оставиши мнѣ его до живоша , ни коея ради болѣзни , кромѣ Закона ; держашъ мнѣ Греческій , а ему не нудишь меня къ Римскому (497). » Иоаннъ негодовадъ , узнавъ что обрядъ вѣнчанья совершенъ въ Лапинской церкви , *Епископомъ Лапинскимъ* и полько *священникомъ Русскимъ* ; Архимандритъ Виленскаго православнаго монастыря былъ шупъ-же , но безмолвствовалъ . Послы Русскіе не рѣшались спорить объ этомъ . Придворной особенной церкви Еленѣ имѣшь не

---

(497) *Дѣла Польскія* (Карамз. т. VI, прим. 400, 401.)

позволили , говоря , что она можетъ ходить въ приходскую , которая находится недалеко отъ дворца. Нѣсколько сановниковъ Русскихъ , съ семействами , и Подъячихъ Русскихъ , осталось при Еленѣ. Опець велѣлъ ей переписываться съ нимъ черезъ сихъ людей , опдѣльно отъ мужа ; приказывалъ ей открывать всѣ тайны государшвенныя ; отдавалъ отчетъ въ самыхъ мѣлкихъ отношеніяхъ своихъ къ мужу. Александръ увидѣлъ хитроешь Іоанна , вознегодовалъ , выслалъ въ Москву всѣхъ Русскихъ , бывшихъ при Еленѣ , оставивъ при ней только священника , двухъ Подъячихъ и нѣсколько поваровъ ; Іоаннъ жаловался на поспупки зяи , и не переставалъ пребывать , чтобы отъ Елены удалили служителей Лашинской вѣры , построили ей особую церковь православную , и не принуждали-бы ея носить Польскаго плаща. Дальнѣйшіе упреки соспоали въ томъ , что зяи не именуешь Іоанна *Государемъ* , а только *Великимъ Княземъ* ; что онъ не оппускаешь изъ Литвы Княгини Бѣльской , жены перемешчика Князя Бѣльскаго , хотя Александръ опвѣчалъ , что Бѣльская сама не ѣдетъ къ мужу. Іоаннъ вмѣшивался и въ распоряженія внутреннія : узнавъ , что Александръ хочетъ отдать Кіевъ въ удѣлъ младшему брату своему , Сигизмунду , Іоаннъ послалъ къ Еленѣ , и приказывалъ ей опговаривать мужа , представляя , какое зло Русь и

Липва видѣли уже опъ системе удѣловъ. Все эшо сопровождалось съ обѣихъ сторонъ укоризнами и недовѣрчивостью; Александръ не пропустилъ черезъ Польшу Турецкаго Посла, ѡхавшаго въ Русь; жаловался, что Послы Русскіе своевольничаютъ, ѣзда въ Липву; Іоаннъ возражалъ, что ихъ худо угощаютъ и мало чешятъ (498).

Но зяшъ имѣлъ сильнѣйшія причины упрекать пещя. Послѣ первыхъ покушеній примирить Менгли-Гирея съ Липвою, Іоаннъ принялъ спорону Крымцевъ, и увѣрялъ Хана, что никогда не выдаспъ его въ войнѣ съ Липвою. Менгли-Гирей претовалъ невозможнаго : успупки Кіева и обширныхъ обласпей ; онъ опкрылъ Іоанну, что приготавлиаепъ себѣ въ Кіевѣ убѣжище, опасаясь, что ему не дадутъ спокойно прожипъ вѣкъ въ Крыму ; что Султаны Турецкіе не прямые люди ; что прежде управляпъ Кафою позволяли они ему, а пеперь сынъ Баязеша управляепъ симъ городомъ , и , можешъ быпъ , присвоипъ себѣ господство надъ всѣмъ Крымомъ. « Хорошо , пока еще сынъ Султана меня слушается ; но будешъ-ли всегда слушатъ-

---

(498) *Дѣла Польскія* (Карамзинъ, т. VI, прим. 405, 406, 409, 410, 411, 413). Письмо къ Еленѣ о Сигизмундѣ, у Щербатова, т. IV, ч. 3, стр. 239.

ся, не знаю,» писалъ Менгли-Гирей. «У насъ шариковъ есть пословица, что двѣ бараныя головы въ одинъ кошелъ не лѣзуть; начнухся ссоры, будетъ худо, а гдѣ худо, ошпуда бѣгущъ добрые люди.» Онъ просилъ Іоанна достать ему Кіевъ и Черкасскъ, или взять ихъ самому, а въ замѣну дать мѣсто въ Руси для переселенія Крымской Орды. Іоаннъ отвѣчалъ, что во всемъ эшомъ радъ помогать своему старому другу (499). Еще хуже были поступки Іоанна въ отношеніяхъ Липвы къ Молдавіи. Стефанъ не хотѣлъ мириться, не смотря на родство Іоанна съ Александромъ. Въ 1497 г. онъ навелъ полчища Турковъ на предѣлы Липвы. Александръ просилъ помощи Іоанна; но получилъ въ отвѣтъ, что Рускіе будутъ помогать, когда Турки появятся въ Липвѣ. «Если эшого ждешь, то пока вы соберетесь помогать, они успѣютъ взять Вильну,» сказалъ Александръ, и хотѣлъ упорно воевать съ Стефаномъ, когда Турки удалились. Іоаннъ просилъ его не прогнать Молдавіи. «Давно зналъ я, что свать тебѣ дороже зятя!» воскликнулъ Александръ. «Ошъ чего мужъ швой живетъ со мною въ неприязни?» писалъ Іоаннъ къ дочери. «Ошъ шого, что ты

---

(499) *Дѣла Крымскія* (Карамзинъ, ш. VI, прим. 472).

забралъ города Липовскіе, и хипришь, ссылаясь съ моими врагами»—оповѣчалъ Александръ. Іоаннъ заговорилъ о Липовскихъ городахъ прежде, увѣряя, что сношенія его съ Крымомъ и Молдавіею не имѣють цѣлю никакого вреда Липвѣ. Но Александръ уличилъ въ пропивномъ. Въ 1499 г. Посолъ Липовскій пріѣхалъ въ Москву, извѣщая, что Липва заключила миръ съ Молдавіею, но что Турція оскорбилась симъ миромъ, и хочеть воевать Молдавію. Александръ называлъ Іоанна въ грамотѣ своей *Государемъ*, и просилъ его, въ доказательство дружбы, навсегда опказаться опъ Кіева, соединиться съ Молдавіею и Липвою прошивъ Турковъ и Крыма, извѣщая его, что Короли Венгерскій и Польскій соединяшся съ ними. Іоаннъ не захопѣлъ опказаться опъ Кіева; сказалъ, что помогаць Молдавіи готовъ тогда шолько, когда Турки нападуть на нее. Посолъ Липовскій упрекалъ его послѣ сего въ злоумышленіи, и показалъ ему переписку его съ Менгли-Гиреемъ, которую Липовскіе Послы умѣли достать въ Крыму. Іоаннъ не могъ опираться болѣе, но началъ говорить, что зяшь вынуждаеть его къ шому, ибо дружишся съ осшашками Золошой Орды (500).

---

(500) *Дѣла Польскія* (Карамзинъ, прим. 469, 470, 471).

Такъ прошло около восьми лѣтъ послѣ свадьбы Елены. Въ сіи годы, важныя событія внутрення возмутили спокойствіе Іоанна. Семейственныя несогласія между Софіею и Еленою непрерывно умножались. Сообщники шой и другой видѣли спарость Іоанна, и начали наконецъ думать о наследникѣ ему. Князья Палецкій, Скрибинъ, Дьяки Спромиловъ, Владиміръ Гусевъ (сочинитель Уложенія), Поярокъ, братъ Князя Руна, многіе другіе, особливо Аванасій Яропкинъ, составили заговоръ, держа споруку Софій и Василя. Паршія Елены и сына ея Димитрія состояла изъ множества значнѣйшихъ царедворцевъ: Князя Паприкѣва и двухъ дѣшей его: Василя Косаго и Ивана, Князей Ряполовскихъ, и многихъ другихъ. Они говорили, что престоль слѣдуешь Димитрію, какъ сыну старшаго сына Іоаннова. Утверждались на примѣрахъ предковъ ошъ временъ Димитрія Донскаго — вѣроятно, еще болѣе на томъ, что гордая Софія и слабый сынъ ея, послѣ смерти Іоанна, могли представить собою вторую Софію Вишовшовну и Василя Темнаго; что враговъ Софій ожидала гибель, когда, напрошивъ, юный Димитрій доставлялъ царедворцамъ всѣ средства власшвовашъ. Други Софій и Василя говорили, что Василій ешъ попомокъ Греческихъ Императоровъ, и попому имѣешь болѣе правъ; а всего болѣе, какъ

вѣрояшно, они спрашились за будущую свою учась, если-бы Елена сдѣлалась правительницею. Софія была смѣлѣе въ дѣйствіяхъ: она и друзья ея условились, что юный Василій поѣдетъ въ Сѣверныя обласи, соберетъ шамъ войско, казну, и при помощи своихъ сообщниковъ захватитъ Димитрія, низложитъ, или ограничитъ спарика опца. Дьякъ Стромилловъ испугался шакого дерзкаго замысла, и опкрылъ Иоанну весь заговоръ. Гнѣвъ его былъ безграниченъ. Софію и Василя взяли подъ спражу; сообщниковъ ихъ кинули въ шемницы. Иоаннъ самъ судилъ заговорщиковъ, и 27-го Декабря 1498 г., на льду Москвы рѣки, опрубили головы *Князю Палецкому, Князю Скрабину, Аванасью Яроккину, Владиміру Гусеву, Полярку*, и донощику *Стромиллову*. Нѣсколко ворожей, уличенныхъ въ шомъ, что онѣ ходили къ Софіи съ лихими зельями, были утоплены въ прорубяхъ. Судьба Софіи опсалась нерѣшенной; но Василій объявленъ опъ опца на вѣки лишеннымъ наслѣдства, и Москва увидѣла неожиданное зрѣлище: поржеспвенное коронованіе внука при жизни дѣда (501).

---

(501) *Стр. Лвт. т. II, стр. 257.* Все сложено на дѣвола: «По дѣволю дѣйству, В. К. распалися на сына своего Василя,» и проч. Но другое, подробнѣйшее

Февраля 4 дня, весь Дворъ, дѣвши Іоанна, Духовенство, Митрополишъ и шесть Епископовъ, въ богатыхъ одеждахъ, пришли въ Успенскій соборъ. Войско и народъ окружили сей древній храмъ. Посреди собора устроены были мѣста для Іоанна, юнаго Димитрія и Митрополита. Царская ушварь, шапка и бармы Мономаховы, лежали на налоѣ. Отслужили молебень. Іоаннъ и Митрополишъ сѣли на свои мѣста; Димитрій спалъ передъ ними. «Владыка Митрополишъ!» сказалъ Іоаннъ. «Божіимъ изволеніемъ, отъ прародителей нашихъ, Великихъ Князей, старина наша опшолъ и до сихъ мѣстъ: опцы, Великіе Князья, старшимъ сыновьямъ опдавали Великое Княженіе. Я также благословилъ старшаго своего сына, Князя Івана, при жизни своей Великимъ Княженіемъ. Но спалась Божія воля—сына моего Івана въ живопѣ не спало; опспался у него сынъ Димитрій, и я благословляю его при себѣ и послѣ себя Великимъ Княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ; и ты, Владыко, на Великое Княженіе благослови его!» Начали чипашъ молишвы, возглашашъ экшеніи; Митро-

---

извѣстіе въ т. II-мъ, стр. 353; оно повшорено въ *Архивск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 444).

полишъ подалъ Великокняжескую шапку и бармы Іоанну; онъ возложилъ ихъ на внука; Митрополишъ осѣнилъ юношу крестомъ. Потомъ духовные сановники привѣщспвовали Іоанна: «Божією милоспію, радуйся и здравспвуй, православный *Царь Іоаннъ*, Великій Князь, Самодержецъ всея Руси, и съ своимъ внукомъ, *Великимъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ*, всея Руси, на многая лѣша!» Они сказали Дмитрію, возсѣдшему на свое мѣсто подлѣ дѣда: «Божією милоспію, радуйся и здравспвуй, Господинъ и сынъ нашъ, Князь Великій Дмитрій Ивановичъ, всея Руси, съ своимъ Государемъ и дѣдомъ, Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, всея Руси Самодержцемъ, на многая лѣша!» Потомъ поздравляли Дмитрія дѣши Іоанна, Бояре, сановники. Митрополишъ сказалъ наконецъ поученіе юному Государю: «Господинъ и сынъ, Князь Великій Дмитрій! Божіимъ изволеніемъ, дѣдъ швой, Князь Великій, пожаловалъ тебя и благословилъ Великимъ Княженіемъ, и ты, Господинъ и сынъ мой, имѣй спрахъ Божій въ сердцѣ; люби правду, милоспъ и судъ праведенъ; имѣй послушаніе къ швоему Государю и дѣду, Великому Князю, и попеченіе имѣй, ошъ всего сердца, о всемъ православномъ Хриспіанспвѣ; а мы шебя, своего Господина и сына, благословляемъ, и Бога молимъ о швоемъ здравіи.»—«Внукъ Ди-

мипрій!» сказалъ тогда Іоаннъ — «пожаловалъ я тебя, и благословилъ Великимъ Княжествомъ. Имѣй-же страхъ въ сердцѣ; люби правду, милость и судъ праведенъ; имѣй попеченіе отъ всего сердца о всемъ православномъ Христіанствѣ.» По опслушаніи литургіи, Іоаннъ пошелъ во дворецъ свой; а Димитрій, въ вѣнцѣ и бармахъ, ходилъ поклониться предкамъ въ Архангельскомъ соборѣ, и помолился въ Благовѣщенскомъ. При выходѣ изъ Успенскаго, при входѣ въ Архангельскій и Благовѣщенскій, его по шрижды осыпалъ золотомъ и серебромъ дядя его, Князь Юрій (502).

Но поржесиво Елены, Димитрія и сообщниковъ ихъ не было продолжительно. Не сдѣлались-ли они слишкомъ своевольны и дерзки? Не раскаялся-ли самъ Іоаннъ, слишкомъ поспѣшивъ наказаніемъ сына и наградою внука? Не успѣла-ли Софія, двадцать лѣтъ хитро владѣвшая Дворомъ и супругомъ, мать многочисленнаго семейства его, снова возвращивъ себѣ уваженіе Іоанна, и разспроивъ силу Елены, подкрѣвляемой только юнымъ, неопытнымъ, одинокимъ Димитріемъ, прошивъ кошо-

---

(502) Стр. лѣт. т. II, стр. 257; Собр. Г. Г. т. II, № 25.

раго были всё сыновья и дочери Иоанна? Современники не знали, или не сказали намъ. Но не прошло года, и страшная *опала* возложена была на сообщниковъ Елены: *Паприкѣевъ*, первый сановникъ и родственникъ Иоанна, *Ряполовскіе*, коихъ отецъ спасалъ самого Иоанна въ дѣспствѣ, *Ромадановскій*, вѣрный воевода и вельможа, подпали гнѣву за *крамолу*; ихъ осудили на казнь, и—Симеонъ Ряполовскій былъ обезглавленъ, на помъ мѣстѣ, гдѣ за годъ прежде пролилась кровь враговъ его—Палецкаго, Скрабина, Гусева. Митрополишь и Духовенство молили за Паприкѣева: Иоаннъ позволилъ ему и спаршему сыну его, Василию Косому, поспричься; другой сынъ оспался подъ спражею; всѣхъ оспальныхъ сообщниковъ Паприкѣева просмили. Ничего еще не вѣдали объ участи Елены и Димитрія; все еще видѣли Димитрія въ вѣнцѣ Великокняжескомъ; но Иоаннъ былъ холоденъ къ нему, мраченъ, и объявилъ, что по родительской милоспи своей прощаетъ Василия. Призванный къ опцу, Василий каялся, плакалъ. Иоаннъ назначилъ его *Государемъ и Великимъ Княземъ Новгорода и Пскова*. Василий опправился во Псковъ. Неужели Иоаннъ думалъ въ самомъ дѣлѣ опдѣлишь опъ Москвы области, споль хитро и удачно имъ приобрѣшенныя! Новгородцы не смѣли пропировѣчь; но Псковищяне, сохраняя еще пѣнь своей незави-

40*

симоспи, испуганные мыслию, что со временемъ будущъ жершвою междуособій, послали просишь Іоанна, чшобы онъ не отдавалъ ихъ особому Князю, но положиль: шому, кто будешъ Князь на Москвѣ, бышь Княземъ и во Псковѣ. «Какъ смѣше вы мнѣ указывашь!» гнѣвно возразиль Іоаннъ. «Развѣ я не волевъ въ своемъ внуку и дѣтяхъ? Кому хочу, шому даю!» Пословъ Псковскихъ заключили въ шемницю. Едва могли вымолишь себѣ прощеніе Псковищане, и смиренно замолчали (503).

Въ 1500-мъ году разрушилась наконецъ самая пѣнь дружбы между Литвою и Русью. Началась война, свирѣная и кровопролитная.

Дошли слухи въ Москву, что Александръ принуждаешъ Елену принять Каполическую вѣру. Онъ выслалъ изъ Литвы послѣдняго совѣтника Елены, духовника ея, священника Ѳому. Послы Іоанна спрашивали о причинѣ. «Онъ мнѣ

(503) Въ *Собр. Г. е.*, т. I, № 130, естъ духовная Папприкѣва, писанная, вѣроятно, прежде раззоренія его рода, но не ранѣе 1497 г., ибо она скрѣплена уже Митрополитомъ Симономъ. Папприкѣвъ умеръ вскорѣ (Исп. Г. Р. т. VI, прим. 454). О странной судьбѣ *Василія Косаго* узнаемъ въ княженіе наслѣдника Іоаннова (Ист. Р. Н. т. VI, прим. 108). См. еще *Стр. Лѣт. II*, 261; *Псковск. Лѣт.* (Карамз. т. VI, прим. 455).

неудодень, » отвѣчала Елена, вѣроятно, по во-
 лѣ мужа. Вскорѣ перебѣжалъ въ Русь изъ Лип-
 вы новый знашный измѣнникъ, Князь Симеонъ
 Бѣльскій, и съ нимъ другіе — Князь Хотепов-
 скій, Князья Мосальскіе, Бояре Мценскіе и
 Серпейскіе. Они извѣстили, что въ Липвѣ от-
 крылось явное гоненіе за вѣру; что всѣ пра-
 вославные гошovy перейдши къ Іоанну; что
 даже исконные враги его, внукъ Шемяки и сынъ
 Можайскаго, просятъ его принятъ ихъ въ под-
 данство, и гошovy передатъ ему свои владѣ-
 нія, Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Любечъ,
 Рылскъ и Новгородъ-Сѣверскій, и что Хри-
 стианству приходитъ въ Липвѣ конецъ отъ
проклятаго Палежа и Латинщиковъ. Справед-
 ливо-ли было все это? Нимало: измѣнники на-
 гло клеветали (504).

(504) *Дѣла Польскія* (Карамз. т. VI, прим. 473,
 478). См. у Щербатова, т. IV, ч. 3, стр. 243, образ-
 чикъ пайныхъ клеветъ на Александра: записку, дан-
 ную въ Смоленскъ, какимъ-то Федькою Шестаковымъ
 жипелю Можайска Василью Демидову, отъ него пере-
 данную священнику, отъ священника дошедшую Князю
 Турену. Какъ будто всѣ пупи сообщенія съ Москвою
 были пресѣчены, какъ будто изъ тяжкой неволи, не-
 годяй эптопъ пишеть: «У насъ замашенье великое;
 дьяволь вселился въ Сапегу и гонителей православія;

Съ избраніемъ въ Мишрополишы Кіевскіе Мисаила (1474 г.), мысль о Флоренційскомъ соединеніи испребилась въ Липшвѣ, особливо послѣ уничтоженія оной въ Царяградѣ. Покоривъ Царьградъ, Турки не гнали, не испребляли вѣры Христіанской; опинали шолько у Христіанъ разныя права; нѣкошорыя церкви Христіанъ обрашили въ мечешы, обложили другія подашью, награждали принимавшихъ Исламизмъ, унижали *глуровѣ* Греческихъ; но неперпимосшь никогда не была свойспивомъ власпипшелей Царяграда. Они не уважали Христіаншва, не разбирали въ рѣшеніяхъ своихъ

Вел. Княгиню Елену принуждають къ Лапипшву,» и проч., прибавляя въ концѣ: «*больше писать не сліду.*» Θεодоръ Бѣльскій жилъ въ Руси съ 1482 года; Симеонъ пріѣхалъ въ Москву Апрѣля 12-го 1500 г. Посоль Александра, кошорому Іоаннъ жаловался на гоненіе православія въ Липшвѣ, пріѣхалъ Апрѣля 23-го, а Іоаннъ увѣдомилъ уже Крымскаго Хана въ это время, что сынъ Князя Можайскаго, *Силвонѣ*, съ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ, Любечемъ, внукъ Шемаки *Василій* съ Рыльскомъ и Новгородомъ Сѣверскимъ, и Князья *Трубецкіе* и *Мосальскіе* передались ему (*Дѣла Крыл.*, Карамз., т. VI, прим. 481). Не смошря на явное пропшворѣчіе дѣль, Карамзинъ вѣрилъ гоненію Православія въ Липшвѣ, и другимъ выдуманымъ обвиненіямъ на Александра (Исп. Г. Р. т. VI, стр. 292; и

ни сава, ни достоинства духовныхъ; но дозволили оспаться Папріаршескому престолу въ Царьградѣ и Папріарху управляющъ Церковію Греческою. Греки рѣшишельно опшвергли несчастный Флорентійскій Соборъ, и въ рабствѣ своемъ ушѣшались православіемъ. Церковь Русская не зависѣла опъ нихъ, но возобновила свои сношенія съ Восшочными Папріархами. Церковь Кіевская, или Липовская, шакже сблизилась съ ними и считалась даже подвлашною Царьградскому Папріарху; Короли Польскіе дозволяли Липовскому духовенству сношенія съ Греками изъ политическихъ видовъ своихъ, ибо находили въ сихъ сношеніяхъ орудіе къ дѣйствію въ Царьградѣ. Пришѣсненія православныхъ въ Липвѣ прекрапились съ уничтоженіемъ послѣдовашелей Исидора. Права и преимущества были воспановлены; Церковію правилъ Митрополишъ Кіевскій свободно; Христіане Греческаго исповѣданія были вельможамъ

слѣд.). Бѣльскіе, игравшіе потомъ въ Руси столь важную роль, происходили опъ Владиміра Олгердовича, Кіевскаго (см. выше, прим. 81), у котораго было два сына: Олелько и *Иванъ Бѣльскій*; бѣглецы въ Москву, *Теодоръ* и *Симеонъ*, были дѣши этого Ивана (см. *Родословную книгу*).

ми и сановниками Липвы и Польши безпрепятственно. Послѣ Мисаила пославленъ былъ Греческимъ Папріархомъ (Максимомъ Философомъ) въ Митрополиы Кіевскіе Симеонъ (1477 г.). При немъ Менгли-Гирей ограбилъ Кіевскіе монастыри и церкви, и получилъ благодареніе Іоанна. Іона наследовалъ Симеону (въ 1488 г.), и былъ любимцемъ Казимира. Макарій (копорога Рускіе прозвали *Чортомъ*), Архимандритъ Виленскій, находившійся при вѣнчаніи Елены, поступилъ на Кіевскую Митрополию въ 1495 г., благословенный Папріархомъ Царяградскимъ. Онъ остался въ Вильнѣ, ибо въ Кіевѣ не было безопасности отъ непрерывныхъ набѣговъ Татарскихъ. Добродѣтельный Архипастырь сей не спасся однакожь отъ гибели: его ограбили и убили Крымцы, когда онъ ѣхалъ посѣщать Кіевъ (1497 г.). Наслѣдникомъ ему былъ Іосифъ Солпанъ, нѣкогда знашый вельможа, но потомъ оставившій свѣтъ, и получившій наконецъ Епископію Смоленскую. Александръ особенно уважалъ Іосифа, и въ 1499 г. подтвердилъ ему независимость его въ управленіи Церковью и церковными судами. Іосифъ ревновалъ благочестію, и впоследствии, на Соборѣ Виленскомъ (въ 1509 г.), въ присутствіи Епископовъ Владиміреко-Берестянскаго, Смоленскаго, Луцко-Острожскаго, Полоцко-Витебскаго, Туровско-Пинскаго, Перемышльскаго,

Холмскаго, 14 Архимандритовъ и 7-ми Протоіереевъ выборныхъ, положилъ благоразумныя правила о благочиніи церковномъ (505). Гдѣ же было мнимое *гоненіе*? Правда, что Капоники ревностно старались обращать православныхъ; что монашескіе Ордена ихъ неусыпно дѣйствовали, особенно на обращеніе женщинъ; что они старались увлекашь дѣшей въ Капоницизмъ, умножали Лапинскія церкви, вѣра Лапинская считалась въ Липовѣ главной, и Папа гремѣлъ буллами. Но бѣглецы Липовскіе безбожно оговорили добродѣтельнаго Іосифа, утверждая, что онъ предался Папѣ, и поклонялся

(505) О Мисаилѣ см. выше стр. 416. Далѣе см. *Опис. Кіево-Соф. собора*, стр. 113, и слѣд., и *приложенія* къ нему № 10 и 11-й, а также *Ист. Г. Р.* т. VI, прим. 475. Слич. превосходныя изслѣдованія Мишпрополиша. Евгенія съ ошибочнымъ повѣспованіемъ Карамзина (*Ист. Г. Р.* т. VI, стр. 292 — 294). Знапвѣйшіе вельможи Липовскіе, каковы: Князья Глинскіе, Бѣльскіе, Оспрожскіе, были православнаго исповѣданія; самъ Мишр. Іосифъ былъ прежде Великимъ Подскарбіемъ Липовскимъ. Макарія убили на берегахъ Вчичи, въ селѣ Сприголовѣ; мощи его почивають въ Соф. Кіевскомъ соборѣ. Грамата Александра извѣстна по подтверженію оной въ 1766 г. Правила Виленскаго Собора хранятся въ Синод. биб. (*Оп. Кіев. Соф. соб. прилож. 10 и 11-е*).

обративъ всѣхъ въ Лашинскую ересь, что онъ ѣздишь по городамъ съ Лашинскимъ Епископомъ, и обращаетъ въ Лашинъ волю и неволю, хотя уже Богъ послалъ на него въ наказаніе болѣзнь шлжкія (506). Іоаннъ не слушалъ ничего болѣе; готовилъ войско, послалъ въ Крымъ, въ Молдавію. Александръ отправилъ къ Іоанну Посла, называлъ его въ грамотѣ своей *Государемъ*, усовѣщивалъ, уговаривалъ не вспунаться въ сношенія съ измѣнниками, выдать Бѣльскаго, увѣряя, что вовсе не думалъ гнать вѣры, и что его оклеветали безспядно. Іоаннъ ошвѣчалъ, что онъ не измѣнниковъ принимаетъ, но спасаетъ православныхъ отъ поганства Лашинскаго, и будетъ спасать ихъ всегда, почиая себя опорю православія; что Александръ поздно даетъ ему надлежащія пишулы, и напрасно коварствуетъ, увѣряя, будшо нѣтъ гоненія на вѣру. «Въ городахъ спрояшъ поганые коспелы; ошсшупникъ православія Іосифъ доноситъ нашу вѣру; дѣшей право-

(506) Райнальд. А. Е. г. 1504, № 37; Костр. Лѣт. ч. II, стр. 188: «Посла Богъ на него (Іосифа) недугъ, разслабу, и поставленъ бысть на Мипрополію, и *едино лѣто* пребысть въ томъ санѣ, и живоша измѣнися» (въ *Стр. Лѣт.* умре). Явная клевета! Іосифъ правилъ Мипрополію 19-ть лѣтъ.

славныхъ крещашъ въ Лапинщину насильно, а женъ обольщающъ прелесшю; у Елены нѣшъ ни духовника изъ Москвы, ни придворной церкви: эпо-ли не гоненія?» говорилъ Іоаннъ (507).

Но онъ уже не довольствовался словами. Чиновникъ его Телешовъ поѣхалъ объявить Александру о томъ, что Іоаннъ принимаетъ подъ власть свою Можайскаго и Шемякина, и объявляетъ войну Литвѣ. Русскія войска уже опустошали въ это время Литву и брали города. Іоаннъ горделиво хотѣлъ, чтобы *Царь Казанскій*, Магмешъ-Аминъ, предводилъ его войскомъ. Яковъ Захарьинъ приданъ былъ къ нему. Можайскій, Шемякинъ, Князья Трубчевскіе, съ радостью встрѣтили Рускихъ и присягнули Іоанну; Мценскъ, Серпейскъ сдались; Брянскъ и Пушквль были взяты. Намѣспниковъ и Воеводъ Липовскихъ увезли въ Москву. Другой Захарьинъ, Юрій, занялъ Дорогобужъ и шелъ къ Смоленску. Молдавія еще не двигалась; но Менгли-Гирей, какъ коршунъ хищный, уже налетѣлъ на Воынь, сжегъ, разграбилъ Хмѣльникъ, Кременецъ, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Брянславль. Онъ хвасталъ Іоанну своими кровавыми успѣхами; Іоаннъ поздравлялъ его, извѣ-

---

(507) *Дѣла Польскія* (Карамз., т. VI, прим. 479).

щаль о своихъ успѣхахъ, и въ непродолжательномъ времени обрадовалъ еще болѣе (508).

Наскоро спѣшили въ Липівѣ собрать войско, и защитить хотя сѣверную Липву и Смоленскъ. Предводительство вручено было Князю Константину Острожскому, мужу храброму, ревностному защитнику православія, но еще болѣе усердному на службу отчизнѣ. Александръ возвелъ его въ достоинство Гетмана Липовскаго, самъ остался въ Борисовѣ, а Константинъ выступилъ къ Дорогобужу. Здѣсь ожидалъ его Князь Даніилъ Щеня, присоединившійся къ Юрію Захарьину съ дружинами Новгорода и Твери. Юрій оскорбился, что Даніилъ пославленъ былъ выше его; Іоаннъ велѣлъ ему молчать. На берегахъ Ведроши, при урочищѣ Миньково поле, (14 Іюля, 1500 г.) Воеводы Русскіе встрѣтили Острожскаго, и наголову разбили его. Самъ полководецъ Липовскій попался въ полонъ. Его, какъ злодѣя, противника дѣлу православныхъ, привезли въ Москву въ кандалахъ, и сослали въ Вологду, гдѣ выдавали ему на содержаніе по 4-ре алтына

---

(508) Стр. Лѣт. т. II, 265, Костр. т. II, 189, Львов. т. III, 265, Типогр. стр. 341; *Дѣла Крымскія* (Карамз. т. VI, прим. 495, 496, 497).

въ день. Иоаннъ называлъ это *милостию*, ибо другимъ плѣнникамъ Липовскимъ выдавали на день только по полу-деньгѣ. Предложили наконецъ Оспрожскому вступить въ службу *Государя православнаго*, оставя *еретика Латинскаго*. Бѣдный плѣнникъ принужденъ былъ согласиться (509). Иоаннъ благодарилъ Воеводу своихъ, и велѣлъ имъ осаждать Смоленскъ. Наступившая осень не допустила до осады. Подъ Торопцемъ, Рускіе разбили еще опрядъ Липовцевъ. Тушъ предводили племянники Иоанна Иванъ и Ѳеодоръ Борисовичи, но начальствовалъ Новгородскій Намѣстникъ Челядинъ. Военныя дѣйствія прекратились (510).

---

(509) Славная битва Ведрожская описана во всѣхъ Русск. Лѣтописяхъ. О плѣнѣ Оспрожскаго, см. *Бѣльскаго* и *Архане. Лѣт.* (стр. 175). Онъ спрдалъ въ плѣну *восемь лѣтѣ*, бѣжалъ, едва только получилъ облегченіе, и мстилъ за свой плѣнъ побѣдами. Бѣльскій пишетъ (стр. 489), что Оспрожскій шелъ опъ Дорогобужа черезъ Лопачинъ. Погоспъ *Ведроши* находится нынѣ на югъ опъ Дорогобужа. По словамъ Курбскаго (*Сказанія объ Иоаннѣ*), Оспрожскаго освободили опъ оковъ по просьбѣ Димитрія, Игумена Прилуцкаго, который былъ тогда на Вологдѣ утѣшивелемъ несчастныхъ племянниковъ Исанна; что Димитрій чудесно исцѣлилъ изсохшія опъ оковъ ноги Конспаншина, и проч.

(510) Битва была на Тешковѣ полѣ, на берегахъ Подмы (Исп. Г. Р. т. VI, прим. 493).

Александръ успѣшно дѣлалъ, что могъ сдѣлать, но онъ не имѣлъ средствъ пропить сильно, не приготовавъ предварительно къ защитѣ. Пославъ войско свое съ Княземъ Осипрожскимъ пропить Рускихъ, онъ уговаривалъ Стефана Молдавскаго не нарушать мира, и убѣждалъ Менгли-Гирея опспать опъ Иоанна, предспавляя ему дѣла шеспя въ самомъ черномъ видѣ. «Можешь-ли надѣяться на него, видя, что онъ дѣлаетъ со мною, зяпемъ своимъ? Забудешь-ли, какъ погубилъ онъ своихъ родныхъ брашьевъ?» говорилъ Александръ. Но Ханъ не слушалъ ничего, опвергъ посредство Стефана, и увѣдомилъ Иоанна, что изъ Липвы присылали къ нему съ *пустыми рѣками*, въ одно время сносясь съ нимъ и съ врагами его, остатками Золошой Орды (511). Александръ

---

(511) *Дѣла Крымскія* (Исп. Г. Р. т. VI, прим. 499, 500, 501). О *Золотой Ордѣ*, см. выше прим. 440. Послы Хана Ордынскаго были на Пюпрковскомъ сеймѣ 1501 г., и присягали *звуклут обусгаіет* (говорить Бѣльскій), т. е. лили воду на сабли, и пили потомъ эту воду, говоря: «Если нарушимъ нашу клятву, да погибнемъ опъ эшихъ сабель, и да попечентъ наша кровь, какъ эта вода!» Двигнувшись по убѣжденію Липвы, Золошая Орда погибла совершенно въ это время, хопя до конца своего не измѣняла Польшѣ.

испытывалъ и мирныя средства. Братья его, Короли Польскій и Венгерскій, прислали въ Москву Пословъ своихъ, вмѣстѣ съ Липовскимъ. Александръ горько жаловался на вѣроломство, нечаянное нападеніе Рускихъ, тяжкій плѣнъ Оспрожскаго, приемъ измѣнниковъ въ Руси; просилъ начать переговоры о мирѣ и опуститъ плѣнныхъ; ему отвѣчали, что Іоаннъ не прочь ошъ мира, но взяшаго не опуститъ, и плѣнныхъ безъ выкупа не опуститъ (512).

Зимою 1501 г. Александръ получилъ неожиданную почестъ: Іоаннъ Албертъ скончался въ Юль, и Великаго Князя Липовскаго избрали въ Польскіе Короли. Зная, что Александръ былъ занятъ дѣлами въ Польшѣ, Іоаннъ спѣшилъ продолжатъ войну. Василій, сынъ его, раззорялъ сѣверную Липву; другой опрадъ, подъ предводительствомъ двухъ измѣнниковъ Липовскихъ, Князей Шемякина и Спародубскаго, и Князя Росповскаго съ Бояриномъ Воронцовымъ, разбилъ новое Липовское войско, коимъ начальствовали Князь Ижеславскій, и опважный наѣздникъ, Воевода Липовскій, Ев-

---

(512) *Дѣла Польскія* (Карамз. тт. VI, прим. 504).

стафій Дашковичъ. Битва происходила Ноябра 14-го 1501 г., подъ Мстиславлемъ (513).

Иоаннъ остановился на время послѣ сего, ибо два общомяшельства обрали на себя его вниманіе. Союзника его Менгли-Гирея ошвлекли въ это время непримиримые враги — ошашки Золошой Орды. Съ другой стороны явился храбрый союзникъ Липвъ — Магистръ Ливонскаго ордена, Вальперъ фонъ-Плешшенбергъ. Онъ видѣлъ опасность самовласія и успѣховъ Иоанна, заключилъ союзъ съ Польшею, и лѣтомъ 1501 г. вспунилъ въ Псковскую область, захвативъ предварительно Русскихъ купцовъ, находившихся въ Дерпшѣ и Ревелѣ. Войско его было немногочисленно, но хорошо успроено и снабжено сильною артиллеріею. Воеводы Русскіе, Князя Шуйскій и Пенко, только бражничали во Псковѣ, видѣли опустошеніе земель Рыцарями, и робѣли. Наконецъ, они выспунили къ Изборску, и 27-го Августа на рѣкѣ Сирицѣ были разгромлены артиллеріею Плешшенберга, бѣжали и скрылись во Псковѣ.

---

(513) Исп. Г. Р. т. VI, прим. 507, 508; Спр. Лѣт. т. II, 267. *Ижеславскій* былъ не сынъ, но зять Юрія Лугвеніевича. *Дашковичъ*, впоследствии бывший столь достопамятнымъ предводителемъ Казаковъ, названъ *Дашковъ*, въ *Разрядныхъ книгахъ*.

Рыцари безпрепятственно жгли и грабили селенія, взяли Оспровъ, осаждали Изборскъ и Опочку (вмѣстѣ съ Лишовцами); хошѣли даже осадить Псковъ. Только повальныя болѣзни, опкрывшіяся въ войскѣ ихъ, заставили Пleshпенберга удалиться во свояси (514).

При неожиданной удачѣ новаго союзника Литовскаго, Іоаннъ раздражилъ и опвлекъ было ояъ себя своихъ старыхъ союзниковъ, Менгли-Гирея и Стефана. Событія, оскорбившія Крымскаго Хана и Молдавскаго Господаря, были совершенно различны.

Стефанъ слышалъ о бѣдствіи, постигшемъ несчастную дочь его и внука. Уже съ 1499-го года, казнь Ряполовскаго, изгнаніе Паприкѣвыхъ, и прощеніе Василя, не предвѣщали добра Еленѣ и Димитрію. Мать и сынъ казались опальными при Дворѣ, хотя Димитрій все еще носилъ шишулъ Великаго Князя и наслѣдника. Но весной 1502 года Іоаннъ изъявилъ рѣшительный гнѣвъ свой Еленѣ: Апрелья 11-го запрещено было поминашь сына ея на экшеніяхъ; и Елену, и Димитрія посадили подѣ тѣсную спражу. Несчастный юноша былъ даже скованъ!

(514) Исп. Г. Р. ш. VI, прим. 509 — 515; Кельхъ, стр. 158.

Апрѣля 14-го объявила, что Іоаннъ жалуется Василя *Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ* своимъ. Вѣчная пенница назначена была Еленѣ и Димитрію.... Такое жестокое наказаніе дочери и внука опечалило Стефана. Онъ претребовалъ изъясненій: почему столь безчеловѣчно ихъ преслѣдуюшь? «Такъ хочу» — отвѣчалъ Іоаннъ Менгли-Гирею (ибо черезъ него сносился Стефанъ съ Москвою, прося Хану заступиться) — «такъ хочу! Жалую, кто мнѣ нравился и угодеиъ; не жалую, кто не нравился и неугодеиъ.» Что могъ возразишь на это слабый, далекий Господарь Молдавскій? Онъ захватилъ было Пословъ и художниковъ, вѣхавшихъ изъ Италіи; но Іоаннъ пошребовалъ ихъ, разжаловался Менгли-Гирею и Кафинскому Намѣстнику—Стефанъ опшусшилъ задержанныхъ имъ людей (515).

Самовластіе Іоанна въ Казани разсердило Менгли-Гирея. Въ 1500 г. посланъ былъ изъ Москвы Федоръ Бѣльскій, защищать Казань отъ набѣга Ногайскихъ Царевичей Агалака, Ямгурчея и Мусы. Іоаннъ казался благосклоненъ

---

(515) Карамз. т. VI, прим. 536, 537, 538, 539
 Спр. Лѣт. II, 269; Архангел. Лѣт. стр. 174. Наказъ Іоанна, о томъ, какъ *стерети внука*, хранился некогда въ Государственномъ Архивѣ, но утраченъ.

и милоспивъ. Но черезъ два года, онъ возвергъ гнѣвъ свой на Абдуль-Лешифа, призвалъ въ Москву Мегмешъ-Аминя, наименовалъ его Царемъ Казанскимъ, ошдалъ ему жену Алегамову, и ошправилъ его съ войскомъ подъ Казань. Князь Ноздровашый возвелъ Мегмешъ-Аминя на пронъ Казанскій. Абдуль-Лешифа привезли въ Москву скованнаго, и ошправили въ ссылку въ Бѣлозерскъ. «Я пожаловалъ Абдуль-Лешифа,» писалъ Іоаннъ Крымскому Хану, «посадилъ его на Казань; но онъ почалъ мнѣ лгашъ; ни въ какихъ дѣлахъ не учалъ управы чинишь, и землѣ Казанской спалъ лихъ: я свелъ его съ Казани, и держу у себя.» Кажешся, что *неутиненіе управы и вся лихость Абдуль-Лешифа* сосшоали полько въ неповиновеніи волѣ Іоанна. Менгли-Гирей, оказавшій въ эшо время важную услугу Іоанну, испребленіемъ послѣднихъ оспашковъ Золошой Орды, и гошовый снова ринушься на Липву, ошвѣчалъ, что Іоаннъ долженъ былъ извинишь Абдуль-Лешифа за его юность; по крайней мѣрѣ, шеперь долженъ ошпустишь его въ Крымъ, или дашь ему помѣстья въ Руси. Безъ сего удовлешворенія, Ханъ грозилъ распоргнуть союзъ свой съ Іоанномъ. «Разрушишь наше брапшво, а шарые, добрые люди говоряшь, что лучше умереть съ добрымъ именемъ, нежели благоденшвовашъ съ худымъ. Будешъ-ли имѣшь

доброе имя, нарушивъ свяшую клятву браштва между нами?» Іоаннъ исполнилъ пребываніе Менгли-Гиреево, далъ Абдуль-Лепиѳу помѣстья, но не выпускалъ изъ рукъ этого бѣднаго Князя, предметъ неудовольствій между имъ и Крымомъ. Ханъ ничего болѣе не требовалъ и былъ доволенъ (516). Война съ Липвою снова началась, вдругъ въ чепырехъ мѣстахъ, и на сей разъ счастье худо послужило храбрости Пleshенберга.

Еще въ 1501 г., едва ушли побѣдительныя полки его, Іоаннъ въ глубокую осень послалъ Князя Данила Щеню раззорять земли Рыцарскія. Въ виду защитниковъ, сидѣвшихъ въ Дерптѣ, Мариенбургѣ, Нейгаузенѣ, Рускіе жгли, опустошали, брали въ полонъ. Опрядъ Рыцарей напалъ на нихъ близъ Гельмеша, и принужденъ былъ бѣжать (24 Ноября). Пleshенбергъ выступилъ наконецъ самъ; но Рускіе, совершивъ спрашную мѣсть, уже ушли въ свои предѣлы. Рыцари только выжгли посадъ Ивангородскій. Лѣтомъ 1502 г. Пleshенбергъ снова вошелъ въ Псковскую область, осаждалъ

---

(516) *Крымскія дѣла* (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 467, 531, 532); *Арханг. лѣт.* стр. 176; *Костр. лѣт.* II, 191, 195.

Изборскъ , оставилъ его , и осадилъ Псковъ : Даниилъ Щеня , съ усиленнымъ войскомъ , спѣшилъ на неприятеля. Пleshпенбергъ опспунилъ , и ждалъ Рускихъ близъ озера Смолина , въ 30-ши версахъ отъ Пскова. Здѣсь , Сентября 13-го , началась битва жестокая. Рускіе превосходили числомъ , Рыцари успроисхвомъ ; два раза Рускіе были сбиты , возвращались и нападали снова. Орденскій знаменосецъ Шварцъ былъ раненъ , и кричалъ товарищамъ : « Возьмите знамя ! » Рыцарь Гаммершпешъ хотѣлъ взять его ; Шварцъ не отдалъ ему знамени , и изорвалъ зубами , когда Гаммершпешъ , въ бѣшенствѣ , спарался опнять его , и опрубилъ руку Шварцу. Гаммершпешъ немедленно бѣжалъ къ Рускимъ , и повелъ ихъ на слабую спорону Нѣмецкой пѣхоты. Ничто не пособило ; Рускіе опспунили въ безпорядкѣ ; Пleshпенбергъ удержалъ мѣсто битвы , но — не болѣе , хопя и усшановилъ на вѣки праздновашъ день Смолинской битвы. Гаммершпешъ былъ принятъ Юанномъ ласково , и ошался въ Москвѣ (517).

---

(517) Карамз. ш. VI , прим. 516 , 518 , 519 , 546 , 547 ; Герберштейнъ , R. M. стр. 85 ; Пск. Лѣт. годъ 1502-й ; Арханг. Лѣт. стр. 176 ; Тип. Лѣт. стр. 343 ; Кельхъ , стр. 159 , и слѣд. — О Гельметской битвѣ : « биша поганыхъ на десять верстъ , и не оставиша

Но сильное войско Русское, лѣпомъ 1502 г., въ замѣну перѣшишельной Смоленской битвы, опустошило всю Липву до Полоцка и Мспи-славля, взяло Оршу, выжгло Вишебскій посадъ, и осадило Смоленскъ; недоспашокъ припасовъ въ оголоженной странѣ заспавилъ опустушишь. Раззоренія продолжались даже и зимою. Князь Шемякинъ, и другіе перемешчики, мспили Александру за его прежнюю дружбу. Южную Липву и Волынь раззорялъ неупоминимый Менгли-Гирей, не слушая увѣщаній Александра, и отсылая письма его къ Іоанну; набздники Крымскіе являлись даже близъ Кракова и Сендомира. Еще Левъ Даниловичъ Галицкій замѣчалъ, что послѣ Ташаръ уже нечего было взять (518). Наконецъ, и Стефанъ Молдавскій,

ихъ ни *ѣстоноши*; а не саблями свѣтлыми съкоша, но биша, аки свиней, шестоперами.» Герберштейнъ лично видѣлъ Гаммерштета *honorifice vestitum, inter Principis stipendiarios.*

(518) Рускими предводилъ (разумѣется, для почета) сынъ Іоанна, *Димитрій*. Переписка Александра съ Пленшпенбергомъ и Іоанна съ Менгли-Гиреемъ, въ *Ист. Г. Р. п. VI*, прим. 542, 543, 544. — См. еще *Бѣльскаго*, стр. 494. Ташаръ разбили въ Липвѣ въ 1503 г. — Возвратясь въ Москву, Димитрій жаловался Іоанну на своевольство нѣкоторыхъ воиновъ, «и за то, Князь Бел. воспалися, и многихъ велѣлъ испой-

не смотря на ссору съ Іоанномъ , занялъ области Волинскія , Галичъ , Сняшинъ , Красное , Колымью. Онъ хотѣлъ обезопасить себя при мирѣ , кошорымъ вскорѣ , какъ полагалъ онъ , должно было все окончиться : Александръ , не умѣя согласишь ни брашьевъ , ни подданныхъ своихъ , былъ припомъ боленъ , не могъ ни спояшь прошивъ Рускихъ , Молдаванъ и Крымцевъ , ни помогать Пleshенбергу. Онъ рѣшил-ся купишь пишину всѣми возможными пожертвованіями (519), и въ 1503 г. пріѣхалъ къ неумолимому шестю его Посолъ Венгерскій , съ

маши , да велѣлъ ихъ казниши , по шоргу вода , велѣлъ жнупьемъ биши , а многихъ велѣлъ въ шюрму помепаши.» О бѣдствіяхъ , какими сопровождалась война въ Липшѣ , можно судишь изъ словъ Лѣтописей : « Граду (Смоленску) учиниша зла много ; и людей подъ градомъ побиша много ; а волости и села повоеваша , пограбиша , пожгоша , и полону выведоша множествво безчисленно.» Александръ писалъ къ Плешпенбергу , что опасается сдачи Смоленска , по причинѣ голода , и заразы , производимой множестввомъ непогребенныхъ и гниющихъ повсюду шруповъ . Ожесточеніе воиновъ съ обѣихъ шпоронъ было ужасное . Въ Ведрошской битвѣ , напри-мѣръ , « бишася , имающеса за руки съчахуса , и по удолямъ (кровь стекла) яко рѣка , а въ шрупу конь не скочишь , » и проч .

(519) *Дѣла Крымскія* (Ист. Г. Р. тп. VI. прим. 535); Бѣльскій , стр. 496. Впрочемъ , Поляки жесточе раз-

письмами ошъ Папы и Венгерскаго Короля. Оба просили Иоанна мириться. По прежнему жаловался Иоаннъ на обиды; на шо, что зяшь его, изъвая желаніе мира, навелъ на него Нѣмцевъ и Золотую Орду. Но онъ позволилъ прѣхашъ Посламъ Польскимъ, и оспановилъ военныя дѣйсвія. Послы явились ошъ Александра и Пleshенберга, шерпѣли грубо-сти и гордосшь вельможъ Русскихъ, назначенныхъ Иоанномъ для переговоровъ. Посламъ Пleshенберга сказано было, что они должны переговаривашъ съ Новгородскимъ и Псковскимъ Намѣспниками; шакъ мало подѣйсвовали на Иоанна побѣды Пleshенберга. Но Магиспръ Ливонскій былъ доволенъ, что его не заспавили унижашься болѣе. Миръ заключенъ былъ имъ по спаринѣ (520). Не шакъ было съ Поль-

зорали шогда Молдавію. Стефанъ, спарый, спрадавшіи подагрою, огорчаемый учаспью дочери и безнадежно-спію опчизны въ будущемъ, умеръ въ 1504 г.—Замѣшимъ, что Турки звали его *Кара-Богданомъ*, п. е. *Чернымъ Богданомъ*, переиначивая по своему Молдавское слово: *Кара*, что значить: *драгоценный*.

(520) *Двла Польскія* (Исп. Г. Р. п. VI, прим. 548, 549, 551). Къ сему времени должно опнеспи шрогапельное письмо Елены къ родителю (*Сверн. Архивъ* 1823 г., п. VIII, стр. 356). Уговаривая его мириться,

шею. Послы Липовскіе заговорили сначала объ успукѣ всѣхъ завоеванныхъ Рускими обласней. «Ничего не опдамъ,» сказалъ Іоаннъ. «Я взялъ свое, принадлежавшее Руси издревле; хочу взять и оспальное: Смоленскъ и Кіевъ. Александрова опчина Польша и Липва: я ихъ не прогаю.» Онъ согласился наконецъ заключить перемиріе на *шесть лѣтъ*, опдавъ весьма небольшое изъ завоеванныхъ обласней. Упомянули о Швеціи, гдѣ снова были шогда побѣждены Дапчане. Іоаннъ не хотѣлъ ничего слышать; не хотѣлъ мирить зяпя съ Менгли-Гиреемъ; даже писалъ къ Хану, что онъ хочетъ пеперь помириться на время, но что между Липвою и Русью прочнаго мира нѣтъ; что онъ поспараешся между шѣмъ упрочить себѣ завоеванные города, переведа изъ нихъ всѣхъ людей неприазненныхъ Руси, и замѣнивъ ихъ людьми добрыми. Александръ нѣсколько време-

---

она говоритъ: «Челомъ бью и широко пишу къ тебѣ, служебница и дѣвка пвоя Алена, опъ великихъ слезъ моихъ и пляжкой жалоспи, видя гнѣвъ и нежитіе промежъ тебя Государя, опца моего, и Государя мужа моего; а болѣе попому, что всѣ приписываютъ мнѣ бѣдствіе и раззореніе, говоря: какое дитя опцу не мило? Если-бы она захотѣла, опецъ ея сжалился-бы на ея просьбы,» и проч.

ни колебался утвердить миръ, споль унизи-
 тельный для Польши, удерживалъ Пословъ
 Русскихъ, отправленныхъ для сего утвержде-
 ния; Иоаннъ поперялъ шерпѣнне, потребовавъ
 изъясненій медленности; Пословъ его отпу-
 стили съ подтвержденіемъ мира, и съ грама-
 лкою Короля, въ кошорой, по желанію Иоанна,
 онъ подтверждалъ, что Елену не будущъ при-
 нуждашь къ перемѣнѣ закона. Но Александръ
 задержалъ гонца Русскаго, отправленнаго къ
 Стефану, сказавъ, что до мира окончатель-
 наго не допуститъ сношеній съ Молдавіею; онъ
 не позволилъ также Еленѣ исполнить требова-
 ніе отца, который просилъ ее сыскашь для
 брата Василя невѣсту изъ какого-либо дома
 Европейскихъ Государей. Въ замѣну сей беспо-
 лезной грубости, въ 1504 году явились Послы
 Александра въ Москвѣ, съ почтительными
 граматами. Они просили прочнаго мира. «Ош-
 дайте мнѣ Кіевъ и Смоленскъ» — отвѣчалъ
 Иоаннъ. Еще новый бѣглець ушелъ погда въ
 Русь: Евстафій Дашковичъ, храбрый воевода,
 начальникъ Липовцевъ въ Мспиславльской биш-
 вѣ. Онъ свелъ съ собою многихъ сообщниковъ,
 увезъ въ Русь свою жену, дѣтей, имѣнне. По-
 слы претовали выдачи бѣглеца. «Развѣ онъ
 бѣглець?» отвѣчалъ Иоаннъ. «Бывъ воеводою у
 зятя моего, теперь перешелъ въ мою службу,
 и не учинилъ никакого преступленія.» Послы

возвратились безъ успѣха. Іоаннъ началъ сношенія съ дочерью, но только *клянлся* черезъ нее Королю Польскому, и всѣ дѣла съ Польшею касались только рѣшенія разныхъ пограничныхъ споровъ (521).

Уже на порогѣ гроба споялъ Іоаннъ, дѣйствуя споль неуклонно, и хоша показывалъ еще прежній умъ, прежнюю пвердоспъ въ дѣлахъ государспвенныхъ, но онъ не былъ уже вполнѣ прежнимъ Іоанномъ. Въ Апрѣлѣ 1503 г. скончалась Софія. Самъ Іоаннъ сдѣлался пячко боленъ; далъ обѣщаніе съѣздити на поклоненіе разнымъ Угодникамъ, и получивъ облегченіе оспъ болѣзни, въ Сенпярѣ ѣздилъ въ Троицкую Сергіеву Лавру, Переяславль, Росшовъ, Ярославль. Возвращаясь въ Москву въ Ноябрь, онъ чувствовалъ усиливающуюся болѣзнь свою, и спѣшилъ устроити послѣ себя наслѣдспво. Тогда написана была его духовная (522).

Еще прежде онъ роздалъ каждому изъ сыновей своихъ города въ *удѣлы*, ограничивъ власпъ ихъ особыми грамашами, приказавъ да-

(521) *Дѣла Крылскія* (Карамз. т. VI, прим. 550, 551); *Дѣла Польскія* (тамъ-же, прим. 553, 554, 555, 569, 570).

(522) Стр. Лѣт. т. II, стр. 271, Лѣт. Лѣт. III, 278. Духовная Іоанна, въ *Собр. Г. Г.* т. I, N° 144.

же обмежевать удѣлы, и заключить всѣмъ младшимъ братьямъ договоры съ старшимъ братомъ; даже на Московскіе дворы ихъ выданы были особыя граматы (523). Все это пояснилъ подробно Іоаннъ въ своей духовной, опредѣляя владѣнія Московскими городами каждому сыну, излагая мѣру взносовъ для удовольстворенія плашежами Ташаръ, распредѣляя и оставшуюся послѣ него казну, разложенную имъ въ особые ларцы для каждого изъ сыновей. Онъ подробно исчислилъ въ духовной города и обласпи, « чѣмъ благословилъ меня отецъ, и что мнѣ далъ Богъ. » Вошъ это исчисленіе — слѣдствіе обширныхъ дѣлъ Іоанновыхъ: *Василію*, старшему сыну, и *Великому Князю всея Руси—Москва*, съ Коломною; Кашира, Тѣши-

---

(523) Сохранились: договоръ Василія съ Юріемъ, 1504 г. Іюня 16; жалованная грамата Юрію и братьямъ его на дома въ Москвѣ; граматы Юрію на сельцо Суцовское и на Кашинъ; межевыя граматы, или росписи Юрію на Дмипровъ, Кашинъ, Звенигородъ, и раздѣльныя на Дмипровъ съ Рузою и Звенигородомъ, съ Московской, Можайской, Клинской спороны, въ *Собр. Г. е. ш. I*, № отъ 133 до 142-го. Все это сохранилось, вѣроятно, попому, что было взято вдругъ у несчастнаго Юрія и брошено въ Архивы въ 1533 году. Другія граматы и договоры Василія съ братьями погибли.

ловъ , Рославль , Веневъ , Мспиславль , по Рязанскій рубежъ , съ Ельцомъ ; Серпуховъ , Хопунь , Торуса , Мценскъ , Воропынскъ , съ Князьями Воропынскими , Мезецкими , Новосильскими , Одоевскими ; Боровскъ , Суходолъ , Ярославецъ , Мяднь , Можайскъ , Вязьма , Дорогобужъ , Переяславль , Владимірь , Суздаль , Ростовъ , Ярославль , Романовъ , Бѣлозерскъ , Заозерье , Кубена , Успюгъ , Заволочье , Югра , Печора , Великая Пермь , Коспрома , Нерехпа , Галичъ , Нижній Новгородъ (съ Мордвою и Черемисою) , Муромъ , Мещера , Вяпка (съ Арскими Князьями) ; Великое Княжество Тверское , съ Городнею , Клиномъ ; Великій Новгородъ , съ пяшью пашинами и городами Ивангородомъ , Ямомъ , Копорьемъ , Орѣшкомъ , Ладогою , Демоньомъ , Куромъ , Порховомъ , Высокимъ , Кошкинымъ , Русою , Холмомъ , Великими Луками , Ржевою Пустою , Карелою и Лопью ; Псковъ , Торопецъ , Старая Рязань , Перевышескъ . — Вшорой сынъ , *Юрій* , получалъ : *Дмитровъ* , Звенигородъ , Кашинъ , Рузу , Брянскъ , Серпейскъ ; шрешій сынъ , *Дмитрій*—*Углицъ* , Мологу (съ ярмаркою) , Хлепень , Рогачевъ , Нѣгюмиръ , Зубцовъ , Опоки , половину Ржевы , Мещевскъ , Опаковъ ; чепверпый сынъ , *Симеонъ*—*Бѣжецкъ* , *Казугу* , Козельскъ ; пашпый *Андрей*—*Верею* , Алексинъ , Любушскъ , Спарицу , Холмъ и Новгородъ (Тверскіе).

И такъ, Іоаннъ, споль рѣшишельно истреблявшій всѣ слѣды Удѣловъ въ Росповѣ, Ярославлѣ, Вереѣ, убѣждавшій Александра не давать удѣла брату Сигизмунду — возобновилъ дѣшамъ своимъ Удѣлы? Правда, что онъ опредѣлялъ всѣ отношенія; сказалъ, что послѣ смерти каждаго брата, *если онъ умретъ бездѣтенъ*, удѣлъ поступаетъ Василию; лишилъ младшихъ сыновей всякихъ правъ владѣнія независимаго; изрекъ проклятіе на того, кто подъ спаршимъ брашомъ будешь подыскивать Великаго Княженія, не будешь съ нимъ *однагитъся*, спашеешь ссылашься, шайно или явно, на лихо ему, или подымаешь на него кого нибудь. Но удѣлы дѣшей Іоанна были значительны, близки къ Москвѣ, словомъ: удѣлы *существовали*—и что значили кляшвы и договоры между братьями? Споль великъ предразсудокъ, если онъ укрѣпленъ вѣками; такъ сильно себялюбіе человека, что онъ думаетъ видѣшь въ дѣшахъ своихъ исключеніе изъ правила общаго?

Но не должно-ли приписать распоряженію Іоанна всего болѣе упадку духа его передъ кончиною, въ болѣзни, кошорую онъ признавалъ смертною? Эшо особенно докажешь намъ послѣднее распоряженіе Іоанна въ Церковныхъ дѣлахъ.

Во все продолженіе своего владычества, Іоаннъ, Хрисіанинъ благочестивый и набож-

ный, былъ выше суевѣрій своего вѣка; ясный умъ заспалялъ его не дорожишь мнѣнїемъ невѣждъ. Мы указывали уже на сіе свойство характера Іоаннова въ разныхъ событіяхъ. Дополнимъ здѣсь еще нѣсколько чертъ. Іоаннъ не хотѣлъ подчиниться Церкви Греческой, хотя она отвергла Исидорову ересь. Давая милоспыни, содержа монастыри въ горахъ Аеонскихъ, Іоаннъ управлялъ Русскою Церковью самовластно (524). Митрополишь Θεодосій избранъ былъ послѣ Іоны (въ 1464 г.), не смотря на подозрѣніе въ ереси, въ которой былъ онъ нѣкогда уличенъ и раскаялся. Желая прекратить разныя неуспройства въ жизни священниковъ, Θεодосій раздражилъ народъ, и самъ отказался опъ Митрополїи. Іоаннъ не

(524) Въ 1464 г. Іоакимъ, Паптріархъ Іерусалимскій, ѣхалъ въ Русь за милоспынею, «бѣ бо имъ испома опъ Египетскаго Султана,» но умеръ дорогою въ Кафъ. Братъ его, Пропосинкеллъ Іосифъ, прибылъ въ Москву, былъ поспавленъ Русскимъ Духовенствомъ въ Митрополишы Кесарїи Филипповой, и осыпанъ дарами.— Въ 1497 г. Паисій, Ігуменъ мон. Св. Панпелеймона, изъ Аеонскихъ горъ («изъ спарины поопъ мон. спроеніе бяше прежнихъ Великихъ Русскихъ Князей»), прїѣхалъ въ Москву, съ Молдавскимъ Посланникомъ, «милоспыни ради, и Князь Вел. милоспынею его издоволилъ, и на иные мон. послалъ,» и проч.

хотѣлъ его уговаривашь. Подъ собственнымъ предсѣданіемъ Іоанна, Соборомъ избрали въ Митрополиши Суздальскаго Владыку Филиппа (1465 г.), скончавшагося въ 1473 году (525). Геронсій (Епископъ Коломенскій) заступилъ его мѣсто, и поссорился съ Іоанномъ при освященіи Успенскаго собора: Геронсій пошелъ съ креслами вокругъ церкви прошивъ солнца. Іоаннъ думалъ, что Митрополишъ ошибся; Геронсій заспорилъ и не уступалъ; велѣно было изыскашь для сего основное правило, но его не находили; Митрополишъ оставилъ свое мѣсто, соглашаясь лучше бытъ низложеннымъ, нежели утвердишь неправду; но Іоаннъ не

---

(525) Въ 1455 г. Теодосій, бывши Архіеп. Ростовскимъ, разрѣшилъ: *встѣ скороминое послѣ ветерни канцѣ Божоявленія, если придется день воскресный.* Это назвали ересью. Собрался Соборъ, гдѣ Іона Митрополитъ, Василій Темный, и множество духовныхъ, обличили Теодосія и заставили его каяться «въ дьявольскомъ ещущеніи и своемъ скудоумствѣ.» Бывъ Митрополитомъ, Теодосій воспрешилъ служеніе вдовымъ попамъ, и жестоко наказывалъ пѣхъ изъ нихъ, которые держали наложницъ. По множеству церквей, во многить нѣкому было служить послѣ такоаго распоряженія; народъ ропталъ, и Теодосій, сложивъ санъ, удалился въ Чудовъ монастырь, гдѣ, подавая примѣръ смиренія, ходилъ за какимъ-то больнымъ спарцемъ, до самой смерти своей.

покорялся, и тогда только призналъ свою ошибку, когда убѣдили его въ истинѣ словъ Геронтія; онъ рѣшился мириться съ Геронтіемъ, послѣ сильнаго и продолжительнаго спора. — Съ 1470 года началась въ Новгородѣ особенная ересь, наименованная *Жидовскою*. Она сильно распространилась тамъ и въ Москвѣ. Іоаннъ не уважалъ спорами о ней, и взялъ съ собою изъ Новгорода въ Москву священниковъ Алексія и Діонисія, хотя ихъ подозрѣвали въ Жидовской ереси. Оба священника сіи были попомъ любимцами Іоанна, и привлекли въ ересь свою множество народа. Въ числѣ послѣдователей ихъ былъ Архимандритъ Симоновскій Зосима, сановники Іоанна Курицыны, и даже сама невѣстка его, Елена. Послѣ кончины Геронтія, Іоаннъ приказалъ пославши въ Митрополию Зосиму (1489 г.). Ересь скрывалась въ величайшей тайнѣ; но православные подозрѣвали ее, и увидѣвъ Митрополию одного изъ главныхъ защитниковъ ереси, возопили о несправедливости и безбожїи Іоанна (526). Главными ревнителями православія были въ семъ случаѣ Геннадій, Архіепископъ Новгородскій, и Іосифъ, Игуменъ

---

(526) О Геронтія, Спр. Лѣт. II, стр. 202; Арх. и Рост. Лѣт. (Карамз. т. VI, прим. 103). О ропотѣ проливѣ пославленія Зосимы, *Карамз.* т. VI, стр. 197.

Волоколамскій. Геннадій прислалъ даже въ Москву изъ Новгорода именныя списки ерешковъ. Иоаннъ собралъ Соборъ; но удовольствовался духовнымъ наказаніемъ людей, впадшихъ въ ересь, хотя Геннадій, не смотря на то, самовольно подвергъ осужденныхъ въ Новгородѣ народному позору, а Игуменъ Іосифъ неупомимо преслѣдовалъ, писалъ, обличалъ, требовалъ казни мечемъ и огнемъ, оподозрилъ самого Мишрополипа и Курицыннихъ; Иоаннъ велѣлъ ему молчать; Зосима оспавался на своемъ мѣстѣ, и только склонность его къ пьянству была причиною его удаленія (527). Игуменъ Троицкій Симонъ возведенъ былъ въ Мишрополипы. Иоаннъ хотѣлъ шоржеспвенно показать при семъ случаѣ власнь свою. Онъ повелъ съ собою нареченнаго Мишрополипа въ соборъ Успенскій, и своею рукою *передалъ* его Епископамъ. Въ день посвященія, когда кончался обрядъ, Иоаннъ *нарекъ* его Мишрополипомъ, прежде нежели Симонъ спалъ на свое Мишро-

---

(527) Подробности ереси описаны въ особой книгѣ Св. Іосифа Волоколамскаго (Исп. Г. Р. ш. VI, прим. 319), и въ бумагахъ, взятыхъ изъ Іосифова Волоколамскаго мон. и напеч. въ *Вислювикѣ* Новикова, ш. XIV. О кончинѣ Геронтія, см. подробности, въ *Лѣт. Львова*, III, стр. 190; о Зосимѣ, *Стр. Лѣт.* ш. II, стр. 247.

полице мѣсто. Мишрополишъ преклонилъ, привѣшпвуя своего повелишеля; Иоаннъ указаль ему мѣсто своею рукою (528). Когда всѣ современники препешали совершенія *седьмой* шысячи лѣшъ опъ сошворенія міра — времени, издревле спрашившаго весь міръ хриспїанскій, Иоаннъ спокойно распоряжалъ дѣлами, велѣлъ собрашья въ Москвѣ Собору, и расположишъ новую пасхалию на всѣ праздники и церковное счисленіе, не думая о предвѣщаніяхъ, что скоро наспанешъ Сшрашный Судъ. Геннадій, Архіепископъ Новгородскій, съ Агаеономъ, Священникомъ Новгородскимъ, сосшавили всѣ исчисленія; Соборъ ушвердилъ ихъ, и успокоивая умы, обнародоваль съ особеннымъ предисловіемъ, гдѣ говорилъ: «Нѣшпъ наше искаши времена и лѣта, но подобаешъ шолько молишья Богу о усшроеніи всего міра, благососшояніи свяшыхъ Божіихъ церквей, и пособленіи и укрѣпленіи благовѣрнаго Хрисшлюбиваго Великаго Кнзья Ивана Васильевича, всея Руси Самодержца, и о здравіи его (529).» — Въ 1500 г. все Духо-

---

(528) Стр. лѣт. II, 250; Собр. Г. г. ш. II, № 23.

(529) Исп. Г. Р. ш. VI, прим. 618 — 620; Словарь Писаш. Дух. чина ш. I, стр. 11 и 90. Списковъ Геннадіева, или Агаеонова, *Церковнаго круга* находипся довольно, и при нихъ множешпво шрудныхъ вычешовъ мапешапшическихъ.

венство Русское было пошревожено, болѣе всякой ереси, смѣлою, несмѣханною дошодѣ мислю Іоанна. Онъ созвалъ Соборъ, и объявилъ, что почишаешъ неприличнымъ для Духовенства владѣніе деревнями, селами и недвижимыми имѣніями; что управление ими вводишь Духовенство въ заботы и заняшїя, несомѣспныя съ ихъ званіемъ; въ слѣдствіе сего, Іоаннъ предлагалъ опобранъ опъ монастырей, церквей и Владычныхъ домовъ всѣ имѣніа. Единогласно опвергли предложенїа его на Соборѣ, и написали ему посланіе, гдѣ доказывали Древнею и Русскою Исторіею, что не только благочестивые Цари и предки его, но даже богомерзкіе гонители и поганые Ханы не думали о томъ, что онъ теперъ помышляешъ, ибо опняшь у Церкви, все равно, что опняшь у Бога: «Церковное естъ Божіе, и никшо еще изъ Государей не дерзалъ и не дерзаешъ передвигать вещей недвижимыхъ.» Іоаннъ замолчалъ, и оставилъ свое предположеніе, хоши въ томъ-же году опнялъ всѣ церковныя имѣніа у Новгородскаго Владыки, и роздалъ ихъ въ помѣстье служивымъ людямъ (530). Опсправлясь на богомолье въ 1503 г., Іоаннъ созвалъ еще Соборъ, и опредѣлялъ спирогїа правила для

---

(530) Описаніе Собора хранипса въ Синод. библіошпкѣ (Исп. Г. Р. т. VI, прим. 622).

Священства. Тогда-же строго было запрещено всякое церковное мздоимство. Притѣръ неуомлимаго суда слѣдовалъ немедленно за постановленіемъ: знаменишій Геннадій, Архіепископъ Новгородскій, былъ уличенъ въ мздоимствѣ, сверженъ (въ 1504 г.), започенъ въ Москвѣ въ Чудовъ монастырь, и шамъ оспавался до самой своей кончины (531).

Такъ поступалъ Іоаннъ. Чему-же другому, кромѣ ослабленія духа, можно приписать дѣло Іоанново, когда онъ пріѣхалъ съ богомолья? Въ Декабрѣ 1503 г. собранъ былъ Соборъ въ Москвѣ: Іосифъ Волоколамскій, и другіе защитники православія, предспали на Соборъ съ прежними обвиненіями на Жидовскую ересь; дѣло, оспававшееся въ забвеніи принадацашь лѣтъ, возобновилося; ерешиковъ призвали, заспавили признашься, и съ согласія Іоанна осудили на мучишельную казнь. Напрасно каились они, говоря, что видяшь свое заблужденіе, виняшь въ немъ и опрекаюшь опъ него. «Только добровольное, а не по нуждѣ приносимое покаяніе пріемлешъ Церковь!» возражалъ Іосифъ Волоколамскій, и — ерешики погибли въ спрашныхъ мученіяхъ. Ихъ жгли въ клѣшкахъ, рѣзали имъ язьки. Многіе,

---

(531) Ист. Г. Р. т. VI прим. 624; *Вислѣовика*, Новикова, XIV, 206; Спр. Лѣт. II, 272.

спрашась казни, бѣжали въ Липву, въ Ливонію; иные скрылись подъ личиною благочестія, и корни ереси оспались, хопя Іоаннъ не пощадилъ даже вѣрныхъ слугъ своихъ. Дьяковъ Курцыхъ, и не разбиралъ шого, чпо многіе изъ ерешиковъ были ученые Архимандриты и Священники (532).

Здоровье Іоанна видимо ослабѣвало; но онъ не оспалялъ дѣлъ. Хладнокровно приняша была имъ вѣспь о кончинѣ невѣспки его Елены: гореспь убила ее въ Январѣ 1505 года; ее похоронили въ Вознесенскомъ монастырѣ, на ряду съ Великими Княгинями; несчастный Димитрій оспался въ заключеніи шѣсномъ (533). Іоаннъ хопѣлъ видѣшь наследника своего Василія женашымъ; не искалъ уже для него невѣспы между Княжнами Европейскихъ владѣшельныхъ домовъ, и опдавъ въ 1497 году племянницу свою, дочь Рязанскаго Князя, за Князя Θεодора Бѣльскаго, а родную дочь свою, Θεодосію, въ 1500-мъ году, за Князя Василя

(532) Выше, прим. 527; Спр. Лѣт. II, 272, и другія лѣпописи.

(533) «Преспавися Книг. Елена Волошанка, *объ клятвѣ*» (Стр. Лѣт. II, 273) — «нужною смершю, въ започеніи» (Тип. Лѣт. стр. 345).

Холмскаго, избралъ супругу Василию изъ среды подданныхъ. Въ Москву собрали до 1500 дѣвицъ знатнѣйшихъ домовъ. Женихъ смотрѣлъ ихъ, полюбилъ прекрасную дочь незнашнаго человека, Юрія Сабурова, Соломонію, и свадьба Василия была празднована 4-го Сентября 1505 года (534).

Пока Дворъ былъ занятъ симъ дѣломъ, которое казалось, и дѣйствительно было важно для каждаго царедворца, приближая избранный родъ подданнаго къ прону власнителей, получены извѣстія о злодѣйствѣ и возмущеніи

(534) Герберштейнъ, R. M. стр. 18. Впрочемъ, родъ *Сабуровыхъ* былъ древній. Въ самомъ началѣ царствованія Іоанна, *Михаилъ Ѳеодоровичъ Сабуровъ* былъ его Бояриномъ и Дворецкимъ. Сабуровы происходили отъ одного племени съ Годуновыми, отъ Мурзы Чепы, выѣхавшаго нѣкогда (будто-бы въ 1330 г.) изъ Орды. Названный по крещеніи *Захарією*, Чепъ имѣлъ сына *Александра*, внука *Димитрія Зерно*, правнука *Ивана*, у котораго были сыновья: *Ѳедоръ Сабуръ* и *Иванъ Годунъ*. Мы видѣли, что первая жена Бѣльскаго не поѣхала изъ Липвы, хотя ее и прѣбывали въ Москву. О свадьбѣ его, *Стр. Лѣт. II, 257*. Описаніе свадьбы Холмскаго и Ѳеодосіи (*древнѣйшее*, изъ дошедшихъ до насъ), см. въ *Вислювикѣ*, Новикова, т. XIII. Ѳеодосія скончалась черезъ годъ; супруга ея не спасли отъ гибели ни заслуги отца, ни его собственныя, ни знаменитое родство (см. далѣе, т. VI, прим. 52).

Мегмедъ-Аминя. Уже всѣ привыкли считать Казань *подругою Русскою волостью*. Мегмедъ-Аминь, соблазняемый любимой женою, убеждаемый Казанцами, выходившими изъ шерпѣннѣ опѣ своеволия Рускихъ, все еще боялся воспастъ явно. Но онъ не исполнялъ разныхъ требованій Иоанна, и присылалъ объясняющся въ Москву. Иоаннъ отправилъ къ нему Дьяка своего, Михайла Кляпика, напоминая ему объ участіи Абдуль-Лешифа. Тогда обнаружались неприятели и ненависть Казанцевъ. Въ концѣ Іюня съѣхалось въ Казань множество Рускихъ торговцевъ на славную тамошнюю ярмарку; Казанцы вдругъ возмутились; 24-го Іюня схватили, перерѣзали, ограбили Рускихъ, не щадили ни пола, ни возраста, продали плѣнныхъ въ Ногайскіе улусы. Ошкрьлось, что злодѣйство было издавно подготовлено. Мегмедъ-Аминь не медлилъ, хотѣлъ предупредить ищенье Русскаго Гоеударя, соединился съ Ногаями и бросился въ Русь. Его нигдѣ не ожидали; Казанцы свободно прошли до Нижняго Новгорода, означивъ путь свой губительнымъ раззореніемъ. Они зажгли даже посады Нижегородскіе и осадили тамошнюю крѣпость. Храбрый Воевода, Хабаръ Сямскій, не хотѣлъ сдаваться; вывелъ изъ заключенія присяга Липовскихъ плѣнниковъ, содержавшихся въ Нижнемъ, обѣщалъ имъ милость и награду, далъ

оружіе, и при дня защищался пропивъ многочисленной полки Татаръ. Изъ Москвы спѣшило на помощь къ нему сильное войско. Казанцы перессорились, подрались съ Ногайцами и поспѣшно ворошились во свояси. Воеводы Русскіе преслѣдовали ихъ за Муромъ, и остановились (535): совершилось важное событіе — *не стало Іоанна.*

«Лѣта 1505-го, осенью, Октября 27-го дня, съ понедѣльника на вторникъ, въ первомъ часу ночи, преспавился благовѣрный и христіолюбивый Князь Великій Иванъ Васильевичъ, Государь всея Руси. Былъ онъ на государствѣ, на Великому Княженіи, послѣ отца своего Великаго Князя Василія Васильевича, 43 года и 7-мь мѣсяцевъ, а всѣхъ лѣтъ живота его было 66-ть и 9-ть мѣсяцевъ. Тѣло его положили въ *новой* церкви Святаго Архангела Михаила, которую заложилъ онъ при своемъ животи, въ преимениомъ и славномъ градѣ Москвѣ, гдѣ и прародишели его лежатъ...»

Такъ на память попомству записалъ кончину Іоанна его современникъ, и не прибавилъ

(535) *Казанскій Лѣт.*; въ другихъ извѣстіе кратко. Только всѣ согласно порицають и бранятъ Магмешъ-Амина.

ни похвалы, ни осужденія, какъ будшо не смѣи говоришь о грозномъ власпишелѣ своемъ, даже и послѣ смерти его (536). Есть извѣстія, что при послѣднемъ издыханіи, Іоаннъ призывалъ изъ темницы юнаго Димишрїя, и сказалъ ему: «Милый внукъ! проси меня—я согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ шобою—будь свободенъ...» Димишрїй со слезами упалъ на колѣна подлѣ смершнаго одра дѣда. Іоаннъ умеръ. Едва Димишрїй вышелъ изъ комнашы—его снова опшвели въ шемницу (537).

---

(536) Спр. Лѣп. II, стр. 274. Въ *Арханг. Лѣт.*, стр. 178, прибавлено къ имени Іоанна: «*отъ него-же трепетаху поганыя страны.*»

(537) Гербершпеинъ, R. M. стр. 8.

Конецъ пятого тома.

О Г Л А В Л Е Н І Е

П Я Т А Г О Т О М А .

Исторія Русскаго народа. Книга V. *Отъ утвержденія Великаго Княжества за Княжествомъ Московскимъ, или отъ кончины Князя Іоанна Калиты, до образованія политической самобытности Русскаго государства, или кончины Великаго Князя Іоанна III-го (съ 1344-го до 1505 года).*

Глава I. Основная идея Русской Исторіи въ первой половинѣ Монгольскаго владычества: Москва, Единовластіе, Удѣлы, Новгородъ, Литва, Монголы. Великое Княжество оспашеся въ родѣ *Калиты*, и въ *Москвѣ*. Симеонъ, достойный преемникъ умнаго родителя. Полюшка его съ Ордою, Литвою и Новгородомъ. *Черная Смерть* опустошаетъ Русь. *Алексій Митрополитъ*, великій Священникъ и государственный человекъ. Русь пользуется бѣдствіями

Орды и укрѣпляешь свою самобытность. *Озгердъ*, *Князь Литовскій*, опасный сосѣдъ Русь. Недоумѣніе въ дѣлахъ послѣ смерти Симеона, и крапковременный переходъ Велюккняжества въ Суздальскую область.

- Великая будущность Россіи. *Монгольскій періодъ* — важная задача для вывода о будущей судьбѣ Россіи..... 9
- Истинное значеніе сего періода. Тождество его съ эпохою *Крестовыхъ походовъ*. Тайная судьба, въ немъ заключенная..... 10
- Обозрѣніе *первой половины* Монгольскаго періода. Измѣненія событій въ началѣ сей половины; событія въ концѣ — сходство и различіе. Мысль соединенія всѣхъ областей Русскихъ. Противоборство часпей. Монголы и Липовцы..... 13
- Приложеніе подробностей къ симъ главнымъ идеямъ. *Русь на Сѣверѣ*. Средства самобытности и укрѣпленія оной. *Великое Княжество* и *Новгородъ*..... 18
- Русь послѣ Калиты*. Запруженія въ помѣ, чшобы Великое Княжество оспалось за Москвою. Русскіе Князья въ Ордѣ: *Конспанпинъ Суздальскій*, *Конспанпинъ Тверской*, *Симеонъ Московскій*: Ханъ Узбекъ рѣшаетъ въ его пользу..... 24
- Симеонъ Иоанновичъ Гордый*, *Великій Князь*. Братья его *Іоаннъ* и *Андрей*; договоръ съ

Сшран.

ними. Твердоспъ Симеона въ спорѣ съ Новгородомъ.....	27
Происшествія въ Ордѣ : смерпъ Узбека ; злодѣйства Чанибега. Симеонъ въ милоспи у сего Хана.....	30
Свадьба Симеона. Несогласія въ Твери. Полипика Симеона съ Новгородомъ и Липвою.....	31
Событія въ Псковѣ — Эспляндія и Гедиминъ. Бунпъ Эспонцевъ; Дапскій Король продаепъ Эспонію Ливонскимъ Рыцарямъ.....	34
Олгердъ единовластипель въ Липвѣ. Ссора его съ Новгородомъ. Походъ Магнуса Шведскаго на Новгородъ. Олгердъ въ великомъ запрудненіи; онъ дружился съ Симеономъ. Взаимное уваженіе сихъ Князей.....	39
<i>Черная Смерть.</i> Кончина Симеона; духовная его. Смерпъ Андрея. Рожденіе Владиміра Андреевича.....	50
Русскіе Князья въ Ордѣ. Преимущесства Конспанпина Суздальскаго; но Ханъ избираепъ <i>Иоакна Московскаго</i>	58
<i>Иоаннъ Иоанновичъ Кроткій, Великій Князь.</i> Слабоспъ его характера. Москва ослабляепъ власпъ свою надъ другими.....	59
<i>Алексій Митрополитъ</i> — великій Свяпипель и душа совѣповъ Князя Московскаго; его подвиги. Опцеубійца Бердибегъ. Митрополитъ Алексій въ Ордѣ; поржеспво его. Кончина Иоанна.....	61

- Погубленія Хановъ и спрашныя смяшенія въ Ор-
дѣ. Раздѣленія Орды: *Азовъ, Нарцатъ,*
Казань, Астрахань, Яикъ. Русскіе Князья
въ Орды. Ханъ Наврузъ избираетъ Дими-
трія Суздальскаго..... 65
- Димитрій Константиновичъ Суздальскій, Ве-*
ликій Князь. Митрополитъ оспаеся въ
Москвѣ..... 69
- Новыя смяшенія въ Орды. Мамай самовластипишель.
Ханъ Амурапъ въ Сараѣ. Юный сынъ Иоан-
на, *Димитрій Московскій,* споритъ съ
Димитріемъ Конспанпиновичемъ о Великомъ
Княжеспвѣ; Амурапъ избираетъ его..... 70
- Димитрій Иоанновичъ (Донской) Великій Князь.*
Усмиреніе Суздальскаго Князя. Часпныя со-
бышнія въ разныхъ обласпяхъ Руси..... 71

Г л а в а II. Послѣдній переходъ Великаго
Княженія въ *Москву,* и въ родъ Кали-
шы. *Димитрій Иоанновичъ, Великій*
Князь Московскій. Онъ смѣло власшву-
етъ Русскими Князьями. Алексій Ми-
трополитъ правишель Великаго Кня-
жества. Вражда съ Тверью, и при
похода Липовцевъ къ Москвѣ. Твер-
доспъ Москвы при сихъ обспояшель-
спвахъ; они укрѣпляютъ ее. Начало
открышой борьбы съ Монголами. Ос-
корбленіе Орды поступками Руси. Ма-
май, усмирившій на время Орды Мон-

Страж.

головъ, хочешъ еломишь Русь однимъ ужаснымъ ударомъ. Рѣшишельныя мѣры Руси. Кончина Алексія Мишрополипа. *Куликовская битва*. Торжештво и слава Димипрія.

- Народная* память о Димипрія Донскомъ. *Историческій* характеръ его..... 74
- Полишика Москвы съ Мамаемъ, и Ордою вообще. Князь Суздальскій успуиааетъ Великокняжештво. Помощь Москвы сему Князю. Дочь его за Донскимъ. Покореніе Галича, Стародуба, Ростова. Опношенія къ Новгороду, Рязани и Твери..... 75
- Морь въ Руси. Кончина разныхъ Князей. Всесвяпскій пожаръ въ Москвѣ. Союзъ Владиміра и Димипрія. Каменный *Кремль* Московскій.. 79
- Москва вмѣшиваепся въ распри Тверскихъ Князей. *Михаилъ Тверской*; помощь Липвы. Начало десятипильпней вражды..... 81
- Дѣла Олгерда Липовскаго. Нашештвіе его на Москву. Троспенская битва и осада Москвы... 84
- Новая война съ Тверью. Неуваженіе воли Ордынской. Доблешть Михаила Тверскаго. Впорое нашештвіе Олгерда; миръ и родство съ нимъ..... 87
- Опасное положеніе Москвы. Димипрій въ Ордѣ. Спѣшеніе Рязани. Еще война съ Тверью; Липовцы помогаюптъ Твери. Гибель Торжка. Трешіе нашештвіе Олгерда. Димипрій гошовъ къ опшору. Миръ..... 89

- Негодование Орды. Последняя ссора съ Тверью и опасность Москвы. Сильное нападеніе на Тверь. Окончательный миръ съ Тверью..... 97
- Смѣлость Москвы пропивъ Орды и Липвы. Нашествіе Монголовъ на Нижній Новгородъ и Рязань. Гибель Рускихъ за Пьяною. Смерть Олгерда. Ягелло и Кейспушь; смяшенія въ Липвѣ..... 101
- Монголы идушь на Москву. Разбитіе Бѣгича на Вождь. Кончина Алексія Мишпрополипа; характеръ и историческое значеніе сего Свяшителя..... 107
- Слухи о сборѣ Мамаю на Русь. Рѣшительность Димитрія; малодушіе другихъ Князей; измена Рязани; союзъ Липвы съ Монголами. Походъ Мамаю. Димитрій идешь на побѣду или смерть. Подробности битвы и побѣды за Дономъ, близъ Непрядвы, на Куликовскомъ полѣ. Димитрій *Донской* и Владимиръ *Храбрый*. Смирненіе Олега Рязанскаго. 111
- Глава III.** Характеръ Димитрія. Противоположность событій до 1378 года и опъ сего времени до кончины Димитрія. Куликовская битва не ведетъ за собою ожидаемыхъ послѣдствій; причины сего. Нашествіе Тохшамыша; ужасъ Руси; рабство Монголамъ продолжается, съ прежними его бѣдствіями и униженіемъ. Но Димитрій полагаешъ основаніе силъ Москвы, уни-

чпоженію удѣльныхъ Князей, защитѣ
ошъ Липвы, покоренію Новгорода и
наслѣдственному единовластію. Оп-
ношенія Москвы къ Ордѣ, послѣ на-
шествія Тохшамыша; дѣла съ Новго-
родомъ. Кончина Димитрія. Липва
соединена съ Польшею: Смятенія въ
Русской Церкви. Опношенія Смолен-
ска къ Липвѣ. Новгородъ. Частныя
событія.

- Изъясненіе пропивоположности въ дѣлахъ Дими-
трія: *Алексій Митрополитъ*. Событія
Церковныя: честолобіе Михаила Миспя;
онъ хочеть бысть преемникомъ Алексія;
споры съ нимъ Діонисія Суздальскаго. Са-
мовольное поставленіе въ Митрополипы Пи-
мена. Гнѣвъ Димитрія. Кипріанъ, Митропо-
липы на Воляни; его призывають въ Мо-
скву..... 133
- Тохшамышъ, при помощи Тимура Чагапайскаго,
властвуесть въ Ордѣ. Гибель Мамаю. Сила
Тохшамыша. Непокореніе ему Димитрія.
Тохшамышъ идесть на Москву; робость и
измѣна Князей Русскихъ. Димитрій бѣжитъ.
Безпорядки въ Москвѣ и гибель ея..... 139
- Изгнаніе Кипріана; призваніе Пимена. Тверь кра-
мольствуесть. Сынъ Димитрія унижается
въ Ордѣ. Буйство Рязани и миръ съ Мо-
сквою..... 146
- Томъ V.* 43

- Вольница Новгородская на Волгѣ. Гнѣвъ Димитрія на Новгородъ; походъ его; усмиреніе Новгорода. Димитрій оживаесть духомъ; новая смѣлость его пропивъ Орды..... 149
- Владиміръ Андреевичъ уступаетъ сыну Димитрія право *первородства*. Кончина Димитрія. Политическій характеръ Димитріева княженія..... 154
- Событія въ Литвѣ*. Ягелло принимаетъ Капюлицескую вѣру, женился на Гедвигѣ и соединяетъ Литву съ Польшею. Крещеніе Литвы..... 161
- Событія Церковныя*. Діонисій Митрополитъ. Его задерживаютъ въ Кіевѣ. Раздоры Пимена и Кипріана. Смерть Пимена. Кипріанъ въ Москвѣ..... 167
- Скиригелло, правитель Литвы; бѣдствіе Андрея Полоцкаго; гибель Смоленскаго Князя; Смоленскъ зависить отъ Литвы..... 171
- Литовскіе Князья въ Новгородѣ. Крещеніе Перми. Разныя частныя событія..... 174
- Глава IV.** Василий, сынъ Димитрія, покоряетъ Монголамъ, усиливаетъ Великое Княжесство Суздалемъ. Удачныя обстоятельство и благоразумная, хитрая политика дѣлаютъ Василия Димитріевича замѣчательнымъ укрепителемъ Руси. *Орда и Литва — Тимуръ и Витовтъ*, два губительные че-

Справа.

ловка, ошъ кошорыхъ спасаешъ Русь Провидѣніе. Послѣднія усилія Орды сдѣлашья грозною владычицею Руси. *Эдигей*.—Церковныя и внутреннія дѣла. Отношенія Василія къ Русскимъ Князьямъ, Новгороду и Пскову. Василій ушверждаетъ Великокняжество въ своемъ попомшвѣ.

- Василій Димитріевичъ* (юный сынъ Донскаго) *Великій Князь*. Договоры съ дядею Владиміромъ. Совѣпники Василія. Василій покорспвуешъ Ордѣ. Онъ женился на дочери Вишовпа, Князя Липовскаго..... 181
- Важная политическая мѣра: по волѣ Орды, Василій присовокупляетъ Суздаль и Нижній Новгородъ въ Великому Княжеству. Изгнаніе и гибель Суздальскихъ Князей..... 184
- Припѣсненіе Новгорода. Война и миръ..... 189
- Перемѣны въ Липвѣ. Самовластіе Вишовпа; усиленіе сего Князя..... 191
- Тимуръ*, или *Талерланъ*, власпипель Чагапайскій. Его испорія; помощь Тохпамышу; раздоръ съ Тохпамышемъ; Тимуръ идешъ наказашъ Тохпамыша; другой походъ его на Волгу. Тимуръ идешъ на Русь; ужась Руси; швердосшъ Василія; перенесеніе въ Москву Владимірской Иконы. Тимуръ идешъ обратпо изъ Руси; причины сего. Коцеъ испоріи Тимура. Мнѣніе Рускихъ о немъ... 193

- Виповпъ беретъ Смоленскъ. Хипрое дружество съ нимъ Василія. Они соединенно враждуютъ на Новгородъ. Примиреніе Василія съ Новгородомъ. Замыслы Виповпа.....** 215
- Событія въ Ордѣ. Тохпамышъ опдыхаетъ послѣ Тимура. Эдигей Ногайскій защищаетъ Орду отъ Тохпамыша. Тохпамышъ въ Липвѣ. Виповпъ вступается за него. Битва на Ворсклѣ; разбиеніе Виповпа.....** 221
- Возстаніе пропивъ Виповпа. Смоленскъ снова опнятъ у него. Рязань и Смоленскъ идутъ пропивъ него. Смерть Олега Рязанскаго. Рязань покорна Москвѣ. Виповпъ рѣшительно присоединяетъ Смоленскъ къ Липвѣ. Гибель Смоленскаго Князя.....** 226
- Кончина Михаила Тверскаго. Междоусобія въ Твери.....** 231
- Новыя приптѣсенія Новгорода. Ненависть Москвичей пропивъ Новгородцевъ. Хипроспте Виповпа.....** 234
- Война Василія съ Липвою за Псковъ. Взаимная осторожность. Свидригелло въ Москвѣ; миръ.....** 236
- Коварство Эдигея. Нечаянный набѣгъ его на Москву; удаленія Василія; Монголы опустошаютъ Москву. Письмо Эдигея къ Василію. Событія въ Ордѣ до набѣга и послѣ набѣга Эдигеева. Вражда дѣшей Тохпамыша съ другими Ханами. Перемѣны Хановъ; спѣсеніе Эдигея Липвою и родичами.....** 238

Справа .

Русь снова данница Ордѣ. Набѣги Монголовъ.....	247
Старость Виповпа. Избраніе Мипрополипа въ Липвѣ; споры Московскаго Мипрополипа по сему случаю.....	249
Забопливость Василя объ оставленіи Великокня- жества своему сыну. <i>Юрій Димитріевичъ</i> (впорой сынъ Донскаго) не соглашается. Дѣло оспается нерѣшенымъ; двѣ духовныя Василя.....	255
Сношенія съ Греціею. Кончина Евдокіи, супруги Донскаго, Св. Игумена Сергія, Владиміра Храбраго.....	271(*)
Кончина Василя. Взглядъ на его княженіе.....	275
Послѣдній періодъ самобытности <i>Новгорода</i> . Часпныя событія въ Новгородѣ и Псковѣ; опношенія сихъ вольныхъ городовъ къ Мо- сковѣ и Липвѣ.....	277
Бѣдспвія и разныя событія въ Русскихъ обла- стяхъ при Василя Димитріевичѣ.....	279
Глава V. <i>Василій Васильевичъ</i>—суровый, скрыпный и хипрый властитель. Двадцати-семи-лѣтняя борьба его съ	

(*) Здѣсь въ исчисленіи страницъ сдѣлана ошибка : съ на-
чала 47-го листа , вмѣсто 257-й, пославлено : 267, и такъ
перенумерованъ весь листъ. Иавняемся передъ читателями,
почишая необходимымъ замѣнить сію ошибку.

дядею Юріемъ и дѣпьми Юріа за обладаніе Великимъ Княжествомъ; жестокость сей борьбы—ослѣпленіе Василія Юрьевича; ослѣпленіе Василія Васильевича; отправленіе Димитрія Юрьевича Шемяки. — Кончина Виповша; безопасность Руси отъ Липвы. — Орда дѣлится на *Казань* и *Крымъ*; оспашки *Золотой Орды* на Волгѣ.—Бѣдствія Василія оканчивающіяся въ его пользу.

- Василій Васильевичъ Великій Князь.* Начало вражды за обладаніе Великокняжествомъ. Споръ дяди Васильева, Юріа Димитріевича; онъ пребуеетъ Ханскаго суда..... 285
- Моръ въ Москвѣ, Твери и другихъ мѣстахъ Руси. Смерть Тверскихъ и Московскихъ Князей..... 288
- Полипика Москвы съ Юріемъ и Липвою. Виповшъ утѣсняетъ Псковъ и Новгородъ. Честолюбивыя предпріятія Виповша. Мысль его объ отдѣльной самобытности Липвы и *Литовскою Королевствѣ*. Съездъ Князей въ Липвѣ. Кончина Виповша..... 289
- Судъ въ Ордѣ между Юріемъ и Васиіемъ. Хипрости Боярина Іоанна. Осужденіе Юріа. Оскорбленіе Боярина Іоанна въ Москвѣ; онъ переедется Юрію..... 296

Страж.

- Безпечность Василя и его совѣтниковъ. Свадьба Василя со внукою Владиміра Храбраго. Оскорбленіе дѣтей Юрія, *Василя Косаго* и *Димитрія Шемяки*, на свадьбѣ Великаго Князя. Они хопяпть мщенія. Юрій занимаепть Москву и берепть въ плѣнъ Василя..... 301
- Юрій Димитріевичъ, Великій Князь*. Характеръ его и политическія ошибки; Бояринъ Морозовъ, любимецъ Юрія. Василій въ Коломнѣ. Юрій опгчуждаепть опть себя всѣхъ. Дѣпи его, Косой и Шемяка, умерщвляюпть Морозова и бѣгупть изъ Москвы. Юрій добровольно успунаепть Великое Княжѣство племяннику..... 309
- Василій* снова *Великій Князь*. Онъ преслѣдуепть Косаго и Шемяку и припѣснаепть Юрія. Оскорбленный Юрій соединяепся съ дѣпьми, разбиваепть Василя и занимаепть Москву..... 313
- Юрій* еще разъ *Великій Князь*. Василій бѣгспвуепть. Смерть Юрія. Великодушіе Шемяки : онъ признаепть Василя Великимъ Княземъ. Косой пропивипся. Василій и *Шемяка* соединенно изгоняюпть его изъ Москвы..... 317
- Василій* опяпть *Великимъ Княземъ*. Развитие испиннаго характера его. Вражда съ Косымъ. Вѣроломный поступокъ съ Шемякою. Заключение Шемяки. Бипва съ Косымъ. Ослѣпленіе и погибель Косаго. Шемяка освобожденъ. Новые договоры съ нимъ..... 320

- Междоусобіа въ Ордѣ. Изгнаніе Хана Улу-Махметъ;
онъ занимаетъ Бѣлевъ; Шемяка предводи-
тельствуетъ войскомъ, посланнымъ на Бѣ-
левъ; неудача сего похода. Улу-Махметъ
основываетъ сильное *Казанское* царство
Монголовъ. Участіе Золотой Орды. Смерть
Эдигея. Седи-Ахметъ въ Сараѣ. *Крымская*
Орда подъ властію Гиреевъ. Вражда Крыма
и Сарая. Набѣги Казанцевъ..... 328
- Приспѣшеніе Шемяки Василиемъ. Смерть млад-
шаго брата Шемяки, Димитрія Краснаго.
Вражда Василия съ Шемякою..... 336
- Смерть Митрополипа Фопія. Избраніе Іоны. Гре-
ки присылаютъ въ Москву Митрополи-
па Исидора. Причины сего. Несчастное со-
спояніе Греціи; мысль: купить помощь За-
пада покорностію Папѣ. *Флорентійскій Со-
боръ*. Исидоръ на Соборѣ; возвращеніе его въ
Русь. Изгнаніе Исидора. Іона правитъ Мит-
рополию Русскою..... 341
- Набѣгъ Ордынцевъ. Набѣгъ Казанцевъ. *Битва-
подъ Суздалемъ*; плѣнъ Великаго Князя;
предложеніе Великаго Княжества Шемякѣ;
нерѣшительность его и позднее согла-
сіе..... 355
- Василій оппущенъ изъ плѣна. Запруднительное
положеніе Шемяки. Измѣна и заговоръ въ
Москвѣ. Участіе Князя Можайскаго и Ше-
мяки. Они захватываютъ Москву и ослѣп-
ляютъ Василия..... 364

Стран.

- Дмитрій Юрьевичъ (Шемяка) Великій Князь.*
 Князь Боровскій бѣжитъ въ Липву. Неосторожныя дѣйствія Шемяки. Онъ возвращаетъ свободу Василию..... 368
- Замыслы Василія и его сообщниковъ. Союзъ съ Тверью; приходъ Русскихъ бѣглецовъ изъ Липвы. — Убіеніе Улу-Махмета; Мамупекъ наследуетъ ему; *Касимъ* и *Якупъ*, дѣпи Улу-Махмета, служатъ Василию. Шемяка не умѣетъ предупредить умысловъ Василія. Взятіе Москвы. Бѣгство Шемяки..... 375
- Василій*, въ четвертый разъ, *Великій Князь*. Шемяка проситъ у него пощады; Можайскій опступается отъ Шемяки. *Василій* изъясляетъ всѣмъ миръ и дружбу, но безжалостно гонитъ одного Шемяку; обвиненія на Шемяку; Посланіе Духовенства къ Шемякѣ..... 379
- Новая война съ Шемякою, *Галицкая битва*—последнее важное сраженіе за *Удѣльную систему Руси*..... 390
- Шемяка въ Новгородѣ и Устюгѣ. Усиленное на него гоненіе. *Василій* самовластно распоряжается Удѣлами.—Начало *Касимова*, подареннаго *Василіемъ* дѣпямъ Улу-Махмета, своимъ союзникамъ..... 393
- Нашествіе Монголовъ *Казанскихъ* и *Ордынскихъ*. *Смерть Шемяки*..... 397
- Глава VI. Остальные годы княженія *Василіева*. Быстрое паденіе *Удѣльной*

сиспемы. Окончаніе послѣдняго періода самобышности Новгорода. Послѣдніе оспашки Удѣловъ.—Новые удѣлы дѣшей Василія. Кончина его. Отношенія къ Греціи, Литвѣ и Ордѣ. Частныя происшествія.

- Взглядъ на дѣла Василія до кончины Шемяки. Отношенія къ Ордѣ.—Исторія Литвы послѣ смерти Вишовпа: его преемники; Казиміръ соединяетъ Литву съ Польшею..... 405
- Отношенія Русскаго Духовенства къ Литвѣ; слѣдствія Флорентійскаго Собора; раздѣленіе Митрополій *Кіевской* и *Московской*. Взятіе Турками Царяграда..... 411
- Событія Новгородскія и Псковскія..... 420
- Іоаннъ*, сынъ Василія, *соправитель* отца. Изгнаніе Князя Можайскаго; уступки Князя Боровскаго; припѣсненія Новгорода; покорность Пскова; заключеніе Князя Боровскаго; походъ на Вятку. Изъ всѣхъ удѣловъ оспашюся только *Тверь*, *Рязань* и *Верея*; Князь Можайскій и дѣти Шемяки и Боровскаго въ Литвѣ..... 425
- Посѣщеніе Василіемъ Новгорода; ужась Новгорода и Пскова. Жестокость Василія противъ сообщниковъ Князя Боровскаго. Тщепные замыслы Русскихъ бѣглецовъ въ Литвѣ. 433
- Болезнь Василія; распоряженія его и удѣлы дѣтямъ. Смерть Василія..... 436

Страж.

Частныя событія : *Соловецкій монастырь* ; набожность Рускихъ; естественныя бѣдствія, чудеса и знаменія..... 440

ГЛАВА VII. Иоаннъ Васильевичъ , Великій Князь. Тихое, мирное начало его владычества. Обширные, вѣрные замыслы Иоанна. Быстрое развитіе пайныхъ его помышленій. *Дѣла двѣнадцати лѣтъ*: униженіе Казани; дружба съ Крымомъ; хищная полищика съ Золошою Ордою и съ Лишвою ; уничтоженіе Новгородской вольности. Супружество съ Софіею Ѡминичною и родство съ потомствомъ Греческихъ Императоровъ. Паденіе Новгорода ; паденіе Золошой Орды ; Крымъ пославленъ врагомъ Лишвы; уничтоженіе удѣловъ у двухъ братьевъ Иоанна; покушеніе на оспальные. Иоаннъ презираешъ мнѣніемъ людей, непонимающихъ мудрыхъ его дѣланій.

Иоаннъ, сынъ Василія, безпрепятственно принимаетъ имя и власть *Великаго Князя*. Мирное начало его владѣнія. Договоры съ Тверью, Вереєю. Милость къ Рязани..... 446

Характеръ , жизнь и дѣла Иоанна—*великаго*, паке всѣхъ его предшественниковъ и преемниковъ до Петра..... 448

- Царь Касимовскій даетъ Іоанну поводъ къ нападенію на Казань. Неудачный походъ. Мщеніе Казанцевъ; дѣйствія Іоанна. Вспорой походъ на Казань и безпорядокъ воинскихъ распоряженій. Третій походъ и усмиреніе Казани..... 450
- Судьба Новгорода. Польша и Липва; Казиміръ Король. Льготы Іоанна Новгороду; участъ Пскова. Крамола и замыслы Борецкихъ въ Новгородѣ. Новгородъ во враждѣ съ Іоанномъ и передается Казиміру. Ошибка Новгородцевъ..... 455
- Іоаннъ идетъ на Новгородъ войною. Бѣдспвенныя слѣдствія сей войны для Новгородцевъ; *Шелонская битва*; спрососъ Іоанна; онъ уничижаетъ Новгородъ..... 465
- Золотая Орда*; набѣги Монголовъ; неуспѣшное нашествіе Седи-Ахмета..... 475
- Сношенія съ Ипаліею и съ Грецію, послѣ взятія Царяграда. Судьба семейства Греческихъ Императоровъ. Послѣдніе Палеологи въ Ипаліи. Кончина первой супруги Іоанна. Папа предлагаетъ Іоанну руку Софіи Палеологъ; причины сего; свадьба Іоанна съ Софіею... 477
- Полиплика съ Липвою. *Менгли-Гирей*, Ханъ *Крымскій*; сношенія съ нимъ; Турки берутъ Крымъ; дружба Іоанна съ Менгли-Гиреємъ; хипросни съ Золотою Ордою; сношенія съ Ногаями..... 486

- Иоаннъ явно презираетъ власть Золотой Орды.
 Ханъ ея, Ахметъ, идетъ на Русь, въ союзъ съ Польшею. Крымъ оплевкаетъ Польшу. Твердость и предусмѣрительность мѣръ Иоанна. Ревность Духовенства и народа. Иоаннова мудрость непонятна современникамъ. Ахметъ побѣжденъ безъ битвы. *Паденіе Золотой Орды*; окончаніе ея Исторіи..... 493
- Иоаннъ самовластвуетъ въ Новгородѣ. Онъ рѣшаетъ судьбу Новгорода. *Уничтоженіе вольности Новгородской*; окончаніе опдѣльной исторіи Новгорода..... 504
- Псковъ сохраняетъ свои древніе уставы, покорствуя Иоанну..... 523
- Иоаннъ беретъ удѣлъ послѣ умершаго брата своего Юрія. Ссора его съ двумя другими братьями и примиреніе ихъ. Кончина младшаго брата Андрея; Иоаннъ беретъ и его удѣлъ. . 526
- Дѣти Иоанна отъ Софіи; Василій второй сынъ его..... 531
- Глава VIII.** Торжество Иоанновой политической системы. Уничтоженіе удѣльной власти Тверскихъ, Ярославскихъ, Ростовскихъ Князей, и братьевъ Иоанна. Иоаннъ властвуетъ надъ Казанью. Сношенія съ Европою и Азією. Художества и знанія въ Россіи. Дворское устройство. Внутреннія учрежденія. Свадьба старшаго сына

на Іоаннова. Война съ Швецією; ссо-
ры съ Ливонією. Сношенія съ Крымомъ;
отношенія къ Липовѣ; Свадьба Липов-
скаго власишеля съ Еленою, дочерью
Іоанна.

- Іоаннъ собираетъ всѣ средства для борьбы съ
Польшою и Липвою. Дѣйствія Крыма. Бѣг-
лецы Липовскіе. Начало войны..... 532
- Новые союзники Іоанна: Спешанъ, Господарь Мол-
давскій; дочь его за сыномъ Іоанна. Мап-
еій, Король Венгерскій..... 535
- Другія политическія сношенія Іоанна: съ Венеці-
єю и Испалію, Императоромъ, Данією. Іо-
аннъ припѣсьняетъ Ганзейскую торговлю
и воюетъ съ Швецією..... 538
- Сношенія съ Султаномъ Турецкимъ, Бухарією,
Грузією, Шамахою..... 556
- Цѣль Іоанна при всѣхъ сихъ сношеніяхъ: онъ
привлекаетъ художниковъ въ Россію. Спрое-
нія, монета, липье пушекъ, добываніе метал-
ловъ..... 562
- Лучшее устройство военныхъ силъ; гражданскія
учрежденія Іоанна..... 572
- Іоаннъ уничтожаетъ независимосль Твери и Ве-
реи. Участъ братьевъ Іоанна, Князей Яро-
славскихъ, Ростовскихъ, Рязанскихъ..... 579
- Дѣла съ Казанью. Взятіе Казани. Царь Казанскій
въ плѣну. Мегметъ-Аминъ, пасынокъ Мен-
гли-Гирея, Царемъ въ Казани. Іоаннъ власиш-

Сжраж.

вуеть надъ Казанью. Покореніе Вятки и об-
ластей Казанскихъ..... 589

Іоаннъ рѣшается на войну съ Польшею. Смерть
Казимира. Дѣши его: *Іоаннъ Албертъ*, Ко-
роль Польскій; *Александръ*, Великій Князь
Липовскій. Укрѣпленіе союза Руси съ Кры-
момъ и Молдавіею. Начало войны; успѣхи
Рускихъ; дѣйствія Іоанна..... 591

Неожиданная перемѣна: Александръ предлагаешъ
Іоанну родспвенную связь и дружбу. Миръ и
договоръ съ Александромъ. Свадьба Елены,
дочери Іоанновой, съ Александромъ..... 597

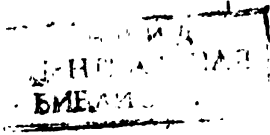
Запруднипельное опноиеніе Іоанна къ Крыму и
Молдавіи. Упреки Менгли-Гирея; Іоаннъ убѣ-
ждаетъ его согласиться на миръ съ Лип-
вою. — Смѣна Мегметъ-Аминя; Абдуль-Ле-
пифъ, братъ его, другой пасынокъ Менгли-
Гирея, Царемъ въ Казани. Іоаннъ успѣваетъ
поддержатъ дружбу съ Крымомъ..... 602

Глава IX. Семейственныя несогласія и
бѣдствія государственныя, омрачаю-
ющія старость Іоанна. Димитрій, внукъ
его, объявленъ наслѣдникомъ престола.
Война съ Липвою. Война съ Ливоніею.
Іоаннъ возвращаетъ права наслѣд-
ства сыну своему Василю. Дѣла цер-
ковныя. Возшаніе Казани. Дряхлость
и кончина Іоанна.

- Чувство страха и не-любовь подданныхъ къ Иоанну. Дополнительныя черпы къ изображенію его характера. Семейственныя несогласія супруги его съ невѣспкою, супругою старшаго сына Иоанна; кончина старшаго сына его. 611
- Измѣненіе Иоаннова характера въ старости. Слѣдствія сего въ дѣлахъ..... 614
- Ошибка его, при заключеніи супружества Елены съ Александромъ : родство сіе не послужило къ миру и благоденствію. Причины новой неприязни; хипрость и неискренность Иоанна..... 615
- Вражда между супругою и невѣспкою Иоанна усиливается. Заговоръ Софіи и Василія ; гнѣвъ Иоанна ; Василій лишенъ наслѣдства. Внукъ Димитрій вѣнчаепся опть дѣда на престолѣ Великокняжескій..... 622
- Внезапное измѣненіе распоряженій Иоанна. Гибель сообщниковъ Елены; Василій прощенъ..... 526
- Усиленіе неприязни съ Липвою. Александра обвиняють въ гоненіи Православія. Несправедливость сего обвиненія. Событія въ Липовской Церкви. Начало войны пропивъ Александра, въ союзѣ съ Крымомъ и Молдавіею.. 628
- Раззореніе Липовскихъ областей. Измѣнники Липовскіе. *Битва при Ведрошѣ*. Предложенія мира. Александръ Король Польскій. *Битва при Мстиславѣ*. 635

- Золотая Орда отвлекаетъ Менгли-Гирея. Союзъ Ливоніи съ Александромъ. Побѣды Магистра Шлешенберга надъ Рускими..... 640
- Іоаннъ гнѣваеця на невѣспку и внука; онъ лишаеця Димипрія наслѣдства и заключаетъ его и мать въ пемницу. Василій снова наслѣдникъ престола. Стефанъ Молдавскій оскорбляеця поступкомъ Іоанна; безсиліе его..... 641
- Іоаннъ самовластно смѣняетъ въ Казани Абдуль-Дешифа, и снова возводитъ Мегметъ-Аминя. Неудовольствіе Менгли-Гирея; Іоаннъ успокоиваетъ его..... 642
- Продолженіе войны съ Польшею и Ливоніею. Рускіе опустошаютъ земли Рыцарей. Шлешенбергъ снова вступаетъ въ Псковскую область. Нерѣшимельная битва Смоленская.. 644
- Молдавія и Крымъ воюютъ Липву. Опустошеніе Липвы Рускими. Осада Смоленска. Александръ покупаетъ перемиріе униженіемъ. Іоаннъ удерживаетъ всѣ завоеванныя имъ обширныя области. Перемиріе съ Ливонскими Рыцарями. Дальнѣйшіе виды Іоанна на Липву. Продолженіе непріязни..... 646
- Кончина Софіи. Болѣзнь Іоанна. Онъ предвидитъ свою кончину. Его *духовная*: удѣлы сыновьямъ; объемъ державы Іоанновой..... 651
- Изъясненіе послѣднихъ дѣлъ Іоанна ослабленіемъ плѣсныхъ силъ его. Доказательства сего

въ Церковныхъ дѣлахъ. Обзорѣніе поступковъ Іоанна въ отношеніи Духовенства: зависимость Митрополиповъ; дѣло о Жидовской ереси; избраніе Митрополипа Симона; Соборъ въ седьмую тысячу лѣтъ опъ сотворенія міра; Соборъ о церковныхъ имѣніяхъ; Соборъ о священникахъ и церковномъ мздоимствѣ.....	654
Еще Соборъ на Жидовскую ересь; страшная казнь ерепиковъ.....	661
Іоаннъ постепенно слабѣетъ здоровьемъ. Кончина невѣстки его Елены. Свадьба Василя. Возстаніе Мегметъ-Аминя; набѣгъ его на Русь.....	662
<i>Кончина Іоанна</i>	665

Stanford University Libraries

3 6105 004 725 011

DK
40
PA
V.3

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

F/S

JUN 30 1994

